

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

Северо-Кавказского
федерального
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2014 № 3(42)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Парахина В. Н. – доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); Сумской Д. А. – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); Евдокимов И. А. – д-р техн. наук, профессор, проректор по научной работе СКФУ (зам. председателя); Шипулин В. И. – д-р техн. наук, профессор, проректор по учебной работе СКФУ; Ерохин А. М. – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; Лиховид А. А. – д-р геогр. наук, профессор; Чипига А. Ф. – канд. техн. наук, профессор, Парахина В. Н. – д-р экон. наук, профессор; Гридин В. А. – д-р геол.-минерал. наук, профессор; Брацких А. А. – д-р техн. наук, доцент, профессор; Ушвицкий Л. И. – д-р экон. наук, профессор; Кононов Ю. Г. – д-р техн. наук, профессор; Смирнов Д. А. – д-р юрид. наук, профессор; Шаповалов В. К. – д-р пед. наук, профессор; Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия

Парахина В. Н. – д-р экон. наук, профессор (председатель); Аксенов А. В. – д-р хим. наук, профессор; Басов Е. Д. – д-р техн. наук, профессор; Белозеров В. С. – д-р геогр. наук, профессор; Брацких А. А. – д-р техн. наук, доцент, профессор; Валюхов Д. П. – д-р хим. наук, профессор; Гялай Б. Ф. – д-р геол.-мин. наук, профессор; Гапич А. Э. – канд. соц. наук, доцент; Горлов С. М. – д-р экон. наук, профессор; Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор; Гридин В. А. – д-р геол.-минерал. наук, профессор; Ерохин А. М. – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; Ерин К. В. – д-р физ.-мат. наук, доцент; Калмыков И. А. – д-р техн. наук, профессор; Кионов Ю. Г. – д-р техн. наук, профессор; Копченков В. Г. – д-р техн. наук, профессор; Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор; Куницына Н. Н. – д-р экон. наук, профессор; Лиховид А. А. – д-р геогр. наук, профессор; Лодыгин А. Д. – д-р техн. наук, профессор; Овчаров С. Н. – д-р техн. наук, профессор; Пашинцев В. П. – д-р техн. наук, профессор; Пуля Ю. А. – канд. техн. наук, доцент; Серов А. В. – д-р техн. наук, доцент; Смирнов Д. А. – д-р юрид. наук, профессор; Стоянов Н. И. – д-р техн. наук, доцент, профессор; Трофимов М. С. – канд. юрид. наук, доцент; Ушвицкий Л. И. – д-р экон. наук, профессор; Червяков Н. И. – д-р техн. наук, профессор; Чипига А. Ф. – канд. техн. наук, профессор; Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор; Шаповалов В. К. – д-р пед. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51716 от 02 ноября 2012 г.

Подписной индекс 94012 в федеральном почтовом Объединенном каталоге
«ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Журнал «Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета» перерегистрирован
в «Вестник Северо-Кавказского федерального университета» в связи с переименованием учредителя.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Адрес: 355028, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2
Телефон: (8652) 95-69-47, (8652) 26-06-55 (доб. 4003)
Сайт: www.ncfu.ru
E-mail: vestnik_ncfu@mail.ru

© Коллектив авторов, 2014
© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2014
ISSN 2307-907X

СОДЕРЖАНИЕ

Физика и математика

<i>Карслиева В.М.</i> Нелинейные уравнения, имеющие интегрируемые операторные структуры	11
<i>Малофей О. П., Роженко О. Д., Мирзоян М. В.</i> Использование теории вероятностей при выборе решающих правил в системах с радиоканалами низкого качества.....	18
<i>Наац И. Э., Наац В. И.</i> Интегральные представления функций в вычислительной модели коэффициентной задачи для уравнения переноса примесей в атмосфере с приближенными данными.....	23

Информационные технологии и телекоммуникации

<i>Авербух В. М.</i> Алгоритм технологического прогнозирования и его информационное обеспечение.....	30
<i>Ямбулатов Э. И.</i> Алгоритм повышения отказоустойчивости процесса интеграции программных компонент на основе технологии CORBA.....	37

Науки о Земле

<i>Бинатов Ю. Г., Краюшкина М. В., Краюшкин В.С.</i> Экономическая и экологическая оценка разработки и использования нефтяных месторождений в условиях дефицита минерально-сырьевой базы.....	41
<i>Васильев В. А., Гунькина Т.А.</i> Метод расчета зоны дренирования скважинами различной конфигурации.....	46
<i>Зольникова Ю.Ф.</i> Вклад научной деятельности И.А. Гильденштедта и П.С. Палласа в изучение гидроминеральных ресурсов региона Кавказские Минеральные Воды.....	50
<i>Иванов А.Л., Гусева И.Н.</i> Ботанико-географическое районирование лесной флоры Центрального Предкавказья.....	53
<i>Супрунчук И. П.</i> Концепция функционирования ГИС «Террористическая деятельность в России».....	59
<i>Харин К. В., Лиховид А. А.</i> Мониторинг биоразнообразия наземных позвоночных животных на территории Апанасенковского района Ставропольского края.....	62

Строительство, промышленность, транспорт

<i>Черняков Е. В.</i> Исследование влияния скорости приточного воздуха на эффективность удаления частиц загрязнителя из пространства чистого помещения с учётом движения оператора.....	69
---	----

Биология, биотехнологии и медицина

<i>Айбазов Р.У., Амлаев К. Р., Зафирова В.Б.</i> Некоторые аспекты профилактики и реабилитации кардиохирургических больных.....	74
<i>Анфиногенова О. И., Бондарь Т. П.</i> О формировании «эритроцитарного портрета» у больных сахарным диабетом 2 типа в зависимости от климатогеографических условий проживания... ..	79
<i>Кубанов С. И., Пыхтин Ю. Ю., Кубанова А. Б.</i> Основные аспекты лабораторной диагностики в urgentной хирургии.....	85

<i>Майборода Ю.Н., Хорее О. Ю., Урясьева Э.В.</i> Изменение резистентности тканей пародонта при протезировании частичных дефектов зубных рядов несъёмными конструкциями протезов.....	87
<i>Манвелян Э.А., Сыса В. Ю., Кодониди И. П., Оганесян Э.Т.</i> Действие биологически активных соединений - производных 4-оксо-пиримидина на поведение самцов крыс в «открытом поле».....	92
<i>Рудовский В. С.</i> Гнездование сапсана в прибрежной полосе Абраусского полуострова (Краснодарский край).....	96
<i>Степанова Е. В.</i> Факторы риска гинекологических заболеваний и качество жизни онкогинекологических больных	101
<i>Узденов И. М.</i> Влияние школы на здоровье детей и современные возможности восстановительного лечения.....	106
<i>Черкашина Е. С., Лодыгин Д. Н., Лодыгин А. Д.</i> Ферментативные гидролизаты вторичного растительного сырья: анализ аминокислотного состава и перспективы использования....	112

История и философия

<i>Авдеев Е. А., Бударин Е. Л.</i> Динамика культурной глобализации: культурный конфликт, культурный синтез.....	117
<i>Бродникова М. Н.</i> Методы деятельности политической полиции в России в конце XIX – начале XX вв. Наружное наблюдение.....	120
<i>Василенко В. В.</i> Проблема историко-культурного процесса в интегральной концепции П. Сорокина.....	125
<i>Гниятуллина Г. Г.</i> Государственная семейная политика БАССР: законодательная база в 1917–1937 гг.....	133
<i>Калинченко С. Б.</i> Наука и власть: тенденции взаимодействия в российской провинции в 1920–1930-е годы (на примере Северного Кавказа)	139
<i>Лазарян С. С.</i> Особенности межкультурных коммуникаций в ходе Кавказской войны.....	143
<i>Лохова И. В.</i> Развитие системы социального страхования рабочих и служащих в Австрии в 50–80-е гг. XIX в.....	149
<i>Маловичко С. И.</i> Национально-государственные нарративы в системе видов историографических источников.....	155
<i>Пантюхина Т. В.</i> Ричард Сире: американская «история успеха».....	160
<i>Пархоменко В.В.</i> Г. Х. Засс на Баталпашинском участке Кубанской линии (1833–1835).....	164
<i>Покотилова Т. Е.</i> Повседневность благотворительности как важнейший аспект истории благотворительности в России.....	168
<i>Пошнагиди Ф. Ф.</i> Прогнозирование как опережающий вид познания.....	172
<i>Психомахова А. Р.</i> Вклад ставропольской классической гимназии в формирование адыгской интеллигенции	176
<i>Птицын А. Н.</i> Австрийские нефтепромышленники на Кавказе на рубеже XIX–XX веков	181
<i>Ракачев В. Н.</i> Динамика этнической структуры и этноязыковые процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг.	185
<i>Романова Н. В.</i> Краснодарский союз советских художников: новации и традиции эпохи «оттепели»	190
<i>Тельменко Е. П.</i> «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре».....	195
<i>Шаповалов В.А.</i> Историко-научное знание и новые исследовательские практики в образовательном пространстве современного университета	199
<i>Шафранова О. И.</i> Ставропольское епархиальное женское училище (1875-1919)	203

Социология и политология

- Поляков А. В.* Генерализированное доверие как основа демократизации современного политического пространства 208

Филология, культурология, журналистика

- Аликова С. В.* Способы выражения глагольной категории вида в немецком языке 213
- Гончарова П. Л.* Критерии и уровни сформированности иноязычной фонетико-фонологической компетенции у студентов-лингвистов 216
- Грязнова В. М.* Общее и специфичное в системе словообразования глагола в говоре казаков-некрасовцев 225
- Дмитриева Р. Н.* О проблеме лексической сочетаемости слов при переводе 230
- Каменский М. В.* Лингвистическая платформа GATE как среда автоматизированного анализа когнитивно-функциональных свойств дискурсных маркеров 234
- Касьяненко Л.С., Митрофаненко Л. М.* Специфика преподавания иностранного языка в неязыковом вузе 238
- Корсунова П. Н.* Широкозначность как свойство абстрактных имен существительных с собственно дейктическим значением 242
- Морозова И.Н.* Экотралингвистические факторы детерминации формы сказуемого при согласовании с однородными подлежащими 246
- Перепелицына Ю. Р.* Роль концептов в раскрытии русского национального характера (на материале произведений А. Яшина) 251
- Протасова Н. В.* Цветопись в цикле «Бальмонт» сборника стихов Андрея Белого «Золото в лазури» 256
- Серебрякова С. В.* Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории отрицания в рассказах Юдит Германн 259
- Ходус В.П.* Осмысление драматического действия в метапоэтике А.П. Чехова 263

Педагогика и психология

- Козловская Н. В.* Имидж ведущих политических партий и политических лидеров Российской Федерации: теоретические и прикладные аспекты исследования 268
- Белова Л.В., Белов А.К., Простяков А.А.* Организационно-методические условия и принципы педагогического сопровождения процесса формирования культуры здорового образа жизни студента вуза 273
- Лукьянов А. С.* Межпоколенные особенности экономического сознания: теоретический анализ проблемы 277
- Оганян К. М.* Социально-психологические аспекты восприятия миграционных процессов в России 281

Право

- Берсей Д. Д., Левитина И. А.* Развитие уголовной ответственности женщин за внутрисемейные насильственные преступления (в период до 1917 г.) 288
- Курьсь Н.В., Курьсь В. Н.* Концессионное законодательство Российской Федерации и ВТО: доктрина и практическое воплощение 292

Экономика

<i>Бондарь Т. Г.</i> Исследование сущности, видов и уровней реализации организационно-управленческих инноваций	297
<i>Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М.</i> Построение модели IS-LM методами эконометрического анализа: условия рыночного равновесия для экономики Украины ...	302
<i>Калашникова Е. Ю.</i> Риски в системе инвестирования и финансирования в недвижимость.....	314
<i>Кривенко А. Н.</i> Сущность и роль маркетингового потенциала территории в управлении территориальными образованиями	318
<i>Лапшина Е. В.</i> Особенности рынка электроэнергии. Состояние и перспективы развития электроэнергетической отрасли Краснодарского края	320
<i>Финашина С. А.</i> Оценка уровня коммерциализации результатов научно-технической деятельности	325
<i>Чернявская А. В., Немцова Е. С.</i> Региональные и отраслевые факторы финансовой устойчивости организаций Ставропольского края	330
<i>Шацкая Е. Ю.</i> Предпосылки создания особой экономической зоны, как фактора социально-экономического развития СКФО	336
<i>Шевченко А. П.</i> Переход скорой медицинской помощи на систему финансирования за счет средств обязательного медицинского страхования: реалии и перспективы развития.....	339
Об авторах	344
К сведению авторов	352

CONTENTS

Physics Sciences and Mathematics Sciences

<i>Karslieva V. M.</i> Nonlinear equations with integrated operator structures.....	11
<i>Malofey O. P., Rozhenko O. D., Mirzoyan M. V.</i> The use of probability theory at the choice of decision rules in systems with low quality radio channels	18
<i>Naath I. E., Naath V. I.</i> Integrated representations of functions in calculation model of coefficient problem for equation of the pollutants transfer in the atmosphere, which involves the use of empirical data	23

Computer Sciences and Telecommunication

<i>Averbukh V. M.</i> Algorithm of Technological Forecasting and its Informational Support	30
<i>Yambulatoev E. I.</i> Increase resiliency algorithm of program components integration based on CORBA technology	37

Earth Sciences

<i>Binatov Y. G., Krayushkina M. V., Krayushkin V. S.</i> Economic and ecological assessment of development and use of oil fields in the conditions of deficiency of mineral resources	41
<i>Vasilev V. A., Gunkina T. A.</i> Method of calculating drainage area wells of different configurations	46
<i>Zolnikova J. F.</i> Contribution of I.A. Gildenshtedt and P.S. Pallas scientific activity in the study of hydro resources in the region CMW	50
<i>Ivanov A. L., Guseva I. N.</i> Botaniko-geographical zoning of forest flora of the central Ciscaucasia	53
<i>Suprunchuk I. P.</i> Concept of operations geoinformation monitoring system GIS «terrorist activities in Russia»	59
<i>Kharin K. V., Likhovid A. A.</i> Monitoring of the biodiversity of land vertebrate animals in the territory of the Apanasenkovsky region of Stavropol krai	62

Construction, Industry, Transport

<i>Cherniakov E. V.</i> A numerical investigation of effects of the inlet velocity magnitude on the airborne contaminants removal from a cleanroom space taking into account operator's movement.....	69
---	----

Biology Sciences, Biotechnology and Medicine Sciences

<i>Aibazov R. U., Amlaev K. R., Zafirova V. B.</i> Some aspects of the prevention and rehabilitation of cardiac patients	74
<i>Anfinogenova O. I., Bondar T. P.</i> About formation of «an erythrocyte portrait» at patients with diabetes 2 types depending on the climatic geographic of conditions of accommodation	79
<i>Kubanov S. I., Pykhtin Y. Y., Kubanova A. B.</i> The main aspects of laboratory diagnostics in urgent surgery	85
<i>Mayboroda Y. N., Khorev O. Y., Uryasieva E. V.</i> Change of periodontal tissues resistance at prosthetics of partial defects of dentition with fixed construction prostheses	87
<i>Manveljan E. A., Sysa V. Y., Kodonidi I. P., Oganesyanyan E. T.</i> Action of biologically active compounds - derivatives of 4-oxo- pyrimidine on the behavior of male rats in the «open field»	92

<i>Rudovskiy V. S.</i> Nesting of peregrine falcon along the seashore of the Abrau peninsula (Krasnodar region)	96
<i>Cherkashina E. S., Lodygin D. N., Lodygin A. D.</i> Enzymatic hydrolysates of secondary plant materials: analysis of amino acid composition and prospects of their application	101
<i>Uzdenov I.M.</i> Techniques of rehabilitative treatment of children with a variety of diseases are presented	106
<i>Stepanova E.V.</i> Risk factors of gynecological diseases and gynecological cancer patients' quality of life	112

History Sciences and Philosophy Sciences

<i>Avdeev E.A., Budarin E. L.</i> Dynamics of cultural globalization: cultural conflict, cultural synthesis	117
<i>Brodnikova M.N.</i> Modus operandi of the political police in Russia in the late XIX - early XX centuries. Surveillance	120
<i>Vasilenko V. V.</i> The problem of historical and cultural processes on the integral conception of pitirim Sorokin	125
<i>Gniyatullina G. G.</i> Legal framework for family policy Bashkir ASSR in 1917–1937 years.....	133
<i>Kalinchenko S. B.</i> Science and power: the interaction of trends in Russian province in 1920–1930 (the case of the North Caucasus)	139
<i>Lazaryan S. S.</i> The special features of intercultural communications in the course of Caucasian war	143
<i>Lokhova I. V.</i> Development of social insurance system of workers and employees in Austria in 50–80-ies. in the 19th century	149
<i>Malovichko S. I.</i> National narratives in system of kinds of historiographic sources.....	155
<i>Pantyukhina T. V.</i> Richard Sears: American «Success Story»	160
<i>Parkhomenko V. V.</i> G.H. Zass on Batalpashinsk plot line Kuban (1833–1835)	164
<i>Pokotilova T. E.</i> Daily routine of charity as the most important aspect of the history of Russian charity	168
<i>Poshnagidi F. F.</i> Prediction as an outrunning kind of cognition	172
<i>Psykhomakhova A. R.</i> The contribution of the Stavropol classical gymnasium in the formation of the adighe intelligentsia	176
<i>Ptitsyn A.N.</i> Austrian businessmen and the Caucasian petroleum industry in the late 1800's – early 1900's	181
<i>Rakachev V. N.</i> Structure and dynamics of ethnic ethno-linguistic processes in the Kuban and Stavropol territory in the years 1930–1950.....	185
<i>Romanova N. V.</i> Krasnodar union of soviet artist: innovations and traditions of «khrushchev thaw»	190
<i>Telmenko E. P.</i> «Beware of false prophets who come to you in sheep's clothing»	195
<i>Shapovalov V. A.</i> Historical scholastic body of knowledge and new research practices in the educational space of the modern university.....	199
<i>Shafranova O. I.</i> Stavropol diocesan female school (1875–1919).....	203

Sociology Sciences and Political Science

<i>Polyakov A.V.</i> Generalized trust as a basis for democratization of modern political space.....	208
--	-----

Philology Sciences, Cultural Science, Journalism

<i>Alikova S. V.</i> Expression means of aspect category in german	213
<i>Goncharova N. L.</i> Criteria and levels of linguistics students' foreign language phonetic and phonological competency	216

Gryaznova V. M. The General and the specific in the system of word-formation of the verb in dialect Cossacks-Nekrasovtsev	225
Dmitrieva R. N. The problem of lexical words collocation under the process of translation	230
Kamensky M.V. GATE as a linguistic platform for automated analysis of cognitive-functional properties of discourse markers.....	234
Kasyanenko L. S., Mitrofanenko L. M. Specificity of foreign language teaching in non-linguistic university	238
Korsunova I.N. Eurysemy as the property of abstract nouns with the deixis value actually	242
Morozova I. N. Extralinguistic determination of subject-predicate agreement	246
Perepelitsina J. R. The role of the concepts in the disclosure Russian national character (on the material of the works of A. Yashin)	251
Protasova N. V. «Svetopis» in the cycle, named «To Balmont» in the collection of poems by Andrew Bely, which is titled «Gold in Blue»	256
Serebriakova S. V. Communicative-pragmatic peculiarities of the realization of negation concept in short stories by Judith Hermann	259
Khodus V.P. Reflection on the dramatic act in metapoethics of A.P. Chekhov	263

Pedagogics Sciences and Psychology Sciences

Kozlovskaya N. V. Image of conducting political parties and political leaders of the Russian Federation: theoretical and applied aspects researches	268
Belova L.V., Belov A.K., Prostyakov A.A. Organizational and methodological conditions and principles pedagogical support for the process of formation culture of healthy lifestyles of high school student	273
Lukyanov A. S. Intergenerational aspects of the economic consciousness: theoretical analysis of the problem	277
Oganyan K. M. Socio-psychological aspects of perception of migration in Russia	281

Law

Bersey D. D., Levitina I. A. Development of criminal liability for women intrafamily violent crimes (prior to 1917)	288
Kuris N. V., Kuris V. N. Concession legislation of the Russian Federation and the WTO: the doctrine and practical implementation	292

Economics Sciences

Bondar T. G. Research of essence, types and levels of realization of organizational and administrative innovations	297
Goridko N. P., Nizhegorodtsev R. M. Creating the IS-LM model by methods of econometric analysis: conditions of market equilibrium for economy of Ukraine	302
Kalashnikova E. Y. Risks in the investment and financing in real estate	314
Krivenko A.N. The essence (the nature) and the role of area marketing potential in the management of territories	318
Lapshina E. V. Features of electroenergy market. Condition and perspectives of development electroenergy industry of Krasnodar region	320
Finashina S. A. The evaluation of level commercialization of the results of science and technology activities	325

<i>Chernyavskaya A. V., Nemzova E.S.</i> regional and sectoral factors of financial stability of organizations of the Stavropol territory	330
<i>Shatskaya E. Yu.</i> Prerequisites of creation of a special economic zone, as factor of social and economic development of North Caucasus federal district	336
<i>Shevchenko A. P.</i> Transition of ambulance service on the system for funding by compulsory health insurance: realities and prospects for development	339
Data on Authors	344
Information for Authors	352

ФИЗИКА И МАТЕМАТИКА

УДК 517.95

Карслиева Валентина Михайловна

НЕЛИНЕЙНЫЕ УРАВНЕНИЯ, ИМЕЮЩИЕ ИНТЕГРИРУЕМЫЕ ОПЕРАТОРНЫЕ СТРУКТУРЫ

Статья посвящена построению нелинейных уравнений с частными производными, обладающими операторной структурой Лакса. Предполагается, что наличие лаксовой пары позволит провести интегрирование полученных уравнений методом обратной задачи рассеяния. Для уравнений с частными производными, имеющими вид локального закона сохранения, предложена одна из возможных лаксовых пар.

Ключевые слова: закон сохранения, метод обратной задачи рассеяния, нелинейные уравнения с частными производными, пара Лакса, эволюционное уравнение.

Karslieva Valentina M.

NONLINEAR EQUATIONS WITH INTEGRATED OPERATOR STRUCTURES

The article is devoted to the construction of nonlinear equations with partial derivatives possessing Lax operator structure. The presence of Lax pair is supposed to allow to integrate the obtained equations with the help of the inverse scattering problem method. For the equations with partial derivatives having the form of local conservation law one of the possible Lax pairs is given.

Key words: the conservation law, the inverse scattering problem method, nonlinear equations with partial derivatives, Lax pair, the evolutionary equation.

Методов решения в общем виде для большого класса нелинейных уравнений в частных производных известно немного. Одним из методов, когда решение можно найти, является представление уравнения в виде эволюционного операторного уравнения Лакса [1]

$$L_t = [L, A] = LA - AL, \quad (1)$$

где операторы могут быть различной природы (дифференциальные, интегральные, матричные, проектирующие и др.). Идея, лежащая в основе работы Лакса, заключается в том, что нелинейное уравнение (1) эквивалентно системе линейных уравнений:

$$L\varphi = \mu\varphi, \quad (2)$$

$$\varphi_t = A\varphi, \quad (3)$$

для оператора L поставлена спектральная задача (φ – собственная функция, μ – собственное значение оператора L), оператор A определяет эволюцию собственных функций по времени.

В настоящее время вопрос о критериях, которым должны удовлетворять операторы, влекущие интегрирование в явном виде, остается открытым и по структуре уравнения нельзя определить, возможно, ли применение этого метода. Поэтому мы предлагаем идти обратным путем: выбрать пару Лакса, которая порождает интегрируемое нелинейное уравнение.

Рассмотрим частный случай, когда L, A дифференциальные операторы первого порядка вида

$$L = \alpha \frac{\partial}{\partial x} + u, \quad A = \beta \frac{\partial}{\partial x} + v,$$

$$\text{где } \alpha = \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix}, \beta = \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} \text{ – постоянные матрицы,}$$

$u = \begin{pmatrix} u_{11} & u_{12} \\ u_{21} & u_{22} \end{pmatrix}, v = \begin{pmatrix} v_{11} & v_{12} \\ v_{21} & v_{22} \end{pmatrix}$ – матрицы с компонентами, зависящими от x и t .

Лемма 1. Имеет место формула:

$$[L, A] = [\alpha, \beta] \frac{\partial^2}{\partial x^2} + ([u, \beta] + [\alpha, v]) \frac{\partial}{\partial x} + ([u, v] + (\alpha v_x - \beta u_x)).$$

Доказательство. Действуя коммутатором на произвольную функцию φ , получим:

$$\begin{aligned} [L, A]\varphi &= \left(\alpha \frac{\partial}{\partial x} + u \right) \left(\beta \frac{\partial}{\partial x} + v \right) \varphi - \left(\beta \frac{\partial}{\partial x} + v \right) \left(\alpha \frac{\partial}{\partial x} + u \right) \varphi = \\ &= \left(\alpha \frac{\partial}{\partial x} + u \right) (\beta \varphi_x + v \varphi) - \left(\beta \frac{\partial}{\partial x} + v \right) (\alpha \varphi_x + u \varphi) = \alpha \beta \varphi_{xx} + u \beta \varphi_x + \alpha \frac{\partial}{\partial x} (v \varphi) + uv \varphi - \\ &- \beta \alpha \varphi_{xx} - v \alpha \varphi_x - \beta \frac{\partial}{\partial x} (u \varphi) - v u \varphi = [\alpha, \beta] \varphi_{xx} + (u \beta + \alpha v - v \alpha - \beta u) \varphi_x + (\alpha v_x + uv - \beta u_x - v u) \varphi = \\ &= [\alpha, \beta] \varphi_{xx} + ([u, \beta] + [\alpha, v]) \varphi_x + ([u, v] + (\alpha v_x - \beta u_x)) \varphi, \end{aligned}$$

что и требовалось доказать.

Следствие. Если

$$[\alpha, \beta] = 0, \quad [u, \beta] + [\alpha, v] = 0, \quad (4)$$

то

$$[L, A] = [u, v] + (\alpha v_x - \beta u_x). \quad (5)$$

Лемма 2. Условия (4) выполняются если

$$\begin{cases} \alpha_{12} \beta_{21} = \beta_{12} \alpha_{21}, \\ \alpha_{11} \beta_{12} + \alpha_{12} \beta_{22} - \beta_{11} \alpha_{12} - \beta_{12} \alpha_{22} = 0, \\ \alpha_{21} \beta_{11} + \alpha_{22} \beta_{21} - \beta_{21} \alpha_{11} - \beta_{22} \alpha_{21} = 0, \\ \alpha_{12} v_{21} + u_{12} \beta_{21} - \beta_{12} u_{21} - \alpha_{21} v_{12} = 0, \\ \alpha_{11} v_{12} + \alpha_{12} v_{22} + \beta_{12} u_{11} + \beta_{22} u_{12} - \beta_{11} u_{12} - \beta_{12} u_{22} - \alpha_{12} v_{11} - \alpha_{22} v_{12} = 0, \\ \alpha_{21} v_{11} + \alpha_{22} v_{21} + \beta_{11} u_{21} + \beta_{21} u_{22} - \beta_{21} u_{11} - \beta_{22} u_{21} - \alpha_{11} v_{21} - \alpha_{21} v_{22} = 0. \end{cases} \quad (6)$$

Доказательство. Имеем

$$\begin{aligned} [\alpha, \beta] &= \alpha \beta - \beta \alpha = \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} = \\ &= \begin{pmatrix} \alpha_{11} \beta_{11} + \alpha_{12} \beta_{21} & \alpha_{11} \beta_{12} + \alpha_{12} \beta_{22} \\ \alpha_{21} \beta_{11} + \alpha_{22} \beta_{21} & \alpha_{21} \beta_{12} + \alpha_{22} \beta_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} \beta_{11} \alpha_{11} + \beta_{12} \alpha_{21} & \beta_{11} \alpha_{12} + \beta_{12} \alpha_{22} \\ \beta_{21} \alpha_{11} + \beta_{22} \alpha_{21} & \beta_{21} \alpha_{12} + \beta_{22} \alpha_{22} \end{pmatrix} = \\ &= \begin{pmatrix} \alpha_{12} \beta_{21} - \beta_{12} \alpha_{21} & \alpha_{11} \beta_{12} + \alpha_{12} \beta_{22} - \beta_{11} \alpha_{12} - \beta_{12} \alpha_{21} \\ \alpha_{21} \beta_{11} + \alpha_{22} \beta_{21} - \beta_{21} \alpha_{11} - \beta_{22} \alpha_{21} & \alpha_{21} \beta_{12} - \beta_{21} \alpha_{12} \end{pmatrix}. \quad (7) \end{aligned}$$

$$[u, \beta] + [\alpha, v] = u \beta - \beta u + \alpha v - v \alpha =$$

$$\begin{aligned} &= \begin{pmatrix} u_{11} & u_{12} \\ u_{21} & u_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} u_{11} & u_{12} \\ u_{21} & u_{22} \end{pmatrix} + \\ &+ \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} v_{11} & v_{12} \\ v_{21} & v_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} v_{11} & v_{12} \\ v_{21} & v_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} = \\ &= \begin{pmatrix} u_{11} \beta_{11} + u_{12} \beta_{21} & u_{11} \beta_{12} + u_{12} \beta_{22} \\ u_{21} \beta_{11} + u_{22} \beta_{21} & u_{21} \beta_{12} + u_{22} \beta_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} \beta_{11} u_{11} + \beta_{12} u_{21} & \beta_{11} u_{12} + \beta_{12} u_{21} \\ \beta_{21} u_{11} + \beta_{22} u_{21} & \beta_{21} u_{12} + \beta_{22} u_{22} \end{pmatrix} + \end{aligned}$$

$$+ \begin{pmatrix} \alpha_{11}v_{11} + \alpha_{12}v_{21} & \alpha_{11}v_{12} + \alpha_{12}v_{22} \\ \alpha_{21}v_{11} + \alpha_{22}v_{21} & \alpha_{21}v_{12} + \alpha_{22}v_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} v_{11}\alpha_{11} + v_{12}\alpha_{21} & v_{11}\alpha_{12} + v_{12}\alpha_{22} \\ v_{21}\alpha_{11} + v_{22}\alpha_{21} & v_{21}\alpha_{12} + v_{22}\alpha_{22} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} w_{11} & w_{12} \\ w_{21} & w_{22} \end{pmatrix},$$

где

$$w_{11} = \alpha_{12}v_{21} + u_{12}\beta_{21} - \beta_{12}u_{21} - v_{12}\alpha_{21}, \quad (8)$$

$$w_{12} = \alpha_{11}v_{12} + \alpha_{12}v_{22} + u_{11}\beta_{12} + u_{12}\beta_{22} - \beta_{11}u_{12} - \beta_{12}u_{22} - v_{11}\alpha_{12} - v_{12}\alpha_{22}, \quad (9)$$

$$w_{21} = \alpha_{21}v_{11} + \alpha_{22}v_{21} + u_{21}\beta_{11} + u_{22}\beta_{21} - \beta_{21}u_{11} - \beta_{22}u_{21} - v_{21}\alpha_{11} - v_{22}\alpha_{21}, \quad (10)$$

$$w_{22} = \alpha_{21}v_{12} + u_{21}\beta_{12} - \beta_{21}u_{12} - v_{21}\alpha_{12}. \quad (11)$$

Равенства (7) – (11) дают требуемые условия (6).

Лемма 3. Если выполняются равенства системы (6) и $\alpha_{11} = \alpha_{22}$, $(\lambda - \alpha_{11})^2 = \alpha_{12}\alpha_{21}$, где $(a + ib)^2 = \lambda^2$ (a, b – неотрицательные постоянные величины), то

$$\alpha_{12}(\beta_{21} - \beta_{22}) = 0,$$

$$\alpha_{21}(\beta_{11} - \beta_{22}) = 0,$$

$$\alpha_{12}\beta_{21} = \beta_{22}\alpha_{21},$$

$$\alpha_{12}v_{21} + u_{12}\beta_{21} - \beta_{12}u_{21} - \alpha_{21}v_{12} = 0, \quad (12)$$

$$\alpha_{12}(v_{22} - v_{11}) + \beta_{12}(u_{11} - u_{22}) + u_{12}(\beta_{22} - \beta_{21}) = 0,$$

$$\alpha_{21}(v_{22} - v_{11}) + \beta_{21}(u_{11} - u_{22}) + u_{21}(\beta_{22} - \beta_{11}) = 0.$$

Утверждение леммы следует из леммы 2.

Лемма 4. Если выполняются равенства системы (6) и $\alpha_{11} = -\alpha_{22} \neq 0$, $\alpha_{12}\alpha_{21} = (a + ib)^2 - \alpha_{22}^2 = \lambda^2 - \alpha_{22}^2$ (a, b – неотрицательные постоянные величины), то

$$\alpha_{12}\beta_{21} = \beta_{12}\alpha_{21},$$

$$2\alpha_{11}\beta_{12} = \alpha_{12}(\beta_{11} - \beta_{22}),$$

$$2\alpha_{11}\beta_{21} = \alpha_{21}(\beta_{11} - \beta_{22}),$$

$$\alpha_{12}v_{21} - \alpha_{21}v_{12} = \beta_{12}u_{21} - \beta_{21}u_{12}, \quad (13)$$

$$2\alpha_{11}v_{12} + \alpha_{12}(v_{22} - v_{11}) + \beta_{12}(u_{11} - u_{22}) + (\beta_{22} - \beta_{11})u_{12} = 0,$$

$$\alpha_{21}(v_{11} - v_{22}) + (\beta_{11} - \beta_{22})u_{21} + \beta_{21}(u_{22} - u_{11}) - 2\alpha_{11}v_{21} = 0.$$

Утверждение леммы следует из леммы 2.

Замечание 1. Коэффициенты выбираем таким образом, чтобы $\frac{\partial L}{\partial t}$ и $[L, A]$ были обыкновенными дифференциальными операторами нулевого порядка, а именно операторами умножения. Для этого необходимо: а) равенство нулю коэффициентов при $\frac{\partial^2}{\partial x^2}$ и $\frac{\partial}{\partial x}$, что и берется в лемме 2; б) отсутствие зависимости L от t .

Замечание 2. Считаем, что собственные значения матрицы α либо чисто мнимые, либо имеют вещественные значения разных знаков. Это их соображений, чтобы уравнение $L_0\varphi = \mu\varphi$, где $L_0 = \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x}$ имело нетривиальные ограниченные решения при $x \rightarrow \pm\infty$.

В частности, собственные значения можно брать такими $\mu = \pm(a+ib)$. Тогда из

$$\det(\alpha - \mu E) = \alpha_{11}\alpha_{22} + \mu^2 - \mu(\alpha_{11} + \alpha_{22}) - \alpha_{12}\alpha_{21}, \quad (14)$$

где E – единичная матрица,

следует, что если $\alpha_{11} = \alpha_{22}$, то $(\lambda - \alpha_{11})^2 = \alpha_{12}\alpha_{21}$, $(a+ib)^2 = \lambda^2$; а если $\alpha_{11} = -\alpha_{22} \neq 0$, то $\alpha_{12}\alpha_{21} = (a+ib)^2 - \alpha_{22}^2 = \lambda^2 - \alpha_{22}^2$, что и берется в леммах 3,4

ТЕОРЕМА 1. Нелинейное уравнение в частных производных

$$\left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t} \right) \ln u = -\frac{1}{u} + u,$$

где $\alpha, \beta - const$, $u(x, t)$ – функция, имеет представление в виде операторного уравнения Лакса с операторами вида:

$$L = \begin{pmatrix} 2\beta & 0 \\ 0 & 2\beta \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} 0 & \frac{1}{u} \\ u & 0 \end{pmatrix}, \quad A = \begin{pmatrix} \alpha & 0 \\ 0 & \alpha \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} \frac{1}{2} \left(\alpha \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t} \right) \ln u & 1 \\ 1 & -\frac{1}{2} \left(\alpha \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t} \right) \ln u \end{pmatrix}.$$

Доказательство. Коэффициенты L и A удовлетворяют системе (12), следовательно, непосредственную подстановку в уравнение Лакса $L_t = [L, A] = LA - AL$, можно осуществить, используя (5):

$$\begin{aligned} [L, A] &= [u, v] + (\alpha v_x - \beta u_x) = \begin{pmatrix} u_{11} & u_{12} \\ u_{21} & u_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} v_{11} & v_{12} \\ v_{21} & v_{22} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} v_{11} & v_{12} \\ v_{21} & v_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} u_{11} & u_{12} \\ u_{21} & u_{22} \end{pmatrix} + \\ &+ \begin{pmatrix} \alpha_{11} & \alpha_{12} \\ \alpha_{21} & \alpha_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} v_{11x} & v_{12x} \\ v_{21x} & v_{22x} \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} u_{11x} & u_{12x} \\ u_{21x} & u_{22x} \end{pmatrix} = \\ &= \begin{pmatrix} u_{12}v_{21} - v_{12}u_{21} & u_{11}v_{12} + u_{12}v_{22} - v_{11}u_{12} - v_{12}u_{22} \\ u_{21}v_{11} + u_{22}v_{21} - v_{21}u_{11} - v_{22}u_{21} & u_{21}v_{12} - v_{21}u_{12} \end{pmatrix} + \\ &+ \begin{pmatrix} \alpha_{11}v_{11x} + \alpha_{12}v_{21x} - \beta_{11}u_{11x} - \beta_{12}u_{21x} & \alpha_{11}v_{12x} + \alpha_{12}v_{22x} - \beta_{11}u_{12x} - \beta_{12}u_{22x} \\ \alpha_{21}v_{11x} + \alpha_{22}v_{21x} - \beta_{21}u_{11x} - \beta_{22}u_{21x} & \alpha_{21}v_{12x} + \alpha_{22}v_{22x} - \beta_{21}u_{12x} - \beta_{22}u_{22x} \end{pmatrix}. \end{aligned}$$

$L_t = [L, A]$ в матричной записи будет иметь вид:

$$\begin{pmatrix} u_{11x} & u_{12x} \\ u_{21x} & u_{22x} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \alpha_{11}v_{11x} + \alpha_{12}v_{21x} - \beta_{11}u_{11x} - \beta_{12}u_{21x} & \alpha_{11}v_{12x} + \alpha_{12}v_{22x} - \beta_{11}u_{12x} - \beta_{12}u_{22x} \\ \alpha_{21}v_{11x} + \alpha_{22}v_{21x} - \beta_{21}u_{11x} - \beta_{22}u_{21x} & \alpha_{21}v_{12x} + \alpha_{22}v_{22x} - \beta_{21}u_{12x} - \beta_{22}u_{22x} \end{pmatrix} + \\ + \begin{pmatrix} u_{12}v_{21} - v_{12}u_{21} & u_{11}v_{12} + u_{12}v_{22} - v_{11}u_{12} - v_{12}u_{22} \\ u_{21}v_{11} + u_{22}v_{21} - v_{21}u_{11} - v_{22}u_{21} & u_{21}v_{12} - v_{21}u_{12} \end{pmatrix}. \quad (15)$$

Таким образом, имеем:

$$\begin{pmatrix} 0 & \left(\frac{1}{u}\right)_t \\ u_t & 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t}\right) \ln u + \frac{1}{u} - u & -\frac{\alpha}{\beta} \left(\frac{1}{u}\right)_x - \frac{1}{u} \left(\frac{\alpha}{\beta} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t}\right) \ln u \\ -\frac{\alpha}{\beta} u_x + u \left(\frac{\alpha}{\beta} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t}\right) \ln u & -\left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t}\right) \ln u - \frac{1}{u} + u \end{pmatrix},$$

или

$$\left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t}\right) \ln u + \frac{1}{u} - u = 0, \quad (16)$$

$$\left(\frac{1}{u}\right)_t = -\frac{\alpha}{\beta} \left(\frac{1}{u}\right)_x - \frac{1}{u} \left(\frac{\alpha}{\beta} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t}\right) \ln u, \quad (17)$$

$$u_t = -\frac{\alpha}{\beta} u_x + u \left(\frac{\alpha}{\beta} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t}\right) \ln u, \quad (18)$$

$$-\left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t}\right) \ln u - \frac{1}{u} + u = 0. \quad (19)$$

Равенства (17) и (18) выполняются тождественно, а равенства (16) и (19) дают уравнение

$$\left(\alpha \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \beta \frac{\partial^2}{\partial x \partial t}\right) \ln u = -\frac{1}{u} + u.$$

Отметим, что аналогично доказываются все следующие теоремы.

ТЕОРЕМА 2. Нелинейное уравнение в частных производных

$$\alpha u_x e^{-2\beta u} - 3\beta u_{xx} + 2\beta^2 (u_x)^2 + 2\beta u_x u_t + u_{xt} = 0,$$

где $\alpha, \beta - const$, $u(x, t)$ – функция, имеет представление в виде операторного уравнения Лакса с операторами вида:

$$L = \begin{pmatrix} -\frac{1}{\alpha\beta} & 0 \\ 0 & -\frac{1}{\alpha\beta} \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} -\frac{1}{2\beta^2} e^{-2\beta u} - \frac{2}{\alpha} u_x & 0 \\ -u_x & -\frac{1}{2\beta^2} e^{-2\beta u} \end{pmatrix},$$

$$A = \begin{pmatrix} \beta & 0 \\ -\alpha\beta & -\beta \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} 2\beta^2 u_x - \alpha \int u_t e^{-2\beta u} dx + 2\beta u_t & e^{-2\beta u} \\ 0 & -\alpha \int u_t e^{-2\beta u} dx \end{pmatrix}.$$

Доказательство. Коэффициенты L и A удовлетворяют системе (12), подстановка в (15) приводит к системе:

$$\frac{1}{\beta} u_t e^{-2\beta u} + 2\alpha\beta u_{xt} = -\frac{1}{\alpha\beta} (2\beta^2 u_{xx} - \alpha u_t e^{-2\beta u} + 2\beta u_{xt}) - \beta \left(\frac{1}{\beta} u_x e^{-2\beta u} - \frac{2}{\alpha} u_{xx}\right) + u_x e^{-2\beta u}, \quad (20)$$

$$0 = \frac{2}{\alpha} u_x e^{-2\beta u} - \frac{2}{\alpha} u_{xx} e^{-2\beta u}, \quad (21)$$

$$\alpha\beta \left(\frac{1}{\beta} u_x e^{-2\beta u} - \frac{2}{\alpha} u_{xx}\right) - \beta u_{xx} + u_x (2\beta^2 u_x + 2\beta u_t) = -u_{xt}, \quad (22)$$

$$\frac{1}{\beta} u_t e^{-2\beta u} = \frac{1}{\beta} u_t e^{-2\beta u} + u_x e^{-2\beta u} - u_x e^{-2\beta u} \quad (23)$$

Равенства (20), (21) и (23) выполняются тождественно, а равенство (22) дает уравнение

$$\alpha u_x e^{-2\beta u} - 3\beta u_{xx} + 2\beta^2 (u_x)^2 + 2\beta u_x u_t + u_{xt} = 0.$$

ТЕОРЕМА 3. Нелинейное уравнение в частных производных

$$\gamma q_x + k(\ln q)_{xx} - 2u_x = q_t, \quad (24)$$

где $\gamma, k - const$, $q(x, t)$, $u(x, t)$ – функции имеет операторное представление в виде Лакса с операторами:

$$L = \begin{pmatrix} 0 & a \\ -\frac{1}{a} & 0 \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} \frac{i}{2} \left(\frac{q_x}{q} - \frac{q}{ak} \right) & -\frac{iak+1}{2k} q \\ \frac{iak-1}{2a^2 k} q & \frac{i}{2} \left(\frac{q_x}{q} + \frac{q}{ak} \right) \end{pmatrix},$$

$$A = \begin{pmatrix} \frac{1}{a} - \gamma & ak \\ -\frac{k}{a} & \frac{1}{a} - \gamma \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} iu - \frac{i}{a} q & -\frac{aki+1}{2} q - \frac{ia}{2} \left(\frac{1-a\gamma}{a} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t} \right) \ln q \\ \frac{aki-1}{2a^2} q + \frac{i}{2a} \left(\frac{1-a\gamma}{a} \frac{\partial}{\partial x} + \frac{\partial}{\partial t} \right) \ln q & iu \end{pmatrix},$$

где $a - const$.

Доказательство. Коэффициенты L и A удовлетворяют системе (13). Непосредственная подстановка в (15) дает:

$$\frac{i}{2} (\ln q)_{xt} - \frac{i}{2ak} q_t = \frac{iak-1}{2a} q_x + \frac{i-ia\gamma}{2} (\ln q)_{xx} + \frac{i}{2} (\ln q)_{xt} - \frac{i-ia\gamma}{2} (\ln q)_{xx} + \frac{i-ia\gamma}{2a^2 k} q_x - \frac{iak-1}{2a} q_x +$$

$$+ \frac{(ak)^2 - 1}{4a^2 k} q^2 - \frac{(i-ia\gamma)(iak+1)}{4a^2 k} q_x + \frac{ak-i}{4ak} q_t - \frac{(ak)^2 - 1}{4a^2 k} q^2 + \frac{(i-ia\gamma)(iak+1)}{4a^2 k} q_x - \frac{ak+i}{4ak} q_t, \quad (25)$$

$$- \frac{iak+1}{2k} q_t = iau_x + \frac{(1-a\gamma)(iak+1)}{2ak} q_x - \frac{iak}{2} (\ln q)_{xx} - \frac{i}{2} q_x +$$

$$- \frac{i-ak}{2ak} q^2 - \frac{1-a\gamma}{2ak} q_x - \frac{1}{2k} q_t - \frac{i-ak}{2ak} q^2, \quad (26)$$

$$\frac{iak-1}{2ak} q_t = -iu_x + \frac{i}{a} q_x + \frac{ik}{2} (\ln q)_{xx} - \frac{i}{2a} q_x - \frac{i-ia\gamma}{2a} q_x + \frac{1-a\gamma}{2a^2 k} q_x + \frac{i+ak}{2a^2 k} q^2 - \frac{i+ak}{2a^2 k} q^2 -$$

$$- \frac{1-a\gamma}{2a^2 k} q_x - \frac{1}{2ak} q_t - \frac{i-ak}{2ak} q^2, \quad (27)$$

$$\frac{i}{2} (\ln q)_{xt} + \frac{i}{2ak} q_t = \frac{iak+1}{2a} q_x + \frac{i-ia\gamma}{2a} (\ln q)_{xx} + \frac{i}{2} (\ln q)_{xt} - \frac{iak+1}{2a} q_x - \frac{i-ia\gamma}{2a} (\ln q)_{xx} - \frac{i-ia\gamma}{2a^2 k} q_x -$$

$$- \frac{(ak)^2 - 1}{4a^2 k} q^2 + \frac{(i-ia\gamma)(iak+1)}{4a^2 k} q_x + \frac{i-ak}{4ak} q_t +$$

$$+ \frac{(ak)^2 - 1}{4a^2 k} q^2 - \frac{(i-ia\gamma)(iak+1)}{4a^2 k} q_x + \frac{ak+i}{4ak} q_t. \quad (28)$$

Равенства (25) и (28) выполняются тождественно, а равенства (26) и (27) после приведения подобных слагаемых дают уравнение (24).

Решая задачи естествознания с помощью математического моделирования явлений, зачастую приходится исследовать некоторые уравнения с частными производными. Если такие уравнения рассматривать как динамические системы с бесконечным числом степеней свободы, то возникает вопрос, имеют ли эти уравнения какие-либо интегралы движения. В случае уравнений с частными производными вместо понятия «интеграл движения» используется понятие «закон сохранения». Законы сохранения представляют собой соотношения вида

$$Q_t + G_x = 0, \quad (29)$$

где Q и G – определенные функции решения u уравнения с частными производными и его производных, Q – плотность, $-G$ – поток. Если для систем, определенных на бесконечном интервале $(-\infty \leq x \leq +\infty)$ поток G обращается в ноль при $x \rightarrow \pm\infty$, интегрирование обеих частей (29) по x дает

$$\frac{\partial}{\partial t} \int_{-\infty}^{+\infty} Q dx = \int_{-\infty}^{+\infty} G_x dx = 0.$$

Отсюда $\int_{-\infty}^{+\infty} G_x dx = const$. Мы можем, таким образом, рассматривать эти величины как аналог для уравнения с частными производными интегралов движения обыкновенных дифференциальных уравнений.

Если одномерное нелинейное эволюционное уравнение представимо в форме локального закона сохранения, то для него существует пучок (несчетное множество) пар Лакса [1]. Таким образом, наличие хотя бы одной L, A -пары говорит о том, что есть возможность интегрирования. Для этого необходимо подобрать именно такое Лаксово представление, чтобы задача была решена.

ТЕОРЕМА 4. Если нелинейное эволюционное уравнение представимо в форме локального закона сохранения, то вид операторов, удовлетворяющих уравнению Лакса, может быть следующим:

$$L = \begin{pmatrix} 0 & -\alpha \\ \alpha & 0 \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} u & 0 \\ 0 & u \end{pmatrix}, \quad A = \begin{pmatrix} \beta & 0 \\ 0 & \beta \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} 0 & v \\ -v & 0 \end{pmatrix},$$

где $\alpha, \beta - const$; $u(x, t), v(u(x, t))$ – функции.

Доказательство. Коэффициенты L и A удовлетворяют системе (13). Непосредственная подстановка в (15) дает:

$$\begin{pmatrix} u_t & 0 \\ 0 & u_t \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \alpha v_x - \beta u_x & 0 \\ 0 & \alpha v_x - \beta u_x \end{pmatrix}.$$

Таким образом, мы получаем эволюционное уравнение $(-\beta u + \alpha v)_x = u_t$, имеющее вид локального закона сохранения.

Последняя теорема позволяет подобрать еще одно Лаксово представление к уравнению (23):

$$L = \begin{pmatrix} 0 & -k \\ k & 0 \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} q & 0 \\ 0 & q \end{pmatrix}, \quad A = \begin{pmatrix} -\gamma & 0 \\ 0 & -\gamma \end{pmatrix} \frac{\partial}{\partial x} + \begin{pmatrix} 0 & \frac{q_x - 2u}{q} \\ -\frac{q_x + 2u}{q} & 0 \end{pmatrix}.$$

Литература

1. Лаке П. Д. Интегралы нелинейных эволюционных уравнений и уединенные волны. Математика. М.: Мир, 1969. Т. 13. С.128–150.

УДК 519.248

Малофей Олег Павлович, Роженко Ольга Дмитриевна,
Мирзоян Марине Вагановна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ ПРИ ВЫБОРЕ РЕШАЮЩИХ ПРАВИЛ В СИСТЕМАХ С РАДИОКАНАЛАМИ НИЗКОГО КАЧЕСТВА

В статье рассмотрено использование методов теории вероятностей для оценки эффективности декодирования кодов с повторением при передаче информации по симплексным радиоканалам пониженного качества с различным характером ошибок. Показано преимущество использования расширенного набора решающих правил неполного декодирования кодов с повторением, подтвержденное результатами имитационного моделирования на записях реальных каналов связи.

Ключевые слова: теория вероятностей, декодирование кодов с повторением, радиоканалы, имитационное моделирование.

Malofey Oleg P., Rozhenko Olga D., Mirzoyan Marina V.

THE USE OF PROBABILITY THEORY AT THE CHOICE OF DECISION RULES IN SYSTEMS WITH LOW QUALITY RADIO CHANNELS

Examined the use of probability theory to increase the efficiency of decoding codes with repetition in transmitting information over the simplex radio channels degraded to the different nature of errors. The advantage of using an expanded set of decision rules partial decoding of codes with repetition was performed, which confirmed the results of the simulation on the records of real communication channels.

Key words: probability theory, decoding codes with repetition, radio channels, simulation modeling.

При разработке системы передачи данных (СПД) по радиоканалам необходимо учитывать, что характер ошибок в дискретном канале СПД меняется при переходе от радиоканала одного вида к другому и во времени [1]. Поэтому метод повышения достоверности должен обеспечивать требуемую эффективность на каналах с разнообразным характером ошибок. Коды с повторением (КП) обладают большой корректирующей способностью, которая достигается введением значительной избыточности, и, следовательно, низкой относительной скоростью передачи. Но простота технической реализации декодеров КП (ДКП) способствовала широкому использованию КП в СПД по радиоканалам различного назначения [2, 3, 4].

Рассмотрим только двоичные коды с повторением всей кодовой комбинации и «жестким» решением демодулятора. Сущность «жесткого» декодирования КП заключается в подсчете числа поступивших по симплексным радиоканалам единиц и нулей, соответствующих конкретному элементу кодовой комбинации, и принятии решения о его значении или отказе от принятия такого решения. Пусть X_1, X_2 – последовательно передаваемые по каналу связи повторы сообщения $\{X\}$. Мажоритарное решающее правило (РП) ДКП $f_i(\alpha; x_{i1}, \dots, x_{ik})$ характеризуется количеством повторов k , участвующих в голосовании по большинству, номерами этих повторов $i1, \dots, ik$ и критерием принятия решения α из k . В случае полного РП устанавливается значение элемента повтора, а в случае неполного РП возможен отказ от декодирования. В дальнейшем рассматриваем только полные РП для нечетного числа повторов k и $\alpha = (k+1)/2$. Основные характеристики ДКП: P_c – вероятность безошибочного приема сообщения; $P_{отк}$ – вероятность отказа от декодирования; t_d – распределение времени доведения сообщения; Π – объем буферной памяти декодера. Как правило, в применяемых ДКП реализуется небольшое число РП. Такой декодер имеет следующие недостатки: высокая достоверность достигается увеличением количества повторов сообщения, что повышает время доведения и объем буферной памяти; не используются все возможности исправления ошибок в КП, а также особенности потока ошибок дискретного канала; в ДКП с одним РП время доведения не зависит от качества канала связи.

Некоторые из этих недостатков могут быть в значительной степени устранены при реализации ДКП с большим числом РП. Кроме того, соответствующий выбор множества РП $F = \{f\}$ позволяет работать с переменным числом повторов сообщения, что дает дополнительные возможности по адаптации системы радиосвязи.

Пусть ДКП реализует множество РП

$$F = \{f_1, \dots, f_s\} = \bigcup_{i=1}^d F_i = \bigcup_{i=1}^d \{f_1, \dots, f_s\}_i$$

Тогда

$$P_c(F) = \sum_{j=1}^s Q_{f_j} | \bar{f}_1 \dots \bar{f}_{j-1}; \quad (1)$$

$$P(t_n \leq kt_s) = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^s Q_{f_j} | \bar{f}_{11} \dots \bar{f}_{1s} \dots \bar{f}_{j-1, i, s} \bar{f}_{i1} \dots \bar{f}_{i, j-1}; \quad (2)$$

$$\Pi(F) \geq \max_{f_i} \Pi(f_i), \quad (3)$$

где $Q_{f_j} | \bar{f}_1 \dots \bar{f}_{j-1}$ – вероятность исправления всех ошибок в сообщении после приема k повторов и использования РП f_j при условии, что оно не было принято ранее после применения РП $f_1 \dots f_{j-1}$;

t_n – время передачи одного повтора сообщения;

F_i – множество РП, используемых после приема повтора X_i ;

$\Pi(f_i)$ – объем буферной памяти, необходимый для реализации одного РП f_i .

При выборе структуры ДКП с несколькими РП возникают следующие задачи: определить, какое приращение P_c может быть достигнуто при заданном количестве повторов благодаря использованию другого множества РП F на радиоканалах с различным характером ошибок; найти объем буферной памяти декодера для реализации заданного множества РП; установить все множества РП, которые можно реализовать при заданном объеме буферной памяти декодера; выбрать оптимальное соотношение между объемом буферной памяти Π , P_c и соответствующими характеристиками времени доведения t_d ; задать порядок применения РП $f_i \in F$.

Рассмотрим только первую задачу. Расчет основного показателя эффективности ДКП для любого потока, ошибок и произвольного набора РП F $P_c(F)$ в принципе можно произвести по формуле (1). Однако ее вид достаточно сложен при наличии пересекающихся РП, т. е. имеющих общие повторы. Если поток ошибок дискретного канала биномиальный и все ошибки мажоритарного декодирования обнаруживаются, то $P_c(F)$ не зависит от конкретных номеров повторов в РП, а только от их количества в каждом РП и характера их пересечения множеств РП. Но в этом случае вид формулы достаточно сложен.

Пусть

$$F = \{f_1, \dots, f_s\}; \quad f_1 = \{r; X_{11}, \dots, X_{12r-1}\}; \quad f_2 = \{k; X_{21}, \dots, X_{22r-1}\}.$$

Для определенности $k \geq r$. Пусть общим для РП f_1, f_2 являются s повторов $0 \leq s \leq 2r - 1$.

Тогда

$$P_c(F) = Q_{f_1} + Q_{f_2} | \bar{f}_1 \quad (4)$$

$$Q_{f_1} = \left[1 - \sum_{i=1}^{2r-1} C_{2r-1}^i P_0^i (1 - P_0)^{2r-1-i} \right]^0, \quad (5)$$

$$\begin{aligned}
 Q_{F_i|F_i} &= \sum_{i_0=0}^{n-1} \sum_{i_1=0}^{n-1-z_0} \cdots \sum_{i_{r-1}=0}^{n-1-z_{r-2}} \sum_{i_r=0}^{n-1-z_{r-1}} C_{n_0}^{i_0} C_{n-z_0}^{i_1} \cdots C_{n-z_{r-3}}^{i_{r-2}} \times \\
 &\times \prod_{m=0}^{2r-2} \left\{ \sum_{l=\max(0, m-2r+1+s)}^{\min(m, s)} \left[\frac{C_s^{m-1} C_{2r-1-s}^{m-1}}{C_{2r-1}^m} \right] P_0^m (1-P_0)^{2r-l-m} \sum_{t=0}^{k-1} C_{2k-l-s}^t P_0^t (1-P_0)^{2k-l-s-t} \right\} \times \\
 &\times \left[P_0^{2r-1} \sum_{t=0}^{k-1} C_{2k-l-s}^t P_0^t (1-P_0)^{2k-l-s-t} \right]^{k-z_{r-1}},
 \end{aligned} \tag{6}$$

где P_0 – параметр биномиального потока ошибок;

$$z_r = \sum_{i=0}^r j_i.$$

Оценку $P_c(F)$ при большом числе РП и радиоканалах, отличных от двоичного симметричного канала (ДСК), целесообразно проводить моделированием. При этом возникает задача выбора исследуемого варианта множества РП.

Всего на d повторах сообщения длиной n может быть построено $N_n = 2^{d-1}$ различных мажоритарных РП рассматриваемого типа, из которых, в свою очередь, образуется $2^{N_n} - 1$ непустых наборов РП. Если ограничиться только такими множествами РП, в которых каждый повтор сообщения участвует хотя бы в одном РП, то их количество для d повторов $R(d)$ можно получить из соотношения

$$R(d) = 2^{N_n(d)} - \sum_{i=1}^{d-1} C_d^i R(d-i) - 1, \tag{7}$$

$$R(d) = 1.$$

Но и значение $R(d)$ уже при $d=5$ слишком велико, чтобы оценивать каждый допустимый вариант множества РП. Кроме того, прежде чем оценивать и искать среди них вариант построения ДКП, удовлетворяющего другим ограничениям (например, на объем памяти), желательно убедиться, достижима ли при заданном количестве повторов требуемая вероятность правильного приема сообщения. Эту оценку можно сделать, исследовав полный ДКП (в котором реализованы все N_n РП). В таком декодере мощность множества $F_i = 2^{i-2}$. (F_1)=1, а каждый повтор участвует в 2^{d-2} РП. Если считать, что все ошибки декодирования по любому РП обнаруживаются, то P_c полного ДКП – верхняя оценка для любого ДКП, использующего не большее количество повторов.

Оценку эффективности полного ДКП проводим имитационным моделированием на четырех дискретных каналах связи с различным характером ошибок. Каналы 1,2 – ДСК. Канал 3 с пачками ошибок; интервалы в нем между началами пачек ошибок экспоненциально распределены с параметром $\lambda = 0,002$ а длина пачек имеет равномерное распределение с параметрами $[0,200]$; допускалось перекрытие пачек ошибок; внутри пачки вероятность ошибки на символ равна 0,5, а между пачками – 0,01. В скоростном КВ-радиоканале 4 записывался поток ошибок, образованный параллельным модемом. Для рассматриваемых каналов P_0 имеет следующие значения: для первого $P_0=0,08$; для второго $P_0 = 0,1$; для третьего $P_0=0,1$; для четвертого $P_0 = 0,09$. Моделирующая программа позволяет задавать параметры КП (длина повтора, количество повторов сообщения, любое множество F мажоритарных РП) и имитирует работу декодера на записях заранее подготовленных потоков ошибок дискретных каналов.

Значения $P_c(d)$, полученные в результате моделирования полного ДКП кодов с повторением ($n=100, d=7$), приведены в табл. 1 и на рисунке. В табл. 2 даны результаты сравнения P_c полного ДКП и P_{c1} ДКП с одним РП $f\left(\frac{d+1}{2}, x_1, \dots, x_d\right)$. Здесь

$$\Delta = |P_c - P_{c1}|, \tag{8}$$

$$\delta = \frac{\Delta}{1 - P_{c1}} 100\%. \tag{9}$$

Таблица 1

Значения $P_c(d)$, полученные в результате моделирования полного ДКП кодов с повторением ($n=100$)

№ канала связи	$P_c(d)$ для d , равного				
	3	4	5	6	7
1	0,19	0,45	0,80	0,96	0,99
2	0,07	0,22	0,59	0,86	0,97
3	0,73	0,85	0,93	0,97	0,99
4	0,58	0,63	0,70	0,73	0,76

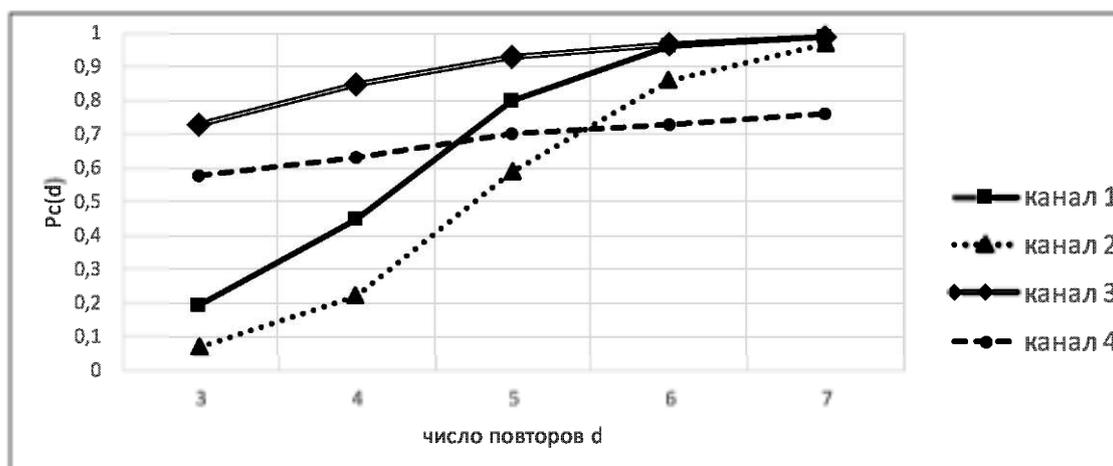

Рис. Значения $P_c(d)$, полученные в результате моделирования полного ДКП кодов с повторением ($n=100$)

Таблица 2

Результаты сравнения P_c полного ДКП и P_{c1} ДКП с одним РП $f\left(\frac{d+1}{2}; X_1, \dots, X_d\right)$

№ канала связи	$d=5$			$d=7$		
	P_{c1}	Δ	$\delta, \%$	P_{c1}	Δ	$\delta, \%$
1	0,63	0,17	46	0,89	0,10	91
2	0,42	0,17	30	0,76	0,21	88
3	0,76	0,17	71	0,87	0,12	92
4	0,63	0,17	19	0,68	0,08	25

Более подробно работу ДКП характеризуют условные эффективности:

$$P_{ij} = \frac{m_{ij}}{M_{ij}}; P_i = \frac{M_i}{\sum_{i=1}^d M_i}; P_j = \frac{\sum_{i=1}^d m_{i8j}}{\sum_{i=1}^d M_i}; \quad (10)$$

где P_{ij} – условная эффективность РП j -го вида на i -м шаге декодирования;
 P_i – условная эффективность использования i -го шага декодирования;
 P_j – условная эффективность РП j -го вида;

m_{ij} – количество сообщений, принятых на i -м шаге декодирования при использовании РП j -го вида;

M_i – количество сообщений, принятых на i -м шаге декодирования.

Шагом декодирования называем процесс применения РП $f \in F_i$, а вид РП определяется фактическим количеством повторов. Значения P_i, P_j для рассматриваемого полного ДКП и перечисленных каналов показаны в табл. 3, 4.

Таблица 3

Связь между вероятностью безошибочного приема сообщений (в %) и числом повторов в зависимости от характера ошибок

№ канала связи	$P_c(\%)$ для d , равного				
	3	4	5	6	7
1	19	26	36	15	3
2	8	15	38	28	6
3	31	13	9	4	3
4	21	7	9	4	5

Таблица 4

Связь между вероятностью безошибочного приема сообщений (в %) и критериями в зависимости от характера ошибок

№ канала связи	$P_j(\%)$ для различных критериев α из k			
	1×1	2×3	3×5	4×7
1	0,1	80	20	0,1
2	0,1	59	41	2,0
3	63,0	34	1	-
4	74,0	25	2	0,1

Анализ результатов моделирования подтверждает бесспорное преимущество применения полного набора РП для обработки кодов с повторением в симплексных системах радиосвязи.

Примером технической реализации полного набора решающих правил может выступать класс патентно-способных технических решений [4–7].

Литература

1. Элементы теории передачи дискретной информации / под ред. Л. П. Пуртова. М.: Связь, 1972. 231. с.
2. Калмыков И. А., Резеньков Д. Н., Зиновьев А. В., Хайватов А. Б. Сравнительная оценка основных методов коррекции ошибок модулярными кодами для современных информационных технологий систем управления / Успехи современного естествознания. 2009. № 4. С. 39–40.
3. Малофей О. П., Стадникова А. Н. Оценка сложности устройств мажоритарного декодирования. V Международная НТК «Инфокоммуникационные технологии в науке, производстве и образовании» (Инфоком-5). Кисловодск, Ставрополь, 2–6 мая 2012. Сборник научных трудов ч.1. с. 233–236.
4. Устройство коррекции ошибок с расширенным набором решающих правил. Копытов В. В., Малофей О. П., Малофей А. О., Малофей Ю. О., Царев Д. Б. Патент на изобретение RUS 2152129 от 27.06.2000 Бюл. № 18.
5. Устройство для исправления ошибок при многократном повторении сообщений. Кирьянов Д. В., Коваленко А. П., Ашанин В. С., Малофей О. П., Малофей А. О. Патент на изобретение RUS 2023348 от 15.11.1994.
6. Устройство коррекции ошибок с расширенным набором решающих правил и учетом сигнала стирания. Малофей О. П., Малофей А. О., Малофей Ю. О., Авдеев В. Г., Якименко А. И., Якименко И. Л. Патент на изобретение RUS 2208907 06.03.2001.
7. Устройство коррекции ошибок с расширенным набором решающих правил и учетом адаптивного сигнала стирания. Малофей А. О., Малофей О. П., Рыбальченко М. С., Щелкунова Ю. О. Патент на изобретение RUS 2309553 24.08.2005.

УДК 519.5

Наац Игорь Эдуардович, Наац Виктория Игоревна

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОЭФФИЦИЕНТНОЙ ЗАДАЧИ ДЛЯ УРАВНЕНИЯ ПЕРЕНОСА ПРИМЕСЕЙ В АТМОСФЕРЕ С ПРИБЛИЖЕННЫМИ ДАННЫМИ

В статье рассматривается нестационарное уравнение переноса примесей в атмосфере, в которой предполагается использование эмпирических данных. На основе интегральных представлений функций выполняется построение соответствующего рекурсивного алгоритма.

Ключевые слова: нестационарное уравнение переноса примесей в атмосфере, рекурсивный вычислительный алгоритм, сингулярные интегралы, численные исследования.

Naath Igor E., Naath Viktoria I.

INTEGRATED REPRESENTATIONS OF FUNCTIONS IN CALCULATION MODEL OF COEFFICIENT PROBLEM FOR EQUATION OF THE POLLUTANTS TRANSFER IN THE ATMOSPHERE, WHICH INVOLVES THE USE OF EMPIRICAL DATA

The non-stationary equation of transfer of impurity in the atmosphere is considered, which involves the use of empirical data. Construction of the corresponding recursive algorithm is performed on the basis of the functions represented in singular integrals.

Key words: non-stationary equation transfer of impurity in the atmosphere, a recursive computing algorithm, singular integrals, numerical researches.

В ранее представленных работах авторов [1,2], посвященных созданию средств математической и алгоритмической поддержки методик прогнозирования экологических состояний системы «атмосфера – подстилающая поверхность», в исходные математические модели вводились так называемые операторы обобщенного дифференцирования, адекватно учитывающие дефицит исходных данных, их приближенный характер. В пределах настоящей работы осуществляется дальнейшее развитие этого подхода применительно к задачам моделирования явления диффузного переноса загрязняющих веществ в атмосфере и разработке соответствующих численных методов оценки и прогноза пространственно-временной изменчивости поля концентрации примесей.

Обратимся к тем математическим моделям, которые могут быть положены в основу оперативного контроля пространственно-временной изменчивости поля концентрации загрязняющих веществ. Если рассмотреть процесс переноса субстанции в турбулентной среде, скажем, в направлении координатной оси Ox , то уравнение переноса относительно функции $u(x,t)$, описывающей поле концентрации в точке (x,t) , где $x \in \Omega_x = [a,b]$ и $t \in \Omega_t = [0,T]$ может быть записано в виде [1]:

$$\frac{\partial u}{\partial t}(x,t) + \frac{\partial}{\partial x}(V_x u)(x,t) = \frac{\partial}{\partial x} \left(K(x,t) \frac{\partial u}{\partial x} \right) + S(x,t), \quad (1)$$

где $V_x(x,t)$ и $K(x,t)$ исходные данные, характеризующие поле скорости ветра в направлении оси Ox и коэффициент турбулентной диффузии. Функция $S(x,t)$ описывает источник возможных загрязнений в пределах области $\Omega = \Omega_x \times \Omega_t$. В случае трехмерных полей уравнение (1) примет вид:

$$\frac{\partial u}{\partial t}(x,t) + \sum_{i,j=1}^3 \frac{\partial}{\partial x_i} (V_j(P,t)u) = \sum_{i,j=1}^3 \frac{\partial}{\partial x_i} \left(K(P,t) \frac{\partial u}{\partial x_j} \right) + S(P,t), \quad (2)$$

где $P = (x_1, x_2, x_3) \in \Omega_x \subset R_3$. Поскольку в данном случае исходное функциональное уравнение, связывающее неизвестную функцию $u(P, t)$ с заданными полями $\vec{V} = (V_1, V_2, V_3)$, $K(P, t)$ и $S(P, t)$ представлено в форме дифференциального уравнения, то требуется задать начальные и граничные значения для искомой функции. Особенностью решаемой задачи является то обстоятельство, что если поле скорости ветра в принципе измеряемо в пределах области Ω_x , то поле коэффициента турбулентной диффузии $K(P, t)$ остается неизвестным и судить о его значениях можно, лишь на основании некоторых априорных допущений. Для этого могут быть использованы приближенные полуэмпирические формулы [1,3], которые естественно не дают возможности оценить значения градиента $\nabla K(P, t)$, необходимые в модели (2) и требующие применения операции дифференцирования. В этом случае операция дифференцирования в математическом отношении является некорректной и ведет в конечном итоге к неустойчивости вычислительных алгоритмов. Наличие неопределенностей в исходных математических моделях накладывает ограничения на использование известных стандартных методов численного решения уравнения (2), и требует иных подходов, касающихся как содержательной стороны решаемой задачи, так и построения надлежащего аналитического аппарата. Здесь в большей мере определение функции $u(P, t)$ следует понимать не как задачу формального численного решения дифференциального уравнения параболического типа, а скорее как задачу «конструирования» поля $u(P, t)$ по представленным приближенным данным и приемлемым априорным допущениям. Упомянутый выше термин «конструирование» функции (более точно конструирование функциональной зависимости) в содержательном смысле близок тому, как он понимается в монографии И. П. Натансона [4]. Помимо этого уместно сослаться также на монографию К. Ланцоша [5], в которой излагаются методы и концепции прикладного анализа.

Как уже отмечалось ранее в работах авторов, при наличии неопределенностей в исходных данных для краевых задач предпочтительно задачу (1) с начальными и краевыми условиями формулировать в параметризованном виде [1]. Например, уравнение (1) может быть представлено в этом случае следующим выражением:

$$\frac{\partial u}{\partial \tilde{t}} = \beta \frac{\partial}{\partial \tilde{x}} \left(\bar{K}(\tilde{x}, \tilde{t}) \frac{\partial u}{\partial \tilde{x}} \right) - \gamma \frac{\partial}{\partial \tilde{x}} \left(\tilde{V}_x(\tilde{x}, \tilde{t}) u \right) + \tilde{S}(\tilde{x}, \tilde{t}), \quad (3)$$

где $\tilde{t} = t/T$, $(0 \leq \tilde{t} \leq 1)$, $\tilde{x} = (x-a)/(b-a)$, $(0 \leq \tilde{x} \leq 1)$, $\beta = (K_{\max} \cdot T)/L_x^2$, $\gamma = (V_{\max} \cdot T)/L_x$, $L_x = b-a$, $\tilde{S} = TS$, $\bar{K}(\tilde{x}, \tilde{t}) = K(\tilde{x}, \tilde{t})/K_{\max}$, $\tilde{V}_x(\tilde{x}, \tilde{t}) = V_x(\tilde{x}, \tilde{t})/V_{\max}$. Задачу решения уравнения (3) можно рассматривать как состоящую из двух этапов, а именно, построение решающего алгоритма как некоторого «генератора» функции $u(\tilde{x}, \tilde{t}, \beta, \gamma)$ для каждой пары параметров $(\beta, \gamma) \in \Gamma$ и точки (\tilde{V}, \bar{K}) из множества возможных данных $B = \{(\tilde{V}, \bar{K}) : 0 < \tilde{V} < V_{\max}, 0 < \bar{K} < K_{\max}\}$ и последующей надлежащий (наилучшим образом) выбор точки (β^*, γ^*) . Конечно, подобный подход в целом носит качественный характер, что вполне приемлемо для задач с приближенными данными. Аналогично записывается параметризованная форма пространственной модели переноса (2):

$$\frac{\partial u}{\partial \tilde{t}}(\tilde{P}, \tilde{t}) = \beta \sum_{i,j=1}^3 \frac{\partial}{\partial \tilde{x}_i} \left(\bar{K}(\tilde{P}, \tilde{t}) \frac{\partial u}{\partial \tilde{x}_j} \right) - \gamma \sum_{j=1}^3 \frac{\partial}{\partial \tilde{x}_j} \left(\tilde{V}_j(\tilde{P}, \tilde{t}) u \right) + \tilde{S}(\tilde{P}, \tilde{t}). \quad (4)$$

В дальнейшем символ «~» в подобных выражениях в целях упрощения записи будет опускаться.

Заметим, что принцип поточечного соответствия значений функции и ее аргумента для приближенных данных не в полной мере правомерен в строгом смысле, и потому можно внести в модель (4) некоторые упрощения, вполне приемлемые с практической точки зрения. Это, прежде всего, касается поля коэффициента турбулентной диффузии $K(P, t)$. В частности, прием допущение для первого члена в (4), отвечающего за явление турбулентного рассеяния в данной модели переноса:

$$\sum_{i,j=1}^3 \frac{\partial}{\partial x_i} \left(K(P,t) \frac{\partial u}{\partial x_j} \right) \approx \sum_{i,j=1}^3 \frac{\partial}{\partial x_i} \left(K_{ij} \frac{\partial u}{\partial x_j} \right) = \sum_{i,j=1}^3 K_{ij} \frac{\partial^2 u}{\partial x_i \partial x_j} \quad (5)$$

Введением условия (5) предлагается турбулентное рассеяние переносимой субстанции описывать с помощью матрицы $\{K_{ij}\}_{3 \times 3}$, элементы которой удовлетворяют условию $0 \leq K_{ij} \leq 1$, они ассоциированы с областью Ω и множеством исходных данных $B = \{(V, K)\}$. Элементы K_{ij} могут интерпретироваться как коэффициенты турбулентного обмена субстанции в процессе ее переноса в турбулентной среде между направлениями \overline{Ox} и \overline{Ox}_j , $j=1,2,3$, для одномерной и пространственной задач соответственно. В связи с этим уравнение (4) при условии (5) можно считать «полуэмпирическим» уравнением турбулентного переноса субстанции. Упомянутый выше выбор параметров β и γ позволяет наилучшим образом указать приемлемые соотношения между адвективной и конвективной составляющими в искомом поле $u(P,t, \beta, \gamma)$ в целом по области Ω при данном множестве B . Относительно последнего необходимо заметить, что поскольку его элементы суть приближенно заданные функции \overline{V}_σ и K_σ , т. е. являются так называемыми σ -приближениями, то далее будем писать $B_\sigma = \{(\overline{V}_\sigma, K_\sigma)\}$. Это замечание важно в понимании подходов к оценке параметров моделей, которые будут излагаться ниже.

Если функция $u(P,t)$ представлена своим σ -приближением $u_\sigma(P,t)$, таким что $\|u(P,t) - u_\sigma(P,t)\|_{L_1(\Omega)} \leq \sigma \|u(P,t)\|_{L_1(\Omega)}$, то далее вполне естественным будет использовать те или иные ее представления в виде интегралов при аналитическом конструировании этой функции в рамках аппроксимационного подхода. Напомним, что альтернативными представлениями при исследовании функции являются ряды, которые вполне эффективно приближают дифференцируемые функции. Ниже в рассматриваемой задаче используем следующие соотношения:

$$\begin{cases} \int_{\Omega_n} W_n(P, P', t) u(P', t) d\Omega(P') = (W_n u)(P, t) = u_n(P, t) \\ \lim_{n \rightarrow \infty} u_n(P, t) = u(P, t) \end{cases} \quad (6)$$

В этом подходе искомая функция $u(P,t)$ в каждой точке $(P,t) \in \Omega$ рассматривается как предельный элемент последовательности $\{u_n(P,t)\}$, порождаемой последовательностью интегральных операторов $\{W_n\}$, определенных на множестве $C_\Sigma(\Omega)$. Подробное изложение техники аппроксимации в рамках аппарата (6) и его применение для уравнений параболического типа дано в работе [2].

Если исследуемая функция представлена системой дискретных значений, ассоциированных с узлами для переменной x_i ($x_i \in [0,1]$), то интеграл в (6) с помощью подходящей квадратурной формулы представляется суммационным аналогом вида:

$$S_{n,m}(x,t;u) = \sum_{i=1}^n \omega_i h W_n(x, x_i; t) u(x_i, t), \quad (7)$$

где ω_i – соответствующие квадратурные коэффициенты и $h = 1/m$ – шаг дискретизации по переменной $x_i \in [0,1]$. Выражение (7) соответствует тому, что в теории приближения функций называется обобщенным полиномом функции степени m . Исходя из (6) нетрудно показать справедливость следующего предельного равенства: $\lim_{m \rightarrow \infty} \|U(x,t) - S_{n,m}(x,t,u)\|_{L_1(\Omega)} = 0$

почти всюду на Ω_x , если $u \in L_1(\Omega_x)$. Процессы $m \rightarrow \infty$ и $n \rightarrow \infty$ должны быть взаимно согласованны [2].

Особенностью изложенного подхода к проблеме аппроксимации исследуемых функций (поиску решений функциональных уравнений) является то, что представление (6) применимо не только к функции $u(P, t)$ но и к ее частным производным любого порядка. В частности имеем аналогичные соотношения:

$$\begin{cases} \int_{\Omega_x} W_n(P, P', t) u'_{x_i}(P', t) d\Omega(P') = (W_n D_{x_i}^{(1)} u)(x, t) = (u'_{x_i})_n(P, t) \\ \lim_{n \rightarrow \infty} (u'_{x_i})_n(P, t) = u'_{x_i}(P, t) \end{cases} \quad (8)$$

Применив к интегралу (8) формулу интегрирования по частям, найдем:

$$\begin{aligned} & \int_{\Omega_x} W_n(P, P', t) u'_{x_i}(P', t) d\Omega(P') = \\ & = \int_{\Omega_x} W'_{n, x_i}(P, P') u(P', t) d\Omega(P') + \psi_{n, 1}^{(i)}(P, t; \bar{u}), \end{aligned} \quad (9)$$

где $\psi_{n, 1}^{(i)}(P, t; \bar{u})$ – соответствующий интеграл по границе области Ω_x , т.е. по $\bar{\Omega}_x$ от функции $(W_n(P, P', t) u'(P', t))$, ($P' \in \bar{\Omega}_x$) и $W'_{n, x_i} = (W'_{x_i})_n$. Заметим, что $\psi_{n, 1}^{(i)}(P, t; \bar{u}) \rightarrow 0$ при $n \rightarrow \infty$ для $\forall P \in \bar{\Omega}_x$ и $\psi_{n, 1}^{(i)}(P, t; \bar{u}) \equiv 0$ при $\bar{u} \equiv 0$ на $\bar{\Omega}_x$. В этих условиях соотношения (8) и (9) определяют преобразование $u(P, t) \rightarrow u'_{x_i}(P, t)$ в точке $(P, t) \in \Omega$, осуществляемое интегральным оператором $(D_i^{(1)} \circ W_n)$ с ядром $W'_{n, x_i}(P, P', t)$ при $n \rightarrow \infty$. Аналогично строится и преобразование $u(P, t) \rightarrow u''_{x_i x_i}(P, t)$, определяемое интегральным оператором $(D_i^{(2)} \circ W_n)$ с ядром $W''_{n, x_i x_i}(P, P', t)$. Для большей ясности приводимых здесь интегральных формул (8) и (9) заметим, что ядра $W_n(P, P', t)$ удовлетворяют условиям

$$W_n(P, P', t) = W_n(|\vec{r}(P) - \vec{r}(P')|, t) \rightarrow 0$$

при

$$|\vec{r}(P) - \vec{r}(P')| \rightarrow \infty \text{ и } W_n(P, P', t) \geq 0$$

всюду в области своего определения, где $\vec{r}(P)$ радиус-вектор точки P . Следствием этого является соотношение $(W'_{x_i})_n = (-W'_{x_i})_n$, которое и использовалось выше при записи (9).

Применяя изложенные выше принципы аппроксимации функции и их производных, исходную модель (4) можно представить в виде:

$$\dot{u}(P, t) = \beta A_n u - \gamma B_n u + \bar{S}, \quad (10)$$

где A_n и B_n – интегральные линейные операторы с ядрами:

$$A_n(P, P', t) = \sum_{i, j=1}^3 K_{ij} (D_{ij}^{(2)} \circ W_n)(P, P', t),$$

и

$$B_n(P, P', t) = \sum_{i, j=1}^3 (D_i^{(1)} \circ W_n)(P, P', t).$$

В дальнейшем будем иметь (10) в виде:

$$\dot{u}(P, t) = -\beta(Q_n u)(P, t) + \bar{S}(P, t), \quad (11)$$

где $Q_n = -A_n + \eta B_n$, $\eta = \beta/\gamma = K_{\max}/\alpha_x V_{\max}$.

Выражение (11) определяет некую стандартную аналитическую форму представления тех функциональных уравнений, которые получили название уравнений эволюционного типа. В нашем случае их особенностью является то обстоятельство, что в правой части стоит интегральный оператор по пространственным переменным. Последний, как нетрудно показать, являются ограниченным в области Ω_x и вполне непрерывным почти всюду в ней. Поскольку он определен на множестве функций, суммируемых на Ω_x , то никаких ограничений на гладкость искомых функций в Ω_x не требуется. Это обстоятельство является весьма важным, если при решении уравнения типа (4) используются приближенные данные.

Построение конкретной вычислительной схемы для эволюционных уравнений (10) может быть осуществлено различными способами [1]. Для целей характеристики уравнения (10) будем использовать следующую рекурсивную схему (схема линейного прогноза):

$$u(P, t_{j+1}) = -\beta(T_{n,j}u)(P, t_j) + \tau(S_{n,j}\bar{S})(P, t_j), \quad (12)$$

$$T_{n,j} = (I + \tau\eta Q_{n,j})^{-1}(I - \tau\eta Q_{n,j}), \quad (13)$$

$$S_{n,j} = (I + \tau\eta Q_{n,j})^{-1}, \quad j = 1, 2, \dots \quad (14)$$

Оператор (13) называется оператором шага, а второй оператор (14) – оператором источника, при этом $\tau = (t_{j+1} - t_j)$ – интервал дискретизации по временной переменной $t \in \Omega_t$. Сходимость рекурсивной схемы (12) при $\tau \rightarrow 0$ требует выполнения условия $\beta \|T_{n,j}\| < 1$ для $\forall j, n$. Ясно, что выполнение этого условия требует соответствующего подбора параметров вычислительной схемы, а именно, выбора значений величин β, γ, τ и n . В связи с этим можно говорить о последовательности приближенных решений $\{u_n(P, t_j, \rho)\}$, где ρ – точка соответствующего параметрического пространства P . Если выбор пары (n, τ) более или менее ясен в том смысле, что его можно связать с допустимой гладкостью на приближенные решения $\{u_n(P, t)\}$ и устойчивостью вычислительного алгоритма, то неопределенность решаемой задачи, обусловленная отсутствием априорной информации о матрице $K = \{K_{ij}\}$ более существенна. По существу речь идет о «привязке» исходной математической модели к реальной ситуации посредством адекватного выбора характеристик среды в пределах пространственно-временной области $\Omega = \Omega_x \times \Omega_t$. Напомним, что в рассматриваемом случае речь идет о прикладной системе атмосфера – подстилающая поверхность (пограничный слой атмосферы). В ранее опубликованной работе авторов, связанной с разработкой математического обеспечения экологического мониторинга природной среды [1], предполагалось наличие в контролируемом районе экологических постов, обеспечивающих контроль уровня загрязнений в выбранных точках $P_\nu, \nu = 1, 2, \dots, N$ в момент t_j . Используя данные мониторинга $\{u_\sigma(P_\nu, t_j)\}$, можно упомянутую выше «привязку» модели осуществить на основе численных методов оптимальной аппроксимации. Действительно, если заданы матрица U_σ эмпирических значений поля концентрации контролируемой субстанции для пар $\{u_\sigma(P_\nu, t_j)\}$ с одной стороны, и параметризованное семейство возможных решений $\{u_n(P, t; K, \rho)\}$ для схемы (12), то можно определить следующий функционал:

$$T_\alpha(u_\sigma, u_n(K, \rho)) = \|u_\sigma - u_n(P, t; K, \rho)\|_{L_2(\Omega)}^2 + \alpha \|\bar{\nabla}_\alpha u_n(K, \rho)\|_{L_2(\Omega)}^2 = T_{\alpha(\sigma)}(K), \quad (\alpha > 0), \quad (15)$$

определенный для каждой пары (n, ρ) на множестве Φ , элементами которого являются матрицы коэффициентов турбулентного обмена K . В связи с этим, помимо выбора формальных параметров модели (n, ρ) , заключительной операцией «конструирования» поля $u(P, t)$ является решение оптимизационной задачи: $\inf_{K \in \Phi} T_{\alpha(\sigma)}(K) = T_{\alpha(\sigma)}(K^*)$. Ясно, что значение $T_{\alpha(\sigma)}(K^*)$, характеризующее степень уклонения значений $u_n(P, t, \rho)$ от эмпирически наблюдаемого дискретного

множества значений $\{u_\sigma\}$, должно быть достаточно малым, т.е. сравнимым со значением ошибки измерений контрольных значений σ . Параметры n и $\rho = (\tau, \beta, \gamma)$ позволяют в определенной степени осуществить коррекцию окончательных значений $T_{\alpha(\sigma)}^* = T_{\alpha(\sigma)}(K^*)$. Нетрудно видеть, что изложенный здесь вычислительный алгоритм по существу решает так называемую обратную коэффициентную задачу для уравнения турбулентного переноса (2). Введение в модель интегральных операторов, связанных с аналитическим представлением возможных решений, позволяет свести решение обратной коэффициентной задачи к методам обобщенной инверсии интегральных операторов, к каковым относится операция минимизации сглаживающего функционала (15), определенного на множестве приближенных данных.

Заключительные замечания будут касаться вычисления градиента ∇_{α} на множестве приближенных решений рекурсии (12). Для большей ясности будем рассматривать одномерный вариант аппроксимационной задачи (6), в которой исследуемая функция $u(x, t)$ представляется интегралом с ядром $W_n(x, x', t)$, что записывается соотношением:

$$u(x, t) \approx \int_{\Omega_x} W_n(x, x', t) u(x', t) dx' = (W_n u)(x, t). \quad (16)$$

Будем для простоты рассматривать некоторую функцию $f(x)$, где $x \in \Omega_x$ и $f(x) \in C_\Sigma(\Omega_x)$. Поскольку $f(x)$ интегрируема по предположению, то ей можно в каждой

точке x отрезка Ω_x поставить в соответствие неопределенный интеграл $F(x, f) = \int_0^x f(x') dx'$.

Введем в рассмотрение следующий оператор:

$$(D_h F)(x) = \frac{F(x+h, f) - F(x-h, f)}{2h}. \quad (17)$$

Если функция $f(x)$ всюду непрерывна на Ω_x , то $F(x, f)$ дифференцируема, и значит определено предельное соотношение $\lim_{h \rightarrow 0} (D_h F)(x) = (DF)(x) = F'(x) = f(x)$. В последнем соотношении через D обозначен оператор обычного дифференцирования, определенный в анализе через предельное отношение $[f(x + \Delta x) - f(x - \Delta x)] / 2\Delta x$ при $\Delta x \rightarrow 0$. В интеграле (16) ядро имеет особенности вблизи диагонали $x' = x$, и потому предположение о непрерывности интегрального выражения во всех точках отрезка Ω_x уже не может быть принято безоговорочно. Напомним, что если $f \in C_\Sigma(\Omega_x)$, то соответствующий неопределенный интеграл $F(x, f)$

будет функцией абсолютно непрерывной на Ω_x , для которой оператор D не может быть применен к ней во всех без исключения точках x . В этой ситуации разумно ввести оператор обобщенного дифференцирования в соответствии с формулой:

$$(\tilde{D}_\alpha F)(x) = \sup_{0 < h < \alpha} \frac{F(x+h, f) - F(x-h, f)}{2h},$$

где α – достаточно малая величина ($\alpha > 0$). В рассматриваемой задаче выше уже вводилась подобная величина. Речь идет о параметре регуляризации в оптимизационной задаче для функционала $T_\alpha(u_\sigma, u_n)$ (15). Выбор значений этой величины поставлен в зависимость от погрешности данных, используемых в задаче. Поскольку $(D_n F)(x) = (1/2h)\Delta_h F(x)$ согласно (17), то имеем представление для частной производной $u(x, t)$:

$$\frac{\partial u}{\partial x}(x, t) \approx \frac{1}{2h} \int_{\Omega_x} (\Delta_h W_n)(x, x', t) u(x', t) dx'. \quad (18)$$

Для типовых ядер $W_n(x, x', t)$ сингулярных интегралов функций имеет место следующая оценка параметр $h \cong c\sqrt{\sigma/n}$, где σ – относительная ошибка значений u_σ исследуемой функции и n – порядок ядра в интеграле (16). В соответствии с (16) операция дифференцирования $u(x, t)$ выполняется численно путем вычисления интеграла с помощью стандартного программного обеспечения.

Литература

1. Наад В. И., Наад И. Э. Математические модели и численные методы в задачах экологического мониторинга атмосферы: Монография. М.: Физматлит, 2010.
2. Рыскаленко Р. А., Черкасова И. В. Интегральные представления функций в численных методах решения нестационарных задач переноса. Вестник Северо-Кавказского Федерального Университета (СКФУ). № 1 (34). Ставрополь, 2013. С. 30–34.
3. Лайтхман Д. Л. Физика пограничного слоя атмосферы. Л., 1970.
4. Натансон И. П. Конструктивная теория функций. М.: Физматлит, 1949.
5. Ланцош К. Практические методы прикладного анализа. М.: Физматлит, 1961.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОММУНИКАЦИИ

УДК 005.521.(470)

Авербух Виктор Михайлович**АЛГОРИТМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
И ЕГО ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ**

В статье в соответствии с алгоритмом дается описание этапов прогнозирования: составление генеральной цели прогноза и задания. Предложено информационное обеспечение и этапы выполнения среднесрочных прогнозов. Взаимодействие подразделений и подготавливаемая ими документация.

Ключевые слова: алгоритм технологического прогнозирования, информационное обеспечение, прогнозы технологические, генеральная цель прогноза, задание, реализация.

Averbukh Victor M.**ALGORITHM OF TECHNOLOGICAL FORECASTING
AND ITS INFORMATIONAL SUPPORT**

In the article according to algorithm the description of prediction phases is given: drawing up the general purpose of the forecast and task. Information support and stages of implementation of medium-term forecasts is offered. Interaction of the divisions and documentation prepared by them.

Key words: algorithm of technological forecasting, informational support, technical forecasts, general purpose of the forecast, task, realization.

С целью повышения эффективности научных исследований, развития производства, закрепления на рынке и увеличения коммерческой прибыли на перспективу, естественно, необходимо выполнение прогностических исследований. Для их проведения, в первую очередь следует разработать Алгоритм выполнения прогностических исследований (далее – Алгоритм). Его цель – установить порядок проведения прогностических исследований по решаемым в организации проблемам, а также обязанности его структурных подразделений [1]. Алгоритм определяет основного разработчика научно-технологических прогнозов и подразделения соисполнителей; этапы прогнозных исследований и их последовательность; тематическое содержание работ на каждом этапе с учетом их информационного обеспечения, наименование документов, которые подготавливаются в результате завершения этапов; подразделения организации эти документы согласовывающие и кто их утверждает.

Естественно, Алгоритм и его информационное обеспечение разрабатываются применительно к тематике исследований конкретной организации – ВНИИ люминофоров и особо чистых веществ (ВНИИЛ) в области люминесцентных материалов для средств отображения визуальной информации [2]. При этом исходили из того, что основным – ведущим функциональным, координирующим и методическим подразделением должно быть специальное выделенное подразделение – Сектор научно-технического прогнозирования и перспективного планирования (СНТППП), а научно-тематический отдел (НТО), отдел научно-технической информации (ОНТИ), отдел патентно-лицензионной работы (ПО), отдел стандартизации и качества ОСИН), лаборатория технико-экономических исследований (ЛТЭИ), база стандартных справочных данных (БССД) и структурные исследовательские лаборатории – соисполнители (ЛС).

Блок-схема Алгоритма представлена на рис. 1. Блок-схема взаимодействия подразделений представлена на рис. 2.

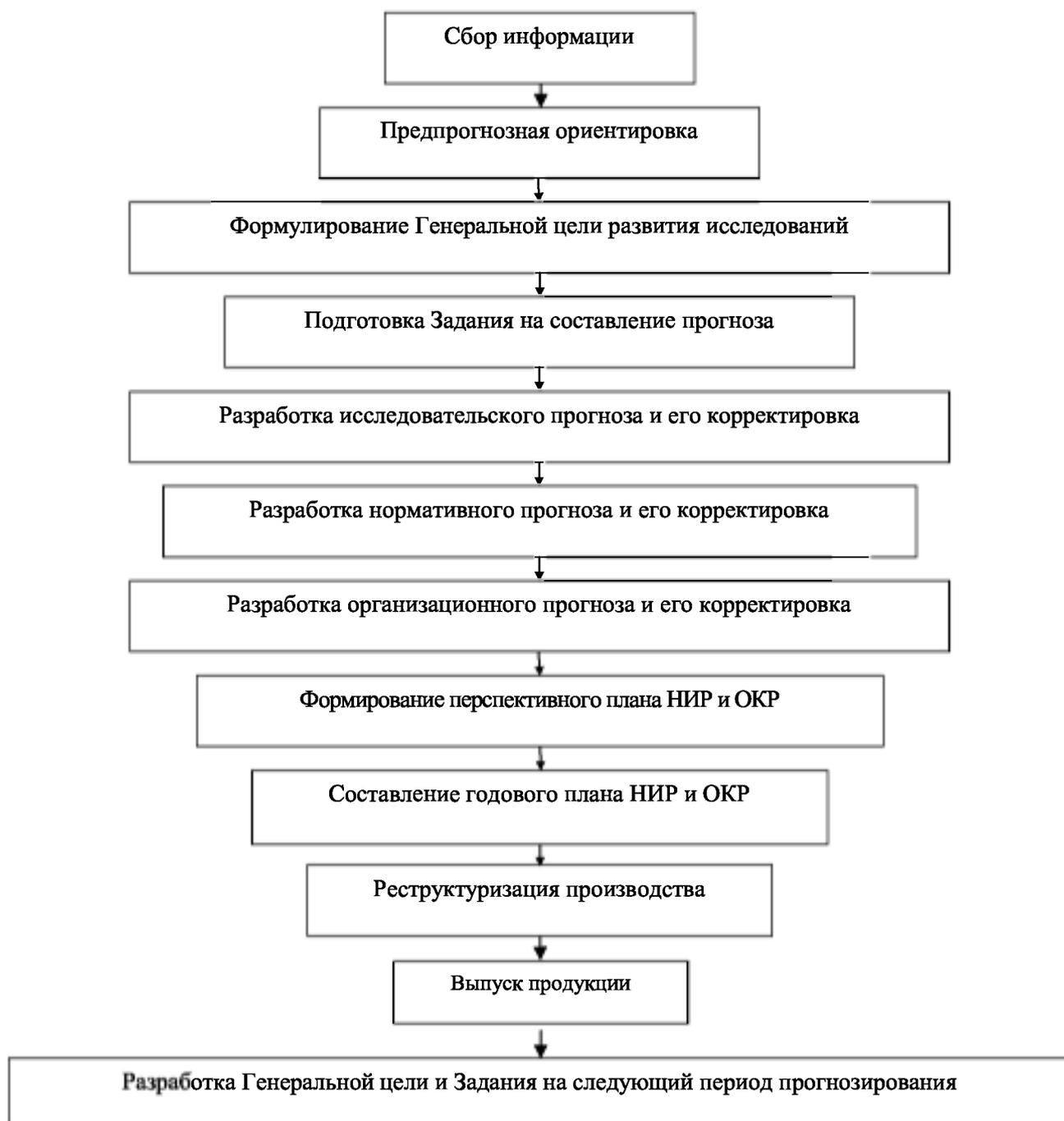

Рис.1. Блок-схема разработки прогноза

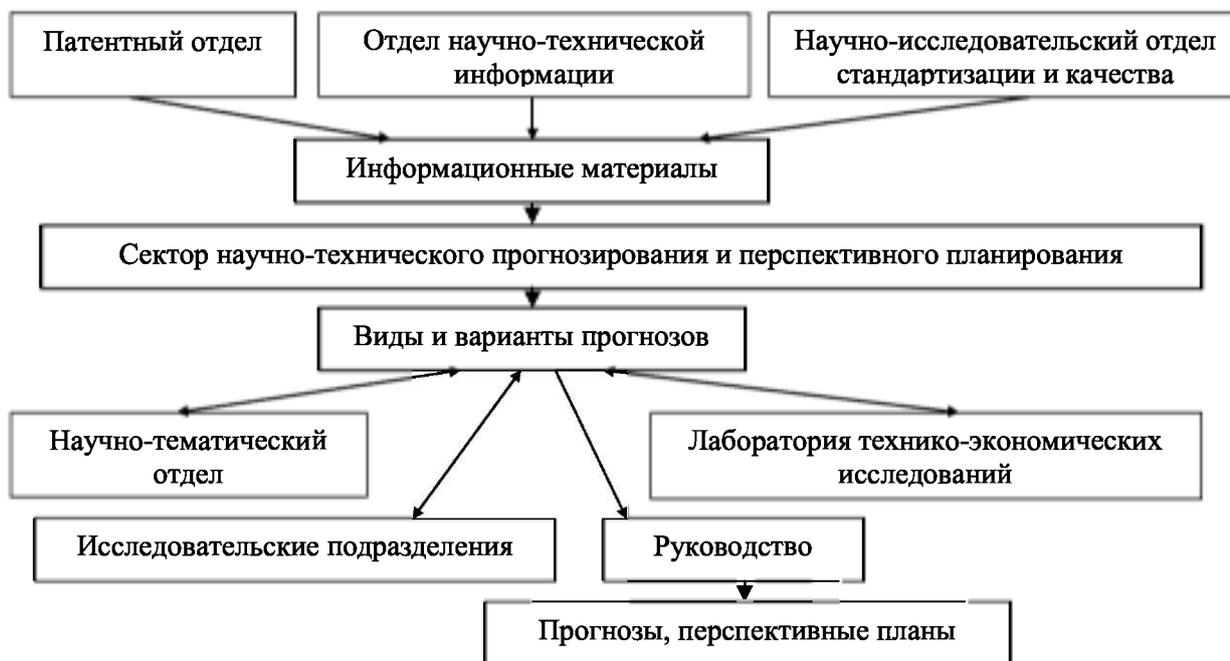

Рис.2. Блок-схема взаимодействия подразделений

Функциональное участие в прогностических исследованиях отделов, служб и лабораторий организации носит характер соисполнения. В основном это подготовка соответствующей научно-технической, экономической, производственной информации, участие в экспертизе прогнозных материалов, обсуждении хода выполнения прогнозных исследований и конечных результатов.

НТО подготавливает материалы о проводимых в организации научных исследованиях в период выполнения прогнозных работ, участвует в обосновании и подготовке перспективных и годовых планов. Направления прогностических исследований других отделов следуют из их наименований. А специалисты исследовательских лабораторий могут привлекаться в качестве экспертов-прогнозистов по своим тематическим направлениям и научным интересам.

В соответствии с Алгоритмом, разработка прогнозов начинается со сбора информации самого разнообразного характера. Считается, что ретроспективный период сбора информации должен быть не менее периода прогнозирования. Информационные материалы можно условно разделить на несколько частей. Это информация об отечественных исследованиях и производстве; аналитические данные о научной, технической, производственной деятельности ведущих зарубежных фирм; мировая патентно-лицензионная политика по отдельным тематическим направлениям; сопоставительные фактографические данные о качестве отечественной и зарубежной продукции. В некоторых случаях, в зависимости от тематики исследований, может потребоваться и политическая информация. Наилучшей формой обработки и анализа информации для прогнозирования являются, как показано нами, аналитические обзоры [3].

В любом случае, информация должна отвечать следующим общим требованиям: полнота, точность, достоверность и своевременность ее представления, а также однозначность ее восприятия и толкования. При этом сведения должны характеризовать не только прогнозируемую тематику, но и смежные направления исследований и производства, иметь выходные данные [4]. Особое внимание должно быть уделено информации по конкурирующим направлениям исследований и производству, рынкам сбыта продукции.

В соответствии с Алгоритмом, все действия по организации прогностических исследований начинаются с обоснования Генеральной цели (ГЦ) развития объекта прогноза (тематического направления) и составления Задания на прогнозирование [5]. Анализ обработанной ранее информации позволит сформулировать ГЦ на требуемый период времени. При этом учитываются политические и экономические условия, директивные указания, требования рынка; научные, технические, производственные, экономические и кадровые возможности организации. Исходя из ГЦ разрабатывается Задание на проведение прогностических исследований (ЗП) [5]. Если при разработке исследовательского прогноза большее значение имеет общенаучная информация по передовым странам и фирмам, то при подготовке нормативных и организационных прогнозов следует больше уделять внимания сведениям об отечественных исследованиях, производству, состоянию материально-технической базы предприятий, на которых будут реализовываться прогнозы, обеспеченности их сырьевыми ресурсами, уровень квалификации специалистов, способных осуществить прогнозируемые положения. Естественным продолжением прогностических исследований является формирование перспективного и годового планов НИР и ОКР, позволяющих осуществить предложенные прогнозные позиции, перестроить производство, наладить выпуск новых товаров и суметь выйти на рынок. Тут прослеживается один из принципов прогнозирования – связь технологического прогнозирования и планирования с экономическим и социальным прогнозированием, изложенным нами в работе [6]. В этом случае недостаточно будет прогнозистам использовать экономическую и социологическую информацию, но и придется привлекать специалистов соответствующей специальности для консультаций.

В соответствии с Алгоритмом, СНТППП определяет тематику информационного обеспечения для ОНТИ, ПО, НИОСК и БССД. Каждый из этих отделов собирает, хранит, обобщает и анализирует информацию в соответствии с Заданием на прогнозирование, методическими рекомендациям СНТППП.

Ниже вкратце рассмотрены функциональные обязанности соисполнителей прогностических исследований. Исходя из этого, собирается и анализируется информация. Основная задача ЛТЭИ при подготовке прогнозных материалов – определить экономическую эффективность осуществленных прогнозных позиций, ориентировочные цены на изделия с новыми качественными характеристиками, затраты на реконструкцию предприятий, возможности использования сырьевой базы, обосновать размещение новых производств и реконструкцию существующих, и т. д. По ряду продуктов возможны расчеты эффективности продажи лицензий и исключительных прав на Результаты интеллектуальной деятельности (РИД) организации. НТО обосновывает рекомендации по привлечению конкретных научно-исследовательских лабораторий – исполнителей, их обеспеченность приборами, оборудованием сырьем и т.д. Кроме того, НТО контролирует выполнение общего плана проведения всего комплекса работ по прогнозированию.

Совместными усилиями НТО, ЛТЭИ и специализированных служб, обосновывается выбор предприятий отрасли, для реализации прогнозов, проведения реконструкции производства, выпуска новой продукции.

Порядок действий по проведению прогнозных исследований изложен в таблице.

Алгоритм организации работ по научно-технологическому прогнозированию

№/№ этапа	Наименование этапа	Выполняемые исследования	Исполнитель, соисполнитель *	Основные результаты, которыми заканчиваются этапы.	Кто утверждает и согласовывает
1	2	3	4	5	6
1.1	Составление задания на разработку прогноза	Подготовка задания на разработку прогноза	СНТПШ	Задание, перечень объектов, период прогнозирования.	Руководство, НТО
1.3	Проведение предпротгной ориентировки	Технико-эконом. исследования состояния научных разработок и производства в отрасли и за рубежом	ОНТИ, ЛТЭИ, ПО, НИОСК, НТО, подразделения разработки	Анализ исследований, качества продукции, техн.-эконом. показателей, состояние исследований	Руководство, подразделения
1.4	Корректировка генеральной цели	Выполнение корректировки генеральной цели	СНТПШ, ПО, НИОСК, ЛТЭИ	Генеральная цель развития исследований.	Руководство, подразделения
2	Выбор методов прогнозирования	Осуществление выбора методов прогнозирования	СНТПШ	Обоснование применения методов прогнозирования	Заведующий СНТПШ
3	Разработка исследовательского прогноза	Выполнение прогнозных исследований	СНТПШ	Исследовательский прогноз, аналитическая документация, перечень перспективных направлений	Руководство, НТО, подразделения
3.1	Сбор информации для составления исследовательского прогноза	Передача материалов в СНТПШ	ОНТИ, ЛТЭИ, ПО, НИОСК, НТО	Информационные материалы в соответствии с заданием соисполнителям	Руководство, СНТПШ
3.2	Сопоставление качества продукции, разрабатываемой предприятием, с данными исследовательского прогноза	Проведение сопоставления данных о качестве продукции предприятия с качеством лучших зарубежных образцов	НИОСК, СНТПШ, ОНТИ, подразделения – разработки	Обзор качества продукции с таблицами, графиками, выводами	Руководство
3.3	Корректировка исследовательского прогноза	Проведение корректировки исследовательского прогноза	СНТПШ	Исследовательский прогноз (скорректированный вариант)	Руководство
4	Разработка нормативного прогноза	Разработка нормативного прогноза	СНТПШ	Нормативный прогноз; параметры и их значения, документация, программа возможных условий для реализации исследовательского прогноза.	Руководство, НТО

4.1	Сбор информации для нормативного прогноза	Передача информации в СЭТШП	СЭТШП ОНТИ, ЛТЭИ, ПО, НИОСК, НТО	Обзоры, прогнозная информация; материалы в соответствии с заданием соисполнителям	Руководство СЭТШП
4.2	Технико-экономический анализ вариантов нормативного прогноза	Расчет экономического эффекта от реализации вариантов нормативного прогноза	ЛТЭИ СЭТШП	Технико-экономический анализ нормативных прогнозов, расчет экономического эффекта каждого из них	Руководство НТО, НИОСК, ПО
4.3	Сбор информации для корректировки нормативного прогноза	Передача информационных материалов в СЭТШП	ОНТИ	Обзорная информация в соответствии с заданием	Руководство СЭТШП
4.4	Корректировка нормативного прогноза	Проведение корректировки прогнозов	СЭТШП	Нормативный прогноз (скорректированный вариант).	Руководство
5	Разработка организационного прогноза	Разработка организационного прогноза	СЭТШП НТО, ПО, ЛТЭИ, НИОСК	Организационный прогноз	Руководство
5.1	Сбор информации для организационного прогноза	Передача информационных материалов в СЭТШП	ОНТИ	Обзорная информация в соответствии с заданием	Руководство СЭТШП
5.2	Корректировка организационного прогноза	Проведение корректировки прогноза	СЭТШП	Организационный прогноз (скорректированный вариант).	Руководство
6	Разработка перспективного плана НИР	Формирование проекта плана НИР и ОКР	НТО, СЭТШП, ЛТЭИ, ПО, НИОСК, подразделения разработки	Проект пятилетнего плана НИР и ОКР. Наименование проблем, ожидаемые результаты, сроки выполнения, финансирование	Руководство НТО
7	Составление годового плана НИР	Подготовка проекта годового плана НИР	СЭТШП, НТО, ПО, НИОСК, подразделения разработки	Наряд-заказ по темам НИР	В установленном порядке
8	Контроль за ходом выполнения прогноза	Выявление несоответствия прогнозу	СЭТШП, ПО, ЛТЭИ, НИОСК	Контроль выполнения прогноза и степень соответствия планов прогнозу	Руководство СЭТШП, НТО, НИОСК, ПО, ЛТЭИ
9	Разработка генеральной цели развития прогнозирования на последующий период	Формулирование генеральной цели развития исследований	СЭТШП, ПО, ЛТЭИ, НИОСК	Генеральная цель развития исследований. Требования к уровню исследований, степень удовлетворения потребности народного хозяйства	Руководство НТО, ПО, НИОСК, ЛТЭИ

* В различных организациях названия отдельных служб могут быть иными.

В соответствии с изложенным Алгоритмом нами были разработаны и реализованы исследовательские [7], нормативные [8] и организационные [9] прогнозы.

Литература

1. Авербух В. М. Стандартизация работ по научно-техническому прогнозированию в НИИ // Стандарты качества. 1981. № 7. С. 26–28.
2. Авербух В. М., Бунин А. М. и др. Исследовательские прогнозы развития мирового уровня люминесцентных материалов (обзор) // Сер. «Люминофоры и особо чистые вещества». М., 1980. 51 с.
3. Авербух В. М., Михалева Р. И. и др. Система отраслевых обзоров как информационная база прогнозирования и перспективного планирования // НТИ. 1974. Сер. 1. № 7. С. 24–25.
4. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляровский Р. С. Основы информатики. М., 1966.
5. Авербух В. М., Бунин А. М., Голубев И. Ф. Об одном подходе к составлению задания на разработку научно-технического прогноза (на примере люминофоров) // Всесоюзный научный симпозиум «Комплексное прогнозирование развития науки и техники. Методы и модели прогнозирования развития науки и техники». М., 1980. С. 1–4.
6. Авербух В. М., Мирохина Л. Л. Основные принципы прикладного научно-технического прогнозирования (на примере люминофоров) // Материалы XXIX научно-технической конференции по результатам научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов за 1998 г. Т. 1. Естественные и точные науки. Ставрополь, 1999. С. 83–84.
6. Авербух В. М. Алгоритм технологического прогнозирования в Российской Федерации // Вестник СКФУ. 2013. № 1. С. 83–87.
7. Бунин А. М., Сурова В. В., Кузнецова Л. Г., Авербух В. М. Исследовательские прогнозы развития мирового уровня люминесцентных материалов (обзор) // Сер. «Люминофоры и особо чистые вещества». М., 1980. 51 с.
8. Авербух В. М., Бунин А. М., Сурова В. В. Нормативные прогнозы развития промышленных люминофоров для цветного телевидения как следствие исследовательских прогнозов развития мирового уровня в этой области: Тезисы докладов XXVIII Всесоюз. совещ. по люминесценции (кристаллофосфоры). 13–16 мая. Рига, 1980. С. 253.
9. Авербух В. М., Бунин А. М., Сурова В. В. Реализация прогнозов в области люминофоров на XI пятилетку // Тезисы докладов Всесоюз. совещ. «Синтез, свойства, исследование и технология люминофоров для отображения информации». Ставрополь, 1982. С. 225.

УДК: 681.513

Ямбулатов Эдуард Искандарович

Алгоритм Повышения отказоустойчивости процесса интеграции программных компонент на основе технологии CORBA¹

В статье приводится алгоритм, позволяющий увеличить отказоустойчивость и минимизировать время реакции на сбой процесса интеграции в системе управления телекоммуникациями на основе технологии CORBA.

Ключевые слова: телекоммуникации, CORBA, программный компонент, процессорный модуль, объектный брокер, интеграция.

Yambulatov Eduard I.

INCREASE RESILIENCY ALGORITHM OF PROGRAM COMPONENTS INTEGRATION BASED ON CORBA TECHNOLOGY

In the article the algorithm, which allows to increase the availability and minimize the response time to failure of the integration process in the management of telecommunications technology based CORBA is proposed.

Key words: telecommunications, CORBA, a software component, a processor module, the object broker integration.

Система интеграции программных компонент (ПК) реализуется как промежуточное программное обеспечение (ППО), при помощи которого осуществляется взаимодействие ПК, необходимых для формирования услуг связи. Ниже в качестве ППО рассматривается система интеграции на основе технологии CORBA (рис. 1), предлагаются элементы ее совершенствования.

Рис. 1. Система интеграции CORBA

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-07-00130.

Отказоустойчивость системы интеграции характеризуется ее способностью реагировать на сбои и конфликты в процессе формирования услуги. Она должна обладать необходимыми методами, позволяющими сделать незаметными отказы одного или нескольких процессов для системы в целом. В настоящее время в технологии CORBA отказоустойчивость обеспечивается использованием резервных ПК. При поступлении задания в ЦУ формируется набор ПК, последовательность выполнения которых является реализацией запрашиваемой услуги. Посредством объектного адаптера (ОА) ЦУ из репозитория получает компонентные ссылки взаимодействия (КСВ) каждого ПК и осуществляет вызов (однопоточный либо многопоточный). В случае сбоя при обращении к ПК или конфликта в процессе его выполнения, система заново обращается к репозиторию для получения КСВ на резервный ПК.

Данный метод позволяет оперативно восстановить функционирование системы, но не в полной мере обеспечивает ее отказоустойчивость.

В технологии CORBA для удаленного вызова ПК предусматривается использование новой компонентной ссылки взаимодействия (КСВ) при каждом новом запросе. Процесс формирования новой КСВ требует дополнительное время. Кроме того, необходимо произвести кодирование и декодирование всех КСВ, используемых при интеграции. При большом количестве одновременно поступающих запросов на реализацию услуг, в системе может возникнуть сбой при обработке КСВ, так как их количество возрастет соответственно. Необходимы методы, позволяющие понизить нагрузку на объектный адаптер (ОА).

Обращение к ОА может осуществляться в следующих случаях:

необходима новая КСВ для реализации вызова каждого последующего ПК в цепочке формирования услуги;

необходима новая КСВ для повторного вызова ПК в результате отказа при осуществлении вызова.

Снижение нагрузки на ОА возможно путем исключения повторных запросов, производимых по причине сбоя вызова. Необходим дополнительный элемент системы, отвечающий за отказоустойчивость при повторных запросах.

В этих целях ведем новый компонент «Реестр КСВ». Функцией данного компонента является хранение истории запрашиваемых КСВ. При формировании услуги связи, после получения КСВ для вызова очередного ПК, данная и резервная ссылки копируются в реестр КСВ. В случае отказа, включенного в таблице, при обращении к ПК, системе не нужно снова формировать КСВ, достаточно считать резервную ссылку и выполнить вызов резервного ПК.

Типы отказов

Тип отказа	Описание
Поломка	Сервер перестал работать, хотя до момента отказа работал
Пропуск данных	Сервер неправильно реагирует на входящие запросы
Пропуск приема	Сервер неправильно принимает входящие запросы
Пропуск передачи	Сервер неправильно отправляет сообщения
Ошибка синхронизации	Реакция сервера происходит не в определенный интервал времени
Ошибка отклика	Отклик сервера неверен
Ошибка значения	Сервер возвращает неправильное значение
Ошибка передачи состояния	Сервер отклоняется от верного потока управления
Произвольная ошибка	Сервер отправляет случайные сообщения в случайные моменты времени

Если причиной отказа является повреждение или потеря пакетов при передаче запроса, то повторный вызов осуществляется по той же основной ссылке. В случае повтора отказа используется резервная ссылка.

Данный метод обеспечит повышение отказоустойчивости системы за счет снижения нагрузки на ОА, а исключение повторного формирования КСВ позволит сократить время повторного вызова. Общая схема системы интеграции изображена на рис. 2.

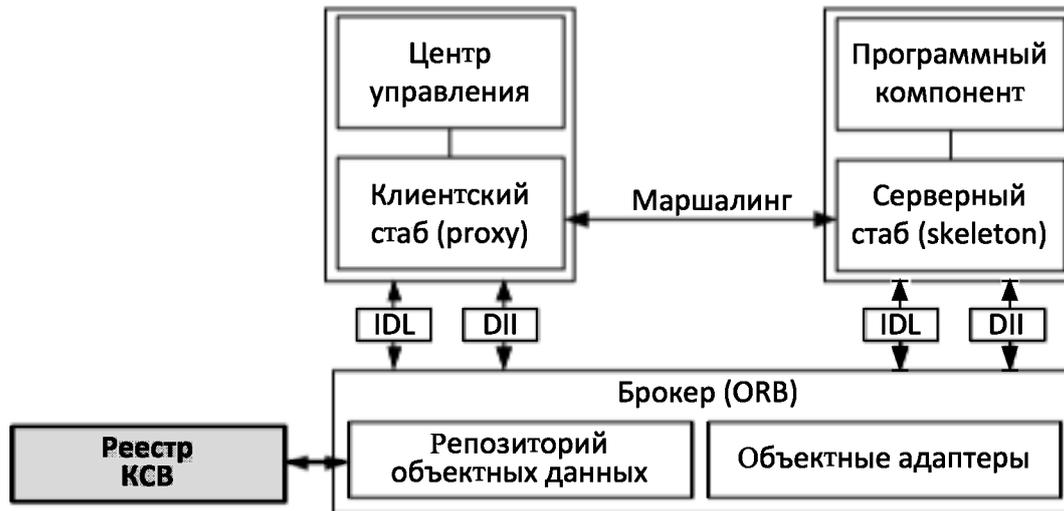

Рис. 2. Общая схема разработанной системы интеграции ПК РСУ

Разработанный алгоритм обеспечения отказоустойчивости ПК изображен на рис. 3. Он объединяет в себе однопоточный и многопоточные механизмы. При поступлении запроса на реализацию телекоммуникационной услуги в ЦУ, определяются ПК, необходимые для ее реализации. Затем их необходимо разбить на группы связности. Данные группы формируются на основе логики выполнения ПК. Образуют их связанные между собой ПК, выполнение которых должно быть строго последовательно. После обращения в репозиторий КСВ, выполняется параллельная обработка несвязных ПК и групп связности. Реагирование на сбой осуществляется аналогично с разработанным выше методом повышения отказоустойчивости для однопоточного и многопоточного механизма обработки ПК.

Приведенный алгоритм (рис. 3) повышают отказоустойчивость системы и сокращает время на восстановление после сбоя.

Полученные ссылки запросов КСВ также копируются в базу реестра КСВ для их последующего использования системой отказоустойчивости при сбое. После обработки все выполненные несвязные ПК и ПК, образующие группы связности, объединяются в ЦУ в соответствии с логикой формирования услуги.

Данный алгоритм повышает время реализации услуги и не зависит от логики обработки ПК. При этом сбой ПК и процессы их восстановления будут происходить параллельно, что сократит время реакции системы на возникающие проблемы.

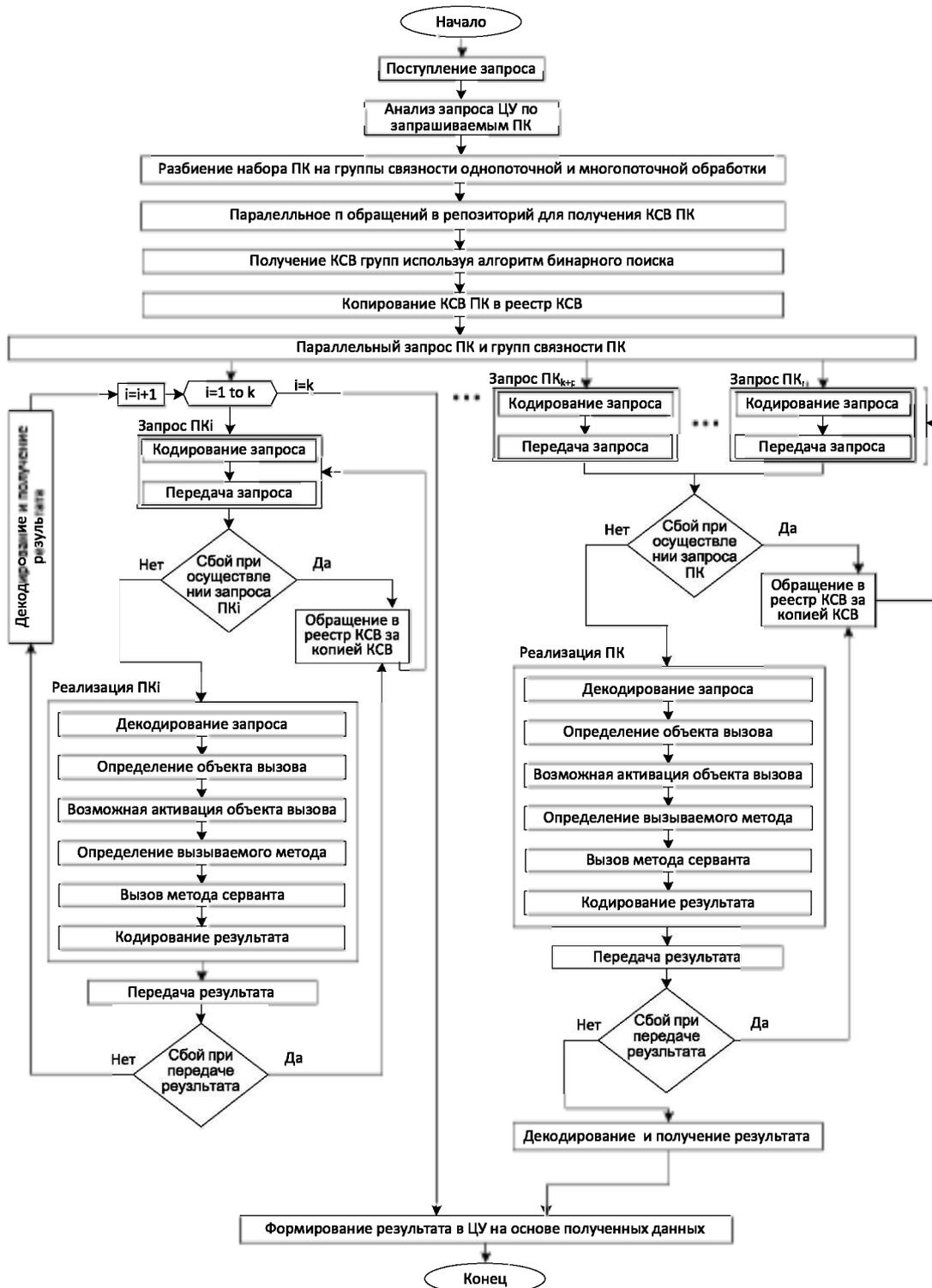

Рис. 3. Алгоритм обеспечения отказоустойчивости интеграции ПК

Литература

1. Мочалов В. П. Разработка распределенных систем управления телекоммуникационными сетями и услугами: дис. ... д-ра технич. наук. Ставрополь, СевКавГТУ, 2006. 395 с.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 622.276

**Бинатов Юрий Григорьевич, Краюшкина Марина Викторовна,
Краюшкин Владислав Сергеевич**

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РАЗРАБОТКИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ**

В статье даны рекомендации по формированию комплексных вариантов разработки месторождения, обосновывается экономико-экологическое регулирование при разработке и эксплуатации нефтяных месторождений.

Ключевые слова: нефтяной комплекс, капитальные вложения, эксплуатационные затраты, доход государства, накопленный дисконтированный поток наличности, экологические условия.

Binatov Yuri G., Krayushkina Marina V., Krayushkin Vladislav S.

**ECONOMIC AND ECOLOGICAL ASSESSMENT OF DEVELOPMENT AND USE
OF OIL FIELDS IN THE CONDITIONS OF DEFICIENCY
OF MINERAL RESOURCES**

The article presents recommendations about formation of complex options of development of a field are made, economical and ecological regulation during the developing and operation of oil fields locates.

Key words: oil complex, capital investments, operational expenses, the state income, the saved-up discounted stream of cash, ecological conditions.

Нефтяная промышленность России в настоящее время производит 12–14% от всей промышленной продукции, обеспечивает 17–18 % доходов федерального бюджета и более 35 % валютных поступлений. Сырьевую базу формируют более 2 200 нефтяных, нефтегазовых и нефтегазоконденсатных месторождений. Около 80 % запасов находится в 1 230 эксплуатируемых месторождениях. Степень разведанности начальных суммарных ресурсов нефти по стране в целом составляет 33 %, варьируя по отдельным районам от 0,8 до 90,8 %. В «Энергетической стратегии России на период до 2020 года» отмечается ухудшение ресурсной базы РФ, доля трудноизвлекаемых запасов в стране возросла с 36 до 55 %. Ресурсы нефти категорий С3, Д1, Д2 отнесены к меньшим по размерам и более сложно построенным месторождениям по сравнению с разведанными запасами. Главными причинами ухудшения состояния сырьевой базы является естественное истощение недр и резкое сокращение объема инвестиций, направляемых в эту сферу.

Материальной основой функционирования нефтяного комплекса является природно-сырьевая база нефтедобычи, которая в старых нефтепромысловых регионах юга России находится в критическом состоянии. Это можно проследить на примере месторождений Ставропольского края. В частности разведанность начальных балансовых запасов (в объеме 530 млн. т) не превышает 40 %. При этом остаточные текущие запасы составляют всего около 50 млн. тонн, из которых до 60 % – трудноизвлекаемые [1, с. 63].

Потенциал геологических запасов в первые годы освоения природно-сырьевой базы без больших капитальных затрат обеспечивал ежегодно 7 млн. тонн сырой нефти, но в результате увеличения обводненности продукции в процессе эксплуатации нефтяных месторождений и ис-

тощения промышленных активных запасов, разрушения материально-технической базы добыча нефти сократилась в 2,5 раза и к 2012 году составила чуть больше 900 млн. тонн.

Добыча нефти в Ставропольском крае с каждым годом сокращается (табл. 1).

Вместе с тем, в ближайшие пять лет в нефтегазовую отрасль Ставрополья будет вложено 15 млрд. рублей. Эти средства предполагается направить на геологоразведку, реализацию газовой программы холдинга (в том числе на утилизацию попутного нефтяного газа), развитие региональной сети АЗС «Роснефти», строительство нового топливно-заправочного комплекса в аэропорту Минеральные Воды и промышленное бурение.

Таблица 1

Динамика добычи нефти в Ставропольском крае, 1956-2014 гг.*

Годы	Добыча нефти, тыс.т	Темп роста (снижения), %		
		к 1960 г.	к 1975 г.	к предыдущему году
1956	184	11,34	2,58	–
1960	1623	100	22,79	в 8 раз
1965	4554	в 2,8 раз	63,95	в 2,8 раза
1970	6381	в 3,9 раза	89,6	140,11
1975	7121	в 4,38 раза	100	111,6
1980	6000	в 3,7 раза	84,25	84,25
1985	2668	в 1,64 раза	37,47	44,47
1990	1794	110,53	25,19	67,25
1995	908	55,94	12,75	50,61
2000	1022	62,97	14,35	112,55
2005	980	60,38	13,76	95,89
2010	957	58,96	13,44	97,65
2011	916	56,44	12,86	95,71
2012	909	59,48	12,76	99,23
2014 (проект.)	1000	61,61	14,04	110,01

*Источник: расчеты авторов, данные Росстата.

Эти инвестиции позволят создать не менее 500 рабочих мест и повысить зарплату нефтяникам на 30–50%. Реализация программы разведочного бурения позволит добывать в 2014 году более 1 млн тонн нефти. Кроме того, ОАО «НК «Роснефть» будет инвестировать и развитие розничной сети АЗС в регионе, составляющей более 115 точек, которые обеспечивают около 40 % розничного рынка топлива в крае.

Авторами в данной работе обобщены и дополнены проектные решения по доработке нефтяного месторождения, расположенного на территории Нефтекумского района Ставропольского края. При этом использованы выполненные расчеты основных показателей по рассматриваемым вариантам разработки отдельных объектов данного месторождения. По результатам данного исследования сделаны рекомендации по формированию комплексных вариантов разработки месторождения, которые проверяются и окончательно подтверждаются оценкой показателей эффективности.

При оценке эффективности разработки данных объектов рассмотрены следующие варианты технико-технологических параметров (табл. 2).

Таблица 2

Система основных показателей разработки исследуемого объекта по вариантам [4]

Показатели	Вариант 1	Вариант 2
	Категория запасов С ₁	
1. Система разработки	Избирательная	
Вид воздействия	Без ППД	
Плотность сетки скважин, га/скв	16	14,2
Проектный уровень добычи:		
– нефти, тыс.т	19,8	23,9
– жидкости, тыс.т	150,2	199,3
Проектный срок разработки, годы	56	67
Накопленная добыча нефти за проектный период, тыс.т	421,4	683,3
Накопленная добыча нефти с начала разработки, тыс.т	1073	1335
Коэффициент извлечения нефти, доли ед.	0,346	0,431
Фонд скважин за весь срок разработки, всего, шт.	9 (2*)	10
в том числе: – добывающих	9 (2*)	10
– нагнетательных	-	-
– прочих категорий	-	-
Средняя обводненность к концу разработки, %	98	98
Фонд скважин для бурения, всего, шт.	2*	3(1*)
в том числе: – добывающих	2*	3(1*)
– нагнетательных	-	-

*В основу расчетов положены отчетные данные о деятельности ОАО «НК «Роснефть». Применена система пересчетных коэффициентов при переводе базовых цен по ряду позиций материально-технического снабжения, выполняемых работ и услуг. Расчеты проведены без учета инфляции.

При проведении расчетов по оценке экономической эффективности разработки месторождения использована система основных показателей эффективности: чистый дисконтированный доход; внутренняя норма доходности; индекс доходности инвестиций; индекс доходности затрат; срок окупаемости; норма дисконта; максимальный дефицит средств; рентабельный период разработки месторождения. К числу оценочных показателей относятся: капитальные вложения; эксплуатационные затраты; доход государства (налоги и платежи, отчисляемые в федеральный, региональный и местный бюджеты).

В результате проведенных расчетов технико-экономических показателей по вариантам разработки отдельных объектов нефтяного месторождения получены следующие основные результаты (табл. 3).

Для оценки эффективности разработки с учетом нестабильности внешней и внутренней среды проведен расчет чувствительности проекта к основным факторам риска. Наиболее полно отражают среду неопределенности осуществления проекта такие входные параметры расчетной экономико-математической модели, как извлекаемые запасы, цена реализации углеводородного сырья, а также уровни капитальных и эксплуатационных затрат.

Таблица 3

Основные технико-экономические показатели вариантов разработки объектов месторождения [4]

Показатели	Объект		Комплексные варианты	
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2
Норма дисконта 10 %:				
Чистый дисконтированный доход, млн.руб.	51,10	40,39	196,84	214,92
Внутренняя норма доходности, %	40,17	31,27	-	-
Индекс доходности затрат, доли ед.	1,09	1,11	1,06	1,08
Индекс доходности инвестиций, доли ед.	1,62	1,82	1,58	1,83
Срок окупаемости, лет	4,00	5,00	7,00	1,00
Норма дисконта 15 %:				
Чистый дисконтированный доход, млн.руб.	25,55	17,67	143,30	168,08
Внутренняя норма доходности, %	40,17	31,27	-	-
Индекс доходности затрат, доли ед.	1,08	1,09	1,07	1,09
Индекс доходности инвестиций, доли ед.	1,48	1,56	1,55	1,88
Срок окупаемости, лет	4,00	6,00	7,00	1,00
Оценочные показатели:				
капитальные вложения на освоение месторождения	196,77	118,80	213	373
в т.ч. на бурение скважин, млн.руб.	103,95	64,08	140	264
эксплуатационные затраты на добычу нефти, млн.руб.	1259,92	1031,77	7523,83	6508,90
Доход государства без дисконта, млн.руб.	1329,11	1153,80	6455,90	5604,74
Доход государства (норма дисконта 10 %)	382,05	249,11	2066,27	1811,10
Доход государства (норма дисконта 15 %)	220,19	132,06	1408,19	1231,53

Исходя из этого рассчитано влияние изменения указанных показателей на основной критерий экономической эффективности варианта разработки – накопленный дисконтированный поток наличности. Диаграмма чувствительности, отражающая степень влияния факторов риска, на рекомендуемый вариант разработки месторождения показана на рисунке. Выявлено, что рекомендуемый вариант проявляет высокую устойчивость к изменению факторов внешней и внутренней среды. Основным показателем финансово-экономической эффективности разработки месторождения по варианту останется положительным при неблагоприятном изменении цены до 37 %. Объемы реализации нефти также могут быть уменьшены без ущерба для предприятия до 27 %.

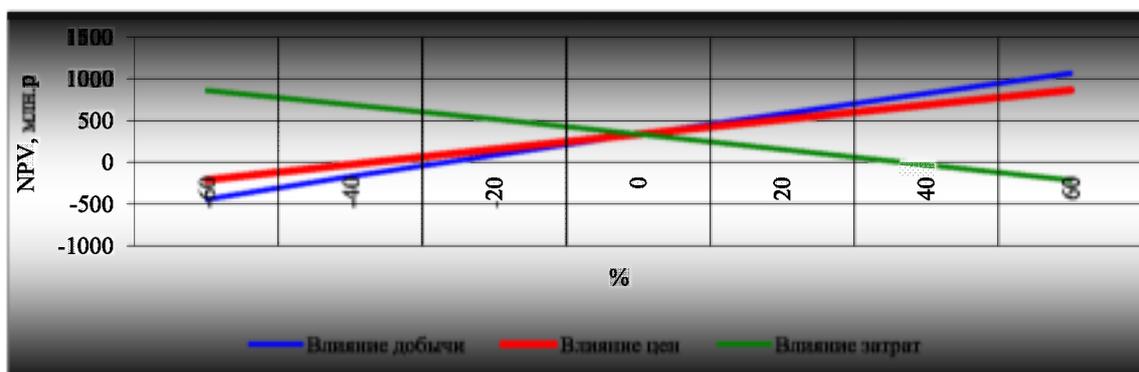

Рис. Оценка чувствительности рекомендуемого варианта разработки нефтяного месторождения

Наименьшее влияние на показатели эффективности рекомендуемого варианта оказывают капитальные и эксплуатационные затраты, показатели затрат могут быть увеличены на 36 %. Совокупное негативное изменение рассматриваемых параметров допустимо на 11%.

Ухудшение качества разрабатываемой сырьевой базы нефти, истощение фонда крупных и эффективных месторождений, исчерпание многих разведанных запасов, рост общих и удельных затрат на разведку и освоение нефтяных месторождений требуют новых подходов к развитию нефтяной промышленности. В этих условиях повышение экономической эффективности геологоразведочных работ, воспроизводство нефтедобычи, рациональное использование извлекаемых запасов возможно лишь на основе разработки новых форм и методов воздействия на воспроизводственный процесс с целью его инновационного преобразования и перевода в режим эффективного, планомерного и устойчивого развития [2, с. 4].

Решение проблемы повышения эффективности нефтедобывающего комплекса на юге России тесно связано с необходимостью и целесообразностью внедрения инновационных технологий в нефтедобывающей отрасли. С ростом доли трудноизвлекаемых запасов нефтяная отрасль все чаще прибегает к использованию горизонтальных скважин, как наиболее эффективному методу увеличения нефтеотдачи. Однако процесс эксплуатации таких скважин связан с рядом сложностей. нередки случаи, когда большая часть горизонтального ствола скважины вообще не работает. В результате горизонтальные скважины реализуют свой потенциал не в полном объеме (низкий КИН-коэффициент извлечения нефти) и, как следствие, государство (владелец недр) и добывающие компании несут значительные финансовые потери из-за отсутствия на рынке недорогих, эффективных, экологически безопасных технологий, помогающих вывести горизонтальные скважины на оптимальный режим эксплуатации [3, с. 632].

Важно, чтобы устойчивость развития нефтяного сектора связывалась с решением экологических задач. В крае переходят на современные способы очистки от нефтезагрязнений.

В результате получены следующие выводы и рекомендации.

Процесс развития нефтедобычи на юге России происходит под воздействием двух противоположных тенденций: ухудшения экологических условий воспроизводства и научно-технического прогресса. Для естественных условий воспроизводства минерально-сырьевой базы четко проявляется закономерность ухудшения, выражающаяся в истощаемости фонда крупных и эффективных месторождений, в том числе расположенных в обжитых районах.

Необходимость корректировки нормативных и программных документов, нацеленных на развитие нефтяного сектора, требует совершенствования методологии разработки долгосрочных комплексных программ геологического изучения и освоения минерально-сырьевых ресурсов с учетом особенностей нефтеносных районов на основе имитационного статистического моделирования и вероятностной оценки ресурсов и запасов.

Сравнительная оценка экономической эффективности инвестиционных проектов в сфере недропользования должна включать не только абсолютные, но и специфические относительные показатели. Это позволит учесть пообъектные требования приоритетности проектов, влияние природных и экономических условий использования недр и факторов макросреды.

К основным факторам, замедляющим развитие нефтедобычи в условиях истощения его ресурсов, относятся: сокращение сырьевой базы и её качественное ухудшение, рост капиталоемкости и трудоемкости добычи нефти, дефицит инвестиций и высокий износ основных производственных фондов. Ухудшение качества разведанных запасов нефти определяет необходимость создания комплексной системы управления их рациональным использованием на основе методов увеличения нефтеотдачи, применения мер государственного регулирования и экономического стимулирования, совершенствования методов экономической эффективности разработки месторождения.

Экономико-экологическое регулирование при разработке и эксплуатации нефтяных месторождений должно быть нацелено на создание более экологичных и менее ресурсоемких технологий, совершенствования методов управления, переориентации структуры нефтедобывающего комплекса с учетом мероприятий по улучшению окружающей среды, которые должны обеспечивать большую эффективность использования нефтяных месторождений в условиях дефицита минерально-сырьевой базы и уменьшение загрязнений нефтеносной среды.

Литература

1. Ушвицкий Л. И., Бинатов Ю. Г., Дубовик И. А. Эффективность развития нефтяного комплекса юга России. Ставрополь: СевКавГТУ, 2008. 174 с.
2. Макаркин Д. Н. Развитие методологии определения экономической эффективности воспроизводства минерально-сырьевого потенциала нефтегазового комплекса: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. ВИЭМС. М. 2012. 39 с.
3. Черняев М. В. Инновационные экологически безопасные технологии, позволяющие повысить нефте- и газоотдачу горизонтальных нефтяных и газовых скважин // Экономика и предпринимательство. М. 2013, № 6. С. 632–635.
4. Материалы научно-технического отчета «Дополнение к проекту разработки Ковыльского месторождения». ООО «НК «Роснефть»-НТЦ». 2011. С. 125–140.

УДК 622.276.5.001.5

Васильев Владимир Андреевич, Гунькина Татьяна Александровна

МЕТОД РАСЧЕТА ЗОНЫ ДРЕНИРОВАНИЯ СКВАЖИНАМИ РАЗЛИЧНОЙ КОНФИГУРАЦИИ

Получены формулы притока газа к горизонтальным, вертикальным скважинам, а также к вертикальной трещине гидроразрыва. Приведенные решения позволяют сопоставлять различные технологии повышения продуктивности скважин и предотвращения осложнений на основе единой математической модели.

Ключевые слова: зона дренирования, конфигурация скважины, коэффициенты фильтрационных сопротивлений, приток газа, математическая модель фильтрации

Vasilev Vladimir A., Gunkina Tatyana A.

METHOD OF CALCULATING DRAINAGE AREA WELLS OF DIFFERENT CONFIGURATIONS

Obtain formulas of gas inflow to the horizontal, vertical wells, as well as the vertical hydraulic fracture. The above solutions allow to compare different technologies to increase the productivity of wells and the prevention of complications based on a unified mathematical model.

Key words: drainage area, the configuration of the well, the coefficients of filtration resistance, the flow of gas, the mathematical model of filtering

Геометрия зоны дренирования зависит от типа скважины, ее конфигурации: вертикальная, наклонная, горизонтальная, с расширенным стволом, с трещиной гидроразрыва и др.

Для построения поля скоростей и давлений в зоне дренирования широко используются численные методы интегрирования уравнения фильтрации в двух и трехмерном пространстве. В конечном итоге устанавливается зависимость дебита скважины от депрессии на пласт.

Однако, предлагаемые рядом авторов приближенные формулы дают вполне приемлемые результаты в сравнении с численными методами.

Многие аналитические решения основаны на использовании плоской модели фильтрационных потоков. Для решения каждой из плоских задач используется метод отображения источников и стоков, эквивалентных сопротивлений, метод комплексного потенциала и другие. Широкое применение нашел метод схематизации зоны дренирования эллипсоидальной формой.

В работе [1] приведено решение задачи о притоке газа к *горизонтальной скважине*, расположенной симметрично в изотропном пласте постоянной толщины. Форма зоны дренирования принята эллипсоидальной.

Газодинамические исследования газовых скважин подтверждают нелинейную зависимость дебита от депрессии на пласт.

Уравнение притока газа, в этом случае, имеет вид:

$$P_{nl}^2 - P_{заб}^2 = A Q_o + B Q_o^2, \quad (1)$$

где P_{nl} – пластовое давление; $P_{заб}$ – забойное давление; Q_o – дебит газа при нормальных условиях; A и B – коэффициенты фильтрационных сопротивлений.

Коэффициенты фильтрационных сопротивлений A и B определяют по результатам газодинамических исследований. Аналитически эти коэффициенты могут быть представлены в виде:

$$A = \frac{a}{k} f_a(r, h); \quad (2)$$

$$B = \frac{b}{\sqrt{k}} f_b(r, h); \quad (3)$$

где a и b – коэффициенты, учитывающие свойства газа, пласта и термодинамические условия,

$$a = \frac{\mu \cdot P_o \cdot T_{пл} \cdot Z_{пл}}{T_o}; \quad (4)$$

$$b = \beta \cdot \frac{\rho_o \cdot P_o \cdot T_{пл} \cdot Z_{пл}}{T_o}; \quad (5)$$

T_o , P_o – температура и давление при нормальных условиях ($T_o = 273K$; $P_o = 760$ мм рт. ст.); $T_{пл}$ – пластовая температура; $Z_{пл}$ – коэффициент сжимаемости газа (средний по зоне дренирования); h – толщина пласта; β – коэффициент вихревых сопротивлений; k – коэффициент проницаемости; μ – коэффициент динамической вязкости газа; ρ_o – плотность газа; $f_a(r, h)$ и $f_b(r, h)$ – функции геометрических размеров зоны дренирования пласта скважиной.

Для вертикальной гидродинамически совершенной скважины имеем [2]:

$$f_a(r, h) = \frac{1}{\pi h} \ln \frac{R_x}{r_c}; \quad (6)$$

$$f_b(r, h) = \frac{1}{2\pi^2 h^2} \left(\frac{1}{r_c} - \frac{1}{R_x} \right). \quad (7)$$

где R_x – радиус зоны дренирования пласта скважиной; r_c – радиус скважины.

В работе [1], принимая за аналог модель притока газа к вертикальной скважине, уравнение фильтрации представлено в виде:

$$\frac{dp}{dF} = \frac{\mu v}{2\pi k h} + \beta \frac{\rho v^2}{2\pi h \sqrt{k}} \quad (8)$$

где F – площадь фильтрации.

Выразив скорость фильтрации через расход газа при нормальных условиях:

$$v = \frac{Q_o \cdot P_o \cdot T_{пл} \cdot Z_{пл}}{F \cdot P \cdot T_o}, \quad (9)$$

и разделяя переменные, получили:

$$\int P dP = \frac{a \cdot Q_o}{2\pi h k} \int \frac{dF}{F} + \frac{b \cdot Q_o^2}{2\pi h \sqrt{k}} \int \frac{dF}{F^2}. \quad (10)$$

Для притока газа к горизонтальной скважине значения интегралов в правой части уравнения (10) имеют вид:

$$\int \frac{dF}{F} = \ln 2\pi h \frac{\theta^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2}{\sqrt{\theta^2 + \ell^2}} + C; \quad (11)$$

$$\int \frac{dF}{F^2} = -\frac{1}{\pi h} \sqrt{\frac{\theta_3^2 + \ell^2}{\theta_3^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2}} + C, \quad (12)$$

где C – произвольная постоянная; ℓ – полуудлина горизонтальной скважины; θ_3 – малая полуось эллипса.

В конечном итоге, получены функции геометрических размеров зоны дренирования пласта горизонтальной скважиной в виде:

$$f_a(\ell, h) = \frac{1}{\pi h} \left(\ln \left(\frac{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2}{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}} \cdot \frac{\sqrt{\left(\frac{h}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{h}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} \right) + \frac{h}{2\ell} \ln \frac{h}{2r_c} \right); \quad (13)$$

$$f_b(\ell, h) = \frac{1}{2\pi^2 h^2} \left(\frac{\sqrt{\left(\frac{h}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{h}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} - \frac{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}}{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} + \frac{h^2}{4\ell^2} \left(\frac{1}{r_c} - \frac{2\pi}{h} \right) \right). \quad (14)$$

Анализ показал, что полученное в [1] решение может быть адаптировано к расчету зоны дренирования скважинами иной конфигурации.

Приток пластовой жидкости к *вертикальной трещине гидроразрыва* имеет свои особенности. Трещина вскрывает пласт на всю его толщину. Фильтрация пластовой жидкости обусловлена точечным стоком, расположенным в центре эллипса с полуосями ℓ и $\delta/2$, постоянными в любом поперечном сечении трещины, где ℓ – глубина трещины, δ – раскрытие трещины. Вторая зона фильтрации (в окрестности щели) отсутствует.

Из схематизации зоны дренирования пласта вертикальной трещиной гидроразрыва имеем пределы интегрирования: $\theta_3 = R_k$ и $\theta_3 = \delta/2$.

Тогда интегралы (11) и (12) будут равны:

$$\int_{\delta/2}^{R_k} \frac{dF}{F} = \ln \left(\frac{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2}{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}} - \frac{\sqrt{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} \right); \quad (15)$$

$$\int_{\delta/2}^{R_k} \frac{dF}{F^2} = \frac{1}{\pi h} \left(\frac{\sqrt{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} - \frac{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}}{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} \right) \quad (16)$$

и функции геометрических размеров зоны дренирования пласта трещиной гидроразрыва принимают вид:

$$f_a(\ell, h) = \frac{1}{\pi h} \ln \left(\frac{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2}{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}} \cdot \frac{\sqrt{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} \right); \quad (17)$$

$$f_b = \frac{1}{2\pi^2 h^2} \left[\frac{\sqrt{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \ell^2}}{\left(\frac{\delta}{2}\right)^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} - \frac{\sqrt{R_k^2 + \ell^2}}{R_k^2 + \frac{2}{\pi} \ell^2} \right]. \quad (18)$$

При $R_k \gg \ell \gg \delta$ формулы (17) и (18) приводятся к виду:

$$f_a(\ell, h) = \frac{1}{\pi h} \left(\ln \frac{\pi R_k}{2\ell} \right); \quad (19)$$

$$f_b(\ell, h) = \frac{1}{2\pi^2 h^2} \left(\frac{\pi}{2\ell} - \frac{1}{R_k} \right). \quad (20)$$

В работе Р.Д. Каневской [3] приводится формула, подобная (19), с несколько другими коэффициентами под логарифмом.

Наконец, пределы интегрирования из схематизации зоны дренирования пласта *вертикальной гидродинамически совершенной скважины* ($l=0$):

$\theta_3 = R_k$ и $\theta_3 = r_c$, где r_c – радиус скважины по долоту.

Тогда интегралы (11) и (12) будут равны:

$$\int_{r_c}^{R_k} \frac{dF}{F} = \ln \frac{R_k}{r_c}, \quad (21)$$

$$\int_{r_c}^{R_k} \frac{dF}{F^2} = \left(\frac{1}{r_c} - \frac{1}{R_k} \right), \quad (22)$$

и функции геометрических размеров зоны дренирования пласта принимают вид:

$$f_a(r, h) = \frac{1}{\pi h} \ln \frac{R_k}{r_c}, \quad (23)$$

$$f_b(r, h) = \frac{1}{2\pi^2 h^2} \left(\frac{1}{r_c} - \frac{1}{R_k} \right), \quad (24)$$

что соответствует формулам (6) и (7).

Приведенные решения позволяют сопоставлять различные технологии повышения продуктивности скважин и предотвращения осложнений (например, пескопроявление, отложения смол, парафинов, солей и др.) на основе единой математической модели.

Литература

1. Васильев В. А., Сова Э. В., Щекин А. И. Нелинейная фильтрация газа к горизонтальной скважине/ Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета, серия Нефть и газ, № 1(4). – Ставрополь, 2004. – с. 58-65.
2. Басниев К. С., Кочина Н. Н., Максимов В. М. Подземная гидромеханика. - М.: Недра, 1993.- 415 с.
3. Каневская Р. Д. Математическое моделирование разработки месторождений нефти и газа с применением гидравлического разрыва пласта. – М.: ООО «Недра-Бизнесцентр», 1999. – 212 с.

УДК 913(470.63)

Зольникова Юлия Федоровна

ВКЛАД НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.А. ГИЛЬДЕНШТЕДТА И П.С. ПАЛЛАСА В ИЗУЧЕНИЕ ГИДРОМИНЕРАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

В статье рассмотрен один период истории исследования минеральных источников курортного региона Кавказские Минеральные Воды – вторая половина XVIII века. Выявлены особенности и показан вклад ученых в изучение рекреационных ресурсов КМВ в течение исследуемого периода.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, гидроминеральные ресурсы, рекреационные ресурсы, минеральные источники, курортный регион.

Zolnikova Julia F.

CONTRIBUTION OF LA. GILDENSHTEDT AND P.S. PALLAS SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE STUDY OF HYDRO RESOURCES IN THE REGION CMW

The article describes one study periods in the history of mineral springs resort in the region Caucasian Mineral Waters – the second half of the XVIII century. The features and shows the contribution of scientists in the study of recreational resources in the CMW during the survey period.

Key words: CMW, hydromineral resources, recreational resources, mineral springs, resort area.

Кавказские Минеральные Воды (КМВ) – один из старейших курортных регионов России, на территории которого сосредоточены разнообразные рекреационные ресурсы: гидроминеральные, грязевые, климатические и др.

Гидроминеральные ресурсы являются основным видом рекреационных ресурсов региона КМВ. В лечебных целях они использовались здесь еще в древности, первые описания появились в XIV в. (Ибн-Баттута), встречаются упоминания о них в XVII в. (Книга Большому Чертежу), а с XVIII в. началось их изучение и освоение. Для XVIII в. характерно стихийное освоение гидроминеральных ресурсов Кавказских Минеральных Вод (КМВ). К концу XVIII в. интерес к этому региону значительно возрос, минеральные источники становятся всё более привлекательными как лечебные рекреационные ресурсы. Причем особенностью этого периода был вклад в изучение КМВ не отдельных исследователей, а комплексных экспедиций. Во второй половине XVIII в. происходит активное влияние России на Северном Кавказе и основание там русских поселений. Важно отметить, что это время характеризуется проведением обширных географических исследований на юге страны. Значимым событием в изучении России явились Академические экспедиции конца 60 – начала 70-х годов XVIII в. Экспедиции 1768–1774 гг. состояли из двух больших партий: Оренбургской и Астраханской. Оренбургская включала три отряда, которые возглавляли П. С. Паллас, И. П. Фальк и И. И. Лепехин. Астраханская делилась на два отряда под руководством С.-Г. Гмелина и И. А. Гильденштедта. Участники академических отрядов собрали и накопили большой фактический материал, который затем был систематизирован и обобщен в научных трудах.

Первое научное описание минеральных источников Пятигорья, а также р. Терек было сделано доктором медицины И. А. Гильденштедтом в 1773 г. Отряд Астраханской экспедиции под его руководством обследовал верховья Дона, Нижнюю Волгу, Северный Кавказ, Закавказье. Было собрано много интересных сведений по гидрографии рек и озер, описания же вод в основном сводились к определению вкуса, цвета и запаха [12].

Исследования лейб-медика Г. Шобера еще в 1717 г. дали И. А. Гильденштедту повод вновь изучить для пользы российских жителей как Петровские, так и все остальные по соседству находящиеся воды, которых Г. Шобер не знал, и дать им название не мог [4]. В районе Пятигорья И. А. Гильденштедтом были описаны Горячая гора и идущая вдоль нее трещина с горя-

чим источником в северо-западном конце, который он назвал «Горячий источник». Это название сохранялось за источником вплоть до второго десятилетия XIX века, затем его стали называть Александровским [11]. Затем Гильденштедт описал еще один горячий источник у подошвы Горячей горы и теплый – у ее западного склона, впоследствии названный теплосерным (радоновый). Воду машукских источников И. А. Гильденштедт определил как умеренно теплую, «так что у самого истока можно ее пить и в ней купаться» [1, ч.1., с. 14]. Исследователь проделал несколько опытов над минеральными водами горячих источников: химического анализа не оставил, но определил дебит источников, температуру воды, запах, вкус, цвет, прозрачность. Описание Гильденштедтом Горячей горы и гидроминеральных ресурсов Пятигорья, по мнению Баталина, было очень кратким и поверхностным [3].

Побывав на озере Тамбукан, И. А. Гильденштедт исследовал его донные отложения и назвал их «черновато-синюю глиною», отметив соленый вкус воды. Происхождение Пятигорского Провала он связал с землетрясением, которое явилось, по его мнению, следствием взрыва паров, выделившихся из горячей воды и скопившихся под землей в закрытых с поверхности водопроводящих каналах. Но это объяснение оказалось неверным [5]. О Кумагорском источнике И. А. Гильденштедтом сообщались только внешние данные [7], о нарзане и других гидроминеральных ресурсах региона Кавказских Минеральных Вод им не упоминается.

По результатам исследований И. А. Гильденштедта в 1809 г. вышла его работа «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа».

Через 20 лет после первой научной экспедиции в 1793 году по решению Российской Академии Наук на Кавказ был направлен профессор П. С. Паллас. Во время своего пребывания в Большой Кабарде, подробно исследовал серные источники Машука и ключ нарзана.

Описывая источники, П. С. Паллас уделил внимание геологическому строению Горячей горы и ее происхождению. Он предположил, что в толщине Горячей горы идет трещина, соединяющая с подземной «кладовой» Машука. Паллас также определил, что источник кислосерной воды был мощнее других и это, по его мнению, было настоящим кладом. Про оскудение этого источника Паллас не говорит, называя его «самым обильным из всех машукских источников», хотя дебита его он не определял. Несмотря на неточность геологических сведений, сделанных П. С. Палласом, его исследования – первая работа о геологической структуре района Кавказских Минеральных Вод. Паллас насчитал пять источников. Сделав первую попытку определить сухой остаток главного источника, он определил его равным 2,4–2,7 гр. на литр. Впоследствии была определена более высокая минерализация этого источника. П. С. Паллас собрал ценные сведения о целебных свойствах воды; установил, что она помогает при болезнях кожи, подагре, ревматизме, заживает раны и др. Предсказав горячим водам большое будущее, Паллас решил, что они помогают и в качестве ванн и как питьевое средство [3]. П. С. Паллас впервые сделал правильный вывод о большом значении Пятигорских вод для развития курортного дела в России.

Также Палласом был кратко описан Калмыцкий источник, он отмечал происхождение названия источника и температуру.

Еще одним важнейшим результатом поездки П. С. Палласа на Кавказские Минеральные Воды, явилось исследование источника нарзан. Он первым описал нарзан, положив начало его изучению. До Палласа о нарзане в России знали только по слухам и по краткой и мало кому известной в то время записи Рейгенса. Русские исследователи и раньше посещали этот источник. Об этом свидетельствует довольно подробная карта местности, снятая русскими топографами, которой пользовался Паллас во время своего путешествия в 1793 г. Но они не оставили записи о нарзане, или «богатырской воде», как в переводе с кабардинского языка переводится нарзан. Описывая свойства нарзана, Паллас определил, что он содержит большое количество углекислоты. «...Только что зачерпнутая вода выделяет из себя с шипением... большое количество мелких воздушных пузырьков... она щиплет язык... Вода, разлитая после некоторого стояния в крепкие бутылки, при раскупоривании их хлопает со свистом и сохраняется в них совершенно свежее и чистою, не откладывая магнезии, если только не будет вскипячена... Вода, когда погружаешь в нее руку, охлажденную от утреннего воздуха, кажется скорее тепловатую, чем холодную; но она холодна на вкус... Можно без отвращения и вреда пить ее столько, сколько захочешь...» [3, с. 59; 8, с. 72].

Также П. С. Паллас исследовал и сделал точное измерение бассейна нарзана, отмечая, что бассейн источника имеет до 27 футов длины и 17 футов ширины, суживается наподобие ворон-

ки вокруг главного ключа. Окраина бассейна покрыта песком. Главный ключ, из которого вода выбивается огромными пузырями, не находится точно в середине бассейна. Совершенно чистая вода вытекает с большой силою, увлекает за собой железистый песок [3]. Он обратил внимание на то, что температура нарзана в источнике в полтора раза ниже температуры воздуха. Паллас выявил и общее количество твердых составных частей нарзана.

Наряду с исследованием источника, П. С. Паллас разработал и ряд мероприятий по охране источника от затопления р. Ольховкой, так как речка была слишком близка к нарзану, угрожая залить его во время паводка. Он предложил отвести реку Ольховку за источник и оградить его от наводнений устройством в виде плотины [8], что было сделано в 1804 году.

Железноводские источники П. С. Паллас не посетил, но им отмечалось, что, по слухам, в глубокой долине между горами Бештау и Железной, близ ручья Джемухи, имеются источники, один из которых горячий. Вследствие опасности путешествия он не мог посетить эти источники [9]. Был ли Паллас на Кумагорских источниках с достоверностью сказать нельзя, но об этих источниках в своих записках он упоминает: «говорят, что у Кумской, или Кум-горы, на левом берегу Кумы, верстах в пятнадцати от Александрии, находятся источники тепловатой серной воды» [7].

Таким образом, вклад П. С. Палласа в изучение гидроминеральных ресурсов региона Кавказские Минеральные Воды состоит в том, что он сделал первое предварительное химическое испытание серных вод (Александровский источник) [10] и нарзана на месте [2; 6]. Твердые составные части этих вод по его просьбе были разложены в Санкт-Петербурге академиком Ловицем [6; 10].

Сообщение Палласа в Академии Наук вызвало значительный интерес к Кавказским Минеральным Водам. После исследований Палласа россияне начали посещать эти источники не только из ближайших мест, но и с отдаленных территорий. Минеральные источники региона Кавказских Минеральных Вод своим лечебным действием вскоре обратили на себя особое внимание врачей и посетителей.

Таким образом, во второй половине XVIII века участники комплексных Академических экспедиций, а именно И.А. Гильденштедт и П. С. Паллас параллельно с исследованием природы попутно занимались изучением гидроминеральных ресурсов. Большая часть их исследований также носила описательный характер, но это уже были научные описания – описания внешних характеристик и физических свойств минеральных источников, которые дополнялись первыми результатами изучения их химического состава, лечебного действия.

Наиболее значимым результатом таких исследований явилось описание физических свойств и дебита Пятигорских источников (Александровского, Машукских и др.), первые исследования нарзана; описание Кумагорского источника. Приводятся и необходимые мероприятия по охране гидроминеральных ресурсов.

Литература

1. Баталии Ф. А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. СПб, 1861. Ч. I–II. 601 с.
2. Броневский С. Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М.: Тип. С.-Селивановского, 1823. 352 с.
3. Вазагов В. М., Сидоренко Ф. Ф. Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск, 2003. 492 с.
4. Гильденштедт А. И. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., Ими. акад. наук, 1809. 384 с.
5. Диброва Г. С. История изучения природных условий и ресурсов Предкавказья в связи с хозяйственным освоением территории: дис... канд. географ. наук. М., 1974. 159 с.
6. Дроздов Н. Е. Кавказские Минеральные Воды. Изд. Второе. Царское Село, 1859. 120 с.
7. Крист Е. И. Кумагорские (Канглинские) источники. Ставрополь, 1907. 22 с.
8. Край целебных вод. Ставрополь, 1987. 222 с.
9. Кулибин С. Н. Очерк истории развития Кавказских Минеральных Вод (1717–1895 гг.). СПб., 1896. 193 с.
10. Неллобин А. П. Описание Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1825. Ч. I, II. 672 с.
11. Пантелеев И. Я. Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. М., 1955. 204 с.
12. Широкова В. А. История гидрохимии: поверхностные воды суши России (начало XVIII – середина XX вв.). М., 1998. 196 с.

УДК 581.95

Иванов Александр Львович, Гусева Ирина Николаевна

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ЛЕСНОЙ ФЛОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

На основе статистической обработки флористических списков лесной флоры проводится флористическое районирование территории с выделением 7 ботанико-географических районов. Делается вывод о гетерогенности лесных флористических комплексов.

Ключевые слова: флора, Центральное Предкавказье, эндемик, реликт, дендрит, ботанико-географический район.

Ivanov Alexandr L., Guseva Irina N.

BOTANIKO-GEOGRAPHICAL ZONING OF FOREST FLORA OF THE CENTRAL CISCAUCASIA

On the basis of statistical processing of forest flora floristic lists conducted floristic zoning with the release of seven botanical and geographical areas. It is concluded that the heterogeneity of forest floristic assemblages.

Key words: flora, Central Ciscaucasia, endemic, relict, dendrite, botanical and geographical area.

Одним из важных направлений флористических исследований является решение вопроса положения исследуемой флоры в системах ботанико-географического районирования, разработанных для той или иной территории, в частности, для территории Кавказа и Северного Кавказа. Во многих флористических исследованиях используется схема, разработанная А. А. Гроссгеймом (1949) до флористических округов, и усовершенствованная Ю. Л. Меницким (1991) до флористических районов, «представляющая собой двухступенчатую схему естественнo-исторических районов, удобную для указания распространения растений, где каждый район является многомерной ботанико-географической и флористической единицей». Эта схема легла в основу многотомной флористической сводки «Конспект флоры Кавказа» (2003–2012), использована в таких капитальных работах последних лет, как «Кавказский элемент во флоре Российского Кавказа» (Литвинская, Муртазалиев, 2009), «Конспект флоры Дагестана» (Муртазалиев, 2009) и др.

В нашем исследовании мы использовали схему флористического районирования территории Предкавказья (Иванов, 1988) разработанную на основе схемы флорогенетических районов Северного Кавказа А. И. Галушко (1978–1980). С использованием этой схемы проведено немалое количество флористических исследований отдельных регионов Северного Кавказа, в том числе и на территории Центрального Предкавказья.

Исходя из этой схемы, а также учитывая схемы фитогеографического районирования территории земного шара Е. М. Лавренко (1950) и А. Л. Тахтаджяна (1978), мы оцениваем фитогеографическую позицию Центрального Предкавказья следующим образом: Голарктическое царство, Бореальное подцарство, Циркумбореальная область, Кавказско-Европейская подобласть. По территории Центрального Предкавказья проходят границы двух флористических провинций – Понтической и Кавказской, насчитывающие соответственно 8 и 7 флористических районов.

Карта-схема флористического районирования территории Центрального Предкавказья приведена на рис. 1. Из схемы видно, что флористические комплексы распределяются неравномерно, о чём говорит наличие на этой территории двух ботанико-географических округов, имеющих островной характер – Ставропольского и Пятигорского. Поскольку данная схема составлена на основе анализа полной флоры, поставлена задача подтвердить (или опровергнуть) данное районирование на основе только лесной флоры.

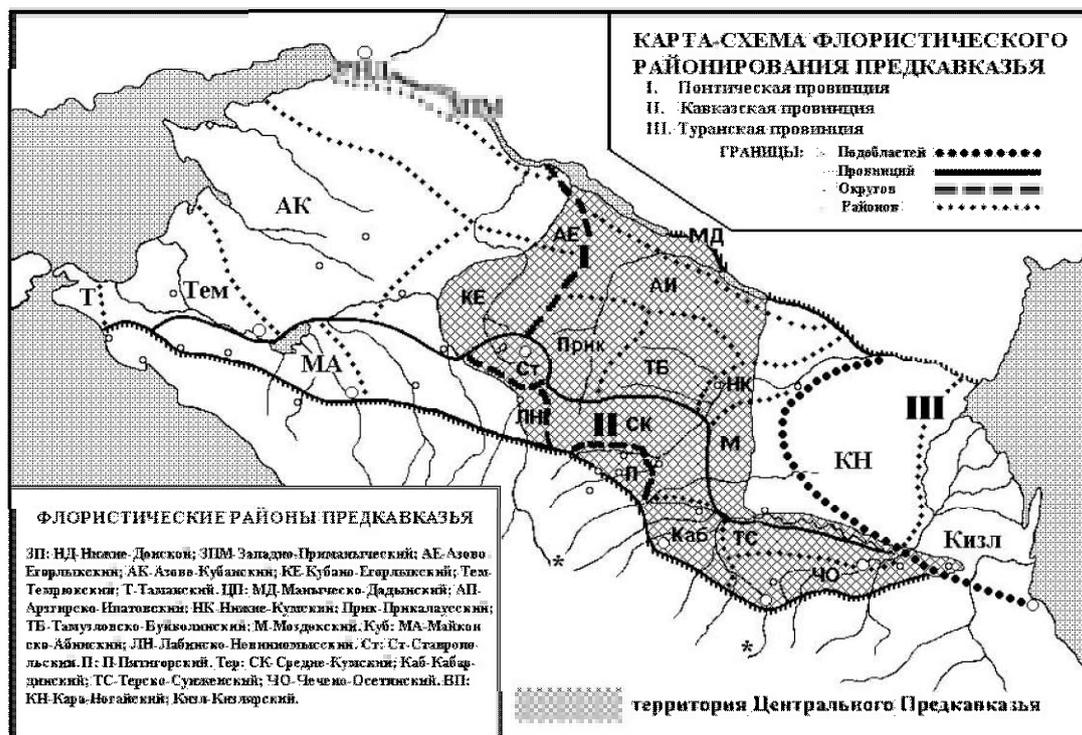

Рис. 1. Флористические районы Центрального Предкавказья на картосхеме флористического районирования Предкавказья

Ботанико-географическое районирование основывается не только на количественных показателях, но и на составе флористических комплексов той или иной территории, большей частью на локализации ареалов эндемичных и реликтовых видов, придающих тому или иному комплексу оригинальность. Сравнительные данные о количестве лесных видов в каждом районе, наличии эндемиков и реликтов приведены в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что наиболее богатыми (по числу видов) и оригинальными (по числу эндемичных, субэндемичных и реликтовых видов) являются флоры Ставропольского и Пятигорского районов, относящихся к Кавказской флористической провинции. Наименее богаты и оригинальны флоры районов Понтийской флористической провинции. Это связано, вероятно, с особенностями географического положения этих районов и характером физико-географической среды, в первую очередь рельефом и высотой над уровнем моря. Эти условия в процессе исторического развития лесной флоры определили рефугиумный характер этих двух районов.

Таблица 1

Сравнительные данные по лесной флоре районов Центрального Предкавказья

№	Район	Количество видов				
		Всего видов	Эндемичные	Субэндемичные	Реликтовые	
					Rt	Rg
1	КЕ	81	-	-	-	1
2	Прик	74	-	-	1	3
3	ТБ	69	-	-	-	-
4	НК	61	-	-	1	-

5	М	80	-	2	1	-
6	ЛН	78	-	-	-	1
7	Ст	240	1	3	16	24
8	П	282	4	4	21	10
9	СК	143	-	2	1	1
10	Каб	150	1	2	5	1
11	ТС	129	-	4	1	1
12	ЧО	164	-	3	2	1
Общее для всех районов число видов – 40						

Картограмма распределения эндемичных и реликтовых видов приведена на рис. 2. Следует также отметить, что количество лесных видов, встречающихся во всех районах Центрального Предкавказья, равно 40. Этот показатель свидетельствует о большей оригинальности лесных флор районов по сравнению с полными флорами, поскольку равен или немного превышает половину видов лишь для районов Понтической провинции. Что касается полных флор, то общее для всех районов число видов (513) не превышает половины числа видов флоры лишь для трёх районов, полностью находящихся на территории Центрального Предкавказья – Пятигорского, Ставропольского и Средне-Кумского (Иванов, 1998).

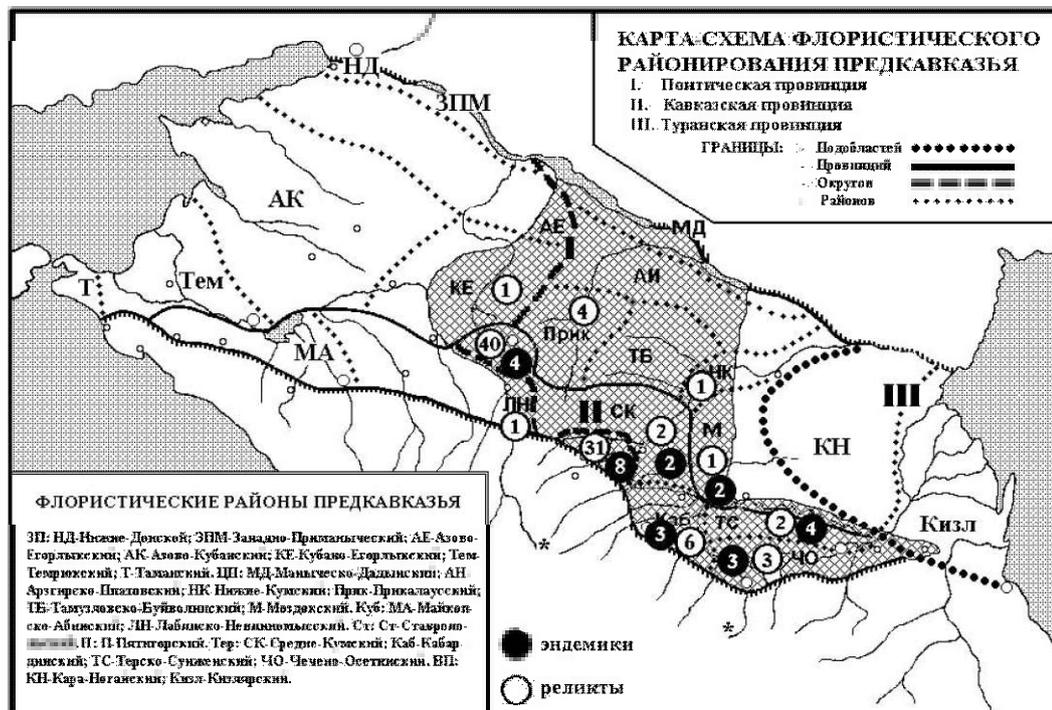

Рис. 2. Распределение эндемичных и реликтовых лесных видов по флористическим районам Центрального Предкавказья

Количественная характеристика флоры является важным показателем её богатства. Этот показатель используется при проведении ботанико-географического районирования территории и для выяснения степени сходства флор ботанико-географических выделов. Для получения сравнительных данных применяются методы статистической обработки флористических списков. В результате такой обработки получают коэффициенты сходства (или различия) флор тех или иных территорий, последующая обработка которых даёт графическую картину (дендрит) сходства выделенных флор.

Для статистической обработки флористических списков лесной флоры Центрального Предкавказья нами использована методика расчёта коэффициентов сходства Жаккара и Сёренсена-Чекановского (Шмидт, 1984):

Исходя из значений этих коэффициентов построены алгоритмы максимального корреляционного пути и рассчитан ход последовательного отделения корреляционных плеяд, на основе которого построены дендриты, отражающие степень сходства флор тех или иных районов.

В дендрите, построенном методом максимального корреляционного пути на основе коэффициента Жаккара (рис. 3), на уровне минимальной связи 0,514 все районы образуют общую корреляционную плеяду. При последовательном повышении уровня связи [г] в дендрите происходит отделение районов и выделение корреляционных плеяд более низких уровней.

Первым от общей плеяды отделяется Моздокский район (М), образуется плеяда первого уровня. Затем следует разделение этой плеяды на две плеяды второго уровня: плеяду СК-ТС-Каб-Ст-П, все районы которой относятся к Кавказской флористической провинции, и плеяду KE-ЛН-ТБ-Прик-НК, один район которой относится к Кавказской флористической провинции (ЛН), остальные – к Понтической флористической провинции.

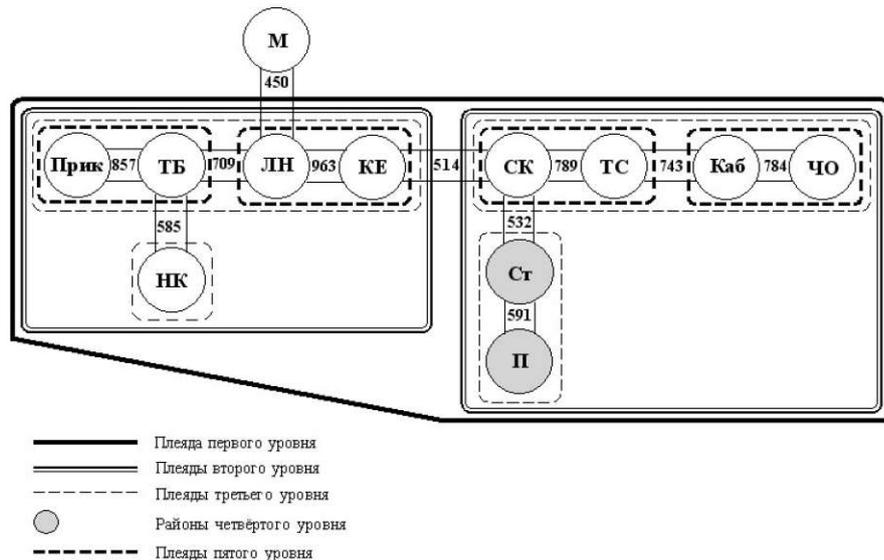

Рис. 3. Дендрит, построенный методом максимального корреляционного пути на основе коэффициента сходства Жаккара

В первой плеяде второго уровня следующим шагом выделяются две плеяды третьего уровня – Ст-П, разделяющаяся следующим шагом на районы четвёртого уровня (Ст и П), занимающие островное положение и соответствующие ботанико-географическим округам, и СК-ТС-Каб-ЧО, районы которой относятся к Терскому флористическому округу. Эта плеяда последующим шагом распадается на две плеяды пятого уровня – СК-ТС и Каб-ЧО.

Во второй плеяде второго уровня следующим шагом образуется третий уровень, состоящий из Нижне-Кумского района (НК) и плеяды KE-ЛН-ТБ-Прик, которая следующим ходом распадается на две плеяды пятого уровня Прик-ТБ и ЛН-КЕ. Дальнейшее повышение уровня связи в дендрите приводит к расщеплению плеяд до отдельных районов.

Из хода расщепления видно, что наибольшее сходство по флористическому составу наблюдается в плеядах пятого уровня, наименее сходными являются районы Моздокский (М), Пятигорский (П), Ставропольский (Ст) и Нижне-Кумский (НК).

Те же закономерности наблюдаются и в дендрите, построенном методом максимального корреляционного пути на основе коэффициента сходства Сёренсена-Чекановского (рис. 4), с той лишь разницей, что связь между плеядами второго уровня проходит не через районы КЕ-СК, а через КЕ-ТС.

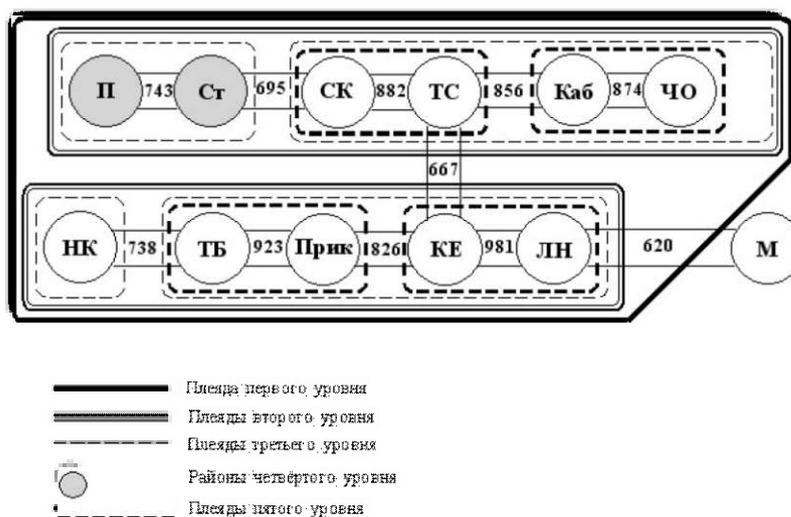

Рис. 4. Дендрит, построенный методом максимального корреляционного пути на основе коэффициента сходства Сёренсена-Чекановского

По результатам статистической обработки флористических списков нами проведена корректировка ботанико-географического районирования Центрального Предкавказья и выделение районов лесной флоры, в ряде случаев путём объединения районов, флоры которых наиболее сходны. Карта-схема районирования приведена на рис. 5.

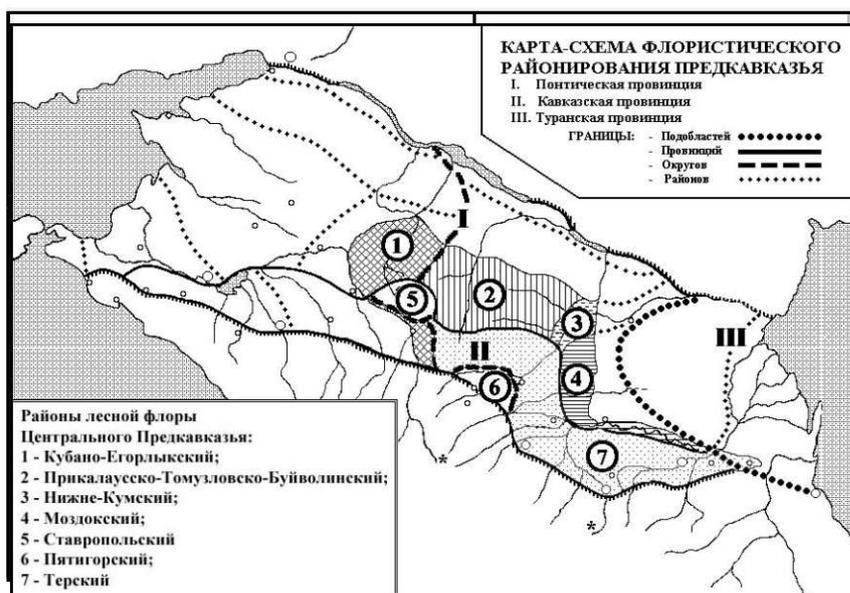

Рис. 5. Ботанико-географические районы лесной флоры Центрального Предкавказья

1. Кубано-Егорлыкский район. Объединены районы Кубано-Егорлыкский и Лабинско-Невинномысский, лесные флоры которых сходны, поскольку их объединяют единые лесные массивы пойменных лесов правобережья реки Кубани. Коэффициенты сходства Жаккара и Сёренсена-Чекановского соответственно 0,963 и 0,981.

2. Прикалаусско-Томузловско-Буйволинский объединяет два смежных района (Прик и ТБ), занимающих восточную часть Ставропольской возвышенности. Коэффициенты сходства 0,857 и 0,923.

3. Нижне-Кумский район в ходе расщепления отделяется от плеяды районов Понтической флористической провинции на третьем уровне, коэффициенты сходства Жаккара и Сёренсена-Чекановского с Томузловско-Буйволинским районом соответственно 0,585 и 0,738.

4. Моздокский район обладает наименьшими коэффициентами сходства (0,450 и 0,620) и в ходе расщепления общей плеяды отделяется первым.

5 и 6. Ставропольский и Пятигорский районы образуют плеяду третьего уровня в ходе расщепления дендрита районов Кавказской флористической провинции и последующим шагом распадаются на отдельные районы четвёртого уровня, занимающие островное положение на Ставропольских высотах и в районе гор-лаколлитов Кавминвод. Лесные флоры этих районов содержат наибольшее количество реликтовых видов (соответственно 40 и 31) и эндемичных видов (4 и 8). Коэффициенты сходства между ними 0,591 и 0,743.

7. Терский район образован районами одноимённого флористического округа (СК, Каб, ТС и ЧО), обособляющимися на шестом уровне расщепления общей плеяды. Они имеют незначительно отличающиеся коэффициенты сходства, на основании чего объединены в один район.

При сравнении хода расщепления дендритов лесной флоры Центрального Предкавказья с ходом расщепления дендрита полной флоры Предкавказья (Иванов, 1998) наблюдается заметный параллелизм этого процесса, с той лишь разницей, что на первых уровнях расщепления от общей плеяды отделяются Пятигорский и Ставропольский районы, также занимающие обособленное положение. Что касается других районов Кавказской и Понтической флористических провинций, которые полностью находятся на территории Центрального Предкавказья, то они показывают тот же уровень сходства друг с другом, а именно СК-ТС-Каб-ЧО (Кавказская провинция) и НК-ТБ-Прик (Понтическая провинция). Это может свидетельствовать о том, что флоры разных экологических групп растений, объединённые в различные фитоценозы, претерпевали сходные изменения (прежде всего, фрагментация ареалов отдельных видов и обособление реликтов) в ходе исторического становления флористических комплексов.

Литература

1. Галушко А. И. Флора Северного Кавказа. Ростов: Изд-во РГУ, 1978-1980: Т. 1, 1978. 317с. Т. 2, 1980. 350 с. Т. 3, 1980. 327 с.
2. Гроссгейм А. А. Определитель растений Кавказа. М.: Изд-во Советская наука, 1949. 747 с.
3. Иванов А. Л. Флора Предкавказья и её генезис. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 204 с.
4. Конспект флоры Кавказа, Т. 1–3. / под редакцией А. Л. Тахтаджяна. Т. I. 204 е.; Т. II. 467 е.; Т. III(1). 469 е.; Т. III(2). 623 с.
5. Лавренко Е. М. Основные черты ботанико-географического разделения СССР и сопредельных стран // Проблемы ботаники, вып. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 530–548.
6. Литвинская С. А., Муртазалиев Р. А. Кавказский элемент во флоре Российского Кавказа: география, зоология, экология. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2009. 439 с.
7. Меницкий Ю. Л. Проект «Конспект флоры Кавказа». Карта районов флоры // Ботанический журнал, Т. 76, № 11, 1991. С. 1513–1521.
8. Муртазалиев Р. А. Конспект флоры Дагестана. Махачкала: Изд-во ИД «Эпоха», Т. I–IV, 2009: Т. 1, 2009. 320 е.; Т. II, 2009. 248 е.; Т. III, 2009. 304 е.; Т. IV, 2009. 232 с.
9. Тахтаджян А. Л. Флористические области Земли. Л.: Наука, 1978. 247 с.
10. Шмидт В. М. Математические методы в ботанике. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 286 с.

УДК 910.1: 911.3:32

Супрунчук Илья Павлович

КОНЦЕПЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГИС «ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ»

В статье рассматриваются особенности функционирования информационной системы, позволяющей осуществлять геоинформационный мониторинг террористической деятельности в России. Определены основные критерии и параметры, необходимые для успешного решения задачи мониторинга террористической деятельности, а также возможности данной системы.

Ключевые слова: террористическая деятельность, геоинформационный мониторинг, геоинформационные системы, борьба и противодействие терроризму.

Suprunchuk Ilya P.

CONCEPT OF OPERATIONS GEOINFORMATION MONITORING SYSTEM GIS «TERRORIST ACTIVITIES IN RUSSIA»

The article discusses the features of the information system, allowing to deliver geoinformation monitoring terrorist activities in Russia. The basic criteria and parameters necessary for the successful solution of the problem of monitoring terrorist activities, as well as the capabilities of the system.

Key words: terrorist activity, geoinformation monitoring, geographic information systems, counter-terrorism.

Одной из главных социально-политических угроз для безопасности России выступает терроризм. По числу террористических актов и их жертв в мире наша страна входит в первую десятку [1]. Ущерб от них измеряется сотнями миллионов рублей. Не менее опасным результатом террористической активности в стране является возникновение социальной напряженности и нестабильности в обществе, рост ксенофобии и межэтнических противоречий среди населения. На этом фоне становится актуальной задача мониторинга террористической деятельности в России. Несмотря на то, что террористическая деятельность – сложный объект для постоянного мониторинга, в мировой практике уже созданы системы, позволяющие получать статистическую информацию о террористической деятельности и терроризме.

Первым примером этого выступает интернет-ресурс Global Incident Map [2], позволяющий вести мониторинг различных происшествий в мире, в том числе и терактов, за последние 48 часов. Информация берется из средств массовой информации по всему миру. Главная слабость этой системы – различный информационный охват территорий и узкие временные рамки, ограничивающие возможность исследования.

Более детальный и научный подход к вопросу мониторинга террористической деятельности реализован в ресурсе Global Terrorism Database, разработанном научной правительственной организацией США The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism [3]. Здесь собрана наиболее полная база данных о террористических актах во всем мире, начиная с 1970 года. Содержатся подробные данные о более чем 113 000 инцидентах террористического характера. В наличии имеется развитый поисковый инструментарий, позволяющий составлять уникальные поисковые запросы и получать соответствующую информацию. Однако задачу мониторинга террористической деятельности в России эта система решить полностью не может, представляя объективную общую «террористическую картину». Соответственно, взяв за основу многие удачные решения рассмотренной системы, в совокупности со знанием специфики террористической деятельности в нашей стране, разработана функциональная система мониторинга террористической деятельности.

На базе лаборатории «Народонаселение и ГИС-технологии» СКФУ созданы системы геоинформационного мониторинга этнических и урбанизационных процессов [4], этнодемографических и миграционных [5], а также демографических процессов [6] в России.

Опыт разработки данных систем геоинформационного мониторинга позволил предложить следующую концептуальную схему функционирования ГИС «Террористическая деятельность в России» (рис.), которая состоит из четырех взаимосвязанных блоков: блока сбора данных, базы геоданных, аналитического и геоинформационного блока.

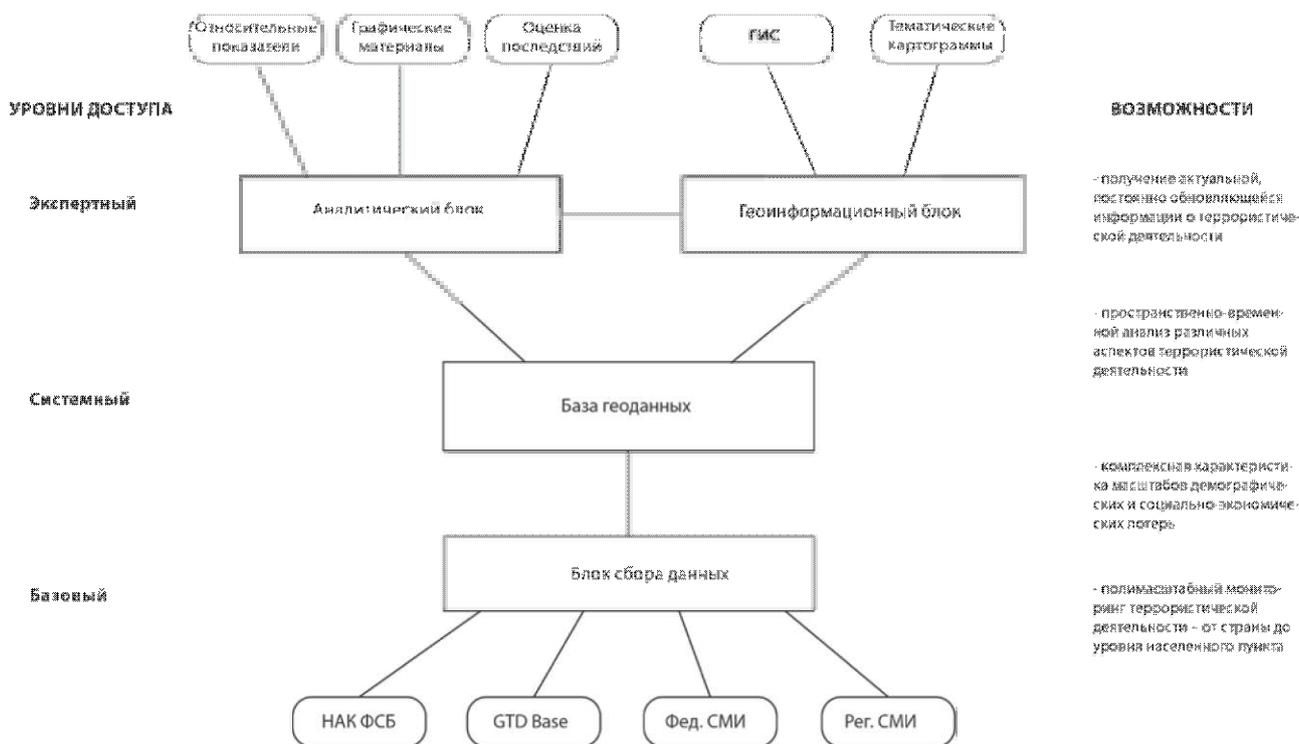

Рис. Концептуальная схема функционирования ГИС «Террористическая деятельность в России»

Блок сбора информации отвечает за выделение из всего информационного массива данных, связанных с террористической деятельностью. Он работает с четырьмя категориями источников.

1. Первая представлена официальными правоохранительными органами. В последнее время информирование общественности о террористической деятельности происходит через сообщения Национального антитеррористического комитета (НАК) Федеральной службы безопасности.

2. Так как система мониторинга берет за начало 1991 год, главным архивным источником информации выступает вышеуказанная база данных Global Terrorism Database.

3. Текущий учет террористических инцидентов, который ведется непрерывно с 2006 года, осуществляется с помощью мониторинга федеральных и региональных СМИ. На федеральном уровне приоритет отдается официальным сообщениям органов правопорядка – Федеральной службе безопасности, Министерству внутренних дел, Прокуратуре РФ. В последние годы официальную информацию о террористической деятельности аккумулирует сайт Национального антитеррористического комитета (НАК) ФСБ. При необходимости подключается информация крупных федеральных информационных агентств – РИА Новости, Интерфакс и т. д.

4. На региональном уровне выделяется НА «Кавказский узел», собирающее информацию о террористической деятельности на Юге России.

Собранная информация на следующем этапе обобщается и приводится к единому виду с помощью базы геоданных. Структура базы геоданных построена таким образом, что информация о каждом террористическом инциденте раскладывается и заносится в базу по 18 показателям. Эти показатели можно объединить в несколько групп:

- пространственно-временные – место и время произошедшего инцидента (при записи географического места реализуется принцип полимасштабности – любая запись имеет вид «федеральный округ – субъект РФ-муниципальный район – населенный пункт»). Эта группа показателей позволяет в базе создавать отчеты о динамических и пространственных изменениях террористической деятельности в стране;

- показатели ущерба – описываются через количество убитых и пострадавших среди силовых структур, населения и террористов, а также материальный ущерб (если такая информация доступна). Эти показатели позволяют судить о масштабах и последствиях террористической деятельности;

- типологические характеристики – включают в себя информацию о виде и типе инцидента, цели, на которую был направлен данный инцидент. Дополнительно привлекаются данные о статьях Уголовного кодекса, по которым квалифицируется террористический инцидент, а также приводится краткое описание инцидента.

Функциональные возможности базы геоданных предполагают формирование аналитического и геоинформационного инструментария. В данной системе существуют два блока – аналитический и геоинформационный.

Аналитический блок с помощью системы расчетных относительных и абсолютных показателей позволяет выявлять основные тенденции развития террористической деятельности и оценить ее последствия. Также имеются возможности визуализации в виде диаграмм и графиков различных типов.

Геоинформационный блок «отвечает» за визуализацию информации в специфическом виде – картосхемы и картограммы. Как в аналитическом, так и в геоинформационном блоке реализованы широкие возможности выбора масштаба, места и времени, типологических характеристик террористической деятельности. Это позволяет получать аналитические отчеты на основе различных сложных запросов, и создает основу для междисциплинарного изучения терроризма.

Разработанная система рассчитана на 3 уровня пользователей:

базовый – начальный уровень, на котором пользователь осуществляет поиск и отбор информации из открытых источников;

системный – рассчитан на специалистов, обладающих умением работать с базами данных, и занимающихся занесением информации мониторинга в базу геоданных по определенным правилам и критериям;

экспертный – на специалистов, обладающих компетенциями в области анализа тенденций террористической деятельности (эксперты, ученые, аналитики, управленцы).

В результате можно выделить следующие ключевые возможности системы:

получение актуальной, постоянно обновляющейся информации о террористической деятельности;

пространственно-временной анализ различных аспектов террористической деятельности;

комплексная характеристика и оценка масштабов демографических и социально-экономических потерь в результате террористической деятельности;

полимасштабный мониторинг террористической деятельности – от страны до уровня населенного пункта.

Создание ГИС «Террористическая деятельность в России» позволит использовать ее базу данных для более широкого междисциплинарного исследования терроризма в России. Полученный программный продукт является одной из первых попыток создания полнофункциональной системы мониторинга и анализа террористической деятельности в нашей стране. Разработанный интерактивный инструментарий позволит получать широкий спектр аналитической информации (статистического, графического и картографического вида), предоставляет широкие возможности для общественного наблюдения за проблемой терроризма. Информационная система отличается мобильностью и может быть представлена в различном виде, как отдельного программного модуля, так и общедоступного информационного ресурса.

Литература

1. Белозеров В. С., Супрунчук И. П. География терроризма: полимасштабный анализ террористической деятельности. Информационно-аналитический атлас. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2012. 48 с.

2. A Global Display of terrorism and other suspicious events. <http://www.globalincidentmap.com>
3. The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. <http://www.start.umd.edu/gtd>
4. Белозеров В. С., Черкасов А. А. Исследование этнических аспектов урбанизации в России с помощью ГИС технологий // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. Вып. 80 (3). С. 183–188.
5. Белозеров В. С., Панин А. Н., Турун П. П., Эшроков В. М. Геоинформационный мониторинг этнодемографических, миграционных процессов и сети поселений на Юге России // Вестник Южного научного центра РАН. Т.5. № 3. 2009. С. 96–104
6. Белозеров В. С., Раужин И. Г., Раужина С. А. Полимасштабная система геоинформационного мониторинга демографических процессов в России // Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в 20 веке управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Материалы международной научной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ. 2011. С. 214–219.

УДК 591.9

Харин Константин Викторович, Лиховид Андрей Александрович

МОНИТОРИНГ БИОРАЗНООБРАЗИЯ НАЗЕМНЫХ ПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АПАНАСЕНКОВСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье содержатся сведения о численности, балльной оценки вида, роли в таксоценозе наземных позвоночных животных, данные о площади среды обитания и распределении по территории объектов животного мира, а также данные о видах, занесенных в региональную и Российскую Красные книги.

Ключевые слова: биотопы, животное население, местообитания, популяция, позвоночные, редкий вид.

Kharin Konstantin V., Likhovid Andrey A.

MONITORING OF THE BIODIVERSITY OF LAND VERTEBRATE ANIMALS IN THE TERRITORY OF THE APANASENKOVSKY REGION OF STAVROPOL KRAI

Article contains data on number, a ball assessment of a look, a role in biocenosis the land vertebrate animals, the habitats given about the area and distribution on territories of objects of fauna, and also data on the types included in regional and Russian Red Lists.

Key words: biotopes, animal population, habitats, population, vertebrata, rare species.

Изучение объектов животного мира (наземных позвоночных), за исключением отнесенных к охотничьим и водным биологическим ресурсам, проводилось на территории Апанасенковского района Ставропольского края.

Ареалы изученных видов наземных позвоночных животных рассматривались в привязке к существующему кадастровому делению территории Ставропольского края в соответствии с ФЗ от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости».

Исследования животного населения направленно на получение сведений о его качественном и количественном составе выражающее в следующих показателях: численности, плотности, площадь среды обитания и ареала распространения в пределах кадастровых кварталов административного района.

Анализ фондовых материалов, в том числе карт и продуктов дистанционного зондирования позволил выявить конкретные территории, имеющие особое значение с целью сохранения объектов животного мира не отнесенных к охотничьим ресурсам.

Во время проведения полевых исследований фаунистическое разнообразие изучалось путем количественного учета животных, принимая во внимание связь животных с определенными

элементами среды обитания и ландшафтными условиями. Среда обитания и ключевые участки наблюдений привязывались к предыдущим исследованиям для лучшего сопоставления полученных данных.

Выделение сред обитания, в рамках рассматриваемых ландшафтов, проводилось с учетом существующего приложения к требованиям, к составу и структуре схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации, утвержденным Приказом Минприроды России от 31 августа 2010 г. № 335.

Согласно данному требованию, в пределах административного района и приуроченных к нему ландшафтной структуры выделялись следующие элементы среды обитания объектов животного мира: пашня и пастбища, леса, внутренние водные объекты и др.

Наземные позвоночные чрезвычайно отличаются друг от друга по поведению, суточной и сезонной активности, размерам, адаптациям к среде обитания, питанию, срокам размножения, миграциям и т. п. Одних животных можно наблюдать в течение всего года, другие ведут себя настолько скрытно, что их пребывание может быть установлено только с помощью специальных инструментальных методов учета. В связи с этим и методы полевых исследований популяций наземных позвоночных различны не только для разных таксономических групп, но и для разных экологических групп в пределах одного таксона.

Полевые изыскания включали в себя следующее:

инвентаризацию местообитаний животных (амфибий, рептилий, птиц, млекопитающих, беспозвоночных) и приуроченность их к элементам среды и существующему ландшафтному и административному делению территории Ставропольского края;

оценку факторов, определяющих пригодность среды для обитания животных (характер увлажнения, рельеф, структура фитоценозов и степень их нарушения с точки зрения кормовых и защитных свойств территории для наземных позвоночных);

характеристику территориальных группировок населения млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий, беспозвоночных, их структуры по численности (фоновые виды, доминанты, содоминанты, второстепенные, редкие);

инвентаризацию редких, исчезающих и особо охраняемых видов, в том числе видов, занесенных в Красную книгу РФ и Ставропольского края, выявление сред обитания «краснокнижных» видов животных;

картирование основных типов сред обитания наземных позвоночных, мест находок редких, исчезающих и особо охраняемых видов животных, концентраций на пролете и т. п.

Территория рассматриваемого района располагается в пределах провинции полупустынных ландшафтов. На севере района простирается Западно-Маньчский ландшафт Кумо-Маньчской впадины, а на юге степные ландшафты – Нижнекалаусский и Айгурский. Здесь нами выделены 6 элементов среды обитания животного населения.

Пашня. Данный элемент среды обитания (198 387 га) объектов животного мира располагается на землях сельскохозяйственного назначения и отличается небольшим видовым разнообразием.

Сообщество наземных позвоночных пашен представлено 1 видом земноводных, 8 видами птиц и 3 видами млекопитающих (табл. 1, 2).

Таблица 1

Население наземных позвоночных пашен

№	Вид	Численность ос/га ^{***}	Балл*	Роль в таксоценозе**
1	Жаба зеленая (<i>Bufoviridis</i>)	1,1/1,3	+++	Soc.
2	Лунь полевой (<i>Circuscyaneus</i>)	0,001/0,001	+	Rs
3	Жаворонок полевой (<i>Alaudaarvensis</i>)	5,8/4,8	+++	Soc.
4	Жаворонок степной (<i>Melanocoryphacalandra</i>)	0,2/0,3	++	Pl.
5	Жаворонок хохлатый (<i>Galeridacristata</i>)	0,3/0,2	++	Pl.
6	Жаворонок серый (<i>Calandrellarufescens</i>)	0,1/0,1	+	Pl.
7	Трясогузка черноголовая (<i>Motacillafeldegg</i>)	1,1/1,3	+	R.
8	Чекан черноголовый (<i>Saxicolatorquata</i>)	0,01/0,01	+	R.

Окончание таблицы 1				
9	Мышь лесная (<i>Apodemusuralensis</i>)	0,9/1,2	++	Pl.
10	Полевка обыкновенная (<i>Microtusarvalis</i>)	3,8/4,1	+++	Soc.
11	Хомячок серый (<i>Cricetulusmigratorius</i>)	1,4/1,25	++	Pl.
12	ДРОФА <i>Otistarda</i> Linnaeus	0,001/0,001	+	Rs

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plerumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно.

*** – данные численности за 2012/2013 г

Таблица 2

Редкие и исчезающие виды позвоночных животных пашен

Вид	Категория по ККС	Примечание
ДРОФА <i>Otistarda</i> Linnaeus	Статус – редкий вид Категория II	ККР, спорадично гнездится на полях озимых зерновых культур

Пастбища. Пастбища, как элемент среды обитания объектов животного мира, площадью 110754 га занимают территории.

Сообщество наземных позвоночных пастбищ представлено 1 видом земноводных, 1 видом пресмыкающихся, 8 видами птиц и 4 видами млекопитающих (табл. 3).

Таблица 3

Население наземных позвоночных сельхозугодий

№	Вид	Численность ос/га ***	Балл*	Роль в таксоценозе**
1	Жаба зеленая (<i>Bufoviridis</i>)	1,2/1,1	+++	Soc.
2	Ящерица двуполосая (<i>Lacertaagilis</i>)	2,2/2,3	+++	Soc.
3	Лунь полевой (<i>Circuscyaneus</i>)	0,001/0,001	+	Rs
4	Жаворонок полевой (<i>Alaudaarvensis</i>)	4,2/3,9	+++	Soc.
5	Жаворонок степной	0,2/0,3	++	Pl.
6	Жаворонок хохлатый	0,1/0,2	++	Pl.
7	Жаворонок серый	0,2/0,2	+	Pl.
8	Трясогузка черноголовая (<i>Motacillafeldegg</i>)	1,1/1,5	+	R.
9	Чекан черноголовый (<i>Saxicolatorquata</i>)	0,01/0,01	+	R.
10	Просянка (<i>Emberizacalandra</i>)	0,01/0,01	++	Pl.
11	Мышь лесная (<i>Apodemusuralensis</i>)	1,1/2,0	++	Pl.
12	Мышь домовая (<i>Musmusculus</i>)	2,4/2,3	+++	Soc.
13	Полевка обыкновенная (<i>Microtusarvalis</i>)	3,1/2,9	+++	Soc.
14	Хомячок серый (<i>Cricetulusmigratorius</i>)	2,0/1,5	++	Pl.

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plerumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно.

*** – данные численности за 2012/2013 г

Леса. Данный элемент среды на территории района занимает площадь в 1250,34 га и отличается своеобразным типом животного населения.

Сообщество наземных позвоночных представлено 1 видом земноводных, 1 видом пресмыкающихся, 9 видами птиц и 3 видами млекопитающих (табл. 4).

Таблица 4

Население наземных позвоночных лесов

№	Вид	Численность ос/га ^{***}	Балл [*]	Роль в таксоценозе ^{**}
1	Жаба зеленая (<i>Bufo viridis</i>)	0,3/0,2	++	Pl.
2	Ящерица полосатая (<i>Lacertastrigata</i>)	3,32/3,2	++	Soc.
3	Пустельга степная (<i>Falco naumanni</i>)	0,001/0,001	+	Rs.
4	Конек лесной (<i>Anthustrivialis</i>)	2,4/2,5	+++	Soc.
5	Сорокопуг чернолобый (<i>Lanius minor</i>)	1,2/1,4	++	Pl.
6	Сорока (<i>Pica pica</i>)	1,06/1,1	++	R.
7	Грач (<i>Corvusfrugilegus</i>)	0,1/0,2	++	Pl.
8	Жулан обыкновенный (<i>Laniuscollurio</i>)	0,1/0,1	++	Pl
9	Зеленушка обыкновенная (<i>Chlorischloris</i>)	0,2/0,25	++	Pl
10	Кобчик (<i>Falkovespertinus</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs.
11	Чеглок (<i>Falcosubbutea</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs.
12	Мышь лесная (<i>Apodemusuralensis</i>)	0,1/0,2	++	Pl.
13	Еж ушастый (<i>Hemiechinusauritus</i>)	0,001/0,001	+	R.
14	Общественная полевка (<i>Microtusocialis</i>)	0,03/0,01	+	Rs.

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plerumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно.

*** – данные численности за 2012/2013 г

Болота. Данный элемент среды на территории района занимает площадь 40668135,14 кв.м., отличается небогатым видовым разнообразием животного населения.

Сообщество наземных позвоночных представлено 1 видом земноводных, 2 видами пресмыкающихся, 4 видами птиц (табл. 5).

Таблица 5

Население наземных позвоночных болот

№	Вид	Численность ос/га ^{***}	Балл [*]	Роль в таксоценозе ^{**}
1	Лягушка озерная (<i>Ranaridibunda</i>)	9,1/10,0	+++	Soc
2	Черепаха болотная (<i>Emys orbicularis</i>)	0,1/0,2	++	R
3	Уж водяной (<i>Natrixtesselata</i>)	0,1/0,1	++	Pl
4	Трясогузка черноголовая (<i>Motacillafeldegg feldegg</i>)	2,1/2,5	++	Pl
5	Камышевка-барсучок (<i>Acrocephaluschoenobaenus</i>)	1,1/1,1	++	Pl
6	Камышевка болотная (<i>Acrocephaluspalustris</i>)	0, 1/0,3	+	Rs
7	Камышевка тростниковая (<i>Acrocephalusscirpaceus</i>)	1,3/1,2	+++	Pl
8	Лунь болотный (<i>C. aeruginosusaeruginosus</i>)	0, 1/0,1	+	Rs

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plerumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно

*** – данные численности за 2012/2013 г

Солончаки. Данный элемент среды на территории района занимает площадь 16964340,04 м², отличается небогатым видовым разнообразием животного населения.

Сообщество наземных позвоночных представлено 1 видом пресмыкающихся, 3 видами птиц (табл. 6, 7).

Таблица 6

Население наземных позвоночных солончаков

№	Вид	Численность ос/га ^{***}	Балл [*]	Роль в таксоценозе ^{**}
1	Ящерица полосатая (<i>L. strigata</i>)	0,1/0,1	++	Pl
2	Жаворонок хохлатый (<i>Galeridacristata cristata</i>)	2,1/2,5	++	Pl
3	Каменка-плясунья (<i>O. isabellina</i>)	0,1/0,1	++	Pl
4	Авдотка <i>Burhinusoedicnemus</i>	0, 01/0,01	+	Rs

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plerumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно

*** – данные численности за 2012/2013 г

Таблица 7

Редкие и исчезающие виды позвоночных животных песков и солончаков		
Вид	Категория по ККС	Прим.
Авдотка <i>Burhinusoedipnemos</i>	Статус – редкий вид Категория III	ККР, обитатель открытых полупустынных ландшафтов с редкой растительностью. Гнездится по глинистым, песчаным и солонцеватым участкам засушливых степей вблизи озер и рек

Внутренние водные объекты. Данный элемент среды (5281 га) представлен комплексом животного населения прибрежных участков внутренних водоемов и водотоков (Маныч, Правоегорлыкский канал, Дивненский канал и др.).

Сообщество наземных позвоночных представлено 1 видом земноводных, 3 видами пресмыкающихся, 45 видами птиц и 1 млекопитающим (таблица 8, 9).

Таблица 8

Население наземных позвоночных берегов внутренних водных объектов

№	Вид	Численность ос/га ^{***}	Бал л*	Роль в таксо- ценозе**
1	Лягушкаозерная (<i>Ranaridibunda</i>)	12,4/13,0	+++	Soc
2	Черепаша болотная (<i>Emys orbicularis</i>)	0,1/0,1	++	R
3	Уж обыкновенный (<i>Natrixnatrix</i>)	0,1/0,1	++	Pl
4	Уж водяной (<i>Natrixtesselata</i>)	0,1/0,2	++	Pl
5	Песчанка тамарисковая (<i>Merionestamariscinus</i>)	0,01/0,01	+	Pl
6	Цапля серая (<i>Ardeacinerea</i>)	0,01/0,01	++	R
7	Цапля рыжая (<i>Ardeapurpurea</i>)	0,1/0,1	++	R
8	Сизоворонка (<i>Coraciasgarrulous</i>)	0,4/0,5	++	R
9	Ласточка береговая (<i>Ripariariparia</i>)	1,1/1,2	++	Pl
10	Трясогузка белая (<i>Motacillaalba</i>)	1,2/1,4	++	Pl
11	Славка белоусая (<i>Sylviamystacea</i>)	0,01/0,02	+	Rs
12	Пеликан розовый (<i>Pelecanusonocrotalus</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
13	Пеликан кудрявый (<i>Pelicanuscrispus</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
14	Вьпь большая (<i>Botaurusstellaris</i>)	0,01/0,02	++	R
15	Вьпь малая (<i>Ixobrychusminutus</i>)	0,001/0,001	++	R
16	Кваква (<i>Nycticoraxnycticorax</i>)	0,0001/0,0001	++	R
17	Цапля желтая (<i>Ardeolaralloides</i>)	0,01/0,02	+	Rs
18	Цапля большая белая (<i>Egrettaalba</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
19	Цапля малая белая (<i>Egrettaarzetta</i>)	0,001/0,001	+	Rs
20	Колпица (<i>Platalealeucorodia</i>)	0,001/0,001	+	R
21	Каравайка (<i>Plataleafalcinellus</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
22	Лебедь-шипун (<i>Cygnus olor</i>)	0,02/0,02	++	Pl
23	Лунь болотный (<i>Circus aeruginosus</i>)	0,001/0,001	+	Rs
24	Журавль серый (<i>Grusgrus</i>)	0,001	+	Rs
25	Зуек малый (<i>Charadriusdubius</i>)	0,001	+	Rs
26	Зуек каспийский (<i>Charadriusasiaticus</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
27	Зуек морской (<i>Charadriusalexandrinus</i>)	0,0001/0,0002	+	Rs
28	Ходулочник (<i>Himantopuslimantopus</i>)	0,02/0,01	+	Rs
29	Шилоклювка (<i>Recurvirostraavosetta</i>)	0,001/0,001	+	Rs
30	Тиркушка степная (<i>Glareolanordmanni</i>)	0,0001/0,0001	+	Rs
31	Хохотун черноголовый (<i>Larusichthyaetus</i>)	0,1/0,2	++	Pl
32	Чайка черноголовая (<i>Larusmelanocephalus</i>)	0,2/0,3	++	Pl
33	Чайка озерная (<i>Larusridibundus</i>)	2,1/2,2	+++	Soc
34	Голубок морской (<i>Larusgenei</i>)	0,001/0,001	+	Rs

Окончание таблицы 8				
35	Хохотунья (<i>Laruscachinnans</i>)	0,001/0,01	+	Rs
36	Чайка сизая (<i>Laruscanus</i>)	0,01/0,01	+	Rs
37	Крчка белокрылая (<i>Chlidoniasleucopterus</i>)	0,001/0,001	+	Rs
38	Крчка чайконосная (<i>Gelochelidonnilotica</i>)	0,001/0,001	+	Rs
39	Крчка речная (<i>Sternahirundo</i>)	0,001/0,001	+	Rs
40	Крчка малая (<i>Sternaalbifrons</i>)	0,001/0,001	+	Rs
41	Зимородок обыкновенный (<i>Alcedoatthis</i>)	0,01/0,01	+	Rs
42	Щурка золотистая (<i>Meropsapiaster</i>)	0,2/0,3	+	R
43	Камышевка-барсучок (<i>Acrocephaluschoenobaenus</i>)	1,4/1,5	++	Pl
44	Камышевка болотная (<i>Acrocephaluspalustris</i>)	0, 1/0,2	+	Rs
45	Камышевка тростниковая (<i>Acrocephalusscirpaceus</i>)	2,2	+++	Pl
46	Краснозобая казарка <i>Rufibrentaruficollis</i>	0, 1/0,2	+	Rs
47	Пискулька <i>Ansererythropus</i>	0, 1/0,1	+	Rs
48	Савка <i>Oxyuraeucephala</i>	0,0 1/0,01	+	Rs
49	Каспийский зук <i>charadriusasiaticuspallas</i>	0, 1/0,1	+	Rs
50	Черноголовый хохотун <i>Larusichthyaetus Pallas, 1773</i>	0, 1/0,1	+	Rs

* – + – редко; ++ – обычный; +++ – многочисленный.

** – Soc. (Sociales) – доминирует; Pl. (Plumque) – фоновый; R. (Raro) – незначительно; Rs. (Rarissimo) – крайне незначительно.

*** – данные численности за 2012/2013 г.

Таблица 9

Редкие и исчезающие виды позвоночных берегов внутренних водоемов

Вид	Категория по ККС	Примечания
Кудрявый пеликан – <i>PelecanuscrispusMedic.</i>	Сокращающийся в численности вид Категория II	ККР и МСОП. Глобально редкий вид, Селится на островах озер Маньч. Гнезда устраивает на глухих островах из стеблей тростника, травы и веток
Розовый пеликан – <i>Pelecanusonocrotalus(Linnaeus 1753)</i>	Исчезающий вид Категория I	ККР, гнездится на островах оз. Маньч. Для постоянного пребывания этого вида требуются тростниковые заросли с участками открытой воды. Причем розовый пеликан обитает только там, где эти заросли очень велики и тянутся на многие километры
Колпица – <i>Platalealeucorodia(Linnaeus 1758)</i>	Сокращающийся в численности вид Категория II	ККР, населяет водоемы
Каравайка – <i>Plegadisfalcinellus(Linnaeus 1758)</i>	Редкий вид Категория III	ККР, гнездится в тростниковых крепях глухих озер Кумо-Маньчской впадины
Ходулочник – <i>Himantopuslimantopus(Linnaeus 1758)</i>	Редкий вид Категория III	ККР, держится по озерам и лиманам с топкими берегами. Местами гнездится возле луж и по мочажинам
Шиноклювка – <i>Recurvirostraavosetta(Linnaeus 1758)</i>	Редкий вид Категория III	ККР, обитает на солончатоводных водоемах вдоль Кумо-Маньчской впадины. Гнездится отдельными парами или небольшими колониями среди галофитов по низменным, почти лишенным растительности островкам или берегам
Малая крчка – <i>SternaalbifronsMedic.</i>	Сокращающийся в численности вид Категория II	ККР, гнездится на озерах Кумо-Маньчской впадины. Гнездовыми биотопами малой крчки являются намывные илистые, солончаковые острова, отмели, косы, топкие берега мелководных водоемов, голыелибо поросшие редкой невысокой травянистой растительностью
Краснозобая казарка <i>Rufibrentaruficollis</i>	Редкий вид Категория III	ККР, пролетный и зимующий вид Кумо-Маньчской впадины

Окончание таблицы 9		
Пискулька <i>Anser erythropus</i>	Редкий вид Категория III	ККР, Кормится на полях и стеньных участках у оз. Маныч
Савка <i>Oxyura leucocephala</i>	Категория I Статус – находящийся под угрозой исчезновения	ККР, водоемы Кумо-Манычской впадины
Каспийский зуек <i>Charadrius asiaticus Pallas, 1773</i>	Редкий вид Категория III	ККР, селится на глинисто-солонцеватых участках с кустиками солянок и полыни вблизи водоемов
Тиркушка степная <i>(Glareola nordmanni)</i>	Статус – сокращающийся в численности вид Категория II	ККР, селится на водоемах Кумо-Манычской впадины. Колониально гнездится на островах и полуостровах солоноватых водоемов Кумо-Манычской впадины
Чеграва <i>Hydroprogne caspia</i>	Редкий вид Категория III	ККР, оз. Маныч
Черноголовый хохотун <i>Larus ichthyaeus Pallas, 1773</i>	Редкий вид Категория III	ККР, гнездится на озерах и водохранилищах Кумо-Манычской впадины

Ниже, на рисунке показаны выявленные в ходе исследования ареалы обитания видов, занесенных в Красную книгу России, на территории Апанасенковского района.

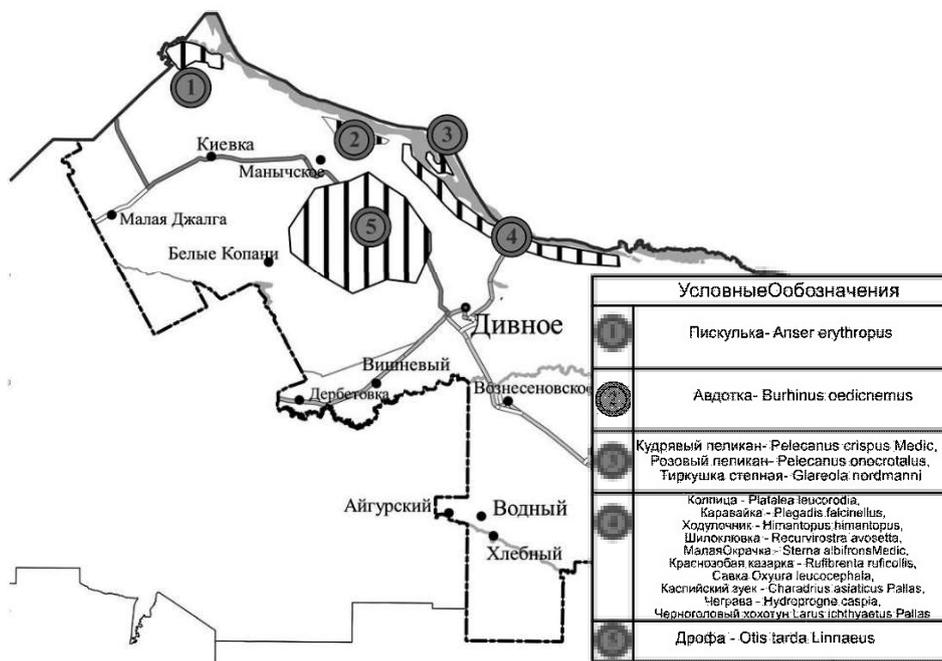

Рис. 1. Ареалы обитания видов, занесенных в Красную книгу России, на территории Апанасенковского района

В результате проделанной работы обновлены кадастровые данные по позвоночным животным, не относящимся к объектам охоты, а также уточнены сведения по видам, внесенным в Красную книгу Ставропольского края.

Литература

1. Красная книга Ставропольского края. Т. 2. Животные. Ставрополь: Изд-во ОАО «Полиграфсервис», 2002. 215 с.
2. Приказ Минприроды РФ от 31.08.2010 № 335 «Об утверждении порядка составления схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации, а также требований к ее составу и структуре» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 04.10.2010 N 18614).
3. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости».

СТРОИТЕЛЬСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТРАНСПОРТ

УДК: 533

Черняков Евгений Вадимович**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ СКОРОСТИ ПРИТОЧНОГО ВОЗДУХА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УДАЛЕНИЯ ЧАСТИЦ ЗАГРЯЗНИТЕЛЯ ИЗ ПРОСТРАНСТВА ЧИСТОГО ПОМЕЩЕНИЯ С УЧЁТОМ ДВИЖЕНИЯ ОПЕРАТОРА**

В статье рассматривается влияние скорости приточного воздуха на эффективность (скорость) удаления частиц загрязнителя из пространства чистого помещения, с учётом неподвижных (рабочий стол) и движущихся (оператор) объектов, находящихся в рабочей зоне данного помещения.

Ключевые слова: вычислительная гидродинамика (CFD), чистые помещения, моделирование воздушных потоков, k-ε модель турбулентности, динамические сетки, удаление частиц загрязнителя.

Cherniakov Evgeny V.**A NUMERICAL INVESTIGATION OF EFFECTS OF THE INLET VELOCITY MAGNITUDE ON THE AIRBORNE CONTAMINANTS REMOVAL FROM A CLEANROOM SPACE TAKING INTO ACCOUNT OPERATOR'S MOVEMENT**

This study deals with the influence of the inlet airflow velocity on the efficiency of the airborne particles removal from a cleanroom area, taking into account moving (operator) and motionless (worktable) objects which are presented in a cleanroom.

Keywords: Computational Fluid Dynamics (CFD), cleanroom, airflow simulation, k-ε model, dynamic mesh, particle removal.

Чистые помещения являются неотъемлемой частью большинства высокотехнологичных производств, в которых поддержание высокого уровня технологической чистоты [1], а также некоторых других параметров, таких как температура, влажность и др. имеют определяющее значение.

Характерной особенностью чистых помещений являются высокие эксплуатационные затраты, сокращение которых является одной из основных задач при проектировании и строительстве чистых помещений. Так как сокращение эксплуатационных затрат позволит существенно повысить рентабельность чистых помещений и, следовательно, даст дополнительный импульс развитию высокотехнологичных производств.

Согласно анализу проведенному специалистами США [2], Японии [3], Тайваня [4] и Европы [5] были выявлены основные потребители энергии в чистых помещениях. Как оказалось, непосредственно на производственные процессы (различные станки и оборудование) расходуется около 40 % всей потребляемой электроэнергии, оставшиеся 60 % практически полностью идут на обеспечение функционирования производства. При этом система ОВК (подготовка и транспортировка воздуха) потребляет – 43 % электроэнергии, другие системы (включая освещение, систему подачи ультра-чистой воды и т. д.) – 17 %.

Основной фактор, оказывающий влияние на количество потребляемой энергии ОВК – это объём подготавливаемого воздуха (кратность воздухообмена – для турбулентно вентилируемых чистых помещений, либо скорость воздушного потока – для помещений с однонаправленным потоком приточного воздуха).

Очевидно, что для того чтобы снизить объём подаваемого воздуха в чистые помещения с однонаправленным потоком воздуха, следует уменьшить скорость приточного воздуха. Одна-

ко данное снижение скорости не должно оказать негативного влияния на эффективность удаления частиц загрязнителя из рабочей зоны чистого помещения.

На данный момент уже проведена серия исследований, касающихся распределения частиц загрязнителя в чистом помещении. Так Suh-Jenq Yang и Wu-Shung Fu провели исследования направленные на изучение влияния движения оператора на удаление частиц загрязнителя в непосредственной близости от рабочего места оператора [6]. Yang-Cheng Shih и др. исследовали влияние движения оператора на распределение воздушных потоков внутри турбулентно вентилируемого помещения, включая анализ распределения скоростей и давлений [7]. М. Н. Saidi и др. исследовали влияние местоположения источника загрязнений на распределение загрязнителя в пространстве чистого помещения [8].

Основная задача данного исследования: продолжить исследования, обозначенные выше, а также расширить их за счет исследования влияния различных скоростей приточного воздуха на распределение частиц загрязнителя и эффективность их удаления с учетом находящихся в рабочей зоне чистого помещения подвижных и неподвижных объектов.

Для этой цели автором была разработана компьютерная модель чистого помещения, в которой присутствуют как стационарные, так и подвижные объекты.

Для дискретизации расчетных областей со сложной геометрической топологией был использован программный комплекс Ansys ICEM-CFD [9, 10], для более простой геометрии использовался Ansys GAMBIT [11]. Задание граничных условий и начального распределения, а также расчет и обработка полученных результатов велись в программном комплексе Ansys FLUENT [12, 13]. Визуализация осуществлялась в программе Tecplot360.

Размеры предложенной модели ($3 \times 6 \times 2,8$ м) соответствуют размерам чистых помещений, применяемым в исследовательских центрах и учебных заведениях (рис. 1). Рассматриваемая модель представляет собой чистое помещение с однонаправленным воздушным потоком, в котором приток воздуха осуществляется через высокоэффективные потолочные фильтры (фильтры покрывают 100% площади потолка), а удаление воздуха – через перфорированный пол помещения. Согласно поставленной задаче, оператор движется с постоянной скоростью (1 м/с) вдоль оси Z. Расстояние, пройденное оператором, составляет 4 м.

При решении поставленной задачи была использована неструктурированная сеточная технология. В результате наложения сеток на модель, было получено 264 559 тетраэдральных и 286 276 гексаэдральных расчетных ячеек.

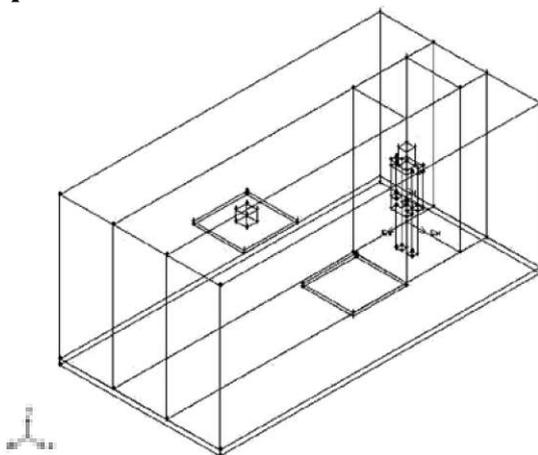

Рис. 1. Геометрическая модель чистого помещения (общий вид 3D) в программном комплексе ICEM-CFD

При моделировании воздушных потоков в рамках данного исследования, автором был выбран подход, основанный на решении уравнений Навье-Стокса, осредненных по Рейнольдсу (RANS). Для «замыкания» уравнений RANS в данной работе была выбрана модель турбулентности, в которой используются два транспортных дифференциальных уравнения для расчета кинетической энергии k и турбулентной диссипации ϵ (модель k - ϵ). Данная модель отличается

надежностью, достаточной точностью для широкого спектра турбулентных течений и, в то же время, она достаточно экономична к вычислительным ресурсам [14].

Уравнения для k и ε имеют следующий вид:

$$\rho \frac{\partial k}{\partial t} + \rho \bar{u}_j \frac{\partial k}{\partial x_j} = \tau_{ij} \frac{\partial \bar{u}_i}{\partial x_j} - \rho \varepsilon + \frac{\partial}{\partial x_j} \left[\left(\mu + \frac{\mu_t}{\sigma_k} \right) \frac{\partial k}{\partial x_j} \right] \quad (1)$$

$$\rho \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} + \rho \bar{u}_j \frac{\partial \varepsilon}{\partial x_j} = c_{\varepsilon 1} \frac{\varepsilon}{k} \tau_{ij} \frac{\partial \bar{u}_i}{\partial x_j} - c_{\varepsilon 2} \frac{\varepsilon^2}{k} + \frac{\partial}{\partial x_j} \left[\left(\mu + \frac{\mu_t}{\sigma_\varepsilon} \right) \frac{\partial \varepsilon}{\partial x_j} \right] \quad (2)$$

$$\mu_t = \rho C_\mu \frac{k^2}{\varepsilon} \quad (3)$$

$$\tau_{ij} = -\rho \overline{u_i u_j} = \rho \mu_t \left(\frac{\partial \bar{u}_i}{\partial x_j} - \frac{\partial \bar{u}_j}{\partial x_i} \right) - \frac{2}{3} \rho k \delta_{ij} \quad (4)$$

где k – турбулентная кинетическая энергия, м²/с²;

ε – скорость диссипации турбулентной кинетической энергии, м²/с²;

μ, μ_t – коэффициенты кинематической молекулярной и турбулентной вязкости, кг/м·с;

τ_{ij} – компоненты тензора рейнولدсовых напряжений, м²/с²;

δ_{ij} – символ Кронекера ($i = j \rightarrow \delta_{ij} = 1$; $i \neq j \rightarrow \delta_{ij} = 0$);

$\sigma_k, \sigma_\varepsilon$ – значения числа Прандтля для k и ε , соответственно;

$c_{\varepsilon 1}, c_{\varepsilon 2}, C_\mu$ – модельные константы.

$$c_{\varepsilon 1} = 1,44; c_{\varepsilon 2} = 1,92; C_\mu = 0,09; \sigma_k = 1,0; \sigma_\varepsilon = 1,3$$

При определении значений k и ε для поверхности, через которую осуществляется подача воздуха в пространство чистого помещения была применена теория длины смешения турбулентных течений (Mixing Length Model) [15].

В качестве основного алгоритма сегрегации был выбран – SIMPLE [16]. Данный алгоритм использует связь скорости и корректировок давлений для обеспечения сохранения массы, а также, чтобы получить поля давлений.

В качестве граничных условий на границе вязкой жидкости и твердого тела были выбраны «no-slip boundary conditions».

Для расчета нестационарного режима следует использовать динамическую сетку, а также UDF (User-Defined Function) [17].

Для данного расчета автором была составлена функция, позволяющая описать характер движения манекена вдоль одной из стен чистого помещения. В пространство модели было произведено 5 введений индикаторных частиц (по 5 частиц сферической формы диаметром 0,3 мкм на каждую из 5-ти плоскостей источника загрязнений в течение первых пяти секунд моделирования). Таким образом, в сумме в пространство чистого помещения было введено 125 частиц.

В качестве физических моделей, используемых при анализе внесенных частиц, были выбраны: модель подъемной силы Саффмена и модель эрозии/аккумуляции [18, 19].

В процессе моделирования было проанализировано девять случаев, отличающихся скоростью приточного воздуха (при скоростях воздушного потока 0,01 м/с; 0,1 м/с; 0,2 м/с; 0,3 м/с; 0,4 м/с; 0,5 м/с; 0,6 м/с; 0,8 м/с; 1,0 м/с).

В результате проведения моделирования были установлены зависимости между скоростью приточного воздуха и эффективностью удаления частиц из рабочей зоны чистого помещения с учетом движения оператора (рис. 2), а также проведен анализ возможности переноса частиц из одной зоны помещения в другую.

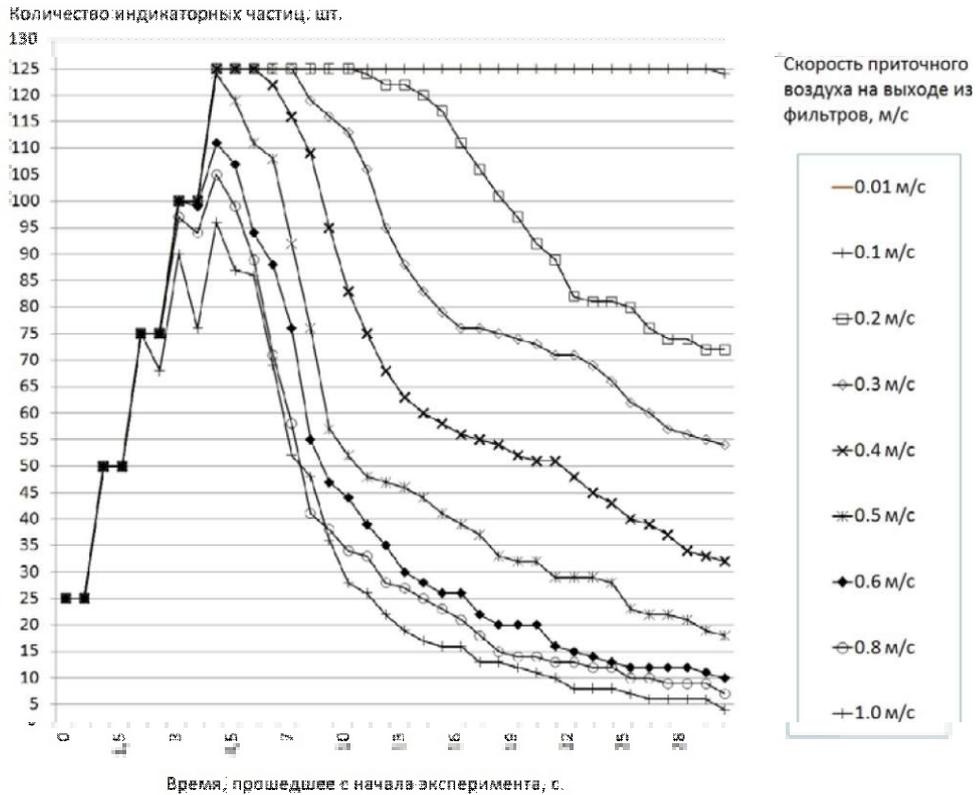

Рис. 2. Суммарная эффективность удаления частиц загрязнителя

При анализе рис. 2 можно сделать вывод, что скорость приточного воздуха напрямую влияет на скорость удаления частиц из чистой зоны. Однако были выявлены некоторые особенности:

скорости в диапазоне от 0,01 м/с до 0,1 м/с недостаточно для удаления частиц из рабочей зоны в течение всего времени проведения моделирования (30 с);

в диапазоне скоростей 0,6 м/с – 1,0 м/с эффективность удаления частиц остается практически неизменной, то есть, скорость приточного потока свыше 0,5 м/с – 0,6 м/с является нерациональной;

вне зависимости от присутствия движущегося объекта (оператора), а также скорости приточного воздуха в некоторых зонах чистого помещения могут образовываться зоны локальной циркуляции, в которых может накапливаться значительное количество частиц (рис. 3). Избежать данного эффекта возможно только правильной планировкой помещения (отсутствие пустот под поверхностью стола или другой горизонтальной поверхности);

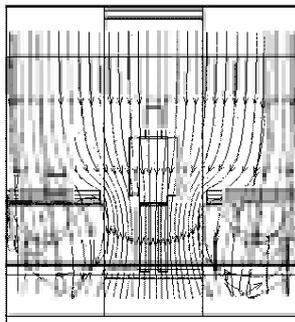

Рис. 3. Направление потоков воздуха в чистом помещении

Итак, в результате проведенного исследования, становится очевидным, что наиболее критичное изменение эффективности (скорости) удаления частиц загрязнителя наблюдается в диапазоне скоростей 0,2–0,5 м/с. В свою очередь, скорость воздушного потока 0,01–0,1 м/с не способна удалить частицы загрязнителя в течение времени моделирования (30 сек). В диапазоне скоростей 0,6–1,0 м/с эффективность удаления частиц остается практически неизменной.

Зачастую скорость приточного воздуха равная 0,3 м/с является достаточной для эффективного удаления частиц загрязнителя. Таким образом существует возможность экономии эксплуатационных затрат не только для вновь проектируемых чистых помещений, но и для существующих (за счет снижения скорости приточного воздуха).

Также следует отметить, что согласно проведенному моделированию движение оператора, безусловно, влияет на воздушный поток в чистом помещении, однако не оказывает значительного влияния на удаление частиц загрязнителя из рассматриваемой зоны в случае, когда источник загрязнения находится в установленной условием точке. Для более полного понимания данного явления в дальнейшем следует провести аналогичные исследования с различным положением источника загрязнений.

Литература

1. Чистые помещения / под ред. А. Е. Федотова. 2-е издание, переработанное и дополненное, М.: АСИНКОМ, 2003. 576 с.
2. Randy Schrecengost, Phil Naughton: Cleanroom energy optimization methods. Proceedings of the fourteenth symposium on improving building systems in hot and humid climates, Richardson, TX, May 17–20, 2004.
3. Mikio Matsuki, Norio Tanaka: Energy saving system for air conditioning of clean room for semiconductor factory (Estimation of FMU System). *Oki Technical Review*, 1998, P. 40–43.
4. S. C. Hu, Y. K. Chuah, Power consumption for semiconductor FABs in Taiwan, *Energy*. 28 (8) 2003. P. 895–907.
5. W. Whyte: Cleanroom design – 2nd ed., John Wiley & Sons, Baffins Lane, Chichester, West Sussex, England, 1999. 384 p.
6. Suh-Jenq Yang, Wu-Shung Fu, A numerical investigation of effects of a moving operator on airflow patterns in a cleanroom, *Building and Environment* 37, 2002. P. 659–664.
7. Yang-Cheng Shih, Cheng-Chi Chiu, Oscar Wang. Dynamic airflow simulation within an isolation room, *Buildings and Environment* 42, 2007. P. 3194–3209.
8. M. H. Saidi, B. Sajadi, G.R. Molaeimanesh. The effect of source motion on contaminant distribution in the cleanroom, *Energy and Buildings* 43, 2011. P. 966–970.
9. Ansys ICEM-CFD 11.0 Tutorial Manual, USA, 2007.
10. Ansys ICEM-CFD 12.0 User Manual, USA, 2009.
11. Ansys GAMBIT 2.2 Tutorial Guide, USA, 2004.
12. Ansys FLUENT 12.1 Documentation, USA, 2009.
13. FLUENT 6.2 User's Guide, USA, 2005.
14. Юн А. А., Крылов Б. А.. Расчет и моделирование турбулентных течений с теплообменом, смешением, химическими реакциями и двухфазных течений в программном комплексе Fastest-3D: учебное пособие. М.: Изд-во МАИ, 2007. 116 с.
15. Rodi W. Turbulence models and their applications – a state of the art review. Delft, The Netherlands: IAHR, 1980.
16. Patankar S. V. Numerical heat transfer and fluid flow. Washington, DC: Hemisphere Publishing Corporation, 1980 [Chapter 6].
17. FLUENT 6.3 UDF Manual, USA, 2006.
18. A. Li and G. Ahmadi. Dispersion and Deposition of Spherical Particles from Point Sources in a Turbulent Channel Flow. *Aerosol Science and Technology*. 16. 1992. P. 209–226.
18. Saffinan P. G. The Lift on a Small Sphere in a Slow Shear Flow. *J.Fluid Mech* 22. 1965. P. 385–400.

БИОЛОГИЯ, BIOTEХНОЛОГИИ И МЕДИЦИНА

УДК 616-003:616.12

**Айбазов Рустам Умарович, Амлаев Карэн Робертович,
Зафирова Василиса Баисиевна****НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ И РЕАБИЛИТАЦИИ
КАРДИОХИРУРГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ**

В статье представлены данные о роли физической активности в реабилитации пациентов кардиологического профиля. Рассмотрена роль информирования пациентов и совместного с врачом принятия решения в отношении выбора тактики лечения заболевания.

Ключевые слова: кардиология, физическая активность, приверженность лечению.

Aibazov Rustam U., Amlaev Karen R., Zafirova Vasilisa B.**SOME ASPECTS OF THE PREVENTION AND REHABILITATION OF CARDIAC PATIENTS**

The article presents data on the role of physical activity in the rehabilitation of cardiological patients. It examined the role of informing patients of a physician and co-decision on the choice of tactics of treatment of the disease.

Key words: cardiology, physical activity, adherence.

Хорошо известно, что реабилитация пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ) немислима без физической активности [2, 7, 20]. Соблюдение режимов двигательной активности позволяет повысить качество жизни, восстановить трудоспособность [3, 30].

Контроль двигательной активности и реабилитация в острой стадии сердечно-сосудистых заболеваний осуществляется в стационаре, а после этого продолжается в условиях специализированного санатория. Затем пациент, нередко предоставленный сам себе, нарушает рекомендованный режим двигательной активности. Чем старше пациент, тем выше вероятность частичной социальной депривации, что приводит, в том числе и к гиподинамии [7, 23]. При этом у большинства пациентов она не связана с тяжестью соматического заболевания [23].

Между тем физические нагрузки при стабильном течении ишемической болезни сердца (ИБС) повышают показатели качества жизни и снижают смертность от поздних осложнений сердечно-сосудистых заболеваний [3, 26, 30]. Ежедневная адекватная физическая нагрузка воздействует позитивно на соматическую и психическую сферу больных. При этом в литературе практически отсутствуют данные об уровне физической активности пациентов в быту [7, 23].

Сопоставление временных фрагментов записей ЭКГ, артериального давления и актиграфии позволяет оценить состояние сердечно-сосудистой системы (ССС), эффективность терапии и уточнить вклад контролирующих механизмов регуляции, в том числе вегетативной нервной системы, что в некоторой степени расширяет объем информации о ходе реабилитационного процесса у конкретного пациента [21, 23, 24]. Объективизация двигательной активности обследуемого при полифункциональном исследовании (суточном мониторинговании ЭКГ и АД) расширяет понимание причинно-следственных связей в оценке состояния пациента [21, 24].

Анализ вариабельности сердечного ритма подтверждает, что двигательная активность снижает активность симпатической нервной системы, повышая тонус парасимпатической нервной системы [29]. Учитывая увеличение риска внезапной смерти у лиц с пониженной вариабельностью сердечного ритма и повышенной симпатической активностью, комплексная реабилитация (дозированная физическая нагрузка, высокая физическая активность в быту, психологическая поддержка и социальная адаптация, медикаментозная терапия) улучшает качество и прогноз жизни таких пациентов [28].

Проведение физических тренировок после острых коронарных событий важно и на амбулаторно-поликлиническом этапе. Их выполнение позволяет увеличить объем и экономичность произведенной работы, происходит уменьшение числа приступов стенокардии [2]. Велотренировки в режиме свободного выбора нагрузки приводят к улучшению микроциркуляции у пациентов, перенесших острый инфаркт миокарда (ОИМ) [13]. Даже у больных ИБС пожилого и старческого возраста велотренировки способствуют нормализации центральной гемодинамики и повышению физической работоспособности [5]. Показано, что «применение велотренировок по методу свободного выбора нагрузок в сочетании с диетой (ограничение соли до 6 г в сутки и при общей калорийности пищи до 2000 ккал) в комплексном лечении больных ИБС приводит к эффективному снижению атерогенных фракций липопротеинов, индекса атерогенности и повышению анитиатерогенных фракций липопротеинов» [4]. Подтверждена возможность применения силовых тренировок у больных с неосложненным инфарктом миокарда на санаторном этапе реабилитации, а также определена их безопасность и эффективность [15].

Мировой опыт доказывает, что при проведении массовых профилактических программ одновременно с осуществлением терапии пациентов, следует их просвещать, информировать о необходимости создания социально и личностно-ориентированной среды, способствующей формированию у людей позитивного отношения к своему здоровью. Практическим механизмом повышения эффективности профилактической работы является создание и внедрение образовательных программ для пациентов и врачей, проведение конференций по вопросам профилактики сердечно-сосудистых заболеваний для врачей различных специальностей, создание образовательных школ для пациентов [1,12]. Задача специалистов образовательных школ для пациентов научить их самостоятельно грамотно заниматься физической культурой, правильно и рационально использовать отдых, природные рекреационные факторы, что поможет избежать большинства заболеваний даже при высокой психической напряженности [14]. Общие врачебные рекомендации пациентам больше двигаться, сбросить вес, не употреблять жирную пищу имеют очень низкую эффективность, так как не дают им конкретных рекомендаций, как именно это сделать, на какие ближайшие и отдаленные цели ориентироваться, кто сможет им дать профессиональную консультацию по всем вышеперечисленным проблемам, что в результате не приводит к изменению образа жизни. Очень важно при сердечной патологии мониторировать информированность пациентов о своем заболевании и их комплаентность. Показано, что знания большинства пациентов о факторах риска, симптомах, значении и методах купирования неотложных кардиологических состояний обрывочные, а комплаентность пациентов прогрессивно снижается при выписке из стационара [25]. Контроль соблюдения режима пациентом и изменений его образа жизни имеет ключевое значение для эффективности вторичной профилактики, которая, помимо фармакотерапевтической терапии, предусматривает применение различных мер немедикаментозного воздействия по коррекции факторов риска (антиатеросклеротическая диета, прекращение курения, лечение артериальной гипертензии, использование физических тренировок, психологическая поддержка) [17].

Среди причин рецидивов ССЗ особое место занимает несоблюдение медицинских рекомендаций пациентом и образ его жизни, который не соответствует состоянию его соматического здоровья. Так, пациенты следовали предписанному режиму только в течение первых недель после ОИМ, с улучшением самочувствия прописанный режим прогрессивно нарушался [9]. Привычный жизненный стиль изменяется очень тяжело даже в случае тяжелого заболевания, а это в свою очередь затрудняет адаптивные процессы у пациентов [10].

Значительные надежды в этом отношении возлагаются на образовательные школы пациентов [1]. Показано, что в результате прохождения образовательного курса в школе гипертоника больные стали «более информированы о своем заболевании и факторах риска (100 %), при этом 92 % обучаемых научились регулярно контролировать свое артериальное давление, 84 % – строго соблюдать график приема лекарственных средств. 92 % пациентов знают особенности диеты и регулярно её соблюдают, 84 % самостоятельно контролируют массу тела. Отмечено, что пациенты стали реже вызывать бригаду «скорой помощи», так как 48 % больных научились купировать острые повышения АД, реже возникала необходимость в госпитализациях. Многие из курящих отказались от курения, злоупотребления алкоголя, переедания» [8].

Изучение эффективности коронарных школ показало, что занятия в них могут повысить качество жизни пациентов в категориях физической и психической активности, семейной жизни, отдыхе. Снизилось количество пациентов зависимых от табака и алкоголя. Комплаентность пациентов также повысилась [6].

Изучение отклика пациентов на приглашение посетить занятия в образовательной школе пациентов выявило, что 22,4 % пациентов трудоспособного возраста и 51 % у пенсионеров реагирует на предложение, и посещают занятия в школе при амбулаторно-поликлинических учреждениях. В стационаре данный показатель равен 74,8 % у лиц трудоспособного возраста и 62 % у пенсионеров. Учитывая вышесказанное, следует проводить занятия в образовательных школах пациентов, как в амбулаторных, так и в стационарных условиях [15]. Не менее важным этапом повышения информированности пациентов является реабилитация в условиях санаторно-курортного учреждения.

Исследование информированности лиц, находящихся на реабилитации в санаториях г. Кисловодска, о факторах риска неинфекционных заболеваний, а также их мотивации на коррекцию этих факторов, показали, что информированность пациентов нередко не соответствует реализации полученных знаний в реальной жизни. «Лишь 10,6 % пациентов придерживаются режима питания, каждый второй из их числа постоянно употребляет в пищу сливочное масло, хотя оно им противопоказано; 77,6 % досаливают пищу, 67,8 % респондентов выпивают в день от 3 до 6 чашек кофе. При высокой осведомленности респондентов о влиянии на здоровье гиподинамии (80,5 из 100 опрошенных) на реализацию этих знаний на практике указало всего 31% опрошенных. Каждый четвертый (25,8 из 100 опрошенных пациентов санатория) курит». Только 33,9 % респондентов полагают, что употребление алкоголя может приводить к серьезным медико-социальным последствиям, лишь 21,5 % респондентов понимают, что он негативно влияет на здоровье. При этом самолечением занимаются 70,7 % респондентов, выполняют рекомендации врача в полном объеме лишь 26,9 % [19]. В этой связи важно сформулировать правила информирования пациентов с кардиологическими заболеваниями.

Информация для больных должна отвечать следующим требованиям: объективность, современность, доказательность, надежность, понятность, доступность, юридическая адекватность. Информированное согласие пациентов требует «прозрачности» при обсуждении нескольких вариантов лечения. Существенными условиями, способствующими плодотворному сотрудничеству больного с врачом, являются общение, понимание и доверие. Процесс принятия решения требует не только изучения данных лабораторных анализов и функциональных исследований, но и учет особенностей пациентов, так как деятельное участие пациентов в совместном принятии решения повышает эффективность терапии. К сожалению, значительная часть пациентов, которым проводятся кардиохирургические процедуры, не имеют достаточных знаний о болезни, что приводит к возникновению необоснованных ожиданий по поводу предполагаемого вмешательства, его осложнений. Если пациент хорошо информирован о предлагаемых технологиях терапии, он в состоянии оценить преимущества и недостатки каждой методики. Однако для принятия взвешенного решения пациентам требуется некоторое время и медицинские работники должны им его предоставить. Больной должен ясно понимать исходы своего заболевания, возможные риски и последствия своего заболевания, а также риски и пользу предлагаемого лечения. В разговоре с пациентом нужно применять лексику, доступную пониманию пациенту с учетом его уровня образования, религиозных убеждений и этнических особенностей.

Для выработки информированного медицинского решения следует рассмотреть все риски и преимущества с позиции выживаемости, ликвидации болевого синдрома, качества жизни и возможной потребности в повторном оперативном или консервативном лечении. При этом окончательный выбор пациента не должны оказывать влияние специализация доктора и условия персонального участия конкретного врача в предстоящем лечении. Общество, да и государство, все больше нуждается в получении объективной информации о положительных и негативных аспектах лечения у конкретного врача и лечебного учреждения в связи с тем, что у пациентов появилась возможность выбора врача и лечебного учреждения в соответствии с законом «Об охране здоровья населения Российской Федерации», а также в связи с тем, что путем использования стимулирующих надбавок можно реагировать на результаты деятельности докторов ЛПУ. Анонимное лечение не допускается. Больной должен получить полную инфор-

мацию о том, кто конкретно будет его лечащим врачом и какую квалификацию, в том числе в отношении предлагаемого лечения, имеет тот или иной специалист. Дополнительно больной должен быть информирован обо всем спектре методик лечения его заболевания в данном учреждении, существует ли возможность оперативного лечения в случае возникшей необходимости. У пациентов со стабильной ишемической болезнью сердца и многососудистым поражением коронарных артерий кардиолог-клиницист, кардиохирург и интервенционный кардиолог должны участвовать в обсуждении стратегии лечения, и последующем, совместном с пациентом, принятии решения [31]. Обучение пациентов следует проводить в интерактивной форме и с участием родственников больного. По мнению ученых, приверженность лечению и эффективность реабилитационных мер нужно оценивать один раз в полгода [27].

Литература

1. Амлаев К. Р., Иванова Е. В., Муравьева В. Н. и др. Медико-экономическая эффективность работы школ здоровья // *Врач*. 2007. № 7. С. 76–78.
2. Аронов Д. М. Постстационарная реабилитация больных основными сердечно-сосудистыми заболеваниями на современном этапе // *Кардиология*. 1998. № 8. С. 69–80.
3. Бородина Л. М. Эффективность физических тренировок во вторичной профилактике ишемической болезни сердца // *Новосибирск*, 2000. 54 с.
4. Воробьева Е. Н., Осипова И. В., Ермакова Т. И. и др. Влияние велотренировок на показатели липидного обмена у больных ишемической болезнью сердца // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 70–71.
5. Нагин А. П., Ефремушкин Г. Г., Тонких Т. Н. и др. Влияние велотренировок со свободным выбором нагрузки на центральную гемодинамику у лиц пожилого и старческого возраста с ИБС // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 229.
6. Карпухина Е. О., Сенашова Т. С., Потылицкий Н. М. Повышение качества жизни у больных ишемической болезнью сердца // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 153.
7. Кирковская Н. П. Роль физической реабилитации в восстановительном лечении больных после операции коронарного шунтирования // *Медицинский журнал*. 2006. № 1. С. 22–25.
8. Крюков Н. Н., Садреева Д. С. Значение терапевтических школ обучения больных и управление факторами риска при артериальной гипертензии // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 173.
9. Кувшинова Н. Ю. Оценка качества жизни больных ишемической болезнью сердца во взаимосвязи с эмоционально-личностными характеристиками // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. Т. 12. №3(2). С. 397–401.
10. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
11. Нестеров Ю. П., Макаров С. А., Крестова О. С. Оценка эффективности вторичной профилактики инфаркта миокарда в первичном звене здравоохранения // *Кардиоваск. тер. и профилактика*. 2010. № 5. С. 12–17.
12. Воробьева Е. Н., Черников С. Ю., Мордвинова Н. И. и др. Опыт организации профилактики сердечно-сосудистых заболеваний // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 71.
13. Петренко Т. А., Ефремушкин Г. Г. Микроциркуляция у больных инфарктом миокарда с оперативными вмешательствами на сосудах в процессе поликлинической реабилитации с применением велотренировок в режиме свободного выбора нагрузки // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 256.
14. Профилактика болезней сердца в повседневной жизни / под ред. Р. С. Карпова. Томск: STT, 1999. 128 с. Информационно-образовательный проект «Здоровое сердце».
15. Леушина Г. П., Сумин А. Н., Енина Т. Н. и др. Силовые тренировки в санаторной реабилитации больных инфарктом миокарда // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов*. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 189 с.
16. Сыркин А. Л. Бессимптомная ишемическая болезнь сердца // *Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия*. 2007. № 1. С. 6–8.
17. Терещенко С. Н., Чуич Н. Г. Что мы знаем о частоте сердечных сокращений и что дает ее урежение? // *Кардиология*. 2007. № 6. С. 78–84.

18. Аронов Д. М., Красницкий В. Б. [и др.] Физические тренировки в реабилитации и вторичной профилактике больных ишемической болезни сердца после острых коронарных инцидентов на амбулаторно-поликлиническом этапе (Российское кооперативное исследование) // Кардиоваскулярная терапия и профилактика: материалы Российского национального конгресса кардиологов. 2005. № 4; Прилож. 4. С. 24.
19. Шихаева П. А., Мамулян Р. Д., Тавакалян Р. В. Организационная модель формирования навыков здорового образа жизни на этапе санаторно-курортной реабилитации с помощью валеологических лекарственных средств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Химия. Биология. Фармация. 2006. № 2. С. 433–434.
20. American Association of Cardiovascular and Pulmonary Rehabilitation. Guidelines for Cardiac Rehabilitation and Secondary Prevention Programs. Vol. 3. 1999.
21. Ancoli-Israel S., Cole R., Alessi C. et al. The role of actigraphy in the study of SLEEP and circadian rhythms // SLEEP, 2003; 26 (3): 342–392.
22. Belardinelli R. Long-term moderate exercise training in chronic heart failure: effects on mortality and morbidity. In: Materials of 20th Congress European Society of Cardiology. Vienna, 1998.
23. Dua, Jaspal S. a; Cooper, Ashley R. b; Fox, Kenneth R. h; Graham Stuart, Alan a Physical activity levels in adults with congenital heart disease // European J. of Cardiovascular Prevention & Rehabilitation, 2007 April; 14 (2): 287–293.
24. Eissa M. A., Poffenbarger T., Portman R. J. Comparison of the actigraph versus patient's diary information in defining circadian time periods for analyzing ambulatory blood pressure monitoring data // Blood Press Monit, 2001; 6 (1): 21–5.
25. Gerber Y., Koren-Morag N., Myers V. et al. Long-term predictors of smoking cessation in a cohort of myocardial infarction survivors: a longitudinal study / Israel Study Group on First Acute Myocardial Infarction // Eur. J. Cardiovasc Prev. Rehabil. 2011. Vol. 18, № 3. P. 533–541.
26. Gianuzzi P., Saner H. et al. Secondary prevention through cardiac rehabilitation. Position paper of the Working Group on Cardiac Rehabilitation and Exercise Physiology of the European Society of Cardiology // Eur. Heart J., 2003; 24: 1273–1278.
27. European guidelines on cardiovascular disease prevention in clinical practice: executive summary. Eur Heart J 2007; 28:2375–2414.
28. Guideline Update for Percutaneous Coronary Intervention: a report of the American College of Cardiology/American Heart Association Task Force on Practice Guidelines: 2007 writing group to review new evidence and update the ACC/AHA/SCAI 2005 Guideline Update for Percutaneous Coronary Intervention, writing on behalf of the 2005 Writing Committee. Circulation 2008; 117:261–295.
29. Radaelli A. et al. Physical training enhances sympathetic and parasympathetic control of heart rate and peripheral vessels in chronic heart failure // Clin. Sci. (Colch.), 1996; 91 (suppl.): 92–4.
30. Sara K. Pasquali, Karen P. Alexander, Laura P. Coombs. Effect of cardiac rehabilitation on functional outcomes after coronary revascularization // Am. Heart J., 2003; 145 (3): 445–451.
31. Serruys PW, Morice MC, Kappetein AP, Colombo A, Holmes DR, Mack MJ, Stable E, Feldman TE, van den Brand M, Bass EJ, Van Dyck N, Leadley K, Dawkins KD, Mohr FW. Percutaneous coronary interventions versus coronary artery bypass grafting for severe coronary artery disease. N Engl J Med 2009; 360:961–972.

УДК 616-092.18/616.379-008.64

Анфиногорова Оксана Ивановна, Бондарь Татьяна Петровна

О ФОРМИРОВАНИИ «ЭРИТРОЦИТАРНОГО ПОРТРЕТА» У БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2-ГО ТИПА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КЛИМАТОГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ

В работе приводятся данные изучения морфометрических параметров эритроцитов у больных сахарным диабетом, проживающих в разных климатических районах. Установлено, что при хронической декомпенсированной гипергликемии в крови у больных сахарным диабетом 2-го типа г. Ставрополя определяется увеличение количества микроцитов, необратимо и обратимо измененных форм эритроцитов, а у больных сахарным диабетом 2 типа г. Астрахань – увеличение среднего диаметра эритроцита, количества макроцитов и площади объекта. Морфометрические параметры эритроцитов изменяются в зависимости от климатогеографических особенностей региона проживания, как в норме, так и при хронической гипергликемии, что является комплексом адаптивно-компенсаторных реакций системы красной крови.

Ключевые слова: сахарный диабет, эритроциты, гипергликемия, реологические свойства крови, метаболизм клетки, деформация, компьютерная цитоморфометрия, патологические формы эритроцитов

Anfinogenova Oksana I., Bondar Tatiana P.

ABOUT FORMATION OF «AN ERYTHROCYTE PORTRAIT» AT PATIENTS WITH DIABETES 2 TYPES DEPENDING ON THE CLIMATIC GEOGRAPHIC OF CONDITIONS OF ACCOMMODATION

These studying presents of facts studying morphometric parameters of erythrocytes in diabetic patients, living in different climatic regions. It is established, that patients have diabetes type 2 with chronic decompensated hyperglycemia in the blood of the increase in the amount determined by the Stavropol – microcytes irreversibly and reversibly modified erythrocytes, and patients with type 2 diabetes living in Astrakhan – increase in the average erythrocyte diameter, number and area of the object macrocytes. The morphometric parameters of erythrocytes vary's depending on the climatic characteristics of the region of residence, both in normal and chronic hyperglycemia, which is a complex adaptive – compensatory reactions of red blood.

Key words: diabetes mellitus, erythrocytes, hyperglycemia, blood rheology, cell metabolism, deformation, computer cytomorphometry, pathological forms of erythrocytes.

Известно, что эритроциты (Эр) активно реагируют на хроническую гипергликемию, приводящую к существенным нарушениям их структурно-функционального статуса в периферической крови, что определяет характер микроциркуляции, особенности реологических свойств крови, вероятность гипоксии тканей [1]. Изменение формы Эр – энергетически-зависимый процесс. Угнетение метаболизма клетки, в частности, уменьшение концентрации АТФ, вызывает повышение чувствительности Эр к трансформирующим агентам [3]. Данные проводимых исследований, свидетельствуют, что способность Эр к деформации у больных сахарным диабетом (СД) на 25 % ниже, чем у здоровых людей, за счет снижения содержания в них АТФ [4]. Возникающие на уровне клеток, субклеточных структур и молекул сдвиги играют определенное значение в процессах адаптации, а также являются патогенетической основой тех клинически выраженных эффектов, которые обнаруживаются при более интенсивном контакте с повреждающими агентами [2]. Так как глюкоза является осмотически и химически активным веществом и длительное повышение ее концентрации нежелательно ни в интерстициальной среде, ни в клетке, влияние гипергликемии нарушает осмолярность интерстициальной среды, а высокая реакционная способность

глюкозы изменяет химический состав структурных белков и активность ферментов [5, 6, 9]. В результате биохимических нарушений мембраны Эр и структуры гемоглобина (Нв) изменяется поверхностная архитектура клеток красной крови, появляются патологические формы Эр [8].

В связи с вышесказанным, целью нашего исследования явилось изучение влияния хронической гипергликемии на морфометрические показатели Эр у больных СД 2 типа с учетом региона проживания.

Группу обследованных больных СД 2 типа составили 44 человека г. Ставрополя (24 женщин, 20 мужчин) и 26 человек г. Астрахани (14 женщин, 12 мужчин). Для исследования морфологии Эр использовали программу «Эритроцитометрия», установленную на аппаратно-программном комплексе МЕКОС-Ц2, и позволяющую проводить измерение и статистический анализ Эр, оценивать форму их поверхности, анизо- и пойкилоцитоз. При проведении компьютерной цитоморфометрии Эр (КЦЭр) были выявлены отклонения от нормальных величин формы и размеров Эр периферической крови у больных СД в сравнении с нормой.

Одними из иллюстративных показателей при изучении влияния хронической гипергликемии на эритропоэз являются количество циркулирующих Эр и концентрация Нв. Так, анализ количества Эр показал, что у больных СД 2 типа г. Ставрополя ($4,78 \pm 0,07$) их было достоверно больше, чем у больных г. Астрахани ($4,38 \pm 0,05$; $P < 0,001$). Концентрация Нв достоверных различий не обнаружила (см. таблицу):

Таблица

Показатели Эр и Нв у больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани

Показатели	Ставрополь	Астрахань	P
Эр	$4,78 \pm 0,07$	$4,38 \pm 0,05$	$P < 0,001$
Нв	$138,4 \pm 2,06$	$140,5 \pm 1,67$	$P > 0,10$

Эти результаты совпадают с данными, полученными при сравнении практически здоровых обследованных этих же регионов, что позволяет нам говорить о важной роли климатогеографических особенностей региона проживания в формировании своеобразного «эритроцитарного портрета» человека. При анализе данных КЦЭр было выяснено, что количество микроцитов достоверно больше у обследованных больных СД 2 типа г. Ставрополя ($16,5 \pm 2,46$; $P < 0,001$) по сравнению с больными г. Астрахани ($7,9 \pm 1,42$) (рис. 1). Количество нормоцитов было достоверно выше у больных СД 2 типа г. Астрахани ($89,9 \pm 1,47$; $P < 0,001$). Доля макроцитов у больных СД 2 типа была достоверно больше у обследованных г. Астрахани ($2,5 \pm 0,57$; $P < 0,05$) в сравнении с обследованными г. Ставрополя ($0,8 \pm 0,43$).

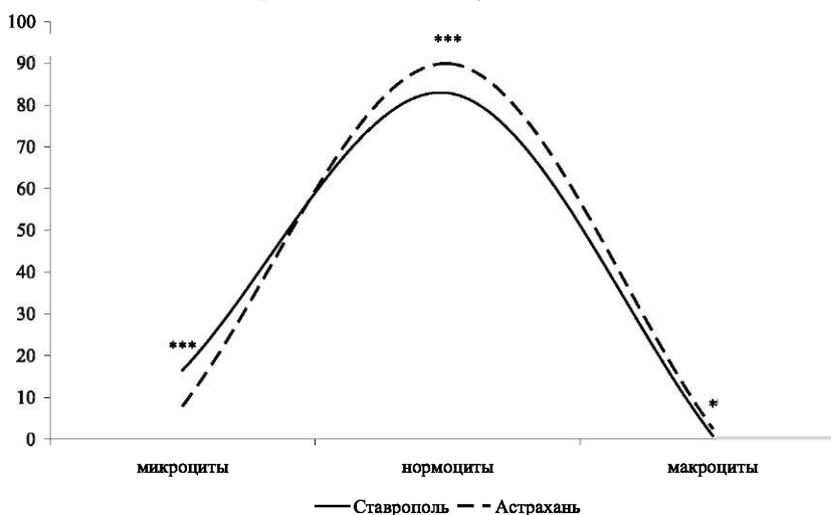

Рис. 1. Показатели микро-, нормо- и макроцитоза у больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахань. * – $P < 0,05$; *** – $P < 0,001$

Мы полагаем, что под влиянием неблагоприятных факторов – хроническая гипергликемия и вызванные ею изменения биохимического состава плазмы крови, гипоксия, понижение атмосферного давления и др. – снижаются компенсаторные возможности системы эритрона, приводящие либо к уменьшению размеров Эр – появлению микроцитов, либо, наоборот, к увеличению их размеров – появлению макроцитов.

Кроме того, если рассматривать полученные результаты с точки зрения климатогеографических особенностей региона проживания, то полученные факты совпадают с данными, установленными нами у практически здоровых обследованных этих же регионов, свидетельствующими о регистрации микроцитоза у жителей Кавказа. Это рассматривается как компенсаторная реакция организма к высотной гипоксии. Также, возможно, это еще и эволюционно закрепленное генетическое различие между людьми, проживающими на высоте и жителями равнины [2, 3, 4].

Анализ формулы Эр выявил следующие особенности (рис. 2): достоверное увеличение количества дискоцитов ($94,45 \pm 0,71$; $P < 0,001$) у больных СД г. Астрахани и обратимо измененных форм Эр – эхиноцитов ($8,43 \pm 1,57$; $P < 0,01$), необратимо измененных деформированных форм ($7,25 \pm 1,71$; $P < 0,01$) и каплевидных Эр ($1,47 \pm 0,40$; $P < 0,05$) у больных СД 2 типа г. Ставрополя.

Также при анализе КЦЭр формы эритроцитов нами были установлены тенденции к увеличению стоматоцитов ($1,06 \pm 0,53$), эллиптоцитов ($2,00 \pm 0,60$), сфероцитов ($4,42 \pm 1,18$), мишеневидных ($2,60 \pm 0,49$) и дакриоцитов ($0,91 \pm 0,34$) у больных СД 2 типа г. Ставрополя (рис. 2). По-видимому, подобная картина формулы Эр у больных СД г. Ставрополя объясняется воздействием хронической гипергликемии, вызывающей нарушение процессов энергосбережения клеток красной крови, морфологически выражающихся в накоплении эхиноцитов и сфероцитов [1, 2, 4, 5].

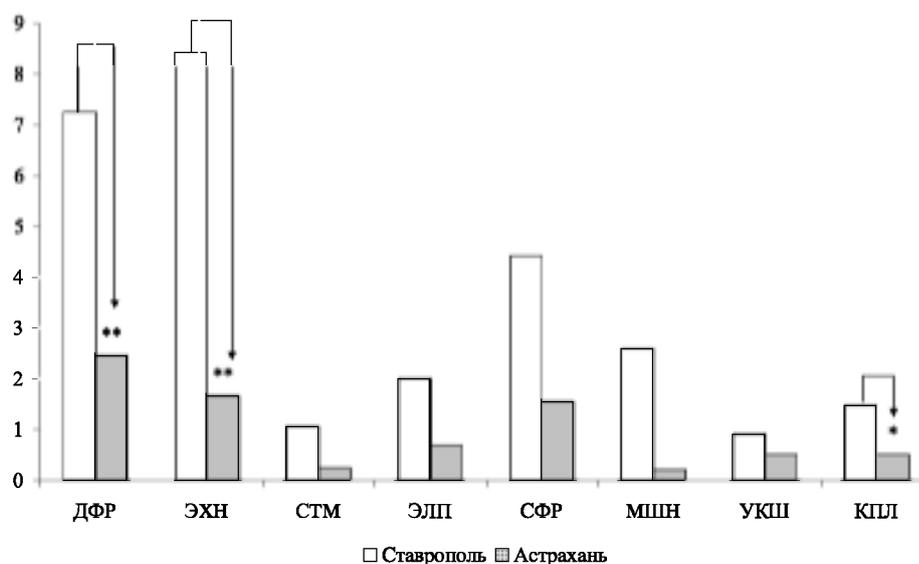

Рис. 2. Формула Эр у больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани (%):

ДФР – деформированные, ЭХН – эхиноциты, СТМ – стоматоциты, ЭЛП – эллиптоциты, СФР – сфероциты, МШН – мишеневидные, УКШ – укушенные, КПЛ – каплевидные. * – $P < 0,05$; ** – $P < 0,01$

Кроме того, увеличение содержания в крови необратимо измененных форм Эр может свидетельствовать об активации эритродиереза. Поскольку при действии многих экстремальных факторов (гипоксия, высокие концентрации глюкозы, тепловая энергия и т.д.) наблюдается реакция гемолиза, то усиление разрушения Эр при активации анаболических процессов является стереотипной реакцией адаптации системы крови в ответ на действие неблагоприятных факторов [4,6,7].

КЦЭр больных СД 2 типа двух городов разных климатогеографических регионов показал достоверное увеличение пойкилоцитоза ($21,0 \pm 3,30$; $P < 0,001$) у обследованных г. Ставрополя, а коэффициента овалоцитоза ($0,89 \pm 0,001$; $P < 0,005$), анизоцитоза ($11,1 \pm 2,10$; $P < 0,05$) у обследованных больных г. Астрахани (рис. 3). Кроме достоверных изменений нами была выявлена тенденция к увеличению анизохромии ($19,6 \pm 1,94$) у больных г. Ставрополя.

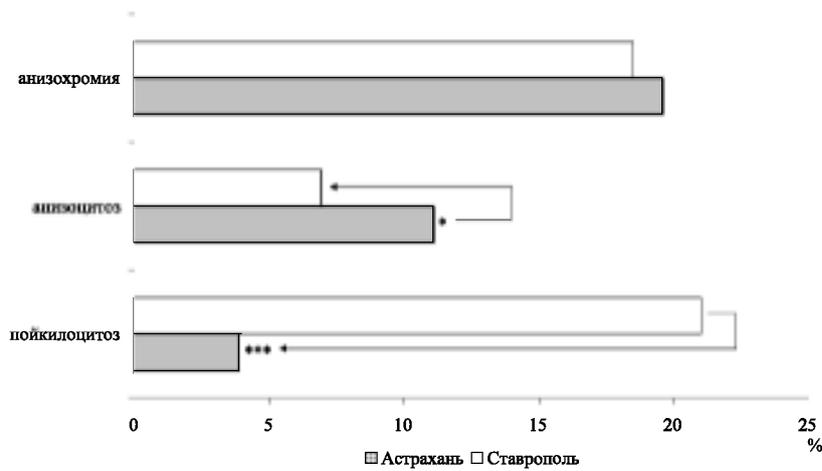

Рис. 3. Показатели пойкилоцитоза, анизоцитоза, анизохромии у больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани. * – $P < 0,05$; *** – $P < 0,001$

Полученные результаты подтверждают данные анализа формулы Эр обследованных больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани. Все это свидетельствует о том, что при воздействии хронической гипергликемии происходит образование Эр пониженной резистентности, в результате неэффективного – экстремального эритропоза, что способствует их повышенному разрушению и утилизации. Также, действие целого ряда физико-химических факторов при хронической гипергликемии: осмотических сил, химических окислителей, механических напряжений, возникающих в движущейся жидкости приводит к лизису Эр через активацию ПОЛ [5, 11].

Статистический анализ геометрических показателей Эр у обследованных больных СД 2 типа выявил достоверно большее увеличение поляризации ($0,165 \pm 0,20$; $P < 0,001$) у больных СД г. Ставрополя и площади объекта ($45,5 \pm 0,62$; $P < 0,05$), среднего диаметра Эр ($7,53 \pm 0,08$; $P < 0,05$) у обследованных больных г. Астрахани (рис. 4). Также мы выявили тенденцию к увеличению фактора формы ($17,1 \pm 1,38$) у больных СД 2 типа г. Ставрополя.

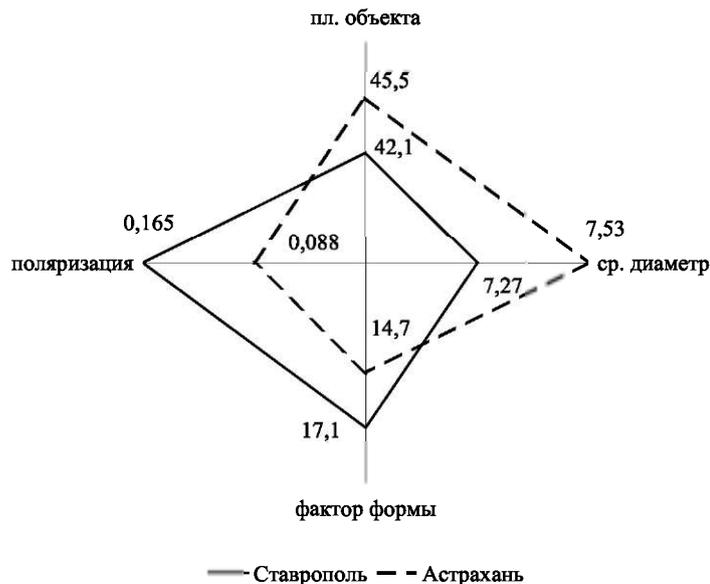

Рис. 4. Геометрические показатели эритроцитов у больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани.

Все это подтверждает полученные нами данные о микроцитозе у обследованных больных г. Ставрополя и макроцитозе – у больных г. Астрахани. Также, необходимо подчеркнуть тот факт, что для адаптировавшихся к проживанию на высоте 660 м над уровнем моря людей г. Ставрополя, у которых морфометрические параметры Эр уже претерпели определенные изменения (увеличение количества микроцитов, необратимо измененных форм Эр, снижение среднего диаметра и т.п.), хроническая гипергликемия является дополнительным стрессирующим фактором, вызывающим еще большие компенсаторные изменения системы красной крови [4, 10].

Для попытки объяснения возможного влияния климатогеографических особенностей региона проживания больных СД 2 типа обследованных нами городов Ставрополя и Астрахани мы применили кластерный анализ (рис. 5). По результатам проведенного анализа выяснилось, что наиболее близкими друг к другу оказались практически здоровые люди и больные СД 2 типа г. Астрахани (расстояние объединения составило 9,6 усл. ед.).

Исходя из этого, можно предположить, что морфометрические параметры Эр жителей г. Астрахани как практически здоровых, так и больных СД 2 типа испытывают одинаковое влияние со стороны климатогеографических факторов региона проживания. В г. Ставрополе, наоборот, практически здоровые люди и больные СД 2 типа по разному реагируют на климатогеографические условия проживания.

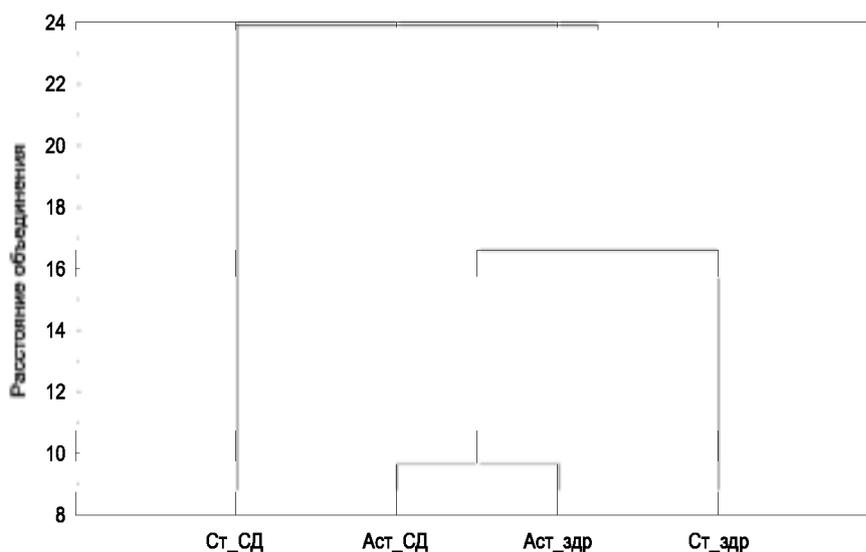

Рис. 5. Дендрограмма морфометрических параметров Эр у практически здоровых людей и больных СД 2 типа г. Ставрополя и г. Астрахани.

Таким образом, полученные данные подтверждают факт влияния климатогеографических особенностей региона проживания на систему красной крови, выражающиеся в формировании своеобразного «эритроцитарного» портрета людей проживающих в г. Астрахань, в частности в появлении у них макроцитоза, увеличении среднего диаметра эритроцитов.

В итоге, проведенный анализ морфометрических показателей Эр у больных СД 2 типа обследованных городов Ставрополя и Астрахани показал, что обследованные больные находятся в состоянии относительной дезадаптированности, вызванной воздействием хронической гипергликемии. Подобное состояние рассматривается как «плата» за своеобразную адаптацию, которая вышла за пределы «биологического бюджета» и ведет к появлению патологических изменений в организме [3, 11]. При этом при измененной (патологической) форме адаптации «плата» проявляется определенными морфофункциональными повреждениями. Кроме того, существуют представления о «стоимости» адаптивно-компенсаторных изменений, в отношении которой [7] образно отметили, что организм способен жертвовать отдельными своими структу-

рами ради сохранения общеорганизменных функций в зависимости от силы и длительности воздействующего фактора [9].

В целом, в результате проведенного нами исследования влияния хронической гипергликемии на морфофункциональное состояние циркулирующих Эр у больных СД 2 типа было выяснено, что степень влияния метаболического стресса на функциональные и морфометрические особенности Эр крови зависит от климатогеографических условий региона проживания. Это проявляется в виде тенденции к изменению исследуемых показателей системы красной крови в направлении, наиболее благоприятном для существования в определенной среде. По-видимому, это результат длительного формирования «эритроцитарного портрета» в разных климатогеографических условиях, отражающего адаптационные резервы организма человека к изменяющимся факторам внешней среды.

Литература

1. Бондарь Т. П., Запарожцева О. И., Косторнова О. С. и др. Изучение влияния биохимического состава плазмы на размеры и форму эритроцитов при сахарном диабете и атеросклерозе // Клинич. лаб. диагностика. 2006, № 9. С. 58–59.
2. Гора Е. П. Экологическая физиология человека. Кн. 1. Общий курс экологической физиологии человека. М.: ИНФРА-М, 1999. 244 с.
3. Бондарь Т. П., Запарожцева О.И., Галимова О.И. и др. Компьютерная цитоморфометрия эритроцитов периферической крови – инновационный метод клинико-лабораторной диагностики // Вестник СГУ. 2006. Выпуск 47. С. 193–199.
4. Бондарь Т. П., Анфиногенова О. И., Бондарь М. В. и др. Изменение показателей гемопоза у больных сахарным диабетом 2-го типа в зависимости от наличия сосудистых осложнений. Саратовский научно-медицинский журнал, 2010. Т. 6, № 4. С. 783–786.
5. Новодержкина Ю. К., Шишканова З. Г., Козинец Г. И. Конфигурация и поверхность клеток крови в норме и патологии. М., 2004. 153 с.
6. Саркисов Д.С., Пальцев М. А., Хитров Н. К. Общая патология человека. М.: Медицина, 1997. 607 с.
7. Никитюк Б. А., Мороз В. М., Никитюк Д. Б. Теория и практика интегративной антропологии. Очерки. Киев-Винница: Здоровья, 1998. 303 с.
8. Petropoulos I. K., Margetis P. I., Antonelou M. H and others. Papassideri Structural alterations of the erythrocyte membrane proteins in diabetic retinopathy // Graefes Arch Clin Exp Ophthalmol. 2007. № 1. С. 12.
9. Allen H. G., Allen J. C., Boyd L. C. and others. Determination of membrane lipid differences in insulin resistant diabetes mellitus type 2 in whites and blacks // Nutrition. 2006. № 11–12. P. 1096–1102.
10. Gornicki A. Influence of the retinoid acitretin on erythrocyte microrheology in vitro // Int J Clin Pharmacol Ther. 2006. № 12. P. 648–654.

УДК 616-076: 616.346.2-002.1

**Кубанов Сергей Исмаилович, Пыхтин Юрий Юрьевич,
Кубанова Альбина Борисовна**

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛАБОРАТОРНОЙ ДИАГНОСТИКИ В УРГЕНТНОЙ ХИРУРГИИ

Статья посвящена изучению вопросов своевременной лабораторной диагностики гнойно-септической патологии в хирургии. На примере расчёта лейкоцитарного индекса интоксикации при остром аппендиците показана эффективность автоматического гематологического анализа в оценке наличия гнойно-воспалительного процесса, определении тенденции к изменению процентного соотношения разных пулов лейкоцитов.

Ключевые слова: гематологический анализатор, лейкоцитарный индекс интоксикации, С-реактивный белок

Kubanov Sergey I., Pykhtin Yury Y., Kubanova Albina B.

THE MAIN ASPECTS OF LABORATORY DIAGNOSTICS IN URGENT SURGERY

The article is devoted to studying of timely laboratory diagnostics questions of purulent – septic pathology in surgery. On the example of leukocyte index of intoxication calculation at an acute appendicitis efficiency of the automatic hematologic analysis in an assessment of pyoinflammatory process existence, a tendency to change definition of a percentage ratio of different leukocytes pools is shown.

Key words: hematologic analyzer, leukocyte index of intoxication, C-reactive protein

Оживлённую дискуссию вызывает обсуждение на страницах научно-медицинской литературы актуальных вопросов своевременной лабораторной диагностики гнойно-септической патологии в хирургии, представленной множеством нозологических форм. Ряд ведущих клиницистов и врачей-биохимиков предлагают рассматривать при острой хирургической патологии С-реактивный белок (CRP), как показательный маркер воспаления, основываясь на его биологических особенностях и характере реагирования при остро-фазном ответе (ОФО) [1, 5]. Известно что бактериальная инфекция вызывает увеличение концентрации CRP в крови у лиц любого возраста, однако применение анализа CRP у взрослых для диагностики инфекции ограничено, поскольку повышенный уровень этого белка наблюдается при многих состояниях, не связанных с инфицированием [2]. Другие авторы утверждают, что при хронических воспалениях ФОФ может выражаться в меньшем изменении белков, а при некоторых заболеваниях вообще отсутствовать (язвенный колит и др.) [3, 4].

В литературе встречаются противоречивые данные о диагностической ценности методов определения CRP, используемых в настоящее время. К таким методам относятся: ЭИД – электроиммунодиффузия, РИД – радиальная иммунодиффузия, ИНМ – иммунонефелометрия, ЛА+ИНМ – латексная агглютинация с учетом результатов реакции иммунонефелометрии, ФИА – флуоресцентно-иммунный анализ, РЭИД – радиоэлектроиммунодиффузия, ИФА – иммуноферментный анализ, РИА – радиоиммунный анализ.

Каждый из перечисленных тестов имеет свои достоинства (быстрота анализа, точность, чувствительность, воспроизводимость и пр.) и недостатки (трудоемкость выполнения анализа, потребность в сложном оборудовании, длительность реакции, необходимость предварительной обработки исследуемого образца и утилизации радиоактивных отходов). Так, РИД является достаточно чувствительным, точным и самым простым в выполнении методом, не требующим аппаратного оснащения и широко распространенным как в научно-исследовательских, так и в клинических лабораториях. РИД часто используют как референс-метод при сравнении с другими, вновь разрабатываемыми методиками количественной оценки CRP. Тем не менее, метод РИД имеет существенный недостаток – большую длительность проведения анализа, что

ограничивает его применение в ургентной практике. Всё вышперечисленное и побудило нас выполнить настоящее исследование.

Мы поставили себе целью изучить показатели автоматического гематологического анализатора, в диагностике острой гнойно-септической патологии.

Исследование выполнено на базе хирургического отделения МУЗ ГKB СМИ г. Ставрополя. В основу работы были положены результаты обследования и хирургического лечения 200 больных с диагнозом острый флегмонозный аппендицит и гангренозный аппендицит, поступивших в 2013–2014 гг.

Из исследования исключены больные, у которых в ходе динамического наблюдения, диагноз острого аппендицита был снят, а также, больные с тяжелой сопутствующей патологией. Из них больные с флегмонозным аппендицитом 86,2 %, с гангренозным аппендицитом 13,8 %. Контрольной группой явились 67 доноров, добровольно согласившихся сдать кровь, постоянно проживающих в г. Ставрополе. Данные обследования здоровых доноров были приняты нами за норму в дальнейших исследованиях.

Для исследования осуществляли взятие венозной крови, в соответствии с общими правилами сбора материала для исследования показателей крови. Анализ проводили с помощью пробирок «Микровет» ЭДТА, для проведения анализа на автоматическом гематологическом анализаторе «ABACUS» 5,22 (Австрия) и приготовления мазка для подсчета лейкоцитарной формулы окраска мазка проводилась по методу Паппенгейма.

В результате статистической оценки полученных данных было установлено, что использованные показатели гематологического анализатора в полной мере позволяет оценить выраженность гнойно-воспалительного процесса. Сравнение эритроцитарных и лейкоцитарных показателей проводилось у 200 больных в момент поступления в стационар. С помощью гематологического анализатора исследовали кровь, производили подсчет процентного соотношения различных видов лейкоцитов, с последующим расчетом лейкоцитарного индекса. Это и позволило оценить выраженность гнойно – воспалительного процесса: так отмечено некоторое угнетение эритроидного ростка и активация гранулоцитов.

При оценке полученных данных отмечено достоверное увеличение количества лейкоцитов за счет доли гранулоцитов при поступлении у 176 больных (88%), что и объясняет высокий уровень расчетного показателя ЛИИ. В дооперационном периоде лейкоцитоз наблюдался у 150 больных (75 %). Кроме того, отмечается повышение ЛИИ до операции у 166 больных (83 %).

Таким образом, автоматический гематологический анализ позволяет не только оценить наличие гнойно-воспалительного процесса, без микроскопии окрашенных мазков и подсчета форменных элементов крови в лейкоформуле, но и выявить тенденции к изменению процентного соотношения разных пулов лейкоцитов, что и объясняет повышение расчетного индекса ЛИИ. Анализ литературы показал, что определение уровня CRP в ургентной практике нецелесообразно, в то время как расчёт индекса ЛИИ с помощью гематологического анализа интегративно и весьма экспрессно отражает характер воспалительного процесса при гнойно-септической патологии, что позволяет эффективно применять данный метод в ургентной хирургии.

Литература

1. Курыгина А. А., Стойко Ю. М., Багненко С. Ф. Неотложная хирургия. 2008. 57 с.
2. Савельев В. С., Кириенко А. И. Хирургические болезни. 2006. 136–141 с.
3. Патология крови: патофизиологические и клинические аспекты. Учебное пособие / под. ред. Чесноковой Н. П. 2009. 122 с.
4. Casl M. T., Sabljari-Matovinovic M., Kovacevic S. et al. // Clin. Biochem. 2003. L. 30, pt. 5. P. 171–175.
5. Далаков И. Г., Кубанов С. И., Суздальцев И. В. Прогнозирование и профилактика постхолестеринемического синдрома в хирургии острого холецистита у больных пожилого и старческого возраста // Вестник СГУ. Ставрополь: СГУ, 2006 г. С. 270–275.

УДК 616.314.17 – 008.1- 089.28

Майборода Юрий Николаевич, Хореи Олег Юрьевич,
Урясьева Эльвира Валерьевна

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЗИСТЕНТНОСТИ ТКАНЕЙ ПАРОДОНТА ПРИ ПРОТЕЗИРОВАНИИ ЧАСТИЧНЫХ ДЕФЕКТОВ ЗУБНЫХ РЯДОВ НЕСЪЕМНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ ПРОТЕЗОВ

В статье на основе клинко-цитохимических методов исследования пациентов с частичными дефектами зубных рядов различной протяженности, отражены влияние несъемных конструкций протезов на функциональную активность нейтрофильных гранулоцитов пародонта в динамике патологического процесса. Показано наличие дисбаланса в ферментной системе биологически активных веществ лизосомального аппарата у пациентов на фоне пародонтита средней степени тяжести, которые способствуют прогрессированию деструктивных процессов в структурных образованиях пародонта.

Ключевые слова: мостовидные протезы, ферментные системы нейтрофильных гранулоцитов.

Mayboroda Yuri N., Khorev Oleg Y., Uryasieva Elvira V.

CHANGE OF PERIODONTAL TISSUES RESISTANCE AT PROSTHETICS OF PARTIAL DEFECTS OF DENTITION WITH FIXED CONSTRUCTION PROSTHESES

In this paper, on the basis of clinical and cytochemical methods of investigation of patients with partial defects of dentitions of different lengths, the effect of fixed prosthesis on the functional activity of periodontal neutrophilic granulocytes in the dynamics of pathological process is reflected. We showed the presence of imbalance in the enzyme system of biologically active substances of the lysosomal apparatus in patients with periodontitis of moderate severity, which contribute to the progression of destructive processes in periodontal structural formations.

Key words: bridges, the enzyme systems of neutrophilic granulocytes.

Одним из важнейших направлений научных исследований в стоматологии является лечение и профилактика заболеваний пародонта и дальнейшее совершенствование ортопедического лечения включенных дефектов зубных рядов мостовидными протезами [1, 2, 6, 9, 14]. Из-за недостаточного клинко-биологического обоснования выбора оптимальных конструкций мостовидных протезов и опорных зубов возникает значительное число осложнений при их применении [10]. Эффективность применения различных конструкций несъемных протезов, клиническое течение и результаты лечения во многом определяются состоянием неспецифической резистентности макроорганизма, в том числе клеточных и гуморальных факторов [11, 18, 19].

Актуальность проблемы лечения включенных дефектов определяется значительной распространенностью поражения зубных рядов и развитием перегрузок опорного аппарата зубов, что в свою очередь может вызвать ряд стоматологических заболеваний, в частности, пародонтит [7].

Механизм травматической перегрузки тканевых образований протезного ложа мостовидными протезами изучен недостаточно. Отсутствие точных критериев оценки функционального состояния тканей пародонта и его изменений при применении несъемных конструкций протезов можно объяснить несколькими причинами: недостаточно изучена биомеханика пародонта опорных зубов как в норме, так и особенно при патологических процессах, нет четких данных о пространственном смещении опорных зубов в зависимости от вида конструкции мостовидных протезов и его влияния на биомеханику пародонта, данные которых весьма разноречивы. Нет ясности в вопросе о том, как напряженно-деформированное состояние мостовидных протезов, возникающее под действием жевательного давления, влияет на биомеханику пародонта опорных зубов. Не ясно, как физиологическая подвижность (пространственное смещение) взаимосвязана с трофикой тканей и как на нее вли-

яют различные виды мостовидных протезов. Отсутствует четкое представление о взаимодействии пространственного смещения с состоянием опорных тканей пародонта, а также о влиянии различных конструкций протезов на деформирующие свойства пародонта, т.к. появляются новые конструкции протезов и материалы для них, технологические усовершенствования и модификации. Наметилась тенденция, несмотря на прогресс ортопедической стоматологии, к уменьшению срока пользования мостовидными протезами из-за развивающихся осложнений в пародонте опорных зубов и прилегающих мягких тканей [5, 7, 9].

Для раскрытия сущности функциональной перегрузки и ее профилактики необходимо изучение не только законов биомеханики пародонта зубов [3, 4, 8, 13, 15], но и проявление реактивных процессов в околозубных тканях с определением характера метаболических изменений в нейтрофилах десны [12, 17, 20] у лиц пользующихся несъемными конструкциями протезов. Это особенно важно для правильного понимания переходных процессов при смене условий адаптации, потому что ограничение физиологической подвижности при блокировании мостовидными протезами приводят к фазовым изменениям в пародонтальных тканях, а именно морфологической адаптации тканей протезного ложа. В деятельности неспецифических клеточных механизмов последних ведущая роль принадлежат гранулоцитам [5, 20], обеспечивающие энергетические ресурсы клетки [16]. Последний фактор на клеточно-молекулярном уровне не нашёл своего отражения в литературе, особенно на фоне воспалительных процессов в пародонте.

Авторы ставили перед собой цель определить степени функциональной активности ферментных систем гранулоцитов и оксидоредуктаз в динамике прогрессирования воспалительного процесса на фоне частичных дефектов зубных рядов различной протяженности после протезирования мостовидными протезами.

В соответствии с задачами исследования все пациенты были разделены на 3 группы. В 1-ю группу (21 пациент) были включены лица с частичными дефектами зубных рядов различных классов (классификация Кеннеди) на фоне интактного пародонта. Во 2-ю, 3-ю группы (28 и 34 человек соответственно) были включены пациенты с различными дефектами зубных рядов на фоне пародонтита легкой и средней степени тяжести. Контрольную группу (45 человек) составили лица с интактным пародонтом и зубными рядами.

Исходя из задачи исследования, с согласия пациентов в момент первичного обследования брали кровь из десневых сосочков или десневой борозды области функционирующих групп зубов у лиц различного возраста с пародонтитом легкой степени тяжести (ПЛСТ) и пародонтитом средней степени тяжести (ПССТ), а также у лиц с интактным пародонтом. Наличие дефектов по времени варьировало от 3 до 7 лет.

Для оценки клинического состояния тканей пародонта применяли общепринятые пародонтологические индексы, а также внутриротовую рентгенографию функционирующих групп опорных зубов.

Определяли цифровые показатели основных пародонтальных индексов с параллельным определением активности ферментных систем гранулярного аппарата в различные сроки пользования мостовидными протезами. Мазки периферической крови окрашивали на КБ по В. Е. Пигаревскому и ЦФ методом азосочетания по Z. S. Karlow в модификациях В. М. Сафроновой (1994), СДГ и КФ выявляли по Р. П. Нарциссову, ЦХО по Г. И. Роксину и Л. П. Левинсону.

Результаты исследования цифровых показателей активности и содержания ферментов обрабатывали по Ойвину на основе среднего цитохимического показателя по Z. S. Karlow (1963). Банк данных был заложен и обработан по стандартной программе Statistica 5,0 с вычислением коэффициента корреляции.

Результаты клинической оценки состояния пародонта показали, что увеличение индекса РМА и кровоточивости у пациентов увеличивается от ПЛСТ до ПССТ. Различия были достоверными ($p < 0,05$). Значения PI у больных ПЛСТ были достоверно ниже, чем при среднем воспалительном процессе ($P < 0,05$). Установлено достоверные различия между показателями у больных легкой и средней степенью пародонтита.

Изменения клинических индексов у пациентов в динамике воспалительного процесса на фоне частичных дефектов зубных рядов приводятся в табл.1.

Таблица 1

Пародонтальные индексы в динамике наблюдения

Группы	ИГРУ, баллы	Индекс Muhle- man, баллы	Pi, баллы	PMA, %	Костный показатель, баллы (Фукс)	Глубина кармана, мм	Подвижность зубов, баллы (Евдокимов)	N
фон	0,39±0,01	072±0,03	023±0,02	9,38±0,45	0,99±0,02	1,82±0,03	0,15±0,01	45
1	0,82±0,04 P<0,01	1,29±0,03 P<0,001	0,70±0,02 P<0,01	14,16±0,81 P<0,001	0,96±0,02 P>0,1	1,87±0,02 P>0,1	0,18±0,01 P>0,05	21
2	1,32±0,05 P<0,001	1,36±0,04 P<0,001	2,29±0,09 P<0,001	36,7±0,70 P<0,001	0,89±0,03 P<0,002	1,94±0,06 P<0,02	0,20±0,02 P<0,02	28
3	1,56±0,05 P<0,001	2,39±0,16 P<0,001	3,40±0,06 P<0,001	47,6±0,84 P<0,001	0,73±0,03 P<0,001	2,98±0,04 P<0,002	1,22±0,04 P<0,001	34

*P – отражают статистические значения индексов по отношению к фоновым параметрам.

Согласно результатам рентгенологического исследования у пациентов с ПЛСТ существенных изменений в структуре костной ткани не отмечалось, что характерно для лиц молодого возраста (от 20 до 30 лет). Лишь у отдельных пациентов ПЛСТ более старшего возраста (35–50 лет) при сходной клинической ситуации отмечались незначительные разрушения компактной пластинки на вершинах межальвеолярных перегородок. Устойчивость зубов находилась в пределах физиологической нормы. При средней степени тяжести процесса также наблюдалась незначительная и неравномерная деструкция костной ткани межальвеолярных перегородок, в основном на стороне наклона зубов.

О метаболических и структурно-функциональных изменениях в пародонте судили по результатам цитохимического анализа ферментного статуса лимфоцитов и гранулоцитов периферической крови как у больных с интактным пародонтом на фоне частичных дефектов зубных рядов, так и при аналогичных ситуациях с пародонтитом легкой и средней степени.

Полученные в динамике исследования цифровые данные ферментов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Содержание и активность ферментных систем в периферической крови

Группы	Показатели					
	КБ	МПО	КФ	ЩФ	ЦХО	СДГ
Интактный пародонт n=45	1,81±0,01	1,70±0,03	1,53±0,02	1,51±0,02	1,83±0,04	1,68±0,06
Первая группа n=21	1,63±0,02 P<0,01	1,59±0,02 P<0,02	0,94±0,01 P<0,001	1,51±0,03 P>0,05	1,74±0,02 P>0,02	1,79±0,06 P>0,02
Вторая группа n=28	2,10±0,05 P<0,001	1,46±0,04 P<0,001	1,45±0,30 P>0,1	1,76±0,05 P<0,001	1,86±0,03 P>0,1	2,10±0,02 P<0,001
Третья группа n=34	2,36±0,05 P<0,001	1,44±0,03 P<0,001	1,72±0,01 P<0,01	1,42±0,03 P<0,05	1,59±0,06 P<0,05	1,46±0,09 P<0,05

*P – отражают статистические значения индексов по отношению к фоновым параметрам.

В отличие от первой группы у лиц 2-й группы исследования отмечается умеренное повышение КБ и активности ЩФ и ЦХО на фоне резкого снижения активности КФ и незначительного увеличения активности СДГ. Резкое снижение активности КФ отражают признаки нарушения их дифференцировки на стадии сегментоядерного нейтрофила и являются одним из моментов нарушения нормального процесса созревания клетки, выполняющей свои специфические функции. Повышение средней активности СДГ, по-видимому, обусловлено отсутствием реакции «острой фазы воспаления» в ответ на воздействие повреждающего фактора. Вместе с тем повышение активности СДГ нивелируется снижением реакции на ЦХО и свидетельствует о том, что пародонт артикулирующих групп зубов обладает значительной лабильностью в начальном периоде повышенной жевательной нагрузки.

Всем формам воспалительного процесса (3-я группа) сопутствовало значительное увеличение активности КФ нейтрофилов и содержание КБ, превышающее контрольные величины.

Повышение активности КФ по сравнению с нормой отмечается как при ПЛСТ так и ПССТ. Соответственно наблюдалось снижение активности МПО. Необходимо отметить, что активность МПО и содержание КБ во всех 3-х группах наблюдения не носило однозначного характера. Векторная направленность их содержания и активности имело скачкообразный вид, но при ПЛСТ находились в пределах нормы.

Падение активности ЩФ до $1,48 \pm 0,03$ регистрировались при хронической форме заболевания на фоне ПССТ. Депрессия активности ЩФ в динамике процесса свидетельствует о снижении компенсаторных возможностей, связанное с нарушениями регенерационных процессов на фоне повышения активности КФ, которая превысила норму в 1,27 раза. При этом КФ играет роль репрессора в отношении ЩФ и обуславливает активацию начальных механизмов деструкции костной ткани. Необходимо отметить, что активность ЩФ у пациентов 2-ой группы была существенной ($p < 0,001$). Вероятно, при хронической патологии в начальной стадии пародонтита нарастает потребность в ферменте для обеспечения катаболизма в нейтрофильных лейкоцитах.

Показатели активности ЩФ и МПО ниже уровня контрольных и исходных величин при ПССТ на фоне повышенной активности КБ, КФ, ЦХО и СДГ в динамике до определенного момента благоприятно отражается на состоянии тканей пародонта. Между тем у 2 и 3 групп исследования данные показатели превышали средние значения нормы. Эти наибольшие значения были характерны при ПССТ на фоне частичных дефектов зубных рядов.

Средняя величина активности ЦХО у больных 2-ой группы морфодинамического исследования выражается в увеличении числа и размеров цитоплазматических гранул, которое характерно для зрелых форм гранулоцитов. Коэффициент корреляции между активностью СДГ и ЦХО демонстрирует среднюю силу прямой связи ($r = +0,434$), на фоне слабой корреляционной связи между ЦХО и МПО ($r = +0,210$).

Начало снижения резервных клеток с типичной активностью по СДГ и синхронное снижение цифровых показателей ЦХО, по сравнению с исходными значениями, у пациентов 3-й группы свидетельствует об начальных фазах истощении окислительно-восстановительных эквивалентов в дыхательной цепи.

Различная степень лабильности биологически активных веществ в рассматриваемом клинико-морфологическом исследовании могут иметь либо благоприятный исход и стабилизацию процесса, либо его прогрессирование с формированием деструктивных изменений в костной ткани альвеолярных отростков у лиц с ПССТ. На фоне частичных дефектов зубных рядов тканевые образования интактного пародонта еще выдерживают функциональные и гиперфункциональные жевательные нагрузки. Эти положения действительны и в отношении лиц с ПЛСТ в начальных фазах воспалительного процесса.

Прогрессирующий хронический воспалительный процесс оказывает активное воздействие на структурно-функциональный комплекс лейкоцитарного инфильтрата, отражающееся на состоянии зубодесневого соединения, приводящее в последующем к возникновению пародонтальных карманов. Эти изменения проявляются на фоне отека десневого края и отражаются показателями активности МПО и КФ, коррелирующие с активностью между ЩФ и СДГ ($r = +0,469$), на фоне прогрессирования основных цифровых клинических показателей.

Таким образом, наши исследования свидетельствуют о наличии некоторого дисбаланса в ферментной системе биологически активных веществ лизосомального аппарата у пациентов с ПССТ, не носящего векторного характера и, не характерные для ПЛСТ. Эффекторный потенциал ПМЯЛ реализуется через воспалительные реакции, поэтому показатели изучаемых биологически активных веществ фрагментарно отражают события, происходящие в очаге воспаления, которые могут различаться в зависимости от длительности течения патологического процесса и сроками пользования протезами. Оценка функциональной активности ферментных систем и оксидоредуктаз у исследуемых пациентов в динамике воспалительного процесса позволяют более точно установить начало дисбаланса в системе тканей пародонта по уровню цитохимических показателей на фоне вторичной частичной потери зубов.

Применение несъемных конструкций протезов у лиц с ПССТ, особенно при наличии большой протяженности дефектов, является методом выбора. В таких ситуациях предпочтение следует отдавать шинирующим съемным конструкциям зубных протезов с обязательными принципами комплексных медикаментозных мероприятий.

Литература

1. Абакаров С. И. Современные конструкции несъемных зубных протезов. М.: Высшая школа, 1994. 94 с.
2. Аболмасов Н.Г., Аболмасов Н. Н., Бычков В. А., Шампурина В. Р. Замещение дефектов зубов и зубных рядов несъемными протезами. Смоленск, 1995. 175 с.
3. Буланов В. И., Корочкин Ю. К., Стрельников В. Н. Протезирование дефектов зубов и зубных рядов металлокерамическими протезами: методич. рекомендации для врачей стоматологов. Тверь, 1991. 27 с.
4. Величко Л.С. Профилактика и лечение артикуляционной перегрузки пародонта. Минск, 1985. 141 с.
5. Григорьян А. С., Фролова О. Н., Иванова Е. В. Морфогенез ранних стадий воспалительных заболеваний пародонта // Стоматология. 2002. №1. С.19–25
6. Жулев Е. Н. Несъемные протезы: теория, клиника и лабораторная техника. Н.Новгород: Изд-во Нижне-новгородской мед.академии, 2000. 365 с.
7. Иванов В. С. Заболевания пародонта. М.: Медицина, 2001. 300 с.
8. Каламкарров Х. А. Патогенез и принципы лечения функциональной перегрузки пародонта //Стоматология. 1995. Т.74. № 3. С. 44–51.
9. Копейкин В. Н., Миргазизов М. З. Ортопедическая стоматология. М.: Медицина, 2001. 504 с.
10. Копейкин В.Н. Ошибки в ортопедической стоматологии. М.: Медицина, 1986. 173 с.
11. Кунин А. А., Ипполитов Ю. А., Лепехина Л. И., Быков Э. Г. Клиническая гистохимия барьерной функции слизистой оболочки десны при пародонтите // Стоматология. 2001. № 1. С.13–16.
12. Майборода Ю. Н., Аксенов И. Н. Цитохимическая оценка биологически активных веществ при пародонтите: учебно-методич. материалы. Ставрополь: Изд-во СтГМА, 2002. 53 с.
13. Николаев Ю. Н. Особенности распределения жевательной нагрузки мостовидных протезах с промежуточной опорой: автореф. дис... канд. мед. наук. Ставрополь, 2005. 24 с.
14. Петрикас О. А. Замещение включенных дефектов зубных рядов адгезивными мостовидными протезами: автореф. дис... канд. мед. наук. Тверь, 1992. 22 с.
15. Шарова Т. В., Рогожников Г. И., Сидоренко И. В. Факторы нарушения окклюзии и методы ее нормализации. Пермь, 1990. 447 с.
16. Щварц В. В. Углеводно-энергетический обмен костной ткани пародонта при искусственном моделировании травматической окклюзии // Стоматология. 1990. № 1. С. 17–19.
17. Caton Y.G. Management of delects produced by periodontitis // Pract Periodontics. Aesthet. Dent. 1993. Vol.5. P. 56–58.
18. Genko R. Y. Models to evaluate the role of stress in periodontal disease // An Periodontal, 1998. Vol. 3. P. 288–302.
19. Manson Y. D., Eley B. M. Outline of periodontics // Heiheman Ztd. 1995. 303 p.
20. Novak M.Y., Novak K. F. Erly – onset periodontitis // Eurr Opion Periodontal, 1996. Vol.3. P. 45–58

УДК 577.861:615.214/015.45

Манвелян Элеонора Аслибековна, Сыса Валерия Юрьевна,
Кодониди Иван Панайотович, Оганесян Эдуард Тоникович

ДЕЙСТВИЕ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ СОЕДИНЕНИЙ – ПРОИЗВОДНЫХ 4-ОКСО-ПИРИМИДИНА НА ПОВЕДЕНИЕ САМЦОВ КРЫС В «ОТКРЫТОМ ПОЛЕ»

В статье раскрывается, как при тестировании в «открытом поле» был исследован спектр активности (седативное, активирующее, противотревожное действие) биологически активных соединений – производных 4-оксо-пиримидина при однократном и хроническом введении в дозе 50 мг/кг самцам крыс.

Ключевые слова: соединения – производные 4-оксо-пиримидина, седативное, активирующее и противотревожное действие, «открытое поле», самцы крыс.

**Manveljan Eleonora A., Sysa Valeria Y.,
Kodonidi Ivan P., Oganesyanyan Edward T.**

ACTION OF BIOLOGICALLY ACTIVE COMPOUNDS – DERIVATIVES OF 4-OXO-PYRIMIDINE ON THE BEHAVIOR OF MALE RATS IN THE «OPEN FIELD»

The article reveals how when tested in open field was investigated range of activity (sedative, activating and anxiolytic effect) of biologically active compounds – derivatives of 4 – oxo – pyrimidine with acute and chronic administration of a dose 50 mg / kg on male rats was investigated in an open field.

Key words: compounds – derivatives of 4 – oxo – pyrimidine, sedative, activating and antianxiety action, «open field», male rats.

Создание новых высокоэффективных и безопасных лекарственных средств является приоритетной проблемой для фармакологической и фармацевтической науки, решение которой возможно при синтезе новых биологически активных соединений. Достаточно распространенное применение в медицинской практике лекарственных препаратов, содержащих в своей структуре ядро пиримидина, свидетельствует о целесообразности направленного поиска новых биологически активных соединений среди производных 4-оксо-пиримидина. Исследование спектров фармакологической активности веществ, выявление зависимости действия от строения, природы включенного радикала открывает возможности конструирования новых безопасных и эффективных лекарственных средств. Гетероциклические фрагменты содержатся в структурах многих лекарственных препаратов и биологически активных соединений, влияющих на центральную нервную систему. Это позволяет предположить, что, варьируя различными гетероциклическими остатками, можно вводить в структуру 4-оксопиримидина вторичные фармакоформные фрагменты для получения веществ с выраженной психотропной, в том числе, анксиолитической, антидепрессивной, ноотропной активностью [4, 5, 16].

Оценка спектров действия, степени проявления эффектов исследуемых веществ позволит прогнозировать их дальнейшее применение. В доклинических психофармакологических исследованиях при скрининге соединений с предполагаемым психотропным действием используются различные методики, в том числе, дискриминационные модельные ситуации, а также широко применяется тест «открытого поля» [2, 3, 14].

Авторы поставили цель изучить поведенческой активности биологически активных соединений – производных 4-оксо-пиримидина при однократном и хроническом введении самцам крыс при тестировании в «открытом поле».

Эксперименты были проведены на половозрелых белых крысах – самцах Wistar массой 200–220 г (по 5–10 в группах). Оценивали поведение животных в тесте «открытое поле», в котором, согласно классическим представлениям, у крыс проявляются ориентировочно-

исследовательская и защитно-оборонительная поведенческие реакции [14]. Ориентировочно-исследовательская реакция животных оценивается по горизонтальной и вертикальной двигательной активности, исследованию «норок», в то время как эмоциональный статус оценивают по числу болюсов, наличия и частоты груминга.

В наших исследованиях тестирование животного проводили при электрическом освещении (360 Вт), нормальной температуре, отсутствии посторонних звуков, в фиксированное время. Крысу помещали в центр поля, после чего в течение 2 минут у крысы регистрировали: латентный период выхода из центрального квадрата (сек), число пересеченных линий, вертикальных стоек, обследованных отверстий («норок»), умываний, дефекаций. По совокупности повышения латентности выхода из центра поля, снижения вертикальной и горизонтальной активности судили о «седативном» действии вещества, а при повышении исследовательской активности, снижении частоты груминга и числа фекальных болюсов (вегетативная представленность эмоциональности) – «противотревожном» влиянии [7, 10, 11].

Производные 4-оксо-пиримидина – 7 веществ, синтезированы на кафедре органической химии Пятигорского медико-фармацевтического института. Вещества (лабораторные пифры: I – PDMA_np; II – YmPDMA_np; III – NcQPhBrAnI; IV – NcQPhNO₂AnI; V – PDMUr; VI – PDMpBrAnI; VII – PDMpNO₂AnI) вводили за 30 минут до исследования в дозе 50 мг/кг внутривнутрибрюшинно. Контрольные самцы получали твин 80 (0,4 мл внутривнутрибрюшинно). С целью оценки спектров фармакологической активности соединений при хроническом использовании вещества вводили в течение 13 дней. Учитывая большую чувствительность к веществам с противотревожным действием преимущественно в вечернее время суток [1, 6, 8, 9], каждое тестирование начинали проводить в 18 ч с продолжительностью процедуры изучения поведения для групп крыс 1,0–1,5 ч.

Животные содержались в стандартных условиях вивария. Во время проведения экспериментов соблюдались принципы Хельсинкской Декларации о гуманном обращении с объектами исследования. По итогам тестирования рассчитывались среднеарифметические значения показателей поведения. Результаты обрабатывали статистически с использованием пакета компьютерных программ «Excel» и «BIOSTAT». Выявление статистически значимых отличий проводили с помощью критериев Стьюдента, Вилкоксона – Манна – Уитни [13].

Опыты показали, что у контрольных самцов, получавших растворитель (приняты за 100%), выше была двигательная активность, реже отмечались вегетативные проявления эмоциональности.

Тестирование животных при однократном использовании соединений – производных 4-оксо-пиримидина. В условиях «открытого поля» при введении соединений III, IV, VI, VII была выявлена тенденция к увеличению латентности выхода из центра поля по сравнению с контрольными животными, получавшими растворитель. Сдвиг при этом был статистически значим для вещества VII (400%, $p < 0,01$) (рассчитывали в % по отношению к контрольной группе самцов). На фоне соединений I, II, напротив, наблюдалась несущественное ограничение латентного периода выхода крыс из центра поля (табл. 1).

Таблица 1

Влияние производных 4-оксо-пиримидина при однократном введении на показатели поведения (%) самцов крыс в «открытом поле»

Вещества	Время выхода из центра поля (с)	Двигательная активность		Исследовательская активность	Эмоциональность	
		вставание	перемещение		груминг	дефекация
I	86	228 *	135	32	172	99
II	40	131	105	0	150	38
III	120	335 *	10 *	139	200	38
IV	170	97	2 **	28	0	154
V	110	220	3 **	111	250	96
VI	160	44	63	156	440	108
VII	400 **	P=0,068	P=0,072	222	0	138

Примечание: 100% – контрольный уровень соответственно самцов крыс, получавших растворитель. * – при $p < 0,05$; ** – при $p < 0,01$.

Анализ локомоторной активности выявил достоверное увеличение числа вертикальных стоек у самцов, получавших вещества I (228%, $p < 0,05$) и III (335%, $p < 0,05$). Оценка горизонтальной активности животных показала статистически значимое ограничение количества пересеченных линий в «открытом поле» при введении веществ III (10 %, $p < 0,05$), IV (2 %, $p < 0,01$), V (3 %, $p < 0,01$). В случае использования соединения I наблюдали тенденцию к увеличению горизонтальной активности крыс. При однократном же применении веществ VI, VII наблюдалось урежение частоты вертикальных стоек и горизонтальных передвижений, более отчетливо для соединения VII (24,4%, $p = 0,068$ и 41 %, $p = 0,072$ соответственно).

Оценка исследовательского поведения проводилась по изменению числа обследованных отверстий. Сравнительный анализ показал отсутствие указанной активности при использовании соединения II и ограничение частоты обнюхиваний на фоне веществ I, IV. Вместе с тем, при введении соединений III, VI, VII животные чаще исследовали «норки». Дальнейший анализ выявил отсутствие груминга у самцов, получавших соединения IV, VII. О снижении эмоциональности животных свидетельствовало урежение вегетативных реакций, определяемое по ограничению числа фекальных болюсов при использовании соединений II, III.

Следовательно, при однократном введении отмечалось «седативное» влияние соединений IV, V, VII и «активирующее» действие веществ I, III.

Тестирование животных при хроническом использовании соединений – производных 4-оксо-пиримидина. С учетом выявленных по итогам тестирования в условиях «конфликтной ситуации» соединений-лидеров [4, 5, 12] проводилось изучение спектров поведенческой активности веществ III, V, VII при хроническом использовании. Согласно результатам экспериментов была отмечена тенденция к увеличению латентности выхода из центра поля самцов в случае введения соединения V ($P = 0,077$) по сравнению с данными группы контрольных животных (табл. 2). При использовании же вещества VII животные заметно быстрее покидали центр «открытого поля» (37%, $p < 0,05$).

Таблица 2

Влияние производных 4-оксо-пиримидина при хроническом применении на показатели поведения (%) самцов крыс в «открытом поле»

Вещества	Время выхода из центра поля (с)	Двигательная активность		Исследовательская активность	Эмоциональность	
		вставание	перемещение		груминг	дефекации
III	111	260	261 $P = 0,053$	14 *	25 $P = 0,067$	73
V	153 $P = 0,077$	110	178	17*	0	109
VII	37 *	80	214 ***	3 *	50	82

Примечание: 100% – контрольный уровень соответственно самцов крыс, получавших растворитель.

* – при $p < 0,05$; *** – при $p < 0,001$.

На фоне хронически введенных соединений повышалась двигательная горизонтальная активность, заметнее при применении веществ III (261 %, $P = 0,053$), VII (214 %, $p < 0,001$). Вместе с тем, наблюдалось существенное ограничение исследовательской активности, статистически значимое для всех использованных соединений. Также, отмечалось отсутствие либо ограничение частоты груминга на фоне веществ, урежение вегетативных эмоциональных реакций при использовании соединений III, VII.

Следовательно, при хроническом введении отмечалось преимущественно «активирующее» влияние соединений III, VII и «противотревожная» активность у веществ III, V, VII.

Таким образом, выполненное исследование подтвердило наличие «противотревожной» активности у соединений – производных 4-оксо-пиримидина, выявленные ранее по результатам тестирования в условиях конфликтной ситуации [4, 5, 12]. Также по результатам наблюдений можно говорить о проявлении активирующего эффекта веществ при хроническом использова-

нии. При этом активирующее влияние сочетается с установленным в плавательном тесте антидепрессивным действием соединений III, VII [15].

Подведем итог сказанному.

1. При однократном введении производных 4-оксо-пиримидина установлены «седативное» влияние веществ IV, V, VII и «активирующее» действие соединений I, III при тестировании самцов в «открытом поле».

2. При хроническом использовании производных 4-оксо-пиримидина показаны преимущественно активирующее влияние веществ III, VII и «противотревожная» активность соединений III, V, VII у самцов в «открытом поле».

Литература

1. Батурин В. А., Манвелян Э. А. Противотревожная активность психотропных препаратов у самок и самцов крыс в разное время суток // Экология человека. 2006. № 4/2. С. 47–49.
2. Иноземцев А. Н., Агапитова А. Е., Бокиева С. Б. и др. Разнонаправленное влияние семакса на формирование и функциональные нарушения реакции активного избегания у крыс // Журнал высшей нервной деятельности. 2013. Т. 63. № 6. С. 711–718.
3. Иноземцев А. Н., Капица И. Г., Гарибова Т. Л. и др. Сопоставление влияния ноотропов и анксиолитиков на функциональные нарушения реакции избегания у крыс // Вестник московского университета. Серия 16. Биология. 2004. № 3. С.24–30.
4. Кодониди И. П., Бандура А. Ф., Манвелян Э. А. и др. Компьютерное прогнозирование биомолекул // International journal of experimental education. 2013. № 11. С.153–154.
5. Кодониди И. П., Оганесян Э. Т., Жогло Е. Н. и др. Целенаправленный синтез амидов о-бензоиламинобензойной кислоты в качестве предшественников хиразолононов-4, обладающих влиянием на ЦНС // Сборник материалов Третьей Международной научной конференции «Новые направления в химии гетероциклических соединений» – Пятигорск, 17–21 сентября 2013 г. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С.280.
6. Манвелян Э. А. Действие селенсодержащего аналога феназепама на поведение животных при совместном введении с эпифизарным гормоном мелатонином // Вестник СГУ. 2005. № 42. С.158–162.
7. Манвелян Э. А. Половая диссимилиация эффектов психотропных средств. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 106 с.
8. Манвелян Э. А., Анисимова Н. А. Циркадианные различия эффективности диазепама у стрессированных самок и самцов крыс // Вестник СГУ. 2011. № 3. С. 46–52.
9. Манвелян Э. А., Батурин В. А. Половые и хронобиологические различия в активности диазепама у крыс в тесте конфликтной ситуации // Эксперим. и клин. фармакол. 2008. № 4. С.11–13
10. Манвелян Э., Батурин В. Гендерные различия в эффектах психотропных препаратов. Saarbrücken: Lap-publishing.com., 2011. 126 с.
11. Манвелян Э. А., Батурин В. А., Анисимова Н. А. Гендерные и циркадианные различия эффективности диазепама у стрессированных крыс в «открытом поле» // Современная наука и инновации. Ставрополь: СКФУ, 2013. № 1. С. 45–54.
12. Манвелян Э. А., Сыса В. А., Кодониди И. П., Оганесян Э.Т. Влияние производных 4-оксо-пиримидина на поведение самцов крыс в условиях конфликтной ситуации // Материалы IV съезда фармакологов России «Инновации в современной фармакологии». Казань, 18–21 сентября, 2012. Москва, Изд-во: «Фолиум». 2012. С. 220.
13. Реброва О. Ю. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA, МедиаСФЕРА, Москва (2002).
14. Руководство по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ / под ред. Р. У. Хабриева. М., 2005. 512 с.
15. Сыса В. Ю., Манвелян Э. А., Оганесян Э. Т. и др. Оценка антидепрессивного действия биологически активных соединений – производных 4-оксо-пиримидина // Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием «Физиологические проблемы адаптации». Ставрополь, 9–11 апреля 2013 г. Ставрополь: СКФУ, 2013. С. 222–224.
16. Филимонов Д. А. Прогноз спектров биологической активности органических соединений // Российский химический журнал. 2006. Т.50. № 2. С. 66–75.

УДК 598.279.24

Рудовский Владислав Сергеевич

ГНЕЗДОВАНИЕ САПСАНА В ПРИБРЕЖНОЙ ПОЛОСЕ АБРАУССКОГО ПОЛУОСТРОВА (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

*В статье рассматривается современное распределение и некоторые особенности гнездования сокола-сапсана (*Falco peregrinus*) вдоль побережья Абрау-Араульского полуострова.*

Ключевые слова: хищные птицы, сапсан, гнездование, Красная книга, Абрау-Араульский полуостров, прибрежная полоса.

Rudovskiy Vladislav S.

NESTING OF PEREGRINE FALCON ALONG THE SEASHORE OF THE ABRAU PENINSULA (KRASNODAR REGION)

*The article describes the modern distribution of Peregrine Falcon (*Falco peregrinus*) and some features of its nesting along the seashore of the Abrau peninsula in Krasnodar region.*

Key words: raptors, Peregrine Falcon, nesting, Red Data Book, Abrau peninsula, seashore.

Сапсан (*Falco peregrinus*) – редкий вид птиц, занесённый в Красную книгу РФ (категория 2 – «Сокращающийся в численности») и Краснодарского края (категория 7 – «Специально контролируемый») [3]. Региональный гнездовой ареал охватывает горную часть Краснодарского края от Черноморского побережья до границы с Карачаево-Черкесией. В зимний период вне гнездового ареала сапсан встречается в равнинной части края, наиболее обычен на территории Восточного Приазовья [5, 6].

Абрау-Араульский полуостров расположен на Чёрном море между городами Анапа (Анапский залив) и Новороссийск (Цемесская бухта). При этом длина прибрежной полосы между этими городами составляет около 55 км. Здесь к побережью подходят юго-западные склоны северо-западной оконечности Большого Кавказского хребта, который постепенно спускается с высот около 500 м над уровнем моря к северным берегам Чёрного моря. Этим объясняется большое распространение клифов вдоль побережья. На полуострове представлены смешанные леса как из листопадных (*Quercus pubescens*, *Carpinus orientalis*, *Tilia cordata*, *Fraxinus excelsior*), так и из вечнозелёных (*Pistacia mutica*, *Juniperus foetidissima*, *J. axcelsa*, *Paliurus spinachristi*) видов растений [8]. Здесь также наблюдается высокое разнообразие кустарниковых и травянистых растений. Антропогенное воздействие на природу в исследованном регионе различное. Особенно оно велико в пригородах Новороссийска и Анапы, а также в районах крупных курортных посёлков (Мысхако, Южная Озереевка, Сукко и др.). Однако есть участки побережья, находящиеся под незначительной антропогенной нагрузкой. Особенно это касается района от пос. Дюрсо до пос. Большой Утриш, поскольку немногочисленное население проживает только в пос. Малый Утриш, а отсутствие хороших дорог и расположенный рядом заповедник «Утриш» препятствуют активному рекреационному и хозяйственному освоению территории. Биотопическое разнообразие и сравнительно низкое антропогенное влияние способствуют высокому разнообразию обитающих здесь птиц – основе кормовой базы сокола-сапсана. Кроме того, обилие скальных обнажений вдоль побережья означает наличие удобных мест для гнездования хищной птицы.

Сапсан впервые был отмечен на Абрау-Араульском полуострове Б. А. Казаковым, работавшим летом 1970 г. на побережье между устьями р. Дюрсо и р. Озерейка [4]. В июне 2006 г. сапсан зарегистрирован в районе пос. Малый Утриш [8]. В 2006 г. он встречен в двух местах: 23.08.06 птица сидела на скалах у пос. Большой Утриш, а 26.08.06 очень крупная молодая самка долго летала у скал к западу от пос. Малый Утриш. Обе птицы держались на гнездовых участках воронов (*Corvus corax*), вероятно, заселяя их постройки на береговых клифах. Наконец, 18.07.09 на скалах к востоку от устья р. Дюрсо было найдено гнездо ворона, возле которого сидел короткохвостый слётки сапсана [1].

19–21 сентября 2009 г. на скалистом побережье между с. Мысхако (Новороссийск) и устьем р. Сукко была проведена сплошная проверка гнездовой вороны, с которыми здесь были связаны сапсаны, и фактически на всех известных или предполагавшихся подходящих участках были обнаружены эти сокола. Одна пара сапсанов поселилась даже на невысоких скалах, на которых не было гнёзд воронов. Здесь на одиночной скале были найдены присады и ниша с пометом, но птиц 20.09.2009 г. встретить не удалось. По-видимому, эта пара обосновалась в нише отвесного клифа, точно также как сапсаны, отмеченные близ пос. Малый Утриш [8].

У с. Мысхако наблюдалась пара, с криком изгонявшая залетевшую к гнезду чужую самку. Близ устья Широкой балки днем у гнезда сидел самец. Возле с. Южная Озерейка над гнездом долго летала одиночная птица. Рядом с гнездом около турбазы «Лиманчик», найденным 18.07.2009 г., вечером сидели две взрослые птицы. В устье р. Дюрсо наблюдался сапсан, пролетевший вдоль скал. Около другого гнезда, расположенного вблизи устья Навагирской щели, днем 20.09.2009 г. сапсаны носили добычу молодой птице, державшейся у гнездовой ниши на невысоких скалах. В этот же день к западу от пос. Малый Утриш была отмечена птица, пролетевшая со стороны гнезда на охоту к поселку. У посёлка Большой Утриш вечером над другим гнездом долго летала одиночная птица. В устье р. Сукко утром 21.09.2009 г. сапсан охотился над лесистыми горами и носил добычу, возможно, ещё несамостоятельным молодым птицам. Можно предполагать гнездование еще 1–3 пар сапсанов также на участке берега моря между устьем р. Сукко и Анапой, который остался не обследованным [1].

Всего на протяжении 40 км побережья отмечено до 10 гнездовых участков сапсана, предполагавшихся в среднем в 3,7 км друг от друга [1].

Расселение сапсана по побережью Абраусского полуострова связано, возможно, с появлением на скалах гнездовой вороны, отсутствовавшего здесь в начале XX в. [7] и начавшего гнездиться лишь в середине прошлого столетия [2].

Дальнейшие исследования орнитофауны проходили в окрестностях заповедника «Утриш» в 2011–2013 гг. Нами сапсан впервые был отмечен на скалах вблизи Базовой щели примерно в 3 км к северо-западу от пос. М. Утриш вечером 24.06.2011 г. Птица проявляла беспокойство, но доказать гнездование в тот год не удалось. Зато в следующие 2 года удалось выявить гнездовые участки и найти места гнездования сапсана в районе поселка Малый Утриш.

Гнездо сокола было найдено 19.05.2012 г. в устье Лобановой щели, примерно в 1,5 км к юго-востоку от пос. М. Утриш. Оно располагалось на скальной полке на высоте около 15 м над галечниковым пляжем. Сама скала здесь высотой 20–25 м. На момент обнаружения в гнезде было 3 птенца в первом гнездовом наряде (рис. 1).

Рис. 1. Гнездо сапсана 21.05.2012 г.

Рис. 2. Птенцы сапсана в гнезде 4.06.2012 г.

К 4 июня птенцы уже почти полностью оперились (рис. 2), а с 15 по 27 июня родители и слётки держались вблизи гнезда, наблюдались полёты и отработка охотничьих приёмов (рис. 3 и 4).

Рис. 3. Взрослый сапсан у гнезда

Рис. 4. Слёток сапсана 27.06.2012 г.

Под гнездом были собраны погадки, перья и кормовые остатки. Среди них были опознаны останки 13 видов птиц: малой выи (*Ixobrychus minutus*), кольчатой горлицы (*Streptopelia decaocto*), козодоя (*Caprimulgus europaeus*), коростеля (*Crex crex*), перепела (*Coturnix coturnix*), кукушки (*Cuculus canorus*), белобрюхого стрижа (*Apus melba*), сизоворонки (*Coracias garrulus*), дроздов чёрного (*Turdus merula*) и певчего (*T. philomelos*), чернолоблого сорокопута (*Lanius minor*), деревенской

(*Hirundo rustica*) и городской (*Delichon urbicum*) ласточек. Кроме того, были найдены перья и кости, предположительно принадлежавшие пастушке (*Rallus aquaticus*), камышнице (*Gallinula chloropus*), обыкновенной горлице (*Streptopelia turtur*) и серому сорокопугу (*Lanius excubitor*). В одной из погадок был найден череп зверька из отряда Рукокрылых (*Chiroptera*).

Больше всего под гнездом было собрано перьев коростеля, козодоя и чёрного дрозда. Последний достаточно обычен в окрестностях пос. Малый Утриш. Наиболее интересна находка перьев козодоя и коростеля. Первый из них тоже обычен в этом регионе, но, как известно, ведёт преимущественно сумеречный и ночной образ жизни. Коростель же раньше нами встречался только на Сухом лимане и на лугах в долинах рек Дюрсо и Сукко, т. е. примерно в 6–10 км от гнезда сапсана.

Под гнездовой скалой было обнаружено большое количество перьев чаек (*Larus spp.*) и больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*). Предполагаем, что перья накопились в результате образования больших скоплений этих обычных для прибрежных областей птиц. Маловероятно, что преобладающая по численности в это время хохотунья (*Larus cachinnans*) и большой баклан – подходящая добыча для сапсана. Однако мы наблюдали в конце июня, как молодые соколы отработывали охотничьи приёмы на чайках. Правда, до реальных атак при этом дело не доходило.

Весна 2013 г. выдалась ранняя и тёплая, что привело к сдвигу сроков гнездования птиц. Уже 22 мая в окрестностях пос. Малый Утриш нами были найдены слётки ворона, а 31 мая – птенцы сапсана, почти готовые к полёту. При этом взрослые вороны и их слётки находились в устье Лобановой щели, на той самой скале, где в 2012 г. гнезвился сапсан. Слётки же сапсанов сидели на деревьях и уступах скалы около Базовой щели, которая расположена в 4 км северо-западнее прошлогоднего гнезда. Двух слётков было видно на краю уступа (рис. 5), и слышался голос ещё одного или более птенцов. 13 июня 2013 г. в районе Базовой щели наблюдалось 3 молодых сапсана (рис. 6).

Рис. 5. Птенцы сапсана 31.05.2013 г.

Рис. 6. Молодой сапсан в устье Базовой щели 13.06.2013 г.

В день находки птенцов сапсана (31.05.2013 г.) в километре от них на уступе песчаниковой скалы, на высоте около 10 м, было обнаружено довольно крупное (около 1 м в диаметре) гнездо, сделанное из сосновых веток (рис. 7). Судя по помёту вокруг гнезда, оно было недавно покинуто. Однако маловероятно, что в нём гнездились соколы, так как на момент обнаружения гнезда птенцы сапсана ещё не летали, и под гнездом не было характерных кормовых остатков. Скорее всего, это было гнездо воронов, птенцы которых вылетели раньше. Локализацию же гнезда сапсанов установить в тот год не удалось.

Рис. 7. Гнездо на уступе скалы 31.05.2013 г.

Ближайшим местом обнаружения другого предполагаемого гнездового участка сапсана стали скалы в районе устья р. Дюрсо примерно в 9 км от пос. М. Утриш. Здесь 14.05.2013 г. дважды отмечались беспокоящиеся взрослые птицы.

Литература

1. Белик В. П., Бабкин И. Г. К распространению и численности хищных птиц на полуострове Абрау // Бранта: Сборник научных трудов Азово-Черноморской орнитологической станции. 2010. Вып. 13. С. 68–75.
2. Волчанецкий И. Б., Пузанов И. И., Петров В. С. Материалы по орнитофауне Северо-Западного Кавказа // Учен. зап. ХГУ, т.130: Труды НИИ биологии и биол. фак. ХГУ, 1962. т.32. С.7–72.
3. Ганусевич С. А. Сапсан // Красная книга Российской Федерации (Животные). М.: АСТ, Астрель, 2001. С. 457–459.
4. Казаков Б. А., Белик В. П. К орнитофауне горных рек и морского по бережья Северо-Западного Кавказа // 50-летие Новороссийской биостанции: Мат-лы науч. конф. Новороссийск, 1971. С. 87–89.
5. Лохман Ю. В. Численность и распределение зимней орнитофауны г. Краснодара и его окрестностей // Кавказский орнитологический вестник. 2002. Вып. 14. С. 59–63.
6. Очаповский В. С. Материалы по фауне птиц Краснодарского края: дисс. ... канд биол. наук. Краснодар, 1967. 445 с.
7. Пузанов И. И., Орнитофауна Северо-Западной Черкесии и некоторые соображения о ее происхождении и связях // Труды зоол. сектора Грузинского филиала АН СССР, 1938. т. 2. С.125–180.
8. Сара М. Предварительный обзор авифауны в районе пос. Малый Утриш // Ландшафтное и биологическое разнообразие Северо-Западного Кавказа. М.: Геофак МГУ, 2007. С.90–99.

УДК 616.006:618.1

Степанова Екатерина Викторовна

ФАКТОРЫ РИСКА ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ОНКОГИНЕКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

В статье описаны факторы риска гинекологических заболеваний, к которым относятся ожирение, нездоровое питание, гиподинамия, нарушения режима труда и отдыха, рискованное поведение. Представлены данные, характеризующие качество жизни онкогинекологических пациентов. Отмечена роль психопатологических расстройств при онкогинекологических заболеваниях.

Ключевые слова: онкогинекология, факторы риска, качество жизни/

Stepanova Ekaterina V.

RISK FACTORS OF GYNECOLOGICAL DISEASES AND GYNECOLOGICAL CANCER PATIENTS' QUALITY OF LIFE

The article describes the risk factors of gynecological diseases, which include obesity, unhealthy diets, physical inactivity, violation of work and rest, risky behavior. The data characterizing the quality of life for gynecological cancer patients are given. The roles of psychopathology in gynecological cancer diseases are presented.

Key words: cancers, risk factors, quality of life.

Гинекологическая заболеваемость осложняется высокой распространенностью факторов риска инфекционных заболеваний у женщин [62].

Известно, что ожирение как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) играет не меньшую роль в развитии артериальной гипертензии (АГ) и является одной из составляющей метаболического синдрома [44]. Увеличение значения окружности талии у женщин увеличивает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний [46]. Установлена корреляция между окружностью талии, индексом массы тела и артериальным давлением [44]. Серьезной проблемой является ухудшение психического здоровья женщин в регионах с плохой социально-экономической ситуацией [28]. Ключевым фактором являются условия труда. В неблагоприятных условиях трудятся 3,6 млн. женщин, а 285 тысяч – в особо тяжелых условиях. «Более чем у трети женщин, подвергавшихся воздействию тяжелых металлов (свинца, цинка, кадмия) в производственных условиях, произошло самопроизвольное прерывание беременности, а у двух третьих – роды случились преждевременно» [6]. Работа с пестицидами значительно увеличивает риск невынашивания беременности. [15]. Дефицит веса у одной пятой женщин в первом и втором триместрах также приводит к угрозе прерывания беременности, а у 30% она заканчивается раньше установленного срока. В то же время у беременных, страдающих ожирением, частота преждевременных родов в 2,2 раза превышает аналогичный показатель среди таковых с нормальным весом [31]. «К факторам высокого риска перинатальной патологии относятся: низкий уровень доходов на одного члена семьи, беременность в 40 лет и старше, первая беременность в возрасте 35 лет, статус матери-одиночки, вес женщины менее 40 кг, более 80 кг, рост менее 157 см, недостаточное питание и физические недостатки» [23]. Ожирение является частой причиной бесплодия и невынашивания беременности [2, 8]. В исследованиях было показано, что женщины с бесплодием на пике репродуктивного периода имели выраженное ожирение по центральному типу, что сопровождалось гиперинсулинемией, инсулинорезистентностью, гиперандрогенией, нарушениями менструального цикла [29]. Комплекс факторов, оказывающих влияние на здоровье женщин, имеет также и региональные различия [10, 40]. Установлена корреляция клинических отклонений здоровья подростков и экологических условий, характерных для региона проживания [25, 34]. Не менее значимое влияние на здоровье девушек оказывает их образ жизни [10, 24, 34, 40]. Установлено, что независимо от региона проживания он характеризуется высокой распространенностью вредных привычек (71,7 %), нерегулярностью питания (78,0 %), низкой физической активностью (61,9 %) и пренебрежением режимом

труда и отдыха (74,2 %). Физическое развитие девушек 15–18 лет во всех регионах сопровождается высокой частотой отклонений показателей от нормы (29,0 %) и дисгармоничности (38,5 %). Степень их выраженности преимущественно отражает эколого-географические и социокультурные особенности территории [4, 22]. При этом качество здоровья последующего поколения ухудшается, вызывая дальнейшую дезадаптацию [20]. Изучение питания детей и подростков продемонстрировало, что оно отличается вытеснением продуктов с высоким содержанием белка и полисахаридов кондитерскими изделиями и сладостями [17,19].

Государство недостаточно эффективно решает проблемы здоровья детей и подростков, образования родителей в отношении репродуктивного здоровья их детей [38, 39]. Нестабильная социально-политическая ситуация и неопределенность будущего способствуют усилению кризиса самоопределения подростков и их дезадаптации в социуме [11, 12, 16]. Для улучшения сложившейся ситуации необходимы изменения системы управления здоровьем подростков, коррекция факторов риска на основе объединения усилий всех секторов общества [36].

Изучение качества жизни (КЖ) это современный метод оценки удовлетворенности человека своей жизнью [27], оно зависит также от положения человека в семье [7]. Это интегральный показатель, который может использоваться при оценке эффективности медицинской помощи [60]. Несмотря на то, что в РФ улучшение качества медицинской помощи женщинам и детям является одним из основных направлений деятельности служб здравоохранения [41], тем не менее, акушерской помощью не удовлетворены 18–30 % родильниц, 40 % женщин – после кесарева сечения и практически все – при потере ребенка [35]. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает важность психического и соматического благополучия людей при оценке состояния здоровья [27]. Репродуктивное здоровье женщин находится в неразрывной связи с андрологическим здоровьем их мужей. Так, обследование мужей пациенток с хроническими воспалительными заболеваниями выявило у них более высокую, чем в популяции, частоту хронического простатита, бесплодия, микoureapлазменного уретрита и других инфекций, передающихся половым путем (ИППП) [18, 37]. Известно, что эффективность лечебно-профилактических мероприятий у пациенток с данной патологией составляет 50 % [30]. Мужья женщин с хроническими воспалительными заболеваниями гениталий чаще, чем мужья здоровых пациенток, являются приверженцами табакокурения и употребляют алкоголь. При этом качество жизни пациенток с хроническими воспалительными заболеваниями половой сферы независимо от уровня поражения генитального тракта, даже при отсутствии обострения заболевания, характеризуется снижением показателей, определяющих психологический компонент здоровья, а также низкой оценкой своего состояния и возможностей лечения. В этой связи рост результативности медицинской помощи пациенткам с хроническим воспалительным заболеванием половой сферы связывают с обучением на уровне семьи, что делает необходимой кооперацию гинекологов, урологов-андрологов, врачей общей практики и психотерапевтов [14].

Серьезной проблемой общественного здоровья является качество жизни онкологических пациентов, которое во многом определяется психосоматическими и соматопсихическими расстройствами, к которым также предрасполагают эндокринные и метаболические нарушения [55], применение медикаментов, вызывающих психические расстройства [54]. Играет роль и общий соматический статус [49,57], женский пол и социум [58], возраст пациенток [61]. Встречаемость психических нарушений при раке молочной железы равна 30–45 %, а при опухолях гениталий – 17–25 % [43]. К тому же у пациенток с верифицированным раком яичников риск развития психических расстройств по сравнению с раками других локализаций выше [42]. Однако немногие исследования были посвящены распространенности психической патологии среди данного контингента больных. Отмечают появление навязчивых мыслей, связанных с онкологическим заболеванием, воспоминаний о лечении [52], избегание больными ситуаций, прямо или косвенно связанных с патологией (отказ от общения с людьми, знающими о раковой болезни пациентки, избегание посещения медицинских учреждений и др.) [26, 56], а после радикальной мастэктомии возможны фантомные боли [53]. В возрасте 45–55 лет отмечается подъем заболеваемости всеми видами злокачественных опухолей женской репродуктивной системы [9]. При проведении гормонотерапии может развиваться посткастрационный синдром [26], который помимо вегето-сосудистой дистонии (ВСД) может проявлять симптомами, напоминающими ин-

волюционную истерию [21]. При раке молочной железы выявляются легкие и непродолжительные (длительностью не более 2–4 мес.) депрессивные состояния [50].

Вместе с вялостью, подавленностью, ангедонией, тревогой больные жалуются на неуспешность и отсутствие перспектив. Среди жалоб пациентов преобладают слабость, высокая утомляемость невозможность получить удовольствие от чего – либо [5]. Помимо указанных расстройств, у пациенток, перенесших радикальные хирургические вмешательства (мастэктомия, гистерэктомия, цистэктомия и др.), наблюдаются чувства утраты женственности, сексуальной неполноценности и ущербности, страх распада семьи [47], социофобии. Исследователи подчеркивают роль преморбидных свойств личности пациенток при развитии психических расстройств в дальнейшем [21, 47]. Наиболее изучены эти свойства при бластоматозном процессе молочной железы [13]. Для пациенток с раком молочной железы типичны снижение адаптационных возможностей, сложности в принятии компромиссных решений [3]. В то же время у 40,8 % женщин в ходе болезни изменения личностного профиля носили незначительный характер [1]. Учитывая, что психические расстройства осложняют течение ракового заболевания, что ухудшает прогноз болезни и качество жизни пациента [42, 43, 59], а также то, что высокая частота и клиническое разнообразие психических расстройств при опухолях женской половой сферы следует осуществлять их профилактику и терапию. Установлено, что использование психотропных препаратов у онкобольных ведет к улучшению их адаптации к болезни, уменьшению тревожно-депрессивных симптомов и в итоге к уменьшению финансовых затрат на лечение [42]. Важно сочетать медикаментозную и психотерапевтическую коррекцию в форме когнитивной психотерапии, мышечной релаксации, музыкотерапии [32]. Несмотря на проработанность проблемы, авторы подчеркивают необходимость дальнейших исследований в области психотерапии в онкологической практике [51].

Литература

1. Аверьянова С. В. Психосоматические аспекты лечения больных раком молочной железы: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Саратов, 2001; С. 13–14, 164, 211, 212.
2. Адамян Л. В., Сухих Г. Т. Состояние и перспективы репродуктивного здоровья населения России // Современные технологии в диагностике и лечении гинекологических заболеваний: Сб. тр. ФГУ НИЦ АГиП Росмедтехнологий. М., 2007. С. 5–19.
3. Алясова А. В., Лаптев А. В. Особенности нервно-психических расстройств у больных раком молочной железы // Сборник трудов 1-го конгресса невропатологов, психиатров и нейрохирургов Приволжского федерального округа / под ред. В.Д. Трошина. Н. Новгород: ВОИ, 2002. С. 231–233.
4. Амлаев К. Р., Ашихмина М. А., Крылова Е. В. и др. Результаты изучения некоторых аспектов образа жизни молодежи ряда российских городов / Кубанский научный медицинский вестник №1, 2012 г. С. 8–11.
5. Асеев А. В., Васютков В. Я., Мурашова З. М. Опыт изучения качества жизни больных раком молочной железы (в условиях областного онкологического диспансера) // Маммология. 1995. (3). С. 40–45.
6. Бодрова С. А. Медико-социальное исследование нарушений репродуктивного здоровья женщин, занятых в промышленности: автореф. дне. ... канд. мед. наук. Рязань, 2004. 21 с.
7. Войцеховская Ж. И. Роль социальных и семейных факторов в формировании здоровья потомства // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. Т. 4. № 8. С. 6.
8. Геворкян М. А. Ожирение и репродуктивное здоровье женщины // Проблемы репродуктивного здоровья. 2008. Т. 163. № 9. С. 17–20.
9. Давыдов М. И., Аксель Е. М. Статистика злокачественных новообразований в России и странах СНГ в 2007 г. // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН, 2009. 20 (Приложение 1). С. 8–56.
10. Данилова И. М. Репродуктивный потенциал девочек-подростков Алтайского края: автореф. дне. ... канд. мед. наук. Омск, 2008. 24 с.
11. Долженко И. С. Особенности репродуктивного здоровья девочек // Гинекология. 2000. Т. 2. № 3. С. 35.
12. Долженко И. С. Состояние репродуктивного здоровья девочек по данным официальной медицинской статистики МЗ РФ / IV Всерос. конференция по детской и подростковой гинекологии. Сборник научных трудов. М., 2000. С. 18.
13. Дыхно Ю. А., Денисов И. Н., Мусаева Н. Э. Социально-психологические аспекты жизни больных, перенесших операцию на молочной железе // Избранные вопросы онкологии: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 1999. С. 386–387.

14. Жуковская И. Г., Молчанова Л. Ф. Характеристика качества жизни пациенток с хроническими воспалительными заболеваниями половой сферы и членов их семей // Журнал «Фундаментальные исследования». №2 (часть 2). 2012. С. 294–298.
15. Касымова З. Течение беременности и родов у женщин, занятых в сельскохозяйственном производстве // Материалы VI Российского форума «Мать и дитя». М. 2004. С. 88.
16. Кравцова О. В., Долгих В. В., Лещенко О. Я. Медико-социальные аспекты здоровья девушек-подростков в городе и сельской местности // Материалы X юбилейного Всероссийского научного форума «Мать и дитя». Москва, 29 сентября–2 октября 2009 г. М. 2009. С. 497–498.
17. Кузнецова И. В., Ермакова Е. Е. Ожирение в период полового созревания как фактор риска нарушений репродуктивной системы // Мать и дитя: материалы VII Рос. форума. М., 2005. С. 372–373.
18. Кулаков В. И. Репродуктивное здоровье населения России // Акушерство и гинекология. 2007. Т. 9. С. 7–9.
19. Кулаковский В. А., Даутова Л. А. Медико-социальные аспекты охраны репродуктивного здоровья // Мать и дитя: материалы IV Рос. форума. М., 2002. С. 50–52.
20. Кучма В. Р. Гигиена детей и подростков. М.: Медицина, 2004. 383 с.
21. Лапицкий М. А., Корнев С. В., Соловьев В. И. и др. Клинико-психологические особенности больных раком молочной железы на дооперационном и послеоперационном этапах // Паллиат. мед. реабилитац. 2002. № 3–4. С. 26.
22. Лебедева М. Г., Хамопшна М. Б., Вострикова Т. В. и др. Медико-географические особенности формирования репродуктивного здоровья девушек-подростков / Доктор.Ру. № 7 (75). 2012. С. 35–41.
23. Леннер-Аксельсон Б. Роль социальных служб в охране репродуктивного здоровья // Планирование семьи: Международный медицинский журнал. 1997. № 1. С. 18–25.
24. Лещенко О. Я., Сутурина Л. В. Условия жизни и репродуктивные установки девочек-подростков современного села // Репродукт. здоровье детей и подростков. № 1. 2009. С. 24–27.
25. Лободина И. М. Оптимизация терапии маточных кровотечений пубертатного периода: автореф. дне. ... канд. мед. наук. М., 2008. 24 с.
26. Непомнящая Н. И. О психологическом аспекте онкологических заболеваний // Псих. журнал, 1998. (4). С. 132–44.
27. Новик А. А., Ионова Т. И., Шевченко Ю. Л. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. М., 2007. 320 с.
28. Останенко В. С. Оптимизация диагностики и лечения рака шейки матки: автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. Ростов-на-Дону. 2003.
29. Пинхасов Б. Б., Скосырева Г. А., Шорин Ю. П., Селятицкая В. Г. Гинекологическая заболеваемость и репродуктивные возможности женщин с ожирением // Вестник НГУ. Серия: Биология, клиническая медицина. 2010. Том 8. Выпуск 2. С. 62–67.
30. Роговская С. И., Прилепская В. Н. Оптимизация лечения хронических цервицитов с помощью изопринозина // Акушерство и гинекология. 2006. Т. 8. № 1. С. 4–7.
31. Савельева Г. М. Акушерство. М., 2000. 276 с.
32. Самушия М. А. Психические расстройства у пациенток со злокачественными опухолями органов женской репродуктивной системы: обзор литературы // Журнал «Опухоли женской репродуктивной системы». № 1. 2011. С. 86–94.
33. Семглазов В. Ф., Веснин А. Г., Моисеенко В. М. Минимальный рак молочной железы. СПб., 1992. С. 31.
34. Семятов С. М. Репродуктивное здоровье девушек-подростков Московского мегаполиса в современных социально-экономических и экологических условиях: автореф. дне. ... докт. мед. наук. М., 2009. 54 с.
35. Серегина И. Ф. Опыт всероссийского изучения мнения населения об организации медицинской помощи // Здравоохран. Рос. Фед. 2009. № 6. С. 9–12.
36. Сухих Г. Т., Адамян Л. В. Состояние и перспективы репродуктивного здоровья населения России // Современные технологии в диагностике и лечении гинекологических заболеваний. М., 2007. С. 5–19.
37. Тихомиров А. Л., Сарсания С. И. Амоксициллин/клавулат – адекватный подход к лечению воспалительных заболеваний женских половых органов // Гинекология. 2006. Т. 8. № 1. С. 7–13.
38. Уварова Е. В. Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья современных девочек России // Репродукт. здоровье детей и подростков. 2006. № 4. С. 10–15.
39. Уварова Е. В. Репродуктивное здоровье девочек России в начале XXI века // Акушерство и гинекология. 2006. Приложение. С. 27–30.
40. Хамопшна М. Б. Региональные особенности репродуктивного здоровья девушек-подростков Приморского края: автореф. дне. ... докт. мед. наук. М., 2005. 49 с.

41. Шарапова Е. И. Репродуктивное здоровье женщин России: состояние, тенденции и система мер по его улучшению: автореф. дис... д-ра мед. наук. М., 1998. 46 с.
42. Andersen B. L. Biobehavioral outcomes following psychological interventions for cancer patients. *J Consult Clin Psychol.* 2002. 70. P. 590–610.
43. Dahl A. A., Haaland C. F., Mykletun A. et al. Study of anxiety disorder and depression in long-term survivors of testicular cancer. *J Clin Oncol.* 2005. 23. P. 2389–2395.
44. Diaz M. E. Hypertension and obesity // *J. Hum. Hypertens.* 2002. Mar., Vol. 16. Suppl. 1. P. 18022.
45. Fathalla M. F. Reproductive health: a global overview // *Early Hum.Dev.* 1992. Jun.-Jul. 29(1–3). P. 35–42.
46. Hans.S., van Leer E. M., Seidell J. C. et al. Waist circumference in the identification of cardiovascular risk factors: prevalence study in a randomized sample // *Br. Med. J.* 1995. Vol. 311. P. 1401–1405.
47. Irwig L., Bennets A., Aust N. Z. Quality of life after breast conservation or mastectomy: a systematic review. *Surgery.* 1997. 67(11). P. 750–754.
48. Kawada. Body mass index is a good predictor of hypertension and hyperlipidemia in a rural Japanese population // *Int. J. Obes. Relat. Metab. Disord.* 2002. May, Vol. 26. № 5. P. 725–729.
49. Manne S. L., Pape S. J. Functional impairment, marital quality, and patient psychological distress as predictors of psychological distress among cancer patients' spouses. *Health Psychol.* 2001. 20. P. 452–457.
50. Mehnert A., Koch U. Prevalence of acute and post-traumatic stress disorder and comorbid mental disorders in breast cancer patients during primary cancer care: a prospective study // *Psychooncology.* 2007. 16(3). P. 181–188.
51. Newell S.A., Sanson-Fisher R.W., Savolainen N.J. Systematic review of psychological therapies for cancer patients: overview and recommendations for future research. *J Natl Cancer Inst.* 2002. № 94. P. 558–584.
52. Ortiz-Pagan S., Sharenow E., Layeequr Rahman R. Prevalence of psychiatric disorders at the time of breast cancer diagnosis. *Cancer Res.* 2009. № 69; abstr 1068.
53. Pezzella G., Moslinger-Gehmayr R., Contu A. Treatment of depression in patients with breast cancer: a comparison between paroxetine and amitriptyline. *Breast Cancer Res Treat.* 2001. 70 (1). P. 1–10.
54. Raison C.L., Miller A.H. Depression in cancer: mechanisms and disease progression. *Biol Psychiatr.* 2003. № 54. P. 283–294.
55. Roy-Byrne P.P., Davidso K.W., Kessler R.C. et al. Anxiety disorders and comorbid medical illness. *Focus.* 2008. № 6. P. 467–485.
56. Schraub S., Arveux P., Mercier M. Psychosocial aspects of cancer screening. *Bull Cancer.* 1995. № 82(8). P. 607–610.
57. Smith E.M., Gomm S.A., Dickens C.M. Assessing the independent contribution to quality of life from anxiety and depression in patients with advanced cancer. *Palliat Med.* 2003. 17. P. 509–513.
58. Stark D., Kiely M., Smith A. et al. Anxiety disorders in cancer patients: their nature, associations, and relation to quality of life. *J Clin Oncol.* 2002. № 20. P. 31–37, 48.
59. Tagay S., Herpertz S., Langkafel M. et al. Health-related quality of life, anxiety and depression in thyroid cancer patients under short-term hypothyroidism and TSHsuppressive levothyroxine treatment. *Eur. J Endocrinol.* 2005. № 153. P. 755–763.
60. Weidner K. Psychological and physical factors influencing the quality of life a department of gynecology in a university hospital // *Journal of psychosomatic obstetrics and gynecology.* 2006. Vol. 27. № 4. P. 257–265.
61. Wenzel L. B., Fairclough D. L., Brady M. J. et al. Age-related differences in the quality of life of breast carcinoma patients after treatment. *Cancer.* 1999. 86. P. 1768–1774.
62. Wilson B. J., Watson M. S., Prescott G. J. et al. Hypertensive diseases of pregnancy and risk of hypertension and stroke in later life: results from cohort study // *BMJ.* 2003. Vol. 326. P. 845–849.
63. Zabora J., Brintzenhofeszc K., Curbow B. et al. The prevalence of psychological distress by cancer site // *Psychooncology.* 2001. 10. P. 19–28.

УДК 371.2:612.015.36

Узденов Ислам Магомедович

ВЛИЯНИЕ ШКОЛЫ НА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ

В статье рассмотрены факторы, негативно влияющие на здоровье детей в период обучения в школе. Приводятся примеры мониторинга здоровья и факторов риска болезней у детей. Представлены методики восстановительного лечения детей с разнообразной патологией.

Ключевые слова: факторы риска, здоровье детей, мониторинг здоровья, восстановительное лечение.

Uzdenov Islam M.

TECHNIQUES OF REHABILITATIVE TREATMENT OF CHILDREN WITH A VARIETY OF DISEASES ARE PRESENTED

The article discusses the factors affecting the health of children in schooling. The examples of health monitoring and disease risk factors in children are given.

Key words: risk factors, child health, health monitoring, rehabilitation treatment.

Большую часть своего времени дети проводят в школе, поэтому воздействие школьных факторов на здоровье детей и подростков трудно переоценить. Школа должна стать базой для реализации самых современных и эффективных программ профилактики и оздоровления подрастающего поколения. Это особенно важно, когда наблюдается увеличение суммарной нагрузки, интенсификация учебного процесса [12]. К этому добавляются не подходящая по росту мебель, слабая освещённость, гиподинамия, что ведет к увеличению количества близоруких детей к окончанию школы в 3 раза [34]. Основной проблемой младшего школьного возраста является нарушение осанки [18].

В 80 % школ РФ выявлены несоответствия требованиям действующих норм по обеспечению площадями, по превышению электромагнитного излучения от мониторов. Каждое пятое учебное место с компьютером в школах России не соответствует санитарным нормам. Только 78,2 % учащихся начальных классов получают горячее питание, среди учащихся 5–11 классов таковых 51,5 % школьников [26]. Питание детей отличается несбалансированностью, что способствует развитию некоторых экологически обусловленных заболеваний [10]. Оценка психоэмоциональной устойчивости старшеклассников показала высокий уровень тревожности и беспокойства в начальный период обучения [23].

Модернизация образовательной системы сопровождается серьезными издержками. Однако неблагоприятные изменения здоровья у многих детей, особенно страдающих хроническими заболеваниями, связаны не только с учебной нагрузкой, но и с существенными нарушениями организации их свободного времени и отдыха в семье. Это приводит к истощению образовательного потенциала, снижению стрессоустойчивости, снижению творческого потенциала, ухудшению межличностных отношений. Снижение физического здоровья объясняется не только прямым воздействием вредных экологических факторов, но и кинезиофобией, выражающейся в отсутствии интереса к активным занятиям физическими упражнениями [20].

Для эффективной организации медико-социальной помощи детям необходим мониторинг их здоровья, то есть регулярный сбор и аккумуляция данных, получаемых на всех уровнях системы здравоохранения, что позволит точнее прогнозировать тенденции в состоянии здоровья детского населения и планировать оказание медицинской помощи детям. Информатизация педиатрической службы должна включать создание и эксплуатацию систем для диспансеризации, анализа инвалидности, младенческой и детской смертности, специализированных регистров по отдельным заболеваниям [17]. Подобные компьютеризированные системы уже есть и в России [43].

Одной из причин создания федеральной системы мониторинга детской инвалидности являлась необходимость регулярного слежения за выполнением индивидуальных программ реабилитации за состоянием здоровья и уровнем качества жизни детей [45].

Обеспечение доступа к медико-социальным базам данных через Интернет позволит работникам органов здравоохранения быть в курсе общей ситуации, иметь на руках сходные показатели в других территориях, а пациентам и их родителям – контролировать изменения в состоянии своего здоровья [17].

В зарубежных странах с 1991 года существует также система мониторинга факторов риска у молодежи, которая контролирует шесть категорий поведенческих рисков для здоровья молодежи: 1) поведение, которое способствует непреднамеренным травмам и насилию; 2) сексуальное поведение, которое способствует инфицированию вирусом иммунодефицита человека и другими венерическими заболеваниями и нежелательной беременности; 3) употребление табака; 4) употребление алкоголя и наркотиков; 5) нездоровое пищевое поведение 6) отсутствие физической активности [47, 52, 57].

Очевидно, что в настоящее время возникла необходимость создания системы коррекционных воздействий на физическое и психологическое здоровье детей, которая повысит их общую и умственную работоспособность, а, следовательно, и результативность их обучения [29]. Создавая условия для детей с ограниченными возможностями здоровья, следует помнить о принципе равных прав для других детей. Для этого следует научиться работать со всеми детьми, учитывая их индивидуальные особенности [11]. Требуется не просто приспособление ребенка к особенностям развития в среде, а создание многовариантной среды, в которой каждый ребенок общается на доступном ему уровне. Адаптация детей с особенностями развития происходит путем включения их в социальные связи общества, использования латентных ресурсов общественных связей [3].

Концепция восстановительной медицины, разрабатываемая Министерством здравоохранения Российской Федерации, предусматривает два основных направления – сохранение здоровья здоровых и собственно реабилитацию, т. е. оптимальное восстановление здоровья больного человека. В ее рамках предложена организация центров, которые будут внедрять в практику методы восстановительной медицины. В функции центров также войдут квалифицированная амбулаторная и стационарная реабилитационная помощь, разработка и внедрение новых медицинских технологий, направленных на осуществление первичной и вторичной профилактики. [6]. Для этого требуется добиться максимальных результатов при восстановительном лечении детей с участием семьи, врачей и пациентов-детей [54].

Среди эффективных методик восстановительного лечения сообщается об эффективности сенсорной терапии у подростков с вегетативной дисфункцией. В результате удавалось добиться решения различных задач: снятия психоэмоционального и мышечного напряжения, достижения релаксации и душевного равновесия, нормализации различных функций центральной нервной системы, создания положительного эмоционального фона, снижения тревожности и агрессивности, расширения коммуникативных возможностей, обучения основам аутотренинга [7].

Боли в спине беспокоят около 10 % детей и подростков. Сообщается о том, что мануальная терапия успешно применяется у них в восстановительном лечении болевых синдромов различного происхождения [22].

В комплексное восстановительное лечение также входят фитотерапия, гомеопатия, биорезонансная и мануальная терапия [31].

Физиотерапия у детей применяется как самостоятельно, так и в совокупности с другими методами лечения. Особенно она эффективна в составе комплексного лечения. Широкое использование физиотерапевтических факторов в терапии различных заболеваний обусловлено тем, что они обладают многообразными лечебными эффектами: противовоспалительным, иммуномодулирующим, анальгетическим, антигипоксическим, противоаллергическим, бактерицидным, что имеет большое значение для повышения неспецифической резистентности организма при инфекционных заболеваниях [22].

Учитывая, что одним из определяющих факторов развития заболевания у часто болеющих детей является несостоятельность иммунитета, то основу реабилитационных мероприятий должны составлять немедикаментозные методы иммунокоррекции, обладающие неспецифическим и специфическим воздействием на иммунитет и общую реактивность организма [9]. Экс-

периментально и клинически установлено, что многие физические факторы, используемые в медицинской практике, могут обладать иммуномодулирующим действием [39]. При этом предпочтение должно отдаваться методам общего иммуномодулирующего воздействия, так как физические методы местного воздействия не обеспечивают достаточную глубину проникновения, а оценка их клинической эффективности не имеет доказательной базы [38]. Одним из таких методов общего воздействия, применяемых в реабилитации часто болеющих детей, является рефлексотерапия [1, 2]. Наиболее мягким, легко переносимым и эпидемиологически безопасным методом является низкочастотная магнитотерапия, которая влияет как на клеточное, так и на гуморальное звено иммунитета [28, 37].

Для тренировки адаптивных систем организма используют гидрокинезиотерапию, общетерапевтический массаж, лечебную физкультуру, [19, 25, 33, 38, 40]. У часто болеющих детей также проводится коррекция сопутствующих иммунных, вегетативных, неврологических нарушений преимущественно немедикаментозными методами. Хорошие результаты дает метод биологической обратной связи [44]. Последовательная, систематическая и комплексная восстановительная терапия может привести к эффективной реабилитации и оздоровлению часто и длительно болеющих детей.

Проблема реабилитации детей после перенесенных острых кишечных инфекций также часто встречается в педиатрической практике. Использование физиотерапии при реабилитации после острых кишечных инфекций значительно повышает эффективность комплексной терапии, а в некоторых случаях (при наличии аллергических реакций к лекарственным препаратам и продуктам питания) может оказаться терапией выбора [8, 13, 14, 16, 27]. Представляют интерес методы озонотерапии в восстановительном лечении больных с синдромом раздраженной кишки [15]. Перспективным направлением в физиотерапии является применение методов фотохромотерапии [16].

При реабилитации пациентов с острыми и хроническими гепатитами могут использоваться те же методы физиотерапевтического иммунокорректирующего воздействия, как и при реабилитации часто болеющих детей и детей после острой кишечной инфекции, но с изменением параметров [5]. Наиболее сложными пациентами, с позиции реабилитации, являются дети, перенесшие инфекционные заболевания нервной системы [35, 42]. Задачей восстановительного лечения и реабилитации является ликвидация последствий острого периода заболевания и адаптация ребенка к привычному образу жизни и нагрузкам [27, 32].

Вызывают интерес сообщения о методиках реабилитации с помощью видеоигр. Хотя видеоигры связывают со многими негативными для здоровья последствиями, они также могут быть полезны в терапевтических целях. Показано, что видеоигры улучшали психологические результаты терапии на 69 %, результаты физиотерапии – на 59 %, результаты физической активности – на 50 %, результаты медико-санитарного просвещения – на 42 % и на 37% – результаты самоуправления заболеванием [51, 56].

В последнее время всё больше внимания уделяется программам первичной профилактики для уменьшения последствий хронических болезней на индивидуальном, институциональном и общественном уровнях [5]. Например, в детских садах и школах применяются программы по предотвращению избыточного веса и ожирения в детском возрасте. Как правило, эти программы не оцениваются с научной точки зрения, тем самым нет возможности получить доказательную базу для оценки их эффективности. Оценка программ первичной профилактики может рассматривать научные доказательства (внешние доказательства), мотивацию и опыт участников процесса (внутренние доказательства), а также мотивацию и восприятие проблемы целевыми группами [50]. При разработке и реализации программ вмешательства должна учитывать социально-культурные особенности и среду обитания целевых групп. Кроме того, должен использоваться комплексный совместный подход, например, для оценки потребностей и проблем целевых групп или местных жителей [46]. Целевые группы могут быть вовлечены в разной степени: для обмена информацией, консультаций, совместной работы, полного разделения ответственности [49, 58]. Хотя это означает, что для внедрения программы потребуется достаточно много времени, что должно учитываться при планировании времени, однако это может помочь улучшить принятие и устойчивость окончательного варианта программы.

Все виды профилактической деятельности могут быть сгруппированы по различным направлениям: здоровое питание, физическая активность, релаксация, вакцинация и санитарное просвещение. Для детей важно обеспечить возможность отдохнуть в специально оборудован-

ном помещении со световыми эффектами и музыкой, что в Европе называют «Snoezelen» [59]. «Snoezelen» направлена на обеспечение хорошей релаксации у детей, а в настоящее время концепция «Snoezelen» больше предназначена для детей из социально неблагополучных семей как конкретной целевой аудитории [48].

При решении любой медицинской проблемы должны быть определены подходящие целевые группы, выбраны модифицируемые факторы риска, установлены реалистичные цели вмешательства. Оценка является ключевым компонентом любого вмешательства, которое должно не только оценить структуры и процессы, но оценить эффективность программы в соответствии с жесткими научными критериями. Одним из самых сложных этапов является внедрение научно обоснованных модулей вмешательств в практику и достижение их устойчивости [55].

Реализация качественных показателей часто приводит к увеличению приверженности этих мер (эффект Хоторна: то, что измеряется, улучшается). Если соблюдение показателя качества также сильно коррелирует с увеличением желаемого результата здоровья, то увеличение приверженности этому показателю может привести к улучшению здоровья. Тем не менее, степень улучшения может различаться в разных популяциях пациентов из-за таких проблем, как общее состояние здоровья, сопутствующих заболеваний, генетических и экологических факторов [53, 60].

Таким образом, для изменения ситуации в лучшую сторону следует [26] кардинально изменить финансирование детских и подростковых учреждений, разработать и внедрить в образовательных учреждениях новые технологии профилактики и укрепления здоровья учащихся, основанные на повышении функциональных резервов организма.

Литература

1. Абрамович Э. Г. Лечение методом пунктурной рефлексотерапии группы часто болеющих детей в условиях районной поликлиники // Педиатрия. 1998. № 1. С. 109.
2. Алимов В. В., Смирнова Т. Н. Применение иглорефлексотерапии в амбулаторных условиях // Современные технологии диагностики, лечения и профилактики заболеваний в педиатрии: тезисы докл. науч.- практ. конф. М.: Наука, 1998. С. 37–38.
3. Аляутдинова Р. Н. Современное состояние социально-педагогической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья в условиях ДООУ // Вестник университета. Педагогика, психология, право, социология. 2012. № 14. С. 208. М.: Издательский дом Государственного университета управления, 2012.
4. Амлаев К. Р., Койчуева С. М., Махов З. Д., Койчуев А. А. Формирование грамотности в вопросах здоровья. Доказательные рекомендации (обзор) // Профилактическая медицина. №6. 2012. С.25–28.
5. Байгалиев А. В. Импульсное инфракрасное лазерное излучение в ауторезонансном режиме в лечение больных острым вирусным гепатитом В // Вопросы курортологии, физиотерапии и ЛФК. 2010. № 6. С. 24–25.
6. Беляев А. Ф. Восстановительная медицина – новая медицинская специальность // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы реабилитации и восстановительного лечения детей и подростков на Дальнем Востоке». 2003. № 3. С. 89.
7. Бимбаев А. Б-Ж., Баирова Т. А., Тугутова И. В., Дуйбанова Н. В. Использование сенсорной терапии в реабилитации подростков с артериальной гипертензией // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы реабилитации и восстановительного лечения детей и подростков на Дальнем Востоке». Улан-Удэ, 2003. № 3. С. 90.
8. Богданова М. А., Узунова Н. А., Петрушенко С. Ю. Методы физиотерапии в коррекции вегетативной дисфункции у подростков с гастродуоденитом // Физиотерапия, бальнеология, реабилитация. 2010. № 3. С. 27–29.
9. Боголюбов В. М., Пономаренко Г. Н. Общая физиотерапия. СПб.: Медицина, 1998. 315 с.
10. Боев В. М., Утенина В. В., Быстрых В. В. и др. Дисбаланс микроэлементов как фактор экологически обусловленных заболеваний // Гигиена и санитария. 2001. № 5. С. 68.
11. Бочарова В. Г. Социально-педагогическая деятельность как научная категория. М., 2002. 30 с.
12. Винокурова И. В., Литовченко О. Г. Состояние здоровья детей и подростков в образовательных учреждениях города Сургута // Краткие сообщения. Успехи современного естествознания. 2005. № 8. С. 67–69.
13. Горбачева К. В., Кирьянова В. В. Коррекция дисбиоза кишечника с применением СМВ-терапии // Материалы научно-практической конференции «Физиотерапия, санаторно-курортное лечение и реабилитация в детстве». СПб., 2008. С. 15–16.
14. Гусакова Е. В. Влияние высоко- и низкоинтенсивной магнитотерапии на метаболическую активность микрофлоры толстой кишки у пациентов с синдромом раздраженного кишечника // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2010. № 6. С. 24–27.

15. Ефименко Н. В. Озонотерапия в восстановительном лечении больных с синдромом раздраженного кишечника // Вопросы курортологии, физиотерапии и ЛФК. М., 2010. № 4. С. 55–56.
16. Кирьянова В. В., Дудина А. В., Сологуб Т. В. Комплексное лечение острого вирусного гепатита А с применением фотохромотерапии // Нелекарственная медицина. 2008. № 1. С. 34–41.
17. Кобринский Б. А. Мониторинг состояния здоровья детей России на основе применения компьютерных технологий // Вестник Росздравнадзора. Москва, 2010. № 1. С. 16–20.
18. Кожухов М. В., Семикина Е. В., Заброта Н. Н. Сравнительная характеристика состояния здоровья и уровня физического развития детей дошкольного и младшего школьного возраста // Материалы конференции. Современные наукоемкие технологии. Курский государственный медицинский университет. 2005. № 1. С. 65–66.
19. Колупаева Т. В., Коробов А. М., Цодикова О. А. Применение светодиодных технологий для лечения детей с хроническим бронхитом // Нелекарственная медицина. 2009. № 2. С. 42–43.
20. Косницкая Е.А., Транковская Л.В. Обоснование необходимости реабилитационных мероприятий в современной школе // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы реабилитации и восстановительного лечения детей и подростков на Дальнем Востоке». Владивосток, 2003. № 3. С. 92–93.
21. Кузнецов Н. И., Скрипченко Н. В., Ушкова М. К. Физиотерапевтические методы восстановительного лечения и реабилитации детей с инфекционными заболеваниями // Обзор. Журнал инфектологии. Санкт-Петербург, 2011. Т. 3. № 3. С. 5–11.
22. Ли И. Л. Восстановительная терапия у детей и подростков с дорсалгиями // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы реабилитации и восстановительного лечения детей и подростков на Дальнем Востоке». Владивосток, 2003. № 3. С. 94.
23. Литовченко О. Г. Онтогенетические и адаптационные аспекты морфофункционального состояния учащихся г. Сургута в условиях учебной деятельности // Материалы конференции. Успехи современного естествознания. Сургут, 2006. № 2. С. 45.
24. Малиновский Е. Л. Возможности курсовой фотодинамической терапии при оздоровлении часто длительно болеющих детей с хроническими заболеваниями верхних дыхательных путей // Российский вестник фотобиологии и фотомедицины. 2010. № 4. С. 108–120.
25. Маскова Г. С. Эффективность индивидуальной реабилитации часто болеющих детей в условиях детской поликлиники // Поликлиника. 2007. № 1. С. 32–34.
26. Милушкина О. Ю. Состояние здоровья и санитарно-эпидемиологическая характеристика условий воспитания и обучения детей и подростков в Российской Федерации // Здоровье населения и среда обитания. 2003. № 9. С. 1–2.
27. Москвин С. В. Лазерная терапия в педиатрии. М.: ЭСМО, 2010. 479 с.
28. Николаева Н. В. Роль динамической магнитотерапии в реабилитации часто болеющих детей // Педиатрия. 2008. Т. 87. № 2. С. 56–61.
29. Пантюхова Е. А. О некоторых аспектах состояния здоровья, двигательного развития и физической подготовленности воспитанников младшего (7–10 лет) и среднего (11–12 лет) школьного возраста детского дома № 4 г. Омска // Вестник МГОУ. Серия «Педагогика». Омск, 2011. № 3. С. 201–204.
30. Полунина В. В. Комплексная реабилитация длительно и часто болеющих детей с использованием методов рефлексотерапии на амбулаторно-поликлиническом этапе: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М.: РГМУ, 2008. 34 с.
31. Пономарев Ю. В., Глухова Е. З., Пономарева Н. А., Логинова Н. Б. Перспективы применения методов традиционной медицины в педиатрии // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы реабилитации и восстановительного лечения детей и подростков на Дальнем Востоке». Владивосток, 2003. № 3. С. 96.
32. Пономаренко Г. Н. Частная физиотерапия: учебное пособие. М.: Медицина, 2005. 744 с.
33. Смирнова И. Н., Зарипова Т. Н., Антипова И. И. Аэрозольтерапия минеральными водами в лечении больных хроническим бронхитом и бронхиальной астмой // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2010. № 3. С. 18–23.
34. Степанов Е. Г., Ильясова А. А., Шафиков М. А., Фасиков Р. М., Мулдашева Н. А. Состояние здоровья и санитарно-гигиенические условия воспитания и обучения детей и подростков в условиях промышленного города // Материалы конференции. Успехи современного естествознания. Салават, Респ. Башкортостан. 2004. № 8. С. 73–76.
35. Технологическая медицинская реабилитация детей с последствиями перенесенных нейроинфекций. Схема восстановительного лечения. Инструкция по применению. Минск, 2003. 10 с.
36. Улащик В. С. Иммуномодулирующее действие лечебных физических факторов // Медицинские новости. 2006. № 11. С. 8–13.
37. Улащик В. С. О сочетанных методах магнитотерапии // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2010. № 2. С. 3–10.

38. Физиотерапия: национальное руководство / под ред. Г. Н. Пономаренко. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 864 с.
39. Хан М. А., Карпова Е. П., Хоруженко О. В. Галоингаляционная терапия в комплексном лечении детей с острым риносинуситом // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2009. № 6. С. 31–34.
40. Церковная Ю. Е. Курсовая низкоинтенсивная лазерная терапия в комплексе мероприятий санаторного оздоровления детей с хронической патологией бронхолегочной системы // Лазерная медицина. 2007. Т. 11, вып. 3. С. 35–37.
41. Чанков И. И. Фотодинамическая терапия хронического декомпенсированного тонзиллита у детей: автореф. дис. ... канд. мед. наук И.И. Чанков // Томск, 2006. 27 с.
42. Черникова Л. А. Нейрореабилитация: проблемы и пути решения // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2004. № 3. С. 3–10.
43. Шаропова О. В., Царегородцев А. Д., Кобринский Б. А., Воропаева Я. В. Предварительные итоги диспансеризации находящихся в стационарных учреждениях детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // VII Российский конгресс «Современные технологии в педиатрии и детской хирургии»: Материалы конгресса. М.: ОВЕРЛЕЙ, 2008. С. 25.
44. Шиман А. Г., Шабров А. В., Максимов А. В. Физиотерапия заболеваний желудочнокишечного тракта: учебное пособие. СПб.: Изд. «Дизайн», 1999. С. 138–206.
45. Широкова В. И., Царегородцев А. Д., Кобринский Б. А., Воропаева Я. В. Мониторинг диспансеризации детского населения: состояние и задачи по повышению его эффективности // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2009. № 4. С. 4–10.
46. Baum F. In: Quality, Evidence and Effectiveness in Health Promotion. Davies J.K., MacDonald G., editor. London, New York: Routledge; 1998. Measuring effectiveness in community-based health promotion. P. 68–89.
47. Brener N. D., Kann L., Shanklin S., Kinchen S., Eaton D. K., Hawkins J., Flint K.H.; Centers for Disease Control and Prevention (CDC). Methodology of the Youth Risk Behavior Surveillance System-2013. MMWR Recomm Rep. 2013 Mar 1; 62(RR-1):1–20.
48. Deutsche Gesellschaft für Evaluation (DeGEval) Standards für Evaluation. 2009. <http://www.degeval.de/calimero/tools/proxy.php?id=18054>
49. Haerens L., De B. I., Barba G., Eiben G., Fernandez J., Hebestreit A., Kovacs E., Lasn H., Regber S., Shiakou M. Developing the IDEFICS community-based intervention program to enhance eating behaviors in 2 to 8-year-old children: findings from focus groups with children and parents. Health Educ Res. 2008.
50. Iris Pigeot, Stefaan De Henauw, Ronja Foraita, Ingeborg Jahn, and Wolfgang Ahrens Primary Prevention from the Epidemiology Perspective: Three Examples from the Practice BMC Med Res Methodol. 2010; 10: 10.
51. Law J., Zeng B., Lindsay G., Beecham J. Cost-effectiveness of interventions for children with speech, language and communication needs Int J Lang Commun Disord. – 2012 Jan-Feb; 47(1):1–10.
52. Liu L., Johnson H.L., Cousens S., Perin J., Scott S., et al. Global, regional, and national causes of child mortality: an updated systematic analysis for 2010 with time trends since 2000. Lancet. 2012. 379: 2151–2161.
53. Marsh J. L., McMaster W., Parvizi J., Katz S. I., Spindler K. AOA symposium. Barriers (threats) to clinical research. J Bone Joint Surg Am. – 2008;90(8):1769–1776.
54. Modi A. C., Pai A. L., Hommel K. A., Hood K. K., Cortina S., Hilliard M. E., Guilfoyle S. M., Gray W. N., Drotar D. Pediatric self-management: a framework for research, practice, and policy. Pediatrics. 2012 Feb; 129(2):473–485.
55. Patricia L. Kavanagh, William G. Adams, C. Jason Wang Quality indicators and quality assessment in child Arch Dis Child. 2009 June; 94(6): 458–463.
56. Primack B. A., Carroll M. V., McNamara M., Klem M. L., King B., Rich M., Chan C. W., Nayak S. Active video games and health indicators in children and youth: a systematic review. Am J Prev Med. 2012 Jun. 42(6). P. 630–638.
57. Rao C., Adair T., Kinfu Y. Using historical vital statistics to predict the distribution of under-five mortality by cause. Clin Med Res. 2011. 9: 66–74.
58. Rosato M., Laverack G., Grabman L.H., Tripathy P., Nair N., Mwansambo C., Azad K., Morrison J., Bhutta Z, Perry H. Community participation: lessons for maternal, newborn, and child health. Lancet. 2008; 372: 962–971. doi: 10.1016/S0140-6736(08)61406-3.
59. Springett J. In: Evaluation in Health Promotion. Rootman I, Goodstadt M, Hyndman B, McQueen DV, Potvin L, Springett J, editor. WHO Regional Publications; 2001. Participatory approaches to health promotion; P. 83–105.
60. Wang C. J., Elliott M. N., McGlynn E. A., Brook R. H., Schuster M. A. Population-based assessments of ophthalmologic and audiologic follow-up in children with very low birth weight enrolled in Medicaid: A quality-of-care study. Pediatrics. 2008; 121(2): 278–285.

УДК 633.152.577:635.65:633.43

**Черкашина Елена Сергеевна, Лодыгин Дмитрий Николаевич,
Лодыгин Алексей Дмитриевич**

ФЕРМЕНТАТИВНЫЕ ГИДРОЛИЗАТЫ ВТОРИЧНОГО РАСТИТЕЛЬНОГО СЫРЬЯ: АНАЛИЗ АМИНОКИСЛОТНОГО СОСТАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье представлена организация гидролиза соевой муки и кукурузного глютена комплексом ферментов протеолитического и амилолитического действия. Анализ аминокислотного состава полученных гидролизатов и оценка возможных перспектив их использования.

Ключевые слова: соевая мука, кукурузный глютен, гидролиз, ферменты, гидролизат, аминокислотный состав, Протосубтилизи г3х, ЦеллоЛюкс F.

Cherkashina Elena S., Lodygin Dmitriy N., Lodygin Aleksey D.

ENZYMATIC HYDROLYSATES OF SECONDARY PLANT MATERIALS: ANALYSIS OF AMINO ACID COMPOSITION AND PROSPECTS OF THEIR APPLICATION

The article presents the organization of hydrolysis soy flour and corn gluten hydrolysis with complex proteolytic and amilolitic enzymes hydrolyzates: amino acid composition analysis and assessment of possible prospects for their use

Key words: Soy flour, corn gluten, hydrolysis, enzymes, hydrolyzate, amino acid composition, Protosubtilin, CelloLux F.

Современный уровень развития пищевой и перерабатывающей промышленности страны, а также состояние ее сырьевой базы требуют принципиально нового подхода к проблеме использования как первичных, так и вторичных сырьевых ресурсов. На законодательном уровне определены правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение, воспроизводство биоразнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений [1]. В этом аспекте вопрос максимальной переработки вторичных ресурсов АПК становится весьма актуальным. Адекватное решение этой проблемы экономически и экологически выгодно.

Среди вторичного растительного сырья особенно ценными являются побочные продукты крахмало-паточного и масло-жирового производства с высоким содержанием белка, такие как кукурузный глютен и соевая мука. Высокое содержание белка (59 % – соевая мука, 70 % – кукурузный глютен) и его пищевая ценность обуславливают их широкое применение в кормовом и пищевом производстве в качестве источника белка. В отличие от других источников полноценного белка данное сырьё имеет в своем применении ряд ограничений и сложностей, что связано с особенностями структуры белка и сырьевых особенностей.

Белковая фракция сухого кукурузного глютена состоит в основном из зеина, высоко гидрофобного белка, который растворим в изопропанолем или этаноле, и глютелина, который растворим в водных щелочных растворах [2]. В их естественном состоянии они обладают плохой функциональностью по сравнению с другими коммерческими источниками белка, такие как молоко, молочная сыворотка и соя. Это связано прежде всего с их низкой растворимостью в водных системах в условиях pH и ионной силы желудка человека и животных. Большинство белков пищи, как правило, находятся в растворе или в виде суспензии. Таким образом, для широкого применения кукурузного глютена в качестве белковой добавки необходимо повысить его рас-

творимость. В настоящее время проводится немало исследований изучающих вопрос ферментативного воздействия и получения растворимых пептидов [2].

При использовании соевой муки следует учитывать содержание в ней ингибиторов трипсина и трудноперевариваемость белка. Разработаны разные методы снижения ингибиторов: тостирование, экструдирование, обработка СВЧ и другие. Обработка соевой муки протеолитическими ферментами повышает переваримость протеина и доступность аминокислот.

Одним из приоритетных направлений развития отечественной отраслевой науки в области переработки сырья растительного и животного происхождения является разработка принципиально новых, оригинальных процессов и технологий, среди которых первостепенное значение занимает биотрансформация. Перспективным направлением интенсификации биотехнологических процессов в перерабатывающих отраслях АПК является использование высокоактивных биологических катализаторов, способствующих существенному увеличению выхода, улучшению качества и продлению сроков хранения готовой продукции в спиртовой, пивоваренной, кондитерской, хлебопекарной, крахмалопаточной, сыродельческой, мясоперерабатывающей, кормовой и других отраслях АПК [3].

При решении вопроса подбора протеаз в производстве продуктов важное значение имеют их специфичность к определенной пептидной связи гидролизуемого белка, а также активность и стабильность протеаз как функции рН и температуры, присутствие активаторов и ингибиторов, стоимость и возможность приобретения препарата, а также безвредность для человека. Учет этих критериев дает возможность оценки различных по специфичности протеаз при их использовании в промышленности.

Знание химического состава исходного сырья во многом определяет первичный отбор ферментных препаратов. Учитывая значительную массовую долю суммарных белков, а также наличие углеводных фракций в растительном сырье, нами избраны ферментные препараты: Протосубтилин ГЗх, ЦеллоЛюкс F и Панкреатин. Они весьма распространены, стоимость их приемлема, по сравнению с другими ферментными препаратами, все они производятся на территории России, апробированы при получении пищевых, кормовых и технических продуктов, безвредны для человека и животных.

На базе кафедры Прикладной Битехнологии СКФУ была проведена серия опытов, позволивших оценить степень воздействия отдельных ферментов и их комплексов на выбранные источники белка. В ходе исследования были получены гидролизаты соевой муки и кукурузного глютена под действием 1 – панкреатина, 2 – Протосубтилина ГЗх., 3 – ЦеллоЛюкса F.

Для оценки биологической ценности в пищевом аспекте в полученных гидролизатах было определено содержание свободных аминокислот методом ВЭЖХ на хроматографе испытательной лаборатории ГНУ Ставропольский НИИЖК. Содержание свободных аминокислот в гидролизатах сравнивалось с содержанием аминокислот в эталоне, в соевой муке и кукурузном глютене соответственно. На основе полученных данных построены диаграммы на рис. 1 и 2.

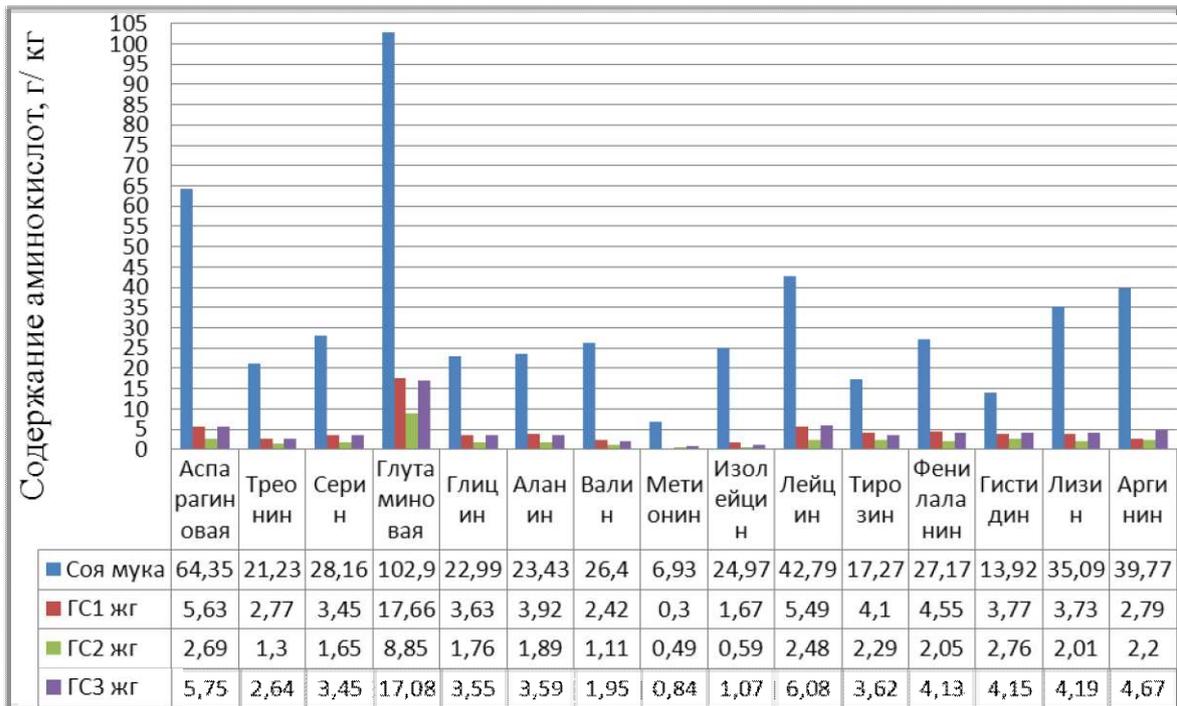

Рис. 1. Аминокислотный состав гидролизатов соевой муки (густая и жидкая фракции) в сравнении с эталоном

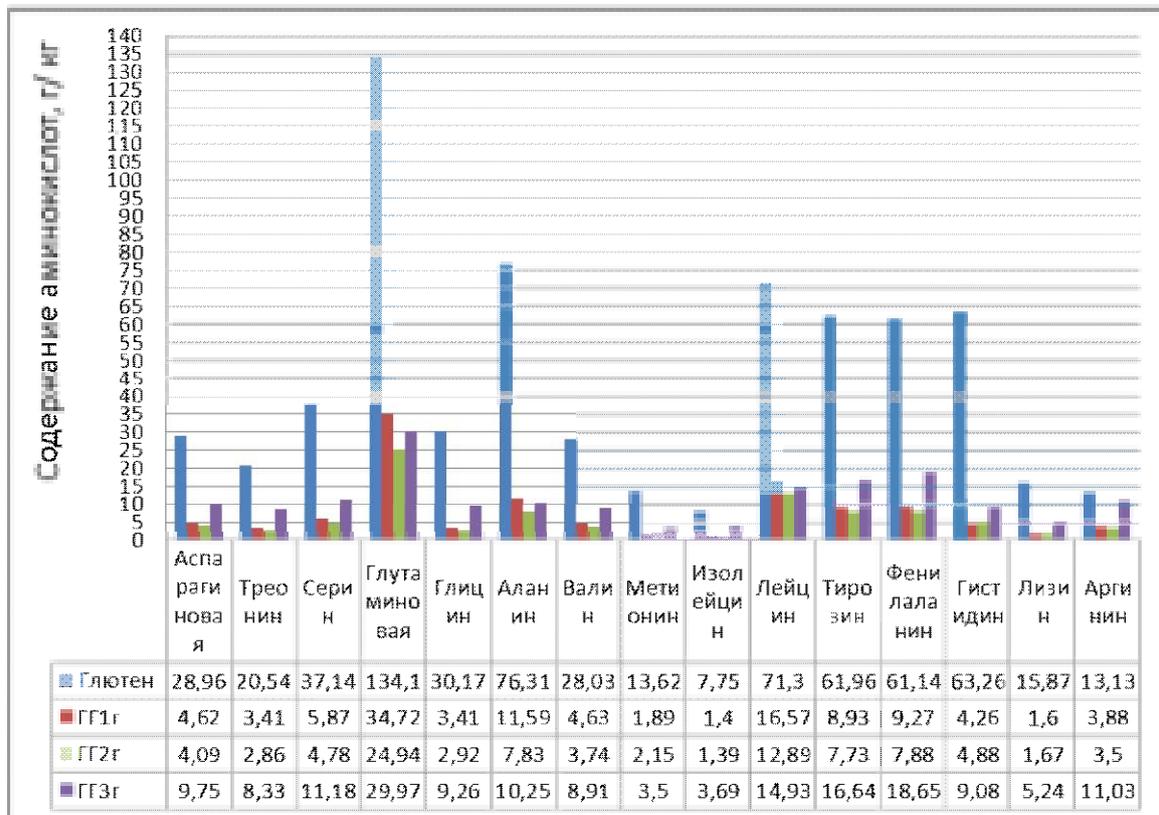

Рис. 2. Аминокислотный состав гидролизатов кукурузного глютена (густая и жидкая фракции) в сравнении с эталоном

Для оценки биологической ценности гидролизованных белков в табл. 1 представлены значения аминокислотного сора и посчитан индекс незаменимых аминокислот (ИНАК).

Таблица 1

Сравнительная оценка биологической ценности гидролизатов соевой муки и кукурузного глютена

Показатель	Белок сои			Белок глютена		
	Гидролизат сои 1	Гидролизат сои 2	Гидролизат сои 3	Гидролизат глютена 1	Гидролизат глютена 2	Гидролизат глютена 3
Аминокислотный сора, %:						
лизин	6,78	3,65	7,62	2,91	0,92	2,88
Метионин + цистеин	0,86	1,4	2,4	5,4	0,75	1,23
треонин	5,04	3,25	6,6	1,36	1,14	3,33
лейцин	7,84	3,54	8,69	11,6	9,02	10,45
изолейцин	4,18	1,46	2,68	0,56	0,56	1,48
фенилаланин + тирозин	14,42	7,23	12,92	10,92	9,37	21,17
валин	4,84	2,22	3,9	2,31	1,87	4,46
Лимитирующие аминокислоты	метионин + цистеин	метионин + цистеин	метионин + цистеин	треонин	изолейцин	метионин + цистеин
ИНАК	0,049	0,028	0,054	0,03	0,02	0,04

Практически все белки растений являются неполноценными, т. к. имеют дефицит незаменимых аминокислот и усваиваются лишь на 62–80 %. Исключением являются белки сои, в состав которых входят незаменимые аминокислоты в пропорциях, близких к животным белкам, и которые после термической обработки, разрушающей ингибиторы протеаз, усваиваются на 86–95 %.[4]. Высокая биологическая ценность белков сои объясняется высоким содержанием незаменимых аминокислот, за исключением метионина.

Таким образом оценивая гидролизаты соевой муки по высвобождению метионина приходим к выводу о более эффективном процессе гидролиза в 3 системе ферментов, что так же подтверждается самым высоким значением ИНАК – 0,054. Наибольшее содержание такой важной аминокислоты как лизин наблюдается в гидролизатах системы 3 и 1, 7,62 и 6,78 % соответственно. Для гидролизатов кукурузного глютена полученных разными комплексами ферментов характерно наличие разных лимитирующих аминокислот: треонин, изолейцин, метионин и цистеин, но гидролизат системы 3 характеризуется самым большим показателем ИНАК 0,04. Наибольшее содержание такой важной аминокислоты как лизин наблюдается в гидролизатах системы 2 и 3, 2,91 и 2,88 % соответственно.

Оценивая полученные данные мы пришли к выводу, что наибольшее количество свободных аминокислот в гидролизате системы 3 обусловлено комплексным воздействием на субстрат протеолитического и целлюлолитического комплексного фермента. Таким образом применение комплекса ферментов приводит к более эффективному гидролизу, чем применение одного только протеолитического фермента.

Полученные результаты можно объяснить тем, что соевая обезжиренная мука и кукурузный глютен представляют собой сырье сложного состава, где помимо белка содержатся высокомолекулярные полисахариды (12,0 % – крахмал, 5,0 % – гемицеллюлоза, и др.) [5]. Присутствие последних в субстрате вероятнее всего оказывало влияние на процесс ферментативного гидролиза белков под действием протеаз. Внесение ферментных препаратов амилолитического, ксиланазного действия повышает степень ферментативного гидролиза белков за счет их высвобождения из связанного состояния и способствует повышению пищевой ценности получаемых гидролизатов.

Таким образом изучена возможность повышения усвояемости соевого и кукурузного белка с применением протеолитических ферментов в комплексе с целлюлолитическими. Проведенные исследования являются основой для создания малоотходной технологии переработки вто-

ричного растительного сырья для применения как в пищевой так и в комбикормовой промышленности. Проведение ферментативного гидролиза белка исследуемых объектов способствует повышению пищевой и биологической ценности продукта за счет увеличения содержания в растворимой части свободных аминокислот и полипептидов различной молекулярной массы. Показано, что продукты ферментативной модификации содержат широкий набор свободных аминокислот, в том числе все незаменимые аминокислоты.

Биотехнологии, основанные на ферментативном катализе, способствуют не только увеличению рентабельности производства и интенсификации технологических процессов переработки сельхоз сырья, но и повышению биологических и потребительских свойств пищевых продуктов и напитков, созданию новых видов продукции, внедрению эффективных методов их производства и хранения, созданию современных биотехнологических комплексов переработки вторичных сырьевых ресурсов перерабатывающих отраслей.

Соевый белок уже давно широко используется как для кормовых, так и для пищевых целей, кукурузный глютен в этом смысле значительно уступает. Но анализ литературы позволил сделать вывод о возрастающем значении кукурузного глютена особенно для комбикормовой промышленности. В настоящее время глютен достаточно широко внедряется в практику производства концентратов и комбикормов для птицы. Благодаря высокой питательной ценности и хорошим физическим характеристикам, применение кукурузного глютена в кормлении птицы в количестве до 10 % к массе корма позволяет повысить ее продуктивность на 4,7–7,1 % [6].

Следует отметить, что кукурузный глютен обладает высокими кормовыми достоинствами не только для птицы, но и для сельскохозяйственных животных (в 1 кг содержится 1,3–1,5 к. ед.). В свиноводстве его используют в рационах хряков-производителей; холостых и супоросных свиноматок, ремонтного молодняка, поросят-сосунов и отъемышей в количестве до 15 %, для беконного откорма – не более 7 %. По имеющимся данным, применение кукурузного глютена в кормлении свиней позволяет экономить около 10 % зерна. Хорошо зарекомендовал себя глютен и в составе комбикормов для крупного рогатого скота при норме ввода до 20 % [6]. Использование глютена кукурузного сухого в качестве высокобелковой, витаминной и энергетической добавки в рацион животных и при производстве комбикормов, обеспечивает высокую и устойчивую продуктивность животных, позволяет уменьшить дефицит белковых кормов.

Таким образом биомодификация белковых систем за счет применения специфических ферментов – один из эффективных путей рационального использования вторичного сырья.

Литература

1. Кухаренко А. А. Некоторые аспекты рационального использования вторичных сырьевых ресурсов на предприятиях агропромышленного комплекса // *Хранение и переработка сельхозсырья*. 2004. № 10. С. 7–8.
2. Mannheim A., Cheryan M. Enzyme-modified proteins from corn gluten meal: Preparation and functional properties // *J. of the American Oil Chemists' Society*. 1992. V. 69 (12). P. 1163–1169.
3. Поляков В. А. Комплексные ферментные препараты целевого назначения для интенсификации биотехнологических процессов в пищевой промышленности // «Биотехнология. Вода и пищевые продукты»: материалы международной научно-практической конференции. М., 2008. С. 232.
4. Устюжанин А. П. Соя в России – стереотипы и реальность: ответы на вопросы редакции специалистов в области мясопереработки // *Мясные технологии*. 2010. № 11 С. 34–40.
5. Трошкова Г. П. Технология получения гидролизата сои с использованием протеолитического фермента бромелайна и оценка ростовых свойств питательной среды на его основе для перевиваемых культур клеток // *Современные наукоёмкие технологии* 2010. № 1. С. 45–47.
6. Ситько В., Рай В. Перспективы использования кукурузного глютена в птицеводстве // *Птицефабрика*. 2007. № 2. С. 7–8.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.42

Авдеев Евгений Александрович, Бударин Евгений Леонидович

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ, КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ

В статье речь идет о динамике социокультурной глобализации, анализируется взаимодействие глобальной и локальной культур. Рассматривается взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном обществе.

Ключевые слова: глобализация, культура, глобальная культура, локальная культура, культурная глобализация, локализация.

Avdeev Evgeny A., Budarin Evgeny L.

DYNAMICS OF CULTURAL GLOBALIZATION: CULTURAL CONFLICT, CULTURAL SYNTHESIS

The article deals with socio-cultural dynamics of globalization, analyzes interaction of global and local cultures. The authors review the relationship of integration and disintegration processes in modern society.

Key words: globalization, culture, global culture, local culture, cultural globalization, localization.

Глобализация является результатом многих социально-экономических процессов, происходящих в современном обществе, связанных, прежде всего с появлением и развитием электронных средств массовой коммуникации, информационных технологий [6, с. 8]. Для обозначения складывающейся новой коммуникационной и культурной ситуации канадский политолог и социолог Маршалл Маклюэн ввел термин «глобальная деревня», созданная социальным «ускорением на всех уровнях человеческой организации» [12, с. 103].

Сегодня глобализация – это не просто идея или проект, а объективная реальность, «глобализация – это новое рискованное предприятие за всю историю человечества. Это движение навстречу новому творению мира» [9]. Глобализация является сложным и многогранным явлением, представляющим собой комплекс процессов, протекающих в различных социальных сферах. «Процессы глобализации, проникающие в экономическую, политическую, социальную, культурную сферы жизни общества, качественно преобразуют характер социокультурного взаимодействия» [7, с. 65].

Внимание большинства исследователей фокусируется на рассмотрении тех или иных аспектов глобализации: экономическом, социокультурном, политическом информационно-коммуникативном. Акцентирование внимания на финансовой глобализации характерно для экономического подхода, социокультурный подход, напротив, предполагает ведущую роль ценностного фактора (в частности, национально-культурной идентичности) в историческом развитии, при этом часто подчёркивается роль культурных и цивилизационных различий как важнейших катализаторов конфликтов в современном мире. Следует подчеркнуть, глобализация — явление значительно большее, нежели совокупность вышеперечисленных аспектов, это прежде всего единая общемировая тенденция, приводящая к трансформации основ социального бытия, не до конца еще осмысленная наукой и общественностью.

Существует точка зрения, разделяемая многими российскими авторами, рассматривающая глобализационные процессы прежде всего как внешние вызовы, представляющие угрозу национальной культуре и государственному суверенитету. Процесс глобализации рассматривается с позиции переноса западных культурных ценностей (прежде всего массовой культуры) и социальных институтов на незападные общества «Претензии на цивилизационную исключительность и превосходство отравляют атмосферу современных международных отношений» [4, с. 33], заставляя представителей других цивилизаций искать способы сохранения своей

культурной идентичности. По словам А. А. Гусейнова, «материальная сфера человеческой жизнедеятельности в современном мире становится все более интегрированной и единой в масштабе человечества. А этико-культурная, духовная сфера остаётся разделённой, более того: традиционные, прежде всего религиозные и национальные линии размежеваний, обостряются. Таково фундаментальное противоречие нашей эпохи» [8].

Социокультурная глобализация – глобальная культура. В современной научной мысли нет единого мнения относительно того, какой из аспектов глобализации рассматривать в качестве определяющего. В трудах американского социолога М. Кастельса на первое место выносятся информационно-технологическая революция, формирование глобальной сетевой экономики и переход к информационному обществу. Английский социолог Э. Гидденс акцентирует внимание на информационной и коммуникационной революции, в более общем плане — на трансформации в обществе представлений о времени и пространстве (дистанция пространства и времени), трансформации суверенитета «национального государства» – его «размывании» в пользу наднациональных и локальных структур. Английский социолог и специалист по глобализации Р. Робертсон считает определяющими глобальные культурные изменения, осознания мира как целого.

Рассмотрение глобализации в культурном аспекте актуализирует проблему соотношения глобальной (по своему происхождению западной) и локальной культуры. В культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры [3, с 142–144]. Интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Объективность процесса глобализации, повышение комфортности существования человека часто скрывают негативные следствия, сопряженные с этим. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной – процессы дезинтеграции, в частности процессы «*национальной дезинтеграции*» [2, с. 396–398; 9].

Влияние глобализации на локальные культуры. Рассмотрим основные подходы к осмыслению проблемы влияния глобализации на локальные культуры, последствий культурной глобализации. Можно выделить три основные научные школы, дающие различную оценку культурной глобализации, гиперглобалистов, скептиков и трансформистов.

Гиперглобалисты (К. Омаз и др.) рассматривают глобализацию как процесс гомогенизации мира на основе современной глобальной культуры, подчеркивается уменьшение влияния национальных государств, которым отводится роль переходных организаций для управления экономикой.

Скептики (С. Хантингтон и др.) указывают на сохраняющееся и растущее в современном мире различие между локальными культурами. Так, по словам Хантингтона, «политика в мире после холодной войны впервые в новейшей истории стала многополюсной, и полицивилизационной. В современном мире определяющими становятся различия в сфере культуры, а не в идеологической, политической или экономической сферах соответственно [11, с. 10–17]. Национальные государства остаются основными игроками на международной арене, но их поведение продиктовано, прежде всего, цивилизационно-культурными различиями. Геополитические границы различных цивилизаций (линии разлома) представляют собой области возникновения конфликтов. Наиболее долгосрочные и трудноразрешимые конфликтные факторы относятся к сфере культуры. Источники современных вооруженных конфликтов следует искать, прежде всего, в области цивилизационно-культурно-цивилизационных различий.

Трансформисты (П. Бергер, Р. Робертсон и др.) полагают, что процесс смешения культур приводит к появлению культурных гибридов и новых глобальных культурных сетей. Термин «глокализация», введенный Р. Робертсоном, описывает одновременно существующее сегодня сочетание локальности, возрастания роли национальных культурных традиций, и стирания существовавших прежде пространственных и культурных границ. Глобализация приводит не столько к появлению единого мирового социокультурного пространства, сколько к появлением взаимосвязанных и взаимопределяющих разнородных социальных пространств (культурных, экономических, политических), выходящих за рамки «национального государства». Из трансформистской концепции вытекает трансформация понимания пространства в современном мире или «детерриторизация» – сме-

щения акцента с географической определенности пространства на множество его значений, обусловленных прежде всего социальными и культурными связями.

Таким образом, понимание глобализационных процессов в культуре прежде всего как тенденции к гомогенизации и унификации мировой культуры, представляется односторонним. Не менее важное значение имеет противоположная тенденция дифференциации и плюрализации культур; под влиянием западной глобальной культуры происходит трансформация локальных культур – их «креолизация». В данном контексте актуальной представляется подход «вызова» и «ответа» П. Бергера: «вызов» исходит из глобальной культуры (по своему происхождению — прежде всего западной, американской) и распространяется во всем остальном мире, как на уровне элит, так и на уровне широких масс. Ответом является, соответственно, «принятие» или «отрицание», возможны так же промежуточные состояния: «синтез» и «сосуществование» [1, с. 26–28; 5, с.10–15].

Таким образом, на современном этапе, глобализационные процессы в области культуры характеризуют ряд противоположно направленных тенденций: формирование и распространение общемировой глобальной, а так же взаимовлияние различных культур, приводит к релятивизации культурных смыслов и ценностей. Реакцией является актуализация самобытности локальных культур, субнациональных и субэтнических структур. Происходит взаимопроникновение глобальной и локальной культур, синтез новых культурных образований.

При рассмотрении феномена глобализации следует учитывать тенденцию к децентрализации, выраженную в снижении влияния Запада в культурном, политическом и экономическом аспектах. Имеет место явление «обратной глобализации», или, по выражению Э. Гидденса, «колониализации наоборот» (*reverse colonisation*), в рамках которого люди перемещаются из отсталых регионов мира – стран Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии – в глобализированные города, такие как Лондон и Париж, Франкфурт и Рим, Мадрид и Амстердам, что способствует распространению незападных ценностных ориентиров в западных обществах [10]. Таким образом, смысловые и символические формы той или иной культуры, сегодня, утрачивают определенную территориальную обусловленность. Взаимовлияние различных культур приводит к формированию единого глобального культурного мультикультурного поля

Проблема культурной глобализации может быть определена как проблема соотношения, взаимодействия и столкновения ценностных систем. Взаимодействие глобальной и локальной культур приводит к трансформации локальных культур, культурному синтезу, актуализации процессов регионализации. Столкновение ценностных систем зачастую приводит к вооруженным конфликтам на этнической, религиозной, национальной почве, основу которых составляют цивилизационные и культурные различия.

Глобализация в культурном аспекте приводит к трансформации традиционного жизненного уклада; ответом является актуализация самобытности той или иной традиционной культуры, зачастую, проявляющейся в форме скрытого или открытого противостояния как по цивилизационной линии Запад – Восток, так и внутри отдельных государств.

Литература

1. Авдеев Е. А., Бакланов И. С. Социокультурная идентификация: формирование социокультурных ориентиров личности в условиях глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: «СибАК». 2013. №12 (32). С. 26–32.
2. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема формирования этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том 4. С. 396–408.
3. Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2013. № 2. С. 142–145
4. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. Москва: Логос, 2005. 350 с.
5. Бергер П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Москва: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
6. Бударин Е. Л. Архитектурно-планировочные особенности индивидуального жилого дома в Ставропольском крае // ФЭН-НАУКА. 2012. № 6. С. 8–10

7. Васильева Е. Ю., Ерохин А. М. Роль культуры и культурной идентичности в преодолении социальных рисков // Наука. Инновации. Технологии. 2012. № 1. С. 64–69.
8. Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы [Электронный ресурс]. Вестник БАЕ. 2009. № 1. Режим доступа: <http://www.rsl.ru/ru/s3/s17/s232/s2323405/>.
9. Мантатов В. В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего [Электронный ресурс]. Журнал: Век глобализации. 2009. №1. Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129945/>.
10. Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 7.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. АСТ, Мидгард, 2007. 576 с.
12. М. McLuhan. Understanding Media: The Extensions of Man / McLuhan M. N. Y, 1967. 378 p.

УДК 9.93.93/94

Бродникова Марина Николаевна

МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

В статье дается характеристика одного из основных методов работы органов политической полиции России, используемых в конце XIX – начале XX вв. В статье рассматривается подбор, процесс приема на службу и обучения агентов наружного наблюдения. Детально анализируется регулирование действий филеров при выполнении ими обязанностей по наблюдению.

Ключевые слова: наружное наблюдение; филеры; политическая полиция; Департамент полиции; Особый отдел; губернские жандармские управления; охранные отделения.

Brodnikova Marina N.

MODUS OPERANDI OF THE POLITICAL POLICE IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES. SURVEILLANCE

The article describes one of the main working methods of the Russian political police, used in the late XIX – early XX centuries. The article discusses the selection process for recruitment and training of agents surveillance. Regulation of action is analyzed in detail in the execution of spies oversight responsibilities.

Key words: surveillance, spies, political police, Police Department, Special Section, provincial gendarmerie, security department.

Распространенным во второй половине XIX в. методом политической полиции было «филерское наблюдение», которое представляло собой секретное наружное наблюдение, устанавливаемое для выявления лиц, занимающихся революционной и преступной деятельностью [10, с. 9]. Служба наружного наблюдения была создана задолго до Департамента полиции, однако в изучаемый период стала более организованной и профессиональной. Организация и ведение наружного наблюдения в губерниях находились компетенции ГЖУ и охранных отделений. В состав отдела наружного наблюдения охранного отделения входил руководитель – заведующий. В штате также были должности участковых квартальных надзирателей, которые занимали агенты, наводившие справки об интересовавших охранку лицах. Вокзальные надзиратели присутствовали при прибытии и отправлении поездов. Самыми распространенными сотрудниками были филеры – агенты, непосредственно наблюдавшие за подозреваемыми лицами и предоставлявшие начальству подробные сведения об их передвижении, действиях и контактах [12, с. 32]. В ГЖУ организация наружного наблюдения находилась в компетенции начальника и помощников управления, которые подбирали кадровый состав и осуществляли руководство агентурой.

О каждом кандидате, изъявившем желание поступить на службу в отдел наружного наблюдения, предварительно наводились подробные справки [6, с. 428]. В соответствии с инструкцией по ведению наружного наблюдения, «филер должен быть политически благонадежным, твердым в своих убеждениях, честным, трезвым, ловким, сообразительным, выносливым, терпеливым, настойчивым, осторожным, уживчивым, серьезно и сознательно относящимся к делу и принятым на себя обязанностям, не болтливым, крепкого здоровья, с хорошим зрением, слухом и памятью, обладать внешностью, которая не давала бы ему возможности выделяться из толпы и устраняла возможность его запоминания наблюдаемыми лицами». Рекомендовалось выбирать людей из строевых запасных нижних чинов, предпочтительно унтер-офицеров не старше 30 лет. Преимущество также имели кавалеристы, разведчики, служившие в охотничьих командах и имевшие награды за разведку, отличную стрельбу. Запрещалось брать на службу филерами поляков и евреев [2, д. 68, л.1–9]. Кроме официальных рекомендаций руководства, у каждого руководителя существовали свои способы и методы подбора и обучения агентов наружного наблюдения. В этом отношении представляют интерес сообщения начальника Московского охранного отделения полковника фон Коттена, который отмечал: «При выборе людей я обращал внимание: 1) на возраст, выбирая по возможности людей не старше 30 лет; 2) рост, безусловно, не принимая людей высокого роста и отдавая предпочтение лицам ниже среднего роста; 3) зрение, выбирая людей с хорошим зрением; 4) отсутствие каких-либо явных заметных физических недостатков, как, например, хромота, горбатость и т. п.» [11, с. 379].

На протяжении некоторого периода времени новичок проходил предварительную подготовку, в ходе которой изучался его характер, и оценивались способности к дальнейшей службе. Если кандидат оказывался пригодным, ему разъясняли, что такое государственное преступление, кто такой революционер, какими средствами революционные деятели достигают своих целей, доказывали несостоятельность революционных идей. Он усваивал задачи и обязанности филера. Фон Коттен использовал следующую методику подготовки агентов наружного наблюдения. Для тренировки кандидатов на первом этапе проводилось так называемое, «комнатное обучение». Оно начиналось с заучивания порядка изложения примет. Для облегчения запоминания изготавливалась специальная таблица большого формата, на которой с помощью наклеенных букв был изображен порядок изложения примет [13, с. 46]. Параллельно обучаемым объяснялась терминология, которой следовало придерживаться при описании примет. Для выработки умений в теоретическом обучении использовались следующие разнообразные задания. Начальник последовательно вызывал каждого из обучаемых на середину комнаты и предлагал остальным письменно описать его приметы, добиваясь однообразия в оценке отдельных примет [11, с. 379]. После письменного изложения следовало устное описание примет. Затем кому-либо из обучаемых предлагалось указать на ошибки в сделанном описании. Далее будущим агентам предлагалось описать приметы кого-либо из отсутствующих лиц, принадлежащих к составу отдела. Важным моментом в предварительной подготовке филеров было знакомство обучаемых с различными формами одежды, наиболее часто встречающимися при ведении филерского наблюдения. Особое внимание уделялось форменному обмундированию учащихся высших учебных заведений. Для более успешного усвоения использовались таблицы, на которых были прикреплены форменные значки на фуражках, петлицы, наплечные знаки, пуговицы, цвета околышей, воротников, брюк и кантов. Далее фон Коттен описывает обучение так называемому «взятию по приметам». С этой целью начальник вызывал двух-трех человек в соседнюю комнату и давал задание: описать приметы кого-либо из оставшихся в комнате товарищей, затем предлагал одному из обучаемых решить, чьи приметы описаны.

Параллельно с теоретической проводилась практическая подготовка. Новичкам давали задания детально изучить город, проходные дворы, трактиры, пивные, сады, скверы с их входами и выходами, а также время прибытия и отбытия поездов. Надо было знать маршруты трамваев, места стоянок извозчиков и их таксу, расположение название и время занятий в учебных и других общественно значимых заведениях. Будущие филеры изучали расположение фабрик и заводов, начало и окончание их работы, форму чиновников и учащихся в данном населенном пункте. Филер ежедневно предоставлял заведующему наблюдением полученные накануне знания

в письменном виде для оценки степени пригодности его к филерской службе. Для выработки необходимых навыков наблюдения фон Коттен давал задание наблюдать за кем-либо из опытных филеров, который по инструкции первое время ходил по улицам спокойно, делая лишь изредка так называемые проверки. После того, как обучаемые приучались незаметно следовать за ним, штатному филеру рекомендовалось смешиваться с толпой, переходить с конки на конку, ездить на пароходах, курсирующих вдоль реки и каналов, пользоваться дворами, постепенно усложняя приемы, применяемые для «сбрасывания наблюдения». Надо заметить, что обучение было поверхностным, ознакомительным [11, с. 380].

После предварительной подготовки новичков посылали в настоящее наблюдение. Филеров назначали в наблюдение нарядами, по несколько человек в каждом, как правило, более опытный был в этой группе старшим [6, с. 427]. Филерам выдавались особые именные билеты с фотокарточкой. Эти билеты предъявлялись при необходимости чинам полиции, если требовалось их содействие при аресте наблюдаемого лица. При себе у филера имелась памятная книжка (дневник) для записей действий и контактов поднадзорных лиц. В дневнике имелись графы: «кличка», «установка», «местожительство», «от кого взят», «с кем виделся», «куда заходил», «кого посетил и когда». Все эти сведения тщательно записывались, выяснялись сведения о лицах, с которыми контактировал объект наблюдения, и в заключении составлялась картограмма, на которой схематично изображались все связи и контакты поднадзорного лица [9, с. 12]. После дежурства, как вспоминает начальник Петербургского охранного отделения П. П. Заварзин, «каждый вечер филеры собирались в канцелярии розыскного учреждения и составляли письменные сообщения о том, кого они видели и что сделали за день. Также при вечерних докладах, обучаемым разъяснялось, правильно ли они поступали в том или ином случае. Затем, получив указания и распоряжения на следующий день, филеры расходились по домам» [6, с. 427].

В инструкциях по ведению наружного наблюдения подробно расписывалось, как должен вести себя филер в различных ситуациях, и какие действия с его стороны были недопустимы. Так агенту, назначенному в наблюдательное дежурство (пост), указывалось место, откуда необходимо начать наблюдение, описывались приметы лица, за которым назначено наблюдение, выдавались его фотографические карточки, сообщалось время появления или ухода [10, с. 9]. Филер должен был вести себя конспиративно, избегать знакомств в месте наблюдения. Он одевался, так же, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом из общей массы жителей. Следуя за наблюдаемым человеком, филер должен был изучить его походку, характерные движения. Чтобы остаться незамеченным, и при этом рассмотреть лицо наблюдаемого, рекомендовалось пользоваться людными улицами, базарами. Во всех остальных случаях строго запрещался всякий визуальный контакт с объектом наблюдения. При встрече наблюдаемого с другими людьми рекомендовалось запомнить и их приметы, в частности, лицо, одежду. Кроме того, следовало обращать внимание на характер встречи (условный, случайный, товарищеский, формальный и т. д.), на продолжительность разговора, передачу каких-либо предметов. Находясь в продолжительном наблюдении у дома, где живет объект, филеру рекомендовалось изучить проживающих в этом доме, чтобы отличать жильцов от посетителей. С особой осторожностью предписывалось вести наблюдение за местами, где предполагалось расположение лаборатории, типографии или склада с оружием. В данном случае рекомендовалось осуществлять наблюдение из снятой квартиры или ставить конное наблюдение [8, с. 603].

Для сопровождения наблюдаемых лиц в поездках дальнего следования филеры командировались в другие города. Как правило, для более успешного выполнения задания командировалось не менее двух агентов [8, с. 593]. Филеры, выехавшие для наблюдения, при первом удобном случае должны были телеграфировать заведующему. Телеграммы должны были носить конспиративный характер и маскировались под торговую или деловую корреспонденцию [1, с. 350]. В случае переезда поднадзорного лица, наблюдение передавалось филерам местных охранных отделений и ГЖУ, о чем филер, начавший наблюдение, докладывал начальнику местного охранного ведомства. Среди филеров встречались так называемые «брандеры» – лица, которые проводили «силовые» наблюдения. Эти агенты следили за кем-либо демонстративно, открыто. Это была своеобразная «тактика отпугивания» молодых участников кружков и органи-

заций от революционной работы и профилактика лиц, не представляющих интереса для дальнейшего розыска. Подобный «силовой» филерский прессинг «приклеивания», использовался и по отношению к опытным подпольщикам, если на определенном этапе необходимо было ограничить их деятельность [5, с.114]. Применялись в работе царской охранки и различные способы конспирации. Так, во избежание провалов рекомендовалось иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т.п. [8, с. 597]. В столичной филерской службе часто использовался грим [11, с. 372].

Департамент полиции прилагал серьезные усилия, чтобы расширить круг деятельности филеров, настаивая на том, что благодаря умело поставленному наружному наблюдению можно во многих случаях достигнуть весьма успешных результатов в борьбе с революционными организациями. В связи с этим число агентов наружного наблюдения неуклонно возрастало. По мнению П.П. Заварзина по всей России действовало более 1000 агентов наружного наблюдения. Наибольшая концентрация филеров наблюдалась в столицах и городах со значительным количеством рабочего населения и студенчества. В столицах ежедневно в наряде находилось от 50 до 100 человек [6, с. 431]. В других городах численность агентов наружного наблюдения была значительно меньше, например, в Баку насчитывалось 12 чел., в Вильно – 15, Екатеринославле – 15, Иркутске – 30, Киеве – 25, Минске – 12, в Тифлисе – 30 [7, с.121–131]. В губерниях число филеров варьировалось от 6 до 40 чел. В провинции, вопреки рекомендациям руководства Департамента полиции, которое настаивало на использовании профессиональных филеров, при нехватке вольнонаемных агентов к работе по наружному наблюдению привлекались жандармские унтер-офицеры. Что касается филерского наблюдения за границей, то, принимая во внимание, что иностранные державы не имели права ведения розыска на территории другого государства, наружное наблюдение осуществлялось секретно и частным образом, сводясь к выяснению отдельных лиц и сопровождению транспортеров, террористов и пропагандистов при их поездках по железным дорогам и пароходам. Это было редкой практикой. На территории Европы осуществляли наблюдение всего несколько филеров, число которых иногда увеличивалось для исполнения особых задач командированием из Петербурга необходимого числа этого рода агентов [6, с. 431].

Агентурная деятельность филеров оплачивалась ежемесячно. Жалованье филера составляло от 25 до 120 руб. в месяц. Сумма менялась в зависимости от квалификации агента. Наиболее опытные агенты наружного наблюдения, знавшие иностранные языки, имевшие опыт работы по наиболее видным деятелям революционного движения, старшие филеры получали от 100 до 120 рублей. Кроме того, прослужившим более одного года агентам полагалась надбавка от 10 до 20 рублей. За успешное выполнение служебных обязанностей, хотя и редко, выдавались награды, сумма которых не превышала 100–120 руб., а в исключительных случаях – 500 рублей [3, д. 80, ч. 19, л. 33]. Следует отметить, что филеры как вольнонаемные служащие не пользовались никакими служебными правами, в случае потери кормильца их семьи не обеспечивались пособием, хотя быть филером было небезопасно [11, с. 368–369]. Эта профессия была одной из самых презируемых во всех слоях российского общества. Часто агенты наружного наблюдения подвергались жестоким расправам со стороны населения [4, с. 34–35]. Особенно увеличилось число покушений на филеров после революции 1905 года. Для обеспечения безопасности своей наружной агентуры в период революционных событий филерам начали выдавать личное огнестрельное оружие [11, с. 361].

Несмотря на стремление Департамента полиции усилить наружное наблюдение, ряд исследователей отмечает снижение уровня эффективности наружного наблюдения к концу первого десятилетия XX века. В ряду комплекса причин такого положения была смена руководства службы в связи с уходом в отставку знаменитого заведующего наблюдением всей империи Е. П. Медникова. Сюда можно отнести и громкую огласку методов и приемов филерской слежки в журнале В. Бурцева «Былое» в 1909 г., который опубликовал на его страницах «Инструкцию» по ведению наружной слежки. Низкая эффективность слежки была связана с совершенствованием способов выявления наружного наблюдения и отрыва от слежки революционерами. Сказывался и низкий общеобразовательный уровень значительной части филеров, карьера которых в значительной мере зависела от врожденных качеств личности. Непопулярность, даже

постыдность филерской службы в представлениях большинства населения отталкивали от нее наиболее способных и морально устойчивых людей. Поэтому-то среди филеров было распространено пьянство, пристрастие к азартным играм и сомнительным удовольствиям [11, с. 362]. Несмотря на все эти издержки, добываемые филерами сведения представляли для Департамента полиции большую ценность. Через наружное наблюдение шла разработка данных секретной агентуры, уточнялись и проверялись сведения, полученные иными путями. С помощью наружного наблюдения охранная структура во многих случаях успешно раскрывала опаснейшие предприятия революционных организаций. Обнаруживались тайные типографии, фабрики взрывчатых веществ, задерживались пропагандисты противоправительственных учений, захватывались транспорты революционной литературы, предупреждались террористические акты.

Литература

1. Васильев А.Т. Охрана. Русская секретная полиция // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т.2. М., 2004. 600 с.
2. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102.ОО.1905.
3. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102.Ои.260.
4. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. 204 с.
5. Джанибебян В. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000. 395 с.
6. Заварзин П. П. Работа тайной полицией // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. 600 с.
7. Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей (По документам Парижского архива Заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918. 75 с.
8. Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения // Жандармы России / сост. Измозик В. С. СПб.: М., 2002. 640 с.
9. Ирецкий В. Н. Охранка: Страницы русской истории. Пг., 1918. 28 с.
10. Красный А. Тайны охранки, М., 1917. 15 с.
11. Фомушкин А. Ф. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880–1917) // Жандармы России / сост. Измозик В. С. СПб.: М., 2002. 640 с.
12. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. 67 с.
13. Школа филеров // Былое, 1917. № 3 (25).

УДК 930.2

Василенко Виктория Валерьевна

ПРОБЛЕМА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА В ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ П. СОРОКИНА

Статья посвящена анализу проблемы историко-культурного процесса в интегральной концепции П. Сорокина. Рассматриваются вопросы соотношения понятий исторический и культурный процесс, освещаются ключевые элементы теории историко-культурного процесса. Показана роль теории историко-культурного процесса в современном научном историческом знании.

Ключевые слова: исторический процесс, культурный процесс, П. Сорокин, интегральная концепция, интегральная методология, динамика, К. Маркс, эволюция, линейный процесс.

Vasilenko Victoria V.

THE PROBLEM OF HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES ON THE INTEGRAL CONCEPTION OF PITIRIM SOROKIN

In this article we can see the problems of correlations of historical and cultural processes. We can think so about the example of conceptions, famous Russian philosophers of 20th century P. Sorokin. They show us the role of theories a historical and cultural progress in modern historical meaning.

Key words: historical process, cultural process, P. Sorokin, integral conception, integral methodology, dynamics, C. Marks, evolution, lineal process.

Проблема историко-культурных изменений в научном историческом знании принадлежит к числу фундаментальных. Именно поэтому её разработкой в той или иной мере занимались практически все выдающиеся исследователи истории. Результаты этих исследований имеют прикладной характер не только в области истории, но и в различных сферах социальной и культурной практики. Особенно актуальной проблема историко-культурного процесса становится тогда, когда в связи с резкими переменами, происходящими в обществе, возникает необходимость в осмыслении, прогнозировании и моделировании разного социокультурных процессов.

Как справедливо заметила современный авторитетный теоретик истории М. Ф. Румянцева «в структуре исторической теории всегда присутствуют представления о ... движущих силах исторического процесса, даже если её автор не осмысливает некоторые её составляющие» [6].

Изучение истории через культуру сегодня представляется одним из самых интересных и востребованных направлений историографии. Однако, анализируя явления прошлого, исследователи чаще ориентированы на описание исторического процесса через уникальные явления и факты. С другой стороны, если под культурой понимать результат человеческой деятельности, включая и сами способы этой деятельности [4], то внимание к культурному процессу предполагает при всем понимании уникальности исторического события, не считать его главной и неизбежной особенностью.

Говоря о значимости теории, современный английский историк Д. Тош отмечает, что «создание гипотез, подлежащих проверке на соответствие имеющимся фактам, представляет собой один из способов «самосохранения» историка от бессознательного подчинения своих интерпретаций прошлого собственным субъективным взглядам... гипотеза – не только результат предварительного анализа конкретного исторического эпизода; в ней, как правило, находят отражения и некоторые общие представления о природе общества и культуры. Другими словами, историческая гипотеза является конкретным применением теории» [15].

В самом общем виде теории делятся на два вида: теории, связанные с природой самого общества (К. Маркс) и теории, основанные на постижении смысла истории через культуру (П. Сорокин, А. Тойнби).

Когда речь идет не просто о культурных изменениях, а об изменениях, в которых имеет место интегрированная целостность и направленность, когда можно проследить определенные закономерности и повторения, а также учитывается, что культура является содержательным аспектом социальной жизни людей, то следует говорить о социокультурной динамике, основания к пониманию и объяснению которой заложил выдающийся мыслитель XX в. П. Сорокин. При детальном анализе произведений П. Сорокина в интегральной концепции обнаруживаются все необходимые составляющие теории истории. Интегральная методология позволяет выявить не только, каким образом происходят изменения в истории, но и определить направленность этих изменений.

Известно, что П. Сорокина как социолога в первую очередь интересовали повторяющиеся события в истории. В идеализированном объекте познания – социокультурной системе он видел две интеракции: социальную, как взаимодействие двух или более индивидов («клетка бытия») и культурную, как совокупность ценностей, значений, норм, придающих смысл этому взаимодействию. В своем фундаментальном труде «Социальной и культурной динамике» он указывал на главную исследовательскую задачу – «...показать, что... типы ментальности на самом деле существовали в истории; ... сочетание элементов и сопутствующих свойств... в каждом типе» [7, с. 81].

Теория социокультурной динамики как составная часть интегральной концепции представляет собой гипотезу историко-культурного процесса, т.е. целостной интегрированной структуры, в которой каждый элемент обусловлен рядом факторов, играет определенную роль и имеет функциональное назначение. Детерминанты динамики *исторического процесса* П. Сорокин, в отличие от традиционных историков, видел в *культурных силах*. Причинно-следственные связи между событиями у П. Сорокина образованы не личными мотивами людей, а событиями культурного процесса. Историко-культурный процесс, с точки зрения П. Сорокина, – это результат взаимодействия людей по объективации и социализации ценностей, значений и норм. Систему значений – норм – ценностей, лишенных человеческого взаимодействия, которое является непосредственным их носителем, П. Сорокин считал мертвой социокультурной системой. «Мы знаем много цивилизаций: египетская, шумерская, вавилонская, хеттская, эллинская, инков ... системы значений их религиозные, эстетические, судебные, политические и экономические системы. Археологи открыли огромное количество средств этих систем значений. И все же как эмпирические системы – они мертвые мумии, потому что на протяжении веков не было людей, которые пользовались бы этими системами и заставляли бы их функционировать. Тогда они были утрачены, отчасти потому, что многие умерли, или, как правило, потому, что последующие поколения древних египтян или вавилонян или шумерян перестали ими пользоваться, быть носителями и поддерживать функционирование этих систем, системы умерли, превратившись в окаменевшие мумии» [16]. Если взаимодействия между людьми на основе ценностей – значений – норм не происходит, то с точки зрения П. Сорокина говорить о социокультурной системе не приходится.

Еще до высылки из России им была воспринята идея «*изменения*», высказанная А. Лаппо-Данилевским. Так, в 1914 г. в своем первом научном труде «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» П. Сорокин указывал на то, что «исторические тенденции идут не прямолинейно, несмотря на свое постоянство, а дают временные повышения и понижения» [12].

В 1922 г., в рецензии на учебник марксистской социологии Н. Бухарина П. Сорокин указывал на то, что «формальные по существу возражения вызывает и проблема динамизма в истории в трактовке гр. Бухарина. Из его изложения получается впечатление, что будто бы динамический принцип: «все изменяется» и «все стоит в связи со всем» есть черта, специально присущая «диалектическому методу»... гр. Бухарин... знать ничего не хочет о повторениях в истории, с одной стороны, с другой – рисует весь исторический процесс подобием какого-то плац-парада, где общества переходят смиренненько из одной стадии в другую, пока не придут к вечной пристани коммунистического рая, приуроченного им автором и долженствующего наступить «неизбежно». Такие концепции приходится признать метафизическими. Если бы никаких повторений в истории не было, и если бы неповторяющийся в целом исторический процесс не состоял из повторяющихся элементов, то нужно было бы проститься с возможностью формулировки законов общественной жизни, в том числе и законов развития. Последние возможны только то-

гда, когда в сериальном ряду... есть повторения. Без него... никакие «тенденции» не сформулируешь. Как неповторяющаяся в целом история земли, или солнечной системы, или организма не мешает существованию повторяющихся явлений (например, смены дня и ночи, времен года...), так в историческом процессе есть множество повторяющихся явлений, что и дает возможность открытия и формулировки закономерности» [8].

В американский период творчества идея изменения и отрицания прогресса была развита. На эту особенность его теории обращает внимание зарубежный исследователь Р. Перин. Он пишет: «История П. Сорокина связана не с развитием, где акцентируется в первую очередь прошлое как генеалогия случаев и людей, а на более или менее бесконечные последовательности изменений... История общества или цивилизации таким образом становится разворачиванием постоянных свойств или потенциалов» [17].

Напомним, создавая теорию социокультурной динамики, П. Сорокин руководствовался целью постижения современных процессов, но в ходе исследования пришел к выводу, что «ни об одном уникальном историческом событии нельзя рассказать, не предположив, явно или неявно, что многие его существенные черты повторяемы» [9, с. 85–86]. В «Социальной мобильности», предваряющей «Социальную и культурную динамику» П. Сорокин ввел понятие *социальной мобильности* как «любого перемещения индивидуального или социального объекта или ценности... из одного положения в другое» [9, с. 490]. Особое значение в истории он придавал вертикальной мобильности, осуществляющейся в виде восходящих и нисходящих потоков. В зависимости от интенсивности различаются подвижные (мобильные) и иммобильные (неподвижные) типы обществ и периоды в истории. Вместе с тем, с точки зрения П. Сорокина, «мобильное общество *прогрессирует* более интенсивно, чем иммобильное» [9, с. 490]. Это положение он подтвердил разнообразными историческими фактами, отмечая: «Когда в стране, в которой сословия на протяжении длительного времени существовали изолированно друг от друга, они внезапно смешиваются и социальная циркуляция вдруг становится интенсивной, такие периоды отмечены значительным ростом экономического благосостояния страны. Примерами могут служить Афины времен Перикла, республиканский Рим после победы плебеев, Франция после революции 1789 г., Англия времен Кромвеля, Германия в период Реформации, Италия после 1870 г. ... вслед за усилением мобильности, наблюдавшейся после эпохи Перикла, последовал не рост, а снижение уровня благосостояния Греции – таких случаев история знает немало. Этот социальный процесс, как и многие другие, имеет предел, по достижении которого корреляционная связь исчезает» [9, с. 490–491].

Интенсивность меняется в историческом времени. В истории любого общества существует *ритм*, в соответствии с которым более или менее мобильные периоды сменяются периодами относительно иммобильными. Мобильность с точки зрения П. Сорокина оказывает влияние на социокультурные процессы, обуславливая перемены в организации социокультурных систем, изменении социальных норм, нравов, поведенческих стереотипов, т.е. «...является фактором, который сокращает долговечность культуры, разрушает её целостность, способствует её дезинтеграции и тем самым сокращает срок жизни соответствующего общества или социального института» [9, с. 495]. Одним из наиболее ярких примеров влияния интенсивной мобильности в истории, является стремительный распад греческой и римской культур вследствие вертикальной и горизонтальной мобильности. И хотя отдельные компоненты этих культур прочно вошли в состав средневековой культуры как уникальные сочетания культурных черт (социокультурный облик), обе цивилизации прекратили свое существование уже в первые столетия Средневековья. В противоположность западной цивилизации, восточной (Индия, Китай) свойственна в большей степени способность сохранения своей культурной целостности и своего социального облика за счет относительной иммобильности. Развивая эту мысль в работе «Социальная и культурная динамика», П. Сорокин выявил «*социокультурные флуктуации*», то есть время от времени повторяющиеся в истории процессы. К ним относятся как «только неповторимые черты этих процессов», так и «*повторяющиеся аспекты*» [7, с. 102].

П. Сорокина был убежден, что любой «историк-уникалист», «впускает через заднюю дверь понятия «повторение» и «повторяемость», которые пытался не пустить через парадную. Великая симфония жизни «делает ставку» на бесчисленное количество отдельных процессов,

каждый из которых, подобно морской волне, повторяется только во времени или только в пространстве, или во времени и в пространстве, периодически или непериодически, с короткими или длинными интервалами. Долго ли, коротко ли, в одной и той же социальной системе или в разных, будь то процесс количественный или качественный, или же это перемещение в пространстве, или процесс, идущий во всех направлениях, – но он достигает своей «точки насыщения», после чего зачастую идет в обратном направлении» [7].

Трактуя «процесс» как «...любого вида движения, модификации, преобразования, перестройки или «эволюции» [7, с. 105], П. А. Сорокин выделил составляющие, по которым можно наблюдать и описывать динамический процесс: 1) *единицу* (изменяющаяся или находящаяся в процессе социокультурная система); 2) *временные отношения* (социальное время); 3) *пространственные отношения* (социальное пространство с его собственной системой координат); 4) *направление* (длительность, последовательность, количественная и качественная направленность).

Начало и конец процесса он связывает с сохраняющейся возможностью идентификации «единицы» (социокультурной системы), находящейся в процессе. «Момент, когда идентификация единицы становится невозможной, является точкой, в которой процесс заканчивается, когда же мы обнаруживаем появление новой единицы, которая, насколько позволяют судить наши знания, до этого не существовала, начинается новый процесс» [7, с. 107], – отмечает П. Сорокин.

Исторический процесс как развитие и смену социокультурных систем П. Сорокин объяснял с помощью гипотезы социальной и культурной динамики через флуктуации культурных стилей. *Социокультурная динамика* или, *изменение*, по П. Сорокину, включает в себя «способы появления социокультурной системы, длительность ее существования, изменение, разрушение и возникновение другой» [7, с. 45]. Свою типологию интегрированных культур он основывал на их «собственной ментальности, собственной системе истины и знания» (философии, религии, искусстве, нравах, законах, правилах поведения, экономики, политики, типе человеческой личности). «Все эти ценности, одинаково присутствующие и в той и в другой культуре... в рамках каждой из культур... тесно прилажены друг к другу, будучи связаны логически, а зачастую и функционально» [16].

Поскольку природу культурных типов П. Сорокин определял ментальностью (внутренним аспектом), то и источник динамики он видел в самой культуре. Данная гипотеза проверялась на широком фактическом материале античной (греко-римской) и западной цивилизаций более чем за 25 веков их истории.

Под влиянием М. Ковалевского П. Сорокин последовательно придерживался плюралистической теории факторов. Признавая роль внешних факторов, он считал, что в определенный момент темпы историко-культурного процесса могут быть слегка ускорены или замедлены внешними обстоятельствами. И всё же, объяснения изменениям в социокультурной системе он находил не только и не столько во внешних факторах, сколько внутри самой социокультурной системы, отмечая, что «...неправильно интерпретировать любую подлинную систему всего лишь как игрушку внешних условий...» [7, с. 54].

Он выступал с критикой в адрес марксистов, обвиняя их в серьезной методологической ошибке экономической интерпретации истории через возведение экономического фактора в первопричину изменений во всех частях культуры. Он писал: «...если данная культура является единством, в котором экономический, религиозный, демографический и другие составные элементы суть только отдельные части, то объяснение изменений в ней с помощью подобного выделения главного фактора будет таким же малоуспешным, как и объяснение изменений человеческого организма при переходе от детства к половой зрелости увеличением роста или каким-нибудь подобным «фактором» [9, с. 55].

Историко-культурный процесс по П. Сорокину – это смена «глубоко различных типов интегрированной культуры, каждый из которых обладает собственной ментальностью...» [9, с. 56]. В этой части теории также ощутимо влияние А. Лаппо-Данилевского, усматривающего в типологических обобщениях один из способов образования общих понятий при номометических построениях истории. В «Методологии истории» А. Лаппо-Данилевский отмечал, что «историк-социолог превращает законы комбинаций психических факторов в типизацию их,

но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятие... о племенном (или, в более узком смысле, о национальном типе) и понятие о культурном типе (данного периода)... в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе – преимущественно в пространстве» [5, с. 139]. Культурный тип по А. Лаппо-Данилевскому – это общее для данной социальной группы состояние сознания, где устанавливается «некое психическое отношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры» [5, с. 149, 158]. Предостерегая от типологического обобщения в теоретическом конструировании, он писал: «Всякий тип есть наше построение, а всякий продукт культуры – есть результат индивидуальной деятельности... тип есть всегда относительное обобщение... есть понятие растяжимое, и объем типа может быть разным» [5, с. 158]. А. Лаппо-Данилевский считал, что «...пользуясь типологическим приемом обобщения, историку следует иметь в виду, что тип есть его построение, а не действительность; понятие типа, если он идеальный, не обозначает реально данной вещи; лишь репрезентативный тип может обозначать конкретный факт; но и последний в отношении к остальным случаям данной группы все же будет только идеальным» [7, с. 57].

Типологическим приемом воспользовался и П. Сорокина. Мыслительные и смысловые элементы, лежащие в основе любой логически интегрированной системы культуры, он рассматривает с двух сторон: внутренней и внешней, где «первая относится к сфере внутреннего опыта, существующих либо в виде хаотических и бессвязанных образов, идей, стремлений, ощущений и эмоций, либо в виде упорядоченных систем мышления, сотканных из этих элементов внутреннего опыта» [5, с. 157–158]. Не имея возможности останавливаться на подробной характеристике типов интегрированной культуры, приведем примеры, дающие представления о ходе мысли социолога в отношении отдельных исторических периодов. Так, о средневековой культуре он пишет: «...интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность и сверхчувственность божества. Бога вездесущего, всемогущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека» [7, с. 48]. Начиная с XVII в., включая весь XX в., «чувственное общество живет в настоящем и ценит только настоящее. Так как прошлое необратимо и уже более не существует, а будущее еще не наступило, тем более что оно всегда неясно, то только настоящий момент реален и желанен. Отсюда... осознаются ценности только настоящего» [10]. По мнению П. А. Сорокина, «Бог и религия были выброшены за борт. Подобно ценностям Царства Божьего, их признают только на словах, реальное же значение они утратили» [11]. Чувственная фаза, согласно П. Сорокину, сопровождается выходом негативной человеческой энергии – кровопролитными войнами, восстаниями, проявлениями жестокости, вандализма, культом силы, погоней за призрачными ценностями.

Как таковых в чистом виде типов культуры, с точки зрения П. Сорокина не существует, «все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений этих двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых – второй; в каких-то они оба смешаны в равных пропорциях и на одинаковом основании. Наряду с условно «чистыми» типами суперсистем существует несколько смешанных типов, из числа которых логически интегрированным является только *идеалистический*, смешанный или интегральный тип, представляющий собой «сбалансированный синтез обоих чистых типов» в различных комбинациях.

В идеалистическом (или интегральном) типе культуры основным принципом выступает понимание истинной реальности как неопределённого многообразия, которое выступает в виде сверхрациональных сверхчувственных, рациональных и чувственных форм, причём эти формы неотделимы одна от другой. Идеалистический культурный менталитет ориентирован на позитивные ценности (высокие нравственные идеалы). С точки зрения П. Сорокина, он появляется в истории тогда, когда в мировоззрении людей особым образом переплетаются материалистические и религиозно-идеалистические взгляды и ценности. Реальность рассматривается либо

как многосторонность, содержащая аспекты вечного бытия и становления, либо как чувственная реальность. Основные потребности и цели существуют либо как материальные, подчиненные духовным, либо как чисто физические, с полной или небольшой степенью их удовлетворения. Способами удовлетворения потребностей служат методы изменения себя и внешнего мира, уживающиеся с пассивной терпимостью ко всем ударам и лишениям, со сведением к минимуму духовных и физических потребностей в результате примирения. По сравнению с основными типами, длящимися в истории несколько столетий, идеалистический, как некий идеальный баланс существует сравнительно короткое историческое время: один – два века.

Каждый из описанных П. Сорокиным типов социокультурных систем является преобладающим и наиболее характерным в тот или иной исторический период. В реальной же действительности существуют всегда все три типа, при резком доминировании одного. Развиваются и иные формы, не интегрированные в целостную систему. С течением времени господствующая мировоззренческая система стремится занять монопольное положение, полностью вытесняя другие основные принципы. По мере убывания удельного веса доминирующего типа на смену постепенно приходит другой тип.

Таким образом, с помощью гипотезы социальной и культурой динамики, смысл которой состоит в колебаниях трех основных типов социокультурных систем, П. Сорокин объясняет весь историко-культурный процесс. На основе данной гипотезы им была осуществлена не только реконструкция западноевропейской истории, но и выявлены тенденции. В самом общем виде основная тенденция или закон мировой истории, по мнению П. Сорокина, состоит в бесконечном чередовании, волнообразном изменении, флуктуации, переходе от *идеациональной* к *чувственной, идеалистической* социокультурной системе. Всеобщий характер изменений является закономерностью социокультурного процесса.

Исходя из принципа *прерывности и пульсации социокультурных процессов*, П. Сорокин вывел ряд теоретических положений о том, что модификация процесса зависит от резкости изменений, что одновременное изменение в двух направлениях прерывает процесс более заметно, чем к одному направлению, что по мере угасания ментальной доминанты, процесс завершается и начинается новый и др.

Основанием для классификации процессов у П. Сорокина выступают принципы направления и смысла. В повторяющихся процессах и повторяющихся аспектах процессов он различал: *линейный процесс* (непрямолинейный в осциллирующем, спиралевидном и разветвляющемся типе), *нелинейные, циклические процессы* (в абсолютном и относительном типе) и *вариантно* или творчески *повторяющийся процесс*. В абсолютно циклическом процессе последняя фаза данного повторения возвращается к своей первой фазе, и цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого, в то время как в относительном – присутствуют некоторые отклонения от предыдущих траекторий.

Доказав, что к историческому процессу относятся повторения, не являющиеся «абсолютно идентичными и последовательные стадии которых не всегда линейные или циклические, неизменные или регулярные, но – разные... в одном звене движение может быть однолинейным, в другом – осциллирующим, в третьем – циклическим, в каких-то ещё – криволинейным» [9, с. 91], данный подход является одним из самых широких в истории социальной мысли. П. Сорокин не приписывает историческому процессу никакой постоянной тенденции и направления, которому они должны неукоснительно следовать. Он не предполагает, как трактуют некоторые исследователи, что будто социальные и исторические процессы всегда должны развиваться или по прямой, или по спирали, или же циклически, или каким-то другим единственным образом и в одном-единственном направлении. Некоторые социальные процессы в целом, а другие частично, действительно развиваются по прямой линии, но в ограниченных пределах, вне которых они то описывают петли, то совершают нерегулярные осцилляции, а где-то принимают волнообразные и другие различные формы» [9, с. 92], – пишет П. Сорокин. Если смысл и направление линейного процесса не меняются, то в абсолютно циклическом процессе последняя фаза данного повторения возвращается к своей первой фазе и цикл начинается снова, проходя прежний путь (в относительно циклических процессах траектория следующего цикла не совпадает полностью с траекториями циклов предыдущих). Вариант-

но повторяющийся процесс основан на повторениях, которые не являются абсолютно идентичными, его стадии всегда разные (линейные и циклические, нерегулярные и регулярные). П. А. Сорокин последовательно реализует плюралистическую методологию, усвоенную еще в российские годы, характеризуя *вариативный вид процессов как фундаментальный*, самый широкий и богатый. «Поскольку социокультурные процессы столь же разнообразны, как и сама жизнь, столь же творчески богаты, как самый высокий человеческий гений, было бы странно, если бы на деле они оказались столь бедными в творческих вариациях и следовали только по одному пути, в одном направлении, описывали бы одну траекторию, по которой захотел бы их пустить ограниченный или вздорный теоретик» [9, с. 109], – отмечал П. Сорокин.

П. Сорокин вводит принцип *имманентной причинности* или, саморегуляции процессов, согласно которому «если единица интегрирована, то изменение в направлении процесса обусловлено не только и не столько вмешательством внешних сил, сколько внутренними силами самого процесса и характером самой единицы» [9, с. 111].

Несмотря на внимание П. Сорокина к повторяемости явлений, нельзя согласиться с некоторыми современными отечественными исследователями, связывающими его имя исключительно с традицией циклизма. Так, академик Ю. В. Яковец указывает на то, что «...главный вклад Питирима Сорокина в формирование школы русского циклизма (включая русских ученых, творивших в эмиграции) состоит во всестороннем, пионерном исследовании социокультурных циклов. Причем сферу действия этих циклов он понимает широко – включая не только культуру, науку, этику и право, религию, но и экономику и политику, охватывая по сути дела всю структуру общественных отношений и духовной жизни» [17]. Аналогичной точки зрения придерживается Л. Н. Захарова [3]. При отнесении теории социокультурной динамики П. Сорокина к циклическим теориям, ограничивается ее эвристический потенциал. Сам ученый теорию вариативного повторения противопоставлял концепциям «линеаристов» и «циклистов», считая их ошибочными [9, с. 781]. Более того, он отмечал, что «если мы не приемлем концепции, основанные на идее периодичности и «циклическости» в исследуемой нами области, то еще более решительно должны отвергнуть все «линейные» концепции, господствующие с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX столетия» [7, с. 712].

Об этом неоднократно писал И. Голосенко: «Считать Сорокина простым циклистом... будет несправедливым» [1], ссылаясь, в том числе и на мнение близкого друга и коллеги П. Сорокина, американского социолога Н. Тимашева [14]. При всем том, что П. Сорокина действительно интересовало *повторяемое в истории*, циклы не являлись целью его познания.. Достоверной, по мнению П. Сорокина, является та теория, согласно которой в мире происходит «*непрерывное изменение*» главных повторяющихся тем и которая включает в себя как частный случай все перечисленные концепции» [7, с. 781]. «Последние либо не признают предела в данном направлении или же вынуждены утверждать, что направление изменяется постоянно (поскольку процесс развивается циклически), но в целом процесс снова и снова повторяет тот же самый или прежний цикл. Концепция вариантного повторения, наоборот, считает, что многие процессы в течение какого-то времени происходят без сколько-нибудь заметного изменения их направления, но что рано или поздно тенденция достигает своего предела, после чего процесс уклоняется в сторону по новому пути [7, с. 93]. Он утверждал, что в чистом виде «...ни циклично-периодические, ни линейные теории... не применимы к истории человечества или истории любой отдельной страны» [7, с. 652], исторический процесс претерпевает «вечно новые вариации старых тем», «история в целом никогда не повторяется, и совокупный исторический процесс имеет уникальный исторический аспект в каждом своем моменте» [7, с. 653]. Это значит, что, помимо флуктуации и цикла, П. Сорокин признавал и другие общие тенденции, такие как *эволюцию* (накопление, рост). С другой стороны он отрицал идею исторического прогресса, отмечая, что: «...было бы гораздо правильнее совсем выбросить термин «прогресс» из научного обихода» [13, с. 152–153], так как она «опровергается «уродливыми фактами» [13, с. 713]. Будучи противником теорий линейного прогрессивного развития и поступательной эволюции общества и культуры, П. Сорокин в своем стремлении к синтезу и возможности уловить динамичность историко-культурного процесса все же находил рациональное применение идеям линейности.

Таким образом, в интегральной концепции социокультурное изменение представляет собой сложный многоплановый процесс, который имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования. Концепция П.Сорокина представляет собой иной по сравнению с марксистской методологией, «концептуальный аппарат» [2], где вместо единственной детерминанты развития общества (способа производства), выдвигается ряд факторов его динамики. Гипотеза П. Сорокина расходится как с позитивистским, так и с марксистским пониманием исторического процесса. Предложенная П. Сорокиным особая система координат построения исторического процесса через культуру и ценности позволяет взглянуть на историю под другим, отличным от марксистской методологии углом зрения.

Для современных исследователей интегральная концепция и теория социальной и культурной динамики представляют эффективный познавательный инструмент, позволяющий более глубоко понимать историко-культурный процесс, тем самым, расширив границы истории и позволив ей «анализировать важные социальные системы, их образование и разрушение, взаимосвязи друг с другом и с внешним миром» [11, с. 57].

Литература

1. Голосенко И. А. Проблема кризиса общества и культуры в социологии Питирима Сорокина // Российская социология. М., 1997. С. 131.
2. Гуревич А. Я. Подводя итоги... (Теория и практики исторического познания, сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия) // XX век. В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 60.
3. Захарова Л. Н. Культура как саморазвивающаяся система // Первый Российский культурологический конгресс: Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 230.
4. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1998.
5. Лашю-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. М.: РОССПЭН, 2010.
6. Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002. С. 32.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
8. Сорокин П. А. Бухарин Н. И. (1888–1938). Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии // Экономист. 1922. № 4. С. 210.
9. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1991. С. 470.
11. Сорокин П.А. Социологические теории современности. – М., 1992. – С. 36.
12. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиги и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914. С. 11.
13. Сорокин П. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. Что такое прогресс? СПб., 1914. С. 152–153.
14. Тимашев Н. Г. Научное наследие П.А. Сорокина // Новый журнал. 1968. Кн. 92. С. 281.
15. Тош Д. Стремление к истине. как овладеть мастерством историка. М., 200. С. 185.
16. P.A. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1937–1941. V. 1–4. V. 4. P. 47.
17. Perrin R. G. Sorokin's Concept of Immanent Change. Sorokin and Civilization: a Centennial Assessment. New Brunswick, London, 1996. С. 105.

УДК 347.6(470.57)

Гниятуллина Гашура Гиниятулловна

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА БАССР: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА В 1917-1937 гг.

В статье рассматриваются особенности становления законодательной базы советской семейной политики в 1917-1937 гг. в Башкирской АССР. Анализируются содержание и применение правовых актов государства в отношении семьи. Автором была предпринята попытка показать, как менялась законодательная деятельность государства в области семьи и брака в течении двадцати лет, на примере конкретного региона.

Ключевые слова: Башкирская АССР, семья, брак, многоженство, калым, умыкание, декрет, загс, кодекс, постановление.

Gniyatulhna Gashura G.

LEGAL FRAMEWORK FOR FAMILY POLICY BASHKIR ASSR IN 1917-1937-th

The article examines the peculiarities of the legal framework of the Soviet family policy in 1917-1937 gg. in the Bashkir ASSR. Analyzes the content and application of legal acts of the state. The author has attempted to show how the legislative activity of the state in the field of marriage and family for twenty years.

Key words: Bashkir ASSR, family, marriage, polygamy, bride-price, kidnapping, decree, registry office, Code, Resolution.

Победа октябрьской революции в 1917 г., приведшая к власти большевистскую партию, вызвала в советском государстве большие социально-политические и экономические изменения. Перемены коснулись и брачно-семейного законодательства. Мы рассмотрим становление законодательной базы семейной политики на примере Башкирской АССР.

Особенностью автономной республики являлось наличие национальных, культурных и религиозных традиций, которые оказывали немаловажное влияние на быт и брачное поведение граждан республики. «Родовые пережитки прошлого» в виде многоженства, калыма, умыкания невест, женитьбы на несовершеннолетних и т. д. являлись тормозящим фактором в деле раскрепощения женщин, особенно мусульманок. Поэтому семейная политика в БАССР была направлена прежде всего на искоренение этих пережитков.

Основными формами законодательных актов семейной политики стали декреты и постановления государственно-партийных органов. Первые декреты ВЦИК И СНК «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» от 18 декабря и от 16 декабря 1917 г. «Распоряжение брака» [1, с. 337, 247] затронули только некоторые аспекты семейных отношений. Принятый в сентябре 1918 г. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [2, с. 314] урегулировал эти отношения практически полностью.

До революции функции «регистраторов» брака, смерти и пр. выполняло духовенство, которое получало за это вознаграждение от населения. Теперь же все эти функции государство брало на себя, учредив для этого ведомственную структуру – отделы записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Несмотря на все неблагоприятные условия, в которых создавались отделы ЗАГС, в начале 1920-х гг. их по Уфимской губернии насчитывалось около 215, а в далеких от центра губернии-города Уфы, районах они еще долго не функционировали, если даже и создавались. На территории Башпреспублики были учреждены Центральный ЗАГС при административном отделе БНКВД, кантонные органы при административных отделах кантисполкомов, волостные органы при волостных исполнительных комитетах и сельские органы при сельских советах [8, с. 39]. В это период перед государственными органами возник вопрос о дате признания официальности и законности метрических актовых записей и церковных определений о растор-

жении брака. Центрозагс 14 октября 1919 г. разослал по ведомству циркуляр о законной силе всех свидетельств, выданных религиозными или соответствующими им организациями не позднее 31 декабря 1917 г., а также метрические документы (с той же ограниченной датой выдачи) о религиозных браках, совершенных не позднее 20 декабря 1917 г. [33].

В 1920-х годах шла бурная дискуссия о роли семьи и регистрации брака в коммунистическом обществе. Судя по взглядам того времени, в будущем семья как институт должна была исчезнуть, а вместо нее предлагалось «парное сожителство мужчины и женщины до момента исчезновения симпатии» [19]. В обществе ходили различные слухи о «свободной любви» и «общности жен» [13, с. 115]. Либеральные идеи, исходившие из центральных городов советской страны, оказались актуальными и в регионах. Проводниками этих идей в массы стали работники женотделов, которые в целях раскрепощения женщины от семейных уз и быта вели специальную пропаганду. Им вторили юристы, которые утверждали, что регистрация брака – это пережиток времени [9]. Но смысл регистрации брака в ЗАГСе объясняли тем, что при разделе имущества легче распределять имеющееся какое-либо имущество у супругов [27]. В условиях Башкирии партийными органами уделялось большое внимание работе среди женщин. Это было связано с тем, что женщины были неграмотны и сильно подвержены религиозному влиянию [7]. Велась мощная, но в то же время очень деликатная антирелигиозная агитация, чтобы население постепенно отвыкало от религии и соблюдения религиозных обрядов в быту, чтобы «деревня не пошла за попом...» [31]. Шла ломка патриархального крестьянского менталитета. Главный упор был направлен на раскрепощение «националок» (имеются в виду башкирки и татарки - в советской башкирской историографии – Г.Г.).

Одним из местных особенностей Башкирской АССР, было наличие неизжитых родовых пережитков, характерных дореволюционному быту. Особыми циркулярами правительства они были запрещены на основании статей 68 и 79 брачного права РСФСР еще в 1918 г., и в 1922 г. ст. 4 Гражданского Кодекса [11, с. 81–82]. К ним относится многоженство, характерное для мусульманского населения Башкирии, хотя по республике встречалось и среди русского населения. Оно сохранялось и после революции 1917 г. вплоть до 1940–1950-х годов. Отсюда борьба с многоженством являлась одной из первоочередных задач партийно-советских органов БАССР. Другим бытовым явлением, также противоречившим основам советского брачного права, была дача калыма, или выкуп невесты за имущественную ценность (скотом и пр. имуществом). Предлагавшиеся родителями невесты условия о калыме зачастую были для жениха непосильными, вследствие чего калым являлся препятствием к вступлению в брак молодых людей, особенно когда жених был из бедной семьи [30]. Женитьба на несовершеннолетних и умыкание (кража) невест также были частым явлением того времени. Второй сессией ВЦИК С1 созыва в 1924 г. был принят закон о наказуемости двоеженства и многоженства для некоторых национальных республик, в том числе и для Башкирской АССР. Закон этот вошел в качестве 232 ст. УК в 1С главу о бытовых преступлениях для АБССР. Декрет ВЦИК по Башреспублике был введен фактически в жизнь с 16 ноября 1924 г. И вот с этого времени органы суда и следствия вели судебную борьбу с преступлениями являющимися пережитками родового быта [26].

1 января 1927 г. вступил новый Кодекс о браке, семье и опеке. К переработке кодекса 1918 г. побудил ряд условий экономического и бытового характера. За 9 лет существования советской власти семейный быт стал претерпевать изменения – старый Кодекс не мог уже регулировать отношения, понадобились новые регулирующие нормы. Особенностью кодекса явилось то, что фактический брак был уравнен с юридическим, внебрачные дети получили такие же права, что и дети, рожденные в браке. Разработка кодекса началась еще в 1923 г. Первоначальный проект не был принят и в 1925 г. его вынесли на всенародное обсуждение. При обсуждении проекта Кодекса и его доработки вносились предложения из разных регионов советской страны. Это позволило учесть в нем местные специфические особенности брачно-семейной сферы [8, с. 40].

Обсуждение проекта Кодекса по республике вызвало большой резонанс. Заметную роль в обсуждении проекта среди населения выполнили женотделы, которые вели активную деятельность в популяризации Кодекса. В связи с наболевшей проблемой многоженства, калыма и т. п. добавления касались запрещения и наложения ответственности лицам, совершившим эти

виды преступлений [10]. Много вопросов возникало в ходе обсуждения проекта кодекса по поводу брачного возраста. Кодекс устанавливал брачный возраст для обоого пола – 18 лет. Работники женотдела приходили к выводу, что новый Кодекс для Башкирии не подходит, так как де-вушек-башкирок чаще всего отдавали замуж в 15–16 лет, а в 18 лет она считалась уже старой, поэтому они опасались, что в деревнях не будут ждать до 18 лет и будут венчаться у мулл [36], как и происходило в действительности.

Башнаркомостом были рассмотрены все предложения и внесены коррективы. Вместе с тем БашЦИК постановил внести в Кодекс пункт о необходимости предоставления при регистрации брака удостоверений о здоровье брачующихся [11, с. 98]. Присланный проект постановления ВЦИК и СНК от 28 декабря 1926 г. был БашСНК принят, с некоторыми общими замечаниями, за исключением о дополнении 66 ст. Земельного кодекса, из которого вытекало, что в случае осуждения мужчины (одного из членов двора) за двоеженство или многоженство или за вступление в брак с лицом не достигшим половой зрелости, жены имели право на выдел имущества из двора мужа. Ввиду того, что женщина по своей воле шла второй, третьей женой, то закон в этом случае мог стать стимулирующим фактором в развитии многоженства. Поэтому, опасаясь увеличения многоженских браков, дополнение к статье 66 Земельного кодекса не было принято [32].

Многоженство, в частности двоеженство встречалось не только у представителей тюрских народов республики, но и у русских, мордвы, латышей и др. Поэтому надлежало бороться и с этим явлением среди населения. Башнаркомост постановил, что караться за многоженство в АБССР должны будут не только башкиры, но и все без различия национальности. И в то же время закон распространялся только на браки, заключенные после его издания, не затрагивая прежде возникших и сложившихся отношений [24]. Несмотря на циркуляры Башнаркомюста, о недопустимости многоженства и насильственных способов заключения браков, данные отчетов и рапортов Наркомата юстиции показывают, что среди населения также продолжалось заключения вторых браков при сохранении первого, обычай умыкания и калыма [36]. Материальная необеспеченность вынуждала женщин заявлять на собраниях, чтобы правительство за двоеженство мужей их не преследовало. В одной из волостей республики насчитывалось 500 вдовствующих женщин. Многие из них испытывали большие трудности и выход – идти во вторые жены для них был неизбежен [12].

Новый закон, карающий за многоженство, на местах еще плохо выполнялся. Решения судов игнорировались таким образом, что во всех случаях мужья после суда продолжали сожительствовать со своими двумя, тремя женами [3]. Некоторые мужчины признавались, что если он одну из жен выгонит, то ее некуда просто отправить [2]. В 1926–1927 гг. поступило всех дел по бытовым преступлениям в Народные суды: в 1926 г. – 8854 дел, в 1927 г. – 18973 дела, таким образом, шло увеличение дел по многоженству, следовательно, старый быт крепко держался еще [33].

Башглавсуд в 1930 г. поставил вопрос перед Наркомюстом РСФСР об усилении меры социальной защиты по отдельным статьям из главных бытовых преступлений, указав, что статьи, карающие за бытовые преступления в условиях национальной республики отличаются мягкостью и не могут являться мерой предупредительной [4].

Однако законодательство 1926 г в области семьи и брака было преждевременным для отсталой страны. Свобода, данная женщине, существовала всего лишь на бумаге, ее никто не освобождал от семейных обязанностей. В 1925 г. в отдаленной волости Тамьян-Катайского кантона на собрании одна крестьянка выступила со словами: «Я согласна и верю тому, что советская власть нас освободила и предоставила право, но не верю тому, чтобы этими правами пользовались все женщины, так как я знаю, что это право у многих женщин находится в руках их мужей» [34]. Экономическая зависимость от мужчины и традиционный взгляд на роль матери и жены делали женщину жертвой новых законов. Особенно мусульманская женщина до сих пор оставалась под гнетом религиозных канонических и национальных традиций.

Для популяризации поправок к Уголовному кодексу и актам гражданского состояния, уже утвержденных на второй сессии ВЦИК XI созыва, и в целях их популяризации среди населения была развернута сеть бюро юридической помощи. Они создавались при женотделах и при органах Наркомюста на местах. Бюро юридической помощи был придан характер не только кон-

сультаций, принимающих заявления, жалобы и дающих ответы, но и опорного пункта пропаганды идей нового быта, борьбы с пережитками патриархально-родового строя, религиозных традиций и обычного права. С этой же целью ставились театральные инсценировки для населения в виде показательных судов. В деле регулирования вопросов проведения судебных дел и жалоб, связанных с семейно-брачными и бытовыми отношениями, привлекали к этой работе в качестве нарзаседателей, правозаступниц и прокуроров в нарсуды, бюро юридической помощи и ЗАГСы женщин, в их числе из коренного населения, также знающих быт и местные условия нерусских народов [23]. По своему характеру дела были алиментные - 52%, затем дела о телесных повреждениях и насилиях над личностью - 11,4%. При этом нужно отметить, что в действительности количество подобных дел было значительно больше, так как истицы по алиментным делам являлись и потерпевшими по вышеуказанной статье. Под страхом неполучения алиментов они отказывались от возбуждения уголовных дел [25].

В волостях юридическая помощь была сосредоточена при справочных столах избчитален, где принимали участие и работники суда. Помощь выражалась в даче советов, написании заявлений и т.д. Большинство обращений касалось алиментов на детей и жену, исков о расторжении браков, разделе имущества [30]. В начале обращения были со стороны женщин русской национальности, а башкирок, татарок и женщин других национальностей было меньше [20]. В женотделы ежедневно приходили десятками брошенные мужьями женщины, прося защиты и помощи [22]. Статистика разводов была высокая. Как писали работники женотдела, «разводов уйма. Слово перебесились... разводятся даже прожившие всю жизнь (лет по 20), все суды переполнены делами о разводах, дележа имущества и алиментах на ребенка. В деревне целый кадр «брошенных» [21]. В воспоминаниях юриста Е. А. Княжинской, работавшей в те годы в бюро, были случаи, когда мужчины приходили за разрешением иметь вторую жену и т.д. [13, с. 99]. Инициатива разводов в подавляющем большинстве была со стороны женщин. Прошедший в 1935 г. 1 Всебашкирский съезд женской молодежи постановил повести «самую решительную борьбу с многоженством, каждый подобный поступок клеймить позором, подвергать решительному осуждению среди комсомольцев и беспартийной молодежи, позорящий звание советского гражданина...» Перед правительством Союза был поставлен вопрос о дополнении законодательства суровыми мерами наказания за частые разводы как скрытую форму многоженства [17]. Агитационно-пропагандистская работа в области популяризации семейного права и регистрации брака в отделах ЗАГС постепенно давала свои результаты. Население понемногу свыкалось с произошедшими изменениями в области брачно-семейных отношений. Однако, несмотря на существование ЗАГС, в основном в сельской местности, оно продолжало обращаться к духовенству [29].

Несмотря на идеологические настроения и принятые либеральные законы в области семьи и брака, население Башкирии продолжало жить в основном по традиционному укладу в форме семейной ячейки. Начиная с 1930-х гг. в связи политической и социально-экономической ситуацией в стране, связанной с процессами индустриализации и коллективизации, раскулачивания, репрессий, голода и т.д. наблюдались тенденции демографического спада. А также военная угроза фашизма, нависшая над европейскими государствами, заставила правительство советской страны пересмотреть свою внутреннюю политику. ЦИК и СНК СССР принимает постановление 27 июня 1936 г, внесшее поправки в Кодекс 1926 г. Оно положило начало усложнению бракоразводной процедуры, вновь продемонстрировав формальность равноправия женщины в обществе, особенно в части ее репродуктивного поведения и планирования семьи [18]. Данное постановление было направлено на улучшение демографической ситуации, ухудшавшейся в 1930-е гг. Шла интенсивная переоценка социалистической идеологии. Вводились новые ценностные и моральные принципы. В основе советских законов о браке теперь присутствовала социалистическая мораль. «Так называемая свободная любовь и беспорядочность половой жизни были признаны чуждыми и ничего общего не имеющими ни с социалистическими принципами, ни с этикой и нормами поведения советского человека» – писала Правда в передовой от 28 мая 1936 г. «Брак – дело серьезное, ответственное и легкомысленно относиться к нему нельзя» [1]. В соответствии с постановлением 1936 г. фактические браки лишались правового

статуса, состоящие в такого рода отношениях не обладали никакими юридическими правами. Также была существенно усложнена процедура развода: был введен обязательный вызов обоих разводящихся и мужчину, и женщину в ЗАГС, значительно увеличена государственная пошлина при разводе. Сама процедура стала двухэтапной, то есть дела о разводе рассматривали дважды для того, чтобы супруги имели возможность изменить свое решение и сделать выбор в пользу сохранения семьи [18].

Был введен запрет на производство аборт, участились случаи криминальных аборт и, как следствие, – женская смертность. Советская пресса старалась убедить женщин, как прекрасно иметь много детей (до 10–12), и в тоже время воспитание их было не материнским: абсолютное большинство городских детей росло в детских яслях, садах. Поощрялось государственное воспитание детей. Газетные статьи тех лет пестрили заголовками о подпольных абортариях, например Красная Башкирия, от 20 февраля 1941 г., писала о том, что прокуратурой Ленинского района г. Уфы возбуждено было уголовное дело по обвинению 8 человек в производстве аборт, которые еще начиная с 1936 г. занимались абортпроизводством [15]. Несмотря на преследования, подпольные «абортмахеры» не имели недостатка в желающих ни в городе, ни в сельской местности.

Для того чтобы прекратить легкомысленное отношение к браку и попытки некоторой части отцов переложить воспитание детей исключительно на плечи матерей, постановление 1936 г. гарантировало женщинам-труженице взыскание алиментов с отца ребенка [16]. Был установлен порядок исчисления размера алиментов, взимаемых на содержание несовершеннолетних: 1 ребёнка – 1/4 всех доходов, 2 детей – 1/3, 3 и более детей – 1/2 [18]. Если за уклонение от алиментов отец судом до этого карался до 6 месяцев принудительных работ без лишения свободы, то на основании постановления Президиума Верховного суда от 11 июля 1935 г. при установлении «злостного уклонения» от уплаты алиментов допускалось применять к таким отцам меру наказания в виде заключения их в тюрьму сроком до 6 месяцев. По внесенному в Совнарком РСФСР проекту закона мера наказания за неплатеж алиментов повышалась до лишения свободы не менее 1 года. Прокуратура обязывала районных прокуроров усилить надзор по алиментным делам. Установлен был специальный учет движения алиментных дел [13]. Были введены государственные пособия для многодетных матерей. С 1936 г. по республике стала увеличиваться рождаемость, только в Миякинском районе за 1937 г. родилось 2577 детей, почти в 2 раза больше по сравнению с прошлыми годами [14].

Таким образом, становление законодательной базы советской семейной политики в послеоктябрьский и последующий период 1917–1937 гг., в Башкирской АССР шло путем ломки ментальных особенностей населения. Преследуя цель раскрепостить женщину, особенно «националку», советское государство на законодательном уровне ликвидировало многие религиозные обряды и нормы, регулирующие социальное поведение населения автономной республики. Несмотря на принятые законодательные акты, население, часто обходя закон, продолжало жить по-прежнему. Предоставив вначале некую юридическую свободу в брачных отношениях, законодательная база семейной политики претерпела изменения, сменившиеся на принудительные регламентированные нормы в этой области. Создав образ нового гражданина, не обремененного семейными обязанностями, государство способствовало увеличению процесса расторжения браков, сокращения рождаемости, разрушению семьи. Это заставило его пересмотреть политику по охране семьи, как ячейки социалистического общества.

Литература

1. Бошко В. Понятие брака в советском социалистическом семейном праве // Социалистическая законность. 1939. Январь. С. 55.
2. ГАРФ Ф.Р. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 53 об.
3. ГАРФ. Ф.Р. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.
4. ГАРФ. Ф.Р. 6983. Оп. 1. Д. 207. Л. 11.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917–16 марта 1918 г. М., 1957. С. 247, 337

6. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 314.
7. Десять лет работы партии среди женщин. Уфа, 1927. С. 21
8. Десять лет Советской Башкирии. 1919–1929. Уфа, 1929. С. 39
9. Диспут о браке и семье в Доме союзов (г. Москва) // Еженедельник Советской Юстиции. 1925. № 48–49. 13–20 декабря. С. 1504.
10. Женское движение в Башкортостане 1900–1941. Сб. док. и мат. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2008. С. 81–82.
11. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941 Сб. док. и мат. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2008. С. 98.
12. Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 115.
13. Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 99.
14. Красная Башкирия. 1929. 8 марта.
15. Красная Башкирия. 1935. 24 августа.
16. Красная Башкирия. 1938. 21 июля
17. Красная Башкирия. 1941. 20 февраля.
18. Никольский В. К. Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1936.
19. Резолюции 1 Всебашкирского съезда женской молодежи // Постановление 1 Всебашкирского съезда женской молодежи. Уфа, 1936. С. 16.
20. Сулейманова Р. Н. Развитие брачно-семейных отношений и положение женщины в 20–30-х годах XX века в Башкортостане // Вестник ВЭГУ. № 31/32. Серия История. 2007. С. 164
21. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 2. Д. 151. Л. 50–50 об.
22. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 3. Д. 151. Л. 28.
23. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 3. Д. 24. Л. 231.
24. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 3. Д. 151. Л. 11 об.
25. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 4. Д. 171. Л. 25.
26. ЦАОО РБ. Ф. 122. Он. 4. Д. 173. Л. 15–16
27. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 177. Л. 34.
28. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 186. Л. 50 об.
29. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 176. Л. 15. об.
30. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 199. Л. 25 об.
31. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 28–34
32. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 209. Л. 57
33. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 162. Л. 29.
34. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 138. Л. 362.
35. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 136. Л. 26.
36. ЦАОО РБ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 130. Л. 85.
37. ЦАОО РБ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 203. Л. 85
38. ЦИА РБ. Ф. Р. 323. Оп. 1. Д. 202. Л. 6.

УДК 001(091)(470.62/.67) «1920-1930»

Калинченко Светлана Борисовна

НАУКА И ВЛАСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1920-1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В статье раскрываются тенденции взаимодействия власти и науки на этапе ее институционализации. На примере Северного Кавказа показано влияние государства на становление научного пространства региона, особенности его формирования и развития в 1920-1930-е годы.

Ключевые слова: власть, научное сообщество, региональная наука, научный работник, научно-исследовательский институт.

Kalinchenko Svetlana B.

SCIENCE AND POWER: TRENDS OF INTERACTION IN RUSSIAN PROVINCE IN 1920-1930 (THE CASE OF THE NORTH CAUCASUS)

The article describes the trend of interaction between government and science at the stage of institutionalization. On the example of the North Caucasus shows the influence of the state on the development of space science in the region, especially its formation and development in 1920-1930.

Key words: power, the scientific community, regional science, scientist, Research Institute.

Проблема взаимоотношений ученого и власти, науки и государства обсуждается уже не одно десятилетие. Связано это с тем, что наука – это не только форма общественного сознания, направленная на объективное отражение окружающего мира, но и социальный институт. Как социальный институт наука объединяет индивидов, включает их в коллективную деятельность, оказывающую влияние на другие социальные структуры. В этом отношении справедливы идеи М. Фуко, который выделил две формы власти: ту, что связана с государством и его социальными институтами, и ту, что представлена сетью властных отношений и пронизывает все общество, все его сегменты. «Власть – это не некий институт или структура, нем некая какая-то определенная сила, которой некто бы был наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данной обществе» [1, с.192].

Для Фуко «знание сплетено с властью, оно лишь такая маска, сброшенная на структуры господства», научный дискурс не противостоит дискурсу власти. А является одним из его вариантов». Сама же власть представляет собой множественное и подвижное поле отношений силы, отношений различных сил, в том числе в науке, противоборство альтернативных групп, конкурирующих между собой в борьбе за ресурсы. За социальную поддержку и пр. [2, с.198]. С точки зрения М. Фуко, наука – это форма власти.

В реальной практике государственная власть, как правило, диктует науке приоритеты ее развития. С точки зрения государства наука должна реализовывать просветительские функции, способствовать развитию государства, поднимать международный престиж страны.

В отечественной истории проблема науки и власти представляет собой столкновение идей ученых и политических деятелей. Идеологические проблемы переплетались с морально-этическими взглядами ученых.

Взаимоотношения ученых и государства традиционно строились по различным направлениям деятельности. Государство законодательно регулировало социальный статус научных работников, определяло размер финансирования научных исследований, создавало организационные структуры управления наукой и высшей школой. В советский период времени это выразилось в проведении определенной научной политики, которая носила двойственный характер.

С одной стороны, прагматическое начало – осознание необходимости использования научных знаний в военной, хозяйственной, культурной деятельности. С другой стороны, власть стремилась к политической нейтрализации ученых, ее перевоспитанию различными методами в духе формирования марксистской, коммунистической идеологии.

Окончание гражданской войны и переход к мирному строительству означали для России наступление новой полосы развития. В сравнительно короткие сроки были сформулированы принципы новой экономической политики. Определенное место в планах НЭПа занимало научное сообщество страны. В конструктивном диалоге между учеными и властью были заинтересованы обе стороны. Ученые нужны были большевикам для решения научно-технических проблем, подготовки новых кадров специалистов. Ученые, понимая свою зависимость от государственного финансирования, стремились к сотрудничеству с властями.

Специфика первых лет НЭПа для ученых центральных вузов и научных учреждений страны отразилась в постановке для них ряда проблем со стороны государства: «сменовеховство», ликвидация автономии высшей школы, высылка выдающихся деятелей культуры за границу («философский пароход»), борьба с «церковной контрреволюцией».

Для регионального научного сообщества годы НЭПа имели ряд особенностей. Малочисленность научных работников на Северном Кавказе из-за отсутствия развитой системы научных учреждений (вузов, научно-исследовательских институтов) определяла взаимоотношения новой власти и «старой профессуры» в ином характере, чем в «центре».

В 1920–1925 гг., закладывались основы общегосударственного управления наукой, его региональная структура. В числе первых среди вузов Северного Кавказа были учреждены политехнический институт в г. Владикавказе и сельскохозяйственный институт в г. Ставрополе. Первыми научно-исследовательскими институтами являлись Бальнеологический институт в г. Пятигорске и Северо-Кавказский НИИ краеведения в г. Владикавказе. Практически отсутствовавшая в дореволюционный период связь между научным процессом и экономическим развитием края становится с этого времени центральной при формировании научных учреждений региона.

Следует отметить, что на Северном Кавказе преимущественно, как по количеству, так и по качеству научных работников обладал г. Владикавказ. В 1927 г. в вузах и НИИ города насчитывалось 70 научных работников, среди которых было 18 профессоров, 9 доцентов, 35 преподавателей, 6 научных сотрудников НИИ краеведения [1, с.15]. Небольшие группы научных работников имелись в городах Ставрополе и Пятигорске, (от 10 до 40 человек), обслуживавших вузы, музеи, техникумы.

Главными направлениями исследований местных ученых были в основном естественно-научные и гуманитарные проблемы. Для изысканий в области прикладных наук в регионе не было серьезной материальной базы, достаточного финансирования, специальных кадров. Усугубляло ситуацию неразвитое образовательное пространство Северного Кавказа, низкий уровень грамотности местного населения. По данным 1920 г. в Горской республике общая грамотность населения составляла 15,1 %, а ее уровни колебались от 52,6 % – во Владикавказе, до 0,84 % – в Чеченском округе. Среди сельского коренного населения наивысший уровень грамотности был в Осетии, который составлял всего 14,7 %. Добавим к этому, что у балкарского, ингушского, чеченского и у многих народов Дагестана ко времени революции не было даже своей письменности. Естественно, что такой уровень грамотности существенно тормозил развитие экономики и культуры, науки всего Северо-Кавказского региона.

Состав научных сотрудников был представлен учеными, обладавшими опытом научных исследований и проведением методик полученных от академической дореволюционной науки. Это был период деятельности фанатов и подвижников науки, которые стремились в новых условиях реализовать свой творческий потенциал на благо Родины, Северного Кавказа. Во взаимоотношениях с государственной властью – это было временем продуктивного делового сотрудничества.

Многие ученые, так или иначе, взаимодействовали с властными структурами в процессе решения вопросов, связанных с деятельностью вузов, научных учреждений, общественных организаций, оказанием консультационных услуг различным ведомствам. Иногда они сами становились государственными служащими. Так, профессор Б. А. Алборов с 1920–21 гг. занимал

должность Заведующего отделом народного образования Осетинского округа, а с 1921 до октября 1923 г. – заместителя народного комиссариата Горской республики, с 1921 был ректором Горского Педагогического института. А. А. Тахо-Годи – возглавлял Дагестанский Наркомпрос и являлся председателем Дагестанского музейного комитета.

К концу 1920-х годов профессора и преподаватели вузов Северного Кавказа по социальному происхождению оставались, как правило, выходцами из имущих классов. Это подтверждают и данные, приведенные на бюро Северо-Кавказского крайкома в 1928 г. при анализе социально-партийного состава преподавателей вузов региона за первое десятилетие Советской власти. По социальному составу они распределялись следующим образом: выходцами из интеллигенции было 248 человека (35,2 %), из крестьян – 156 (22,9 %), из мещан – 104 (15,1 %), казаков – 58 (8,6 %), духовного звания – 53 (7,6 %), дворян – 37 (5,3 %), рабочих – 14 (2,05 %).

Несмотря на все принимаемые решения и проводимые мероприятия, в вузах Северного Кавказа процент преподавателей из рабочих и крестьян оставался ниже всероссийского – 2,05 % против 3 % [4, с.15]. Это объяснялось аграрным характером экономики региона, низким уровнем образования местного населения.

С середины 1920-х годов Северный Кавказ был сориентирован советской властью на преимущественное развитие сельского хозяйства. В результате были открыты НИИ сельского хозяйства, расположенные на территории Ставрополя (Научно-исследовательский институт хлопководства новых районов СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства) и Дагестана, расширена специализация сельскохозяйственных вузов, агропедагогический уклон получили местные пединституты.

Структурные изменения затронули НИИ краеведческой направленности, массовое открытие которых свидетельствовало о рождении нового и важного качества науки, отражавшего во многом новый тип ее социальной организации. Особенность национальных НИИ краеведения состояла в том, что состав научных работников был представлен не титульными национальностями. Это было ученое сообщество, работавшее на условиях совместительства и в вузах и НИИ национальных областей. Кроме того, к краеведческой работе привлекались не только ученые, но и учителя, врачи, инженеры, т. е. специалисты различных отраслей хозяйственной деятельности. Их объединял объект научных исследований – природное, геологическое, культурное пространство Северокавказского региона.

Специфика национальных НИИ краеведения в республиках Северного Кавказа состояла еще и в том, что кроме научно-исследовательских задач они совместно с вузами решали образовательные проблемы, вели подготовку кадров.

Во взаимоотношениях власти и ученых, в отличие от столичных и центральных научных учреждений, активной политической борьбы в регионе не было в силу относительной аполитичности и малочисленности научных работников. Взаимовыгодное сотрудничество ученых и власти способствовало не только укреплению научных учреждений, но и подчинению их органам государства. В это время усилилась централизация, бюрократизация и политизация управления наукой.

Идеологизация преподавателей в высшей школы являлась ведущим направлением деятельности органов власти. 17 июля 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома рассмотрело доклад «О состоянии вузов и подготовке кадра специалистов на Северном Кавказе». Основными препятствиями подготовки советского специалиста, по мнению авторов доклада, являлись «все еще недостаточная пролетаризация школы» и «недостаточное соответствие профессорско-преподавательского состава требованиям советской высшей школы». Для того, чтобы преодолеть это «несоответствие» предлагалось «взять более решительный курс на изъятие из вузов в научном отношении малоценных и политически враждебных Советской власти элементов», «предложить фракции КИКа оказывать содействие научным работникам, близко стоящим к Советской власти, в отношении создания более благоприятных жилищных условий для привлечения научных работников в вузы края»; «...в целях дальнейшего повышения научной квалификации партийных работников, считать научную работу основной партнагрузкой, максимально разгрузить их от посторонних занятий, считать необходимым представление научных командировок, как за границу, так и внутри страны» [7, л.15.].

К началу 1930- гг. на ученых и научные исследования решающее воздействие оказывали условия, цели и методы сложившегося тоталитарного режима, его установка на завершение создания социалистического общества. В условиях диктата партаппарата, функционирования административно-командной системы в стране, постоянных политических кампаний, расширяющаяся волна политических репрессий непоправимо ударила по кадровому потенциалу научных учреждений и вузов. Так, в списках профессорско-преподавательского состава пединститутов, освобожденных от работы по обвинению в антимарксистской деятельности за 1931–1935 гг. Отмечались следующие формулировки: А. С. Гулуев ассистент по литературе – «как допустивший политическую ошибку во время сессии и как не владеющий марксистско-ленинской методологией в деле преподавания литературы», Ц. А. Мисиков – «снят с работы за протаскивание буржуазной идеологии, за грубые политические ошибки и неправильные установки в преподавании» (был профессором по гигиене и врачом института). С. П. Дубкин – доцент русского языка и литературы – «за проявление великодержавного шовинизма, за протаскивание контрреволюционной пропаганды в учебниках для кабардинских и черкесских школ и за непризнание своих ошибок». О. А. Михайлов, доцент физики, «как бывший эсер, использовавший часы академических занятий для рассказывания антисоветских контрреволюционных анекдотов». И.О. Цмыч и. о. доцента древней, средней и новой истории – «за идеализацию Троцкого и обман партии» и т. п. Из пяти педвузов, существовавших в изучаемом регионе в тот период, было уволено с работы 19 преподавателей, фактически каждый пятый преподаватель.

Продолжала укрепляться сельскохозяйственная ориентация региональной науки благодаря включению территорий всех республик Северного Кавказа и Ставрополя в деятельность образованных сельскохозяйственных НИИ. В это время в регионе было образовано и действовало пять педагогических, три сельскохозяйственных, два технических, три медицинских вуза. Специализация высшей школы определялась, прежде всего, практической экономической целесообразностью данного региона. Особенностью их создания было то, что они готовили кадры с учетом региональной специфики.

Итак, на рубеже 1920–1930-х гг. произошел процесс окончательного подчинения науки задачам социалистического строительства. Об этом свидетельствуют не только многочисленные политические кампании, направленные на разоблачение «врагов» народа, кадровые чистки, но и изменение критериев качества научной квалификации преподавателя. Сравнение списков штатного профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Северного Кавказа 1920-х и 1930-х годов показывают, если в первой половине 1920-х годов значение имели научный, преподавательский стаж работника, количество изданных им научных трудов. [2, л.14]. С конца 20-х годов в качестве критериев квалификации научных работников вводятся партийность, социальная принадлежность, национальность, ученая степень, ученое звание, общий стаж работы, образование. В результате такой политики произошел отсев «старых» и «формирование «новых» кадров ученых региона.

В вышеизложенных фактах четко прослеживается тенденция уже сложившегося бюрократического механизма управления, стремление оправдать просчеты своей работы существованием вымышленных врагов.

Запущенный маховик политических разоблачений продолжал работать как в обществе, так и в отношении научной интеллигенции и в последующие годы, что подтверждается многими документами. Приведем лишь один. В августе 1937 г. бюро Дагестанского обкома партии заслушало дело о директоре мединститута Ф. Р. Бородулине, который «в 1929 г. первичной комиссией по чистке парторганизации ИКП в Москве был исключен из рядов ВКП (б) за защиту реакционной профессуры (Плетнева и других) [3, л. 27]. В 1937 г. при обсуждении на собрании профессорско-преподавательского состава статьи «Правды» о садисте Плетневе Бородулин вместо того, чтобы выступить и дать политическую оценку, разоблачающую Плетнева, этого своего учителя в прошлом, демонстративно покинул собрание». Ему было предъявлено еще несколько обвинений, и, конечно, он был исключен из партии и снят с работы.

Такая репрессивная политика в отношении научно-преподавательских кадров не могла не сказаться отрицательно на работе вузов. Но такими жесткими методами государство подчиняло себе процесс научной деятельности ученых. Приведенные данные показывают, что изме-

нения в составе научно-педагогических кадров высшей школы Северного Кавказа в целом отражало общегосударственную политику в отношении ученых.

Форсированное увеличение численности научных работников, в 1920–1930-е годы, социальные чистки, занижение профессиональных и применение политических критериев отбора, аттестации и продвижения исключали здоровую конкуренцию в науке и имели следствием снижение уровня квалификации научных кадров. Власть в лице государства являлась более значимой в системе общественных отношений, чем наука.

Вместе с тем, целенаправленная государственная политика по формированию системы научных учреждений способствовала становлению научного пространства на Северном Кавказе. Однако в период 1920–1930-х гг. в российской провинции ученый еще не стал самостоятельной и независимой властью, способной влиять на социокультурные и иные процессы в регионе.

Литература

1. Воскресенский А. И., Сретенский Н. Н. Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1927.
2. ГАРФ Ф.Р-2306. ОП.70. Д.3400. Л.14–33.
3. ГАСК.Ф. Р. 89.Оп.1.Д. 45.Л. 27.
4. Народное просвещение, 1927, № 2. С.15.
5. Сокулер З. К. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // Знание власть: наука в обществе модерна. СПб, 2001.
6. Фуко М. Воля к истине: по Ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
7. ЦХДНИРО. Ф.7. ОП.1. Д.681. Л.15.

УДК 94 (479) “18/1917”

Лазарян Сергей Степанович

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье показано, как обстоятельства места в условиях Кавказской войны создавали причудливое сочетание способов и форм взаимодействия между горцами Кавказа и русскими, обогащая обе стороны этническими артефактами и знаниями, образуя систему межкультурной адаптации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, заимствования, горцы, кавказцы, факторы, прочные связи, Кавказская война, плен.

Lazaryan Sergey S.

THE SPECIAL FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE COURSE OF CAUCASIAN WAR

The article shows the way the circumstances of place created the quaint combination of methods and forms in the interaction of Caucasian highlanders and Russians, enriching both sides with ethnic artifacts and knowledge, forming the system of intercultural adaptation.

Key words: intercultural communication, adoptions, highlanders, Caucasians, factors, strength connections, Caucasian war, captivity.

Поскольку общение есть форма коммуникативной деятельности и существования всех обществ [1, с. 245], горские общества, весь мир Кавказа не могли избежать взаимодействия с миром России, который нарастающее активно врывается в их географическое и социальное пространство на протяжении длительного времени.

Этнокультурные исследования свидетельствуют, что характер и содержание межэтнических контактов зависят от способности и желания их участников понимать друг друга и достигать согласия, которые предопределяются их этнической культурой [2, с. 201].

Согласно концепции Л. Н. Гумилева, в процессе этногенеза общества приобретают и расходуют энергию, которая создает определенное этническое поле. Этническое поле каждого этноса взаимодействует с этническими полями других этносов при их встрече. Если колебания этнических полей гармонируют друг с другом, то этносы делаются комплиментарными друг другу, устанавливая прочные связи, если такой гармонии не случается, то возникает сильное социокультурное напряжение, затрудняющее коммуникацию, поскольку взаимодействующие этносы ощущают чуждость и враждебность социокультурных структур друг друга [3].

В ходе исторического развития этносы вступают в контакт с другими этносами в условиях разных исторических обстоятельств. Эти исторические обстоятельства превращаются в фон, на котором и в рамках которого происходит межэтнический контакт. В связи с этим «в этнической памяти такие события сохраняются, превращаются в сплывающий фактор» [2, с. 207], служат средством этнической мобилизации. При этом разные роли этносов при данных исторических обстоятельствах порождают различные оценки одних и тех же событий, в которые они были вовлечены.

В силу ограниченности ресурсов и своей исторической локальности, большинство архаических обществ Кавказа не могли остановить культурной экспансии со стороны России, но отчаянно сопротивлялись, противопоставляя силе российского модерна трудносокрушимую силу традиции.

Кроме того, в пространстве кавказского мира помимо российского модернизационного проекта действовал исламский модернизационный проект, внедрявшийся Имамом, сумевшим до определенной степени и на продолжительное время убедить кавказские горские народы в своей способности защитить их традиционность и выступить культурной альтернативой российским преобразовательным усилиям.

И хотя исламская культурная парадигма не сразу и повсеместно была принята в качестве нового ресурса в противостоянии с российской имперской структурой (это особенно касалось этнических обществ северо-западной части Кавказа), её императивная природа, основанная на универсализме традиционного типа, способствовала укоренению в культурном поле горских обществ. Кроме того, на определенном этапе военного и социально-культурного противостояния с Российской империей у горских этнических сообществ не осталось иных аргументов.

В существовавшей раньше и продолжающейся сегодня полемике в социально-гуманитарном сообществе России вокруг сущности и последствий Кавказской войны мало кто замечает, что «Кавказская война – это не сплошная цепь сражений, растянувшаяся на многие десятилетия. Это еще и сложная история жизни людей разных племен и культур на протяженном и весьма условном стыке между русским и кавказским миром», жизнь, «наполненная самыми разнообразными проявлениями человеческих отношений» [4, с. 242].

В этой связи следует согласиться с Я. А. Гординым, утверждающим, что социокультурное пространство Кавказской войны «было пространством парадоксальным, не сводившимся только к жестокости и взаимной ненависти» [5, с. 110]. Например, черкесские князья и уздени, вообще горцы всех сословий от частых столкновений с русскими не только в местах вооруженного противостояния, но и во всех иных обстоятельствах, многое стали заимствовать у них.

Так, горцы полюбили чай, сначала узнали его у кунаков, первоначально не понимая его вкуса, потом, привыкнув к нему, обзавелись собственным, а затем втянулись настолько, что уже не уступали русским в любви к нему. Отдельные князья и уздени, в подражание русским, пили чай из самоваров с большой важностью. Они стали даже обижаться на своих соплеменников, когда, бывая в гостях, не получали по этому случаю чаю [5, с. 30–31].

Элементом заимствования стали карточные игры. Карты так удачно прижились горцам, прежде всего, богатым и именитым, что «иной из них мечет направо и налево, как будто по призванию» [5, с. 32]. Игра в карты стала обыденностью и для так называемых «хищников», которые, по возвращении из своего ночного промысла, коротали свободное время за картами.

Перечисленные элементы, составлявшие оттенки российской культурной жизни, в кавказских условиях выходили на передний край повседневного существования в крепостях и всех других населенных русскими местах. Офицеры в свободное время от служебных обязанностей обыкновенно коротали свой досуг за зелеными столами и попойками. Было также обыкновенным метать банк, не вставая из-за стола, целую ночь до самого утра. Потом утром – на ученье, а с ученья опять доигрывать до обеда, а после – снова за карты, поскольку развлечений, кроме карт, не было или не находили [6, с. 33].

В так называемой интеллигентной части общества преобладали все те же карты и сплетни, а в массе – пьянство, независимо от возраста или социального происхождения [7, с. 5]. Поэтому горцам бросалась в глаза эта нехитрая сторона русской жизни, из-за своей повсеместности воспринимавшаяся как характеристика всего русского.

Что касается российской стороны, то «русское завоевание Кавказа сопровождалось страстной увлеченностью завоеванным краем» [8, с. 35], отчасти даже культурно-психологическим слиянием с ним.

Русские люди (дворяне и крестьяне, все по-своему) любили Кавказ, но не горцев, полных ненависти к русским и отчаянно боровшихся против незваных пришельцев. Русские любили Кавказ, потому что там они становились другими. Там кардинально переменялась их жизнь, их мировосприятие, жизненные установки, а привычные понятия российского социума наполнялись иным, первоначальным смыслом, который был утерян в суете светского существования среди дворян или растворился из-за социальной несправедливости в крепостнических основаниях крестьянского бытия. На Кавказе люди приобретали свободу как состояние социального бытия, так и состояние духа.

Как свидетельствовал князь К. К. Бенкендорф: «Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком – ничто, а сам человек – всё; страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей; такая страна облагораживает человека, отдавшего ей душой и телом» [9, с. 364].

По мнению Я. А. Гордина, «неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту» [8, с. 44].

Кавказ вдохновлял и завораживал. Кавказ рождал даже особую породу в русских людях – кавказцев, которые росли в атмосфере нравственной самостоятельности и в живом деле вечной войны, требующем независимости, сметки и решительности» [9, с. 364]. В этой самостоятельности и решительности заключался «ключ к успеху во всякого рода практических делах. А тем более в таком практическом и живом деле как война, да еще и народная» [9].

Кавказцы составляли особую «партию», а, скорее всего, некое негласное и естественное содружество лиц и массы, основанием которого являлось «глубокое знание края и любовь к нему» [9]. Характеризуя эту породу людей, М. Ю. Лермонтов отмечал, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес ...» [10, с. 590]. Настоящие кавказцы – все люди военные, обитавшие на Кордонной линии. Каждый кавказец был «чужд утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; он понял вполне нравы и обычаи горцев, ... запомнил родословные главных семейств, ... знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски. ... Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия» [10, с. 591].

Одним из простейших признаков слияния русских людей с Кавказом было их «подражание горцам в одежде, становившееся естественным обычаем» [8, с. 36]. Солдаты и офицеры по собственной инициативе, получив первый опыт войны и жизни в кавказских условиях, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для Кавказа.

Офицеры спешили приобрести себе бурку и меняли казенную шпагу, мало пригодную для настоящего боя, на кавказский клинок [11, с. 406]. Некоторые из них даже форменный сюртук заменяли черкесской [12, с. 168].

Не только русские дворяне, но и кавказские казаки не оставались в стороне от культурного влияния горских народов, тем более что имели много выходцев оттуда в своей среде [13, с. 337]. Прежде всего, это влияние также проявлялось в одежде. Например, кабардинская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, через некоторое время в силу её удобства и приспособленности к кавказскому военному быту, стала форменной одеждой казачьих войск [14, с. 240–241; 15, с. 289].

Современные наблюдатели отмечали, что «приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями ... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов» [16, с. 8].

Линейные казаки переняли у горцев джигитовку, удалство и блестящую храбрость [14, с. 242; 17, с. 198] и, как отмечал внимательный наблюдатель, «казак линейский по-чеченски пашкою огонь вырубает и всегда наперед скачет» [18, с. 169].

Очень скоро среди кавказских солдат и казаков утвердился обычай, заимствованный ими из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках врагов тела убитых товарищей. С большим укором встречали в войсках части, «не выручившие своих убитых и раненых» [19, с. 424].

Кроме того, в кавказских войсках утвердилось куначество между подразделениями разных полков. Князь А. М. Дондуков-Корсаков вспоминал, что когда часть кунаков проходила через расположение другого полка, то по обыкновению каждая рота или эскадрон угощали соответствующую кунацкую часть, выкатывали баки, кормили на свой счет артельных лошадей, снабжали кунаков капустой, салом, луком [19, с. 419].

Такое боевое братство поддерживалось не только между солдатами кунацких полков, но и среди офицеров этих полков; «отношения эти составляли одну из самых дорогих и теплых связей кавказцев» [19, с. 419].

Особым средством поддержания отношений между горцами и русскими, а также своеобразной местной формой прибыльного бизнеса был обмен пленными. Война между непримиримыми сторонами неизбежно порождала плен как обычное явление всякой войны, но в кавказских условиях плен часто служил «основною задачею войны, её конечною целью, как добыча, как своего рода вознаграждение за военное предприятие, риск» [20, с. 517], прежде всего для горских удалцев.

Пожива пленными, например, у черкесов, чеченцев, лезгин и многих других горских кавказских обществ «была одновременно явлением историческим и бытовым. ... Пленника, ясыря можно было продать, купить и обратить в раба, в рабочую силу» [20, с. 518].

Русским приходилось считаться с таким подходом горцев к пленным. Несмотря на то, что война диктовала свои правила в отношениях между противниками, требуя око за око, ей также принадлежал обычай: «возьми твое и отдай мое» [20, с. 518]. Исходя из последнего обычая, были возможны контакты, в результате которых обратно к своим, в свои просторы, пленные могли попадать посредством выкупа, обмена или побега.

Пленных чужаков обменивали на своих людей, на тела погибших в бою товарищей, на скот, на соль или другие товары, в том числе, на оружие или порох. С обеих сторон имелись для этого специальные агенты. Чаще всего ими были армянские купцы. За это они получали свой процент, а от российского командования именные серебряные медали, которые они очень ценили. Российской стороной выкуп пленных производился за счет войсковых сумм или за счет родственников плененного [21, с. 268–269].

Много пленных находилось в черкесских аулах. С людьми достаточными обходились относительно мягко, выдерживая взаперти некоторое время, сносно кормили. После пленения в русские крепости или станицы посылали лазутчиков с предложением о выкупе и сообщали запрашиваемую цену. Потом ждали ответного лазутчика с условиями места обмена и деньгами.

За казачьего старшину, офицеров или членов их семей требовали гораздо большую цену, чем за рядовых солдат или казаков, при этом обе стороны ловчили и старались обмануть друг друга [6, с.60–64].

Такой же торговой тактики придерживалась и русская сторона. Русские плененных черкесских князей, дворян и известных наездников оценивали по более высоким ценам, чем рядовых горцев и членов их семей. В то же время «ловкие черкесские воры ценились дороже, чем честные и невороватые горцы» [20, с. 519].

Когда горцы понимали, что их узники оказывались людьми бедными, и за них нельзя было получить выкупа, с ними не церемонились и нещадно мучили. Кормили плохо и изнуряли тяжелыми работами. Чаще всего их содержали в сырых и зловонных ямах, вырытых перед саклями, в которых находилось от 3 до 5 сидельцев [6, с. 60–64; 20, с. 519]. Участь их была незавидной: они либо погибали от мучений или при попытках спастись бегством, либо оставлялись на долгие годы в рабстве, в качестве работников. Лишь единицам улыбалась судьба, и они обретали свободу с помощью счастливого случая или сердобольных молодых горянок, которые тайно от своих отцов и братьев помогали пленникам бежать [6, с. 82–91; 22].

Возвратившихся из плена солдат или казаков не всегда дома ждала теплая встреча, особенно тех, кто нарушал правила военной службы и не подчинялся требованиям дисциплины. Их командиры приказывали пороть возвращенцев палками или нагайками перед строем, чтобы те самовольно не отлучались из подразделений и не становились добычей горских «хищников». Это была наука другим, чтоб не повадно было. Как свидетельствовал Ф.А. Щербина: «Эта родительская мера отцов командиров практиковалась часто» [20, с. 521].

Но дальше всех в этом отношении заходил генерал А. П. Ермолов: «Он возвел плен в преступление и карал за это преступление не только тех, кто попадал в плен, а и те семьи, от которых были отторгнуты пленники» [20, с. 529–530].

Грозный генерал строжайше запрещал им выкупать своих родственников и членов семьи, чтобы не поощрять охоты на людей и пленопродавства, превратившегося в целую систему. Строгие запреты, однако, не исполнялись и выкупы, людей продолжались до самого конца войны, в том числе среди нарушителей был известный на Кубани генерал Г. Х. Засс, который в разное время выкупил и выменял у черкесов 424 человека русских пленных [20, с. 530].

Кавказские власти пытались вразумлять горцев и требовали прекратить торговлю пленными, время от времени, собирая в крепостях влиятельных среди горцев людей или тех, кто был, так или иначе, связан с похитителями. Им грозили карами и разорением аулов, но вразумлениям мало внимали.

Свою долю неволи несли и черкесские пленники, попадавшие к русским, которые их содержали в острогах или крепостях. Здесь, однако, надо отметить, что горцы, как правило, долго не задерживались в русском плену, поскольку были для русской стороны в тягость. Их не превращали в рабов, не использовали в качестве рабочей силы и не считали «продажным товаром». Наоборот, пленные горцы были большой обузой, «которую требовалось кормить, и за которую нужно было присматривать» [20, с. 531]. В горах знали об этом и пользовались данным обстоятельством, чтобы с выгодой возвращать своих пленников, запрашивая при обменах лучшие условия в свою пользу.

В то же время тюрьмы и остроги неожиданно сделались для горцев своеобразным пространством межкультурной коммуникации и местом знакомства с имперскими порядками, вообще с русскими как таковыми на близком расстоянии.

Среди сидельцев крепостных замков встречались так называемые «хищники», захваченные на месте своего промысла, которых содержали под стражей большей частью не для наказания или вразумления, а с целью обмена на русских пленных, находившихся среди горцев [23, с.16].

С другой стороны, эти «хищники» были воры и убийцы, с точки зрения имперских законов, а потому их могли подвергать суду, которого те не понимали, «отдавали в арестантские роты или в солдаты и ссылали в Сибирь или во внутренние губернии России в административном порядке» [20, с. 533].

Случались горские перебежчики, которые бежали к русским не от военной службы, которой они не боялись, поскольку сам их быт был изначально пронизан милитаристскими устоями, они бежали в русские пределы «от тяжелых экономических условий» и желания «воспользоваться выгодами мирной жизни» [20, с. 531].

Среди военнопленных горцев был особый контингент людей, в отношении которого в русских пределах относились в известной мере с заботливостью, по крайней мере, им не причиняли вреда. Речь в данном случае идет о плененных женщинах и детях, которых захватывали во время экспедиций в горы. После определенного времени нахождения их под стражей в карантине, детей отдавали на воспитание в приличные семьи, причем девочек – только под опеку исключительно женщинам.

Таким образом, обстоятельства места и времени производили причудливое сочетание способов и характера взаимодействия между горскими народами Кавказа и русскими, обогащали опытом и знаниями, стимулировали обмениваться этническими артефактами, облегчавшими их повседневное существование.

Даже плен для горцев и для русских был своеобразной площадкой, порожденной условиями войны, на которой они знакомились с особенностями устройства жизни друг друга наряду со всеми иными местами и факторами, в которые ввергала их Кавказская война.

Литература

1. Туманова О. С. Межкультурные коммуникации // Культурология / Под ред. проф. Г. В. Драча. М.: Альфа-М, 2003. С.244–263.
2. Садохин А.П. Этнология. М.: Гардарики, 2001. 256 с.
3. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 560 с.
4. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
5. Гордин Я. А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 352 с.
6. Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Выпуск 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.
7. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851–1856 гг. СПб., 1879. 441 с.
8. Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 288 с.
9. Бенкендорф К. К. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.330–407.
10. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. / сост. и комм. И. И. Чистовой. М.: Правда, 1989. 704 с.
11. Аноев А. А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. 1877. Т.114. № 4. С.398–412.
12. Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. 1863. № 7. С.157–178.
13. Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. №12. С.329–348.
14. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и исправ. Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1982. 256 с.
15. Захарьин Н. Н. Кавказ и его герои. Кн.1: Святыни, богатство и народы. СПб., 1902. 487 с.
16. Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска // Военный сборник. СПб., 1890. № 9. С.3–17.
17. Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. СПб., 1883. Т.3. С.73–200.
18. Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Изд-во «Правда», 1971. 368 с.
19. Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.408–506.
20. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, б/и., 1913. 880 с.
21. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
22. Волконский Н. Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // В плену у горцев. Вып. 4. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 68 с.
23. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Выпуск 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.3–31.

УДК 94(436)

Лохова Ирина Витальевна

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В АВСТРИИ В 50-80-е гг. XIX в.

В статье показаны особенности развития социального законодательства Австрии в 50-80-е гг. XIX в. Автор приходит к выводу о влиянии германского опыта, кроме внутренних факторов на социальную политику Вены.

Ключевые слова: страхование, рабочий класс, больничные кассы, законодательство, фабричные инспекции.

Lokhova Irina V.

DEVELOPMENT OF SOCIAL INSURANCE SYSTEM OF WORKERS AND EMPLOYEES IN AUSTRIA IN 50-80-ies IN THE 19th CENTURY

The candidate represents the Department of Ancient History and the Middle Ages (North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov).

Summary: the present article shows the specific features of the social legislation development in Austria in 50-80-ies in the 19th century. The author comes to the conclusion that besides internal factors German experience influenced on social policy in Vienna.

Key words: insurance, the working class, health insurance, legislation, factory inspection.

Австрийская половина империи Габсбургов в XIX в. в проведении социальной политики полностью ориентировалась на учет германского опыта. В Вене и в Берлине правящие круги понимали необходимость принятия мер по улучшению положения рабочих и служащих. Кроме ощущения страха перед набирающим силу рабочим движением и социал-демократической партией, Вена руководствовалась традиционной имперской идеей, которой Габсбурги были привержены до самого краха империи. Она трактовала монархию, как над классовую и над сословную структуру, ей был присущ патернализм, требовавший заботы монарха обо всех своих подданных. Социальная политика О. Бисмарка вызывала пристальное внимание в Вене, о ней много писала австрийская пресса, говорили с парламентской трибуны, обсуждали в профсоюзах и объединениях промышленников. Германский опыт постоянно изучался правительственными структурами. Все это дало основание известному европейскому специалисту по рабочему законодательству А. Бове утверждать, что австрийское социальное законодательство практически полностью копировало германское социальное законодательство [2].

В декабре 1859 г. в стране принимается новый промышленный кодекс. Он открывал путь к созданию в Австрии единого экономического и социального пространства. Кодекс отменял местные таможи, столь ненавистные рядовым жителям страны, поскольку они существенно повышали цены на продовольствие и товары широкого потребления [15, s. 107]. Кодекс ликвидировал привилегии гильдии и поощрял создание торгово-промышленных ассоциаций. Он четко предписывал на всех промышленных объектах, где трудилось более 20 чел. создавать фабричные кассы, которые должны были оказывать помощь рабочим во время несчастных случаев и по болезни [4, s. 53–57]. В то же время закон позволял предпринимателям не создавать новые фабричные кассы, разрешая присоединяться к уже действующим фабричным кассам. Данная мера должна была снизить издержки предпринимателей и не создавать бесконечное число касс, законодатель сознательно стремился к укрупнению касс, только в таком случае они могли действовать эффективно. Закон регулировал финансовые аспекты проблемы. Рабочие должны были вносить в качестве взносов не более 3 % своей заработной платы. Предприниматели в страховой фонд вносили 50 % от суммы средств, собранных рабочими [4, s.53–57]. Следовательно, рабочие формировали большую часть страхового фонда.

Кроме этого, кодекс открывал дорогу для ограничения детского труда, особенно в ночное время и на вредных производствах. В то же время попытка закрепления в кодексе института фабричных инспекторов не удалась из-за сопротивления торгово-промышленных кругов страны.

Кодекс оставил много неясностей и противоречий, что затруднило реализацию на практике его положений. После введения его в силу в стране возникло небольшое количество новых фабричных касс. Постоянно возникали споры между работодателями и рабочими по поводу формирования страховых фондов и условий деятельности касс. Для многих рабочих положения сложного юридического закона были непонятными и громоздкими. Конфликты возникали во круг определения страховых случаев и т.д. Все это привело к резкой критике Кодекса 1859 г. с точки зрения регламентирования деятельности фабричных касс.

В эпоху дуализма развитие социального законодательства происходило со значительными трудностями. В 60–70-е гг. в австрийской половине империи находились у власти либералы. Они отрицательно относились к развитию социального законодательства [3, р. 5–6]. Будучи приверженцами идей свободного капитализма, они полагали, что любое вмешательство государства во взаимоотношения между рабочими и работодателями чревато отрицательными последствиями, способными нанести колоссальный удар по молодой австрийской промышленности. По мнению австрийских либералов, дополнительные расходы предпринимателей на социальное страхование изымали столь необходимые для индустрии страны инвестиции. Возможное участие государства в формировании страховых фондов также не приветствовалось либералами. В условиях дефицита государственного бюджета, данное обстоятельство могло привести к новым налогам для бизнеса и широких слоев населения.

Одновременно правительство было озабочено ростом социальной напряженности в обществе и увеличением числа выступлений пролетариата [3, р. 5–6]. В данной ситуации часть либералов начинает понимать необходимость решения рабочего вопроса. Министр торговли Австрии в 1867–1870 гг. и один из лидеров австрийских либералов И. фон Пленер признавал, что государство должно в разумных пределах предпринять усилия по улучшению положения рабочих. Правда, его рассуждения не шли дальше возможности ограничения длительности рабочего дня. В этом он видел инструмент по борьбе с социализмом и революцией [7, р. 5–6]. Скорее всего министр готов был пойти на ограничения рабочего дня только для женщин, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Для И. Пленера, как и для всех австрийских либералов, опыт викторианской Англии имел непререкаемый авторитет, поэтому усилия Лондона по сокращению рабочего дня порождали у них размышления о возможности таких действий в Австрии.

Однако даже эти робкие попытки не нашли поддержки среди большинства членов правительства и либеральной партии. Министерство торговли под влиянием торгово-промышленного лобби провалило проект ограничения труда детей и юношей до 21 года. Либералы не собирались идти на существенные уступки, по-прежнему веря в силу свободного рынка [3, р. 6]. На ремарки о необходимости ограничения труда женщин либералы подчеркивали, что они равноправные участники свободного рынка труда, поэтому они не нуждаются в особом юридическом статусе [8].

У социального законодательства в Австрии появился еще один мощный противник в лице части аристократии, которая возражала против включения в страховые программы сельскохозяйственных рабочих, что вело к изъятию части средств у них в пользу наемных рабочих. Кроме этого аристократы опасались, что система социального страхования была способна разрушить основы традиционных, патриархальных взаимоотношений между аристократией и рабочими и привести к росту стоимости наемного труда в сельской местности.

Следует отметить, что социал-демократы Австрии также с большим недоверием относились к деятельности правительства в области социального страхования рабочих. Многие лидеры социал-демократов полагали, что больничные кассы фиксируют полуголодное существование рабочих, снижают их классовую борьбу и мешают борьбе за полноценное улучшение положения пролетариата, что можно будет сделать с помощью обобществления большей части собственности [6].

Биржевой кризис 1873 г. и последовавшая за этим депрессия серьезным образом ухудшает положение рабочих. Кризис одновременно поколебал веру в устойчивость свободного капитализма, что привело к резкому падению популярности либералов в стране. В 1880 г. группа аристократов во

главе с князем А. Лихтенштейном и графом Э.Белькреди, поддержавших идею проведения социальных реформ, опубликовали доклад, в котором они показали всю тяжесть положения рабочих в Австрии. Этот доклад вызвал большой резонанс в обществе [4, р.28–29]. Аристократы предлагали более масштабный проект переустройства общества, где социальные реформы занимали только определенное место. Они отводили социальным проектом промежуточную роль в общем наступлении на капитализм и либералов [11, р. 43–46]. В этих условиях становилась очевидной необходимость принятия экстренных мер по улучшению положения пролетариата [3, р. 6].

На рубеже 70–80-х гг. в австрийском обществе происходят значительные изменения. В 1879 г. к власти приходит консервативное правительство Э. Тааффе, что ознаменовало закат либеральной эры в Цислайтании. Правительство опиралось на поддержку католической церкви, которая требовала немедленного ограничения рабочего дня женщин, чтобы они могли больше внимания уделять семье. Кризис 1873 г. показал анахронизм промышленного кодекса 1859 г. [3, р. 7]. Существенные изменения происходят внутри либеральной партии и партии немецких националистов. Они согласились с необходимостью ограничения труда женщин [9, р. 202].

Избирательная реформа 1882 г. предоставляла право голоса всем мужчинам имевшим доход более 5 гульденов, что увеличило численность избирателей и привело к некоторой демократизации австрийского парламента и росту в нем авторитета сторонников социальных реформ. В парламенте сформировалось устойчивое большинство, настроенное против либералов и социалистов, готовое в духе классической имперской доктрины внедрять в стране патернализм. Политические партии в Австрии превращаются в массовые организации, теперь их лидерам стало сложно игнорировать интересы рядовых жителей страны [14].

Несмотря на это, сопротивление приверженцев классического либерализма, консервативное правительство граф Э. Тааффе приступает к реализации широкой программы социальных реформ. Правда, первоначально правительство занимало в этом вопросе выжидательную позицию. В 1879–1880 г. оно провело дискуссию о возможности ограничения женского труда. Однако она закончилась безрезультатно. Правительство стремилось тщательно проработать реформу и подготовить для этого общественное мнение. В марте 1883 г. была внесена поправка в торгово-промышленный кодекс, который расширял права рабочих при управлении уже действующими больничными кассами. Закон 1883 г. обязал всех промышленных рабочих страховать на случай болезни в профессиональных кассах, создаваемых на этот случай. Закон носил обязательный характер и не допускал исключений. Примечательно, что в это же время такой закон принимается в Германии. Предприниматели должны были создавать страховые кассы или присоединяться к уже действующим структурам, что, в общем, повторяло положения промышленного устава 1859 г. Большая часть страховых фондов формировалась за счет отчислений рабочих [3, р. 7].

После чего 17 июня 1883 г. император подписывает закон о введении в стране института фабричных инспекторов, кстати, обе палаты парламента поддержали данный закон значительным большинством [4, р.169]. Хотя часть предпринимателей настаивало на том, чтобы инспектора подчинялись не государству, а представляли интересы корпоративного сообщества. Э. Тааффе наоборот стремился создать независимый орган контроля, который мог противостоять давлению со стороны работодателей. Только немецкие либералы решительно критиковали данный законопроект, так как они опасались за судьбу австро-немецких предпринимателей в чешских землях, полагая, что инспекции смогут стать инструментом давления на промышленников, в том числе и в решении политических вопросов. Однако вскоре эти опасения развеялись. Система охраны труда в Австрии в полной мере заработала в 1885 г.

Реформы Э. Тааффе принимались одновременно с социальными законами, принятыми в Германии после знаменитого манифеста императора 1881 г. Правительство Австрии при разработке реформ соотносило свои действия с аналогичными мероприятиями в Германии. Однако при проведении социальных реформ правительство Австрии учитывало еще швейцарский опыт. Э. Тааффе ставил перед своим правительством задачу-максимум – приближение к германской системе социального страхования и задачу минимум – реализация швейцарского варианта социальных реформ [3, р.5].

После появления закона 1883 г. в Австрии большими темпами в различных регионах страны стали создаваться фабричные кассы. Причем довольно часто рабочие создавали кассы самостоятельно, так называемые «вольные кассы». Нередкими в Австрии стали примеры, когда работодатели закрывали свои кассы и вместе с рабочими и собственными фондами присоединялись к «вольным кассам» [1, с.46]. К 1888 г. в стране насчитывалось уже 40 «вольных касс», объединявших более 36,2 тыс. рабочих [1, с.46]. Однако серьезным минусом в развитии «вольных касс» стала неопределенность их юридического статуса. Данное несоответствие было устранено только после выхода закона от 16 июля 1892 г.

В отличие от Германии австрийское правительство уделяло мало внимания страхованию рабочих от несчастных случаев. Представители предпринимательства также проявляли слабый интерес к данному типу страхования, опасаясь значительных финансовых трат. К тому же в Австрии производственный травматизм был распространенным явлением. По инициативе незначительной части предпринимателей в стране возникло несколько страховых касс, занимавшихся страхованием рабочих на случай получения производственной травмы. Но это была полностью частная инициатива, и она охватывала незначительное количество промышленных предприятий. Социальная ответственность бизнеса в Австрии была еще развита слабо. К тому же за пределами данной инициативы оказались предприятия металлургии и машиностроения, где фиксировался наибольший травматизм. В принципе, в стране действовал Гражданский кодекс 1811 г., который возлагал ответственность за травмы на администрацию, если доказывался факт, что она неправильно определила профессиональный круг задач рабочего получившего травму. В результате всего 5 % рабочих получало в Австрии помощь за производственный травматизм [1, с. 46].

Исключением в данной тенденции являлся железнодорожный транспорт. 5 марта 1869 г. в Австрии был принят закон, который возлагал на железнодорожные компании ответственность за страхование рабочих на случай получения производственной травмы. На получение пособия могли претендовать те лица, которые получили травмы без нарушения правил безопасности труда. Если рабочий или служащий получал увечье по собственной вине то, он не подлежал страхованию. Поэтому железнодорожные компании в большинстве случаев стремились возложить ответственность на самих рабочих и служащих. В этой ситуации примечателен тот факт, что австрийский закон 1869 г. практически полностью копировал соответствующий прусский закон от 1838 г. 30 марта 1880 г. в Австрии приняли первый закон, регулирующий систему страхования рабочих на случай болезни.

С середины 80-х гг. правительство Э. Тааффе стало понимать, что дальше эта ситуация не может оставаться без изменений. Рост травматизма, социальной напряженности среди рабочих и жесткая критика со стороны социал-демократов требовало проведение решительных действий. Взяв за основу германский закон о страховании рабочих на период потери трудоспособности в результате производственной травмы, австрийское правительство разрабатывает собственный закон.

Подавляющее число политиков и интеллектуалов Австрии понимало необходимость введения в стране социального законодательства. Германский опыт им показывал важность и неизбежность данного процесса. Лидер христианских социалистов в парламенте Австрии К.Люгер прямо заявил о важности интеграции рабочих и ремесленников в имперское пространство. У него не вызывало сомнения, что решение социальных проблем позволит укрепить единство Австрии, империи Габсбургов и сбить накал межнациональных противоречий [10, р. 2534]. Воспитанный на принципах католической доктрины, К.Люгер решительно выступал против крупного капитала и призывал к перераспределению доходов в пользу малообеспеченных слоев населения. Правда, в отличие от социал-демократов, он стремился распространить социальное законодательство не только на рабочих промышленных предприятий, но и на ремесленников, сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Данный момент вызывал острую дискуссию между социал-демократами и христианскими социалистами.

Большинство фракций в парламенте, вне зависимости от их политической и национальной ориентации, признавало необходимость срочного решения рабочего вопроса. Правящую элиту и интеллектуалов волновал вопрос о достижении в наднациональной империи принципа социальной солидарности и ответственности, только так империя могла достичь гармонизации социальных и политических процессов [12, р. 13]. Традиционный имперский принцип присущий Германии и Австрии предполагал социальный патернализм, как один из основополагающих

принципов имперской власти. Во время парламентских дискуссий депутаты прямо подчеркивали, что государство должно заботиться о рабочих [10, р. 4105]. Газеты страны, политическая аналитика свидетельствовали о нарастании социальной напряженности в обществе и роста среди рабочих радикальных настроений. В это время отмечается рост популярности среди австрийских рабочих идей анархизма. Это вызывало беспокойство как среди либералов и консерваторов, так и среди социал-демократов, претендовавших на исключительную роль в деле защиты интересов рабочего класса. В конечном итоге парламент пришел к общему компромиссу – государство необходимо примерить с рабочим классом [10, р. 4105].

Депутаты и члены правительства при разработке социального законодательства во второй половине 80-х гг. осознавали важность не допущения разрастания рабочего движения, набравшего размах в стране [14, р. 409]. Первым тревожным симптомом стали революционные события 1848 г., когда рабочие приняли активное участие в захвате революционерами австрийской столицы. Многие из них посредством развития социального законодательства стремились ослабить австрийскую социал-демократию. Она еще не была столь популярна, как СДПГ, но постепенный рост численности членов социал-демократической партии Австрии настораживал и заставлял правящую элиту принимать срочные меры на упреждение. К тому же они были уже хорошо осведомлены о провале «исключительного закона» в Германии.

Однако в парламенте страны развернулась жаркая дискуссия по данному поводу. Принципиальным вопросом становится основы организации социальной системы в Австрии. Он тесно переплетался с ключевой проблемой развития австрийской государственности в XIX – начале XX вв. – форма организации власти в империи. Сторонники федерализации империи и часть профессионального сообщества предлагали отдать социальное законодательство на откуп коронным землям, то есть местным властям [12, р. 12]. В пользу этого довода приводились аргументы о том, что каждая коронная земля Цислайтании имела значительную национальную специфику, особенности экономического и культурного развития, поэтому унифицированное социальное законодательство было нежизнеспособно [10, р. 2499].

Каждая коронная земля должна была разработать собственное социальное законодательство. Вена могла только определить некий общий формат закона. Общеавстрийское законодательство, по мнению сторонников данной политической линии, было нежизнеспособно [10, р. 2499]. Вена была далека от провинции, а депутаты Рейхсрата не понимали специфики развития различных регионов страны, в пылу полемики и, защищая свои местечковые интересы, они могли упустить из виду специфику развития далеких и непонятных им регионов. Принципы, которые можно было применить к развитым в промышленном отношении регионам, абсолютно не действовало в отсталых регионах. Трудно было поставить на один уровень крупную промышленность и мелкое ремесленное производство, тяжелую и легкую промышленность.

Производной формой от этой точки зрения являлась позиция, высказанная рядом парламентариев. Они призывали разработать автономные социальные законодательства, отдельно для каждой гильдии или цеха, в промышленности предполагалось, что каждая отрасль промышленного производства будет иметь собственное социальное законодательство [10, р. 2491]. В таком случае социальные законы будут работать наиболее эффективно, они смогут гибко реагировать на все изменения в отрасли и учитывать весь комплекс специфических факторов, определяющих развитие отдельных гильдий и цехов [10, р. 2491]. В этом случае можно будет оперативно вносить изменения в законодательство по требованию заинтересованных сторон. Здесь всплывал еще один важный фактор. В ряде коронных земель был смешанный национальный состав населения. В Богемии острые противоречия между австро-немцами и чехами могли парализовать работу социальных институтов, поэтому допускалось их создание по национальному принципу.

Сторонники этих двух точек зрения в качестве еще одного аргумента приводили лабильность социальных процессов в Австрии, что требовало в случае необходимости быстрого и качественного внесения изменений в законодательство. Формат общеавстрийского законодательства затруднял такую работу, что могло привести его нестыковку с реальной жизнью [10, р. 2491–2499]. К тому же если решения принимали местные ландтаги, то этот факт привязывал социальное законодательство к реалиям социальных процессов в той или иной коронной земле Австрии.

Австро-немецкие либералы и националисты выступили категорически против такой позиции. Они прекрасно понимали, что наделение коронных земель дополнительными функциями будет еще одним шагом на пути федерализации Австрии и империи Габсбургов в целом [12, р. 13]. За каждым действием правительства Э. Тааффе немецкие националисты и либералы видели очередной шаг к федерализации, поскольку сам Э. Тааффе и его окружение подозревались в приверженности федералистской идеологии, в том числе, когда речь заходила о социальном законодательстве [5, р. 57-63]. С одной стороны, в случае успеха реформ на местах аккумулировались значительные финансовые ресурсы, что еще более отдаляло периферию от Вены. С другой стороны, в глазах широких слоев населения улучшение их положения в данном случае ассоциировалось с местными властями. Позитивные изменения приписывались местным элитам и органам государственной власти. Обыватель терял еще один смысл необходимости сохранения единства страны [12, р. 13].

Наличие различных социальных законодательств, по мнению австро-немецких либералов и националистов, могло посеять хаос и неразбериху в стране, а также поставить промышленность ряда регионов в невыгодные условия деятельности. Местные власти, подверженные популизму, могли принять жесткие социальные законы, способные подорвать экономические принципы деятельности промышленных предприятий. Рейхсрат в этом плане действовал более осмотрительно, опираясь на экспертные заключения правительства Австрии. Кроме этого, социальное законодательство могло стать инструментом политической борьбы в коронных землях, когда каждая политическая сила, приходившая к власти, подгоняла социальные программы под свои представления. Более того, существование автономного социального законодательства раскалывало рабочий класс и увеличивало социальную дифференциацию среди рабочих [10, р. 2744]. Вместо интеграции рабочих в имперское пространство разжигался новый виток борьбы рабочих, оказавшихся на обочине социальной защиты за свои права.

После долгих прений парламент 20 мая 1886 г. принимает закон в последнем чтении и 25 декабря 1887 г. император подписал закон об обязательном страховании рабочих от производственных травм. Согласно закону 90 % страхового фонда формировали работодатели и 10 % – рабочие. В случае получения инвалидности от производственной травмы рабочий получал 60 % от заработной платы, а его наследники – 50 %. Кроме этого, закон 1894 г. распространял системы социального страхования от несчастных случаев на рабочих и служащих на случай болезни на транспортные предприятия, кроме морского и речного флота.

В результате жарких дискуссий парламент 29 марта 1887 г. принял закон о медицинском страховании рабочих, через год 30 марта 1888 г. его подписывает император. 4 апреля 1889 г. парламент страны принимает небольшие изменения в закон о страховании рабочих на случай болезни [12, р. 10].

Законы конца 80-х гг. XIX в. вводили социальное страхование для рабочих и служащих на крупных промышленных предприятиях, железных дорогах, в строительстве. Законы разрешали страхование для сельскохозяйственных рабочих, рабочих деревообрабатывающей промышленности, мелкой промышленности, надомников и всех трудящихся не старше 35 лет [1, с.47]. Для сельскохозяйственных рабочих была сделана оговорка, что они подлежат страхованию только в случае работы с механическими двигателями, в том числе с сельскохозяйственными машинами. Кустари и некоторые категории сельскохозяйственных рабочих освобождались от страхования.

Литература

1. Страхование рабочих в западно-европейских государствах // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 2.
2. Bovet A. Les assurances ouvrières obligatoires et leur rôle social. Bern, 1901.
3. Grandner M. Conservative Social Politics in Austria, 1880–1890 // Working Paper. 1994. № 2.
4. Ebert K. Die Aufgabe der modernen Sozialpolitik in Österreich. Die Taaffesche Sozialgesetzgebung fuer die Arbeiter im Rahmen der Gewerbeordnungsreform (1879-1885) // Studien zur Geschichte der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie. B.15. Wien, 1975.

5. Hantsch H. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung//Wiener Historische Studien I. Wien, 1953. s
6. Metallarbeiter Zeitung. 21. 06. 1883.
7. Plener E. Die englische Fabrikgesetzgebung. Vienna, 1871.
8. Post. 4 January 1870.
9. Österreichische Parteiprogramme 1868-1966/ed. K. Berchtold. Vienna, 1967.
10. Stenographische Protokolle, haus der Abgeordneten des österreichischen Reichstates. X Session. 22 september 1885 bis 18 december 1890. Wien, 1891.
11. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
12. Senghaas M. Sozial sicherung und nationale Solidargemeinschaft? Die Entstehung einer staatlichen Sozialpolitik in Frankreich und Habsburgermonarchie // Working Paper. 2011. №1.
13. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
14. Ucakar K. Demokratie und Wahlrecht in Österreich. Zur Entwicklung von politischer Partizipation und Staatlicher Legitimationspolitik // Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. B.24. Vienna, 1985.
15. Weidenhalzer J. Der sorgende Staat. Zur Entwicklung der Sozialpolitik von Joseph II bis Ferdinand Hanusch. Vienna-Munich, 1985.

УДК 159.92(075)

Маловичко Сергей Иванович

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАРРАТИВЫ В СИСТЕМЕ ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье ставится вопрос о специфических чертах национально-государственной истории, возникшей в классической модели европейской исторической науки, определяется видовая характеристика такого историографического источника как национально-государственный нарратив. Автор уточняет понятие «социально ориентированное историописание», анализирует свойства национально-государственного нарратива как вида историографических источников.

Ключевые слова: источниковедение историографии, историографический источник, социально ориентированное историописание, классическая модель европейской исторической науки, национально-государственный нарратив.

Malovichko Sergey I.

NATIONAL NARRATIVES IN SYSTEM OF KINDS OF HISTORIOGRAPHIC SOURCES

In a paper raises the question of the specific features of the national history, occurred in the classical model of European historiography, the specific characteristic of kind of historiographic source as a national narrative is defined. The author clarifies the concept «socially oriented historical writing», analyzes the properties of national narrative as a kind of historiographic sources.

Key words: Source study of historiography, historiographic source, socially oriented historical writing, classical model of European historiography, national narrative.

Мое внимание к источниковедению историографии обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической школы источниковедения [2], научным принципом которой является – *история как строгая наука*.

В данной статье я обращаю внимание на основные свойства такого историографического источника как национально-государственный нарратив, относящегося к группе видов социально ори-

ентированного историописания¹. Для решения проблемы я последовательно (1) охарактеризую предметное поле источниковедения историографии и предложу определение историографического источника; (2) уточню понятие «социально ориентированное историописание» (3) проанализирую национально-государственный нарратив как вид историографических источников.

Предметное поле источниковедение историографии. Источниковедение историографии – предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. **Объект** источниковедения историографии – система видов историографических источников (произведений историков). **Предмет** — порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках.

Феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложен принцип «признания чужой одушевленности», позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, исторические очерки, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и т. д.) и группы (по типам исторического знания: научное и социально ориентированное) историографических источников по целеполаганию (их авторов) и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как рядоположенные, но не одинаковые. Такая практика помогает выявлять, иной по отношению к научной истории тип исторического знания. Поэтому по типу представленного в историографических источниках исторического знания их целесообразно разделить на две группы: 1) группу видов историографических источников научной истории; 2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания.

Понятие «социально ориентированное историописание». Естественно, что понятие «социально ориентированная история» носит терминологический характер. Надо понимать, что любое знание как результат познавательной деятельности имеет социальный характер. Но речь идет не о социальной/социокультурной обусловленности процесса познания (вряд ли в 2014 году есть смысл дискутировать по этому поводу), а о том, что в культуре существует потребность – и потребность, частично удовлетворяемая – в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума исторического знания, не базирующегося на исторической науке (естественно, востребующего ее фактологию, но особым образом). Это знание надо отличать, с одной стороны, от массового исторического сознания, сильно трансформировавшегося в период постмодернистского кризиса идентичности, и, с другой стороны, от популяризации научного знания. Социально ориентированное историописание (в отличие от научной истории – стремящейся к получению нового знания) имеет целью конструировать национальное, локальное, конфессиональное прошлое и выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроль над социальной памятью. В качестве основных форм реализации социально ориентированного знания в современной социокультурной ситуации следует назвать искусственную коммеморацию, учебную литературу по национальной (отечественной) истории и местную историю (историческое краеведение) [5].

К группе социально ориентированного историописания мы относим не только национально-государственные нарративы (о которых речь пойдет ниже) но и такие виды историографических источников, как учебная литература по национальной истории и историческое краеведение.

Национально-государственный нарратив. Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки, получив максимальное распространение в XIX в. Он включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства или значительную часть этой истории, выстраиваемой в линейной перспективе. Исторический рассказ об истории государства построен как четкая хронологиче-

¹ Данный вид историографических источников впервые выделен в готовящемся к изданию учебном пособии для студентов-историков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (см.: Источниковедение и информационные ресурсы истории: учебн. пособие / И. Н. Данилевский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; отв. ред. М. Ф. Румянцева; НИУ «Высшая школа экономики». М., 2014 (в печати).

екая последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре сеть, состоящую из монарших и других династий, войн, завоеваний, перемен в структуре управления государством и пр. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией).

Европейские историки второй половины XVIII–XIX в. выполняли важную задачу конструирования национальных историй, заключающуюся в создании непрерывного повествования о прошлом своих народов (от истоков до настоящего времени). Несмотря на различия в языках, конфессиях, наличие территориальных споров и неразрешенность многих культурных вопросов, национально-государственные нарративы связывали «свои» народы невидимыми нитями, а чаще просто «исторической судьбой». Показательными в этом плане стали истории немецкого самосознания и русского (великорусы, белорусы, малорусы) единства.

Целеполагание такой истории наглядно выразил во второй половине 30-х годов XIX в. Н. И. Надеждин в статье «Об исторических трудах в России» (1837). Не отрицая важности исторической критики в формировании научности в истории, он укорял, например, «скептическую школу» (М. Т. Каченовского) за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полусвету» некоторых «фактов» (т.е. не закрывали глаза на спорные вопросы российской истории). По мнению Н. И. Надеждина, у русской истории есть более высокая, чем строгая научность, цель – формирование нации. Такую позицию он мотивировал защитой национальных, но не научных интересов, заметив, что России нужно соединить в себе «кровные» территории (Украина, Белоруссия), «и ничего не может укрепить сильнее этого воссоединения, как *ясная память древних веков нашей древности* [здесь и далее выделено мной. – С.М.]». После чего Надеждин подчеркнул: вот почему «*эти века для нас бесценны*» [6, с. 116–131]. Таким образом, историк выбрал ту историю, в которой возможен «полусвет», – историю социально ориентированную, но внешне выстраиваемую в форме научного типа историописания. Его выбор был связан с гражданской позицией, желанием иметь историю «русского единства».

Профессионализация истории шла рука об руку с процессом конструирования национальных традиций, актуализированных интеллектуальным движением эпохи романтизма первой половины XIX в. По мнению С. Бергера, в это время «по всей Европе наблюдается усиливающаяся симбиотическая связь письма истории и даже истории как университетской дисциплины с практикой строительства национальных тождеств». Этот сплав историк назвал «историографическим национализмом». Последний особенно проявлялся в практике поиска в первобытности специфических национальных типов европейских этносов: кельтских, германских, романских и славянских. Христианство в его православном, католическом и протестантском вариантах стало еще одной важной особенностью, определявшей в текстах европейских историков национальный дух их народов [12, р. 19–31]. Так религиозная составляющая превращалась в один из мифов, введенных в национально-государственные истории.

Именно это можно найти в «Русской истории» (в 5 т., 1839–1841) Н. Г. Устрялова. Автор включил религию в «миф Европы». По его мнению, добродетели государственного благоустройства «были неминуемым следствием самой религии, и Русь разделила их со всей Европой, обязанную единственно христианской вере перевесом своим над прочими частями света на поприще гражданственности и образованности». После такого замечания русский историк перешел от конструирования общеевропейского к «своему», русскому национальному мифу, начав со слов: «Вместе с тем христианство принесло нашему отечеству другие выгоды, коих не имела Западная Европа...» [11, ч. 1, с. 103–104].

Заинтересованность историков в конструировании национально-государственной истории принимала безусловные социально ориентированные черты. Попытки включения национальной истории в более широкий международный контекст (для демонстрации мирового величия), в котором действует «свое» государство-нация, подавлялись постоянной актуализацией внимания на чертах суверенности, что приводило к изоляции «своей» истории, противопоставлению ее другим. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал о «своих»: «Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскими! надобно только мыслить, чтобы с лю-

бопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны никому до толе неизвестные, внес их в общую систему географии и истории и просветил божественной верой...» [3, т. 1, с. XII].

Свое замечание Н. М. Карамзин пояснял тем, что, завоеывая Азию, Россия «приобрела новое Царство для России, открыла второй новый мир для Европы» и, называя русского завоевателя Сибири именем известного испанского колонизатора, отмечал: «Российский Пизарро, не менее Испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества» [3, т. 9, с. 370, 383].

Через несколько десятков лет ему вторит британец Т. Б. Маколей, но только уже о «своей» национальной истории («История Англии» в 5 т., 1849–1861), в которой народ создал великое государство, успешно защищавшееся «от внешних и внутренних врагов». Историк стремится описать его благоденствие, «подобно которому летописи дел человеческих еще ничего не представляли <...>, как в Америке британские колонии быстро сделались гораздо могущественнее и богаче тех государств, которые Кортес и Пизарро присоединили к владениям Карла V; как в Азии британские искатели приключений основали державу, не менее блестящую и более прочную, чем монархия Александра» и т.д. [4, т. 6, с. 1–2]

В классической модели историографии «научность» и «объективность» национально-государственной истории связывалась с последовательностью ее изложения и «истинностью» описываемых событий, в которых участвовал народ и его герои. То, что такая история не только научна, но и объективна, не вызывало сомнения, поэтому Н. Г. Устрялов в 1836 г., отметив ее правильность словом «верная», подчеркнул: «Русская история достигает своей цели *верным* [выделено мной. – С. М.] изображением перемен, случившихся в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий» [10, с. 405–408]. Но сама модель национально-государственной истории (несмотря на «верное изображение») оказывалась социально ориентированной, так как каждый такой труд ставил целью поиск национальной идентичности.

В середине XIX в. модель национально-государственной истории приобретает все более уважаемые черты научности, что показывает многогранный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (в 29 т., 1851–1879), в котором автор как само собой разумеющееся отметил: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...» [9, кн. 1, т. 1, с. 1]. Надо признать, что большой труд С.М. Соловьева в немалой степени стал еще и исследовательской работой.

Классическая европейская историография XIX в. выступила основным инструментом трансляции в общественное сознание англичан, немцев, французов, русских и т.д. представления об особой ценности собственного государства, прошедшего долгий и нелегкий путь своего строительства.

В неклассической модели исторической науки с рубежа XIX–XX вв. интерес профессиональных историков к написанию национально-государственных нарративов сменился заинтересованностью в изучении истории отдельных социальных, культурных, экономических, политических процессов, а модель таких исследований уже не соответствовала линейной модели истории, характерной для национально-государственных нарративов. Поэтому в XX в. для написания трудов по национально-государственной истории стали создавать авторские коллективы, в рамках которых каждый из историков писал тот или иной раздел истории, соответствовавший его научным интересам.

В советской историографии крупные проекты написания национально-государственной истории (выполняемые коллективом историков) последовали один за другим в 1950-х – 1970-х годах. Первый, задуманный еще до Великой Отечественной войны, осуществлялся в СССР в 1950-х годах. В 1953–1958 гг. были изданы девять томов «Очерков истории СССР» [8].

Как можно заметить, в самоназвании труда присутствует понятие «очерки» и редакторы томов поясняли свой выбор сохранением мнений авторов отдельных глав [см., например: 8, т. 2, с. 5]. Несмотря на это, «Очерки истории СССР» обладают видовыми признаками такого историографического источника, как национально-государственный нарратив, поскольку построены

по модели линейной истории, имеют строгую хронологическую структуру и материалы (очерки) последовательно рассказывают о строительстве государства.

Следующий проект «История СССР с древнейших времен до наших дней» в двух сериях и 12 томах (первая серия в шести томах – с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции; вторая серия в шести томах – от Великой Октябрьской социалистической революции до дней написания труда) выполнялся с 1966 г. по 1980 г. [1] Последний, 12-й том так и не был издан. Если в первом случае («Очерки истории СССР») советские историки закончили изложение событий национально-государственной истории концом XVIII в. и проект был остановлен, то во втором случае («История СССР») редколлегия и авторам не удалось изложить советскую историю после 1961 г.

Незаконченные проекты по написанию национально-государственной истории, осуществившиеся в контексте неклассической исторической науки, свидетельствуют о кризисе национально-государственных гранд-нарративов, который начался вместе с кризисом классической модели исторической науки. П. Нора замечает об этом: «Эта модель истории больше не работает. Ни с точки научной, ни с моральной точки зрения, ни как метод, который она применяет, ни как соответствующая ей философская система. Ее распад начался в эпоху между мировыми войнами...» [7, с. 8]

В отечественном историографическом процессе национально-государственная история, создававшаяся трудами историков XIX – начала XX в. как русская история (великорусская, малороссийская, белорусская), была разрушена после 1917 г., ей на смену пришла история СССР и «советского народа», но и последняя начала ломаться к концу 1980-х годов и окончательно оказалась разрушена после 1991 г.

Национально-государственные нарративы, выстроенные в линейной модели и логично структурированные по векам государственного строительства, служили и служат удобным материалом для трансляции национальной (отечественной) истории в образовательном процессе как в высших учебных заведениях, так и в средней школе. Но, еще раз подчеркну, что выполняют они свою транслирующую роль лишь в линейной перспективе, характерной для классической историографии XIX в.

Литература

1. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х сериях; 12 т. М.: Наука, 1966–1980.
2. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д. А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010–2013. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Николай Карамзин. СПб., 1818–1829.
4. Маколей Т. Б. История Англии. Ч. 1 // Т. Б. Маколей, Полн. собр. соч.: в 15 т. СПб., 1866. Т. 6. 430 с.
5. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 252 с.
6. Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 93–136.
7. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. 329 с.
8. Очерки истории СССР: в 9 т. / гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: АН СССР, 1953–1958.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 6 кн.; 29 т. СПб., 1896.
10. Устрялов Н. О системе прагматической русской истории // Русская история Н. Устрялова. Изд. 5-е, испр. и доп. ист. обозрением царствования государя императора Николая I: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 405–433.
11. [Устрялов Н. Г.] Русская история Н. Устрялова: в 5 ч. СПб., 1939–1841.
12. Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism / Stefan Berger // The Oxford History of Historical Writing. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800–1945 / eds by S. Macintyre, J. Manguashca, A. Pok. P. 19–40.

УДК 94(73)

Пантюхина Татьяна Викторовна

РИЧАРД СИРС: АМЕРИКАНСКАЯ «ИСТОРИЯ УСПЕХА»

В статье освещается деятельность американского предпринимателя рубежа XIX–XX вв. Ричарда Сирса, чья жизнь представляется воплощением представлений американцев об успехе и путях его достижения.

Ключевые слова: бизнес, история успеха, товары-почтой, каталог, американские фермеры.

Pantuykhina Tatiana Victorovna

RICHARD SEARS: AMERICAN «SUCCESS STORY»

The article deals with the career of an American businessman of the turn of the XX-th century Richard Sears. His life and career personify the idea of success held by Americans.

Key words: business, success story, mail order, catalogue, American farmers.

В системе жизненных целей американцев важное, а возможно и ключевое место занимает установка на успех. Американский исследователь Макс Лернер в работе «Развитие цивилизации в Америке» отмечает, что составными компонентами системы жизненных ценностей американцев являются успех, престиж, деньги, власть, уверенность, а если определить одним словом, то «культ успеха» [2, с.184]. В системе в целом, пишет М. Лернер, ценится «что я достиг» против «кто я есть» [2, с. 184]. Другие авторы полностью разделяют это мнение: «Спросите любого американца: что такое Американская Мечта – и он ответит: «Успех» [5, p.17].

Американская история изобилует «историями успеха». Это, в первую очередь, биография Бенджамина Франклина, который является классическим образцом self-made man – «человека, который сотворил себя сам», т. е. человека, происходившего из социальных низов, но сумевшего путём самообразования, самосовершенствования и труда подняться к вершинам славы и высокого социального статуса.

Общезвестно, что на формирование представлений американцев о жизненном успехе и путях его достижения большое влияние оказала этика протестантизма. Self-made man т.е. воплощение представлений американцев о Совершенном Человеке и Совершенной Жизни, своим продвижением к вершинам был обязан истинно пуританским добродетелям: трудолюбию, умеренности, рассудочности, самодисциплине, умению жить по средствам, без долгов.

В XVIII веке, веке Просвещения, этические нормы протестантизма обрели секуляризованную форму. Американская просветительская этика XVIII в. делала акцент на идее самосовершенствования. Под этим понималось улучшение своего материального положения, накопление богатств, а также развитие природных способностей, прежде всего умственных, овладение знаниями. Просветительский идеал процветания – это не только материальное благосостояние, но и хорошее здоровье, добрый нрав, мудрость, общественная полезность и хорошая репутация.

Добродетель вознаграждается – провозглашала просветительская мораль, и вознаграждается не только в денежном измерении. Истинная награда добродетели заключается в том, что человеку в конце жизненного пути не в чем себя упрекнуть и не за что просить прощения.

Идея самосовершенствования как способа достижения успеха достигла расцвета в XIX веке. В концепции самосовершенствования акцент ставился на саморазвитии индивида. Саморазвитие трактовалось как развитие интеллекта посредством чтения «выдающихся книг», поддержание хорошей физической формы, формирование характера. Эти идеи получили широкое распространение в массах благодаря так называемой «литературе успеха». Это истории, сюжет которых строился по определенному шаблону, Бедный мальчик, обычно сирота, претерпевая тысячи невзгод, много и упорно трудится. Он обладает всевозможными добродетелями и, в конце концов, к нему приходит успех. Среди американских авторов, создававших «истории успеха» в Америке XIX века не было, пожалуй,

более популярного автора, нежели Г. Олджер. Бывший протестантский священник Г. Олджер в 1860 г. начал писать книги для молодежи и за 30 лет своей писательской карьеры выпустил 130 сочинений [6, p.136]. Уже названия его книг свидетельствуют о том, что автор делает акцент на протестантских добродетелях: «Работай и побеждай», «Делай и дерзай», «Пробиваясь наверх», «Отвага и удача». Книги Олджера в то время были бестселлерами.

Миф об успехе и равенстве возможностей подпитывался жизнеописаниями магнатов бизнеса, таких, как Д. Рокфеллер и Э. Карнеги. Для современников они являли собой живое воплощение сюжетов Олджера, а со временем стали хрестоматийными образцами «self-made man». Гораздо менее известна история Ричарда Сирса, хотя это не менее впечатляющая «история успеха».

Р. Сире – американский предприниматель рубежа XIX–XX вв., основатель компании «Сире, Робак и К.», незаслуженно обойденный вниманием историков большого бизнеса. Начав со скромной фирмы, он превратил ее в крупнейшую компанию в сфере розничной торговли промышленными товарами. Сире открыл огромный рыночный потенциал – фермерскую Америку, и внедрил ряд революционных инноваций в сфере торговли, главным из которых было открытие новых торговых каналов посредством реализации товаров почтовыми посылками через заказы по каталогу.

Американизм «mail order» («заказ по почте») вошел в обиход в начале XX века, хотя появление такого рода услуги относится к началу 70-х гг. XIX в. Пионером в этой области стал предприимчивый американец Монтгомери Уорд. В 1872 г. он издал каталог, в котором содержался перечень товаров с пояснением о порядке их заказа. Спустя 10 лет после начала дела с капиталом в 2 400 долларов Уорд уже рекламировал товары на общую сумму в полмиллиона долларов [8, p.154].

Успех нового вида розничной торговли («заказ по почте») был обусловлен целым рядом исторических особенностей развития американского общества. Впрочем, и тот факт, что «mail order» зародился в Америке, совершенно закономерен. С 1862 года началось массовое заселение западных земель. К 1900 году к западу от Аллеган насчитывалось приблизительно 5,7 млн. фермерских хозяйств [8]. Американский фермер и его семья проживали изолированно: среднее расстояние между фермами составляло от полумили и более. Фермерские семьи были отрезаны от благ цивилизации, доступных горожанину. Необходимые им товары фермеры приобретали у странствующих коммивояжеров или в лавках ближайших городков. Ассортимент товаров был скудным, а цены высокими. Так что Монтгомери Уорд и другие предприимчивые люди верно оценили, какой бездонный рынок представляет собой фермерская Америка.

Развитию торговли «товары – почтой» способствовало два обстоятельства. Во-первых, широкое строительство железных дорог, связавших в единый рынок старые, обжитые регионы Атлантического побережья и колонизуемый Запад. К 1900 году вся Америка была опутана сетью железных дорог, их суммарная протяженность составила 200 000 миль [3, p. 488]. Была создана инфраструктура, позволявшая вовлечь фермера из самой отдаленной глубинки в потребительское сообщество.

Второе обстоятельство, благоприятствовавшее развитию торговли «товары – почтой» – это создание сельской почтовой службы. В ту эпоху, когда не было телефона, телевидения и интернета, единственным средством сообщения с отдаленными фермерскими районами была почтовая связь. Ее становление связывают с принятием в 1896 г. конгрессом закона о бесплатной доставке корреспонденции на фермы (Rural Free Delivery – RFD). Уже к 1906 году была завершена разработка основных почтовых маршрутов. По мнению американского историка Дэниэла Бурстина, создание сельской почтовой службы явилось событием революционного значения. Для сельских жителей, которые, согласно переписи 1910 г., составляли половину населения страны, стали доступны услуги дешевой государственной службы связи. Теперь фермер «получил возможность влиться в более широкий мир людей, с которыми никогда не встречался, и событий, свидетелем которых никогда не был, но о чем мог прочитать в газетах. Благодаря службе почтовой связи образовались новые сообщества. Теперь от порога каждого фермерского дома начиналась дорога в мир» [1, с.167–168].

Если развить метафору Д. Бурстина, то одной из «дорог в мир» для фермерской семьи стал каталог «товары – почтой». Вслед за пионером этого дела Монтгомери Уордом инициативу подхватили другие предприимчивые американцы. Абсолютного успеха здесь удалось добиться только фирме «Сире, Робак и К.». Основанная в 1886 г. Ричардом Сирсом, небольшая фирма по продаже часов за 8 лет стремительного роста обошла лидера – компанию «Монтгомери

Уорд», созданную на 14 лет раньше. К середине XX в. «Сире, Роубак и К.» выросла в крупнейшую в стране компанию в сфере розничной торговли промышленными товарами. В учебниках по менеджменту фирма характеризуется как одно из самых успешных деловых предприятий современного мира. Объем годовых продаж «Сире» в середине 70-х гг. XX в. превысил 10 млрд. дол. По сей день это – крупнейшая система розничной торговли в мире, одна из самых прибыльных фирм в экономике США. Только «Маркс и Спенсер» в Англии могла бы помериться успехами с «Сире», но эта знаменитая английская фирма в 10 раз меньше «Сире» и обязана своими успехами, особенно в первые годы, откровенному подражанию «Сире».

Ричард Сире начинал свой торговый бизнес скромно, с торговли часами и ювелирными изделиями. Спустя год после основания, в 1887 г., его деловым партнером стал Алва Куртис Роубак, что отразилось в названии фирмы: «Сире, Роубак и К.». Бизнес быстро расширился на все товары, которые могли понадобиться сельскому дому. Сире и Роубак распространяли каталоги среди фермеров и выполняли заказы по почте из больших помещений в Чикаго. В 1905-1906 гг. партнеры построили в Чикаго фабрику по обработке почтовых заказов стоимостью 5,6 млн долл. Эта фабрика стала самым крупным бизнес-зданием в мире. Общая площадь помещений составляла более 270 тыс. кв. м. [7, р.5].

В отличие от конкурентов, Сире обладал способностью тонко чувствовать конъюнктуру рынка и адекватно реагировать на запросы потребителя. Ассортимент товаров, предлагаемых его каталогом, расширялся с каждым годом. В каталоге 1891 года на 32 страницах предлагались часы, а восьми-страничный вкладыш к каталогу рекламировал ювелирные украшения и швейные машины. В 1892 году в каталоге появился револьвер Смит и Вессон, в 1893 г. – другие виды огнестрельного оружия, а также мебель, кухонные принадлежности, мужская одежда, коляски и велосипеды. С 1894 года каталог предлагает женскую и детскую одежду, повозки, седла, спортивные товары, музыкальные инструменты, книги, детские коляски; расширился ассортимент мебели. Обложку каталога 1894 года Р.Сире – мастер слоганов и броских фраз, украсил своими изречениями: «Книга выгодных сделок: экономит деньги для каждого», «Самый дешевый на свете поставщик для дома, для семьи», «Мы торгуем по всему свету», «Мы не можем позволить себе терять покупателя» [4]. Последнее изречение – не просто лозунг. Работе с клиентами Сире действительно придавал большое значение. Он старался поддерживать личные контакты с клиентами даже тогда, когда фирма разрослась. Даже после того, как появились и получили распространение пишущие машинки, Сире какое-то время продолжал писать письма от руки из уважения к чувствам фермеров, которые обижались, если получали письма, отпечатанные на машинке. Письма-отзывы довольных покупателей Сире публиковал в каталогах.

Стратегия работы с клиентами сформулирована Сирсом в каталоге 1895 года. Сире обращается к клиенту как своему близкому другу, приглашая его высказать свои замечания и предложения по работе компании. В каталоге публикуются фотографии сотрудников компании и офиса в Чикаго. «Будете в Чикаго – обязательно заходите к нам в гости!», – обращается Сире к покупателю. Дружески-доверительный тон каталога Сирса пришелся по душе жителю американской глубинки, где все и каждый знали друг друга, и где покупка товара в местной лавке представляла собой не столько акт купли-продажи, сколько форму общения двух старых знакомых: лавочника и покупателя. Сире стремился стать таким же «старым знакомым» для своих клиентов.

Для историка каталог «Сире, Роубак и К.» – бесценный источник. Это отмечает Д. Бурстин, посвятивший истории этого издания несколько страниц своего труда «Американцы: Демократический опыт». Значимость каталога для истории и историков, видимо, осознавали и в самой компании «Сире, Роубак и К.». В одном из многочисленных печатных органов компании, «Sears News Graphic» за 1943 год, читаем: «Каталог – это зеркало нашего времени, в нем запечатлены устремления, желания, привычки, обычаи, традиции и образ жизни человека нынешней эпохи для будущего историка» [4].

Еще одним подтверждением значимости этого исторического источника является тот факт, что несколько лет назад в США выпустили в свет репринтное издание каталога «Сире, Роубак и К.» за 1908 год. В предисловии редакторы поясняют, что при всей значимости и востребованности этого исторического источника, каталоги «Сире, Роубак и К.» давно стали биб-

лиографической редкостью, а стоимость одного экземпляра превышает стоимость любого товара, указанного в нем [7, р.5].

Репринтное издание каталога за 1908 год оказалось в распоряжении автора этой статьи. Эта книга является потрясающим свидетельством эпохи. Даже сегодня, в эпоху Amazon, сложно поверить, что может существовать такое разнообразие. На 1184 страницах книги, похожей на телефонный справочник, втиснуты тысячи наименований товаров, описанных мелким шрифтом и сопровождающихся тысячами иллюстраций.

В каталоге 1908 г. каждый мог найти что-то для себя. Маляр находил на 70 странице каталога банку краски за \$ 9,10, которая «покрасит весь этот дом». Рядом была фотография двухэтажного дома с мансардой. Клиент с плохим зрением находил на 186 странице тест-таблицу для проверки зрения, инструкции для самостоятельного заполнения рецепта на очки и очки в ассортименте. «Мастер на все руки» всего за 26 центов мог купить все необходимое для оклейки обоями целой комнаты. Клиенты с различными недугами могли приобрести электрическую батарейку, которая «лечит многие болезни». Музыканту предлагалось пианино, «снабженное защитой от мышей».

Товары каталога 1908 г. сгруппированы по нескольким разделам: швейные машины, обои и краска, книги, транспортные средства, велосипеды, оптика, электротовары, музыкальные инструменты, часы и ювелирные украшения, товары для дома, мебель, инструменты, продукты, сантехника, кухонные печи, фотоаппараты и фотооборудование, оружие и спорттовары, медтехника, обувь, ковры и ткани, игры и детские игрушки, одежда.

Говоря о предметах для домашнего досуга из каталога «Сире, Роубак и К.», стоит отметить, что изучение каталога само по себе было любимой формой проведения свободного времени для фермерской семьи. Найти в своем почтовом ящике свежий каталог за пару месяцев до рождества, полистать его, пометчать, окунуться в мир новых, красивых вещей – за этим занятием проводились многие вечера. Сошлюсь снова на мнение Д.Бурстина: «Для многих фермеров каталог Сирса и Роубака стал более близкой и нужной книгой, чем Библия. Фермер хранил Библию в чопорной гостиной, где проводил мало времени. Что же касается каталога, то... он обычно находился в уютной кухне, под рукой. На кухне фермерская семья не только ела, она практически там жила» [1, с.163].

Каталог содержит богатую информацию о повседневной жизни сельских жителей Америки. Как справедливо отмечают редакторы репринтного издания 1908 г., «Сире знал свой рынок. Он сам был выходцем из маленького фермерского сообщества, и вся его предпринимательская деятельность с самого начала была ориентирована на людей такого же происхождения» [7, р. 8]. Каталог был таким, каким его хотел видеть фермер.

Каталог 1908 года стал последним изданием, выпущенным при непосредственном участии Р.Сирса. В 1908г. он покинул пост президента компании, достигшей к тому времени процветания. Справедливости ради следует отметить, что своим успехом компания была обязана не только Р. Сирсу. При всех его талантах коммерсанта и маркетолога, Сирсу не доставало способностей менеджера. Как следствие, в первые годы существования бизнеса Сирсу и Роубаку приходилось работать зачастую по 16 часов в сутки, 7 дней в неделю. И всё же фирма не справлялась с потоком заказов. Временами Сире даже сжигал пачки заявок на товары, будучи не в состоянии справиться с ними. Организаторские недостатки Сирса компенсировали два новых бизнесмена, ставших совладельцами «Сире, Роубак и К.» в 1895г. – Арон Насбаум и Джулиус Розенвальд. Незаурядные менеджеры, они организовали эффективное управление компанией, что, в сочетании с талантами Сирса в области маркетинга и рекламы, превратило «Сире, Роубак и К.» в успешное деловое предприятие.

Ричард Сире дал фирме свое имя. Он понимал нужды покупателя и был способен на блестящие импровизации, чтобы удовлетворить эти нужды.

Литература

1. Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт. М.: Прогресс, 1993.
2. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М.: Наука, 1992.Т.2.
3. Gruver R.B. An American history. 4-th edition. N-Y: Alfred A.Knopf, 1985
4. History of the Sears Catalog URL: <http://www.searsarchives.com/catalogs/history.htm>
5. Money and success: the myth of individual opportunity// Rereading America. Cultural contexts for critical thinking and writing. Ed. by G. Golombo, R. Cullen, B. Lisle. Boston: Bedford Books, 1991.

6. Norton M., Katzman D., Escort P. A people and a nation. Boston:
7. Houghton Mifflin Company, 1986.
8. Sears, Roebuck & Co. 1908. Catalogue No.117. Edited by J.J.Schroeder, jr.DBI Books, INC
9. The Development of Mail Order America & Consumer Society

URL: <http://www.hgsu.edu/~wgrant/1890s/america.html>

УДК 94(470.6)073.3

Пархоменко Владимир Валерьевич

Г. Х. ЗАСС НА БАТАЛПАШИНСКОМ УЧАСТКЕ КУБАНСКОЙ ЛИНИИ (1833–1835)

В статье исследуется деятельность Г. Х. Засса на самом опасном участке Кубанской линии. Изучается специфика ведения боя и организации обороны. Рассматривается становление Г. Х. Засса в качестве офицера «кавказского» типа.

Ключевые слова: Кубанская линия, Баталпашинский участок, Северный Кавказ, Засс, Атаршчиков, Кануков.

Parkhomenko Vladimir V.

G. H. ZASS ON BATALPASHINSK PLOT LINE KUBAN (1833–1835)

In this article examines the activities of G.H. Zass on the most dangerous section of the Kuban line. Studied the specifics of combat and defense organization. Considered the formation of G.H. Zass as an officer of the "Caucasian" type.

Kew words: Kuban line, Batalpashinsk plot, the North Caucasus, Zass, Atarshchikov, Kanukov.

Верой и правдой служил Российской империи на военном поприще генерал иностранного происхождения, представитель древнего вестфальского баронского рода Г. Х. Засс (1797–1883).

Родился Григорий Христофорович Засс 29 апреля 1797 года. Его предки еще в XV веке переселились в Курляндию. В 16 лет с небольшим Г. Х. Засс поступает в гусарский полк, расквартированный в г. Гродно, и в столь юном возрасте принимает участие в европейских походах российской армии 1813–1814 гг. против Наполеона. За проявленную отвагу в битвах под Лейпцигом и Дрезденом был жалован Г. Х. Зассу наградной знак – орден Святого Георгия [1].

Когда закончилась Отечественная война, Г. Х. Засса зачислили в доблестный Псковский кирасирский полк. Спокойная, рутинная служба на Украине, где располагался полк, не устраивала Георгия Засса. Возможно, после заграничных походов и ожесточенных сражений, в которых русская армия вышла победителем, молодой офицер не мог привыкнуть к «мирной» службе. В поисках славы и приключений, так привлекательных для юных офицеров, познавших вкус победы, Засс стал подбирать новое место службы. И как говорил Яков Петрович Кульнев: «Матушка-Россия тем и хороша, что в каком-нибудь ее углу непременно дерутся» [2]. В 1820 г. Григорий Христофорович впервые попал на Кавказ, был определен в драгунский полк в Кахетии.

Длительная Кавказская война сформировала уникальный тип офицера. В условиях борьбы с подвижным противником мужество, инициативность, владение информацией и решительность имели огромное значение. На Кавказской войне триумфа добивался тот, кто мог понять особенности ведения военных действий горцев, кто был в состоянии полностью погрузиться в жизнь северокавказских народов. Г. Х. Засс – яркий представитель офицера «кавказского» типа. «Рыцарская физиономия. Высок ростом, имеет светло-голубые глаза и огромные висячие усы – один черный, а другой абсолютно белый» [3].

Засс служил под командованием князя А. Чавчавадзе, позднее в 1822 г. под руководством И. П. Шабельского. Военный историк, генерал В. А. Потто описал Шабельского, как одного из лучших генералов в армии Российской империи [4]. Под началом выдающихся полководцев Г. Х. Засс стал познавать особенности ведения войны на Кавказе. На Кавказе Засс совершил значительный подъем по ступеням военной иерархии. Он принимал участие в походе в Джарскую область 1822 г., отбивал набеги отрядов лезгин, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. За мужество и умелое руководство Григорий Засс награжден орденом святого Владимира четвертой степени и чином подполковника. В 1830 г. ему вверили в командование Моздокский казачий полк [5]. В 1831 г. и в 1832 г. Григорий Засс со своим полком провел две успешные военные операции в Чечне и Дагестане, в награду за это его произвели в звание полковника российской армии. Наконец, в июле 1833 г. был переведен на Кубанскую оборонительную линию, где возглавил Баталпашинский участок. Баталпашинский отрезок Кубанской линии был наиболее опасным из-за непрекращающихся набегов горских отрядов, о чем свидетельствует в своих записках и сослуживец Г. Х. Засса, военный историк Георгий Семенович Атарциков [6]. Баталпашинский участок представлял собой цепь укреплений по р. Кубань и ее притокам Лабы, большого и малого Зеленчука и Урупа – от границы территории Карачая до станицы Николаевской.

Получив назначение, Засс не был стеснен в свободе действий и методов, генерал А. А. Вельяминов дал указание Г. Х. Зассу действовать по обстановке «без особого предварительного разрешения начальника Кубанской линии» [7]. Под командованием Георгия Засса были полки Донских и Хоперских казаков, а также батальон солдат из станицы Невинномысской. Первым делом Г. Х. Засс стал изучать обстановку на вверенном ему участке, отдавал распоряжения по укреплению опорных пунктов. Что характерно, предписано было совершать маневры и проводить работы только днем, и сводить к минимуму всякую активную деятельность ночью и в туман, особенно это касалось мирных жителей. Черкесы часто совершали набеги, угоняли скот именно в темное время суток. Характеризуя в одном из военных журналов противника, Засс отмечал, что наиболее опасными среди северокавказских воинов являются поселившиеся на р. Лабе бесленеевцы, «самые воинственные». Опасения вызывали махашевцы (один из адыгских субэтносов) и абазинцы, а также кабардинцы, которых он считал, «лучшими наездниками и отличнейшими хищниками» [5, л.17].

До назначения Засса на Баталпашинский участок русские войска использовали тактику пассивной обороны. Но новый начальник ответственного участка Кубанской линии понимал, что необходимо перехватить инициативу. И для начала заняться организацией разведки, Г. Х. Засс расходовал средства на организацию системы осведомителей и лазутчиков на всем протяжении Баталпашинского участка. У многочисленных бродов Кубани организовал патрулирование, дабы пресекать попытки вражеских отрядов пересечь реку. И разведывательная сеть стала приносить свои плоды, количество разбойных атак значительно сократилось. Более того, уже на втором месяце управления Баталпашинским отрезком Кубанской линии Засс совершил первую вылазку на территорию враждебно настроенных черкесов. Ему донесли лазутчики, что больше сотни черкесов готовят нападение на казачьи посты по берегу Кубани. Григорий Засс со своим отрядом форсировал реку и стремительным кавалерийским ударом разгромил противника. И хоть Засс не получил санкцию вышестоящего руководства на проведение военной операции, он руководствовался предписанием генерала Вельяминова о свободе действий в случае необходимости. По мнению Засса, такие вынужденные обстоятельства наступили, поэтому необходимы были незамедлительные действия. К тому же Засс в военном журнале подчеркивал, что успешный за долгое время поход обладал важным психологическим эффектом: «Казачи воскресли духом, снова видя успех оружия, долго перед тем остававшегося только в оборонительном положении, и получив надежды, что, наконец, прекратятся беспрестанные вторжения в их край хищнических партий» [8, с. 237–238].

Август – октябрь 1833 г. отмечается еще рядом военных экспедиций Г. Х. Засса. Командующий Баталпашинским участком в каждом походе придерживается определенной тактики. Получая от разведчиков данные о готовящейся военной акции горцев, Засс наносит превентивный удар. Он часто застаёт горцев врасплох, порой, не дает им собраться в условленной точке сбора. Нанося удар первым, и захватывая лошадей у противника, Г. Х. Засс с отрядом моментально переправлялся на российский берег Кубани, не давая горцам и шанса на ответную атаку. Таким образом, подразделе-

ния Баталпашинского участка линии изменили свои функции с оборонительных на атакующие. При этом совершая вылазки на территорию неприятеля, Засс не бросался опрометчиво на врага, предварительно разведка докладывала командующему о всех потенциально опасных участках местности, где неприятель мог устроить засаду. Также стоит отметить, что Засс в своем военном журнале и рапортах по именам перечислял знатных черкесов, кабардинцев, адыгов, убитых и взятых в плен. Можно сделать вывод, что Г. Х. Засс отлично знал своих неприятелей и разбирался от кого могла исходить угроза в каждой конкретной ситуации.

Примером одного из типичных для командующего Баталпашинским участком походов совершенных в 1833 г, является военная экспедиция в ноябре. Перейдя р. Лабу с отрядом в 800 пеших и 400 конных солдат и офицеров, Засс застал врасплох войска бесленеевского князя Айтека Канукова, в военном журнале Засс отмечал, что враг был почти полностью уничтожен [5, л. 23]. Но на обратном пути, подразделение Засса атаковали, превосходящие числом (2000 воинов) отряды Айтека, во главе с самим князем. Горцы подожгли на пути отступающих русских сухую траву и камыш. Но Засс вовремя разгадал планы неприятеля и приказал выжечь для своего отряда площадку, обезопасив от огня. Когда же вражеские отряды подошли ближе, их встретили картечью. Обратив воинов Канукова в бегство, Засс быстро дошел до р. Лабы и, не останавливаясь на ночлег, совершил переправу. В этом походе Засс потерял только одного солдата убитым и 14 ранеными [9]. Вскоре после боев с Айтеком Кануковым, Засс в декабре 1833 г. напал на два бесленеевских аула, в рапорте отметил цель походов: «Я сжег запасы сена и проса, чем лишил их возможности кормить и скрывать скот в своих крепких ущельях» [5, л. 23].

Отрезок Кубанской оборонительной линии в районе Баталпашинска считался одним из самых опасных. Хотя крепости и казачьи станицы были сильно укреплены, прекрасно знавшие местность черкесы, беглые кабардинцы, абадзехи и другие горцы совершали неожиданные набеги и исчезали раньше, чем русские войска достигали их. И командующий важным участком Кубанской линии активно действовал, его методы ведения боя отличали 3 главные составляющие: тщательная разведка, кинжальные карательные вылазки и военная хитрость. Разведчики Г. Х. Засса и он сам лично тщательным образом изучали близлежащую местность и маршруты вероятного перемещения войск. Впервые в практике российской армии на Северном Кавказе Г. Х. Засс активно использовал обширную агентуру среди горцев, что очень часто помогало командующему Баталпашинского участка линии в планировании военных операций.

Г. Х. Засс писал в журнале об итогах первого года служба на Баталпашинском отрезке Кубанской линии: «Враждебные горцы наказаны потерей многих знатных хищников, взятых нами в плен, истреблением их аулов и запасов хлеба и фуража» [8, с. 240]. Главный вывод Засс видел в том, что горцы перестали совершать постоянные набеги на форпосты и на вверенные ему отряды на Баталпашинском участке линии.

В последующие два года (1834–1835 гг.) Григорий Христофорович Засс продолжил атаковать военные подразделения враждебных горских народов. Он применял при этом множество специфических приемов войны на Кавказе: ложные отступления, засады, стремительное нападение и моментальное отступление. Г. Х. Засс считал, что принятая им система постоянных карательных походов необходима была в качестве предупреждения вылазок враждебных горцев, дабы обезопасить войска на Кубанской линии и мирное население.

Служба на Баталпашинском участке линии была завершена в 1835 г. Григорий Христофорович Засс пошел на повышение и был назначен командиром всей Кубанской линии и награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Таланты полководца и личная отвага, храбрость внушали уважение как среди врагов, так и среди своих офицеров и казаков. Лучше всего его характеризовали современники, тоже боевые офицеры. Г. С. Атарциков в своих записках отмечал: «Засс представлялся даже линейным казакам человеком сверхъестественной храбрости, героем беспримерным, под начальством которого можно разбить неприятеля, хотя бы он в тысячу раз был сильнее... По своей наружности, характеру, складу ума, находчивости, решительности, умению внушить к себе уважение и страх в горах, любовь казаков и солдат, был рожден собственно для партизанской боевой жизни...» [6]. Андрей Евгеньевич Розен в записках писал: «Никого из предводителей русской армии не боялись так черкесы и ни один из них не пользо-

вался такой известностью у горцев, как этот оригинальный курляндец. Его военная хитрость была столь же замечательна и достойна удивления, как и его неустрашимость, и при этом он обнаруживал еще необыкновенную способность изучать характер кавказских народов» [10].

В 1842 году Григорий Христофорович Засс покинул Северный Кавказ, и вскоре ушел в отставку. Но его военные таланты понадобились еще раз, он в составе русских войск участвовал в подавлении восстания венгерских повстанцев в 1849 году, войска были присланы по просьбе императора Австро-Венгрии. Скончался талантливый военачальник 4 декабря 1883 года. Точной информации о местоположении кончины Г. Х. Засса нет, но известно что последние годы жил в Курляндской губернии, в своем имении Шеден. В частности об этом пишет Г. С. Атарщиков: «Недавно я посетил старого кавказского ветерана, генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса в имении его Шеден, находящемся близ Фрадебурга, в Курляндской губернии. Поистине, мне выпала завидная доля, снова, после многих протекших лет, увидеть героя Кавказа и передать ему от всех кубанских и закубанских сослуживцев поклон и душевное приветствие» [6]. Получив боевой опыт еще в юном возрасте, в заграничных походах русской армии 1813-1814 гг., Григорий Христофорович Засс использовал свои умения и на Северном Кавказе. Подстроившись под тактику ведения боя с горцами на Баталпашинском участке линии (1833–1835), Засс и в дальнейшей карьере успешно применял полученные навыки, управляя всей Кубанской оборонительной линией.

Литература

1. Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. 2000. № 1.
2. Кульнев Я. П. 1763–1812. Очерк его боевой жизни. Письма к брату. М., 1887. с. 45
3. Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931. с. 64
4. Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 4. СПб., 1904.
5. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.
6. Атарщиков Г.С. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Г. Х. Засса // Военный сборник. – 1870. – № 8. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Atarsikov_G/text1.htm.
7. Потто В.А. Кавказская война. Т.4. – Ставрополь, 1993. – с. 180
8. Ауман В. А. История российских немцев в документах. – (1763-1992 гг.). – М., 1993. – С. 237-238
9. Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. – 2000. – №1.
10. Розен А. Записки декабриста. М., 2008. с. 75.

УДК 94:332.834.7

Покотилова Татьяна Евгеньевна

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В статье обосновывается необходимость обращения к представлениям и понятиям истории повседневности при изучении истории отечественного благотворения как социокультурного феномена, реализовавшегося, прежде всего, через повседневные практики.

Ключевые слова: история отечественной благотворительности; история повседневности; повседневные практики; обычай; повторяемость; принципы и методы истории повседневности благотворительности.

Pokotilova Tatyana E.

DAILY ROUTINE OF CHARITY AS THE MOST IMPORTANT ASPECT OF THE HISTORY OF RUSSIAN CHARITY

The article proves necessity of addressing to ideas and notions of daily routine history during researching Russian philanthropy as a social and cultural phenomenon that had been implemented through daily routine practice.

Key words: history of Russian charity; daily routine history; daily routine practice; custom; recurrence; principles and methods of charity daily routine history.

Современная отечественная историография истории благотворительности в дореволюционной России насчитывает всего лишь около двадцати с небольшим лет. За этот период она прошла путь от очерково-публицистических работ к фундаментальным профессиональным исследованиям [8, с. 95; 14, с. 16–30]. При этом вопросам методологии изучения проблем российской благотворительности и общественного призрения практически еще не уделялось особого внимания. Мы связываем этот факт, прежде всего, с наличием огромного количества источников, не введшихся ранее в научный оборот, что позволяло исследователям быть вполне профессионально состоятельными, опираясь на традиционные подходы и методы в обработке исторического материала. Но, на наш взгляд, ряд особенностей феномена отечественной благотворительности требуют как значительного расширения арсенала последних при изучении процесса его развития, так и увеличения числового ряда комбинаций традиционных и нетрадиционных принципов и методов исследования. Здесь речь пойдет о возможности и необходимости изучения истории отечественной благотворительности в различных ее аспектах как социокультурного феномена, реализовавшегося прежде всего через повседневные практики.

На протяжении всей истории человечества обязанность оказывать помощь нуждающимся в ней всегда признавалась, однако в разной мере. Возникшая именно как определенная обязанность еще на заре развития общественных отношений, по мере усложнения последних она не только становится также частью религиозного сознания и морали, но и получает статус важнейшего сегмента социальной политики. Став в процессе социальной эволюции частью механизма стабилизации общественных отношений, благотворительность, естественно, превращается и в объект взаимоотношений основных звеньев социальной структуры.

В нашей работе «Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности» мы обосновали тезис о том, что «...благотворительность, этот социальный феномен, имеющий многовековую историю, можно смело считать» и «...элементом культуры, указывающим на одну из особенностей образа жизни, свойственных обществу на протяжении его развития» [8, с. 10], т. е. обычаем. Таким образом, в данном случае

объектом изучения становится обычай, в качестве одного из элементов культуры руководящий человеческими отношениями.

А. А. Хеллер, трактуя «повседневную жизнь» как «совокупность деятельности индивидуумов к их воспроизводству, которые, соответственно, создают возможность к общественному воспроизводству» [16, с. 250] и называющая категории, которыми регулируется и определяется повседневность, как раз и причисляет к ним, помимо предметов, созданных людьми, и языка, именно обычай.

Правомерность отнесения благотворительной деятельности к части повседневности в качестве обычая подтверждает и мнение П. Боршайда, считающего существенным и даже решающим признаком повседневной деятельности повторение, которое «создает обязательный фундамент всем человеческим мыслям и действиям» [Цит. по: 3]. Он настаивает, что повседневность – «не есть лишь мир маленького человека, это мир всех людей, в котором должны исследоваться не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания» [3]. А. Людтке также отмечает: «Важнее всего изучение человека в труде и вне его. Это – детальное и историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, а также и надежд на будущее. Центральным в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего» [5, с. 77].

Для исследователей истории благотворительности последняя – это прежде всего система «основанных на чувстве дружелюбия действий, имеющих целью оказание помощи слабым членам общества, лишенным, по той или иной причине, возможности собственными силами обеспечить себе минимум средств существования» [1, с. 293–294]. И история эволюции российской дореволюционной благотворительности, основанной на глубоких и особых традициях, как раз и дает те самые неисчислимы примеры повседневных действий представителей различных социальных слоев, не только имевших мощную мировоззренческую подоплеку, но и важные черты набравшего силу процесса культурно-национальной идентификации.

Именно поэтому для изучающих историю отечественной благотворительности, как крупнейшего социокультурного феномена в его многовековой динамике, представления и понятия истории повседневности являются необходимым и значимым элементом теоретико-методологического фундамента для проведения более глубокого и добросовестного научного анализа.

Н. Л. Пушкарева в статье «История повседневности как направление исторических исследований» [10] отмечает, что современные ученые придерживаются двух основных трактовок понимания истории повседневности. Первая связана с представлением о ней как о приеме реализации методики микроисторического анализа. Вторая – с видением ее в качестве «реконструктора» ментального макроконтекста истории. На наш взгляд, именно в процессе изучения истории повседневности отечественной благотворительности как, с одной стороны, набора повторявшихся культурных практик, а, с другой, – социокультурного феномена, приобретшего по мере развития статус «поля постоянного творчества», в котором рождалось будущее, эти подходы, будучи одинаково востребованными, как раз и позволяют достигать ярких результатов в исследовании.

Определяя благотворительность как социальное действие по реализации определенных институальных, общественных или частных усилий помощи и поддержки нуждающимся, изучить ее в исторической динамике во всей полноте и яркости этого социокультурного феномена невозможно без ориентира, предложенного Ф. Броделем: «Здесь мы имеем дело с побуждением, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам» [2, с. 13]. Поэтому, конечно же, у истоков написания полновесной истории повседневности отечественной благотворительности стоит определение и детальное изучение всех акторов этого процесса, и разделение их, прежде всего, на такие категории, как объекты и субъекты благотворительной практики. Что созвучно мнению А.К. Соколова о том, что участни-

ками истории повседневности как истории производства и воспроизводства действительной жизни являются не только объекты истории, но и ее субъекты [13, с. 326–327].

Длительность процесса существования и эволюции феномена отечественной благотворительности требует изучения его в исторической динамике, и понятия истории повседневности вполне совместимы с этим условием. Ведь одно из базовых положений теории повседневности связано с представлением о ней «как о сложной ткани переплетения различных порядков, компенсирующих ослабление или разрушение их в одном месте за счет усиления в другом» [6, с. 291].

Здесь также очень важно в зависимости от конкретных задач отдельного исследования избрать, по возможности, территориально ограниченный регион, что позволит выявить всю возможную палитру участников благотворительного процесса – как в виде групп, так и индивидов, – и глубже проникнуть в процесс взаимодействия по поводу практики «добротворения» отдельных людей и локального социума в целом, как «нераздельных аспектов одного сложного и постоянно меняющегося набора взаимосвязей» [6, с. 291].

С другой стороны, история отечественной благотворительности – благодатный материал для изучения «взаимодействия общества и власти как единой системы», то есть соотношения воли государственных властей и поступков «маленького человека». Это считает задачей номер один С. В. Журавлев, для которого главным предметом изучения является соотношение социальной истории, истории повседневности и истории быта [15, с. 24].

История легитимации благотворительного движения в дореволюционной России – это и одна из интересных, изобилующих фактами, страниц истории оригинального российского нормотворчества. А история правоприменения в этой сфере отличается, на наш взгляд, редким для нашей страны последовательным, как правило, исполнением закона, не исключавшим при этом разнообразия форм, масштабов и направлений благотворительной практики. И именно индивид, т. е. «маленький человек», на протяжении всего этого процесса оставался главным его фактором как в качестве объекта, так и субъекта событийности.

Все вышеперечисленное дает нам основание настаивать на особой востребованности принципов, методов и категорий истории повседневности при изучении истории отечественной благотворительности [10]. Поскольку именно история повседневности связана не с заменой, а с уточнением структурного подхода с целью обогащения нашего понимания прошлого. Это позволяет наиболее глубоко понять и раскрыть дихотомию между институциональным и человеческим факторами [7].

Понимая, что успешность любого научного исследования зависит от множества факторов, остановимся на тех принципах, которые, с нашей точки зрения, позволяют, в рамках изучения истории повседневности благотворительности, «почувствовать в ней то, что выражает дух времени; создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку» [13, с. 326].

Базовыми принципами для изучения истории повседневности как значимой части истории благотворительности видятся, прежде всего, принцип исторического синтеза, принцип сочетания макро- и микроисторического подходов, принцип полидисциплинарности и междисциплинарного синтеза в исследовании, принцип т.н. «плотного описания».

Первый основывается на отрицании «заданности» методологии изучения истории, необходимости объединения в исследовании самых различных, адекватных предмету изучения, методик. Что, в свою очередь, позволяет рассмотреть последний как можно всесторонне.

Второй позволяет выявить мотивацию действий участников благотворительного процесса и реконструировать «типичное» для них в различные периоды благотворительной практики в качестве части макроконтекста жизни людей.

Третий, базирующийся, в свою очередь, «на принципах общей фокусируемости комплексуемых ... методов, их совместимости, взаимодополняемости и способности к методологической конвертируемости» [11, с. 1], дает возможность шире опереться на подходы и методы смежных научных дисциплин. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы как можно точнее интерпретировать смысловую наполненность благотворительного процесса от ощущений отдельного человека или социальной группы, участвующих в нем в качестве объекта или субъекта, и от социальных

факторов. Во-вторых, это особенно важно в условиях обязательности привлечения к анализу самых разных групп источников в виде официальных документов, документов личного происхождения, биографической литературы, визуальных источников и др. Ведь массу новой информации, представляющей историю благотворительности, при работе даже с уже известным источником может получить при «... вчитывании в найденный текст, размышлениях об обстоятельствах высказывания именно запечатлевшихся идей и оценок, возможно более глубоком проникновении во внутренние смыслы сообщенного, учете недоговоренного и случайно прорвавшегося в связи с, казалось бы, самым обыденным, профанным, незаметным» [9, с. 12].

Четвертый принцип позволяет рассмотреть избранный для изучения объект в различных ракурсах с максимально возможным числом точек зрения.

А сам смысл «плотного описания» связан с выявлением того плана социальной реальности, который, присутствуя в сознании людей изучаемой эпохи, обуславливал их поведение, в данном случае – в благотворительном процессе.

Каждый из названных принципов, что важно в нашем случае, не только не исключает, но, наоборот, допускает и даже предполагает обращение изучающих историю благотворительности как крупного социокультурного феномена к применению генеалогического метода, позволяющего «маркировать инстанцию власти в качестве имманентного любой культуре полицентричного механизма, проявляющего себя во всех структурах и в первую очередь на уровне отношений между индивидами» [12, с.15].

Очевидно, что обращение ученых, изучающих историю благотворительности в дореволюционной России, к методологическим приемам из арсенала истории повседневности в сочетании с традиционными методами изучения позволит смоделировать более форматную историческую картину, возможно максимально приблизив ее к реальной за счет глубокого проникновения в опущения участников благотворительного процесса, понимания смысла их жизненных проблем и переживаний, тщательной реконструкции их действий в рамках многовекового обычая.

Литература

1. Большая Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П.Н. Миллюкова. Т.3. СПб., 1896.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
3. Вамбольдт Н. В., Шубина В. П. Повседневность в истории // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Вып.2006 г. / URL: www.omsk.edu/article-omqpu-27.pdt.
4. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и большая история: иностранцы московского электротехнического завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000.
5. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.
6. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.
7. Орлов И. Б. История повседневности: смерть или новое рождение? // URL: http://hse.ru/data/2010/03/13/1231113918/История_повседневности.pdf.
8. Покотилова Т. Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь, 1998.
9. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.
10. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // URL: www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskijh_issledovanij-2010-03-16.htm.
11. Садьков Г. И. Современные методологические возможности полидисциплинарного анализа истоков и природы античного гуманизма: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2012.
12. Смирнов А. В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: автореф. дисс. ... докт. философ. наук. СПб., 2012.
13. Соколов А. К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка: XX век. М., 2002.
14. Ульянова Г. Н. Изучение истории благотворительности в России: Тенденции и приоритеты (1989–2002) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. Ежегодник 2002. СПб., 2003.
15. Эллиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001.
16. Heller A. Das Alltagsleben // Materialien zur Soziologie des Alltags. Köln. 1987.

УДК 339.977

Пошнагиди Фотини Федоровна

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ОПЕРЕЖАЮЩИЙ ВИД ПОЗНАНИЯ

Статья посвящается проблеме прогнозирования будущего во всех сферах жизни человека. Данный феномен глубоко и последовательно рассматривается в разные исторические периоды. Автор анализирует данную проблему с точки зрения роли значимости прогнозирования в прогрессивном развитии общества, подчеркивает ее актуальность в современном обществе.

Ключевые слова: прогнозирование, наука, исследование, исторический этап, искусство, прогресс, перспектива, развитие.

Poshnagidi Fotini Fedorovna

PREDICTION AS AN OUTFRUNNING KIND OF COGNITION

The article is devoted to the future prediction problem in all spheres of life. The given phenomenon is profoundly and successively observed in different historic periods. The actor analysis the given problem from viewpoint of prediction signisicanc in progresses development of society emphasizes its relevance in today's society.

Key words: prediction, science, research, history phase, art, progress, prospect, development.

В определении сознания как высшей функции мозга, которая заключается в обобщении и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, констатируется такая немаловажная компонента, как предвидение будущего. Данная черта, априорно присущая человеку и будучи биологической составляющей сознания, не зависит ни от культуры, ни от воспитания. Всякая целесообразная деятельность человека (будь то первобытная охота или современная технология) в обязательном порядке включает в себя более или менее развитое предвидение ее результатов.

Человек испокон веков стремится предугадать, предвидеть, прогнозировать свое будущее. Ему всегда была присуща потребность в открытии, казалось непредсказуемого, меняющегося будущего. Уже в Древнем мире была развита *мантика* – учение о предсказании грядущего. И на всех этапах истории предвидение было одним из способов опережающего отражения и познания действительности. В глубокой древности этим занимались шаманы, прорицатели; мечта о лучшей жизни воплощалась в фольклоре; будущее в фантастической форме предсказывалось и в художественной литературе. К примеру, у Жюль Верна, по данным исследователя фантастики Г. Альтова, стало реальностью 98 из 108 прогнозов; Александр Беляев сделал только 3 ошибки из 50 своих прогностических фантазий [1, с. 103]. Более убедителен следующий среднепрогностический коэффициент оценки прогнозов: у исследователей, ученых, занимающихся прогностикой, он равен 0,444 единицам, а у дилетантов – 0,336.

Исследования показали такие сбывшиеся прогнозы и реализованные фантазии писателей:

Роберт Кроули в произведении «Удар судьбы» предсказал создание атомного оружия; Эдвард Беллами в книге «Глядя назад» предсказал кредитную карту; Герберт Уэллс в «Войне миров» прогнозировал непосредственное введение питательных веществ в кровь, биологическое оружие, тепловой луч (концепция лазера); в романе И. А. Ефремова «Лезвие бритвы» высказана идея лазера, способного излучать под действием солнечного света, т. е. работать за счет даровой энергии солнца. Такие лазеры уже созданы: лазер с накачкой излучения солнца изобретен в 1984 году в Институте Высоких энергий АН СССР.

Таких примеров множество. Проблемой предвосхищения художественной литературой открытий занимался немецкий философ Ф.Шеллинг. Он посвятил данной теме свой труд «Философия искусства»

Известны предсказания и в философии, и в медицинской области, сделанные в античный период. Выдающийся древнегреческий врач Гиппократ высказал немало прогнозов-диагнозов. В отличие от магов и кудесников, он указывал конкретные способы распознавания той или иной болезни, ее протекание и результаты лечения. Древнегреческий философ Фалес выдвигал астрологические предположения. И они основывались не на провидении, которым обладали, к примеру, оракулы, а на интеллектуальных способностях и обширных знаниях. Он предсказал солнечное затмение, которое настало во время войны между лидийцами и мидянами; создал календарь с метеорологическими предсказаниями; по наблюдению за звездами предугадывал урожайность последующего года.

В средневековый этап развития философии и всей культуры основным принципом является теоцентризм, движущей силой истории считается божественное провидение, одному только Богу известна грядущая судьба человечества. Но это не ослабило тягу людей самим узнавать ее.

Роль астрологии не ослабевала, а, наоборот, возрастала в средние века. По сей день представляют интерес «Знамения» Настрадамуса.

Предсказания прошлых лет принесли немало эффективных плодов, которыми пользуется человек и в настоящее время.

Однако следует отметить, что предсказания – это получение информации о каких-либо неизвестных, возможно, существующих явлениях. И их еще нельзя считать научными. Прогностика в период античности и средневековья выступает как область поиска, как искусство прогнозирования, но не как наука (в качестве последней она сложилась лишь в XX в.). Современный исследователь прогностики И. В. Бестужев-Лада называет более ранние формы прогнозирования ненаучными, которые в свою очередь подразделяются им на обыденные, основанные на жизненном опыте, и мантические, выраженные в форме пророчеств, гаданий и т.п. Но независимо от подобных дефиниций, многие предсказания того времени заслуживают внимания. Средневековый английский монах-францисканец Р.Бэкон уже тогда описал еще не существующий в XIII в. телескоп. Более того, одним из первых он предвидел дальнейшее развитие транспорта на суше, воде и воздухе. «Можно сделать такие приборы, с помощью которых самые большие корабли, ведомые всего одним человеком, будут двигаться с большей скоростью, чем суда, полные мореплавателями. Можно построить колесницы, которые будут передвигаться с невероятной быстротой... без помощи животных. Можно сделать летающие машины, в которых человек, спокойно сидя и размышляя над чем угодно, будет бить по воздуху своими искусственными крыльями, наподобие птиц, а также машины, которые позволят человеку ходить по дну морскому», – все это он излагает в своем трактате «Послание брата Роджера Бэкона о тайных действиях искусства и природы и о ничтожестве магии» [2, с. 34]. Если бы попал данный труд в руки католической инквизиции, автор не избежал бы костра, чего не смог избежать великий ученый эпохи Возрождения Дж. Бруно.

Гонения, инквизиция, осмеяние сопровождали активистов и новаторов на всех этапах развития прогрессивной мысли, вследствие чего появилась так называемая неофобия. «Болезнь под названием неофобия – поражала всех без разбора и власть придержащих – монархов и духовенство, и редких по тем временам представителей «официальной» науки. Ну и обывателя, повседневная жизнь которого была буквально соткана из предрассудков и страха перед новым» [3, с. 97]. Предсказания зачастую бывали настолько оригинальными и неожиданными, что их считали безумными. Безумными посчитали и предвидения, а позднее уже и обоснованные результаты по неевклидовой геометрии Гуасса. Они так и остались в свое время неопубликованными, так как автор опасался «крика беотийцев».

К сожалению, не только обыватели и не только в античности и средневековье, когда наука не была развита, но и в более позднее время, когда наука достигла своего апогея, не раз предсказания прошлых лет воплощались в реальность. Адепты не могли одобрить, позволить, принять рассуждения, выходящие за рамки традиционно допустимого. К примеру, Парижская академия наук отвергла противооспенную прививку, предложенную англичанином Л. Дженоером; теорию происхождения метеоритов, аргументируя тем, что камни с неба падать не могут, так как на небе нет камней; теорию относительности А. Эйнштейна. Более того, члены академии пригрозили демонстративно покинуть зал заседаний, если там появится сам автор данной теории. Как выясняется,

даже в XX веке все еще жил страх перед новым. Вот что пишет об этом В. Гаков: «Болезнь неофобия вовсе не была излечена, она все еще поражала свои жертвы. Только теперь поражала не тех. История не раз демонстрировала, как вчерашний еретик-новатор сам перерождается в гонителя нового; увы, нечто подобное происходило и в истории науки» [3, с. 104].

Никакая неофобия, никакая инквизиция не может остановить активность человеческого сознания, накинуть узду на мысль. Ведь, несмотря на преследования, не прекращал своей работы Леонардо да Винчи, гений Возрождения. Титан итальянского Ренессанса пробовал свое перо во всех областях деятельности. Ему принадлежат проекты и модели строгального станка, строительных кранов, скоростной пушки, подвески церковных колоколов, эскалатора, велосипеда, аэроплана... Леонардо да Винчи заявлял: «Люди будут двигаться сидя, будут разговаривать с отсутствующими лицами рядом, будут слышать тех, которые не могут говорить» [4, с. 23].

Многочисленные проекты из области техники, микробиологии, генной инженерии, агрономии были сделаны и представителем Нового времени Ф.Бэконом. Если его однофамилец Р. Бэкон еще в средние века угадал отдельные технические проявления грядущего прогресса, то Фрэнсису принадлежит несомненная заслуга в выдвижении самой пророческой идеи научно-технического прогресса, а также концепция опытного знания.

Предсказания, предвидения до XX в. чаще базировались на приметах, догадках или интуиции, реже – на знаниях и опыте. Они были лишены объективной обоснованности, научности, так как внимание «прогностов» не акцентировалось вполне достаточно на анализе и синтезе действительной реализуемости предсказываемых событий. Сегодня, в век невиданного взлета науки и техники, самые пытливые и прозорливые умы также желают знать о будущем в целом и о будущем науки в частности. Особенного сегодня проблема предвидения будущего является актуальной, так как время требует ускоренного прогрессивного развития общества. Прогнозирование будущего науки будет определять и развитие техники, от чего будет зависеть уровень жизни каждого и человечества в целом.

Первой научной работой о прогнозировании всех сфер жизни была книга французского мыслителя Шарля Рише «Через сто лет». Наиболее адекватными оказалось прогнозирование развития науки в XX в. Кстати будет отмечено, что до прошлого столетия прогнозирование чаще всего касалось объектов научного исследования, а прогнозирование самой науки – это наиболее поздний этап. Прогнозы XX в. оказываются очень продуктивными. К примеру, из прогнозов Эдисона, Джилфиллана, Штейнмеца впоследствии оказались правильными 75 %. Великий ученый, корифей отечественной науки, В. И. Вернадский одним из первых предвидел последствия раскрытия тайн атома и использования атомной энергии. Он говорил: «Перед нами открываются явления радиоактивности, источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие те источники сил, какие рисовались человеческому воображению. Это может случиться через столетие. Но ясно, что это должно случиться. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение» [5, с. 102].

Сегодня прогнозирование основывается на объективных закономерностях, требует переработки информации по строгим правилам логики, а также учета диалектической детерминации явлений будущего. В современной науке прогнозирования разработаны и представлены многочисленные и разнородные классификации как самого прогнозирования, так и его результатов – прогнозов. К примеру, выделяют аналитические, синтетические, дедуктивные, индуктивные, программные, исследовательские и другие прогнозирования. У каждого из них свои цели, задачи, методы. Задачей аналитического, репродуктивного, прогнозирования является конструирование «моделей» события на основе выявленных законов и твердо установленных теорий. Задача же синтетического, инновационного, прогнозирования заключается в создании новой предполагающей теоретической конструкции, проверенной экспериментально. Но независимо от типов и видов прогнозирования, каждый из них представляет собой долгий, многоступенчатый процесс, включающий в себя констатацию проблемной ситуации, анализ, синтез гипотетической и объективной информации, определение нормативных условий для получения желаемых параметров и результатов, выявление оптимальных средств, учет адекватности их решаемой задаче,

принцип соответствия запросам удачного момента, то есть учет временного интервала от момента возникновения предположения до его реализации и др.

Все это не означает, что уже найден универсальный метод прогнозирования будущего, но ученые не перестают исследовать перспективы развития того или иного явления и стремятся своевременно распознать технологические тенденции, которые в будущем станут играть важную роль в разных сферах общественной деятельности.

Сегодня ученые прогнозируют, планируют, программируют будущее, и вместе с тем они продолжают воображать и фантазировать. А значит, они используют тот же бриколажный метод постижения мира, которым пользовались еще в архаичный период. Этот метод подробно описывает в своих трудах французский исследователь К. Леви-Стросс. Исследуя мифологическое мышление древних народов, он обнаруживает в нем некий интеллектуальный бриколаж, т.е. способ познания действительности с помощью образно-смысловых соответствий. Данный бриколаж используют и современные художники и ученые. И в этом смысле научные воображения, фантазия ничем не отличаются от древней мифологии. Ученое сообщество современности воспринимает фантазию как вполне допустимый, даже необходимый элемент научного прогнозирования.

Как говорил А. Эйнштейн, «воображение важнее знания» [6, с. 343]. И полностью можно согласиться с советским ученым, академиком Г. И. Петровым, который говорил: «Я убежден, что планировать науку с математической точностью нельзя. Даже метод экспертных оценок, когда отбрасываются крайние значения, может быть использован весьма ограниченно. История науки знает примеры, когда, отбрасывая «крайних» (сжигая, к примеру, их на костре), наука сама отбрасывалась назад на столетия. И вообще в нашем деле главное в предвидении – фантазия. Фантазия должна быть главным качеством ученого, она порождает идею, а идея движет наше знание. Иными словами, чудо фантазии, воображения заключается в том, что оно позволяет предвосхищать открытия в науке и изобретения в технике» [7, с. 62].

Таким образом, современная наука прогнозирования, выдвигая научные прогностические концепции будущего, открывает перед человечеством многообещающие перспективы, позволяет реализовать скрытые возможности и огромные человеческие резервы.

Литература

1. Альтов Г. Регистр фантастических идей и ситуаций. М., 1975.
2. Рабинович В. Л. Теоретическое предвидение и его интерпретация по алхимическим трактатам Роджера Бэкона. М., 1971.
3. Гаков В. Четыре путешествия на машине времени. М. Прогресс, 1986. С. 84.
4. Leonardo da Vinci: Traite de la peinture, 1910.
5. Вернадский В. И. Научная жизнь как планетарное явление: Размышление натуралиста. М., 1977.
6. Эйнштейн А. Мое кредо // Mein Claubensbenntnis, 1932.
7. Петров Г. И. Избранные труды. Аэромеханика больших скоростей и космические исследования. М., 1992.

306 с.

УДК: 930 (376.7)

Психомахова Аминат Рашидовна

ВКЛАД СТАВРОПОЛЬСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В ФОРМИРОВАНИЕ АДЫГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Статья освещает роль Ставропольской классической гимназии в становлении национальной интеллигенции Северного Кавказа (на примере адыгов) в XIX веке. На конкретных примерах освещает деятельность педагогического коллектива по интеграции воспитанников в российское культурное пространство.

Ключевые слова: гимназия, просветитель, образование, государство, творчество.

Psikhomakhova Aminat R.

THE CONTRIBUTION OF THE STAVROPOL CLASSICAL GYMNASIUM IN THE FORMATION OF THE ADIGHE INTELLIGENTSIA

The article highlights the role of the Stavropol classical gymnasium in formation of national intelligentsia of the North Caucasus (by the example of circassians) in the XIX th century. Specific examples covers the activities of the teaching staff for the integration of pupils in Russian cultural space.

Key words: gymnasium, enlightener, education, state, creation.

Актуальные задачи модернизации российского образования, укрепления межэтнического согласия и межкультурной интеграции, улучшения историко-культурного просвещения призывают обратиться к историческому опыту работы Ставропольской классической гимназии.

Нами предпринята попытка рассмотрения некоторых персоналий связанных непосредственно с гимназией, это прежде всего преподаватель черкесского языка Умар Берсей, а так же его выпускники Казн Атажукин и Адиль-Гирей Кешев, выбравшие для себя путь просвещения своего народа.

Целью данной статьи является освещение роли Ставропольской классической гимназией в становлении адыгской интеллигенции.

В начале XIX столетия назрела необходимость создания кадров из местных чиновников, которые проявляли бы лояльность к гражданской и военной администрации, эту потребность нельзя было удовлетворить только за счёт русских служащих приехавших в регион. В связи с этим правительство 17 марта 1803 года поставило задачу создания образовательных учреждений на Северном Кавказе. Одним из таких заведений была Ставропольская гимназия, основанная 18 октября 1837 года, когда Кавказский край посетил царь Николай I. Особую популярность в среде горцев учреждение получило во времена работы директором Я. М. Неверова. Его незаурядные организаторские и педагогические способности привлекали воспитанников. В работе он учитывал специфику социальных, этнических и религиозных особенностей учащихся гимназии. Посещая столицу, директор гимназии знакомил власти со своими проектами и поднимал проблемы просвещения в регионе. Он уделял внимание языковой адаптации обучающихся, методической работе, был щепетилен в подборе педагогических кадров.

Одним из нововведений Я. М. Неверова было преподавание курса черкесского языка, который изучали как горцы, так и русские. Преподавателем был приглашен абадзех Умар Берсей (Омар Берсеев). Благодаря его умелому преподаванию многие учащиеся овладели черкесским языком, что в значительной мере способствовало сближению и взаимопониманию учащихся. Биография педагога типична для его соотечественников: родился он в 1807 г. в абадзехской семье, недалеко от Майкопа, попал в турецкую неволю, а затем был продан египетскому паше Мухамеду Али. Его владелец обнаружил выдающиеся способности мальчика и отправил молодого адыга для продолжения учебы во Францию, где Умар обучался в Парижском политехническом институте. Через три года, по окончании учебы, вместо Египта он предпочел Родину и об-

ратился в русскую миссию в Париже, которая ему как человеку со «знанием европейской культуры и европейского военного искусства» подыскала средства «для поездки на кавказский театр военных действий» [1]. Затем он вернулся на Кавказ и 15 февраля 1843 г. поступил на военную службу в русскую армию, где был «аттестован способным и достойным», и служил при начальнике правого фланга войск Кавказской линии. Вскоре «за усердную и ревностную службу» У. Х. Берсей был произведен в прапорщики, а впоследствии – в поручики. Служба в армии, естественно, не могла удовлетворить человека, желавшего посвятить себя делу просвещения. И он с энтузиазмом взялся за подготовку национальных кадров. После ухода со службы Берсей был приглашен в 1850 году на должность старшего преподавателя черкесского языка в связи с введением этого языка в гимназический курс в качестве учебного предмета, занялся преподавательской деятельностью в Ставропольской гимназии. Для своего времени он был высокообразованным человеком. Будучи филологом по образованию, он знал несколько европейских и кавказских языков [2].

Все годы педагогической деятельности Берсей параллельно занимался углубленным изучением черкесским языком. Следует отметить, что ранее, в 1814 г. Нотауком Шеретлуком были предприняты попытки создания алфавита, для которого, в частности, использовался арабский алфавит, однако он, плохо приспособленный к фонетике кабардинского языка, применялся редко. Несмотря на неудачу, работа над составлением алфавита продолжалась, в 1825г. Шора Ногмов составил алфавит вначале на арабской графической основе, затем – в 1840г. – на кириллице, однако его изыскания не были оценены по достоинству.

У. Берсеем в 1853 году был издан «Букварь черкесского языка», который был одобрен историко-филологическим отделением Академии наук [3]. Вскоре книга стала использоваться в Ставропольской, Екатеринодарской, Новочеркасской и Ейской гимназиях как учебное пособие. В 1858 году он составил грамматику черкесского языка, создал русско-черкесский словарь. Уже в 1862 году П.К. Услар совместно с Берсеем разработал алфавит для кабардинского языка на кириллице. Этому алфавиту, несмотря на успешное применение выпускниками гимназии, без поддержки со стороны государства не суждено было получить должное распространение.

«Честь первого почина в составлении алфавита, вполне приспособленного ко всем наречиям адыгского языка, мы должны приписать абадзеху Умару Берсию, бывшему учителю черкесского языка в Ставропольской гимназии», – писал Казн Атажукин в 1870 г. [4].

Объектом внимания Умара Берсея была история не только адыгов, но и других народов Кавказа. Как пишет М. В. Краснов в работе «Историческая записка о ставропольской гимназии» (1887 г.), У. Х. Берсей 27 декабря 1852 года на годичном акте Ставропольской гимназии выступил с докладом «Характеристический очерк тюркского периода кавказской истории» [5]. Много сил и энергии отдавал Берсей и воспитанию кадров из коренных народов Северного Кавказа [6].

Одним из учеников Умара Хапхаловича был Кази Мусабиевич Атажукин, который также посвятил себя делу просвещения своего народа. Ведущее место в его деятельности занимал вопрос об открытии сельских школ и о введении родной письменности. Девятилетним Кази был отвезен в Ставрополь, где был зачислен в 1-й класс Ставропольской мужской гимназии в специальное отделение для горцев [7]. «Учащиеся в Ставропольской гимназии предназначались для службы на Кавказе», – сказано в письме попечителя Кавказского учебного округа, адресованном директору училища от 25 февраля 1851 г. [8]. Становится понятно, почему Атажукин поступает на военную службу и уезжает в Тифлис. В 1862 г., находясь в очередном отпуске в Кабарде, он встречается с прибывшим сюда с научными целями лингвистом П. К. Усларом. В Кабарду он приехал в сопровождении У. Берсея, с которым тогда работал над черкесской азбукой. Встретившись с Атажукиным и познакомившись с его планами, У. Берсей поручил ему составление алфавита и азбуки кабардинского языка. В следующем году он продолжил разработку алфавита и азбуки, а по приезду в Кабарду успешно апробировал их.

Из-за своих убеждений в том, что необходимо распространять письменность родного языка за пределами стен учебного заведения, педагог отказался от должности преподавателя. В 1868 г. он добился издания четвертой книги под названием «Воздух и вода, их свойства и ви-

доизменения», состоящей из переводов отдельных глав учебника К. Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия». В декабре 1869 г. Атажукина переводят на службу во Владикавказ, административный и культурный центр Терской области. Здесь он служит в областной канцелярии. Во Владикавказе он сближается с Адиль-Гирей Кешевым, редактором газеты «Терские ведомости» и публикует у него свои статьи [9]. После неудач с созданием Кабардинской учительской школы он убедился в невозможности осуществления своих педагогических планов, покинул гражданскую службу и вернулся в армию. Служба в армии продолжалась до февраля 1886 г. Последние годы Атажукин занимал должность делопроизводителя полкового суда при батальоне. Он был убежден, что введение русской системы судопроизводства будет способствовать как водворению порядка в горском суде, так и сближению кабардинцев с русскими, и неоднократно ставил вопрос об изменении горского судопроизводства в Кабарде «Заметка на статью г. Краббе» [10].

Атажукин активно высказывался за проведение судебной реформы [11]. Часто отвлекаясь от службы по делам образования народа, Атажукин дослужился лишь до чина капитана. Соответственно, и пенсионное содержание его составило незначительную сумму, что сказалось на его материальном положении. Не имея других источников, он жил исключительно на пенсию, которая была определена ему при выходе в отставку. Он был удивительно скромным, даже в многочисленных его ходатайствах по вопросам образования народа нет ни одной личной просьбы или жалобы, нет даже намека на корыстные цели [12].

Еще одной фигурой, оставившей заметный след в истории своего народа, по праву является Адиль-Гирей Кешев, выпускник и преподаватель гимназии. Имея блестящие лингвистические способности, он овладел русским языком, как родным. В предоставленном попечителю Кавказского учебного округа барону А. П. Николаи списке воспитанников благородного пансиона при Ставропольской губернской гимназии читаем: «Способности, успехи, поведение отличные» [13]. В старших классах у горского юноши отчетливо проявились интерес к русскому языку и литературе, незаурядные способности рассказчика и критика. Обучаясь в 1857 году в 6 классе, он принял участие в конкурсе на лучшее сочинение и написал работу на тему «О характере героев в современных русских повестях и романах». 14 октября 1857 года педагогический совет отметил: сочинение «обратило на себя внимание совета», т. е. признано одним из лучших. Педсовет дал высокую оценку работе: «Но здесь совет взял в соображение, что воспитанник из почетных горцев Адиль-Гирей Кешев; родясь в сфере не только чуждой, но противоположной нашему обществу, нашим стремлениям, интересам, привычке, образу жизни – умел не только понять, но и почти верно оценить значение лучших типов нашей литературы и показать отношение их к действительной жизни, тем с большей признательностью отдает заслуженную дань хвалы сочинению, которое написано языком чистым и правильным, нежели сочинения некоторых русских воспитанников старшего седьмого класса. Если и мелькает иногда у Адиль-Гирея Кешева не вполне русский оборот, зато правильность синтаксическая и грамматическая безукоризненна... Есть описки, но нет ошибок!» [14].

Через год Кешев представил на конкурс сочинение «О сатире во времена Петра, Екатерины и в наше время». Всего было представлено 36 сочинений. Первое место заняла работа Адиль-Гирея. Педагоги отметили в сочинении Кешева «самостоятельность многих видов, бывших плодом долгого изучения авторов и описываемых ими эпохи» [15]. Кешев приступил к труду только тогда, когда «окончательно приготовился к нему и усвоил литературу данных эпох» [16]. Изучив все лучшие сочинения, педагогический совет определил: «Казнокоштного воспитанника из детей почетных горцев, ученика седьмого класса Адиль-Гирея Кешева удостоить высшей награды, состоящей в полном собрании сочинений Гоголя – издание Кулиша» [17]. Преподаватели отмечали, что Кешев очень увлекся русской литературой, даже в ущерб другим предметам, умеет критически подходить к оценке действительности. В сочинении он писал: «...Современное направление литературы имеет высший смысл, оно вытекает из духа времени и насущной потребности народа; оно, по нашему мнению, предвещает новый шаг по пути просвещения и нравственного совершенствования... пора вдохнуть в массу живительную силу про-

свещения; пора разорвать оковы тех начал, которые отжили свой век». Годы, проведенные в Ставропольской гимназии, оказали глубокое воздействие на Кешева [18]. Директор гимназии Я. Неверов с восхищением писал: «И это замечательное явление, что в русской гимназии на 350 учащихся и 20 горцев торжество успеха оказывается на стороне такого меньшинства» [19]. Он был прав, и его заслуга в том, что «изобретал разнообразные средства к тому, чтобы любовь к труду, вверенных его отеческим попечением лишь никогда не угасала, а более и более расширяла их благообразную деятельность желаемом направлении» [20]. Побуждал и поддерживал в горцах чувство национального самосознания и гражданского долга. Даже после окончания гимназии Кешев поддерживал связь со своим педагогом, о чём свидетельствуют материалы, хранящиеся в отделе письменных источников Государственного исторического музея. Письма полны признательности и уважения к Я.М. Неверову за годы, проведенные в гимназии [21].

Часто Я. Неверов, учитывая особенности быта горцев, их нужды и потребности, стремился ввести в учебную программы предметы, которые имели бы для них практическое значение [22]. Во время летних каникул он снабжал их литературными источниками для сбора материалов при изучении народного творчества. Все это стимулировало учебный процесс горцев-гимназистов [23]. Я. М. Неверов стремился развивать в своих воспитанниках дух любознательности, для чего организовал в гимназии две библиотеки. Они находились в ведении учителя словесности Федора Викторовича Юхотникова. Федор Викторович с большой симпатией относился к горцам и видел в них нравственные достоинства и недюжинные умственные способности [19]. По его инициативе был организован сбор фольклорного и этнографического материала среди жителей Терской области. Вместе с учениками-горцами Ф. В. Юхотников отправлялся во время каникул в аулы, записывал народные легенды, сказания, песни, а также фиксировал различные сведения из жизни быта горцев. В 1858 г. Кешев окончил гимназию с золотой медалью и по рекомендации Неверова в 1860 г. был зачислен в Петербургский университет на восточный факультет [24]. Однако окончить университет ему не удалось.

19 декабря 1861 года он был определен на должность переводчика в канцелярию Ставропольского губернатора [25]. Затем по приглашению директора гимназии – учителем татарского языка Ставропольской губернской гимназии [26]. В январе 1866 г. Ставропольская гимназия была преобразована в классическую. Татарский язык упразднен. Кешев остался за штатом. 28 декабря 1866 г. из Ставропольской контрольной палаты поступил запрос директору гимназии: согласен ли он на перемещение заштатного учителя Кешева на должность секретаря палаты [27]. В ответе, выражая согласие, директор гимназии охарактеризовал преподавателя так: «Господин Кешев во время служения в гимназии вел себя отлично, и служебная деятельность его была безукоризненна» [28].

В январе 1868 г. Кешев стал первым редактором «Терских областных ведомостей». Издание газеты было продиктовано, «с одной стороны, для облегчения образования и распространения правительственных распоряжений, а с другой – для верного истолкования интересов разноплеменного населения края, его прошедшей жизни и современного экономического, общественного быта». Автору удалось сгруппировать передовую горскую интеллигенцию. И в первом же номере в статье «Несколько слов о значении издания «Терских ведомостей» Кешев пишет о задаче издания содействовать «широкому экономическому и социальному развитию области. В период работы редактором газеты, ему удалось сплотить вокруг газеты передовых людей Северного Кавказа [29]. За кратковременный период работы Кешева на посту редактора им была создана значительная публицистическая литература. Помимо этого, он опубликовал ряд статей и очерков. В них он предстает как историк, фольклорист, этнограф [30].

Сегодня, когда очень много зависит от своевременного внедрения новых методик в образовательное пространство, актуально обратиться к опыту педагогической работы Ставропольской мужской гимназии. Классическая гимназия отличилась успехами не только в образовательной деятельности, но и общественно-политической жизни. Прекрасные традиции, заложенные педагогами, способствовали формированию не только профессиональных качеств, но и менталитета интеллигенции. Именно это учебное заведение стало кузницей национальных

кадров. Гимназия выпустила несколько десятков учителей родного языка, которые впоследствии работали в Екатеринодарской, Новочеркасской и других гимназиях и школах. Годы, проведенные в стенах гимназии, предопределили научную деятельность Умара Берсея и Кази Атажукина, в частности в деле составления алфавита.

Следует отметить ошибочность утверждения, что до Революции 1917 г. у адыгов не было письменности. Было несколько попыток как самостоятельного составления алфавита на основе арабской графики, так и с помощью научного консультирования русских учёных-лингвистов по вопросам составления алфавита на основе кириллицы, однако они не увенчались успехом, ввиду отсутствия поддержки от правительства. Семена, посеянные Берсеем, дали всходы в более поздний период.

Благодарные потомки отмечают сегодня как праздник 14 марта, когда в 1855 году Берсеем был издан «Букварь черкесского языка», в республиках Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария, а также в зарубежных адыгских диаспорах как «День современного адыгского языка и письменности».

Литература

1. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1985.
2. Хут Ш. Х. Творчество адыгских писателей-просветителей XIX- начала XX века // Сборник статей по адыгской литературе и фольклору. Майкоп, 1975. С. 115.
3. Зекох У.С. Умар Берсей – просветитель адыгского народа // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Т.1. Майкоп, 1957. С.110–113.
4. Тешева Ф. Р. Педагогическая деятельность Умара Хапхаловича Берсея // Проблемы дошкольной, школьной и вузовской педагогики. Вып.1. Майкоп, 1996. С.120.
5. Краснов М. В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887. С.49.
6. Хафица М. Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000. С.282.
7. ЦГА КБР. Ф. 6.Оп. 1.Д. 909. Л. 2; ГАСК. Ф. 73.Оп. 2.Д. 471.Л. 3.
8. ГАСК. Ф.16. Оп. 1. Д. 504. Л. 137.
9. Атажукин К. Попытки введения кабардинской письменности // Терские ведомости. 1870. № 11.
10. Заметка на статью г. Краббе // Терские ведомости. 1869. № 11.
11. Атажукин К. Внедрение Российского судопроизводства // Терские ведомости. 1870. № 23.
12. Кумуков Т. Х. К. Атажукин. Жизнь и деятельность. Нальчик, 1969. С. 25.
13. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 831. Л. 4.
14. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 1696. Л. 3.
15. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 1859. Л. 7. об 8.
16. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 1696. Л. 8.
17. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 1696. Л. 9. об. 10.
18. Русский педагогический вестник. 1859. № 4.
19. Неверов Я. М. Еще раз об образовании кавказских горцев // Кавказ. 1895. № 39.
20. Унежев К. Х. Феномен адыгской культуры. Нальчик, 1997.
21. ГИМ ОПИ. Ф. 372. Оп. 6. Л. 178–179.
22. ГАСК. Ф. 15.Оп. 1. Д. 2249. Л. 50–54.
23. Неверов Я. М. Об образовании горцев на Северном Кавказе // Русский педагогический вестник. 1859. № 4.
24. Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители второй половины XIX–XXвв. Нальчик. С. 97–102.
25. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 2321. Л. 5.
26. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 2321. Л. 8–10.
27. ГАСК. Ф.15. Оп. 2. Д. 2603. Л. 2.
28. ГАСК. Ф.15. Оп. 2.Д. 2603. Л. 2.
29. Тугов В. Б. Из истории общественной мысли и просветительства у абазин XIX века. Карачаевск, 2000. С. 25.
30. Чекалов П. К. Страницы истории абазинской литературы. Черкесск, 1995. С. 5.

УДК 947 (470)

Птицын Андрей Николаевич

АВСТРИЙСКИЕ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННИКИ НА КАВКАЗЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

В статье рассматривается участие австрийских предпринимателей и менеджеров в развитии нефтяной промышленности на Кавказе в дореволюционный период.

Ключевые слова: Кавказ, Баку, нефть, австрийцы, предприниматели.

Ptitsyn Andrej N.

AUSTRIAN BUSINESSMEN AND THE CAUCASIAN PETROLEUM INDUSTRY IN THE LATE 1800'S – EARLY 1900'S

The article considers participation of the Austrian businessmen and managers in development of a petroleum industry on Caucasus during the pre-revolutionary period.

Key words: Caucasus, Baku, oil, the Austrians, businessmen.

Иностранный капитал играл ведущую роль в развитии российской нефтяной промышленности в дореволюционный период. Деятельность зарубежных компаний в этой сфере исследована неравномерно. Основное внимание как отечественных, так и зарубежных авторов уделялось английским, французским и шведским компаниям, в то время как участие австрийских предпринимателей в развитии российской нефтедобывающей отрасли до сих пор не являлось предметом специального рассмотрения.

Во второй половине XIX в. Габсбургская империя переживала период ускоренного экономического развития. В стране прошла индустриализация, и сформировался многочисленный и активный слой предпринимателей [4]. Часть из них переносила свою деятельность за границу – в балканские страны, Турцию и Россию, где местное предпринимательство было развито слабо, и имелись широкие перспективы для деятельности приезжих бизнесменов. В этой связи, очень привлекательными для иностранных «деловых людей» выглядели южные регионы Российской империи, богатые различными ресурсами, но слабо освоенные в экономическом плане.

Российское правительство во второй половине XIX – начале XX в. в сфере добычи и переработки полезных ископаемых проводило политику «открытых дверей», свободно допуская туда иностранные компании. Австрийские бизнесмены приняли участие в освоении нефтяных богатств Кавказа, угольных залежей Царства Польского, золотых рудников Сибири и других природных богатств нашей страны. Особенно заметную роль они сыграли в развитии бакинской нефтяной промышленности. Баку в дореволюционный период давал основную часть добываемой в Российской империи нефти, при этом значительная ее доля шла на экспорт. Поставки бакинской нефти в Австро-Венгрию развернулись с начала 1880-х гг. Уже в 1884 г. из России в это государство было вывезено 1,1 млн. пудов нефтепродуктов (в основном, керосина). В 1891 г. российский нефтяной экспорт в Австро-Венгрию достиг рекордной отметки в 11 млн. пудов. Затем его масштабы стали постепенно снижаться вследствие роста нефтедобычи в австрийской Галиции. Среднегодовой вывоз нефти и нефтепродуктов из России в Австро-Венгрию составлял: в 1890–1894 гг. – 9,3 млн. пудов, в 1895–1899 гг. – 3,8 млн. пудов [7, с. 24].

Австрийский капитал на Кавказе вкладывался в разные сферы «нефтяного бизнеса» – нефтедобычу, нефтепереработку, транспортировку и торговлю нефтепродуктами. В Баку в конце XIX – начале XX в. действовало около десятка предпринимателей, переселившихся из Австро-Венгрии. Они, как правило, были связаны между собой родственными узами, их бизнес часто носил семейный характер. По национальности эти бизнесмены были евреями, немцами и чехами.

Крупным деятелем бакинской нефтепромышленности стал Арнольд Михайлович Фейгль. Он родился в семье австрийских евреев, а позднее принял католичество, что облегчило ему карьеру в России, где действовали различные ограничения для лиц иудейского вероисповедания. В нашу страну А. Фейгль переехал в 1878 г., в 24-летнем возрасте, и первоначально работал управляющим винным заводом барона Баха в Боржоме. В 1886 г. он был назначен директором Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, тогда же организованного крупнейшим французским финансистом Альфонсом Ротшильдом. Со временем эта компания по масштабам деятельности стала второй среди нефтепромышленных фирм России, уступая только компании «Братья Нобель». В состав правления Каспийско-Черноморского общества входили французские и российские финансисты, а непосредственно в Баку всеми делами общества управлял А. Фейгль. Он сыграл видную роль в становлении и развитии компании, и способствовал ее выходу на ведущие позиции в отрасли. Каспийско-Черноморское общество вело многообразную деятельность, включавшую собственно нефтедобычу, переработку нефти, транспортировку ее по России и за границу, кредитование мелких и средних нефтедобывающих фирм, комиссионерскую торговлю нефтепродуктами и т. д. [2, с. 178–182; 10, с. 104–107].

А. Фейгль и другие менеджеры компании управляли огромным хозяйством. Компании принадлежали нефтеносные участки на Апшеронском полуострове с десятками действующих нефтяных скважин, различные заводы в Баку и Батуме (нефтеперерабатывающие, механические, упаковочный, лесопильный, газовый заводы и электростанция), резервуары, склады в различных российских и европейских городах и т. д. На всех предприятиях Каспийско-Черноморского общества было занято более 3 тысяч человек. Годовая добыча нефти на промыслах, принадлежащих компании, до начала XX в. постоянно росла, достигнув своего максимума – 56 млн. пудов – в 1902 г. Затем произошло некоторое снижение добычи вследствие истощения залежей и негативных последствий революции 1905–1907 гг. Примечательно, что значительная часть добываемой нефти перерабатывалась на собственных предприятиях. Так, например, в 1908 г. компанией было добыто 34,3 млн. пудов нефти и произведено 6,5 млн. пудов керосина, 17,5 млн. пудов мазута, 2,2 млн. пудов смазочных масел, 1,9 млн. пудов гудрона и 0,8 млн. пудов газа [6, с. 24–25, 394–398].

А. Фейгль участвовал во всех делах компании, и, как правило, добивался успеха. Правда, не всегда дела шли безоблачно. 22 января 1901 г. в Белом городе (пригороде Баку) на мазутном складе Каспийско-Черноморского товарищества произошел страшный пожар, который вследствие разлива нефтепродуктов перекинулся на соседние улицы и привел к человеческим жертвам и огромному ущербу. Вместе с другими должностными лицами компании А. Фейгль предстал перед судом, но был полностью оправдан. Предприниматель активно занимался общественной деятельностью. На протяжении многих лет А. Фейгль входил в состав Совета съезда бакинских нефтепромышленников, а в 1906–1909 гг. был председателем этой организации, что свидетельствовало о его высоком авторитете. В 1908–1910 гг. он был гласным (депутатом) Бакинской городской думы, возглавляя ее финансовую комиссию. В традициях того времени А. Фейгль занимался благотворительностью и состоял в ряде соответствующих организаций: обществе Святой Нины, финансировавшем женские учебные заведения, губернском попечительном о тюрьмах комитете и др. Еще в 1889 г. предприниматель перешел из австрийского подданства в российское. Предпринимательская и общественная деятельность А. Фейгля была отмечена правительством – он был награжден орденом Станислава 2 степени и «высочайше пожалован» званием советника коммерции, которое представляло в дореволюционной России наивысший знак отличия для предпринимателей [2, с. 178–183].

В 1911 г. А. Фейгль переехал в Петербург, что было связано со сменой собственника Каспийско-Черноморского общества, которое было продано Ротшильдами англо-нидерландской компании Роял Датч Шелл. В то же время деловые интересы А. Фейгля вышли на более широкий, всероссийский уровень. Оставаясь членом правления Каспийско-Черноморского общества, он вошел в состав совета Петербургского международного коммерческого банка (одного из крупнейших в России) и в руководство еще нескольких крупных акционерных компаний в Петербурге и Варшаве [1, с. 239].

Бакинскими предпринимателями являлись братья А. Фейгля – его родной брат Леопольд и двоюродный Симон. Деятельность Леопольда Михайловича Фейгля также была связана с Каспийско-Черноморским обществом, где он занимал различные административные посты, в частности, управлял нефтеперерабатывающими заводами. Накануне Первой мировой войны он являлся членом правлений Каспийско-Черноморского общества и Бакинского нефтяного общества, а также членом ревизионной комиссии Петербургского международного коммерческого банка. Симон Яковлевич Фейгель в 1888 г. открыл в пригороде Баку собственный химический завод, который производил соду, а также нефтепродукты. Это было среднее предприятие, где было занято 40 рабочих, а объем производства соды достигал 111 тыс. пудов в год. С.Я. Фейгель стоял во главе предприятия до своей смерти в 1909 г. [1, с. 239–240; 2, с. 180–183; 12, с. 905].

Помимо Фейглей, важную роль в бакинском нефтяном бизнесе играла еще одна австрийская семья – Гольдлюсты. В 1883 г. в Баку был организован торговый дом «Братья Гольдлюст», учредителями которого являлись австрийские немцы Генрих и Герман Гавриловичи Гольдлюсты (позднее совладельцем фирмы стал сын Генриха – Эмиль). В пригороде Баку они открыли два завода – нефтеперерабатывающий и химический. В 1908 г. предприятия Гольдлюстов, на которых было занято около 80 человек, произвели 360 тыс. пудов керосина, 1 млн. пудов мазута, 320 тыс. пудов смазочных масел, 670 тыс. пудов гудрона. Также они изготавливали соляную кислоту и купоросное масло для нужд нефтепромышленности [6, с. 393–395].

Компания Гольдлюстов также занималась комиссионерской деятельностью, выступая в качестве посредника, продававшего за границу нефтепродукты, произведенные небольшими бакинскими фирмами. В 1907 г. эта деятельность стала предметом разбирательства на самом высоком уровне, включая министра иностранных дел и министра торговли и промышленности, которые рассматривали жалобу нескольких бакинских купцов о том, что Гольдлюсты препятствуют их прямому выходу на европейские рынки [8]. Это разбирательство поколебало позиции компании Гольдлюстов, которая также столкнулась с растущей конкуренцией со стороны более крупных фирм. В ноябре 1910 г. Гольдлюсты продали два своих завода ведущей нефтедобывающей компании «Братья Нобель» [10, с. 65–66]. В то же время, Генрих Гольдлюст стал членом правления бельгийских акционерных компаний «Общество Бинагадийских нефтяных промыслов» и «Бинагадийское нефтепромышленное и торговое общество», оставаясь, таким образом, участником нефтяного бизнеса [1, с. 120].

Генрих Гольдлюст сохранял тесные связи с родиной. В 1898 г., когда в Баку было учреждено австро-венгерское консульство, он занял должность консула. В 1907 г. Генриха Гольдлюста сменил на этом посту его сын Эмиль. Семьи Гольдлюстов и Фейглей были связаны между собой брачными узами – Арнольд Фейгель был женат на дочери Генриха Гольдлюста – Гизеле [2, с. 180].

В числе бакинских нефтепромышленников были чехи братья Егор и Иосиф Егоровичи Дочары. Свою предпринимательскую деятельность они начали в 1870-е гг. в Поволжье. Обосновавшись в Самаре, австрийские подданные Дочары развернули торговлю керосином и другими осветительными маслами, вывозимыми из Баку. Они впервые организовали уличное освещение в различных российских городах, заключив соответствующие договоры с городскими думами Самары, Саратова, Костромы и Оренбурга. В конце XIX в. Дочары решили вложить свои средства непосредственно в нефтедобычу. В 1897 г. они приобрели у разорившейся бакинской фирмы Тумаева нефтеносный участок с 3 скважинами в селе Сабунчи неподалеку от Баку. В первый год работы фирма Дочар добыла 210 тыс. пудов нефти, в следующий – 537 тыс. пудов. Самый большой показатель – 906 тыс. пудов – был достигнут в 1899 г. В последующее пятилетие эта фирма добывала, в среднем, 710 тыс. пудов ежегодно. При нефтепромыслах Дочаров также был небольшой керосиновый завод. В революционном 1905 г., когда Баку был охвачен беспорядками, Дочары решили выйти из нефтяного бизнеса, и продали свои промыслы товариществу азербайджанского купца Мамедова [6, с. 32–33].

В рассматриваемое время в Баку действовал еще один австрийский предприниматель – Макс Винтерниц. В 1899 г. он получил разрешение вести нефтедобычу в Баку. Однако основной

сферой его деятельности была торговля нефтепродуктами, оборудованием и материалами для нефтепромыслов [9].

Австрийский капитал сыграл заметную роль в создании транспортной инфраструктуры, обеспечивающей вывоз бакинской нефти. В 1884 г. компания, организованная тремя венскими банкирами (Нешауером, Зингером и Оренгеймом), получила от российского правительства концессию на строительство в порту г. Батума, через который шел основной поток нефтяного экспорта, «керосиновой станции» – нефтеналивного терминала, состоящего из четырех резервуаров на 150 тыс. пудов керосина каждый, снабженных мощными паровыми насосами и соединенных нефтепроводом с пристанью. После ввода в строй этого сооружения начался вывоз нефтепродуктов из Батума на танкерах, что позволило резко нарастить объемы экспорта (до этого керосин перевозили в бочках и жестяных емкостях) [11, с. 202]. Каспийско-Черноморское товарищество, одним из руководителей которого был А. Фейгль, занималось строительством нефтепроводов, имело собственный нефтеналивной флот и парк железнодорожных цистерн. А. Фейглю, уже как частному лицу, принадлежала нефтеналивная шхуна «Вентюр», в 1900-е гг. совершавшая регулярные рейсы из Баку в Астрахань [6, с. 445].

Помимо предпринимателей, в бакинской нефтяной промышленности были заняты и другие выходцы из Австро-Венгрии (чехи и немцы), которые работали в качестве квалифицированных рабочих и служащих. Так, в 1902 г. на бакинских нефтепромыслах работало 24 чеха (из них 5 занимали административные должности, 1 был конторским служащим, 14 работали в мастерских и 4 – на буровых) [5, с. 314–315]. Один из них – слесарь Иван Прокофьевич Вацек – являлся активным участником революционного движения, членом и кассиром Бакинского комитета Российской социал-демократической партии, работавшим в тесном контакте с И. В. Джугашвили (Сталиным) и другими большевистскими руководителями Закавказья [3, с. 586].

Таким образом, можно говорить о существовании отчетливого «австрийского следа» в истории бакинской нефтяной промышленности в дореволюционный период. Австрийские предприниматели внесли свой вклад в развитие нефтедобычи и нефтепереработки, создание транспортной инфраструктуры, организацию экспорта нефтепродуктов. Их деятельность способствовала становлению и развитию нефтяного комплекса Баку.

Литература

1. Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М.: ИРИ, 1994. 273 с.
2. Гумбатова Т. Ф. Баку и немцы. Баку: Чашыюглу, 2008. 463 с.
3. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. Т. 5. Вып. 2. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 727 с.
4. Крючков И. В., Чернов М. С. Основные тенденции индустриализации Австрии в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. Ч. 2. С. 281–285.
5. Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1902 год. Т. 1. Баку: Типография Первого типографского товарищества, 1902. 473 с.
6. Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1908 год. Т. 2. Баку: Типография Первого типографского товарищества, 1908. 516 с.
7. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1900 г. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1902. 880 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 18. Д. 348. Л. 72.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2717. Л. 2–3.
10. Сеидов В. Н. Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX – начало XX века). М.: Модест Колеров, 2009. 290 с.
11. Скальковский К. А. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. 554 с.
12. Список фабрик и заводов России. 1910 г. М. – СПб. – Варшава: Л. и Э. Метцль и К°, 1910. 1034 с.

УДК 314:303.7

Ракачев Вадим Николаевич

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930–1950-е гг.

Статья посвящена периоду активного национально-государственного строительства в СССР, который пришелся на 1930–1950-е гг., и его влиянию на динамику этнической структуры и этноязыковые процессы в таких полиэтничных регионах, как Кубань и Ставрополье. В работе используются статистические архивные материалы, значительная часть из которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, этническая структура, народонаселение, Ставрополье, Кубань, родной язык.

Rakachev Vadim N.

STRUCTURE AND DYNAMICS OF ETHNIC ETHNO-LINGUISTIC PROCESSES IN THE KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY IN THE 1930–1950-th

This article focuses on the active period of nation-building in USSR 1930–1950 years and its impact on the dynamics of ethnic and ethno-linguistic structure in processes such as multi-ethnic regions of Kuban and Stavropol. We use statistical archival materials, a significant portion of which was first introduced in the scientific revolution.

Key words: ethno-processus per accidens, ratiōe generis, hominum, Stavropol, Kuban, patria lingua.

Кубань и Ставрополье традиционно являлись полиэтничными территориями, зоной активных межэтнических контактов. Этническая структура регионов при этом не была постоянной, в силу исторических причин, особого географического положения, природно-климатических условий и, как следствие, постоянных массовых миграций, здесь формировались различные в этнокультурном плане общности. Их состав и численность не были устойчивыми и изменялись под воздействием многих факторов.

В 1930–1940-х гг. этническая структура населения Кубани и Ставрополья существенно трансформировалась в результате репрессий, этнических депортаций, массовых компенсаторных миграций. Однако, не только репрессивные меры и миграции изменяли этническую структуру. Проходили масштабные ассимиляционные процессы, которые так же были детерминированы трансформацией сознания, под влиянием идей советского коммунистического общества.

Показателем этого влияния могут быть изменения в сфере языка, а точнее родного языка, который в качестве отдельной характеристики учитывался в переписях населения. И хотя вопрос о родном языке стоял в программах всех отечественных переписей населения, в понятие «родной язык» вкладывалось различное содержание. В переписи 1926 г. родным языком признавался тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит, то есть родным считался разговорный язык опрашиваемого. В переписях 1939 г. и 1959 г. родным считался язык, который сам опрашиваемый считает своим родным. В том случае, если возникало затруднение, опрашиваемому предлагалось в качестве родного языка указать язык, которым он лучше всего владеет или которым обычно пользуются в семье. В переписи 1959 г. как впрочем и в 1939 г., все эти три признака сочетались вместе. Причем, как поясняли инструкции, родной язык мог и не совпадать с национальностью переписываемого [1, с. 182]. В результате различного содержания понятия «родной язык», статистические совокупности, составленные по этому признаку, были не всегда адекватны, что затрудняет возможность сравнительного анализа.

Переписи населения фиксировали роль языка именно как консолидирующего психологического фактора, иначе говоря, понятие «родной язык» больше отражало не реальное языковое поведение, а именно представление о нем как о языке «своей» этнической общности, т.е. как об элементе этнического самосознания [2; 3]. Если рассматривать родной язык как неотъемлемый элемент этнического самосознания, то процессы изменения в языковой сфере, следовательно следует считать предпосылкой и своеобразным маркером изменения этнического самосознания и этнических процессов происходящих в данной этносоциальной (этнокультурной) общности. Суть этнических процессов может быть представлена в двух основных формах – этноэволюционной и этнотрансформационной [4, с. 14-16]. Причем в первом случае при всех объективных изменениях этноса не меняется его самосознание, во втором случае, изменения достаточно глубоки, что ведет к изменению этнической самоидентификации. По сути, эти процессы можно определить как этнообъединительные (этническая консолидация, этническая ассимиляция, межэтническая интеграция) и этноразъединительные (этническая парциация и сепарация) [4, с. 7-23; 91-92].

Содержание понятия родной язык в сочетании с признаком национальности помогает глубже анализировать процессы, происходящие внутри наций, народностей, этнических групп. Комплексное изучение национальности и родного языка на основе материалов переписей как раз и позволяет проследить процессы ассимиляции и консолидации [5, с. 80-81].

Если учитывать, что критерием национальной принадлежности и родного языка является самоопределение опрашиваемого, то нужно помнить о том, что оно подвергается изменению. Кроме того, в процессе ассимиляции и консолидации происходит и изменение критерия, на основании которого опрашиваемый относит себя к той или иной национальной группе. Изменяется и понятие родного языка. Такая подвижность критерия (субъективная и объективная) воздействует на объем статистических совокупностей и тогда бывает сложно объяснить изменения, которые происходят в численности населения по признаку национальности и родного языка. Для исследователя важно понять в каком случае эти изменения являются следствием воспроизводства населения и миграции, а в каком результатом ассимиляции и консолидации.

Процессы ассимиляции и консолидации зависят от многих социальных условий. В определенной мере на эти процессы оказывает влияние характер расселения. Там, где сохраняется или создается форма совместного территориального проживания близких или однородных национальных групп, усиливаются процессы консолидации, укрепляется родной язык и национальная письменность. Там, где население меньшее по численности одной национальности проживает среди населения другой национальности большего по численности, усиливаются процессы ассимиляции, быстрее забывается родной язык. Это, в конечном счете, ведет к изменению самоопределения. Следовательно, процесс приобщения к нации, потери ее и приобретения есть процесс исторический, связанный в какой-то мере и с характером расселения [5, с. 81].

В 1920–1930-е гг., когда большинство народов оформились в этническом (национальном) отношении, признание теми или иными группами людей языка другой национальности своим родным языком обычно свидетельствовало об их языковой ассимиляции и в большинстве случаев о том, что их этническая трансформация развивается в направлении этнической ассимиляции. Следует отметить, что языковая ассимиляция является, как правило, необходимым условием и важным этапом этнической ассимиляции, она указывает направление этнической трансформации и в массовых проявлениях может характеризовать интенсивность этого процесса, однако сама по себе еще мало что говорит о дальнейшем развитии этого процесса во времени [6, с. 207].

Известны случаи, когда группы людей, утратив свой прежний язык и восприняв язык другой национальности, в среде которой они живут, довольно быстро (иногда в следующем поколении) меняли и свою этническую принадлежность, изменяли самоидентификацию. Вместе с тем нередки и такие случаи, когда этнические группы, перейдя полностью на язык доминирующей в их окружении национальности, в течение многих поколений продолжали сохранять свою прежнюю этническую идентичность. Показательны в этом отношении евреи и цыгане. Некоторые народы, проживавшие в регионе, демонстрируют подобную стратегию. Это справедливо, например, в отношении поляков, белорусов, чехов, немцев и др.

Процесс перехода на язык другой национальности в рассматриваемый период происходил на территории региона у большинства народов. Вместе с тем среди некоторых народов выросла доля лиц, с родным языком своей национальности, что следует рассматривать как следствие, с одной стороны, миграций с этнических территорий, с другой, как результат политики коренизации, проводимой советской властью и в определенной степени стимулировавшей рост национального самосознания и процессы сохранения и воспроизводства в качестве родного языка своей национальности. Однако политика коренизации, развития и поддержки национальных культур и языков, была временной уступкой, которая сменилась политикой на унификацию и ассимиляцию, на формирование сознания «советского человека».

Материалы переписи 1939 г. показывают, что на Кубани, например, доля белорусов с родным белорусским языком увеличилось с 12 % в 1926 г. до 33,6 % в 1939 г., у мордвы – соответственно с 43,5 до 62,9 % [7; 8; 9]. Это произошло в результате притока сюда новых групп представителей данных этносов с этнических территорий, не затронутых языковой ассимиляцией.

Процесс языковой ассимиляции так же зависит от таких факторов, как удаленность от основной этнической территории и степень дисперсности расселения. Это видно на примере мордвы. Доля лиц с родным мордовским языком составила в Краснодарском крае в городах 62,1 %, в селах – 63,4 % [7; 8; 9], тогда как в Мордовской АССР – 83,2 % и 98,8 %, а в Приморском крае – 35,3 % и 38,4 % [6, с. 244]. Среди других явлений, отраженных в материалах переписи 1939 г., обращает на себя внимание резкое снижение на Кубани и Ставрополье доли евреев, показавших своим родным языком еврейский (в основном – идиш), – с 40,5 до 20 %, поляков с родным польским – с 39,8 до 13,9 %, чехов – с 80,5 до 69 % [7; 8; 9]. Напротив, многие народы, особенно те, что преимущественно проживали компактно в сельской местности, сохраняли в своей среде достаточно высокий процент лиц с родным национальным языком. Это армяне (72,2 % лиц с родным языком своей национальности в городах и 92,5 % на селе), греки (78,8 и 80,1 %), немцы (61,8 и 91,8 %), молдаване (41,5 и 71,6 %) [8; 9].

В большей степени языковой ассимиляции оказались подвержены мужчины в силу свойственной им более высокой мобильности, специфики профессиональной деятельности и более высокой частоты социальных контактов. Однако на Кубани, например, у представителей таких народов, как белорусы, грузины, евреи и поляки, доля мужчин с родным языком своей национальности и в городе, и на селе была выше.

Как видим, мужчины практически у всех народов на Кубани сильнее подвержены языковой ассимиляции. Некоторым исключением являются армяне и евреи. Но и в этих случаях разница между мужчинами и женщинами в уровне владения родным языком своей национальности невелика. На Ставрополье эти показатели в целом идентичны, можно отметить и некоторые особенности. Так в частности доля лиц с родным языком своей национальности у украинцев несколько выше у мужчин, чем у женщин. Такую же ситуацию можно наблюдать и у татар. У евреев, проживавших на Ставрополье, напротив, языковая ассимиляция сильнее выражена у мужчин, чем у женщин [10].

Так же можно отметить, что на Ставрополье по сравнению с Кубанью половые различия в сфере языковой ассимиляции менее выражены. Вероятно, это связано с тем, что Ставрополье в целом отличалось более низким уровнем урбанизации (на 1939 г. доля городского населения на Кубани составляла почти четверть – 24,8 %, на Ставрополье – 21,6 %). За исключением таких народов как армяне и украинцы, которые на Ставрополье были более урбанизированы, чем на Кубани, у прочих народов уровень урбанизации был на порядок ниже. Очень малая доля горожан – жителей Ставрополья была среди коренного населения: адыгейцев и черкесов, карачаевцев, абазин, ногайцев. Несколько выше у кабардинцев, осетин. Таким образом, урбанизация выступает важным фактором, влияющим на этническую структуру. Город, как правило, является полиэтничным социумом, что неизбежно ставит вопрос о языке межнационального общения и достаточно сильно влияет на процессы языковой ассимиляции, а в последствие и на трансформацию этнического самосознания городских жителей. В результате число лиц, владеющих родным языком своей национальности в городе, как правило, ниже, чем в селе. В то же время языковая ассимиляция имеет свои особенности у различных народов и сам факт проживания в городской среде не всегда является достаточным для перехода в качестве родного языка с языка своей национальности на язык этнического большинства или язык межнационального общения. Поэтому у одних народов, например, у русских,

адыгейцев, мордвы, эти показатели практически не отличаются. У других, разрыв между долей владеющих родным языком в городе и селе оказывается более значительным [10].

Сравнивая показатели владения родным языком своей национальности у различных этносов в обоих регионах в зависимости от типов поселений, можно обратить внимание на ряд особенностей. Разница более чем в 10 % во владении родным языком среди горожан и селян обнаруживается на Кубани по данным переписи 1939 г. у представителей таких этнических групп, как чехи (в селе доля указавших в качестве родного языка своей национальности на 33,3 % больше, чем в городе), немцы (30,1 %), армяне (20,3 %), грузины (19 %), татары (16,2 %), белорусы (15,7 %). На Ставрополье значительный разрыв в уровне владения родным языком проявляется у немцев (30,4 %), евреев (26,1 %), а также у украинцев (12,2 %), адыгейцев (11,1 %), армян (11,0 %) [10].

Таким образом, в большей степени процессы языковой ассимиляции на селе в Краснодарском крае охватили украинцев, немцев, евреев. На Ставрополье, более ассимилированными в языковом отношении в сельской местности были армяне, греки, татары. Примерно в равной степени языковая ассимиляция в обоих регионах в сельской местности затронула адыгское население.

Ситуация среди горожан отличалась в регионах. Так более затронуты языковой ассимиляцией в городе на Кубани были украинцы, армяне, немцы, татары, евреи. На Ставрополье – адыги (черкесы) и греки. Таким образом, полиэтническое население кубанских городов, было более ассимилировано по сравнению со Ставропольем.

Этнические процессы протекают совершенно по-разному в зависимости от бесчисленных местных обстоятельств и условий. По мнению В. В. Покшишевского чаще всего основой для таких изменений могут стать этногеографические факторы [11, с. 184-185]. А именно, этнические ситуации и ход этнических процессов могут испытывать существенное влияние различных форм расселения. Как общее правило, условия городской жизни с высокой ролью занятости в промышленности, торговле, на транспорте и т.п. способствуют стягиванию в города представителей разных этнических общностей, вне городов живущих разобщено, в пределах своего этнического ареала [11, с. 189]. Ситуация, при которой среди городских жителей доля людей, для которых родным стал язык не их национальности, намного выше, чем среди сельского населения весьма типична и, кроме того, является следствием того, что в городах более частыми являются межэтнические браки [11, с. 189-191].

В послевоенный период на языковую ситуацию и характер этнических процессов в регионе оказали влияние усилившиеся миграции представителей отдельных народов, в том числе и вследствие реабилитационных процессов. Приток новых групп некоторых народов увеличил среди них долю лиц с родным языком своей национальности. Продолжали набирать силу процессы ассимиляции. В большей степени они затронули представителей таких народов как греки и немцы, среди которых доля лиц с родным языком своей национальности за 20-летний период сократилась почти вдвое. Продолжился этот процесс в среде украинского населения Кубани и Ставрополья. Так же заметно сократилась доля таких лиц у татар, мордвы, молдаван. Среди белорусов этот показатель практически не изменился [10; 12]. Некоторые народы между тем сохранили высокий процент лиц с родным языком своей национальности. Это адыгейцы, армяне, грузины. Но и эти народы неизбежно подвергались ассимиляционным процессам, хотя и в меньшей степени. Так у адыгейцев доля лиц с родным языком своей национальности в сравнении с 1939 г. сократилась на 5,6 %, у армян на 6,7 %, грузин на 7,9 % [8; 9; 13; 14]. Около 90 % евреев Кубани и Ставрополья во второй половине XX в. перешли преимущественно на русский язык. Значительная языковая ассимиляция наблюдалась у поляков, большая часть которых перешла на русский язык. У других народов доля лиц с родным языком своей национальности составляла примерно 40–60 % [13].

Мужчины у многих народов в регионе в рассматриваемый период были сильнее подвержены языковой ассимиляции, чем женщины. В городах только у грузин, молдаван, евреев, поляков, болгар, эстонцев доля мужчин, показавших родным языком язык своей национальности, была немногим выше, чем женщин, у остальных народов – ниже.

Сохраняются поселенческие различия в степени языковой ассимиляции. Общая закономерность проявляется в том, что родной язык наиболее стойко сохраняется в пределах этниче-

ской территории расселения народа, когда представители коренной национальности живут не в смешении или в слабом смешении с инациональными группами, образуя крупные однородные в этноязыковом отношении ареалы. Это подтверждается на примере коренных этносов региона – черкесов, карачаевцев, абазин, адыгейцев, у которых доля лиц с родным языком своей национальности составляла около 90 %. По мере удаления от этой территории обычно возрастает степень рассредоточенности этноса (этнической дисперсности), а вместе с ней и степень развития процессов языковой (и этнической) ассимиляции [6, с. 213-214].

В этом отношении можно выделить несколько групп народов расселенных на территории края по степени их удаленности от этнических территорий. К первой (западной), можно отнести поляков, чехов, белорусов, греков как достаточно удаленных от материнских этносов, которые показывают невысокий процент лиц с родным национальным языком. Для второй (южной) – армяне, грузины, адыгейцы, азербайджанцы, татары крымские, народы Северного Кавказа, наоборот, характерен достаточно высокий процент указанных лиц.

Таким образом, анализ динамики такого показателя как «родной язык» позволяет охарактеризовать процессы происходившие внутри региональной этнокультурной системы на протяжении исследуемого периода.

Материалы переписей позволяют утверждать, что родной язык выступает важным маркером этнического самоопределения и со временем подвергается изменению. Изменяются критерии, согласно которым опрашиваемый относит себя к той или иной национальной группе и само понятие родного языка. Эти изменения зависят от многих социальных условий и характеристик: социально-политических процессов, пола, характера расселения, степени удаленности от этнической территории, моно- или поликультурной и языковой среды и т.д. Учитывая действие этих факторов, можно отметить, что устойчивой тенденцией в развитии этноязыковых процессов в регионе в рассматриваемый период были процессы языковой ассимиляции, которые в разной степени затронули все народы и этнические группы.

Литература

1. Гозулов А.И. Морфология населения. Ростов н/Д, 1929.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Суколов А.А. Этносоциология. М., 1998;
3. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1994.
4. Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М., 1983.
5. Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. М., 1969.
6. Козлов В.И. Национальности СССР (Этнодемографический обзор). М., 1975.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29. Т.9;
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года.
9. Национальный состав населения по районам Краснодарского края. М., 1940.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 7.
11. Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978.
12. РГАЭ. Д. 1566. ЛЛ. 15–21, 64.
13. Распределение населения Краснодарского края по национальности и родному языку на 1959 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-1490. Оп. 2. Д. 6. Л. 1;
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566. Л. 64.

УДК 947.8(470.62)

Романова Нина Васильевна

**КРАСНОДАРСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ:
НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»**

В статье на основе широкого пласта архивных документов рассматривается и анализируется деятельность Краснодарского Союза советских художников в 50-60-е годы XX века в контексте официальной культурной политики.

Ключевые слова: художественная интеллигенция; «оттепель»; культурная политика; общественная жизнь; культурная история региона.

Romanova Nina V.

**KRASNODAR UNION OF SOVIET ARTIST:
INNOVATIONS AND TRADITIONS OF «KHRUSHCHEV THAW»**

Author uses wide range of archive documents and basing on them analyses activity of Krasnodar Union of Soviet Artist in 50-60 years of XX century in state cultural policy.

Key words: cultural policy, public life, region cultural life, «Khrushchev Thaw», artistic intellectuals.

В начале 50-х гг. XX в. с приходом нового политического руководства в стране происходят определенные изменения. Это касалось многих сфер жизни советского общества, включая и культурную сферу. К этому времени творческая организация художников Краснодарского края имела определенные традиции. В рамках Союза активно работали художники К. Сидашенко, Г. Копецкий, Г. Аракелян, Г. Булгаков, А. Глуховцев, А. Аретаков. Возглавлял Краснодарское Правление талантливый театральный художник А. Чечни. Однако им приходилось ограничиваться рамками официоза, который не допускал творческих поисков.

Несмотря на перемены в Центре, в южной провинции сохранялась прежняя атмосфера. Например, в середине мая 1954 г. в Краснодарском краевом художественном музее прошла творческая конференция Союзов советских художников Юга. В ней приняли участие представители Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Грозненской областей, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР. Вниманию участников конференции были представлены доклады, построенные на основе прежних идеологических установок. Так, один из них был посвящен задачам советских художников в связи с решениями сентябрьского и февральского – мартовского Пленумов ЦК КПСС. Другой имел характерное для официальной идеологии название «Народность, как важнейший принцип искусства социалистического реализма» [11, с. 1].

Однако постепенно стала меняться ситуация и на Кубани. В первую очередь, это касалось формального обновления. В связи с кадровыми и организационными переменами в центральных органах местные творческие союзы также пересмотрели свою работу и наметили новые направления деятельности. Например, именно организационные и идейные вопросы творчества художников были рассмотрены на краевом совещании в Краснодаре в 1954 г. [3, с. 1].

В это же время активизировалась работа местных художественных фондов, значительная часть из которых была сформирована именно на волне «оттепели». Так, Краснодарское отделение художественного фонда было создано в 1954 г. для содействия творческой деятельности членам Краснодарского отделения Союза художников РСФСР. На заседании Правлений отделения Союза художников и отделения Художественного Фонда 1 февраля 1954 г. был принят Устав Краснодарского отделения художественного фонда [10, с. 2]. В 1955 г. в состав фонда уже входили художественные мастерские в городах Краснодаре, Майкопе, Сочи, Новороссийске. В них работали 304 человека, из которых 44 были членами и кандидатами в члены Союза советских художников (ССХ) [4, с. 1].

Согласно партийной установке нового лидера СССР, основным направлением работы художественной интеллигенции стало «сближение искусства с народом». Поэтому главным в деятельности фонда и местного отделения ССХ стала организация выставок разного уровня, обеспечение участия местных представителей в выставках союзного и республиканского значения. Особое внимание стало уделяться руководству работой самодеятельных художников. В это время в контексте новых идейно-политических требований особую важность приобрела пропаганда изобразительного искусства.

Об активности выставочной работы в середине 1950-х гг. на Кубани убедительно свидетельствуют источники. Всего за 1954–1955 гг. Краснодарским отделением Союза художников были проведены 43 выставки, которые посетили 150 тысяч зрителей. Работы местных художников заняли достойное место в различных музеях и организациях. Например, в Москве экспонировались скульптурные композиции «М. Горький» работы И. Шмагуна, «Гонтарь и Л. Толстой» работы К. Сидашенко, а также картины живописцев Г. Копецкого, Г. Аракеляна, Г. Булгакова, графика А. Глуховцева, театральных декораторов А. Чечина, А. Ардакова [4, с. 3].

Деятели изобразительного искусства региона активно участвовали в столичных выставках. Творческий союз Кубани, например, уже в 1954 г. начал планомерную подготовку к Республиканской художественной выставке 1955 г. и Всесоюзной выставке 1957 г. Выставка творчества художников Российской Федерации состоялась в конце декабря – начале января 1955 г. в Москве. На ней экспонировались работы 10 кубанских художников и скульпторов: П. Калягина, Г. Булгакова, Н. Евса, Г. Аракеляна, А. Годова и др. [13, с. 3].

В те годы особое внимание уделялось творчеству национальных художников. Так на республиканской выставке зрители увидели гипсовые портреты Героя социалистического труда Д. Гондаря и адыгейского ашуга Цуга Теучеж работы художника из Адыгеи К. Сидашенко [13, с. 3]. Творческая интеллигенция Адыгеи также работала очень плодотворно. В результате начали организовываться художественные выставки в столице Адыгеи. Такая выставка работ художников Адыгейской автономной области была открыта 17 января 1955 г. На ней экспонировались произведения 14 художников и скульпторов области [12, с. 3].

Немало усилий тратилось руководством Краснодарского ССХ на организацию передвижных выставок, благодаря которым с творчеством местных художников знакомились жители самых отдаленных сельских уголков края. Краснодарские художники в 1956 г. участвовали в многочисленных передвижных выставках. Подобные выставки экспонировались во многих районах края, картины которых увидели более 20 тысяч сельских тружеников. Так, например, в Хадзыженском районе выставку посетили 3 470 человек, в Апшеронском – 4 120 человек, в Нефтегорском – 3 595, в Кропоткинском – 3 585, Ново-Кубанском – 6 853 человек [4, с. 13]. Передвижные выставки были представлены не только в районных центрах, но и непосредственно на рабочих местах. Экспонаты художественных выставок увидели колхозники и рабочие совхозов на 22 полевых станах.

Местные партийные органы рассматривали деятелей изобразительного искусства, также как и писателей, в качестве бойцов идеологического фронта. Не случайно сразу после XX съезда партии художники Кубани были направлены в колхозы и совхозы для разъяснения материалов партийного форума. Художники провели 44 консультации по разъяснению итогов XX съезда КПСС.

Немалое место в организационной работе правления Союза художников занимала студийная работа. Именно через студии осуществлялось профессиональное, но, в первую очередь, идейное руководство творчеством самодеятельных художников. В середине 1950-х гг. устойчивой тенденцией стал количественный рост художественных студий. Студии создавались не только в городском масштабе, но и при организациях и предприятиях. Примером такой студии может служить объединение на заводе «Армалит» в Армавире, которое в 1954 г. при непосредственной поддержке Правления Союза создали художники и искусствоведы Кубани [2, с. 53].

Несмотря на обновление духовной жизни в Центре, продолжали действовать прежние стереотипы. Это подведение итогов деятельности художественной интеллигенции в связи с партийными решениями. К примеру, после XX съезда КПСС руководство Краснодарского отделения Союза художников инициировало проведение выставок, посвященных решениям съезда. Однако менялся характер этих выставок. Например, Сочинские мастерские с 12 по 18 марта

1956 г. организовали художественную выставку в честь XX съезда партии. Однако содержание выставки было далеко от официоза. Натюрморты и пейзажи, в большом количестве представленные в экспозиции, имели большой успех у зрителя. Выставку посетили 17 тысяч человек. Судя по отзывам, картины, людям очень нравились, но партийные чиновники остались недовольны. На общегородском собрании секретарь Сочинского горкома КПСС Терехова говорила о недопустимости «засилья» индивидуальных лирических мотивов сочинских художников и о скудости социально значимых сюжетов о созидательном труде советских людей, недостаточности портретов передовиков производства.

Причину такого положения партийные органы искали по-прежнему в недостаточном знании марксизма-ленинизма: «Характерной особенностью работ сочинских художников является поверхностное понимание художественной задачи. Причиной этому служит, слабое знание марксистско-ленинской эстетики, художники не знакомы с Ленинской теорией отражения в применении ее к искусству» [5, с. 52]. Кроме того, по мнению партийной дамы, такое «аполитичное» поведение художников стало следствием того, что краевое отделение Союза художников не проводило идейно-политических докладов и лекций в сочинском коллективе. В результате основная масса художников не связывала свои творческие планы с задачами партии.

Как известно, для художников членство в ССХ открывало двери не только к признанию и благоприятным внешним условиям работы, но и к жизненным благам. Это не могло не сказываться на нравственной атмосфере, как в центре, так и в местных союзах и порождало настроения конформизма, стяжательства, вседозволенности, о чем свидетельствуют источники. Так, в коллективе сочинских художников царили групповщина, преобладание личных симпатий над творческой оценкой, дух личной наживы. Правление Краснодарского отделения было этим обеспокоено: «Творческие работники уделяют большое внимание заработку, конечно, это необходимо, но нужно уметь разделять так свое время, что бы можно было работать творчески» [5, с. 1]. В результате свободному творчеству многие художники – члены Союза предпочитали заказные оформительские работы. Эти сложности, порождаемые разными причинами, ловко использовала партийная власть, чтобы манипулировать художниками, искореняя ненавистную им либерализацию творчества.

Необходимо отметить, что в те годы активизировалась публичная критика прежних методов работы. Это стало модой, которая не обошла и творческие союзы, и отдельных художников. Особое внимание при этом уделялось творчеству молодых художников. Это объяснялось, с одной стороны, изменением идейно-политической ситуации и новыми требованиями власти, а с другой – опасениями руководителей организациями художников, что молодые живописцы в поисках свободы самовыражения выйдут за рамки идеологических норм. Недовольство слабой заботой о молодых художниках прозвучало на собрании художников Краснодарского края в 1957 г. По мнению некоторых членов СХ это стало причиной мелкотемья и неоригинальной разработкой художественного сюжета в произведениях многих молодых живописцев [14, с. 3]. Очевидно, что внимание к молодым объяснялось также и процессом смены поколений. К концу 1950-х гг. ряды творческой интеллигенции пополнились молодыми, талантливыми художниками. Ярко и талантливо заявили о себе ныне признанные живописцы. В 1957 г. Краснодарское отделение Союза художников насчитывало 27 членов Союза и 12 кандидатов. Далеко за пределами края были известны имена художников Г. Булгакова, Г. Аракеяна, К. Сидашенко, И. Шмагуна. На юбилейной выставке художников РСФСР участвовало 20 кубанцев с 39 произведениями, среди которых были картины молодых живописцев [14, с. 3].

В потоке критики в адрес местных художников в конце 1950-х гг., особенно после XX съезда партии появилась новая нота – критика бюрократизма в работе союзов, нарушения коллективности руководства. Например, на отчетно-выборном собрании художников Кубани в июле 1958 г. по итогам работы за 1957 г. говорилось, что полнокровному развитию художественной жизни края во многом мешали разобщенность, творческий разлад, наметившийся среди членов правления. В результате этого в правлении Краснодарского отделения Союза художников фактически работало два человека – А. Чечни и А. Глуховцев, которые вдвоем вынуждены были решать многие важные вопросы творческой жизни отделения. При обсуждении работы

за отчетный период А. Шепелюк прямо назвал недопустимым нарушения членами правления принципов коллегиальности в руководстве отделением [14, с. 3].

В это время Союзы более внимательно стали относиться к такому жанру изобразительно-го искусства как театрально-декоративное искусство. Так главный художник краевого Краснодарского драматического театра им. Горького А. Аретаков на отчетном собрании СХ в 1957 г. говорил о важности этого искусства, которое было подлинно массовым, имеющим многотысячного зрителя, а Правление в предшествующий период не уделяло ему должного внимания. Это проявилось в том, что за последние годы художники не собирались для обсуждения эскизов театральных декораций [14, с. 3].

Как и прежде, важным стимулом для активизации творчества работников изобразительно-го искусства, как и других отраслей культуры, становились юбилейные даты и важные политические события в стране. Например, с 21 апреля по 10 мая 1961 г. в Краснодаре была организована выставка картин памяти В. И. Ленина [9, с. 4]. Художники обязаны были также отмечать своим творчеством каждый партийный съезд. В феврале 1959 г. в Краснодаре была открыта краевая художественная выставка, посвященная XXI съезду. Не случайно видное место в экспозиции занял новый жанр – индустриальный пейзаж. Это вполне соответствовало духу съезда, на котором особое внимание было уделено развитию промышленности и научно-техническому прогрессу. Картина «Адыгейский сахарный завод» работы В. Кодолбенко, полотна И. Христич «Раздельная уборка» и И. Соколова «Нефтеразведка» свидетельствовали о том, что члены Союза стремились в своих произведениях отражать то, на что их ориентировали партийные органы [1, с. 3]. В 1961 г. прошла 20-я выставка произведений кубанских художников, посвященная работе XXII съезда КПСС [9, с. 4].

Наряду с некоторыми новыми тенденциями в организации работы местных художников, в рамках Союза продолжались и традиции, выработанные за годы советской власти. В частности, продолжалась практика проведения тематических выставок. 1958 г. для кубанских художников прошел в подготовке к выставке «Советская Россия» и «Социалистическая Кубань». О предстоящих выставках были широко оповещены все художники края. Работы, рекомендованные на эти показы, рассматривались на заседаниях краевого выставочного комитета. В его состав входили известные художники, а также представители партийных, советских и общественных организаций. Помощь в подготовке художественных произведений оказывали члены худсовета.

Ценным начинанием местного отделения СХ, по нашему мнению, была организация и проведение недель изобразительного искусства. Примером такой работы может служить неделя изобразительного искусства, которая проходила в апреле 1962 г. Она включила в себя выставку живописи в выставочном зале Союза художников, которая затем была передана в дар колхозу «Маяк революции» Курганенского района. Художники из городов Краснодарского края выезжали с беседами в сельскохозяйственные районы, оказывали помощь на местах в оформлении клубов, рабочих помещений. В частности, местным правлением Союза художников была отмечена работа художника Семена Шаловалова на Тимошевском сахарном заводе [8, с. 75]

Наиболее интенсивно процесс реализации творчества местных художников стал развиваться после организации в 1960 г. Союза художников РСФСР (СХ РСФСР). Появилась возможность более активно проводить выставочную деятельность. Свое рождение СХ России ознаменовал проведением первой республиканской выставки «Советская Россия». Краснодарский краевой выставком отобрал для показа на ней 134 работы. В их число вошли картины «Воспоминание о Родине» работы Г.А. Булгакова, «Портрет китайского художника Ли-Ци» работы Д.П. Бириюкова, «Уборка урожая» работы Б.С. Сиромы, «Портрет пастуха Адыгеи» работы Г.К. Шахбазяна, «По Кубани» работы В.А. Пташевского, гипсовый портрет «Звеньевая» работы К.И. Александрова [6, с. 5].

Характерной особенностью культурной жизни Кубани в изучаемый период стало существенное расширение творческих связей с художниками других регионов. Доступнее стал мир искусства из зарубежья. Так очень робко проецировалась общая тенденция ослабления «железного занавеса» в социальной действительности южной провинции. В этом отношении показательна передвижная выставка литовского искусства, проходившая на Кубани со 2 апреля по 7 мая 1961 г. [9, с. 4]. В 1962 г. жители этого региона смогли познакомиться с западным ис-

кусством. В краевом центре целый месяц, с 8 июля по 7 августа экспонировалась выставка ЮНЕСКО. Лозунг «связь искусства с жизнью» нашел отражение в линии на сближении столицы и провинций. Так, в Краснодаре с 5 августа по 22 октября все желающие смогли увидеть произведения живописи из запасного фонда Государственного Эрмитажа. Это были репродукции акварелей западных художников [4, с. 36].

Гораздо чаще в эти годы стали выставляться местные художники и на всесоюзных выставках. Так, в 1961 г. выставком Краснодарского края были рекомендованы на Всесоюзную художественную выставку в Москве 28 работ кубанских художников. Среди них были скульптура «Материнство» работы И. Я. Гуслева, картины «Жизнь» работы В. С. Губина, «Дояр Задорожный» А. А. Калугина, «Весна» В. Д. Носкова, «Кубанская кукуруза» Е. И. Чичкана [9, с. 4].

Исследуемое время отмечено расширением связей столичных художников с искусством региона. Наиболее активно творческие связи инициировались в соседних регионах. Дело не ограничилось обменом выставками. Художники по командировкам творческих союзов совершили многочисленные поездки в соседние республики Северного Кавказа и Закавказья, где получили возможность не только познакомиться с их жизнью и природой, но и поработать. Такое сотрудничество вылилось в регулярную организацию зональных художественных выставок «Советский юг». Первая из них состоялась в Ростове-на-Дону в 1964 г. Традиция, рожденная в исследуемые годы, продолжилась и позже. В 1967 г. такая выставка работала в Краснодаре, а в 1969 – в Ставрополе.

В рамках сотрудничества с деятелями культуры социалистических стран происходил творческий обмен художественными достижениями своих стран. К примеру, в августе 1959 г. по просьбе секретариата Правления СХ СССР согласно плану культурного сотрудничества между Союзом художников СССР и Северной Кореей Краснодарский Союз художников под руководством Ф.В. Калашнева организовал стажировку корейских художников Ким Сан-Хена и Ким Сен-Рена на Кубань [7, с. 8]. Гости познакомились с изобразительным искусством края, посещая музеи, художественные мастерские. В ходе стажировки корейские художники сделали немало зарисовок, отражавших жизнь этой благодатной российской земли.

Можно констатировать, что эпоха «оттепели» на Кубани оказалась временем начала глубинных процессов в духовной жизни региона. Активизировалось культурное просвещение различных слоев населения, что было немаловажным для подъема уровня массовой культуры в стране. Особенно важным это было для художественного воспитания подрастающего поколения и для раннего выявления самодельных талантов.

В эти годы даже в такой далекой провинции, как Краснодарский край, население впервые за многие десятилетия получило возможность знакомиться с зарубежным искусством. На наш взгляд, при всех издержках партийно-государственного диктата над культурой, некоторые аспекты исторического опыта бытования советского искусства в 1950-е – 1960-е гг. представляют определенный интерес для современной общественной жизни регионов.

Литература

1. Богоявленский М. Краевая художественная выставка. Советская Кубань. 11 февраля 1959.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). ФР. 1722. Оп.1. Д. 20.
3. ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 22.
4. ГАКК. ФР.1722. Оп.1. Д. 29.
5. ГАКК. ФР. 1722. Оп.1. Д. 31.
6. ГАКК. ФР. 1722. Оп. 1. Д. 41.
7. ГАКК. ФР. 1722. Оп.1. Д. 45.
8. ГАКК. ФР. 1722. Оп.1. Д. 55.
9. ГАКК. ФР. 1722. Оп.1. Д. 59.
10. ГАКК. ФР. 1730. Оп.1. Д.1.
11. Конференция художников юга. Комсомолец Кубани. 14 мая. 1954.
12. Областная художественная выставка. Советская Кубань. 18 января 1955.
13. Творческие отчеты кубанских художников. Советская Кубань. 9 января 1955.
14. Теснее связь с жизнью. Советская Кубань. 12 июля 1958.

УДК 940.1 (450)

Тельменко Елена Павловна

«БЕРЕГИТЕСЬ ЛЖЕПРОРОКОВ, КОТОРЫЕ ПРИХОДЯТ К ВАМ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ»

В статье на основе анализа письма анонимного церковного автора, выявляются ключевые вопросы полемики 1495–1496 гг., разгоревшейся среди итальянского духовенства по поводу флорентийского пророка-реформатора Джироламо Савонаролы.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, оппозиция, полемика, лжепророк, еретик, схизматик, тиран.

Telmenko Elena Pavlovna

«BEWARE OF FALSE PROPHETS WHO COME TO YOU IN SHEEP'S CLOTHING»

The article, based on an the analysis of the letter by an anonymous church author, identifies the key issues of the 1495-1496's controversy that arouse among the Italian clergy about the Florentine prophet and reformer Girolamo Savonarola.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, opposition, controversy, false prophet, heretic, schismatic, tyrant.

История Флоренции конца XV в. тесно связана с фигурой доминиканца Джироламо Савонаролы. Монах сумел превратиться «в главное действующее лицо жизни города» [6, р. 5] благодаря тому, что в критический для него момент в 1494 г. – антимадичейский переворот и изгнание Пьеро Медичи, начало Итальянских войн и угроза разграбления французскими войсками Карла VIII, – наделил флорентийцев уверенностью в положительной исторической перспективе. Фра Джироламо объявил Флоренцию избранным Богом городом, покровителем которого является Иисус Христос, а себе присвоил статус городского пророка. Обещание грядущего процветания, которое наступит после божественных испытаний, доминиканец связал с необходимостью реформирования города на Арно.

В государстве, освободившемся от тирании Медичи, монах своими проповедями способствует установлению «всеобщего мира», использует собственный авторитет для поддержки демократических преобразований, благодаря чему образуется народный орган управления – Большой совет. Политическая реформа мыслится им как путь достижения «bene comune» – «общего блага» свободного государства, которое, в свою очередь, невозможно без «ben vivere» – «добродетельной жизни горожан».

Если апогей влияния Савонаролы приходится на рубеж 1494–1495 гг., то уже с весны 1495 г. положение пророка-реформатора стало ухудшаться. На это повлияли изменения, как во внешнеполитической ситуации, так и внутри самой Флоренции. Союзник флорентийцев, от успехов которого в определенной степени зависела устойчивость положения монаха, Карл VIII возвращается во Францию. Во Флоренции, которая следовала за доминиканцем «только в момент страха и интереса» [6, р. 6], уже в январе 1495 г. обнаруживается разделение на противоборствующие партии – сторонников брата (piagnoni – «плаксы»), противников (arrabbiati – «озлобленные») и колеблющихся (tieridi – «равнодушные»). Оппозиция действовала в двух направлениях: интриговала внутри города, а также действовала в Римской курии, добиваясь от Папы канонических санкций против приора Сан Марко [8, с. 94–99]. Александр VI Борджа своим бреве от 21 июля требует немедленного прибытия Савонаролы в Рим для объяснений, монах, ссылаясь на нездоровье, не выполняет приказ. В бреве от 8 сентября 1495 г. Папа запрещает доминиканцу учить и проповедовать, а также аннулирует независимую конгрегацию Сан Марко и переподчиняет ее Ломбардской конгрегации. Следующим бреве от 16 октября 1495 г.

Понтифик отменяет все свои постановления, но рекомендует фра Джироламо воздержаться от проповедей до тех пор, пока ситуация не будет тщательно исследована [8, с. 103–105].

Савонарола, понимая всю сложность ситуации, подчиняется. Однако он находит способы обойти предписание замолчать. В Рождественский пост 1495 г. посредником между приором Сан Марко и паствой выступил его собрат по ордену и верный последователь – фра Доменико да Пешиа, который, проповедуя в соборе Санта Мария дель Фьоре, оглашал наставления верующим, а также поддержал начало «детской реформы» [5, р. 121]. Сам же фра Джироламо предается писательской активности, и за это время создает трактаты «О простоте христианской жизни» (*De simplicitate christianae vitae*) и «Компендиум пророчеств» (*Compendium revelationum*), которые были направлены на подтверждение полной ортодоксальности проповедуемого им учения. Кроме того, к концу года он сочиняет и распространяет среди своих последователей «Послание другу» (*Epistola a sho amico*), в котором отвечает на обвинения оппонентов, касающиеся его религиозной и политической деятельности [1, р. 513–517; 4, р. 117–118].

Очевидно, эпистола вызвала большой резонанс во Флоренции. Вслед за ее обнародованием, уже в начале 1496 г. некое анонимное лицо пишет ответное публичное послание (*Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'Ordine de'frati predicatori da l'amico suo*) [3, р. 124–139], где, под маской «друга», передает мнения и слова врагов, усиливая их обвинения значительным набором цитат из Св. Писания и трудов авторитетных церковных и светских авторов. Это письмо, в свою очередь, стало причиной появления апологетической эпistolы сторонника и собрата фра Джироламо, выдающегося интеллектуала, Доменико Бенивьени [2, р. 1178–1190]. Анализ означенных посланий дает представление о сути полемики, развернувшейся вокруг флорентийского пророка-реформатора в церковной среде. Здесь мы обратимся к содержанию письма анонимного «друга», которое позволит выявить суть критики действий Савонаролы в религиозной сфере и содержание аргументов, выдвигаемых его церковными оппонентами.

В начале своего письма «друг», очевидно, желая подчеркнуть свою непредвзятость и исключительную заинтересованность в выяснении истины, следующим образом заявляет о причинах появления этого сочинения. Он испытывает «душевный трепет сомнений и двойственности», в который его повергли, с одной стороны «народная молва и острые языки», а с другой – собственное «благочестие», преисполненное стремлением к правде. Указывая на то, что апология самого Савонаролы в письме кон. 1495 г. ввергла его в еще больший ужас и трепет из-за невозможности определить истину, автор заявляет, что, «будучи переполнен различными мнениями, я решил открыто изложить все то, что услышал и воспринял против вас относительно этой материи» [3, р. 124]. Далее аноним переходит к изложению критических положений, выдвигаемых антисавонаролианской оппозицией.

Савонарола обвиняется в неповиновении Папе, что расценивается как проявление неуважения к Римской курии и неверие в «исключительность власти Понтифика». Отсюда, заключает автор эпistolы, веет «гадким и еретическим смрадом». И то, что монах «из-за страха перед справедливым наказанием» проигнорировал многочисленные бреве с вызовом в Рим, а Папа не предпринял жестких мер в его отношении, свидетельствует, по мнению критиков, не в пользу брата и правоты его учения, а скорее Александра VI, проявившего доброту, милосердие и терпимость [3, р. 125–126].

Снисходительность Папы к доминиканцу должна показаться поистине безграничной, поскольку касается не просто дисциплинарных вопросов, но понимания места и роли Церкви в современном христианском мире. Савонарола, обнаруживая «дерзкое высокомерие», присваивает себе звание пророка, и потому вызывает «подозрение в порочной ереси». Испушенный в богословских вопросах и знании Св. Писания, анонимный «друг», указывая на тексты евангелистов [Мф. 23:34; Лк. 11:49], напоминает, что отличие истинных пророков от ложных состоит в том, что они «не сами приходят, но их посылают» [3, р. 126]. Свидетельством же того, что пророк вещает от имени Господа, являются поданные свыше «знаки (*signi*)». Так, отмечая стремление приора Сан Марко уподобить себя «новому Моисею», а флорентийцев – избранному народу Израиля, автор эпistolы указывает, что израильтяне получили возможность убедиться в пророческой миссии Моисея и в том, что его учение «происходит от Всевышнего»

«посредством знаков и сверхприродных чудес» (10 казней египетских; переход через Чермное море; манна небесная, высечение родника в скале и проч.), а флорентийский народ не обрел от своего «пророка» каких-либо божественных доказательств [3, р. 131–132].

Помимо этого, многие предсказания фра Джироламо не сбываются. «Вы обещали, – упрекает Савонаролу автор письма, – что при новом управлении, сотворенном Богом, больше не будет никаких непомерных налогов (*balzello*)..., а случилось противоположное»; «вы обещали процветание и изобилие, и вскоре город был охвачен голодом и чумой»; «вы обещали возврат Пизы и увеличение территории государства, и, видя произошедшее, можно судить, являются ли ваши предсказания истинными или ложными» [3, р. 127]. Оппоненты фра Джироламо также замечают, что его прорицания имеют свойство изменяться в зависимости от обстоятельств, что позволяет усомниться в истинности его пророческого статуса. Здесь анонимный сочинитель эпистолы вспоминает давние заявления монаха о реформировании Церкви и христианского мира, в которых он утверждал, что эта миссия будет возложена Богом на светского государя, и им станет «Турок». Савонарола изобличается не только в том, что повторил старое и широко распространенное среди итальянских проповедников суждение, но и что затем, «чувствуя приход французов», предпочел забыть о нем [3, р. 127] и представить в качестве орудия Господа другое лицо – Карла VIII [3, р. 136]. Кроме того, недоброжелатели приора Сан Марко почувствовали его неуверенность в собственных откровениях в том, что монах всячески стремится избежать проверки их фактами. Так аноним пишет: «Но, мало веря в исход этих ваших пророчеств, вы как бы стремитесь сделать заключение, что этого не будет при тех, кто живет в настоящее время, но при их потомках, разумно убирая границы, чтобы не ощущать дополнительных проверок разочарованного народа» [3, р. 132]. Более того, его высказывания-пророчества не санкционированы Церковью. Поскольку данный пункт обвинений представляется важным для выяснения понимания (и интерпретации) в церковных кругах сути противостояния флорентийского пророка и Римской курии, обратим на него особое внимание.

Противники Савонаролы критиковали его, – и если судить по текстам проповедей, не без оснований, – в излишней увлеченности текстами Ветхого завета в ущерб посланию, сосредоточенному в Новом завете. Так анонимный «друг» значительную часть своего письма посвящает предупреждению брата об опасности «иудаизации» при толковании Св. Писания. Господь, как заявляет сочинитель эпистолы, часто предстает в проповедях доминиканца карающим, а не милосердным, что противоречит духу Нового завета, построенного на сыновней любви человека к Богу [3, р. 131]. Заявления брата о Новом Иерусалиме, куда будет перенесена реформированная Церковь, как отмечает его «друг», близки к еврейским ожиданиям Мессии, который восстановит Храм, а не к христианскому толкованию Нового Иерусалима, как Церкви Христа, построенной на крови мучеников [3, р. 134–136]. И, наконец, в рассуждениях о стремлении Савонаролы уподобиться ветхозаветным пророкам сталкиваются два понимания отношений между Богом и его Церковью. Фра Джироламо мыслит себя медиатором между Господом и паствой, следуя модели Ветхого завета, когда Всевышний вещал народу через пророков, игнорируя касту священников. Однако, напоминает автор эпистолы, когда Бог сделался человеком ситуация изменилась – с появлением Христа пророчество завершилось: «Свет пророчества обрел свое завершение в Воплощении Вечного слова (*Incarnazione del Verbo eterno*)» [3, р. 133]. Иисус же передал свои полномочия ап. Петру и Церкви, которая обрела исключительный авторитет в вопросах веры. По этой причине в настоящее время все высказывания, не подтвержденные и не санкционированные Церковью, могут считаться еретическими, и народ не обязан им верить. «Какой закон, – вопрошает автор послания, имея в виду пророчества Савонаролы, – обязывает человека верить не признанным церковью вымыслам монашка, что более опасно, поверить ему или нет?», и затем делает закономерный вывод: «Но поскольку тот же самый свет, который озарил означенное Св. Писание, возможно, также осеняет ваши видения, когда церковь установит (это), мы будем обязаны доверять им, а до этого возникает опасность еретического суеверия» [3, р. 130].

Итак, понимание Савонаролой пророчества в ветхозаветном духе подрывает авторитет современной Церкви. Более того, монах удостаивается не только звания еретика, но и схизматика, который, прикрываясь строгим образом жизни [3, р. 125] и проповедью истин христианского учения, совращает народ в собственную секту. И здесь негативный образ брата усиливается через его сравнение с другой, отрицательной для западного мира, фигурой Магомета, который, для обретения доверия, использовал христианское учение, а затем подорвал его, поло-

жив начало новому исповеданию. «Он (Магомет), – с негодованием пишет анонимный сочинитель эпистолы, подчеркивая полное сходство флорентийского и арабского лжепророков, – утверждал, что является посланником Всевышнего, направленным не для совершения необычных явлений и чудес, но чтобы провозгласить истину; и таким католическим началом пытался снискать доверие, а затем скорпионьим жалом ударил по пастве христовой, совращая народ с помощью грез и видений в новую секту» [3, р. 120]. В итоге, завершая рассуждения об этом вопросе, аноним, приводит мнение противников, подкрепляя его ссылками на ап. Павла [1 Кор. 1:10, 12–13; 1 Кор. 3: 4–8, 21–23] и Иеронима Стридонского [7, с. 270], сводящееся к тому, что даже если Римская курия и подает пример дурной жизни, «более пагубными для церкви Христовой являются некоторые лицемерные братья, которые разрывают несшитые одежды ее величия, разделяя ее на секты» [3, р. 137].

При анализе обвинений со стороны клира и монашества в адрес новоявленного флорентийского пророка создается впечатление, что их пронизывает постоянный укор Савонароле в самом страшном смертном грехе – гордыне. Это касается, как центральной части послания, посвященной обсуждению позиции доминиканского брата в отношении церковных институтов, так и более кратко освещенных, но не менее важных для флорентийских граждан, вопросов вмешательства фра Джироламо в городскую политику. В своих амбициях монах зашел настолько далеко, что, будучи «неопытным и совершенно несведущим» в государственном управлении он претендует на роль политического лидера «меня себя не только пророком, но и вечным диктатором (*perpetuo dittatore*)» [3, р. 128]. Все поступки брата (высокомерие, демагогия, жестокость по отношению к противникам) свидетельствуют, по мнению его критиков, о том, что перед ними воплощение истинного тирана. Монаху импонирует этот статус, но не имя тирана, он хочет быть им, но не казаться; поэтому он стремится закамуфлировать свои претензии на власть, заняв более удобную позицию «оракула», «к которому государство обращается за советами» [3, р. 129].

Итак, ослабление позиций Савонаролы внутри Флоренции; обострение его отношений с Римской курией, которую монах, объявивший себя пророком, неустанно критиковал в своих проповедях, способствовали активизации противников доминиканца, как в церковной, так и в светской среде. Письмо анонимного «друга» является одним из свидетельств этой полемики, развернувшейся вокруг флорентийского порока-реформатора. Означенная эпистола, автор которой являлся представителем духовенства и, возможно, флорентийцем, позволяет выявить, наиболее сильные аргументы противников брата с обеих сторон: для церковных оппонентов фра Джироламо, прежде всего, лжепророк и схизматик, противопоставивший себя официальной Церкви, а для чрезвычайно политизированных граждан города на Арно он, с его претензиями на роль «вечного тирана и диктатора», представляет прямую угрозу флорентийской свободе и демократии.

Литература

1. Cordero Franco Savonarola. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. 560 p.
2. Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // Garfagnini, Gian Carlo. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. 458 p.
3. Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // Garfagnini, Gian Carlo. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. 458 p.
4. Garfagnini, Gian Carlo. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. 458 p.
5. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937.
6. Leonardi.C. La crisi della cristianità medievale il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola// Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. 152 p.
7. Иероним Стридонский. Три книги толкований на пророка Осию. Книга вторая // Библиотека творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных издаваемая при киевской Духовной Академии. Кн. 21. Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894.
8. Ченти Т. С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. М., 1998. 272 с.

УДК 930.2:378.4

Шаповалов Владимир Александрович

ИСТОРИКО-НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматривается современная исследовательская практика – новая локальная история, место исторической науки в обществе, роль университета в соединении гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ключевые слова: историческое знание, новая локальная история, научно-образовательный центр «Новая локальная история», сущность университета.

Shapovalov Vladimir A.

HISTORICAL SCHOLASTIC BODY OF KNOWLEDGE AND NEW RESEARCH PRACTICES IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE MODERN UNIVERSITY

The article deals with «the new local history» as a contemporary research practice, as well as the importance of history as a science in society; the role of the university in joining humanities and sciences.

Key words: historical knowledge, the new local history, scholastic research centre «New Local History», the essence of the university.

Историческое знание выступает не только как средство объяснения прошлого, но и как инструмент высказывания своего отношения к будущему. Определение будущего как одна из генеральных задач современности носит принципиально проектный характер. Фундаментальная составляющая данного процесса – анализ исторического материала, его критическое и рефлексивное осмысление, аналитико-конструктивное целеполагание. Эти функции могло бы выполнять научно-образовательное сообщество, формирующееся вокруг классического университета, объединяющего различные области знания и различные способы мышления.

Особую роль историческое знание играет в условиях, когда массовая культура формирует новый тип отношения индивида к миру, обществу и себе самому. Этот тип отношения давно уже назван потребительским. Не будет особым преувеличением сказать, что потребительское отношение к миру основывается на ценностях, утверждение которых в обществе особенно опасно для всей современной цивилизации. Об этом говорят все, но действенной стратегии противостояния еще не выработано. Думается, что главным средством для разработки такой стратегии должно стать историческое знание и его философско-критическое осмысление. Именно в истории можно найти рецепты против морального и ценностного нигилизма, столь стремительно становящегося девизом молодых людей в условиях радикальных социальных изменений. Во многом этим объясняется всё возрастающий интерес к проблемам содержания историко-научного знания, к качеству изучения истории в школе и вузах со стороны не только руководства Минобрнауки России, но и лично Президента России В. В. Путина.

В современном мире происходят изменения, напрямую затрагивающие интересы науки, образования и культуры в целом. Эти изменения привели к появлению нового термина – современное общество названо обществом знания. Можно рассматривать данный термин как один из целого ряда социологических конструктов, наиболее известными среди которых являются термины «постиндустриальное общество», «общество риска», «общество потребления» и, наконец, почти синонимическое «информационное общество». Однако термин «общество знания» несет в себе особую смысловую нагрузку, что позволяет предположить новое понимание социальных и культурных функций институтов науки и образования. Стремительная популяризация концепции общества знания сопровождается беспрецедентным ростом бюджетов научных исследований и ростом авторите-

та научных учреждений. Наука превратилась в массовую профессию, стали даже говорить о рождении новой индустрии – индустрии знаний. Благодаря этому знание стало центральной категорией современной политической экономики, заняв то место, которое прежде отводилось труду.

Казалось бы, что может быть отрицательного в том, что статус знания в обществе становится предельно высоким, а престиж науки и образования растет. Однако не все так просто. Изменение в системе ценностей не может не коснуться содержания этих ценностей, а также значения и смысла привычных понятий, которые в новом семантическом пространстве могут выполнять совершенно иные социокультурные функции. Гуманитарное, естественнонаучное, техническое и педагогическое направления образования могут и должны быть предметом специализации в различных учебных заведениях, точно так же как и специализированные исследовательские институты могут концентрировать усилия для решения частных, но чрезвычайно важных научных задач. Однако все эти структуры, даже взятые вместе не могут и не должны претендовать в развитии знания на ту роль, которую традиционно играет в этом процессе классический университет. Именно он, в силу своей природы, определяет наличие единого предметного пространства знания, гарантирующего необходимое мировоззренческое и методологическое единство познания.

Искомое единство связано с необходимостью обретения нового качества – качества деятельностного подхода. Но что является фундаментальным условием для обретения нового качества? Ф. Шлейермахер утверждал, что именно научная жизнь, неразрывно связанная с университетом, рождает особый дух нового человека. «Должен ли этот дух, – писал он, – сходить на человека внезапно, как сон? Должна ли научная жизнь возникать из ничего, отличаясь в этом от всего остального, возникающего через его порождение другим? Почему лишь она одна в своих первых нежных выражениях не должна нуждаться в какой-либо заботе или каком-либо воспитании? Здесь-то и кроется сущность университета» [7, с. 222].

Сущность университета, прежде всего, заключается в его способности соединить, казалось бы, несоединимое: гуманитарное и естественнонаучное. Причем как на уровне предметно организованного знания, стиля мышления и мировоззрения, так и на уровне мироощущения, ценностей и жизненного мира. Об этом нельзя забывать, ставя перед собой масштабные задачи технического переустройства и хозяйственной модернизации. Все амбициозные технологические проекты, обращенные в XXI век и даже в 3-е тысячелетие не могут быть реализованы без обращения к человеку, его внутреннему миру, его способности строить наряду со сложнейшими техническими системами новый социальный мир, в котором изменятся типы межличностных взаимодействий.

В Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) создается образовательная среда, направленная на формирование особых социальных компетенций, необходимых для жизнедеятельности в полиэтничном и поликультурном социуме. Основной идеей выступает формирование полиэтничной и поликультурной социальности через вовлечение студентов в творческую инновационную деятельность, освоение технологий, связанных с естественнонаучным и точным знанием, что обеспечивается новым пониманием содержательной связи естественнонаучного и гуманитарного знания.

Одной из сущностных черт современного университета является поиск инновационных подходов не только к организации и содержанию образования, но и способам получения нового знания, в том числе историко-научного. Очень важно при этом вовремя поддерживать перспективные исследовательские практики и отказаться от псевдоноваций. Настоящей удачей стало то, что в 2002 году ректорат Ставропольского государственного университета (ныне СКФУ) поддержал создание на своей базе научно-образовательного центра «Новая локальная история». Руководство вуза пошло на этот шаг с большой осторожностью, – это было связано с тем, что, как тогда многим казалось, работа Центра будет пересекаться с краеведческими исследованиями, которые велись на кафедрах политической истории, а также археологии и региональной истории. Однако желание поддержать историков, которые к тому времени только защитили докторские диссертации или заканчивали работу по тематике, связанной развитием исторического знания в регионе и выступившие с инициативой создания центра «Новая локальная история» стало решающим фактором, позволившим руководству вуза пойти на этот шаг. Как оказалось, это решение было верным. Концепцию работы Центра и развития нового для российской историографии предметного поля новая локальная история поддержали ведущие ученые Российского государственного гуманитарного университета и Инсти-

тута всеобщей истории РАН. Ставропольские и московские историки быстро включились в новые исследовательские и издательские проекты, начался процесс институционализации нового предметного поля, а уже с начала 2003 г. заработал сайт «Новая локальная история», который сегодня является межвузовским электронным ресурсом [5].

Появление новых исследовательских практик и новых тем в истории – это естественный процесс. Об этом совершенно определенно говорит выдающийся отечественный ученый, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук А. О. Чубарьян: «В истории сейчас появились совершенно новые темы, которые раньше мало поднимались... Появилась новая социальная история, которая раньше рассматривала социальные движения, поощряемые идеологами марксизма. А сейчас социальная история – это человек в социуме, окружающем мире, во всех его ипостасях. На этой основе зародилась новая дисциплина – история повседневности. К ней огромный интерес во всём мире! Сюда входят: повседневная жизнь простого человека, представления людей о жизни и смерти, болезни, голод, преступления, мужчина и женщина, старение, моды – и всё это в истории. Очень интересно! Появление совершенно новых разделов и дисциплин привлекает к истории, которая перестала быть только проявлением закономерностей, а стала делом жизни простых людей» [9, с. 19].

Вполне естественным и своевременным представляется формирование и развертывание в России на рубеже XX–XXI вв. исследований в предметном поле новой локальной истории. Она была воспринята из британской историографии с новыми компаративными и междисциплинарными подходами, методологией и исследовательским инструментарием, заимствованными из гуманитарных и социальных дисциплин.

В данной статье мы не ставим задачу системного анализа всего процесса институционализации новой локальной истории. Эта тема может быть предметом самостоятельного и достаточно объёмного исследования, т. к. число «практикующих» в этом предметном поле, к счастью, расширяется. Рассмотрим лишь отдельные этапы становления новой исследовательской практики и формирования её предметного поля. Отметим, что российские историки, в том числе те, кто работает в СКФУ, не остались пассивными к вышеозначенным идеям британской историографии. Они привнесли в теоретическую базу новой локальной истории своё видение новых инструментальных возможностей и «приспособили» это направление к местным историческим занятиям, сообразно своему пониманию современных научных потребностей. Одной из первых задач, которую они реализовывали, стало определение подходов к изучению локальной истории с позиций поисков новых смыслов гуманитарного знания [4, с. 6–7; 13, с. 744], что позволило им указать на разницу краеведческого и научного подходов к изучению региона или отдельного места. «В отечественной исторической науке уже целое столетие присутствует понятие «краеведение» как название местной исторической практики и появившееся позже «историческое краеведение». Сотни историков, специалистов и любителей – краеведов работали и продолжают успешно работать в рамках этого направления. Ими по крупицам воссоздается прошлое российской провинции, сохраняются памятники старины, пишутся биографии провинциальных учителей, купцов, промышленников, меценатов и т. д. Однако историческое краеведение является только одним из направлений изучения местной истории, а современная профессиональная историография предлагает разнообразие методологических подходов к изучению региональной истории. Следовательно, новая локальная история не столько спорит с краеведением, сколько идёт своим путём исследований как локального, так и более генерализованного сообщества людей» [4, с. 22].

Историки, работающие в предметном поле новой локальной истории, значительное внимание уделяли и продолжают уделять определению модели изучения отдельных локусов в разных их проявлениях, что в свою очередь, вывело исследователей на проблему контактных зон и межкультурного обмена [2, с. 4–24]. Начиная с 2004 года ученые-историки, являющиеся не только сторонниками новой исследовательской практики, но и активными её разработчиками стали позиционировать идею, что «исторический ландшафт» не дан историку, историк должен его построить сам. На наш взгляд, эта идея находит убедительное подтверждение при внимательном изучении предметного поля новой локальной истории и, кроме того, она вносит своеобразие в постановку всегда актуального вопроса о взаимодействии истории и историка, привлекает ещё раз внимание к

тому, что, как известно, факт прошлого становится историческим фактом только тогда, когда о нём рассказал историк. Как отмечает М. Смирнов, «вне рассказа о нём факт как история или её элемент не существует. Отсюда, кстати, следует, что «история» всегда чья-то, потому что у рассказа всегда есть тот, кто его рассказал... Факт (событие прошлого), как правило, независим от историка. Но знание о нем нам дается только с субъективных позиций историка. Поэтому я бы сказал, что истории как чего-то объективного, не зависящего от историка не существует. История и историк всегда тесно связаны, они проникнуты друг другом» [8, с. 12].

Осмысление контекстов локальной истории заставило исследователей обратить пристальное внимание к научно-методологическому инструментарию истории, и как отмечает Л. П. Репина, способствовало тому, что ставропольские и московские историки в рамках предметного поля новой локальной истории, постарались понять глобальную перспективу той или иной изучаемой проблемы, выработать способность «видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро – и микроуровней, строить исследование на признании глубокой взаимной детерминации «внешнего» и «внутреннего» [6, с. 191–192]. Важно, что новая локальная история определила свой основной подход как историко-культурный. Он помогает переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глобальную перспективу. Исследователи отходят от традиционной социальной истории с её функционалистичными и механическими формами объяснения, выбирают новые методологические процедуры, видят социокультурные пространства не в традиционных границах, а наблюдают связи поперёк административных, политических и культурных границ (например, сельское культурное пространство в городе) [1, с. 44–55].

Таким образом, предмет новой локальной истории – субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживающие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности [3, с. 43].

В истории локуса сегодня используется достаточно много понятий: «краеведение», «региональная история», «локальная история», «местная история», «новая локальная история». Историкам, в том числе и ученым-историкам СКФУ ещё предстоит более определенно обозначить предметное поле этих разнообразных исследований, расширить и сделать предельно четким понятийный аппарат. Но уже сегодня мы можем констатировать, что новая локальная история как исследовательская практика состоялась для отечественной исторической науки и свою лепту в это внесли ставропольские учёные-историки. Подтверждением тому служат проводимые межвузовским сайтом «Новая локальная история» научные интернет-конференции и труды историков. Работа НОЦ «Новая локальная история» в СКФУ дал ещё один, бесспорный, эффект – растёт интерес к исторической науке и в настоящее время внутри центра и вокруг него сложилась большая группа не только маститых учёных, но и их молодых талантливых последователей.

Литература

1. Булыгина Т. А. Опыт поиска источников по истории повседневности городских и сельских жителей Ставрополя // Новая локальная история. Ставрополь, 2009. Вып. 4. С. 44–55.
2. Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Ставрополь, 2004. Вып. 2. С. 4–24.
3. Казаков Р. Б. Маловичко С. И. Румянцева М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 27–29 янв. 2011 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 31–45.
4. Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Ставрополь, 2003. С. 6–22.

5. Новая локальная история [Электронный ресурс]. Электрон, дан. М.; Ставрополь, сор 2003–2014. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com>, свободный.
6. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М.: Крут, 2011. 560 с.
7. Сапрыкин Д.Л. Государство, общество и фундаментальное образование // История науки в философском контексте. Посвящается памяти Владимира Ивановича Кузнецова (1915–2005). СПб.: РХГА, 2007. С.222.
8. Смирнов М. Мифы нового времени и тысячелетнее государство // Литературная газета №7 (6404), 20–26 февраля 2013 г. 16 с.
9. Чубарьян А. О. история и историки в современном обществе. СПб.: СПбГУП, 2011. 32 с. (Избранные лекции Университета: Выпуск 127).

УДК 396.4-055.2.

Шафранова Ольга Ивановна

СТАВРОПОЛЬСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ (1875–1919)

Статья посвящена изучению истории женского образования на Ставрополье. В систему женского образования дореволюционной России входили средние учебные заведения – гимназии и епархиальные женские училища. В статье исследуется процесс создания и эволюции Ставропольского епархиального женского училища (1875–1919).

Ключевые слова: женское образование; воспитание; церковь; священнослужители; государство; педагогика; история; училище; школа; дети; учителя; учащиеся.

Shafranova Olga I.

STAVROPOL DIOCESAN FEMALE SCHOOL (1875–1919)

The article is devoted to the study of the history of women's education in the Stavropol region. In the system of education of women of pre-revolutionary Russia were secondary schools – gymnasiums and eparchial female school. The article explores the process of creation and evolution of the Stavropol eparchial female school (1875–1919).

Key word: women's education; education; Church; clergy; the state; education; history; school; school children; teachers; students.

Изучение эволюции системы народного образования актуально в свете современного его формирования. К изучению истории образования на Ставрополье обращались многие авторы, краеведы, исследователи социокультурной жизни дореволюционной губернии последних лет. В своих работах они немного касались отдельных эпизодов истории Ставропольского епархиального женского училища. Всестороннее исследование истории Ставропольского епархиального женского училища еще впереди. Целью данной статьи является изучение истории учебного заведения и его роли в социокультурной жизни дореволюционного города Ставрополя и губернии.

Несмотря на требования времени коренных изменений, Россия второй половины XIX в. оставалась государством с сословной стратификацией общества. Принадлежность к сословию определяла судьбу человека, народное образование Российской империи было соответствующим. Большой проблемой для общества и государства было отсутствие системного женского образования.

В середине XIX в. на Ставрополье было всего одно среднее женское учебное заведение, с шестилетним курсом, принадлежащее женскому благотворительному обществу св. Александры, открывшееся 12 октября 1849 г.

Еще в 40 годы XIX в. в крупных городах России стали создаваться средние учебные заведения для дочерей священнослужителей. 22 октября 1843 г. при содействии и под покровитель-

ством Великой княжны Ольги Николаевны было открыто первое женское духовно-учебное заведение – «Образцовое училище для девиц духовного звания» в Царском Селе. По образцу Царскосельского было устроено еще 12 училищ в империи. Впоследствии они были переданы в духовное ведомство Св. Синода, содержались на его средства и состояли под покровительством императрицы. Цель обучения в епархиальных училищах выражалась в уставе Царскосельского училища: «...Дать девицам духовного звания воспитание вполне соответствующее двоякому назначению: Быть достойными супругами служителям алтаря Господня, на коих лежит священная обязанность – назидание прихожан в вере и нравственности и кои по сему должны отличаться примерно благочестивою жизнью; Быть попечительными матерями, которые взращивали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия, умели бы развивать в них способности и сообщить им все нужные первоначальные знания и могли бы приготовить сыновей к вступлению в училища и наблюдать за употреблением ими вакантного времени» [1, с. 86].

В 60-х годах XIX в., с учреждением епархиальных съездов духовенства, из регионов были поданы ходатайства об открытии епархиальных женских училищ. Многие из них получили одобрение, благодаря чему во многих епархиях были открыты такие училища (к концу 60-х годов XIX в. их было около 30 в России). В 1868 г. был издан устав епархиальных женских училищ, по которому они работали вплоть до их упразднения. В пореформенное время, когда была поставлена цель стирания сословных границ, учебные заведения стали принимать детей других сословий. Так, в епархиальных женских училищах, кроме дочерей православного духовенства, учились дети других сословий за отдельную плату [7].

На региональных епархиальных съездах обсуждался вопрос о создании, а в дальнейшем о содержании учебного заведения. В региональных Епархиальных ведомостях регулярно публиковались отчеты о работе, состоянии и нуждах училища. Курс обучения в них распределялся на 6 классов и основывался на программе женских гимназий. Многие училища имели дополнительный специально-педагогический класс и образцовые начальные школы для практических занятий воспитанниц. Выпускницы епархиальных училищ получали звание домашних учительниц. По действовавшим правилам, учительницами в церковно-приходские школы принимались преимущественно кандидатки, получившие образование в духовных учебных заведениях [7].

Впервые вопрос о необходимости создания в Ставрополе женского духовного учебного заведения был озвучен в августе 1861 г. епископом Кавказским и Черноморским Игнатием на Епархиальном съезде, им было поручено подготовить проект учебного заведения. Однако призыв к устройству женского учебного заведения был неоднозначно воспринят, нашлись противники женского духовного образования. Предлагались проекты устройства женского духовного училища при Ставропольском женском Иоанно-Мариином монастыре, где было подходящее помещение. Однако, 1861 г. так и не было принято окончательное решение об устройстве духовного женского училища. Вновь к этому вопросу вернулись в 1867 г., тогда был создан попечительный совет и «Положение по устройству училища», согласно которому предполагалось его назвать «Женской духовной семинарией». Необходимость устройства среднего женского духовного учебного заведения осознавалась всем просвещенным сообществом города Ставрополя и епархии. Средства на училище собирали всем миром. При храмах в приходах воспитанники средних мужских учебных заведений проводили благотворительные мероприятия для сбора средств на устройство женского духовного образовательного учреждения. Только в 1874 г. очередной Епархиальный съезд положительно решил вопрос о создании Епархиального женского училища в г. Ставрополе. Активное участие в его создании принял Викарий Кавказской Епархии Преосвященный Псаакий. При его непосредственном участии было найдено помещение, арендованное в доме купца И. Ртищева. В 1887 г. по проекту Ф. К. Кнорре на Софиевской площади было построено собственное здание училища, рассчитанное на 300 воспитанниц [6, с. 754]. Желающих поступить в это учебное заведение с каждым годом росло. Вскоре понадобился проект увеличения площади здания. Такой вариант проекта за счет пристройки по Митрофановскому переулку предложил архитектор А. П. Булыгин. В 1910 г. началось строительство. Здание стало самым величественным в Ставрополе: с двумя парадными входами. По широким парадным лестницам из плит кремнистого известняка, с чугунными, с покраской

под бронзу, перилами и полированными поручнями из ясеня можно было попасть на второй этаж, где располагались классные комнаты, гимнастические, музыкальные и актовый залы. В нижнем этаже была библиотека, помещения для преподавателей и начальницы училища. Третий этаж занимали спальные комнаты для 500 воспитанниц. Здание было очень современным, оборудовано электрическим лифтом завода «Альфред Гутман и Ко». Зимой здание отапливалось калориферами фирмы «К. Зигель». Во дворе с асфальтированными дорожками находилась центральная котельная с паровыми машинами из Германии. В усадьбе училища располагались двухэтажная каменная больница, гараж и конюшня с каретным сараем [2, с. 24].

Торжественное открытие Кавказского епархиального женского училища (с 1886 г. – Ставропольское епархиальное женское училище) состоялось 1 октября 1875 г. В первый год поступило 48 учениц [5].

В правилах приема в Ставропольское епархиальное женское училище указано: «Епархиальное женское училище учебно-воспитательное заведение для образования дочерей православного духовенства. В пансион епархиального училища принимались девицы из других сословий со взносом ежегодной платы за содержание и обучение 234 р., для детей духовенства 117 р. Плата вносится вперед за каждое полугодие» [9, с. 196]

Дореволюционная учебно-воспитательная система среднего образования предполагала круглогодичное пребывание ребенка в образовательном учреждении. Поступая на полный пансион, в гимназию или духовное училище общение и влияние родителей на ребенка минимизировалось. Дети отпускались домой только в каникулярное время. Поэтому организация учебно-воспитательного процесса требовала больших денежных затрат и целого штата сотрудников. Это учителя, воспитатели, прислуга, врачи, садовники, дворники и тд. Курс в подобном учебном заведении был шестилетним, с начала XX в. – семилетним. Набор изучаемых дисциплин был следующим: Закон Божий, церковно-славянский язык, русский язык, арифметика, физика, чистописание, география, гражданская история, педагогика, церковное пение, рукоделие и ведение домашнего хозяйства [9, с. 197].

Учебный год начинался осенью – в сентябре – октябре, заканчивался в июне следующего года. В отчетах Ставропольского епархиального женского училища ежегодно описывалось торжественные начала учебного года и его окончание. 1 октября ежегодно Ставропольское епархиальное женское училище праздновало день своего открытия. В Ставропольских епархиальных ведомостях за 1887 г. публиковалась заметка о праздновании 12 годовщины открытия училища. Автор сообщал, что училищное торжество было отмечено посещением Архипастыря преосвященнейшего Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, который в этот день совершил в домовом училищной церкви Божественную литургию. В статье подробно описывается пребывание архипастыря в училище, что подчеркивает особое внимание духовного руководства к важности постановки обучения и воспитания, в женском духовном учебном заведении. В заметке в частности отмечалось, что за 12 лет было выпущена 251 ученица, из них 94 сироты духовного сословия. [6, с. 754].

Епархиальное начальство заботилось о качестве образования. Для преподавания приглашались высококвалифицированные специалисты. В разное время начальницами училища были – Л.М. Валицкая (1875–1891), выпускница упомянутого Царскосельского училища Е.А. Добромыслова (1891–1909), Л. Затонская (1909–1919). Преподавателями училища были кандидаты богословия – А. Ленский, Н. Воскресенский, А. Быстровидов, П. Глазунов, магистр богословия Н. Цареградский. Учителем музыки был известный в то время композитор В. Беневский [8].

Главной целью воспитания девушек в училищах духовного ведомства было вырастить «правильных», достойных матерей и жен священнослужителей. Этому придавалось огромное нравственное значение. В проповедях священников звучали наставления девушкам, подчеркивалось значение женщины в семьях священнослужителей. Ведь жена священника на селе, в приходе – матушка, это второй человек после священника. К ней обращались за помощью, житейским советом, приводили больных детей. Матушка на селе имела не меньшее влияние на жителей чем сам священник [11, с. 125]. О миссии жен священников не редко писали на страницах Епархиальных ведомостей, статьи носили воспитательный характер и направлены были

в большей степени на аудиторию учениц епархиальных училищ. Так священник Л. Бутырев подчеркивал, что жена священника это истинная его сотрудница и спутница мужу в его пасторском служении. Она всюду следует по его стопам и в минуты его изнеможения всегда готова утешить его. Прежде всего она спутница его в вере. Она молится вместе с мужем и дома, и в церкви, и в избах прихожан. Она горячо желает помочь всем. Смирение бывает всегда спутником истинной добродетели. В таком же духе воспитывает и детей своих. Она старается вложить в них навыки деятельной христианской любви и искреннего благочестия. Ничто так не огорчает ее, как случаи неблагодарности и холодности как к Богу и грубости в отношении к людям. Она с любовью указывает мужу на его ошибки или неверный шаг. Она молится за него и просит у Бога для него помощи. Словом, она во всем верная ему спутница и сотрудница, как верная сестра во Христе. Вот положительный тип жены священника. Это истинный тип народных матушек [3, с. 887].

Епархиальное руководство, обсуждая программы преподавания учебных дисциплин, ориентировалось на программы женских гимназий. Поэтому духовное женское образование ничуть не уступало женскому светскому. С 1877 г. в Ставропольском училище, кроме основных, традиционных для подобного заведения предметов, стали преподавать, французский и немецкий языки, а позднее – музыку и танцы. Эти дисциплины не входили в обязательную программу и преподавались своекоштным (обучавшимся за свой счет) ученицам и за дополнительную плату казенокоштным (обучавшимся за счет епархиальных средств) ученицам [4].

Только в 1907 г. было утверждено «Положение о 7-м дополнительном педагогическом классе при епархиальных училищах», согласно которому дополнительный класс давал право преподавания в начальных народных училищах. Однако задолго до этой даты профессиональная педагогическая направленность была одним из направлений образовательного процесса в училище. В епархиальных училищах за счет средств епархии обучались дети-сироты духовного сословия. Таких было немало, в отчетах Епархиального женского училища, публиковавшихся в Ставропольских епархиальных ведомостях, ежегодно помещались списки детей и их положение. Переведены ли в следующий класс, какие успехи или неудачи в учебе. Сироты – выпускницы училища, не имея профессии, обречены были бы на жалкое существование. Выпускницы епархиальных женских училищ имели право преподавания в церковно-приходских школах. Для этой цели педагогика была одним из основных предметов в старших классах училища. Для учебно-практической деятельности 15 декабря 1885 г. при епархиальном женском училище была открыта церковно-приходская образцовая женская школа с тремя отделениями и трехлетним курсом. Воспитанницы V класса, изучавшие методику школьных предметов, ежедневно посещали школу, присутствовали на уроках, на практике осваивали применение того или иного метода. Во втором полугодии V класса ученицы пробовали себя в преподавании, им разрешалось самим давать по 1 уроку. Воспитанницы VI класса в течение года по установленному графику вели занятия под руководством учительницы. Прежде чем дать урок, к нему надлежало тщательно подготовиться, конспект урока проверяла руководитель практики, каждый проведенный урок тщательно разбирался по его окончании при участии всех девушек, дабы видны были ошибки других. Кроме того, девушки непосредственно участвовали в работе школы, из них по 2 человека назначались дежурными по школе. Дежурные присутствовали там весь день, в их обязанность входило вести запись в журнале школьных занятий и принимать участие в классных мероприятиях учительницы [12, с. 199].

Постепенно цели воспитания и учебной деятельности менялись, что связано и с быстрыми темпами роста популярности женского образования, и с новыми перспективами, открывающимися для женщин возможность для них заниматься трудовой деятельностью стала неотъемлемой частью российского общества к концу XIX в. – началу XX в.

Популярность образования в городах превосходила все ожидания. Изучив сословный состав обучавшихся в ставропольских женских средних учебных заведениях, мы увидели, что довольно много учениц было из крестьянского и мещанского сословий. В начале XX в. женские гимназии вели большую работу по устройству профессиональных классов, бухгалтерских курсов и курсов стенографии. Епархиальные училища были более консервативными и по-прежнему

ориентировались только на педагогическую деятельность. В 1916 г. священник Н. Ступин в статье помещенной в Ставропольских епархиальных ведомостях призывал епархиальное начальство ввести в программу обучения бухгалтерию и изучение телеграфного аппарата [10, с. 224]. Однако, меньше чем через год после опубликования этой статьи случилась Февральская, затем Октябрьская революции, Гражданская война – нелегкие времена для всей России. Пала монархия, вместе с ней был отменен сословный строй в стране, и в 1919 году были упразднены все духовные училища.

К 1919 г. в северокавказском регионе существовало 3 женских епархиальных женских училища (Владикавказское, Екатеринодарское и Ставропольское). Училища эволюционировали вместе с требованием времени. Преодолена была первоначальная сословная закрытость. Консервативность, строгость, особое внимание к духовному воспитанию привлекало родителей из других сословий. Епархиальные женские училища выполняли не только свою главную задачу – готовить «попечительных жен слуг алтаря Господня» но и в большей степени давать возможность выпускницам по окончании училища заниматься преподавательской деятельностью.

Литература

1. Андреева Е. А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика 1999. № 3. С.85–91.
2. Беликов Г. Ставрополь. Своя строка в истории. Книга II. Ставрополь: Изд-во Фонда поддержки культурных программ им. В. Д. Беневского, 2003. С. 24. 160 с.
3. Бутырев Л. Наши сотрудницы. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1914. № 35. С. 882–887.
4. ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
5. ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
6. Двенадцатилетний период существования Ставропольского епархиального женского училища // Ставропольские епархиальные ведомости 1887. № 4. С. 754–767.
7. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. СПб. 1903. <http://www.allpravo.ru> дата обращения 21.02.2014
8. Отчеты о состоянии Ставропольского епархиального женского училища 1876–1914. // Ставропольские Епархиальные ведомости. 1876–1916.
9. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893. Ставрополь: Типография Тимофеева, 1893. С. 196.
10. Ступин Н. К вопросу о введении практических курсов в программу епархиальных женских училищ. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1916. № 16. С. 224.
11. Трудись и молись! Слово, сказанное в храме Екатеринодарского епархиального женского училища // Ставропольские епархиальные ведомости. 1916. № 4. С. 125–126.
12. Церковно-приходская образцовая женская школа при Ставропольском епархиальном женском училище // Ставропольские епархиальные ведомости. 1894. № 1. С. 199–200.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.8

Поляков Александр Валериевич**ГЕНЕРАЛИЗИРОВАННОЕ ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

В статье рассматривается обобщенное (генерализованное) доверие и источники его возникновения, определяются источники социального капитала, а также анализируются институты способные генерировать социальный капитал.

Ключевые слова: обобщенное (генерализованное) доверие, социальный капитал и его источники, политические институты, коррупция.

Polyakov Alexander V.**GENERALIZED TRUST AS A BASIS FOR DEMOCRATIZATION
OF MODERN POLITICAL SPACE**

The article considers generalized trust and sources of its origin, identifies the sources of social capital, as well as analyzes the institutions capable of generating social capital.

Key words: generalized trust, social capital and its sources, political institutions, corruption.

Обобщенное (генерализованное) доверие является сердцем социального капитала как интегральной и обязательной части любой демократической политической культуры. Общеизвестно, что сложно направлять все силы на решение общественных проблем, не будучи уверенным, что другие участники делают то же самое. Мы солидарны с мнением Элинора Осторм о том, что эта проблема является главной фундаментальной проблемой любой организации, в том числе и политической, или всего общества [1]. Обобщенное доверие свидетельствует о потенциальной готовности не знакомых друг с другом граждан сотрудничать на общественном/политическом уровне. Отметим, что при этом они выходят за границы круга родственников, друзей и просто знакомых. Важно отличать обобщенное доверие от частного или персонального доверия, основанного на знании [2].

Наличие в обществе обобщенного доверия имеет большое значение, поскольку снижает неопределенность в отношении будущих сценариев социального и политического развития и избавляет от необходимости постоянно реагировать на возможные проявления оппортунизма. Доверие усиливает готовность людей идти на риск ради позитивных общественно-политических изменений. Оно обеспечивает мягкое гармоничное функционирование социальных, в том числе и политических организаций и минимизирует необходимость в бюрократии, которая навязывает образцы поведения людям, не доверяющим друг другу.

В политической сфере генерализованное доверие позволяет людям определять свое место в тех социально-политических группах, которым они симпатизируют, и упрощает политическую мобилизацию для проведения совместных акций. В социальной сфере доверие смягчает противоречия в транзитивных обществах, способствует воспитанию толерантности и приучает прислушиваться к мнению оппонентов. Жизнь в разобщенных обществах при наличии обобщенного доверия налаживается легче и быстрее [2, с. 43].

Многие авторы отмечают, что генерализованное доверие связано с уровнем не только политического, но и экономического развития общества. Более того, его называют в качестве дополнительной предпосылки для экономического роста, наряду с такими институциональными аспектами как защита прав собственности и развитие договорных отношений [3]. Большое влияние генерализованное доверие в обществе оказывает на демократическую стабильность и демократию в целом [4].

Однако источники возникновения обобщенного доверия остаются малоизученными. Вопрос о том, почему жители одних стран, регионов или поселений доверяют друг другу, способны действовать совместно и решать свои коллективные проблемы, в то время как другим это не удастся, остается одним из самых интересных в дебатах по поводу социального капитала.

В литературе по социальному капиталу наблюдается четкое разделение по вопросу об условиях и источниках его происхождения. Одни исследователи придерживаются государственно-центристского подхода (Банфилд, Пугнем, Фукуяма). Сторонники этого подхода считают, что способность общества производить социальный капитал среди своих членов определяется многовековым опытом социальной организации, его историческим и культурным развитием.

Государственно-центристский подход рассматривает регулярное социальное взаимодействие, осуществляемое в основном в форме членства в добровольных гражданских ассоциациях, как основной механизм генерирования социального капитала, хотя менее формальные виды социального взаимодействия и возникают в ходе текущей деятельности. В русле тосквеллиановской традиции формальные и неформальные ассоциации рассматриваются как создатели социального капитала вследствие социализирующего эффекта демократических и кооперативных ценностей и норм. Однако при таком подходе обнаруживаются три проблемы.

Во-первых, добровольные ассоциации не всегда выполняют возложенную на них роль по созданию социального капитала. Членство в гражданских ассоциациях далеко не всегда сопровождается желанием ее членов сотрудничать за рамками организации. Ряд исследований показал, что участие в деятельности добровольных ассоциаций не создает социальный капитал, который может быть использован в более широких общественных сферах [5].

Во-вторых, существуют теоретические трудности при отделении различных типов социального взаимодействия друг от друга. Проблема заключается в том, что до сих пор не создана микротеория социального капитала, которая определяла бы те аспекты социального взаимодействия, которые важны для его создания.

Третья проблема касается определения источников социального капитала. Общепринятой является точка зрения о том, что уровень развития социального капитала в том или ином обществе детерминирован долгой исторической ретроспективой (например, различия между северной и южной Италией уходят корнями в XII столетие). Но в таком случае, какие приемы и методы из арсенала современных политиков можно считать эффективными в процессе стимулирования и развития социального капитала?

В качестве реакции на проблемы государственно-центристского подхода возникает институционально-центристский подход. Его сторонники (Берман, Леви, Тарроу и др.) придерживаются мнения о том, что для процветания социального капитала необходима его связь с политическими и правовыми институтами. Эти авторы считают, что социальный капитал не существует независимо от политики и правительства только в сфере гражданского общества. В реальности правительственные и политические институты создают, транслируют и влияют на уровень и тип развития социального капитала в обществе. Их воздействие также сказывается на способности граждан развивать сотрудничество и увеличивать степень общественного доверия. Почти все исследователи, поддерживающие такой подход, утверждают, что институциональная инженерия может быть использована для создания социального капитала, хотя различные авторы и расходятся в вопросах временных горизонтов такого воздействия.

В отличие от государственно-центристской модели, институциональная модель больше вписывается в контекст политической науки. В конце XX в. – начале XIX в. в ее недрах наблюдался повышенный интерес к изучению институционального эффекта. Этот «новый институционализм» в основном фокусировался на важности использования институтов как свободных составляющих в различных теоретических моделях.

Дж. Петере отмечает, что концепции социального капитала и гражданского общества подтверждают, что без правильного позиционирования социальных ценностей структурные манипуляции и построения не будут обладать серьезной эффективностью [6]. Автор обращается к работе о демократизации А.Стефана и Х.Линца, которые подчеркивают важность построения институтов для поддержки процесса смены ценностных ориентаций в транзитивных обществах и стабилизации нарождающейся демократии. Петере утверждает, что в случае построения эффективных институтов и успешного менеджмента, правильные ценности будут поддержаны.

Схожие аргументы приводились и Э. Остромом, подчеркивавшим важность институциональных установлений, облегчающих принятие решений в неоднородном сообществе. На практике это означает, что институты должны воспитывать лидеров, которые способны действовать в большей степени как ответственные граждане, чем утилитарные рационалисты [7].

Институциональные аргументы в отношении концепции социального капитала можно разделить на две группы: позиционный и институционально-структуральный подходы. Исследователи – сторонники позиционного подхода фокусируют свое внимание на отношениях между институциональным (политическим) доверием и генерализованным доверием. Одни из них полагают, что существует корреляция между этими двумя видами доверия, другие видят в генерализованном доверии предвестник доверия политического [8]. К. Ньютон и П. Норрис, интерпретируя статистические данные по тринадцати демократическим странам, находят доказательства того, что социальный капитал «может способствовать построению эффективных социальных и политических институтов, которые обеспечат эффективную работу правительства, что, в свою очередь, увеличит доверие к гражданским институтам» [9]. Этот аргумент лежит в русле логики Р. Путнема, утверждавшего, что деятельность регионального правительства зависит от уровня регионального социального капитала. Однако проблема заключается в том, что на практике бывает чрезвычайно сложно разграничить эти две формы доверия.

Институционально-структуральный подход концентрирует внимание на роли государства как источнике генерирования социального капитала. К примеру, С. Тарроу утверждает, что «государство играет фундаментальную роль в воспитании гражданских способностей» [10]. По мнению Леви, правительство может реализовать свою способность генерировать доверие только в том случае, если граждане считают само государство достойным доверия [11, с. 86]. В научных кругах ведутся дискуссии об эффективности государственных институтов на пути создания социального капитала, а также о степени доверия к ним со стороны граждан.

Краткий обзор подходов к определению источников социального капитала позволяет сделать следующие выводы:

государственно-центристский подход является сугубо теоретическим и отличается недостаточностью эмпирических данных;

институционально-структуральный подход оставляет за рамками исследования вопросы о том, какие именно институты и каким образом участвуют в создании социального капитала.

Важность вопроса о политических институтах, способных генерировать социальный капитал, трудно переоценить, поскольку их количество в любой политической системе, будь то демократический или авторитарный режим, огромно. Способы их комбинации внутри институциональной системы тоже различны. Каким из институтов политической системы (электоральным, законодательным, военно-политическим, административным и т.д.) принадлежит первенство в этом процессе, было и остается предметом дискуссии.

Проблему представляет также тот факт, что многочисленные формы институционального доверия объединяются «под одним лейблом». Например, все осведомлены о таких формах доверия, как вера в политиков, в функционирование демократических институтов и в людей, которые этим занимаются, доверие к демократической системе в целом. Однако в политической литературе не проводится разделение между доверием к институтам репрезентативной стороны политической системы (на уровне партий, парламентов, кабинетов и т.д.) и ее имплементарной (исполнительной) стороны. Последний тип институтов зачастую остается за рамками дебатов в отношении социального капитала [11, с. 96]. В то же время, следует принимать во внимание то, что благополучие граждан обычно находится в большей зависимости от деятельности исполнительных институтов, чем от тех, которые поддерживают или представляют их интересы или идеологию. Получать защиту со стороны полиции или судебных органов, доступ к здравоохранению и образованию является жизненной необходимостью для многих людей.

Существуют теоретические причины для размежевания таких двух типов доверия. Политическим институтам, находящимся на репрезентативной стороне, очень важно иметь сторонников и приверженцев. Политическая партия, формирующая правительство или представляющая большинство в парламенте, проводит свою идеологическую линию через своих сторонников. Так, те люди, которые поддерживают идеологию правящей партии, ей доверяют, те же, кто находится в оппозиции, – нет. Например, муниципальное руководство, сформированное парти-

ей, которую поддерживает гражданин, может рассматриваться в качестве его политического агента. В этом случае у него имеется доверие к правительству, по крайней мере, до тех пор, пока он поддерживает проводимую им политику, а оно, в свою очередь, сдерживает свои предвыборные обещания. Но человек, придерживающийся оппозиционных взглядов, испытывает недостаток доверия к этому же правительству, тем более, если правящая партия придерживается провозглашенного курса [12, с. 11–12].

Связь между двумя этими феноменами не очевидна, поэтому трудно проследить их воздействие на генерализированное доверие в том или ином обществе. Именно поэтому мы обычно обнаруживаем сильную корреляцию между политическими пристрастиями и политическим доверием, но слабую корреляцию между доверием к этому типу политических институтов и социальным доверием [9, с. 26]. Неясность механизма взаимоотношений между генерализированным доверием и доверием политическим связана также с неудавшимися попытками классификации связей между различными типами политических институтов и вызываемым ими институциональным доверием.

Б. Ротштейн и Д. Столле отмечают, что полиция и институты власти, отвечающие за претворение в жизнь социальной политики (в терминологии авторов, бюрократы «уличного уровня»), оказывают иное институциональное влияние, чем институты, относящиеся к законодательной и исполнительной ветвям власти [12, с. 12–13]. Они утверждают, что эти институты непосредственно соприкасаются с важнейшими аспектами жизни граждан, включая вопросы безопасности жизнедеятельности, а потому их влияние на граждан отличается повышенной социализацией.

Авторы объясняют это несколькими причинами.

Во-первых, деятельность указанных институтов отличается долгосрочным характером, в отличие от краткосрочных, политически ангажированных институтов или добровольных ассоциаций.

Во-вторых, поскольку их работа предполагает непосредственный контакт с гражданами, они получают представление о преобладающей политической культуре, оказывающей воздействие на формирование надежд и ценностей людей. Для людей важна вера в эти институты, а последние, через доверие граждан отражают идеалы универсализма, равенства перед законом и беспристрастия, а также стремятся к высокой эффективности своей деятельности. Беспристрастность и честность представителей институтов «уличного уровня» является важной предпосылкой роста институционального доверия и в большой степени оказывает влияние на формирование генерализированного доверия.

В-третьих, эти институты выполняют специальную задачу охраны общественного порядка, что также воздействует на формирование паттернов социального доверия. В случае если эти институты успешно справляются с поставленной перед ними задачей, граждане понимают неотвратимость наказания за подобные преступления и меньше беспокоятся о собственной безопасности, веря в то, что большинству людей можно доверять.

Связь между коррупцией и социальным капиталом, несомненно, существует, но она может трактоваться двояко.

С одной стороны, в обществе, где люди не доверяют власти, судебной системе и полиции, они будут компенсировать этот недостаток доверия усилением социальной сетевой работы и возрастанием доверия друг другу. Таким образом, общество как бы «принуждают» к кооперации. Как отмечает М. Вулкук, процветание коррупции, бюрократические барьеры, угнетение гражданских свобод, отсутствие защиты прав собственности и главенства закона вынуждает общество поддерживать в частном порядке и неформально то, что должно осуществляться публично и формально [13]. Зачастую такими характеристиками отличается гражданское общество при тоталитарном и авторитарном режимах.

С другой стороны, неэффективная, коррумпированная, несправедливая административная система не позволяет возникнуть никакой форме доверия, в том числе и межличностному. Иными словами, если граждане верят в институциональную эффективность, честность и беспристрастность судебной системы и полиции, это усиливает генерализированное доверие граждан друг другу.

Исследование, проведенное Б. Ротштейном и Д. Столле [12, с. 18–19], продемонстрировало, что институциональная эффективность и честность:

- влияют на индивидуальное ощущение безопасности и степень доверия к другим людям;
- определяют перенос индивидуального восприятия тех структур, которые наделены обязанностями по защите общественных интересов, на других людей (например, если указанные структуры не заслуживают доверия, то и большинству других людей тоже нельзя доверять);
- создают образец поведения для рядовых граждан (так, посыл коррумпированной системы гласит, что для получения доступа к общественным благам человек должен быть вовлечен в разнообразные коррумпированные схемы);
- аккумулируют опыт прямого общения с политическими институтами, который может быть как положительным, так и отрицательным (взаимодействие с коррумпированными институтами порождает ощущение дискриминации и несправедливости, что негативно сказывается на генерализированном доверии в обществе).

Таким образом, индивидуальное чувство защищенности и безопасности, анализ паттернов поведения представителей элит и других граждан, а также опыт, связанный с дискриминацией прав и свобод, вносят свой вклад в формирование генерализированного доверия. Когда граждане наблюдают свидетельства существования институциональной коррупции, ненадежности политиков, продажности полицейских и судей, ухудшения криминогенной обстановки, они в меньшей степени склонны доверять кому бы то ни было. Исследование на основе социологических данных, полученных в ходе социологического исследования в ряде государств Латинской Америки, подтвердило, что наличие коррупционной составляющей не только подрывает легитимность политической системы, но и снижает уровень взаимного доверия в обществе [14].

Литература

1. Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // *American Political Science Review*, 1998, 92 (1): 1–23.
2. Uslaner Eric. *The Moral Foundation of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2002
3. Zak Paul J., and Stephen Knack. 2001. Trust and Growth. *Economic Journal* 111 (470): 295–321
4. Inglehart Ronald. 1999. Trust, well-being and democracy. In *Democracy & Trust*, edited by M. E. Warren. New York: Cambridge University Press.
5. Hooghe Marc, and Dietlind Stolle, eds. 2003. *Generating Social Capital: The Role of Voluntary Associations, Institutions and Government Policy* (forthcoming). New York: Palgrave / Macmillan. Rothstein, Bo. 2002. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State. In *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, edited by R. D. Putnam. Oxford: Oxford University Press.
6. Peters, Guy B. *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. London: Pinter, 1999. P. 88.
7. Ostrom, Elinor. 2000. Crowding out Citizenship. *Scandinavian Political Studies* 23 (1): 3–16.
8. Rothstein B., Stolle D. How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // Paper to be presented at Collegium Budapest, Project on Honesty and Trust: Workshop 2, November 22–23, 2002.
9. Newton K., Norris P. *Confidence in Public Institutions// Disaffected Democracies. What's Troubling the Trilateral Countries*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
10. Tarrow Sidney. 1996. Making Social Science Work Across Space and Time: A Critical Reflection on Robert Putnam's *Making Democracy Work*. *American Political Science Review* 90 (3). P. 395.
11. Levi Margaret. 1998. A State of Trust. In *Trust & Governance*, edited by V. Braithwaite and M. Levi. New York: Russell Sage Foundation. P. 86.
12. Rothstein B., Stolle D. How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust. P. 11–12.
13. Woolcock Michael. 2001. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *ISUMA – Canadian Journal of Policy Research* 2 (1):12. P. 16.
14. Seligson Mitchell. 2002. «The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries,» in *Journal of Politics* 64 (2): 408–433.

ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 811.11-112

Аликова Светлана Викторовна

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается обзор некоторых возможностей выражения категории вида в немецком языке. В работе подчеркивается, что немецкий прогрессив является грамматически выраженным и получил широкое распространение в разговорном и литературном языке. Способы выражения оппозиции совершенный/несовершенный разнообразны.

Ключевые слова и фразы: немецкий прогрессив, аспектуальность, перфективный, имперфективный, темпоральность.

Alikova Svetlana V.

EXPRESSION MEANS OF ASPECT CATEGORY IN GERMAN

The article reviews some expression possibilities of aspect category in German. The author underlines that the German progressive is grammatically marked and is widespread in spoken and literary language. Expression means of opposition perfective/imperfective are various.

Key words and expressions: the German progressive, aspectuality, perfective, imperfective, temporality.

Широта аспектуального поля немецких глаголов позволяет подходить к его исследованию с разных сторон. Тем не менее, данная область исследования содержит многочисленные пробелы, несмотря на наличие большого числа исследовательских работ. Языковые изменения, наиболее многочисленные и явные в области лексики в сравнении с грамматикой, порождают необходимость их исследования. Так, в последнее время повсеместное распространение получил так называемый немецкий прогрессив «das deutsche Progressiv». Данная тема нашла свое отражение в работах некоторых лингвистов. Так, Д. ван Поттельберг исследовал структуру и параллельное развитие данного явления в западногерманских языках, что позволило ему прийти к следующим выводам: во-первых, при образовании данной конструкции предпочтение отдается однозначно абсолютным глаголам без объектных связей [7]. В разговорном языке представлены все конструкции литературного языка и встречаются выражения, выходящие за рамки ограничений стандартного языка. Субстантивация инфинитивных оборотов является очень распространенным явлением. Типичным для am-Progressiv в разговорном языке является наличие распространенных субстантивированных инфинитивных оборотов. В разговорной речи используются также, в отличие от стандартного языка, трех- или многочленные инфинитивные конструкции, с предложным дополнением (1) или несколькими дополнениями (2):

Ich bin schon die ganze Zeit am Vor-mich-hin-Schniefen [7].

Die ist sich doch wirklich immer nur am Durch-die-Haare-Fahren [7].

Следующий пример является очевидным подтверждением того факта, что в сознании носителей языка частица am является образующим прогрессив элементом, которая вводит в данном случае инфинитивные обороты *Rollen einstudieren* bzw. *Szenen spielen*:

In der Theatergruppe sind alle fleissig am Rollen einstudieren und Szenen spielen [7].

Итак, возникает определенный тип рамочной конструкции с частицей am, с одной стороны, и инфинитивом – с другой, которая охватывает полноценную часть предложения. В Австрии и Германии весьма распространен прогрессив переходных глаголов, встречаются также примеры с придаточным дополнительным:

Der ORF ist jetzt noch am Überlegen, ob man angesichts des großen Interesses an Evita nicht doch zuschlagen sol. [7].

Один из спорных вопросов аспектуальности немецких глаголов – значение приставок и наречных частиц, входящих в состав глаголов. Многие исследователи разделяют мнение, что эти части слов обладают, помимо лексического, еще и аспектуальным значением. Нет никакого сомнения в том, что глагольные приставки могут выражать способ действия. На примере неотделяемой приставки *er-* можно проследить широкую палитру значений:

Verben mit perfektiver Bedeutung wie *erarbeiten, erdenken, erwirken, ersteigen*;

desubstantivische Verben wie *erbeuten, erdolchen, ergründen, ermitteln, erkunden, erlisten*;

Verben mit inchoativer Bedeutung wie *erbeben, erbluehen, erfrieren, erglänzen, erzittern* (zur Bezeichnung der Naturerscheinungen), *erblinden, ermüden, erschlaffen, ertauben, erkranken, erwachen* (zur Bezeichnung des Beginns der menschlichen Zustände und Eigenschaften);

kausative Verben, welche die versetzung in einen Zustand bezeichnen wie *erfreuen, erbittern, erheitern, erschweren, erhärten, erwärmen, erklären* usw [8].

Однако, учитывая омонимичный характер немецких приставок, можно предположить, что они не могут выступать в качестве единственного фактора, определяющего аспект глагола.

Многие исследователи употребляют термины «*perfektiv-imperfektiv*» и, как синонимы, *punktuell/durativ*, полагая, что они отражают видовое противопоставление славянских глаголов. Так, на сайте www.grammatiken.de приводится следующая дефиниция и пример предложения с переводом на русский язык: «*Mit der vollendeten (oder auch als «perfektiv» bezeichneten) Aspektform eines Verbs wird eine Handlung als ganzheitliches Geschehen gekennzeichnet, das auf einen Handlungsabschluss hin ausgerichtet ist*».

Handlung, die sich auf die Vergangenheit bezieht, aber bis in die Gegenwart anhält [9]	Ещё ребёнком я любила читать сказки.	Schon als Kind las ich gerne Märchen.
--	--------------------------------------	---------------------------------------

На наш взгляд, данная трактовка категории аспекта в русском и немецком языках является ошибочной. Но нельзя не согласиться с последующим выводом автора: «*Bei der Übersetzung ins Deutsche werden beide Arten dieser Aspekte mit demselben deutschen Verb übersetzt, da das Deutsche diese Unterscheidung in vollendete und unvollendete Verben nicht kennt. Bei einer Übersetzung aus dem Deutschen, aber natürlich auch beim Russischsprechen und -schreiben, ist einiges an Fingerspitzengefühl für die Anwendung des jeweils passenden Aspektes nötig, da beim Verwenden des «falschen» Aspektes meist eine Bedeutungsänderung eintritt, die zu Problemen beim Verständnis führen kann*» [9].

Нельзя не отметить тот факт, что темпоральность и аспектуальность полностью неразделимы, так как они являются фазами единого категориального процесса [4]. Е. Ляйс говорит о том, что «*Kategorien altern*» und die Realisierung dieser Stadien erfolgt in der unumkehrbaren Reihenfolge *Aspekt-Tempus-Modus*, bei E. Leiss als das «*Bybee-Gesetz*» bezeichnet [6]. Следующее утверждение относится только к языкам, в которых аспект глаголов не является морфологически выраженной категорией: «*Der Aspekt ist eine Kategorie, die die Betrachtung eines Geschehens von Innen oder von Außen erlaubt. Bei den Aktionsarten ist nur eine der beiden Perspektiven möglich. Sie ist durch die lexikalische Bedeutung des Verbs vorgegeben. Aktionsarten werden deswegen als «objektiv» im Gegensatz zum «subjektiven» Aspekt charakterisiert*» [4].

Р. Акбулатова считает, что необходимо вычленить такое содержание видового противопоставления, которое является а) коммуникативно-информативным и б) универсальным. Существенными, информативными являются оппозиции движение к пределу (имперфективность): *выходил, умирал, садился, догонял, открывал, запищал* и т. п. – достижение предела (если этому не мешают какие-то внешние обстоятельства): *вышел, умер, сел, догнал, открыл, защитил* и т. п. Эта семантическая оппозиция и соположима, и чрезвычайно информативна в речи: *выходил – и вышел / но не вышел; умирал – и умер /*

но *не умер* и т. д. [1] При определении содержания оппозиции *perfektiv/imperfektiv* исследователь приходит к выводу, что она является трехчленной: *imperfektiv*, *real perfektiv* и *potential perfektiv* [1]. На наш взгляд, данная оппозиция не является актуальной для немецких глаголов, поскольку, как правило, один и тот же глагол может в разных предложениях быть как перфективным, так и неперфективным. К тому же возникает вопрос: в чем тогда, если исходить из данного толкования, отличие перфективности от предельности и имперфективности от неперфективности?

Необходимо отметить, что автор придерживается строгого разграничения левой аспектуальной характеристики (возникновение действия) и правой (достижение предела действия) и считает, что первую характеристику следует рассматривать как фазовую (точка возникновения действия как противоположность его «несуществования»): «...аспектная характеристика действия слева не совместима с понятиями «достижение предела» и «исчерпанность» действия, которые характеризуют аспектность справа. Возникновение действия как значение *realPF* целесообразнее рассматривать на уровне аспектной фазовости действия, т. е. как точку абсолютного возникновения действия, сменяющую абсолютное отсутствие данного действия. Если глаголы, обозначившие начало действия, не являются перфективными, тогда однозначно решается вопрос о несовпадении/совпадении понятий перфективность/имперфективность и совершенный/несовершенный вид» [1].

8-е издание грамматики Дудена не рассматривает аспект как категорию, уделяется внимание таким понятиям, как «Aktionsart» и «Aktionalität». Но внутри категории «Aktionsart» авторы разделяют глаголы на две группы, называя их «telisch» и «atelisch», в качестве альтернативных и взаимозаменяющих выступают термины *perfektiv/imperfektiv* и *transformativ* для *telisch*. *Telische Verben* «beschreiben punktuelle oder notwendig zeitbegrenzte Vorgänge oder Handlungen, d.h. Ereignisse, die einen Kulminations- oder Endpunkt voraussetzen, ohne den ein Geschehen des betreffenden Typs nicht vorliegen würde» [5]. «Telische Verben» подразделяются на следующие семантические группы: ингрессивные и эгрессивные, в зависимости от того, обозначают они начало действия или его завершение [5]. То, что авторы данного популярного грамматического издания не упоминают категорию аспекта, свидетельствует о том, что они разделяют распространенное мнение об отсутствии категории вида в немецком языке.

В работе О. В. Белоног были проанализированы как пассивные, так и активные конструкции и рассмотрены их темпорально-аспектуальные характеристики. Как футуральный презенс актива, так и футур пассива обычно выражают действия, завершенные в будущем вне зависимости от аспектуальной характеристики глагола, от которого образованы данные формы. В футуральном презенсе актива для выражения будущего заверщенного употребляются предельные или нейтральные глаголы в сочетании с показателями предельности действия. Претерит пассива выражает, как правило, действия завершенные, а претерит актива обычно передает процессные ситуации. Претерит пассива может передавать значение процесса, акцентируя при этом внимание на завершенности действия. Завершенность действия, выражаемая претеритом пассива, имеет различные аспектуальные оттенки. Плюсquamперфект пассива не способен передавать значение процессности, обладает ярко выраженной тенденцией к подчеркиванию завершенности действия [3].

Следует отметить, что существуют многочисленные попытки «связать» категорию вида с другими грамматическими категориями, например, числа, артикля (Э. Ляйс, Б. Тиль и др.). Но несмотря на безаспектный характер немецкого языка, способы выражения аспектуальности нуждаются в дальнейшем исследовании, так как они важны в процессе устного и письменного перевода.

Литература

1. Акбулатова Р. Т. Перфективность-имперфективность глаголов немецкого языка // Наука и общество: проблемы современных исследований: сб. науч. статей: в 3 ч. Ч. 3. Проблемы современных исследований в гуманитарных науках / под ред. А. Э. Еремеева. Омск: Изд-во НОУ ВПО «ОмГА», 2010. 252 с.
2. Alikova S. V. Über feste Redensarten unphraseologischen Typs und Nennenprobleme im Deutschen // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. № 6 (24) Tambov: Gramota, 2013. S. 18
3. Belonog O. W. Temporal-aspektuale Charakteristik in den modernen deutschen Wissenschaftstexten // *Wissenschaftliches Erbe von W. G. Admoni und moderne Linguistik*. Sankt-Petersburg: Nestor-Geschichte, 2009. S. 47–49

4. Buchwald-Wargenau Isabel Die doppelten Perfektbildungen im Deutschen Berlin: Walter de Gruyter, 2012. S. 338.
5. Fabricius-Hansen C., Gallman P. Duden. Die Grammatik. Berlin: Bibliographisches Institut GmbH, 2009. S. 408, 409.
6. Leiss Elisabeth Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin/New York: de Gruyter (Studia Linguistica Germanica 31), 1992. S. 281
7. Van Pottelberge Jeroen Der am-Progressiv. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 213, 221.
8. Vitalis, B. W. Maksymčuk, W. T. Sulym. Lexikologie der deutschen Sprache. Vortragskurs. Nationale Iwan-Franko-Universität Lwiv, 2005.- 130 s.) Inu.edu.ua/
9. www.grammatiken.de [электронный ресурс], (дата обращения 10.10.2013)

УДК 802.0-4

Гончарова Нина Львовна

КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

В статье описывается содержание составляющих элементов фонетико-фонологической компетенции на пяти уровнях владения фонетическим навыком иностранного языка.

Ключевые слова: компетенция, фонетико-фонологический аспект языка, перцепция, артикуляция.

Goncharova Nina L.

CRITERIA AND LEVELS OF LINGUISTICS STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE PHONETIC AND PHONOLOGICAL COMPETENCY

The article describes the content of foreign language phonetic and phonological competency elements are described at the 5 levels of their development.

Key words: competency, phonetic and phonological aspect of the language, perception, articulation.

Не вызывает сомнения тот факт, что переводчики и специалисты по межкультурному общению должны обладать комплексом профессионально-релевантных качеств, обозначаемых в современной педагогике как *компетенции*. К последним относится и иноязычная фонетико-фонологическая компетенция (ИФФК).

Как показывает практика, невысокое качество фонетической стороны речи дипломированных специалистов объясняется как причинами объективного и субъективного характера (например, спецификой фонетического аспекта языка, физиологическими и личностными особенностями говорящего), так и несовершенством процесса обучения, не выводящим фонетические умения и навыки на должную высоту. Эффективность последнего, вне всякого сомнения, будет обеспечиваться при переходе всех компонентов ИФФК на более высокие уровни в фазе ее развития в стенах вуза. Для возможности констатировать положительную динамику необходима разработка критериев и уровней сформированности данной компетенции с опорой на некоторые общие закономерности приобретения обучающимися когнитивно-интеллектуального и деятельностного потенциала.

Как известно, переход из состояния необученности в состояние некоторой обученности осуществляется через овладение определенной суммой знаний, навыков и умений и их качественное

преобразование. Согласно теории оптимизации А. Л. Бердичевского, продуктивность обучения определяется через уровни усвоения знаний (*дидактическая характеристика*) и уровни познавательной активности обучающихся (*когнитивная характеристика*) [1]. Так, усвоение знаний происходит на четырех уровнях: осознанного восприятия, запоминания (воспроизведения), применения знаний по образцу (в знакомой ситуации) и в творческом применении знаний (в незнакомой ситуации). Эти уровни усвоения знаний (*знакомство, воспроизведение, полноценное знание, трансформации*) характеризуют достигнутые результаты. Четыре уровня познавательной активности (*информационный, репродуктивный, проблемный, продуктивный*) – пути их достижения. Обе характеристики взаимосвязаны и дополняют друг друга (см. рис.):

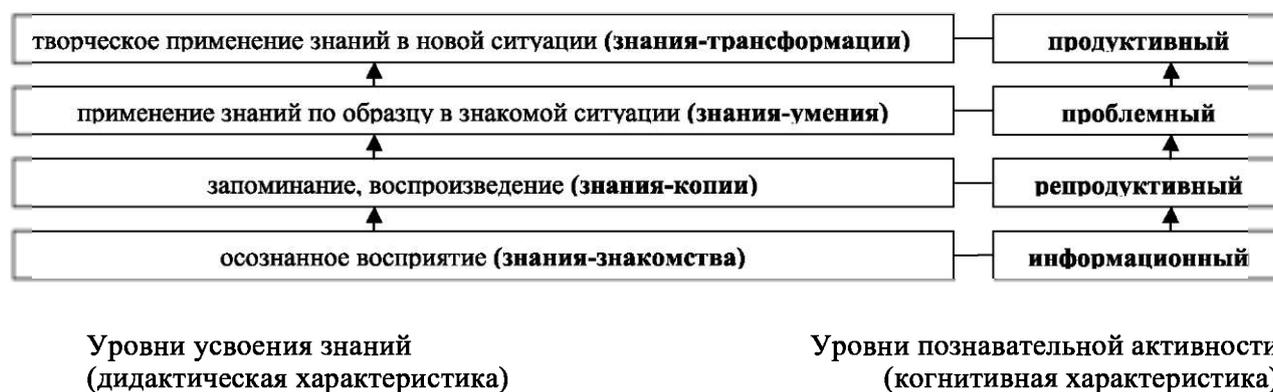

Рис. Динамика процесса обучения

Таким образом, обобщенно любые знания (в т. ч. фонетические) могут быть представлены на рецептивном, репродуктивном, продуктивном и креативном уровнях. Конечно же, специалисту нужны знания всех уровней, однако положительная динамика процесса обучения будет проявляться в восхождении от знаний-знакомств к знаниям-трансформациям, которые должны все время активизироваться, использоваться и углубляться, поскольку игнорирование фактора непрерывности ведет к постепенной утрате последних.

Формирование ИФФК будущих лингвистов-коммуникантов не может быть успешным, если в процессе обучения не развивается также определенная система фонетико-фонологических навыков и умений. Умения рассматриваются как использование знаний и навыков для выбора приемов действия в условиях разных языковых ситуаций и в соответствии с поставленной целью. Они формируются в результате координации навыков, их объединения в системы с помощью сознательно-контролируемых действий. Умения в современной педагогике рассматриваются как проявления компетенции: компетенция – это то, что порождает умения, а умения – это компетенция в действии (А. А. Залевская, И. А. Зимняя, S. Krashen и др.).

Содержание ИФФК может быть структурировано в *когнитивный, деятельностный и мотивационно-ценностный* блоки, включающие в себя *информационный, психологический, артикуляционный, перцептивный, аутолингводидактический, мотивационный, аксиологический и аффективный* компоненты. Поскольку ИФФК представляет собой гибкую и динамичную систему, характеризующуюся количественным и качественным преобразованием элементов в процессе развития и формирования, очевидна возможность позитивной трансформации ее компонентов при направленном педагогическом воздействии на когнитивно-интеллектуальную, деятельностную и мотивационно-ценностную сферы обучающихся.

Компоненты деятельностного блока ИФФК базируются на гностических, аналитических, проектировочных, коммуникативных, конструктивных, креативных, оценочных и информационных умениях. Среди них выделяют умения простые, сложные, специальные, а также умения, связанные с организационными и интеллектуальными действиями. Для перцептивного и арти-

куляционного компонентов чрезвычайно важны вторичные сложные умения, при которых определенные действия выполняются автоматически. Развитие умений достигается при соблюдении принципов доступности, постепенности, систематичности, взаимосвязи, преемственности. Основными критериями определения сформированности умений являются полнота и степень осознанности выполнения действий. Заметим, что для формирования умений и навыков характерны те же уровни, что и для усвоения знаний, и что в своей деятельности по овладению ИФФК обучающиеся должны органично использовать разные стратегии: когнитивно-ориентированную (для усвоения фонетико-фонологических знаний) и коммуникативно-ориентированную (для приобретения устойчивых слухо-произносительных навыков и умений).

Исследование общих закономерностей приобретения обучающимися когнитивно-интеллектуального и деятельностного потенциала позволило разработать следующие уровни владения звуковым аспектом языка:

- *низкий* – элементарное владение звуковым аспектом ИЯ, отмеченное сильным интерферирующим влиянием РЯ, затрудняющим процесс общения с представителями других культур;
- *средний* – владение минимально аппроксимированными слухопроизносительными навыками и умениями, позволяющими (с некоторым затруднением) устанавливать коммуникативный контакт;
- *достаточный* – относительно уверенное и эффективное использование приобретенных фонетико-фонологических знаний, умений и навыков в процессе иноязычной коммуникации;
- *высокий* – весьма уверенное профессиональное владение звуковым аспектом ИЯ, оперирование максимально аппроксимированными слухопроизносительными навыками и умениями, обеспечивающими адекватное восприятие и фонетическое оформление спонтанной речи;
- *максимальный* (координативный билингвизм) – «равноправное» сосуществование фонетико-фонологических систем ИЯ и РЯ, свободное владение механизмом кодового переключения в любых речевых ситуациях.

По каждому компоненту были разработаны критерии, согласно которым владение звуковым аспектом языка (в нашем случае, английского) может быть отнесено к тому или иному уровню (см. табл.). На начальном этапе своего обучения студенты-лингвисты, в общей массе, находятся на низком или среднем уровне, на момент окончания вуза они должны достичь достаточного или высокого уровня сформированности ИФФК. Очевидно, что максимальный уровень – как некий идеал – практически не достижим при отсутствии длительного опыта профессиональной деятельности.

Критерии сформированности ИФФК по уровням

1 уровень (низкий)

Когнитивный блок

Информационный компонент (знания)	Психологический компонент (психические процессы)
- наиболее общее представление о звуковом аспекте языка и функционировании основных фонетических концептов (звуков, слогов, ударения, интонации); - неуверенное знание фонематической системы ИЯ и транскрипционных знаков	- репродуктивное воображение; - преобладание непроизвольного внимания и наглядно-образного мышления; - слабая концентрация, неустойчивость произвольного внимания; - неразработанные механизмы слухового восприятия; - низкие показатели количественных и качественных характеристик памяти (скорости, прочности, длительности и др.)

Деятельностный блок

Перцептивный компонент (слуховые навыки и умения)	Артикуляционный компонент (произносительные навыки и умения)	Аутолингводидактический компонент (учебные навыки и умения)
---	--	---

<ul style="list-style-type: none"> - слабое дифференцирование перцептивных баз ИЯ и РЯ; - затрудненное распознавание близких по акустическим свойствам звуков ИЯ и РЯ; - неспособность выявлять ошибки (фонологические и фонетические) в чужой речи; - восприятие знакомых слов в медленной орфоэпически правильной иноязычной речи, отмеченной полным типом произнесения; - затрудненное распознавание знакомой лексики в беглой речи, отмеченной неполным типом произнесения; - слабое дифференцирование основных ядерных тонов (нисходящего и восходящего); - различение звуков ИЯ и РЯ, далеких по акустическим характеристикам ([p], [t], [г], [фз], [δ], [θ], [э:] и др.); - затрудненное распознавание долгих/кратких гласных 	<ul style="list-style-type: none"> - замедленный темп, неритмичность и невыразительность речи; - минимально аппроксимированное произношение (степень автоматизации незначительная), отмеченное сильным интерферирующим влиянием РЯ и большим количеством следующих фонетических и фонологических ошибок: 1) отклонения от нормативной артикуляции согласных, неплотное соединение согласных в слоге; 2) несоблюдение ассимилятивных явлений в словах и на стыках слов (носового и латерального взрывов, потери взрыва и др.), долготы и напряженности гласных; 3) опущение второстепенного ударения в многосложных словах; 4) неверное фразовое ударение; 5) неразличение сильных и слабых форм незначимых частей речи; 7) слоговое переразложение; 8) «русифицированное» произнесение ядерных тонов и просодическое оформление текста в целом; 9) неверное синтагматическое членение высказывания 	<ul style="list-style-type: none"> - слабое осознание целей, задач и результата учебной деятельности; - смутное представление об оптимальных логических операциях и рациональных приемах, необходимых для решения поставленной задачи; - неразвитый механизм слухового контроля и самокоррекции; - элементарные навыки самостоятельной работы с учебной фонетической литературой (сбор информации без ее дальнейшей обработки); - элементарные репродуктивные навыки в работе с учебными фономатериалами; - элементарные навыки чтения и записи транскрипции
--	--	--

Мотивационно-ценностный блок

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Аффективный компонент
<ul style="list-style-type: none"> - отсутствие познавательного интереса к звуковому аспекту ИЯ; - нежелание и неспособность оценить свои возможности по овладению звуковым аспектом ИЯ; - слабо выраженная потребность анализировать свои слухопроизносительные навыки и умения, развивать речевой слух и работать над артикуляцией; - отсутствие стремления заложить качественные основы будущей профессиональной деятельности; - превалирующий побуждающий мотив: «учить фонетику надо для того, чтобы сдать сессию» 	<ul style="list-style-type: none"> - непонимание социальной значимости профессии «переводчик» / «специалист по межкультурному общению»; - недооценка роли слухопроизносительных навыков и умений в коммуникации; - непризнание значимости фонетической подготовки для профессиональной деятельности лингвиста-коммуниканта, откуда – безразличное или негативное отношение к формированию ИФФК; - не критическое отношение к своему произношению; - низкий уровень эстетического развития (эстетическая незрелость); - низкая коммуникативная культура 	<ul style="list-style-type: none"> - пренебрежение к теоретической и практической фонетической подготовке как следствие непонимания значимости ИФФК; - нежелание развивать собственные фонетико-фонологические навыки и умения; - высокий уровень тревожности и беспокойства; - неверие в свои силы, низкая самооценка своих имитативных способностей; - полная апатия или пассивность на аудиторных занятиях; - не критическое восприятие оценки преподавателя и ее аргументации (иногда проявляющееся в скрытой агрессии на требования преподавателя); - нежелание качественно выполнять задание и работать самостоятельно; - неудовлетворенность своими учебными достижениями

2 уровень (средний)

Когнитивный блок

<p>Информационный компонент (знания)</p> <ul style="list-style-type: none"> - осознание разной направленности фонетических дисциплин; - понимание природы перцептивного и артикуляторного процессов; - относительно полное представление о нормативном консонантизме и вокализме ИЯ; - осознание звуковой материи ИЯ как интегральной системы фонетико-фонологических компонентов (звуков, их сочетаний, слогов, словесного ударения, интонации, ритма, темпа и др.); - достаточно уверенное знание транскрипции; - бессистемные и поверхностные знания о динамических процессах, характерных для фонетики современного ИЯ 	<p>Психологический компонент (психические процессы)</p> <ul style="list-style-type: none"> - репродуктивное и активное воображение; - произвольное внимание, отличающееся определенной устойчивостью, сосредоточенностью и объемом; - обращение к разным видам слуховых, зрительных и кинестетических ощущений для формирования обобщенных образов элементов звуковой материи ИЯ; - незначительный объем кратковременной и оперативной памяти; - использование стратегий памяти, основанных на мыслительных механизмах (группировка, ассоциации, структурирование, создание логических связей, использование образов и др.); - преобладание наглядно-образного и наглядно-действенного практического мышления; - наличие некоторых признаков критического мышления (логические операции сравнения, анализа и синтеза), фокусирующих навыков (определение проблем, выделение целей), навыков организации информации (вычленение ключевых понятий, выявление сходств и различий, классификация)
---	---

Деятельностный блок

Перцептивный компонент (слуховые навыки и умения)	Артикуляционный компонент (произносительные навыки и умения)	Аутолингводидактический компонент (учебные навыки и умения)
<ul style="list-style-type: none"> - дифференцирование перцептивных баз ИЯ и РЯ; - достаточно точное распознавание звуков ИЯ, близких по акустическим свойствам звукам РЯ ([h], [w], [ŋ], [p], [t], [k] и др.); - относительно незатрудненное выявление фонологических и фонетических произносительных ошибок в чужой речи (при установке на данный вид перцептивной деятельности); - незатрудненное распознавание знакомой лексики в беглой речи, отмеченной неполным типом произнесения; - уверенное дифференцирование нисходящего и восходящего тонов в замедленной речи; - распознавание слогов с долгими и краткими гласными фонемами; - понимание текстов с малым количеством незнакомой лексики, произносимых в небыстром темпе со стандартным акцентом 	<ul style="list-style-type: none"> - минимально-аппроксимированное произнесение большинства звуков и их сочетаний (степень автоматизации значительная); - стойкое неверное произношение отдельных звуков - эпизодические ошибки в постановке правильного ударения; - неустойчивые навыки использования редуций, слабых и сильных словоформ ассимиляций; - относительно правильное воспроизведение восходящего и нисходящего тонов за образцом; - достаточно точное воспроизведение выученного учебного фономатериала; - относительная плавность и ритмичность речи; - маловыразительность высказываний; - умеренный темп речи 	<ul style="list-style-type: none"> - элементарные навыки самоуправления учебной деятельностью, стремление сделать самостоятельную работу систематической и целенаправленной, умение разделять ее на этапы; - устойчивые навыки коллективного взаимодействия; - элементарные рефлексивные умения (анализирование своих ощущений), навыки самоконтроля и самокоррекции (исправление ошибок с отставанием по времени); - элементарное владение технологическим компонентом учебной компетенции, т. е. базовыми стратегиями и приемами учебной деятельности (наблюдение, сравнение, сопоставление, анализ); - достаточно уверенные навыки поиска и отбора информации; - достаточно уверенное транскрибирование отдельных слов

Мотивационно-ценностный блок

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Аффективный компонент
<ul style="list-style-type: none"> - проявление некоторого познавательного интереса к фонетике ИЯ; - незначительные попытки оценить качество своих перцептивно-артикуляционных действий; - умеренно выраженное стремление к улучшению своих слухопроизносительных знаний, навыков и умений; - наличие слабовыраженных мотивов развития (установление далекой и близкой перспективы обучения ИЯ); - основной побуждающий мотив: «хорошая фонетика мне не мешает» 	<ul style="list-style-type: none"> - признание социальной значимости своей профессии с позитивным отношением к формированию ИФФК; - одобрительная оценка качественных слухопроизносительных навыков; - проявление, в основном, ответственного отношения к овладению фонетическими знаниями, навыками и умениями; - признание необходимости самостоятельной работы как необходимого элемента собственного «фонетического» развития; - в целом, критическое отношение к своему произношению и понимание важности эстетической стороны речи в коммуникации; - средний уровень коммуникативной культуры 	<ul style="list-style-type: none"> - нейтральное (неагрессивное) отношение к фонетической подготовке; - низкий уровень тревожности и беспокойства; - относительная уверенность в своих силах, в целом, положительная оценка своих имитативных способностей; - умеренно выраженная активность на аудиторных занятиях; - в целом, адекватная реакция на корректирующие замечания преподавателя; - наличие определенного желания «иметь хорошую фонетику» и, в то же время, недостаточность волевых усилий для закрепления навыков; - относительная удовлетворенность своими учебными достижениями

3 уровень (достаточный)

Когнитивный блок

Информационный компонент (знания)	Психологический компонент (психические процессы)
<ul style="list-style-type: none"> - относительно полное знание всех компонентов фонетического строя ИЯ (в сопоставлении с РЯ); - достаточно полное осознание закономерностей функционирования сегментного и супraseгментного уровней ИЯ в статике и динамике; - знание основ фонетической теории (особенностей артикуляции звуков и их сочетаний, ритма, мелодического оформления предложений разных коммуникативных типов); - общее представление о территориальной и социальной вариативности речи 	<ul style="list-style-type: none"> - активное и продуктивное воображение; - достаточно высокая устойчивость и концентрация произвольного внимания, а также способность его распределения; - достаточная скорость, прочность, длительность и точность запоминания информации; - использование произвольного внимания, воображения и критического мышления при сравнении аналогичных фонетических явлений РЯ и ИЯ с опорой на долговременную, кратковременную и эхоическую память; - достаточно свободное осуществление аналитико-синтетической деятельности сравнения, сопоставления, обобщения, классифицирования и т. д.; - использование когнитивных стратегий (установление причинно-следственных связей, дедуктивное и индуктивное умозаключение)

Деятельностный блок

Перцептивный компонент (слуховые навыки и умения)	Артикуляционный компонент (произносительные навыки и умения)	Аутолингводидактический компонент (учебные навыки и умения)
<ul style="list-style-type: none"> - уверенное дифференцирование перцептивных баз ИЯ и РЯ; - достаточно уверенное распознавание качества и количества всех звуков ИЯ; - распознавание фонологических и фонетических произносительных ошибок в чужой речи; - достаточно уверенное дифференцирование простых и относительно 	<ul style="list-style-type: none"> - достаточно четкое дифференцирование артикуляционных баз ИЯ и РЯ; - качественное воспроизведение учебного фономатериала; - умеренно выраженный акцент (наличие «индивидуальных» устойчивых фонетических и фонологических ошибок как следствии интерферирующего влияния 	<ul style="list-style-type: none"> - самоуправление учебной деятельностью от постановки цели до самоконтроля ее результата с критической рефлексией на процесс учебной деятельности (деятельностный и личностный компоненты учебной компетенции); - наличие <i>операционных</i> знаний о последовательности шагов для усвоения определенного учебного

<p>уверенное распознавание сложных тонов в беглой речи;</p> <ul style="list-style-type: none"> - понимание текстов с малым количеством незнакомой лексики, произносимых в достаточно быстром темпе с нормативным акцентом; - достаточно развитый механизм слухового контроля; - дифференцирование позиционных вариантов фонем (аллофонов) – «светлого» и «темного» оттенков латерального сонанта [l], разной степени аспирации глухих смычных [p], [t], [k] и др. 	<p>РЯ и недостаточной сформированности индивидуальной артикуляционной базы ИЯ);</p> <ul style="list-style-type: none"> - незатрудненное воспроизведение простых и сложных мелодических тонов; - достаточно полное владение основными ритмико-интонационными моделями; - стремление правильно интонировать протяженные по времени высказывания (зачастую малоэффективное); - достаточная беглость и ритмичность речи 	<p>материала, сбалансированное использование когнитивно-ориентированной и коммуникативно-ориентированной стратегий;</p> <ul style="list-style-type: none"> - уверенные навыки поиска, отбора и обработки информации; - умение корректировать фонетические и фонологические ошибки в своей и чужой речи; - довольно беглое транскрибирование отрывков текста; - умение отображать акцентную и мелодическую структуру предложений с помощью тонограмм
--	---	---

Мотивационно-ценностный блок

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Аффективный компонент
<ul style="list-style-type: none"> - проявление достаточно большого познавательного интереса к звуковой стороне ИЯ; - наличие познавательных и информационных потребностей; - осознание необходимости волевых усилий в достижении поставленной задачи – прочного усвоения нужного, но «неинтересного» учебного материала; - наличие ярко выраженных мотивов развития (достаточно активное стремление добыть фонетические знания и улучшить свои перцептивные и артикуляционные навыки); - преобладающий мотив: «хочу иметь хорошую фонетику» 	<ul style="list-style-type: none"> - убежденность в социальной значимости своей профессии; - полное осознание необходимости владения качественными слухопроизносительными навыками и умениями для осуществления эффективной профессиональной деятельности; - осознание значимости самосовершенствования во всех аспектах ИЯ, отсюда – позитивное отношение к формированию ИФФК; - критическое отношение к своим фонетическим навыкам и умениям; - внимание к эстетической стороне речи; - достаточно высокий уровень коммуникативной культуры 	<ul style="list-style-type: none"> - позитивное отношение к теоретической и практической фонетической подготовке; - ярко выраженное стремление к достижению эффективности коммуникации посредством фонетики; - отсутствие тревожности и беспокойства; - уверенность в своих силах, адекватная оценка своих знаний, навыков и умений; - активность на аудиторных занятиях, желание заслужить одобрение преподавателя; - удовлетворенность своей учебной деятельностью и стремление достичь более высоких результатов

4 уровень (высокий)

Когнитивный блок

Информационный компонент (знания)	Психологический компонент (психические процессы)
<ul style="list-style-type: none"> - систематизированные знания о фонетико-фонологической системе ИЯ; - понимание специфики интонационно-ритмического оформления звучащего текста; - знание базовых теоретических положений общей фонетики и фонетики изучаемого ИЯ; - осведомленность о современных методах фонетического исследования, о спорных вопросах в фонетической науке; - достаточно полное представление о территориальной и социальной вариативности иноязычной речи; 	<ul style="list-style-type: none"> - восприятие характеризуется развитыми механизмами константности и категориальности; - обобщенность, абстрактность и гибкость мышления; - высокий уровень теоретического понятийного мышления, прочные связи между образным, практическим и вербально-логическим видами мышления; - развитое критическое мышление: анализирование, интегрирование и генерирование информации (суммирование идей, предсказывание, поиск деталей, иллюстрация примерами); - самостоятельный поиск признаков усваиваемых понятий и способов решения новых типов задач в процессе усвоения; - когнитивное разграничение плана языка и плана речи (способность противопоставлять обобщенные категории и еди-

- знание современных произносительных тенденций, понимание их природы	ничные явления: напр., историческая долгота фонем и длительность звучания их позиционных вариантов, правила словесного ударения и акцентно-слоговая структура слова)
---	--

Деятельностный блок

Перцептивный компонент (слуховые навыки и умения)	Артикуляционный компонент (произносительные навыки и умения)	Аутолингводидактический компонент (учебные навыки и умения)
<ul style="list-style-type: none"> - безошибочное распознавание в иноязычной речи всех фонем и их аллофонов; - распознавание сильно редуцированных словоформ и ассимилятивных явлений в словах и на стыках слов; - уверенное дифференцирование простых и сложных тонов; - хорошо развитый механизм слухового контроля; - достаточно уверенное распознавание функционального стиля звучащего текста; - практически полное понимание беглой разноакцентной речи, не избилующей незнакомой лексикой 	<ul style="list-style-type: none"> - высокая степень устойчивости произносительных навыков; - максимально аппроксимированное произношение, отсутствие фонологических ошибок (эпизодические фонетические ошибки не сказываются на успешности коммуникации); - плавность, управляемая беглость и достаточная выразительность речи; - адекватное использование ритмико-интонационных средств ИЯ при смещении смысловых акцентов и для выражения определенного коммуникативного намерения 	<ul style="list-style-type: none"> - развитые навыки самоуправления, самоконтроля, самокоррекции и автоэвалюации (самооценки) - владение методами фонетического и фонологического анализа; - умение самостоятельно анализировать «живую» речь в различных языковых ситуациях; - умение анализировать и реферировать фонетическую литературу; - уверенное умение транскрибировать отрывки текста и делать его интонационную разметку. - умение грамотно и лаконично отображать теоретический материал лекций, владение различным приемами его графической репрезентации

Мотивационно-ценностный блок

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Аффективный компонент
<ul style="list-style-type: none"> - наличие ярко выраженных мотивов развития и познавательных мотивов; - осознание необходимости настойчивого и систематического совершенствования фонетических навыков и умений, обеспечивающих адекватное кодирование и декодирование иноязычной речи; - ответственное отношение к овладению фонетическими знаниями; - большая потребность в саморазвитии и самообразовании; - ведущий мотив: «качественная фонетика – залог профессионализма и моего жизненного успеха» 	<ul style="list-style-type: none"> - глубокая убежденность в социальной значимости профессии «переводчик» / «специалист по межкультурному общению»; - понимание ИФФК как неотъемлемого компонента профессиональной культуры лингвиста-коммуниканта; - осознание ценности эстетической стороны звукового оформления иноязычной речи; - высокий уровень коммуникативной культуры 	<ul style="list-style-type: none"> - восприятие деятельности по совершенствованию ИФФК как интересной, увлекательной и приятной; - уверенность в себе, благодаря прочным знаниям, навыкам и умениям; - ярко выраженная позитивная эмоциональность; - развитые волевые качества, обеспечивающие высокую работоспособность; - творческая активность; - удовлетворенность своими учебными достижениями

5 уровень (максимальный)

Когнитивный блок

Информационный компонент (знания)	Психологический компонент (психические процессы)
<ul style="list-style-type: none"> - полное и глубокое понимание особенностей функционирования иноязычных фонетико-фонологических единиц на сегментном и супraseгментном уровнях, сущности фонетических явлений; - осведомленность об актуальных фонетических исследованиях и достижениях прикладной фонетики; 	<ul style="list-style-type: none"> - высокий уровень сформированности сенсорно-перцептивного механизма, мнемических, психомоторных и речемыслительных функций; - развитое творческое научное мыш-

- знание фоностилистических характеристик иноязычной речи; - владение глубокими, прочными и мобильными знаниями о фонетической вариативности ИЯ	ление; - гибкость всей системы интеллекта
--	--

Деятельностный блок

Перцептивный компонент (слуховые навыки и умения)	Артикуляционный компонент (произносительные навыки и умения)	Аутолингводидактический компонент (учебные навыки и умения)
- свободное владение перцептивными базами РЯ и ИЯ (механизмом «кодового переключения» на перцептивном уровне); - понимание разностилевой беглой иноязычной речи, отмеченной территориальной, социальной и индивидуальной вариативностью; - высокий уровень перцептивной адаптивности к носителям и неносителям изучаемого ИЯ	- свободное («естественное») владение орфоэпическими фонетико-фонологическими средствами ИЯ (говорящий – координативный билингв, гибко использующий ритмико-интонационные структуры для выражения смысла); - ситуативно обусловленное употребление полного и неполного типов произнесения и стилей произношения	- интегрированное использование познавательных, практических, оценочных и рефлексивных умений; - принятие независимых решений, адаптивность профессиональной деятельности к различным ситуациям, накопление индивидуального опыта, его перенос в новый речеситуативный контекст (конструктивный компонент учебной компетенции) [2]; - наличие творчески-исследовательских акмеумений; - способность к саморазвитию, постоянная работа по совершенствованию ИФФК

Мотивационно-ценностный блок

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Аффективный компонент
- ярко выраженная потребность в самореализации; - осознание необходимости быть гибким специалистом, адаптивным к меняющимся условиям коммуникации на межкультурном уровне; - основной мотив: «координативный билингвизм – способ самореализации и достижения вершин профессионализма»	- ясное осознание целей своей профессиональной деятельности, активный интерес к межкультурной коммуникации, инициативность и целеустремленность; - высокое ценностное отношение к себе («я – переводчик / специалист по межкультурному общению»), готовность постоянно самосовершенствоваться; - эстетическая зрелость; - высокий уровень коммуникативной культуры	- перманентное позитивно-эмоциональное состояние, вызванное успешностью профессиональной деятельности и дальнейшими перспективами самореализации; - большая познавательная и творческая активность; - глубокая удовлетворенность своим вкладом в развитие межкультурных связей

В заключение еще раз подчеркнем, что переход на более высокие уровни, охарактеризованные вышеприведенными дескрипторами, есть свидетельство положительной динамики процесса обучения, направленного на формирование ИФФК. На основании вышеизложенного возможна разработка концептуальных моделей формирования фонокомпетенции, которые могут внести свою лепту в подготовку высококвалифицированных специалистов в области перевода и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бердичевский А. Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку в педагогическом вузе: науч.-теорет. пособие. М.: Высш. шк., 1989. – 103 с.
2. Коряковцева Н. Ф. Автономия учащихся в учебной деятельности по овладению ИЯ как образовательная цель // Иностранные языки в школе. 2001. № 1. С. 9–14.

УДК 811.161.1

Грязнова Виолетта Михайловна
ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ
В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА
В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ¹

Статья посвящена выявлению и описанию специфических и общих черт в словообразовательной системе глагола в общенациональном языке и в говоре казаков-некрасовцев.

Ключевые слова: говор казаков-некрасовцев, глагол, словообразование, словообразовательное значение, словообразовательная модель.

Gryaznova Violetta M.

**THE GENERAL AND THE SPECIFIC IN THE SYSTEM OF WORD-FORMATION
OF THE VERB IN DIALECT COSSACKS-NEKRASOVTY**

The article is devoted to the identification and description of General and specific features in word-building system of the verb in the national language and dialect of the Cossacks-Nekrasovtsev.

Key words: dialect Cossacks-Nekrasovtsev, verbs, word formation, word formation value, word formation model.

Анализ системы словообразования глагола говора казаков-некрасовцев нами будет проведено по классам, подклассам, группам, подгруппам, выделенным и описанным по идеографическому основанию. Существует целый ряд классификаций лексикона, сделанных на основе идеографического (тематико-семантического) принципа. В данной статье представлена тематико-семантическая классификация глагольной лексики, основанная на идеографической концепции лексикона. За основу классификации взята схема (синопсис идеографической части), представленная в работах В. В. Морковкина, в частности в его комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» (М.: «Русский язык», 1984).

В данной статье описание базируется прежде всего на ономаσιологическом подходе: анализ ведется от содержания к выражающим это содержание языковым формам. Понятия расположены в естественном порядке, сгруппированы по области их употребления, а формально – по их видовому признаку.

Такое описание призвано выявить существующую системность в окружающем нас языковом океане. В результате группировки материала по родо-видовому признаку сама собой должна выявляться языковая картина отдельных областей (а в конечном итоге – и всего мира в целом), свойственная мировидению казаков-некрасовцев. Описание лексикона на основе ономаσιологического подхода позволит выявить специфику и своеобразие членения в говоре некрасовцев общего для всех языков смыслового континуума. «Сгущения» одних тем и «разряженные пространства» других тем дают нам любопытные факты для описания объективной картины процесса познания мира казаком-некрасовцем.

Собранный материал глагольной лексики говора казаков-некрасовцев выявил, что макрокласс «Глагол» говора состоит из следующих лексико-тематических классов: класс «Абстрактные отношения и формы существования материи», класс «Неорганический мир», класс «Органический мир». Указанные классы, в свою очередь, дифференцируются на подклассы и группы, в рамках которых и рассматривается словообразовательной системой говора.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-04-00009а).

Материалом данного исследования послужили как записи, на протяжении ряда лет собранные учеными, аспирантами, магистрантами и бакалаврами Ставропольского государственного университета во время экспедиций в села Левокумского района Ставропольского края, так и материалы, собранные учеными других вузов, прежде всего Ольгой Константиновной Сердюковой, результаты работы которой – «Словарь говора казаков-некрасовцев» – вначале были представлены ею в формате Приложения в тексте кандидатской диссертации (1962 г.), а позже изданы отдельной книгой.

Под словообразовательной системой говора понимается совокупность словообразовательных моделей говора – продуктивных и непродуктивных – с синхронной точки зрения (словообразовательные гнезда не рассматриваются). Специфика словообразовательной системы говора в нашей работе определяется: 1) составом способов словообразования и приоритетностью их конкретных видов по количественному критерию; 2) типами мотивирующей базы и приоритетностью их конкретных видов по количественному критерию; 3) характером словообразовательного значения и приоритетностью его конкретных видов по количественному критерию; 4) типами словообразовательных формантов, отсутствием/наличием специфичных для говора словообразовательных формантов; 5) отсутствием/наличием специфичных для говора словообразовательных моделей, отсутствующих в общенациональном языке.

В словообразовательной глагольной системе говора имеются разные по своему историческому возникновению (производству) мотивированные лексемы: одни из них реально возникли до эмиграции некрасовцев, т.е. в общекрестьянском русском языке или в каком-то одном из русских говоров; и входили в качестве общерусской базы в лексикон некрасовцев; другие входили в состав лексикона донского наречия, третьи были позаимствованы носителями говора в период эмиграции; четвертые возникли в самом говоре в период эмиграции. Мы рассматриваем все глагольные лексемы говора, находящиеся в отношениях словообразовательной мотивации.

Анализ собранного материала выявил, что глаголы говора располагают следующими способами словообразования: 1) префиксальным, 2) суффиксальным, 3) префиксально-суффиксальным, 4) постфиксальным, 5) суффиксально-постфиксальным, 6) префиксально-постфиксальным, 7) префиксально-суффиксально-постфиксальным.

подавляющее количество глаголов говора образовано префиксальным способом, так же, как и в общенациональном русском языке. Это характерно для всех лексико-тематических классов, выделяемых в массиве лексем-глаголов: класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Неорганический мир», класса «Органический мир», – а также подклассов и лексико-тематических групп, входящих в названные классы (*заморить* – «погубить, убить»), мотивируется глаголом несовершенного вида общенационального языка *морить*).

Суффиксальный способ образования представлен незначительно меньшим количеством мотивированных глаголов. Это мотивированные лексемы класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», большинства групп класса «Органический мир»: группы «Человек как живое существо», «Человек в обществе», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир» (*ездивать* – «ездить неоднократно»), мотивирующий глагол несовершенного вида общенационального языка *ездить*).

Префиксально-суффиксальный способ образования представлен еще меньшим количеством мотивированных глаголов. Это мотивированные глаголы класса «Неорганический мир», некоторых групп класса «Органический мир»: группа «Человек как разумное существо» (*запрохладнеть* – «похолодать» от общенационального прилагательного *прохладный*).

Префиксально-постфиксальный способ образования представлен небольшим количеством мотивированных глаголов. Это некоторые мотивированные глаголы класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Органический мир»: группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир» (*зарыться* – «умереть»), мотивирующее слово – общенациональный глагол *рыть*).

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ образования является следующим по количественному составу. Он представлен незначительным количеством мотивированных

глаголов класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Органический мир»: группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир» (*окарениться* – «укорениться»), мотивирующее слово – общенациональное существительное *карень*).

Постфиксальный способ образования представлен незначительным количеством мотивированных глаголов, в основном в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» (*зубиться* – «портиться»), от мотивирующего глагола несовершенного вида общенационального языка *зубить*).

Суффиксально-постфиксальный способ образования также представлен незначительным количеством мотивированных глаголов, в основном в группе «Человек в обществе» класса «Органический мир» (*цареваться* – «жить в довольстве, благоденствовать»), от общенационального существительного *царь*).

Кроме того, встречаются единичные случаи способа метафорического словообразования (*утушивать* – «утолять боль», *жарить* – «сечь плетью») *пригуртиться* – «пристроиться к кому-либо (о семье)»), а также способа словообразовательной игры (глаголы *стёхтерить-сбохтерить, стюхтерить-сбахтерить*), построенного на явлении «словообразовательного эха».

По грамматическому характеру мотивирующего слова выделяются глаголы, мотивированные глаголами, существительными, прилагательными. Во всех лексико-тематических классах в качестве мотивирующего слова преобладают девербативы. Отъадективы занимают периферийное положение во всех лексико-тематических классах. В единичных случаях в качестве мотивирующей базы выступают междометия и звукоподражательные слова.

По характеру словообразовательного значения имеются: 1) модификационные значения, 2) мутационные значения. Оба названных значения характерны для всех лексико-тематических классов, входящих в глагольную лексику говора. Модификационные значения преобладают во всех лексико-тематических классах, это значения вида и способа глагольного действия. Мутационные значения присутствуют во всех лексико-тематических классах, но их значительно меньше. Это значения: «совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», «совершать действия, свойственные тому, кто (что) названо мотивирующим существительным», «наделять кого- или что-либо тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным/существительным», «приобретать признак, состояние, названные мотивирующим прилагательным/существительным» и некоторые другие.

Большинство словообразовательных моделей, характерных для мотивированных глаголов говора казаков-некрасовцев, представлены в русском национальном языке, т.е. словообразование исследуемого макрокласса говора является частной реализацией общей словообразовательной системы русского национального языка.

В то же время в составе словообразовательной подсистемы глагола говора встречаются специфичные в структурном отношении словообразовательные модели. Специфичные глагольные словообразовательные модели говора казаков-некрасовцев относятся преимущественно к префиксальному, префиксально-суффиксальному, префиксально-суффиксально-постфиксальному способу словообразования (соответственно 6, 4 и 5 примеров). В качестве мотивирующей базы специфичные словообразовательные модели говора имеют глаголы, существительные, прилагательные и междометия, среди которых преобладают глаголы (соответственно 10, 4, 3 и 1 пример). Специфичные глагольные словообразовательные модели говора обладают и модификационным, и мутационным словообразовательным значением (соответственно 10 и 8 примеров). В целом среди специфичных глагольных словообразовательных моделей говора преобладают префиксальные девербативные модели с модификационным значением.

В составе специфичных глагольных словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев есть такие, которые в полной мере могут быть названы словообразовательными моделями, так как по ним образовано несколько глаголов:

1) это отглагольная префиксальная модель формант по- + V с модификационным значением ««акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантиче-

ский компонент «результат»»: лексемы *поспасти, пополоветь, попожелтеть*. Специфика данной модели одновременно и в ее структуре (мотивирующий глагол совершенного вида в отличие от мотивирующего глагола несовершенного вида в аналогичной по значению модели в общенациональном языке), и в содержании словообразовательного значения (по данным РГ-80);

2) отмеждоментная суффиксальная модель формант с- + междоментие + -(тер)и- с мутационным значением «воспроизведение звучания мотивирующего слова как характеристики содержания обозначаемого действия»: лексемы *Стёхтерить-сбохтерить, Стюхтерить-сбахтерить*. Специфика данной модели в ее структуре: междоментие в качестве мотивирующего слова, которое не характерно для суффиксально-префиксального способа образования глаголов общенационального языка (по данным РГ-80);

3) отглагольная префиксальная модель формант об- + V с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени (чаще недолгого)»: глаголы *Обгодить* – «подождать», *Обжидать* – «ожидать, поджидать». Специфика данной модели в ее структуре: формант об- не входит в состав формантов, характерных для префиксального способа образования отглагольных глаголов общенационального языка (по данным РГ-80).

Другие специфичные глагольные словообразовательные модели говора казаков-некрасовцев только условно могут быть названы моделями, так как по ним образовано по одному слову:

1) это отглагольная префиксально-суффиксальная модель формант до- + V + -ова- с модификационным значением «доведения действия до какого-то определенного предела»: *Довидовать* – «хорошо видеть». Специфика данной модели в ее структуре: формант до- не включен в состав формантов, характерных для префиксально-суффиксального способа образования отглагольных глаголов (по данным РГ-80);

2) отглагольная префиксально-суффиксальная модель формант у- + V + -ива- с модификационным значением «длительно, непрерывно, настойчиво совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *Утушивать* – «утолять боль». Специфика данной модели в ее структуре: формант у- не включен в состав формантов, характерных для префиксально-суффиксального способа образования отглагольных глаголов (по данным РГ-80);

3) отсубстантивная префиксально-суффиксальная модель формант с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *притрудать* – «тяжело заболеть» от общенационального слова *труд* – «црк., стар. болезнь». Специфика данной модели в ее структуре: в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксальных моделей общенационального языка с суффиксом -а-, префикс при- не входит (по данным РГ-80);

4) отглагольная префиксально-суффиксальная модель пере- + V с модификационным значением «краткое, неинтенсивное действие, совершенное обычно в перерыве какого-н. другого действия»: *пересужать* – «судить о ком, осуждать кого». Специфика данной модели в ее структуре: формант пере- + -и- не включен в состав формантов, характерных для префиксально-суффиксального способа образования deverbальных глаголов общенационального языка (по данным РГ-80);

5) отглагольная префиксальная модель формант с- + V с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантический компонент «результат»»: лексема *сполюбить*. Специфика данной модели одновременно и в ее структуре (мотивирующий глагол СВ), и в содержании словообразовательного значения;

6) отглагольная префиксально-постфиксальная модель о- + V + -ся с модификационным значением «дойти до определенного состояния, совершая действие, названное мотивирующим глаголом»: *Обосяковаться* – «разбаловаться, стать хулиганом». Специфика данной модели в ее словообразовательном значении: названный формант представлен в списке формантов deverbальных префиксально-постфиксальных моделей в РГ-80, но указанное словообразовательное значение в перечне отсутствует;

7) отглагольная префиксально-постфиксальная модель по- + V + -ся с модификационным значением «действие, называемое мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени, дойти до состояния удовлетворения»: *Поизучиться* – «обучиться». Специфика данной модели в ее структуре: префикс по- в список приставок, сочетающихся в рамках девербативных префиксально-постфиксальных моделей общенационального языка с постфиксом -ся, по данным РГ-80, не входит;

8) отадъективная суффиксально-постфиксальная модель с мутационным значением «приобретать признак, состояние, названные мотивирующим прилагательным»: *Бедноваться* – «бедствовать». Специфика данной модели в ее структуре: в составе моделей отадъективных суффиксально-постфиксальных глаголов, по данным РГ-80, подобный формант (-ова- + -ся) не указан;

9) отсубстантивная префиксально-суффиксально-постфиксальная модель формант на- + S + -ова- + -ся с мутационным значением «приобрести признак того, что названо мотивирующим существительным»: *Напамятоваться* – «помнить, припоминать». Специфика данной модели в ее структуре: префикс на- в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных моделей общенационального языка с суффиксом -ова- и постфиксом -ся, по данным РГ-80, не входит;

10) отсубстантивная префиксально-суффиксально-постфиксальная модель формант по- + S + формант -ова- + формант -ся с мутационным значением «совершить действие, связанное с тем, что названо мотивирующим существительным»: *поликоваться* – «поцеловаться» (от общенационального существительного *лик*). Специфика данной модели в ее структуре: префикс по- в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных моделей общенационального языка с суффиксом -ова- и постфиксом -ся, по данным РГ-80, не входит;

11) отсубстантивная префиксально-суффиксально-постфиксальная модель с мутационным значением «наделять кого-либо тем признаком, который назван мотивирующим существительным»: *Отелёшиваться* – «раздеваться донага». Специфика данной модели в ее структуре: формант о- + -ива- + -ся не включен в состав формантов, характерных для отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных глаголов (по данным РГ-80);

12) отадъективная префиксально-суффиксально-постфиксальная модель с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *Утуживаться* – «туго подпоясываться». Специфика данной модели в ее структуре: в составе моделей отадъективных префиксально-суффиксально-постфиксальных глаголов, по данным РГ-80, подобный формант (у- + -ива- + -ся) не указан;

13) отадъективная префиксально-суффиксально-постфиксальная модель с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *Подтуживаться* – «туго подпоясываться». Специфика данной модели в ее структуре: в составе моделей отадъективных префиксально-суффиксально-постфиксальных глаголов, по данным РГ-80, подобный формант (под- + -ива- + -ся) не указан (с. 390).

Необходимо также отметить семантическую и структурную специфику отсубстантивной суффиксальной модели S + формант -(ал)и- с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *Курвалить* – «гулять от жены» от общенационального существительного *курва* – «неприл., бранно, развратная женщина» (по данным Сл. Даля, с.568). В мотивированном слове отсутствует тендерный компонент «феминность», свойственный мотивирующему слову, который заменяется гендерным компонентом «маскулинность», кроме того, в состав форманта входит уникальный интерфикс -ал-.

В целом своеобразие названных словообразовательных моделей говора определяется:

1) одновременно специфичным словообразовательным значением и специфичной словообразовательной структурой;

2) только специфичной словообразовательной структурой: это либо мотивирующая база (междометие), либо способ словообразования, либо конкретный вид суффиксального форманта.

Репертуар способов словообразования, словообразовательных значений, префиксов, суффиксов, постфиксов в словообразовательной системе говора тот же, что и в национальном языке. Специфичные словообразовательные модели говора являются результатом: а) иного сочета-

ния существующих морфем; б) использования семантических и структурных возможностей не используемых в настоящее время в литературном языке конкретных видов элементов словообразовательной структуры: мотивирующей базы, словообразовательных морфем.

Литература

1. Морковкин В. В. Лексическая основа русского языка. М.: «Русский язык», 1984.
2. Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

УДК 13.00.08

Дмитриева Римма Николаевна

О ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена изучению проблем лексической совместимости слов при переводе. Построение предложений в процессе речи подчиняется сложной системе традиций, определяющих выбор слов и их взаимное расположение. Если предложение кажется читателю или слушателю неестественным, это может быть вызвано нарушением правил лексической сочетаемости. Законы лексической сочетаемости определяют совместимость слов исходя из их лексического значения, а не грамматических характеристик.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, перевод, лексическая несовместимость, эквивалентность реальности, язык.

Dmitrieva Rimma N.

THE PROBLEM OF LEXICAL WORDS COLLOCATION UNDER THE PROCESS OF TRANSLATION

The article is devoted to the problem of lexical compatibility of words in the course of translation. Sentence structure in the process of speaking is involved in the difficult system of traditions and rules, which in fluencies the choice of words and their mutual word order. If the reader or listener finds the sentence difficult to perceive it is caused by breaking the grammar rules of lexical compatibility of words. Lexical compatibility laws determine the words coincidence due to their lexical meaning, rather than their grammatical characteristics.

Key words: communicative linguistics, translation, lexical incompatibility, equivalence of reality, language.

Язык – это важнейшее средство межлического общения, с помощью которого люди понимают друг друга. Поведение человека и его познавательная деятельность напрямую зависят от его коммуникативных способностей и возможностей. Весь социальный опыт, накопленный человечеством веками, благодаря языку передаётся от одного поколения к другому, вступающему в жизнь. Иными словами, язык – это сложная динамично развивающаяся система, являющаяся универсальным средством объективации содержания сознания и мышления. Она объединяет все компоненты языка в речевой деятельности.

Речевое общение – важный фактор регуляции отношений в обществе. Следует выделить его значимые функции:

- функция производства новых норм, ценностей и знаний;
- функция накопления, хранения и передачи норм, ценностей и знаний;
- коммуникативная функция;
- социализирующая функция культуры.

Функции коммуникации настолько же разнообразны, насколько различна жизнь общества. Через речевую коммуникацию осуществляется общение, обмен мыслями и чувствами

между людьми в различных сферах деятельности. Минимальной единицей, интегрирующей в себе соответствующие языковые элементы для процесса коммуникации, является речевой акт, в котором осуществляется именно общение, а не передача безадресной информации [7, с. 276].

Люди общаются между собой непосредственно при помощи языка. Когда они говорят на одном языке, между ними не возникают препятствия для понимания друг друга. Но в настоящее время производственная сфера общения значительно оживилась. Широкое распространение и развитие получили экономическая, управленческая, правовая области профессиональной деятельности, что обуславливает необходимость владения иностранным языком. Важную роль в таких случаях играет перевод. Перевод – это средство, обеспечивающее возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках [1, с. 224]. Каждый язык своеобразен и ориентирован на определенный языковой коллектив. Он имеет свои фонетические, грамматические и культурно-исторические особенности. Все процессы, происходящие в обществе, отражаются в языке. Задача переводчика состоит не в том, чтобы дословно перевести информацию, а в том, чтобы установить взаимопонимание с иноязычным коммуникантом. Текст одного языка не может быть с абсолютной точностью переведён на другой язык, так как состоит из неодинакового набора языковых единиц. Утрата или замена некоторых элементов текста при переводе не означает искажения информации.

Взаимопонимание с иноязычным коммуникантом может быть достигнуто лишь тогда, когда собеседник имеет представление о видении картины мира носителем другого языка. Чтобы правильно понять обозначения вещей, о которых идет речь, нужны определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом источнике. Лингвосоциологические знания об иноязычном социуме формируют готовность к эффективному международному профессиональному сотрудничеству. Перевод как способ языкового посредничества предполагает не только знание переводчиком языка перевода, но и отраженной в нем культурно-исторической специфики.

Коммуникативная лингвистика помогает установить соотношение выраженного и подразумеваемого смысла в высказывании и тексте и влияние контекста на понимание оригинального источника.

Поэтому, чтобы правильно употреблять слова в речи, недостаточно знать их значение, необходимо учитывать особенности лексической сочетаемости слов. Правильный выбор слова при переводе является одной из сложных задач перевода. Природа слова многогранна. Картина окружающего нас мира не просто отражается в языке, она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речеупотребления [5, с. 477]. Трудности при переводе наиболее явно проявляются в лексике, так как именно эта часть языка связывает коммуникантов с окружающей действительностью.

Чтобы правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, нужны определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом источнике. Каждое слово в языке тесно связано с определённым предметом или явлением окружающего мира. При переводе важно знать не только собственно значение слова, но и как можно больше о том, что стоит за словом, о предмете – понятии, о его функциях в том мире, где данный язык используется в качестве вербального средства общения [2, с.167].

Это проблемы лексической сочетаемости слов при переводе [3, с.192]. Построение предложений в процессе речи подчиняется сложной системе традиций, определяющих выбор слов и их взаимное расположение. Для точной передачи информации необходимо соблюдение этих традиций. Если предложение кажется читателю или слушателю неестественным, это может быть вызвано нарушением правил лексической сочетаемости. Однако причина может лежать в противоречии самого смысла предложения культурным традициям народа.

Вот некоторые примеры различного восприятия одной и той же ситуации в разных странах: «О человеке на Руси, склонном проявлять излишнее старание там, где это не требуется, говорят, что он «собирается в Тулу со своим самоваром». Французы со свойственным им легким юмором выражают эту мысль словами «зажечь факел, чтобы увидеть солнце». Но, пожалуй, эффектнее всех говорят об этом индонезийцы: «Греби вниз по течению, и над тобой будут

смеяться крокодилы» [4, с.159]. Кстати, надо заметить, что на экваторе смеются крокодилы, в то время как в наших широтах это делают куры («На смех курам»). Предложение, безупречное и с точки зрения грамматики, и с точки зрения лексической сочетаемости, может вызывать недоумение у представителя инофонной культуры.

Языки как коды передачи информации могут лишь частично соответствовать друг другу, но не совпадать. Огромную роль здесь играет культурологический аспект при переводе. Язык является носителем культуры. Перевод с языка одной цивилизации на язык другой не может быть адекватен из-за различия понятийных систем.

Для изучения вопросов лексической сочетаемости является важным понятие диапазона сочетаемости. Каждое слово в языке имеет свой резерв сочетаемости. Иными словами, оно «дружит» и сочетается с одними словами и «не дружит» [4, с. 91] и, соответственно, не сочетается с другими. Почему победу можно только одержать, а поражение – потерпеть, почему роль по-русски можно играть, значение – иметь, а выводы, комплименты – делать? [6, с. 211]. Почему английский глагол *to pay*, означающий «платить» полагается сочетать с такими несочетаемыми, с точки зрения русского языка, словами, как *attention* внимание. Почему русские сочетания крепкий чай, сильный дождь по-английски и по-немецки звучат как «сильный чай» (*strong tea*), (*starker Tee*), «тяжелый дождь» (*heavy rain*), (*es regnet stark*).. А вот выражение «молчащий цвет», наоборот, нарушает правила сочетаемости для своих компонентов, т. к. значение слова «цвет» [7, с. 276] не позволяет ему сочетаться со словом, означающим «не издающий звуков» (несмотря даже на то, что в определенных видах текстов допустима метафора «кричащий цвет»). Несовместимость этих слов обусловлена тем, что их лексические значения практически не пересекаются.

Если эквивалентность слова выбрана переводчиком не верно, и он не учёл особенности функционирования данного слова в чужой речи, коммуниканты могут не понять друг друга. Грамматические или фонетические ошибки в речи свидетельствуют лишь о том, что человек недостаточно хорошо владеет иностранным языком. В свою очередь, социопрагматические ошибки вызывают определенные чувства и эмоции у коммуникантов (удивление, возмущение, негодование, недоверие).

Так, например, в немецком языке не уместно употребление слова «*teuer*» дорогой в сочетании «дорогой гость», нужно говорить «*Lieber Gast*», но «*teueres Auto*» звучит вполне уместно «машина дорого стоит», или «*Das war ein teurerer Spass!*» – «Эта шутка дорого обошлась!».

Каждое слово в языке имеет свою лексико-фразеологическую сочетаемость, или валентность. Она национальна, потому что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика эта становится очевидной только при сопоставлении языков, подобно тому, как родная культура выявляется при столкновении с чужой.

Фоновая информация постоянно расширяется в связи со все растущими контактами между народами и их культурами. Распространение фоновой информации происходит через перевод, где для изображения фона действия важную роль играют детали материального и общественного быта, характер общения людей друг с другом.

Например, выражение «зеленые глаза» по-русски звучит поэтично, романтично, вызывает воспоминания о русалочьих глазах из сказок и былин. Немецкое же словосочетание «*grüne Augen*» содержит негативные коннотации.

Когда происходит нарушение границ этого диапазона, возникает конфликт между отдельными лексическими единицами и предложение начинает казаться неестественным или бессмысленным. Подобное произошло с выражением «Находиться не в своей тарелке». Переводчиком было неверно переведено выражение: «Сидеть не в своём седле», где он перевёл слово «седло» *selle* как «тарелка» *assiette*, поэтому в России говорят о человеке, оказавшемся в неприглядной ситуации, что он находится не в своей тарелке.

Выход за пределы диапазона сочетаемости является довольно распространенной ошибкой. Например, когда кто-то, плохо знающий немецкий язык, восклицает: «Какая вкусная музыка!», – он, имея в виду значение «изысканная музыка», тем самым недопустимо расширяет диапазон сочетаемости.

таемости слова «вкусный», в действительности включающий в себя только пищу, напитки, например, «leckeres Broetchen» (вкусная булочка). Каждое слово обладает своим неповторимым диапазоном сочетаемости, уникальным как по качеству включаемых лексических единиц, так и по их количеству. Некоторые слова могут сочетаться только с одним лексическим классом слов или даже с одним конкретным словом (например, «баклуши» [4, с.211]), тогда как другие сочетаются гораздо свободнее. Например, слово «идти» может сочетаться с несколькими лексическими классами: люди, животные (основное, буквальное значение), осадки (идет дождь), одежда (ей идет это платье), различные процессы, состояния (весна идет) и др., в то время как диапазон сочетаемости глагола «мяукать» намного уже и включает в себя только кошек и (довольно редко) других животных, которые издают звуки, похожие на мяуканье. Глагол «идти» также может образовывать значительное количество сочетаний с предлогами, например, идти в ученики, войти в положение, ходить тузом и т. д. В немецком языке глаголы «gehen» (идти), «geben» (давать) и «machen» обладают таким же широким диапазоном сочетаемости: «Wie geht es?» (Как дела?), «Zur Post gehen» (Идти на почту), «Ein Stueck geben» (Ставить пьесу), Gib ihm! (Задай ему взбучку!).

Чем шире значение слова, тем более широки и расплывчаты границы его диапазона сочетаемости. Родовое понятие, такое как «животное», может сочетаться с большим числом слов (в частности, с глаголами «бежать», «ползти», «летать»), чем слово с более узким значением «собака» (которая может только «бежать»). Точно так же глагол «machen» (делать) в немецком языке обладает гораздо более широкими возможностями сочетаемости «Was machst du?» (Что ты делаешь?), «Was macht deine Arbeit?» (Как дела на работе?), «Was macht deine Dissertation?» (Как продвигается твоя диссертация?), «Geld machen» (Зарабатывать деньги), «Musik machen» (Музыцировать).

Итак, перевод – сложное многогранное понятие, требующее от специалиста не только безупречного знания языка, но и умения различать смысловые, стиливые оттенки письменной или устной речи, знания истории языка и знание самой истории и развития культуры общества. Поэтому необходимо научить будущих специалистов-переводчиков коммуникативно ориентированному владению иностранным языком в профессионально-значимых ситуациях межкультурного делового общения. Изучение стратегий коммуникативного поведения представителей делового иноязычного социума способствует успешному профессиональному сотрудничеству и, следовательно, предполагает наряду с достаточно высоким уровнем владения иностранным языком умение адекватно принимать социокультурное многообразие партнеров по коммуникации.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего, среднего образования РАО, 2001. 224с.
2. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения. 1980. 167с.
3. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М.: Р.Валент, 1999. 192 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
5. Смирнова О. О. Развитие иноязычных коммуникативных умений на факультете журналистики // Лингвистика на исходе 20 века: Тезисы международной конференции. М., МГУ, 1995. С. 477–479.
6. Bertelsmann Stiftung. Interkulturelle Kompetenz – Schluesselkompetenz des 21. Jahrhunderts. Thesenpapier der Bertelsmann Stiftung auf Basis der Interkulturellen-Kompetenz-Modelle von Dr. Daria K. Deardorff. Guetersloh: Bertelsmann Stiftung, 2006. S. 211.
7. Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Schmidt. Leipzig, 1981, s.276.

УДК 81'42:811.111-26

Каменский Михаил Васильевич**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА GATE
КАК СРЕДА АВТОМАТИЗИРОВАННОГО АНАЛИЗА
КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ
ДИСКУРСНЫХ МАРКЕРОВ**

В статье подводятся итоги исследования соответствия универсальной лингвистической программной среды GATE требованиям разработки поисково-аналитического модуля когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров.

Ключевые слова: дискурсные маркеры, когнитивно-функциональные свойства, лингвистическая платформа, среда GATE, автоматизированный анализ.

Kamensky Mikhail V.**GATE AS A LINGUISTIC PLATFORM FOR AUTOMATED ANALYSIS OF
COGNITIVE-FUNCTIONAL PROPERTIES
OF DISCOURSE MARKERS**

The article contains the results of the research of applicability of the universal linguistic platform GATE for the development of the specialized module that may be used to perform search and analysis of discourse markers as language units with cognitive functions in discourse.

Key words: discourse markers, cognitive-functional properties, linguistic platform, GATE, automated analysis.

На современном этапе развития лингвистической науки важную роль приобретают исследования в области компьютерной лингвистики, в частности, автоматизированного анализа речетекстовой информации на естественных языках (ЕЯ). Проведение подобных исследований направлено на решение практически значимых задач, таких как идентификация дискурсивной принадлежности текста, индексация текстов в поисковых системах с целью обеспечения автоматизированного поиска релевантной текстовой информации в сети Интернет; автоматизация перевода текстов с одного естественного языка на другой с учетом особенностей коммуникативной ситуации, в том числе социальных факторов и др.

Начиная с 1960-х годов, в процессе работы над созданием современных компьютерных систем, решающих интеллектуальные задачи понимания текстов на естественном языке, выдвигались следующие проблемы:

1) проблема представления знаний (А. Тьюринг 1960; Ю. Д. Апресян 1966; А. К. Жолковский, И. А. Мельчук 1967; Дж. А. Фодор 1975; Р. Г. Пиотровский 1979; К. Дейт 1980; Р. Шенк 1980; П. Уинстон 1980; Т. Виноград 1985; А. Н. Баранов 1987; И. М. Кобозева 1987; Дж. Лакофф, М. Джонсон 1987; Ф. Джонсон-Лэрд 1988; Ю. И. Шемакин 1992; А. Е. Кибрик 1992; Д. Норман 1998 и др.);

2) проблема изучения методов автоматизированного анализа текста и их реализации в проектировании и разработке систем (Г. Сэлтон 1973; Б. Ю. Городецкий 1976; Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская 1977; Д. А. Поспелов 1981; У. Н. Фрэнсис 1983; Ю. Д. Апресян 1988; К. Маккьюин 1989; Н. Н. Леонтьева 1990, 2006; Э. В. Попов, А. Б. Преображенский 1990; Л. Н. Беляева, А. С. Герд, И. И. Убин 1996; И. А. Исаев 1996; А. Н. Баранов 1998; М. Г. Мальковский 2000, К. Селезнев 2003 и др.);

3) проблема исследования обработки ЕЯ-текстов и построения их адекватных моделей (Н. Хомский 1961; И. А. Мельчук 1974; Ч. Филлмор 1981; Дж. Катц 1981; Б. Ю. Городецкий

1983, 1989; А. А. Зализняк 1987; Ж. Г. Мошквич 1989; Д. А. Поспелов 1990; И. П. Панков, В. П. Захаров 1996; А. Вежбицкая 1993, 1999 и др.);

4) проблема машинного перевода (И. П. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг 1964; Р. Якобсон 1985; Дж. Слокум 1989; А. Д. Бакулов, Н. И. Леонтьева 1990; А. Д. Бакулов, Н. И. Леонтьева, З. М. Шаляпина 1990; Ю. Н. Марчук 1983, 2000 и др.).

Исходя из представленного выше обзора можно заключить, что стремительное развитие компьютерных технологий обработки текстов на естественных языках вызвано жизненной необходимостью решения сложных, трудно формализуемых задач, связанных с различными сферами деятельности человека.

В настоящем исследовании для решения задачи анализа когнитивно-функциональных свойств дискурсных маркеров автором разработана поисково-аналитическая система «Когнитивно-функциональный анализатор дискурсных маркеров», основанный на применении регулярных выражений как современной технологии автоматизированного анализа текста.

История появления регулярных выражений относится к середине 1950-х годов и тесно связана с научными работами по теории автоматов и теории формальных языков. Само понятие регулярных выражений впервые было введено С.К. Клини [1, с. 17–27], одним из основоположников теоретической компьютерной науки. В дальнейшем важный вклад в популяризацию регулярных выражений был внесен К. Томпсоном (1968), установившим, что регулярные выражения удобно использовать для задания шаблонов поиска строк в длинных текстах. По существу, регулярное выражение преобразуется в конечный автомат, производящий поиск совпадений строк с заданными шаблонами. С целью построения такого конечного автомата К. Томпсоном был разработан специальный алгоритм, в настоящее время известный как «построение Томпсона».

Широкое распространение разработанной поисковой технологии обусловило тот факт, что регулярные выражения в современной компьютерной науке и прикладной лингвистике стали *de facto* стандартом описания шаблонов поиска текстовой информации. Регулярные выражения получили распространение в программах для обработки текстов в UNIX (утилита-фильтр *grep*, редактор *sed*), проникли в текстовые редакторы, производные от *ed*, а также в язык программирования Perl. В настоящее время большинство программ, работающих с регулярными выражениями, используют один из вариантов нотации К. Томпсона.

К достоинствам применения регулярных выражений с целью автоматизированной идентификации дискурсных маркеров в связном тексте на естественном языке можно отнести сравнительно высокую скорость обработки данных и высокую точность идентификации найденных языковых конструкций в тексте в случае полного соблюдения заданных формальных критериев поиска. Так, если некоторый дискурсный маркер может быть описан исключительно в структурно-синтаксических терминах (например, по особенностям его синтагматики в предложении или по иным позиционным критериям), то для его автоматизированной идентификации достаточно применения одного или нескольких регулярных выражений, описывающих структурно-синтаксические свойства исследуемого дискурсного маркера в некотором минимальном контексте.

Вместе с тем, очевидным представляется тот факт, что только лишь структурно-синтаксический анализ не может стать единственно необходимым и достаточным критерием автоматизированной идентификации значительной доли дискурсных маркеров. Это объясняется тем, что статус такой языковой единицы как дискурсный маркер определяется в большей мере ее когнитивно-функциональными, нежели структурно-синтаксическими свойствами, что осложняет поиск дискурсных маркеров и идентификацию их когнитивных свойств на основе технологии регулярных выражений.

В современной прикладной лингвистике повышенный интерес проявляется к так называемым технологиям нечеткого поиска в тексте [2], лежащим в основе нечетких регулярных выражений. Классический подход к определению нечетких регулярных выражений базируется на постулировании задачи нечеткого поиска текстовой информации следующим образом: «по заданному слову найти в тексте или словаре размера n все слова, совпадающие с этим словом (или начинающиеся с этого слова) с учетом k возможных различий» [2]. Исходя из поставленной таким образом задачи, нечеткие регулярные выражения определяются как расширение ре-

гулярных выражений, позволяющее учесть варианты трансформации исходного поискового шаблона, выходящие за рамки четко заданных формальных критериев. К данного рода трансформациям относятся, в том числе, опечатки в отдельных словах или пропуск слов [3].

Следует отметить, что описанная выше трактовка нечетких регулярных выражений является недостаточно широкой для целей и задач автоматизированного лингвистического анализа текста, в том числе для автоматизации идентификации дискурсных маркеров в связном тексте и определения их когнитивно-функциональных характеристик. Она представляется недостаточной, так как дополняет классическое определение регулярных выражений исключительно способами идентификации пропущенных или дополнительных элементов, но не позволяет учесть лингвистическую специфику исследуемого явления, в том числе грамматические характеристики искомым языковым единиц (например, их частеречную принадлежность), а также их соотнесенность с определенным семантическим полем. Следовательно, данная трактовка не позволяет выйти на грамматический и семантический уровни автоматизированного анализа текста, необходимые для выявления дискурсных маркеров, которые не могут быть описаны исключительно в терминах синтагматики.

Исходя из вышесказанного, нам представляется целесообразным расширить определение нечетких регулярных выражений, используемых в автоматизированном лингвистическом анализе текста, с учетом последних научных достижений в области прикладной лингвистики. Для настоящего исследования считаем целесообразным принять за обобщенное рабочее определение нечетких регулярных выражений, учитывающее специфику их применения в качестве методологической основы автоматизированного анализа когнитивно-функциональных аспектов использования дискурсных маркеров в корпусе текстов на естественном языке, следующее определение.

Нечеткое регулярное выражение – это регулярное выражение, расширенное путем использования в качестве дополнительного значимого критерия поиска некоторой лингвистической (лексико-семантической, грамматической), экстралингвистической (когнитивной, социальной, культурной) и/или количественной информации, позволяющей идентифицировать и дифференцировать определенные текстовые фрагменты, совпадающие по формальным синтаксическим признакам и различающиеся по иным основаниям, как принципиально различные.

Из этого следует, что автоматизированный когнитивно-функциональный анализ дискурсных маркеров может быть эффективно осуществлен только с применением специализированной программной платформы, реализующей как полнофункциональную возможность поиска текстовой информации по регулярным выражениям, так и возможность учета ряда дополнительных лингвистических, экстралингвистических и количественных параметров.

Так, многофункциональная лингвистическая аналитическая среда General Architecture for Text Engineering (GATE), предназначенная для массовой обработки корпусной текстовой информации, включает в основной установочный пакет набор алгоритмических модулей, позволяющих с высокой точностью осуществлять выявление ключевых грамматических параметров слов и их сочетаний в тексте.

Технология Java Annotation Patterns Engine (JAPE), являющаяся неотъемлемым компонентом GATE, основана на применении регулярных выражений для описания текстовых блоков, подлежащих идентификации и аннотированию, однако шаблонные описания поисковых образцов на основе регулярных выражений могут быть расширены за счет лингвистической информации, получаемой на предварительном этапе автоматизированного анализа текстов, входящих в исследуемый корпус. В частности, автоматизированный анализатор ANNIE, также входящий в установочный комплект GATE, способен проводить предварительный лексико-семантический и синтаксический разбор текстов, отмечая частеречную принадлежность лексем, их семантическую принадлежность к определенным лексическим полям и т. п. [4].

В силу вышеназванных причин в нашем исследовании в качестве программной платформы, служащей основой реализации авторского алгоритмического модуля когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров, выбрана и применена многофункциональная лингвистическая аналитическая среда GATE. Разработка на ее основе нечетких регулярных выражений потребовала применения диалекта языка регулярных выражений, используемого в языке программирования Java. Данная специфика реализации алгоритма объясняется тем, что

названный язык программирования лежит в основе как непосредственно платформы GATE, так и специализированных средств ее модульного расширения.

Как отмечалось выше, регулярные выражения, используемые для поиска и анализа дискурсных маркеров в связном тексте, являются нечеткими и, как следствие, предполагают анализ как собственно структурно-синтаксических конструкций, так и дополнительной лексико-семантической, морфологической, а также экстралингвистической и количественной информации об анализируемом тексте. В связи с этим целесообразность выбора лингвистической аналитической среды GATE и лежащего в ее основе диалекта регулярных выражений продиктована двумя критериями: 1) функциональными возможностями механизма поиска текстовой информации по структурно-синтаксическим основаниям с применением регулярных выражений на основе диалекта Java; 2) потенциалом алгоритмического расширения регулярных выражений с применением специализированных лингвистических, экстралингвистических и количественных метаданных о тексте.

Соответствие лингвистической платформы первому критерию свидетельствует о наличии полнофункциональной аналитической основы идентификации лексем и их сочетаний по формальным структурно-синтаксическим критериям, в то время как ее соответствие второму критерию доказывает применимость платформы для эффективной разработки нечетких регулярных выражений когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров.

Исследование функциональных возможностей механизма поиска текстовых данных с применением регулярных выражений, описывающих позиционные структурно-синтаксические характеристики дискурсных маркеров в тексте, позволило прийти к следующему выводу: диалект языка регулярных выражений Java, лежащий в основе лингвистической аналитической платформы GATE, обладает полным набором функциональных возможностей, необходимых для идентификации структурно-синтаксических параметров дискурсных маркеров в тексте.

Итак, изучение потенциала алгоритмического расширения регулярных выражений GATE с применением специализированных лингвистических, экстралингвистических и количественных метаданных о тексте показало, что отмеченная выше технология аннотирования текста с применением лингвистических алгоритмов JARE, являющаяся неотъемлемым компонентом среды GATE, предоставляет необходимый и достаточный функциональный минимум для разработки нечетких регулярных выражений. Разрабатываемые на основе данной технологии поисковые выражения позволяют учесть метаданные о лингвистических, экстралингвистических и количественных характеристиках текстов, в том числе устанавливаемых методом автоматизированного анализа с применением аналитических ресурсов GATE. Данные ресурсы являются важными для автоматизации идентификации дискурсных маркеров и их когнитивно-функциональных характеристик. Их значимость объясняется тем, что идентификация в тексте полифункциональных дискурсных маркеров, принадлежащих нескольким функциональным слотам с различающимися иллокутивным потенциалом и когнитивной нагрузкой, значительно затруднена и в некоторых случаях невозможна при использовании традиционных регулярных выражений. Вместе с тем, она становится выполнимой с применением лингвистической, экстралингвистической и количественной информации о контексте, внедряемой в состав нечетких регулярных выражений.

Следовательно, универсальная лингвистическая аналитическая среда GATE может служить платформой для разработки поисково-аналитической среды когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров.

Литература

1. Клини С. К. Представление событий в нервных сетях и конечных автоматах // Сб. «Автоматы». М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 17–27.
2. Нечёткий поиск в тексте и словаре [Электронный ресурс]. URL: <http://habrahabr.ru/post/114997/> (дата обращения: 02.09.2013).
3. Расширенные регулярные выражения – поиск в строках [Электронный ресурс]. URL: http://www.solarix.ru/for_developers/api/regex.html (дата обращения: 02.09.2013).
4. GATE: General Architecture for Text Engineering [Электронный ресурс]. URL: <http://gate.ac.uk> (дата обращения: 02.09.2013).

УДК 811 – 81'44

Касьяненко Людмила Сергеевна, Митрофаненко Людмила Макаровна
**СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Данная статья посвящена рассмотрению в лингводидактическом ракурсе специфику преподавания иностранного языка и определению значимости межкультурного подхода в процессе обучения в неязыковом вузе.

Ключевые слова: лингводидактика, язык и культура, межкультурный подход, культууроориентированные подходы.

Kasyanenko Ludmila S., Mitrofanenko Lyudmila M.

**SPECIFICITY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING
IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**

This article is devoted to consideration in a linguodidactic perspective, specific of teaching a foreign language and determine significance of an intercultural approach in the process of learning in non-linguistic university.

Key words: linguodidactic, language and culture, intercultural approach, culture-oriented approaches.

В условиях стремительного вхождения России в единое образовательное пространство в процессе общеевропейской интеграции, подписание Болонской декларации обуславливают появление качественно иной образовательной ситуации в связи с объективной потребностью общества в специалистах со знанием иностранного языка (ИЯ) в образовательных целях. Для удовлетворения этой насущной потребности российского общества в неязыковых вузах стали перестраивать преподавание иностранных языков, взяв за основу тезис о том, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [7, с. 225–263].

Благодаря исследованиям в области лингводидактике (О. С. Ахманова, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, и др.) и социальной психологии (Г. М. Андреева, И. Н. Богомолова, Б. Я. Парыгин, Л. А. Петровская,) стало очевидно, что для осуществления коммуникации на иностранном языке необходимо не только умение владеть языковым материалом, но и знать специфические понятия, свойственные той или иной человеческой общности, владеть внеязыковыми знаниями, связанными с культурой и обычаями этой общности людей. «Незнание внеязыкового материала является препятствием в процессе общения и вызывает непонимание из-за «частичного расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире» [6, с. 10–14]. Именно поэтому «включение в программу обучения иностранным языкам культурологических информации связано не со стремлением придать учебному процессу занимательность, а с внутренней необходимостью самого процесса обучения» [3, с.13]. Стоит отметить, что проблема интеграции компонентов культуры в обучение иностранному языку, в том числе в условиях подготовки студентов не филологов, давно обращает на себя внимание ученых. Рассмотрение данного вопроса позволяет установить, что попытки в исследовании лингводидактической роли культуры предпринимались представителями различных методических направлений (с конца XIX в. – до 70-х гг. XX в.), а за рубежом (О. Есперсен, В. Фиетор, Б. Еггерт, М. Суит, Ш. Швейцер, Э. Симоно, Э. Отто, Ч. Фриз, Р. Ладло, Ф. Клоссе, А. Болен, Ж. Ласера), так и в России (К. Д. Ушинский, Р. Орбинский, Э. Лямбек, Г. Книппер, Э. А. Фехнер, К. А. Ганшина, Е. И. Тихеева, А. С. Шкляева). При этом большинство зарубежных исследовате-

лей акцентировали свое внимание на необходимость включать элементы культуры не только в цель, но и в содержание обучения учебному предмету «иностранный язык», в то время как отечественные исследователи усматривали общеобразовательное значение иностранных языков в ознакомлении с культурой страны изучаемого языка. Как показывают исторические тенденции интеграции языка, и культуры в процессе преподавания ИЯ не коснулись неязыкового вуза, что обусловлено, по мнению И. Л. Плужник, изучающей вопросы становления и развития высшего профессионального образования в неязыковом вузе, рядом условий. Подготовка специалистов высшей квалификации до 70-х гг. XX в. ограничивалась, как правило, их подготовкой в предметной области будущей специальности, а само образование в неязыковых вузах носило сугубо профессионально-техническую направленность. В обучающие программы того времени включались предметы гуманитарного цикла, в том числе и иностранные языки, но, как подчеркивает ученый, «гуманистические идеалы находились за гранью интереса, а коммуникативные умения, свойственные гуманитарной области знания, не были востребованы» [5, с. 328–335]. Даже начавшаяся в 70-х гг. XX в. активная разработка теории коммуникации не изменила практически ничего, поскольку «коммуникативная деятельность выпускников вуза того времени носила односторонний характер и была ограничена требованиями контакта с представителями исключительно своей страны» [5]. Места диалогу культур в тот период развития методики преподавания иностранных языков в неязыковом вузе практически не было. Главной причиной является то, что на тот момент в языковом образовании не обострились противоречия, которые потребовали бы смены образовательной парадигмы, обусловили бы ориентацию на обучение языку для специальных целей как инструменту диалога культур. Глобальные трансформации, происходящие в мире с конца 90-х гг. XX в., содействовали выработке и становлению новой ступени образования, нацеленной на формирование не «человека ради производства», а «человека среди людей», т. е. личности, которая сможет функционировать в поликультурном мире. Безусловно, это может быть достигнуто при условии «усиления социально-гуманитарной, ценностной ориентированности образования за счет расширения социокультурного контекста» [5]. Появившиеся в тот период теории получили активное развитие в последующие годы, этот процесс продолжается и в наши дни, входя в стадию своего окончательного методологического обоснования.

Анализ языковых процессов, получение новых данных о формах и характере взаимодействия языков представляет огромный интерес, поскольку расширяет границы теоретического и практического знания в этой области, способствует проникновению в лингводидактическую суть феномена билингвизма.

Между тем без знания закономерностей просодической организации естественных единиц коммуникации нельзя надеяться на успешное решение ни проблем лингводидактического уровня, ни вопросов фонетической интерференции, ни задач совершенствования межкультурной компетенции и коммуникации.

Сравнительно недавно началось изучение взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия, проявляющегося в отклонении от речевой нормы неродного языка под влиянием родного. До настоящего времени современное языкознание сохраняет широкий интерес в теоретическом и практическом отношении к заявленной проблематике. Задачами практики диктуется необходимость минимизации акцентогенных черт в речи студентов говорящих на иностранном языке, следование последних правильным интонационным моделям, формирование у них адекватной коммуникативной компетенции и др. Добиться этого невозможно без учета неизбежного влияния просодической системы родного языка, без знания специфических особенностей просодической интерференции, возникающей в ходе этого влияния. Установление проблемных зон в речи студентов с позиции просодической интерференции (ПИ) способствует оптимизации процесса преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, создает предпо-

сылки для решения практических задач в области речевых технологий (а именно задач синтеза и распознавания интерферированной речи), обогащает научную мысль в области региональной вариантологии.

Рассматриваемое направление лингводидактических исследований родилось в конце XIX в. из теории языковых контактов, основные положения которой прослеживаются в работах Г. Шухардта (1950), Н.С. Трубецкого (1960), Е.Д. Поливанова (1968), А. Мартине (1972), У. Вайнрайха (1972), Э. Хаугена (1972), В.Ю. Розенцвейга (1972), Л.В. Щербы (1974) и др. В частности, существование просодической интерференции (ПИ) упоминается в трудах У. Вайнрайха, стремившегося раскрыть теоретическое значение интерференции с учетом психологического и собственно лингвистического аспектов. Он рассматривал ПИ как результат слияния систем языка S – источника интерференции (source of the interference) и языка C – объекта интерференции (target [cible] of the interference). Механизм ПИ в его понимании сводится к следующему: «знаки языка C или элементы его систем выражения или содержания благодаря субстанциальному или частичному формальному сходству отождествляются со знаками или элементами языка S. Затем двуязычный носитель подвергает таким образом отождествленные элементы дальнейшему действию норм языка S, которые могут в значительной мере расходиться с нормами языка C» [1, с. 25–60]. Фиксация ПИ свидетельствует о том, что билингв владеет менее, чем двумя, хотя и более, чем одной системой языка (Хауген 1972). При этом контактирующие структуры языков не могут сохраняться неизменными, но будут влиять друг на друга в определенной степени [4, с. 81–93]. Интегративная интерферентная база, созданная в процессе ПИ, частично совмещает факты родного и иностранного языков, при этом учитывает как внешнюю, так и внутреннюю сторону языковых знаков и их соотношений. Основная проблематика при обучении иностранному языку студентов, заключается в вопросе уточнения лингвистических процессов, сопровождающих ошибочное восприятие речи слушающего и наблюдателя с последующей вербализацией неправильно усвоенных просодических образцов, а также выяснение причины того, почему одни черты «заимствуются» в акте коммуникации на неродном языке, а другие – нет, ведь влияние «чужого» языка – не только внешний фактор, но и «нечто, связанное с внутренним имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его существования» [2, с. 94–111]. А значит, одной из центральных проблем преподавания иностранного языка является определение степени и характера проникновения элементов, а также причинно-следственные отношения, возникающие как результат уступки интерферированного языка под давлением интерферирующего. Точкой отсчета на этом пути должен стать адекватный изолированный анализ контактирующих языков. Именно вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры стал краеугольным в переосмыслении подходов к обучению ИЯ вообще и обучению им в неязыковом вузе в частности. Лингвострановедческий подход явился первой попыткой интегрированного изучения языка и культуры в отечественной методике. Основателями данного подхода Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым была развита и обоснована мысль о необходимости одновременного изучения национальной культуры народа и его языка. Обращение к проблеме со изучения языка и культуры не случайно. Это связано с тем, что существовавшая до 70-х гг. XX в. страноведческая концепция «не оправдалась ни теоретически, ни практически» [9, с. 432–475], в отличие от лингводидактики, «позволяющей сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью» [8, с. 22–27]

Чтобы обучающиеся воспринимали язык как средство коммуникативного взаимодействия, необходимо не только знакомить их со страноведческой тематикой (что, разумеется, важно), но искать способы включения их в активный диалог культур, чтобы они на практике могли познавать особенности функционирования языка в новой для них культуре.

Основная идея подобного подхода к обучению иностранному языку, заключается в том, чтобы перенести интерференцию с различного вида речевых упражнений на активную мыслительную деятельность обучающихся, требующую для своего оформления владения определенными языковыми средствами. Вот почему мы обратились к активным методам обучения на этапе творческого применения языкового материала. Только активные методы могут позволить решить эту лингводидактическую задачу и соответственно превратить занятия иностранного языка в дискуссионный, исследовательский клуб, в котором решаются действительно интересные, практически значимые и доступные обучающимся проблемы с учетом особенностей культуры страны и по возможности на основе межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике, Вып. 6. М.: Прогресс, 1972.
2. Гавранек Б. К проблеме смешения языков // Новое в лингвистике, Вып. 6. М.: Прогресс, 1972.
3. Колшанский Г. Лингвокоммуникативные аспекты речевого обращения // Иностраный язык в школе, Вып. 1. М.: Прогресс, 1975.
4. Мартин А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972.
5. Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003.
6. Райхштайн А. Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностран. яз. в шк. Вып. 5. М.: Прогресс, 1986. С. 10–14.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000.
8. Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностран. яз. в шк. Вып. 6. М.: Прогресс, 1996.
9. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка (языковой вуз): дис. ... д-ра пед. наук. М.: 1994. С. 432–475.
10. Byram M. Investigation Cultural Studies in Foreign Language Teaching. Clevedon: Multilingual Matters ltd., 1991.
11. Flege, J.E., Hillenbrand, J. Limits on phonetic accuracy in foreign language speech production // J. Acoust. Soc. Am. N.Y., 1984.

УДК 801.22

Корсунова Ирина Николаевна

ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СОБСТВЕННО ДЕЙКТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

В статье рассматриваются семантические особенности абстрактных имен существительных с собственно дейктическим значением как группы лексем, обладающих свойством широкозначности. На примере данной группы существительных анализируются основные критерии широкозначности: предельная обобщенность значения, широкая частотность употребления и десемантизация.

Ключевые слова: широкозначность, абстрактное имя существительное, дейксис, семантическая неопределенность.

Korsunova Irina N.

EURYSEMY AS THE PROPERTY OF ABSTRACT NOUNS WITH THE DEIXIS VALUE ACTUALLY

The article discusses semantic peculiarities of abstract nouns with the deixis value actually characterised by both group eurysemy tokens. On the example of the groups of nouns analyses the main criteria of eurysemy: limiting the generality of values, relatively high frequency of usage and loss of meaning.

Key words: eurysemy, abstract noun, deixis, semantic uncertainty.

Известно, что многие лексемы обладают более чем одним лексическим значением. Неоднозначность – важное свойство слов, которое является результатом развития языка, свидетельством того, насколько богат и гибок язык. В первую очередь неоднозначность обусловлена особенностью нашего мышления, которая отражена в обобщающем характере слов, их способности соотноситься с классами явлений, выделяемыми по разным критериям, а не только с единичными предметами.

Эта способность слова соотноситься с классами явлений зачастую связана с тем фактом, что порой трудно, а отчасти и нецелесообразно, отыскать название для каждого предмета, поскольку человеческая память не в состоянии вобрать в себя бесконечное множество названий. По этому поводу академик В. В. Виноградов заметил: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [2].

Одним из специфических аспектов неоднозначности является широкозначность. В настоящее время не существует единой точки зрения на природу широкозначности. Большинство ученых склоняются к той точке зрения, что широкозначное слово обладает единым, инвариантным, предельно обобщенным значением (Е. И. Малютина, Е. А. Евдокимова, О. Е. Федосова).

П. С. Федюк под широкозначностью понимает «разновидность лексической семантики высокой степени обобщения, объединяющую слова с широкой понятийной основой» [6, с. 200].

В наиболее общем смысле термином «широкозначность» принято обозначать «наличие у слова одного, предельно обобщенного значения, которое конкретизируется в каждом случае в силу того, что слово относится или к предмету, или к явлению, или к процессу, или к результатам какой-либо деятельности. Это предполагает наличие бесконечного множества ситуативных вариантов употребления слова, реализуемых в речи за счет сужения обозначаемого словом понятия. Таким образом, своеобразная семантическая природа этих слов позволяет им служить наименованиями

совершенно разнотипных и разнопорядковых предметов мысли, лишенных какой-либо связи между собой» [1, с. 2]. Семантика таких единиц характеризуется «семантической неопределенностью» [5, с. 185], которая в каждом конкретном случае снимается контекстом.

Свойством широкозначности обладает такой класс лексем современного русского языка, как абстрактные имена существительные со значением собственно дейктическим: *вещь, вопрос, дело, объект, понятие, предмет, статья, штука, штуковина* + аналогичные имена существительные, образованные по модели *корень слова + суффикс -овин(а)* (*ерундовина, хреновина, фиговина, ситувина*) [3].

Названный класс слов представляет собой высокоабстрактные субстантивные лексемы русского языка, соотносимые с понятиями, отражающими базовые параметры существования или деятельности. Причем данные существительные не закреплены за единственной категорией, их значения могут расходиться достаточно широко, репрезентируя разные категории, например, категорию предметности и категорию событийности.

1) Репрезентация категории предметности. *Наука – штука серьезная. Она нужна и в медицине, и в экономике, и в образовании, и в космосе* [Беседа в Самаре (2001)]; *Под старой балкой хранилась у него одна штуковина...* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].

В приведенных высказываниях очевидным свойством, выражаемым существительными *штука* и *штуковина*, является предметность.

2) Репрезентация категории событийности. *Тут, слышь-ко, ещё такая штука вышла* [П. Бажов. Демидовские кафтаны (1939)]; *Там что то хрюкнуло, потом пискнуло, потом захрипело. Мы хотели починить, Жан даже сбегал за молотком, но увы... Штуковина умерла!* [А. Белянин. Свирепый ландграф (1999)].

В этих примерах очевидно, что на первое место в содержании указанных имен существительных выступает значение событийности.

Анализ показывает, что в целом абстрактные имена существительные с собственно дейктическим значением обладают категориально-обобщенным значением. Широкое значение данных слов соотносится с понятием, отражающим какой-либо из базовых параметров существования или деятельности.

Обладая способностью обозначать самые разнообразные предметы и явления окружающего мира, вышеперечисленные имена существительные характеризуются относительно высокой частотностью употреблений, о чем свидетельствует не только общее количество их вхождений (по данным Национального корпуса русского языка), число которых постоянно пополняется, но и тот факт, что они охватывают самые различные сферы употребления: от бытовой речи до произведений художественной литературы: *Вообще, не нужно делать из парня центр вселенной и объект всеобщего сочувствия* [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)]; *– Вы по-немецки малость петрите, тут на циферблатике какая-то фиговина поихнему написана* [Ю. Бондарев. Берег (1975)]; *Петька сразу ушел в прихожую учить уроки, а дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил: – Хреновина. Так не бывает* [В. Шукшин. Критики (1964)] и др.

Характеризуя широкозначные имена, Д. Н. Шмелев отмечает, что «они требуют какой-то «точки отчета», которая меняется в зависимости от определяемых соответствующими словами явлений, а также в связи с субъективной точкой зрения говорящего» [7]. Чтобы стать коммуникативно эффективными, подобно широкозначным именам, имена существительные со значением собственно дейктическим в речевых произведениях должны стать определенными, т. е. получить лексическую реализацию.

Обобщенно-абстрактный характер значения и то обстоятельство, что в сигнификате абстрактных имен существительных со значением собственно дейктическим как широкозначных лексем закреплено минимальное количество дифференциальных признаков, способствуют тому, что подобные существительные могут соотноситься с широким, практически неограниченным кругом денотатов. Причем, не внося в контекст своего значения, имена существительные со значением собственно дейктическим сами «подпитываются» из этого контекста. Приведем, например, случаи

лексической реализации существительного *вещь*: *Мы с мужем повздыхали, побряхтели: всё-таки компьютер – вещь [в зн. предмет] для нас недешевая... [Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004]; Вообще это очень большая вещь [в зн. ситуация] в Интернете, что люди не знают этикета и очень некультурно себя ведут [Беседа о юморе в Интернете (2004)]; Все ждали взрыва, а его не было. – Что за хреновинам [в зн. ситуация]? – удивленно протянул Домешек [В. Курочкин. На войне как на войне (1965)]; И я считаю, что это вещь [неотвратимость наказания] [в зн. явление] очень даже положительная [Дискуссия об органах местного самоуправления (2001–2004)]; Я уже слышал такую вещь [в зн. слова], что они просто взяли и поделили эту нефть между собой... [Беседа в Новосибирске (2004)] и т. д. Из примеров очевидно, что указанное имя существительное способно обозначать самый широкий круг денотатов.*

Следует отметить, что данные лексемы могут использоваться для идентификации референта (предмета мысли) на основании:

1) ситуативного контекста: *Но если меня кто-нибудь другой пожалеет или сдуру полюбит, я... не знаю, мне будет тяжело и грустно. Мне хорошо, даже сердце болит – но страшно. Мне страшно! Вот штука-то... – неожиданно тихо и доверчиво закончил Егор [В. Шукшин. Калина красная (1973)]; Завладеть собственностью – это лишь полдела и даже менее того. Не растерять её, а приумножить – вот это дело! [Коллективный. 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)] и др.*

2) фоновых знаний коммуникантов или реципиента: *Я спросил – может быть вот это неравноправие, о котором мы говорим, может быть это вполне нормальная и естественная вещь? [М. Ганнопольский, Е. Лахова. Беседа М. Ганнопольского с Е. Лаховой в прямом эфире «Эха Москвы» (2003)]; Эта штукавина представляет собой гибрид велоэргометра и тренажера «шагающие ступеньки», с добавлением всяких упоров и рукоятей [А. Алексеев. Рынок тренажеров (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.18] и др.*

3) предшествующего или последующего лингвистического контекста: *Двадцать седьмая машина с виду была «жигули» как «жигули», примитивная старая хреновина – дешевый автомобиль для битья [О. Дивов. Выбраковка (1999)]; Хорошим дополнением станет магнитная застежка. Это такая фиговина, в которую засовывается мел и которая цепляется на карман [О. Чебенева. Бильярд: стань отцом (2003) // «Хулиган», 2003.12.15] и др.*

В первом и втором случаях употребление имен существительных с собственно дейктическим значением носит незаместительный, а в третьем – заместительный характер.

Используясь в заместительной функции, эти имена существительные взаимодействуют с отрезком предыдущего (антецедент) или последующего (постцедент) текста, и только через него – с референтом.

Абстрактные имена существительные с собственно дейктическим значением в составе высказывания способствуют выражению коммуникативной интенции говорящего, а также осуществлению прогнозирования предшествующих или последующих элементов в речевой цепи, что лежит в основе принципа семантической предсказуемости: *И тут снова в дверь барабнят. Ну что за хреновина! Я дверь распахиваю – а в коридоре темнотища... [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)]; Вот ведь какая ерундовина получается, господин доктор. Кто лучше вас мог знать о содержимом саквояжа, о склянке с эфиром и о том, при каких обстоятельствах эта дрянь взрывается? [Б. Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000] и т. д.*

Учитывая тот факт, что имена существительные со значением собственно дейктическим способны выступать в качестве заместителей, можно говорить об их способности к десемантизации, которая также является одной из характеристик широкозначности.

Вслед за Х.-Дж. Шмидом можем определить данную группу имен существительных как своеобразные «слова-оболочки» [цит. по: 5, с. 186], функционирующие как контейнеры благодаря тому, что в их семантической структуре имеет место нечто вроде «дыры», «отверстия», «впадины», которая при употреблении слова вмещает в себя определенное содержание. Кроме того, «наличие одной или нескольких таких пустот в семантической структуре слова, имеющих способность наполняться

той или иной информацией, составляющей его содержание, является необходимым условием для слова, если оно функционирует в качестве оболочки» [5, с. 186–187]. Обнаружить семантические пустоты можно при обращении к словарной дефиниции исследуемого слова. «Ключами», указывающими на наличие семантических пустот в семантической структуре имен существительных со значением собственно дейктическим, являются, например, местоимения *нечто, некое, что-нибудь, что-либо* и т. п., которые мы встречаем и в словарных толкованиях данных имен. Когда лексема употребляется в контексте, эти пустоты наполняются значением смыслом, в результате имя существительное со значением собственно дейктическим приобретает некую определенность, становится коммуникативно-значимым: *Мне хотелось пойти к нашим.., но Катю манил ресторан, люстры, танцы под оркестр, вся эта ерундовина, которая называется публичным весельем* [Ю. Трифонов. Утоление жажды, 1970]; *Если ты забыла заглянуть в свою поваренную книгу и налила жидкости больше, чем надо, не расстраивайся. Дело это поправимое* [Советы хозяйке // «Даша», № 10, 2004]; *С другой стороны, кино – вещь неуправляемая. Ты же не делаешь всё сам, у тебя артисты играют, оператор снимает, работают художники, костюмеры...* [А. Балабанов: «Я снимаю не для вечности» (2002) // «Культура», 2002.04.01] и др.

Необходимо отметить, что имена существительные с собственно дейктическим значением осуществляют интегрирующую функцию. Само наличие в высказывании и тексте субститутов, интерпретирующихся лишь ссылкой на какой-либо элемент текста, свидетельствует о взаимосвязи субститута и антецедента, и через него – об интеграции высказывания и текста. Особенно ярко интегрирующая функция субститута проявляется в случаях наличия у одного и того же субститута в одном и том же тексте и антецедента, и постцедента одновременно, что способствует связи частей высказывания воедино: *Хорошим дополнением станет магнитная застежка. Это такая фиговина, в которую засовывается мел и которая цепляется на карман. Она сократит твои прогулки вокруг стола в поисках мела на несколько километров* [О. Чебенева. Бильярд: стань отцом (2003) // «Хулиган», 2003.12.15]; И конгрессмена вместе с ним – тоже за коррупцию. В Испании, в Марбелье, вообще всех пересажали. А в Южной Корее руководителя крупнейшей корпорации в наручниках выводят. Это такая штуковина, которая, к сожалению, присуща всем. Но это не значит, что с коррупцией не надо бороться... [Л. Кафтан. Владимир Путин: Я думаю о преемнике с 2000 года // Комсомольская правда, 2006.05.15] и др.

Выполняя текстообразующую функцию, абстрактные имена существительные с собственно дейктическим значением способны отсылать к предшествующей либо последующей информации. Они создают анафорическую либо катафорическую направленность текстовых связей, являются маркерами когерентности текста. Причем антецедент и субститут могут находиться как в контактно (*И тут снова в дверь барабаны. Ну что за хреновина!* [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)], так и в дистантно (*Шило – одно из самых полезных штук в мире. Стоит копейки – столько же, сколько пачка овсянки – но польза!.. Пару раз эта фиговина здорово меня выручала. И вообще, я таскаю его с детства – привык. Когда его нет – я чувствую себя голым...* [О. Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003)]) расположенных предложениях.

Обобщенный характер значения данной группы существительных, частотность их употребления, способность к десемантизации и необходимость лексической реализации дают основание говорить о присущем именам существительным с собственно дейктическим значением свойстве широкозначности, благодаря которому анализируемые лексемы имеют бесконечное множество ситуативных вариантов употребления и служат наименованиями для совершенно разнотипных предметов мысли.

Литература

1. Авдеев А. А. Проблемы широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом: на материале имен существительных английского, русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. 613 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-72.htm>
3. Корсунова И. Н. Семантические особенности абстрактных имен существительных с собственно дейктическим значением, образованных по словообразовательной модели корень + суффикс -овина // Вестник Северо-кавказского федерального университета. 2013. № 6.
4. Плесская Е. И. Проблема соотношения категорий эврисемии и полисемии в лингвистике (на примере английского языка) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. науч. конф. (Москва, май 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 81–84. URL: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/27/2039/>
5. Семина И. А. Широкозначность и семантическая определенность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1(3). С. 185–190.
6. Федюк П. С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 1. С. 200–205.
7. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 243 с.

УДК 811.11:112

Морозова Ирина Николаевна

ЭКТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ФОРМ СКАЗУЕМОГО ПРИ СОГЛАСОВАНИИ С ОДНОРОДНЫМИ ПОДЛЕЖАЩИМИ

*Статья посвящена экспериментальному исследованию согласования сказуемого с однородными подлежащими в структурах с *either...or...* / *neither...nor...* в английском языке. Основное внимание уделяется экстралингвистическому аспекту варьирования форм предиката.*

*Ключевые слова: согласование, варьирование, однородные подлежащие, союзы *either...or...* / *neither...nor...**

Morozova Irina N.

EXTRALINGUISTIC DETERMINATION OF SUBJECT-PREDICATE AGREEMENT

*The article is devoted to experimental study of subject-predicate agreement in structures with *either...or...* / *neither...nor...* conjunctions in the English language. Great attention is paid to extralinguistic factors of predicate alternation.*

*Key words: subject-predicate agreement, variation, *either...or...* / *neither...nor...**

То, что речь социально, территориально и профессионально детерминирована, было замечено давно. К числу экстралингвистических факторов, обуславливающих специфику субъективного языкового выражения, современная наука о языке добавила возраст, характер, темперамент, гендер ... и даже гормональные особенности мужчин и женщин [1, с. 62]. Следствием воздействия многочисленных экстралингвистических факторов являются различия в речевых стилях поведения коммуникантов, которые заключаются в предпочтении одних языковых средств другим.

Структурно-семантические особенности речи на синтаксическом уровне являются одной из областей, в которой находят отражение разнообразные экстралингвистические детерминанты. Для того чтобы выяснить, как распределены среди носителей современного английского языка варианты согласования сказуемого с однородными подлежащими в структурах с союзами *either...or* / *neither...nor*, нами проведено специальное исследование. Для данного исследования представляется важным тот факт, что реализуя выбор формы согласования через определенным образом структу-

рированное предложение, носитель языка косвенно указывает на принадлежность к определенной лингвокультуре, отражает в этих конструкциях особенности понимания мира и членения действительности, а также национальные, психофизиологические и социальные характеристики.

Основным инструментом исследования явилась комплексная психолингвистическая экспериментальная методика, позволившая выявить зависимость функционирования допустимых нормой синтаксических вариантов от национально-территориальной, возрастной, профессиональной и гендерной характеристик говорящих. Именно эксперимент, по замечанию Л. А. Щербы, «способен приоткрыть структуру речевой деятельности человека, проникнуть глубже в понимание человеческого сознания, реконструировать фрагменты картины мира носителей языка» [2, с. 32]. В нашем исследовании психолингвистический эксперимент поможет обратиться к специфике ментальных структур человека с учетом разных экстралингвистических факторов, выявить различные связи языковых единиц в процессах понимания и хранения в языковом сознании, а также характер их согласования в процессе речепорождения.

В ходе эксперимента решались следующие задачи:

- 1) установить степень рекуррентности рассматриваемых синтаксических вариантов в экспериментальных группах наивных носителей языка;
- 2) определить интенсивность влияния экстралингвистических факторов с учетом психофизиологического и социального статуса респондентов;
- 3) проанализировать предпочтения в выборе формы сказуемого респондентами носителями британского и американского вариантов английского языка;
- 4) рассмотреть специфику функционирования синтаксических вариантов с учетом гендерного фактора;
- 5) определить частотность использования рассматриваемых структур в речи.

Респондентами явились носители британского и американского вариантов английского языка, общее число которых составило 94 человека: 44 человека – носители британского варианта английского языка (24 мужчин и 20 женщин) и 50 человек – носителей американского варианта английского языка (24 мужчин и 26 женщин).

Эксперимент проводился в разных возрастных группах: молодежная – 20–35 лет, средняя – 35–50 лет, старшая – 50 и более лет.

С учетом социально-профессионального статуса испытуемые были разбиты на три группы: 1) люди, имеющие или получающие гуманитарное образование; 2) люди, имеющие или получающие техническое образование; 3) люди, имеющие среднее образование, или не имеющие образования.

Методика эксперимента включала два этапа, сочетающие элементы письменного и устного опроса.

Для выявления степени рекуррентности существующих синтаксических вариантов испытуемым было предложено выполнить следующее задание: «*Read the sentences. Use the form of the verb to agree with the subject of the sentence. Do not spend much time on reflection*». (Прочитайте предложения, выберите форму сказуемого, согласующуюся с подлежащим. Не тратьте много времени на раздумье). Формулируя задание, мы не стали употреблять слово «правильный», чтобы не оказывать давление на испытуемых. Список предложений формировался с учетом семантико-грамматических особенностей компонентов группы подлежащего. В список не были включены случаи, когда ближайший к сказуемому компонент группы подлежащего выражен существительным (местоимением) множественного числа. В качестве опций предлагались формы потенциально способные быть вариантными формами согласования:

1. *Whelan also denies that either he or his family ... any payments.*
1. *have made*, 2. *has made*.
2. *But it is clear that neither they nor anyone else ... to talk about the choices they all have.*
1. *want*, 2. *want*.
3. *But no evidence exists that either the notes or the text at the highest levels and finalised by Hull himself.*
1. *were discussed*, 2. *was discussed*.
4. *Neither Bush nor Blair the issue in a realistic manner.*

1. *addresses, 2. Address.*
5. *Neither I nor my clerk to you now.*
 1. *are talking, 2. is talking.*
6. *He'll be pleased if either they or I hurt.*
 1. *are, 2. am.*
7. *Neither we nor she ... ever of him except in the company of casual acquaintances.*
 1. *have spoken, 2. has spoken.*
8. *If either I or Karen any idea that it isn't possible for someone to drown so quickly, we would no doubt throw caution to the wind and dive in.*
 1. *has, 2. have.*
9. *Neither the watch nor the money to him.*
 1. *belongs, 2. belong.*
10. *In terms of location, either Chester or Stockport preferable.*
 1. *are, 2. is.*
11. *Investigators fear that either the passengers or the pilot inside the cockpit of the burning wreckage.*
 1. *were trapped, 2. was trapped.*
12. *Neither Frank nor Peter nor Sally anything to say about the programme.*
 1. *have, 2. has.*
13. *I suppose either my brothers or Matt or my nephew ... to visit us next weekend.*
 1. *is going, 2. are going.*

Всего было рассмотрено около 130 аналогичных примеров. Полученные в ходе эксперимента результаты подвергались статистической обработке, количественному и качественному анализу. Испытуемые не просто заполняли опросники, но и активно участвовали в эксперименте, косвенно указывая на типичное или нетипичное для их языкового поведения.

В процессе заполнения опросника респондентами отмечались трудности при выборе формы сказуемого в некоторых предложениях. Очевидно, они требовали больше когнитивных усилий. В частности, трудности возникали при выборе формы сказуемого при ближайшем к нему подлежащем, выраженном собирательным существительным, или при подлежащих, выраженных существительными разной числовой принадлежности.

Результаты количественного анализа данных, полученных в ходе первого этапа эксперимента, сведены в таблицу:

Количественные показатели выбора формы множественного числа сказуемого при согласовании с однородными подлежащими в структурах с either...or /neither...nor респондентами экспериментальных групп, являющимися носителями британского (ВЕ) и американского (АЕ) вариантов английского языка

СПС*	ВЕ		АЕ		ВЕ		АЕ		ВЕ		АЕ	
	1				2				3			
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Мг*	35%	30%	40%	40%	40%	30%	40%	35%	45%	45%	50%	50%
Срг*	30%	22%	35%	30%	30%	25%	40%	30%	45%	40%	50%	45%
Стг*	25%	15%	25%	20%	30%	22%	35%	25%	40%	35%	45%	40%

*СПС – социально-профессиональный статус испытуемых: 1) люди, имеющие или получающие гуманитарное образование; 2) люди, имеющие или получающие техническое образование; 3) люди, имеющие среднее образование, или не имеющие образования; м – мужчины, ж – женщины; Мг – молодежная возрастная группа – 20–35 лет, Срг – средняя возрастная группа – 35–50 лет, Стг – старшая возрастная группа – 50 и более лет.

В целом полученные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что распределение рассматриваемых синтаксических вариантов в среде наивных носителей английского языка зависит от национально-территориальной, возрастной, профессиональной и гендерной характеристик говорящих. То есть, в большинстве случаев социальным и физиологическим различиям соот-

ветствуют количественные различия в распределении вариантов. При этом разные признаки (возраст, профессия, гендер и национально-территориальная характеристика испытуемых) в неодинаковой степени обуславливают это распределение.

Одной из наиболее очевидных является зависимость количественного распределения синтаксических вариантов от социально-профессионального статуса испытуемых. В силу размытости границ социальных слоев в современном обществе мы разбили испытуемых на три, как нам кажется, существенные с лингвистической точки зрения группы: лица гуманитарных профессий, лица технических, естественно-научных и прочих негуманитарных специальностей, и лица, имеющие среднее образование или не имеющее специального образования.

Как видно из таблицы, наиболее рекуррентной модель согласования ОПСмн зафиксирована среди носителей языка, имеющих среднее образование и не имеющих образования вообще, минимальная рекуррентность данной модели наблюдается у респондентов, имеющих гуманитарное образование. Это объясняется, по всей видимости, тем, что речевые навыки людей, работающих на производстве, в торговле, сфере обслуживания, больше подвержены влиянию устной разговорной формы языка; в группах с более высокой речевой культурой влияние традиционной грамматики больше.

Качественная сторона предпочтений форм согласования респондентами гуманитарных профессий довольно контрастна. Превалирующее использование формы единственного числа при согласовании сказуемого в структурах с *either...or* / *neither...nor* характерно для людей, имеющих гуманитарное образование в силу того, что их речевые навыки включают наиболее устоявшиеся, освященные традицией языковые черты; «явления, идущие вразрез с традиционной нормой, получают здесь меньшее распространение» [3, с. 45]. Однако, как показывают результаты эксперимента, различие гуманитариев от всех других профессиональных групп в некоторых случаях проявляется непоследовательно. Так, филологи, люди, которые профессионально связаны с использованием слова, продемонстрировали довольно частотное употребление формы множественного числа при согласовании сказуемого в рассматриваемых структурах, возможно, потому, что чаще используют языковые средства для стилистических целей и более чутко реагируют на новшества.

Можно сказать, что в речевом поведении представителей гуманитарной интеллигенции взаимодействуют две разнонаправленные тенденции: к сохранению традиционных формальных способов согласования и к дифференцированному использованию форм согласования в рассматриваемых структурах.

В целом же, социально-профессиональная обусловленность синтаксических предпочтений представителей экспериментальных групп довольно незначительна. Возможно, полученные в ходе эксперимента данные косвенно указывают на тот факт, что в современном обществе языковые различия, обусловленные неодинаковостью социального статуса говорящих, невелики, и испытывают тенденцию к дальнейшему уменьшению. Этот процесс связан с процессами социального характера: «вертикальной» мобильностью, социальным перемешиванием, доступностью образования и некоторыми другими.

Исследованный нами экспериментальный материал свидетельствует о том, что степень рекуррентности согласовательной модели ОПСмн демонстрирует некоторую дифференциацию с учетом фактора возраста. Частотность употребления формы множественного числа сказуемого при согласовании с однородными подлежащими в структурах с *either...or* / *neither...nor* увеличивается от старшей возрастной группы к младшей. Наименьший показатель зафиксирован в старшей возрастной группе носителей ВЕ (15 %), наибольший – в младшей возрастной группе носителей АЕ (50 %).

Эта тенденция, как нам кажется, объясняется тем, что представители старшего поколения более консервативны в использовании языковых средств, их речевые навыки в большей степени обусловлены влиянием грамматических норм. В этой группе респондентов нами зафиксирован самый высокий процент недовольных наличием вариантов. Основные доводы – за сохранение «старых» норм. Представители младшего поколения, являющиеся в большинстве своем учащимися, подвержены влиянию книжной речи, тем не менее, демонстрируют более высокий процент употребления формы множественного числа сказуемого при согласовании в рассматриваемых структурах, очевидно, в связи с утратой синтаксической нормы четких и строгих границ. Данный факт также может быть

следствием недостаточного владения синтаксическими средствами языка и общим низким уровнем языковой компетенции молодого поколения [4, с.250]. Полученные в ходе эксперимента данные ожидаемы и в целом подтверждают наше предположение о том, что синтаксическая норма в некоторой степени подвержена влиянию фактора времени. За период меньше столетия она сдала свои позиции в области согласования членов предикативной группы. Употребление множественного числа сказуемого «характеризуется регулярностью, обладает высокой степенью частотности, выполняя функции реального обозначения количества субъектов» действия [5, с. 68].

Одной из заметных является зависимость количественного распределения исследуемых синтаксических вариантов от национально-территориальной неоднородности говорящих. Максимальный показатель степени рекуррентности модели согласования ОПСмн зафиксированный среди носителей британского варианта английского языка – 45 %, минимальный – 15 %. Носители американского варианта английского языка младшей возрастной группы в 50 % экспериментальных предложений выбрали форму множественного числа сказуемого, минимальный показатель выбора формы множественного числа среди носителей АЕ составил 20 %.

Такая ситуация объясняется очевидно тем, что языковые предпочтения носителей британского варианта английского языка более традиционны, консервативны. Американский вариант английского языка более открыт для инноваций и вариаций в силу внешних причин.

Несмотря на то, что современная грамматическая норма едина и общеобязательна для всех носителей английского языка, ею в разной степени руководствуются носители ВЕ и АЕ. Такое положение в принципе не противоречит статусу литературного английского языка. Напротив, «допустимость исторически обусловленных вариантов не может быть подвергнута сомнению, она связана с признанием динамического характера норм, с признанием эволюционных процессов, совершающихся в литературном языке» [6, с. 553].

Данное синтаксическое явление не локализовано, границы его распространения размыты, нечетки; явление почти в равной степени свойственно носителям ВЕ и АЕ. Система синтаксических вариантов современного английского языка не обнаруживает существенных локально и национально обусловленных колебаний.

Учитывая гендерный фактор, нами выявлено больше сходств, чем различий в речевом поведении мужчин и женщин – носителей ВЕ и АЕ. Средний показатель выбора формы множественного числа в экспериментальном материале у мужчин – носителей ВЕ составил 36%, носителей АЕ – 40 %. Соответствующий показатель в группе женщин – носителей ВЕ – 29 %, носителей АЕ – 35 %.

Осознавая трудность выделения четких гендерозависимых факторов выбора формы сказуемого при согласовании с однородными подлежащими, мы попытались обозначить основные тенденции и предпочтения в узусе коммуникантов.

Небольшое расхождение в показателях выбора формы сказуемого при согласовании с однородными подлежащими в пользу единственного числа у женщин по сравнению с мужчинами говорит о том, что женская речь более гармонична. Женщины выбирают средства выражения, в которых глагол и однородные подлежащие согласуются между собой, «не создавая конфликта» [7, с. 11]. Женщины чаще, чем мужчины отдают предпочтение кодифицированным формам выражения.

Мужская речь более информативна, рациональна, чаще отмечается связь согласования по смыслу. Мужчины более импульсивны и непосредственны в выборе средств выражения, вместе с тем более склонны нарушать нормы для достижения цели коммуникации и необходимого прагматического эффекта. Они также скорее, чем женщины начинают употреблять в речи новые модные слова, структуры, а также варианты. Этим, по всей видимости, и объясняется больший процент выбора формы множественного числа сказуемого в рассматриваемых конструкциях в экспериментальной группе мужчин, а не женщин.

Литература

1. Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1997. № 2 С. 52–54.
2. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Ком Книга, 2007. 432 с.

3. Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 37–49.
4. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б., Колесник О. Г. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе: Монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 521 с.
5. Переверзева И. В. Англо-русские соответствия в согласовании подлежащего и сказуемого: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Пятигорск, 2005. 150 с.
6. Едличка А. О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / отв. ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 544–556.
7. Демеубекова К. К. Гендерно-синтаксическое моделирование русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2011. 30 с.

УДК 801.73

Перепелицына Юлия Ростиславовна
РОЛЬ КОНЦЕПТОВ В РАСКРЫТИИ
РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ЯШИНА)

В статье на материале произведений А. Яшина определяется роль концептов, позволяющих раскрыть сущность национального характера. Художественным открытием А. Яшина как одного из основоположников «деревенской прозы» явилась антиномичность русского национального характера; его носители – и положительные, и отрицательные герои – русские люди; объединяющее их национальное начало воплощено концептосферой прозы писателя, где единство национального характера подчеркивается концептами «народ», «дом», «труд», «сторона», «совесть».

Ключевые слова: национальный характер, антиномичность, концепт, концептосфера, фрактал.

Perepelitsina Juliya R.

THE ROLE OF THE CONCEPTS IN THE DISCLOSURE
RUSSIAN NATIONAL CHARACTER
(ON THE MATERIAL OF THE WORKS OF A. YASHIN)

On the material of Alexander Jashin's works this article defines the role of the concepts, allowing to reveal the essence of the national character. Artistic discovery A. Yashin was the antinomy of the Russian national character; its media with no thought of the author only as a positive types. But both positive and negative heroes of the Russian people; their national beginning embodied by a conceptsphere prose writer, where the unity of the national character stresses such concepts as «nation», «home», «work», «party», «conscience».

Key words: national character, the antinomy, concept, conceptsphere, fractal.

Вопрос о национальном характере всегда интересовал и продолжает интересовать практически все сферы науки – от философии до культурологии. Не обошло стороной данную проблему и литературоведение, которое на сегодняшний день уже имеет свою собственную методику анализа форм и способов воплощения национального характера в художественном произведении. Весьма продуктивным в этом плане можно признать системный подход, реализованный в работах Е. В. Барашковой [2], Г. Е. Горланова [3], Н. Ю. Желтовой [4, 5], где объектом всестороннего анализа стали не только герои произведений, образ автора, поэтика, жанровые традиции, но и «концепты как инструменты изучения и реконструкции единой системы "национальный характер"» [1]. Более того, художественные представления о русском национальном

характере рассматриваются как стержневая составляющая эстетической системы целого историко-литературного периода [4, 5].

Учитывая сложность исследования самого национального характера, его изменчивость при наличии нескольких неизменных констант, мы признаем необходимость применения особого метода для его исследования, в основе которого лежит фрактальная поэтика (лат. fractus – дробленный), разделяя точку зрения о том, что «национальное русское художественное сознание тяготеет именно к такому восприятию» [6, с. 12]. Данный подход, на наш взгляд, является весьма плодотворным в силу того, что фрактальный принцип позволяет выявить национальный культурный концепт, через разветвленную корневую систему которого восстанавливается само «дерево» национального характера. Иными словами, национальный характер может воплощаться сразу в нескольких персонажах произведения, с разным набором личных качеств, но составляющих целостное понятие о едином национальном характере [5, с. 16]. Это положение является основополагающим в нашей статье, предметом исследования которой является русский национальный характер, воплощенный в художественном слове А. Яшина и рассматриваемый в концептосфере прозы писателя.

Русский национальный характер в художественных произведениях А. Яшина антиномичен: его носители изображены писателем не только как положительные типы. В героях Яшина через индивидуальное просвечиваются общенациональные черты, объединяющие и положительных, и отрицательных (с позиции автора) героев. Разделяя убеждение Н. Ю. Желтовой в том, что в качестве основной опоры в познании русского характера, отображенного в русской литературе, может быть концептосфера русского языка, размыкающая анализ художественного произведения во фрактальное пространство всей русской культуры [5, с. 16], отметим, что положительные и отрицательные герои Яшина с полярным мировоззрением, разным мироощущением в своей речи нередко опираются на одни и те же концепты – «народ», «дом», «труд», «сторона», «совесть» – воплощающие некое общенациональное начало.

Так, например, в повести А. Яшина «В гостях у сына» (1957) слово «народ» нередко звучит и в речи деревенской, преданной традициям, Матрены Савельевны, и ее городского сына, которому чужды деревенские устои: «Мудрый у нас народ, – рассуждает Никита Петрович. – С таким народом мы горы своротим ... Знай работай, служи народу, живи с ним одной жизнью, не забывай о его надеждах!» [10, с. 33]. Эти слова являются жизненным кредо и для Матрены Савельевны, которая, даже находясь в городе, всей душой болеет за родную деревню, все мысли ее – о нелегком крестьянском бытии.

Раскрывая полярные образы матери и сына, что свидетельствует о многоликости национального характера, подчеркивая в них положительное и отрицательное, А. Яшин показывает, как через индивидуальное просвечиваются общенациональные черты, объединяющие и положительных, и отрицательных (с позиции автора) героев. Объясняя сыну, почему из деревни уходит молодежь, а остаются одни старики, Матрена Савельевна ссылается на такую черту русского народа, как хитрость: «Только ведь начальники хитрые, а народ еще хитрее» [10, с.13]. После такого рассказа помрачневший Никита Петрович соглашается с матерью: «Нехорошо ... Несознательный народ» [10, с. 13].

Социальные, производственные проблемы, которые ставил А. Яшин в произведениях второй половины 1950-х годов, обнаруживают всю свою глубину и остроту благодаря концептам, направленным на раскрытие макро- (русская деревня вообще) и микрообразов (дом, дерево, печь и т.д.). В связи с этим особое внимание в произведениях А. Яшина заслуживает образ дома.

В фольклорной модели мира русских «дом» рассматривается как пространство своего, замкнутого, защищенного, как место обитания субъекта, центра мироздания [8, с. 147]. «Дом – это очень близкое к человеку пространство, фактически не отделимое от него. Дом служит связующим звеном между человеком и космосом ... В нем сосуществуют человек и Вселенная» [8, с. 11].

В произведениях А. Яшина изображение дома подчинено поиску со-бытия, то есть гармонии между человеком и миром (в таком контексте образ дома переходит на образ мира). Кроме того, дом у писателя – это «зеркало души», он отражает характер, сущность человека. В повести

«Баба Яга» (1960) образ дома настолько тесно связан с образом его хозяина, что кажется вполне закономерным его одушевление: «Чем больше брошенные дома имели сходства со своими прежними хозяевами, тем печальнее для Устиньи было наблюдать, как постепенно разрушаются они. Словно живые люди дряхлели и разваливались на её глазах» [12, с. 34].

При истолковании образа дома в повести А. Яшина «Баба Яга» необходимо обратиться к аналогичному образу у других представителей «деревенской прозы». Так, в произведениях Ф. Абрамова («Дом» (1978), «Мамониха» (1980) возникает мотив возвращения героев «в замкнутое четырьмя бревенчатыми стенами узкое пространство» [9, с. 90], где прошло их детство, юность и часть взрослой жизни. Это место – начало всех начал, исток и опора, тут человек чувствует себя в покое и безопасности. И главная героиня повести А. Яшина ушла из родной деревни на несколько лет. Но не удержала Устинью жизнь «на городах», вернулась она в свою деревенскую избу.

А.В. Шаравин справедливо отмечает, что «в деревенской прозе – «смерть» дома кажущаяся» [9, с. 90]. В романе «Кануны» (1976) В. Белова родовое пристанище семьи Роговых, «нахлобучив высокий князек... тремя жёлтыми окошками... весело глядит на деревню». В повести «Мамониха» Ф. Абрамова разрушенная деревенская изба готова «ожить», стать жильём с появлением своих хозяев. Несмотря на разорение и безлюдье деревень концепция Ф. Абрамова жизнеутверждающая – село возродится. То же можно сказать и по отношению к яшинской повести «Баба Яга». Несмотря на то, что в произведении на первый план выходит мотив «умирания» дома, деревни, у писателя, безусловно, звучит мотив избы как вечной хранительницы самого духа крестьянской жизни, народных традиций, связи с землёй. А. Яшин хранит надежду на возрождение деревни и верит в идею дома, связанную с родовым бытом, христианским идеалом соборности, о чем свидетельствуют заключительные строки повести.

Следующий концепт, раскрывающий сущность русского национального характера в произведениях А. Яшина, – концепт «труд» – является базовым концептом русской культуры и русской литературы и в концептосфере писателя наряду с концептом «дом» занимает центральное место. Все остальные концепты и образы, имеющие концептуальное значение, такие как «память», «любовь», «творчество», «деревня» и др., связаны с ним.

В системе духовных ценностей представителей «деревенской» прозы физический, материальный труд тесно связан с постоянной духовной работой, трудом души. В творчестве этих писателей концепция труда во многом отличалась от концепции, господствовавшей в советской литературе, обусловленной во многом политическими, идеологическими и экономическими факторами. Литературе «деревенщиков» был чужд энтузиазм производственного труда, основанного на материальной и социальной выгоде, и противопоставила ему поэзию свободного крестьянского труда.

Тема мирного труда и обновления земли, ее оздоравливающей мощи уже с первых опытов естественно вошла в произведения А. Яшина. Вечный конфликт между трудолюбием и лицемерием, душевной пустотой обнаруживается уже в повести А. Яшина «В гостях у сына». Концепт «труд» вызывает схожие чувства у героев с полярным мировоззрением. Так, например, минуты душевной близости переживают Матрена Савельевна и Никита Петрович, находясь на территории санатория, где, вдыхая местный воздух, Матрена Савельевна с тоской замечает: «Сеном пахнет». Никита Петрович, выросший в деревне, тут же с ней соглашается: «Точно пахнет!». И затем мечтательно добавляет: «Когда-то и я сено косил. И пахал. И жал. Да, все было...» [10, с. 13]. Эти слова героя свидетельствуют о том, что ему не совсем чужды еще деревенские ценности, прежде всего, деревенский тяжелый труд, краткое воспоминание о котором не только на миг сближает его с Матреной Савельевной, но и дает читателю надежду на то, что для Никиты Петровича еще не все потеряно, что он знает цену крестьянскому труду. В подтверждение этому звучат его слова: «Работать надо много. Тут одно с другим связано: не поработаешь – не поешь...» [10, с. 33].

Концепт «труд» нашел свое воплощение почти в каждом произведении А. Яшина. Героиня повести «Баба Яга» Устинья, усвоив строгие моральные заповеди, которые передавались из поколения в поколение, всю жизнь работает не покладая рук, держит дом в чистоте и достатке. Аналогичными критериями измеряется ценность человека и в повести «Вологодская свадьба» (1962). Не богатство, не красота – трудолюбие делает Галю лучшей невестой. Этим гордит-

ся и ее мать, Марина Герасимовна, повесившая на стену вставленную в рамку Почетную грамоту дочери, «подписанную директором льнозавода».

Источниками, питающими могучие духовные силы народа, национальный характер, являются, по Яшину, труд, общение с природой и та мера ответственности, совестливости перед сверстниками, перед братом и сестрой, перед родителями, перед деревней, перед государством, перед всем миром, которая последовательно, с раннего детства, нарастает в сознании сельского жителя. В этом – основа воспитания. Эта идея писателя нашла свое воплощение в образе трудяги-Шурки из повести «Сирота» (1961). Глубокое уважение у автора вызывает трудолюбие Шурки. Ведь сам писатель с детства приобщился к крестьянскому труду. В одной из своих статей он признавался: «Умею пахать плугом, косить косой, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже прясть лен с веретеном и ткать пестрядь ... Могу работать и на тракторе» [11, с. 6].

Шурка – это наиболее яркий образ носителя положительных черт русского национального характера. Он – полная противоположность своему брату Павлу, который, пожалуй, самый отрицательный из всех созданных Яшиным героев. Но и в речи Павла обнаруживаются общие с положительными героями концепты. Так, Павел является сторонником прогресса и обижается на деда Михайло Лексеича, когда тот винит в своих бедах авиацию: «От авиации только польза, дедушка. Самолеты землю удобряют, а от этого урожаи растут» [12, с. 167]. Из этого разговора следует, что и Павлу не чужды мысли о родной земле, о благосостоянии народа, что сближает его с братом Шуркой, любящим землю, чувствующим себя ее хозяином. В своем заявлении завучу Павел признается: «Я хочу честно трудиться для Родины, вырастившей меня, и, если потребуется, отдать за нее свою молодую жизнь» [12, с. 183]. Павел сетует на несознательность русского народа, на его неумение отвечать за себя, как бы осознавая и собственный грех. Не совсем равнодушным оказывается Павел и к труду, особенно слесарному: «... В столярной пахло деревом, лесом, живицей – все это было чересчур свое, знакомое, деревенское ... Настоящего труда до жестокой усталости, до ломоты в костях, до боли в спине Павел еще не испытывал, но работать ему хотелось...» [12, с. 201]. Наверно, самый большой изъян в характере Павла – отсутствие такого важнейшего мерил человека души, каким является совесть. Неоднократно на страницах повести читатель сталкивается с размышлениями персонажей (как главных, так и второстепенных) об этом понятии. Особенно часто слово «совесть» употребляется в речи деда Михайло Лексеича. Лейтмотивными являются его слова: «Хорошие, совестливые люди завсегда раньше гибнут» [12, с. 167]. Часто дед говорил о бессовестных людях, и о своей совести поговаривал, «вздыхая и обращаясь при этом к своему богу, словно чувствовал перед ним какую-то большую вину...» [12, с. 169]. Именно отсутствие совести не дало развиваться положительным задаткам в характере Павлуши. Как дальше сложатся жизни Шурки и Павла, неизвестно – согласно авторской концепции – но очевидно одно: оторванный от своих корней, Павел утратил нравственную силу души, которая всю жизнь помогала преодолевать трудности его брату, бабушке, матери и отцу.

Концептом, наиболее глубоко воплощающим чувство природы, которым наделены и положительные, и отрицательные герои А. Яшина, является концепт «сторона». «Чувство природы» выступает как важнейший компонент национального характера; его художественное воплощение позволяет подняться над многоликостью характера, над его многочисленными индивидуальными, порой антиномичными, проявлениями к одной из главных характерологических особенностей русского человека, будь то Никита Круглов («В гостях у сына») или Шурка («Сирота»). Никита Петрович, оказавшись на лоне природы, становится способным оценить великолепие родной, русской, природы, ее благотворное, нередко исцеляющее, воздействие на душу человека: «А хорошо здесь! – Никита Петрович еще раз посмотрел на все четыре стороны. Советская Россия (в несобственно прямой речи уже сказывается принадлежность героя к другой, чем мать, социальной страте – Ю.П.) была перед ним во всей своей красоте и неповторимости. – Орлам бы здесь парить, а не воронам летать» [10, с. 43]. Но почти подобное суждение высказывает и Шурка, только у него чувство природы оказывается более действенным: «Тут жить хорошо, красиво... Выйдешь из избушки и смотри во все стороны» – восклицает Шурка, любуясь красотой деревенских окрестностей [12, с. 152]. Эта отличительная особенность Шурки в целом придала его характеру такие черты, как приверженность к определенной идее (он изо всех сил старается под-

нять на ноги родной колхоз), готовность нести во имя нее страдания и жертвы. По Яшину, связь с природой, возможность чувствовать себя ее частью изначально является самобытной ценностью, занимавшей в иерархии ценностей самое высокое место. Поэтому сельские жители, изображаемые в его произведениях, связаны с пространством окружающей их природы, ощущают возможность слияния с нею, а ощущения себя ее частью равна возможности сохранить связь с другими людьми, что и становится воплощением сущности русского национального характера.

Таким образом, в произведениях А. Яшина предпринимается попытка художественного осмысления русского национального характера через концепты «народ», «дом», «труд», «сторона», «совесть» являются ключевыми в произведениях А. Яшина, так как участвуют в раскрытии национального характера героев. Посредством именно этих концептов писатель ломает привычные представления современников о пределах реализма и условности при создании характера героя. Национальный характер не мыслится А. Яшиным только как положительный тип. Яшин показал и результат его деформации, вызванный определенными условиями российской истории и современной действительности (Никита Петрович («В гостях у сына»), Павел («Сирота»)). А. Яшин одним из первых среди писателей-«деревенщиков» заговорил об антиномичности русского национального характера; его носители не мыслятся автором только как положительные типы. Но и положительные, и отрицательные герои – русские люди; объединяющее их национальное начало воплощено концептосферой прозы писателя, где единство национального характера подчеркивается проанализированными в статье концептами.

Литература

1. Груша С. А. Русский национальный характер в малой прозе Ф. А. Абрамова: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 209 с.
2. Барашкова Е. В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А. К. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 19 с.
3. Горланов Г. Е. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 42 с.
4. Желтова Н. Ю. Проза Е. И. Замятина: Пути художественного воплощения русского национального характера. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 184 с.
5. Желтова Н. Ю. Проза первой половины XX века: Поэтика русского национального характера: монография. Тамбов, 2004. 303 с.
6. Муценко Е. Национально-эстетические аспекты идеи всеединства в художественном сознании России начала XX века // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века: в 2 т. Т. 2. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. С. 12.
7. Полякова Н. В. Концепт «дом» и особенности его репрезентации в селькупском и русском языках // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 4 (55). Серия: Гуманитарные науки (Филологи). С. 147–152.
8. Тучкова Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): дис. ... канд. истор. наук. Томск: Изд-во НТЛ, 1999. 191 с.
9. Шаравин А. Городская проза 70–80-х годов XX века: Часть 1. Брянск: БГПУ, 2000. 388 с.
10. Яшин А. Я В гостях у сына // Москва. 1987. №12. С. 3–45.
11. Яшин А. Я Рогатый Пегас. М.: Сов. Россия, 1976. 112 с.
12. Яшин А. Я Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2. Повести; Рассказы. М.: Худож. лит., 1985. 671 с.

УДК 82.09

Протасова Наталия Владимировна

**ЦВЕТОПИСЬ В ЦИКЛЕ «БАЛЬМОНТУ» СБОРНИКА СТИХОВ
АНДРЕЯ БЕЛОГО «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ»**

В статье рассматривается цикл посланий А. Белого сборника стихов «Золото в лазури», в котором поэт для создания образа К. Бальмонта прибегает к художественному приему цветописи. Анализ посланий позволяет оценить самобытность и неповторимость поэтического почерка А. Белого, понять особенности восприятия им одного из ярких представителей поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: послание, цикл, циклизация, цветопись.

Protasova Natalya V.

**«SVETOPIS» IN THE CYCLE, NAMED «TO BALMONT»
IN THE COLLECTION OF POEMS BY ANDREW BELY,
WHICH IS TITLED «GOLD IN BLUE»**

The article considers the cycle of epistles by A. Bely in the collection of poems, titled «Gold in Blue» in which the poet, in order to create the image of K. Balmont, resorted to the artistic mean, which is called «Svetopis». Analysis of epistles allows us to evaluate the originality and uniqueness of the poetic handwriting of A. Bely and helps to understand the specifics of the perception of one of the brightest representatives of Silver Age poetry.

Key words: epistles, cycle, ciclization, «svetopis».

Андрей Белый принадлежит к числу тех поэтов, кто в начале XX века вновь обратился к жанру послания, достаточно популярному в русской литературе в XVIII веке и в первой трети XIX века, а затем почти переставшему существовать и проявляющемуся лишь в творчестве отдельных поэтов.

Адресатом посланий А. Белого нередко становился Константин Бальмонт, стихами которого он увлекся, еще будучи гимназистом. Однако это не было слепое преклонение перед «академиком», поскольку многое в поэзии К. Бальмонта «удручало» начинающего литератора. Даже книга К. Бальмонта «Будем как Солнце» вызвала весьма противоречивый отзыв А. Белого: «... нас книга дразнила; в ней – блеск овладенья приемами, краски, эффекты; и – ритм; все же «испанец», срывающий платье, казался подделкой под собственный замысел: под золотистый тон солнца» [4, с. 239].

«Будем как Солнце» вдохновила А. Белого на создание сборника «Золото в лазури», куда вошли сразу три послания к К. Бальмонту, составивших цикл под названием «Бальмонту». Прием циклизации широко использовался поэтами-символистами (достаточно вспомнить «Послания и оды» и «Послания» В. Брюсова; «Послания» А. Блока, цикл «Брюсову» А. Белого, «А. Блоку» Вяч. Иванова и др.). Циклизация посланий была обусловлена прежде всего авторской установкой на определенную эстетическую цельность и законченность.

Во всех трех посланиях обращает на себя внимание богатая цветовая гамма, которой пользуется А. Белый, характеризуя личность и творчество К. Бальмонта. Это обусловлено тем, что символисты отводили в своих эстетических теориях особую роль цвету, поэтому и для А. Белого «цветовой код» являлся одним из основных средств передачи своего отношения к адресату.

В статье «Как мы пишем» А. Белый отмечал: «Главное задание в написанном – чтобы звук, краски, образ, сюжет, тенденция сюжета проникали друг в друга до полной имманентности. Чтобы звук и краска вскричали смыслом, чтобы тенденция была звучна и красочна» [1, с. 18].

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что наиболее часто поэт использует три цвета: красный, синий и желтый и их различные оттенки. Сам А. Белый, объясняя смысл названия книги «Золото в лазури», дает расшифровку желтого и синего цвета: «золото» – созревшие нивы, «лазурь»

– воздух» [4, с. 283]. Далее поэт продолжает: «... и была какая-то отравя в немоте моей, в неумении сказаться; солнце и озаряло меня, пьяня; но солнечный перепой сказывался ядовито; и было – больно; так больно!.. В 908 сознав до конца боль моей «светозарности», я выразил ее в лирических строчках: поэт склонен к Канту; настенная тень его, образом демона выпав с обой, просиявши, как пыль в луче солнца, указывает желтым ногтем на... Канта...» [4, с.284–285].

Таким образом, желтый цвет – это не только солнечный свет («Будем как Солнце»), но и намек на философию Канта и Ницше, и угасание идеалов «эпохи зорь» и мистических надежд. Влияние Ницше и старших символистов сказывается и в восприятии А. Белым личности К. Бальмонта. А. Белый создает образ «художника-дьявола», «последнего поэта, проживающего в XIII веке», исходя из древнего представления о том, что поэзия, как и всякое другое художественное творчество, связана с темными силами подземного мира. В то же время он отмечает в К. Бальмонте «Что-то детское, доброе – в очень растерянном виде: и – что-то раздавленное» [4, с. 241].

При этом нельзя забывать о том, что А. Белый, создавая сборник «Золото в лазури», ставил перед собой задачу передать настроение своих собратьев по кружку «Аргонатов» в предчувствии грядущей «зари», поскольку они считали себя предвестниками нового мира, а К. Бальмонт оставался связанным, в их представлении, с веком ушедшим. И все это нашло отражение в посланиях А. Белого к К. Бальмонту.

Уже в первом послании А. Белый использует богатую цветовую палитру, причем им названы все те четыре стихии, неразрывно связанные с характеристикой К. Бальмонта, который сам заявлял: «Огонь, Вода, Земля и Воздух – четыре царственные Стихии, с которыми неизменно живет моя душа в радостном и тайном соприкосновении. Ни одного из ощущений я не могу отделить от них, и помню о их Четверогласии всегда» [2, т. 1, с. 7].

В послании А. Белого эти стихии представлены следующим образом: земля – «золотистая даль», вода – «океан голубой», воздух – «голубеющий бархат эфира», огонь – красный отсвет лежит на облаках (облака как рубины), на льдинах (красные льдины). Преобладающим цветом первого послания становится красный цвет.

Прежде всего красный цвет ассоциируется непосредственно с обликом К. Бальмонта. В своих воспоминаниях о первой встрече с поэтом А. Белый, рисуя его портрет, отмечает «рыже-красную бородку» и «такие же подстриженные волосы», «маленький носик, с краснеющим кончиком», «каре-красные глазки», «помесь рыжего Тора, покинувшего парикмахера Пашкова, где стригся он, чтобы стать Мефистофелем» [4, с. 241].

Еще более яркую характеристику К. Бальмонту дает А. Белый в работе «Символизм и творчество»: «Бальмонт – залетная комета. Она повисла в лазури над сумраком, точно рубиновое ожерелье. И потом сотнями красных слез пролилась над заснувшей землею. Бальмонт – заемная роскошь кометных багрянцев на изысканно-нежных пятнах пунцового мака» [5, с. 403]. Как видим и здесь для характеристики К. Бальмонта А. Белый использует, прежде всего, красный цвет: рубиновое ожерелье, красные слезы, пунцовый мак, багрянец комет.

В то же время не надо забывать, что красный цвет в системе символов А. Белого многозначен: «В красном цвете сосредоточены ужас огня и тернии страданий» [3, с. 12], красный цвет несет в себе отражение демонического начала и «всепожирающую страсть», он – цвет крови, проливаемой в вечной борьбе добра и зла, жизни и смерти, символ праведности и мученичества. Не случайно А. Белый говорит о стремлении К. Бальмонта производить впечатление демонической личности, Мефистофеля, создавая тем самым некий мифопоэтический образ.

В послании отразился космологизм мироощущения А. Белого, близкий мифопоэтическому мировоззрению «космологической эпохи», не случайно К. Бальмонт воспринимается им как частица «единого мирового природного целого». Да и сам К. Бальмонт в стихотворении «Воззвание к океану» дает к такому восприятию достаточные основания, когда восклицает:

Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан! [2, т. 1, с. 362].

Не случайно в связи с этим в первом послании А. Белого появляется образ океана: «Ты сказал: «Океан голубой еще с нами, о братья». Так в этом послании появляется голубой цвет, а тьма, древний хаос ассоциируются с черным цветом, свет луны – с желтым.

Центральным цветом второго послания становится синий, связанный с небом, беспредельностью, Вечностью. В использовании синего, голубого как поэтического образа преобладает символическое начало. Часто он передает ощущение зыбкости, нереальности, атмосферу сна, выражает идею самопожертвования и кротости. Здесь уместно также вспомнить, что в контексте рассуждений А. Белого «лазурь» не столько служит для обозначения голубого цвета, сколько является синонимом «лучезарности», «света». В этом послании вновь появляются цвета, которые наиболее точно передают восприятие поэтом личности К. Бальмонта: желтый – («огонечки небесных свечей»), черный – («горестный мрак»), красный – («пьянящие багрянцы», голубой – («голубые восторги»).

В послании есть прямые параллели со стихотворением К. Бальмонта «Воззвание к океану», в котором «бессмертный» океан – «древний прародитель», хранящий «тысячелетний сон», символизирует идею цельности и Вечности, близкую А. Белому. «Мне Вечность – родственна», – так поэт оценивал себя сам.

Тема Вечности продолжена и в последнем послании цикла. Она становится спутником истинного поэта, каким и представляется А. Белому К. Бальмонт, «вечного, свободного, могучего», пусть он даже не понят людьми:

Поэт, – ты не понят людьми.

В глазах не сияет беспечность.

Глаза к небесам подними:

С тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,

Ласкает, целует беззвучно... [6, т. 1, с. 46–47].

Цветовая палитра этого послания весьма богата, причем, некоторые цвета названы (бирюзовая Вечность, лазурь, в голубом), а другие возникают благодаря ассоциациям: тучи – черный, закат – багряный, огонь – красный, жемчужины – серебристый.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что, используя цветопись в посланиях К. Бальмонту, А. Белый стремился уйти от обыденного изображения адресата к мистическому идеалу. Он создает образ К. Бальмонта – «поэта божьей милостью», «поэта-демиурга», который, «Точно с планеты Венеры на землю упав, развивал жизнь Венеры, земле вовсе чуждой, обвив себя предохранительным коконом» [4, с. 249], поэта, в котором неразрывно слились добро и зло, свет и тьма, демон и дитя.

Литература

1. Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988.
2. Бальмонт К. Собр. соч.: В 2 т. М.: Можайск-Терра, 1994.
3. Белый А. Арабески. Книга статей. М., 1911.
4. Белый А. Начало века. М.: Худож. лит., 1990.
5. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
6. Белый А. Сочинения.: В 2 т. Т. 1. Поэзия. Проза. М.: Худож. лит., 1990.

УДК 801.6

Серебрякова Светлана Васильевна

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В РАССКАЗАХ ЮДИТ ГЕРМАНН

Статья посвящена изучению способов текстовой реализации категории отрицания, выявлению коммуникативно-прагматического потенциала отрицаний различного статуса в рассказе современной немецкой писательницы Юдит Германн «Ничего кроме призраков».

Ключевые слова: категория отрицания, отрицательное высказывание, структурно-семантические особенности отрицания, модальный оператор, прагматические функции отрицаний, полифункциональность отрицаний, интерпретирующий потенциал заглавия, концептуальная значимость отрицания.

Serebriakova Svetlana V.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF NEGATION CONCEPT IN SHORT STORIES BY JUDITH HERMANN

The article is devoted to the text realization means study of the negation category and finding out the communicative-pragmatic potential of different status negations in the short story «Nichts als Gespenster» by Judith Hermann, the modern German writer.

Key words: negation category, negative statement, structural-semantic peculiarities of negation, modal operator, pragmatic functions of negations, poly-functionality of negations, the interpretation potential of the title, the conceptual meaningfulness of negation.

Отрицание как одна из базовых категорий речемыслительной деятельности человека отличается разнообразием форм и способов реализации как в системе одного языка, так и, тем более, в родственных и разносистемных языках. В философии отрицание трактуется как «необходимый момент развития, условие качественного изменения объекта» [10, с. 455], обеспечивающее в творческом плане преемственность нового знания с предшествующим, старым. Если логико-философские основания данного универсального феномена акцентируют внимание на определенном типе отношений между двумя последовательными стадиями, а также на истинности/ложности высказывания, то языковое отрицание более объемно по охвату различных сущностей и более богато по палитре способов реализации в разных типах дискурса. В лингвистике подчеркивается универсальный характер отрицания: это «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [3, с. 354]. При написании данной статьи мы ставили цель установить специфику языковой и текстовой объективации и определить концептуальную значимость категории отрицания в художественном мире современной немецкой писательницы Юдит Германн, признанного мастера психологической прозы. Материалом для исследовательского наблюдения послужил рассказ «Nichts als Gespenster» [13].

Лингвисты отмечают различные структурно-семантические особенности отрицания и его функциональные характеристики. А. Мустайоки, относя отрицание к основным спецификаторам, говорит об общем и частном отрицании. Под спецификатором понимается при этом «дополнительный семантический элемент, характеризующий актанта или предикат семантической структуры либо положение дел в целом» [4, с. 153]. Н. Д. Арутюнова определяет отрицание, «аннулирующее отнесенность предиката к субъекту и снимающее эту связь», как модальный

оператор, отмечая возможность его преобразования в модификатор семантический, приобретающий способность вносить в семантику предиката оппозитивный признак [1, с. 832]. Изучая глубинные структуры отрицательных предложений, Е. В. Падучева разграничивает семантически общеотрицательные и семантически частноотрицательные предложения [6, с. 145], маркируя тем самым разные сферы действия отрицания, обусловленные интенцией коммуниканта (фразовое и приеловное виды отрицания). С другой стороны, принято говорить о нейтральном (для выражения эмоций и оценочного отношения говорящего) и противопоставительном отрицании, выполняющем преимущественно функции риторического характера [7, с. 180].

При рассмотрении прагматических аспектов отрицания акцент делается на таких понятиях, как пресуппозиция (отрицание модифицирует значение высказывания, но не меняет его пресуппозицию), речевые акты (РА отрицания при наличии утвердительной базы референции, т.е. отрицательное речевое действие как реакция говорящего на уже использованные РА – утверждения, вопроса, просьбы и др.), импликатуры (косвенные способы выражения отрицания). Иными словами, категория отрицания может быть реализована как эксплицитно, так и имплицитно. Посредством отрицания маркируются три основные потребности человека: сообщить о противоречии или отказе от чего-либо; выявить сходства и противоречия; приобрести когнитивный опыт в отношении того, что для личности на данный момент не актуально. У. Энгель выделяет четыре прагматические функции высказываний с отрицанием: отклонение, оспаривание, исключение, осуждение чего-либо, кого-либо [12], свидетельствующие о логико-семантической взаимосвязи отрицания и утверждения. Исследуя концептуальные основы отрицания в языковой системе, Н. Н. Болдырев отмечает сложность, многоплановость и полифункциональность отрицания как универсальной концептуальной единицы языка. Ввиду отсутствия референции у языковых средств отрицания адресант наделяет его определенным содержанием во взаимодействии с другими концептами [2, с. 337].

Согласно психолингвистическим данным, восприятие и когнитивно-дискурсивная обработка отрицательных высказываний требуют как больших интеллектуальных усилий адресанта, так и больших интерпретационных усилий адресата, чем кодирование/декодирование соотносимых с ними утвердительных [11]. Отмечаемая лингвистами вторичность отрицательных суждений не уменьшает, а увеличивает их прагматическую нагруженность, особенно в сочетании отрицания с контрастом [1, с. 666–667], что подтверждается и нашими наблюдениями. В наибольшей мере это относится к текстам, чрезмерно насыщенным различными типами предложений, конструкций и лексических единиц отрицательной семантики, усложняющими и зачастую размывающими семантическое пространство и формирование концепта произведения ввиду того, что отрицательные предложения менее информативны, чем утвердительные, так что в некоторых случаях их чрезмерное использование приводит к нарушению максимы количества. Именно к такому типу текстов относится рассматриваемый рассказ Юдит Германн «Nichts als Gespenster», название которого содержит неопределенное отрицание. Интерпретирующий потенциал заглавия, актуализирующего в сильной позиции все текстовые категории [8, с. 168], особенно раскрывает авторский замысел, представляя собой первую интерпретацию произведения, предлагаемую читателю автором [5, с. 170].

Можно утверждать, что название выступает в качестве вполне самостоятельного концепта, несущего информацию, способную предопределить читательскую рецепцию. Обратимся на первом этапе анализа к лингвопереводческой интерпретации заголовка рассматриваемого рассказа – «Nichts als Gespenster». Неопределенное местоимение *nichts* исконно является формой Р.п. ед.ч. (mhd. *nihtes*), которая сформировалась как усиление отрицания: mhd. *nihtes niht* = *nichts von nichts* (Duden Universal). В толковом словаре Лонгмана приводится следующая информация: *Nichts als ...!* – разгов. *nichts* = *nur*, что дает основание предложить переводческую трактовку данного заглавия без участия отрицания, т.е. посредством антонимического перевода: только призраки или сплошные призраки (ср.: *Nichts, n, nur* Sg.; *ein Nichts – eine Person oder eine Sache, die überhaupt nicht wichtig sind*). Однако утрата при переводческой интерпретации негативного компонента заглавия, семантика которого актуализируется на различных языковых

уровнях во всем текстовом пространстве с целью эксплицировать мироощущения главной героини, является прагматически неоправданной, поэтому в качестве переводческого толкования заглавия считаем возможным предложить вариант «Ничего кроме призраков».

Значимой для понимания глубинных смыслов рассказа является и включенная в его название полнозначная лексическая единица *Gespenster*, мн. ч. от существительного среднего рода *Gespenst*, восходящего к свн. *Gespenste* в значении *Verlockung*, (*teuflisches*) *Trugbild*, синонимом которого может выступать существительное *Geist*, которое и реализуется в тексте посредством многочисленных повторов, обнаруживая более сложную семантическую структуру, чем заглавная номинация. Концептуально значимым для данного текста является устойчивое сочетание *Geister sehen*, ибо его значения *Dinge sehen, die gar nicht da sind; unbegründet Angst haben, sich unötige Sorgen machen*, содержащие сему отрицания, составляют основу ассоциативно-вербальной сети рассказа.

В заглавии, понимаемом как имя собственное манифестируемого текстом произведения, могут быть реализованы три важнейшие интенции: референтная – соотнесенность текста с художественным миром, с внешним хронотопом бытия героя или с самим героем (внутренним хронотопом); креативная – соотнесенность текста с творческой волей автора как организатора некоторого коммуникативного события; рецептивная – соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя как потенциального реализатора этого коммуникативного события [9, с. 116]. В нашем случае доминирующей является креативная интенция заглавия, приобретающего оценочный оттенок, его авторскую интерпретационность вряд ли можно считать достаточно явной. Данное заглавие является не только многозначным, но и многофункциональным. Его семантический радиус способствует экспликации сквозной темы текста – отрицательно-оценочного вектора воспоминаний героини о путешествии по Америке ввиду отсутствия взаимопонимания между нею и ее другом, выраженного множественными отрицательными единицами и структурами, модальными словами неопределенной семантики, конструкциями сослагательного наклонения.

Методом сплошной выборки установлено прагматически релевантное разнообразие средств реализации категории отрицания в рассматриваемом рассказе, охватывающих все уровни языковой системы, в том числе и паралингвистические. Эксплицитно отрицание выражается такими специальными лексическими средствами, как *nein* со статусом предложения, наречные слова *nicht, nie(mals), nirgendwo, keinesfalls*, неопределенные местоимения типа *nichts, niemand, keiner*, выступающие в функции артикля *kein, keinerlei*, парные союзы *weder ... noch, nicht ... sondern*, союзные сочетания *ohne dass, ohne zu*, предлоги *ohne, außer*, а также приставки *un-, nicht-, ent-* и суффиксы *-los, -frei* на морфологическом уровне. Разнообразие и большое количество средств языковой объективации отрицания можно считать свидетельством различных способов и возможностей модификации значения и прагматики как слова/словосочетания, так и целого высказывания, что особенно релевантно для психологического повествования. В рассказе Юдит Германн широкая палитра и полифункциональность отрицаний являются стилистически отмеченными. Как показал анализ, отрицательные предложения не являются в преобладающем большинстве случаев производными от утвердительных, напротив, они часто лишены всяческой связи с предшествующими утвердительными высказываниями, т. е. слабо референтны. По нашему мнению, отрицательные высказывания, отличающиеся слабой информативностью, являются концептуально значимым средством выражения реакции героини на неопределенность бытия и своих отношений, на неупорядоченность и смятение мыслей, на отсутствие взаимопонимания, на неисполнение ожиданий и иллюзорность надежд.

Особым прагматическим потенциалом обладает в данном рассказе семантика неопределенности, выраженная в первую очередь неопределенными отрицательными местоимениями (с явным преобладанием *nichts, niemand* как маркеров одушевленности/неодушевленности) и наречными словами *nicht, nie*, коммуникативно-прагматическая заданность которых усиливается посредством текстового контрастного, в основном, контактного взаимодействия с неопределенными местоимениями положительной семантики (*etwas, irgend etwas, irgendein, jemand, irgend jemand, irgendwann*), что обеспечивает создание антитетически организованных контекстов, в том числе оксюморонного и градационного характера: *irgendetwas – nichts, nichts zu sagen – etwas zu sagen, alles aus dem Nichts, unbedingt – nicht unbedingt, nichts – so etwas wie*

Liebe, nicht schlecht, aber doch seltsam, nicht kühl, sondern eiskalt. Наше исследование подтверждает вывод Н. Д. Арутюновой, что «контрастивное отрицание может также раскрывать мотивы выбора слов, создавать для него смысловой фон и даже формировать новый смысл» [1, с. 667]. Прагматически значимым можно считать часто наблюдаемое усиление/ослабление отрицательного признака: *gar nicht, gar keine, kein einziges Mai, wirklich niemals, nie in seinem Leben, überhaupt nicht / nicht ganz, nicht genau, nicht mehr sicher, nicht mehr wirklich*.

Экспрессивность повествования усиливает также парцелляция отрицательных компонентов, способствующая конкретизации мироощущений героини, к которой она все время стремится с целью обретения уверенности в своих чувствах и, как следствие, в завтрашнем дне. В качестве примера можно привести следующий контекст: *...so, als hätte in Austin, Nevada, alles eine Bedeutung gehabt, aber so ist es nicht gewesen, nicht ganz* [13, с. 202]. Отрицание в зарамочной позиции выполняет функцию оценочного смягчения восприятия событий во время путешествия и реализует попытку героини разобраться в своих чувствах и ощущениях.

В рассказе от имени автора повествуется о молодой женщине, которая погружена в воспоминания о том, как она с другом пересекла пустыню на пути от восточного к западному побережью Америки какое-то (тоже неопределенное) время назад. Эти воспоминания касаются в большей мере ощущений и эмоций героини, чем каких-то конкретных событий во время путешествия по пустыне. Лексема *Wüste* (пустыня) на глубинном когнитивном уровне и в границах данного текста также обнаруживает имплицитную сему отрицания (отсутствие растительности, воды и, соответственно, какого-либо комфорта). Впечатления героини, речевая партия которой часто представлена в форме внутренней и несобственно-прямой речи, размыты, что подтверждается использованием различных типов отрицательных конструкций с глаголами-когнитивами: *sie könne sich nicht mehr richtig daran erinnern; von all dem wisse sie nichts mehr; Ellen weiß nicht mehr; ihr war nichts mehr eingefallen; sie war sich nicht sicher*. Поэтому в качестве обобщающего вывода автор уже на первой странице рассказа заключает, используя градацию отрицательного признака, усиливаемого ирреальными грамматическими конструкциями и темпоральными наречиями: *Als wäre diese Reise eigentlich nicht gewesen, als wären sie und Felix nicht gewesen. Zuvor nicht und später auch nicht, gar nicht*. Ключевой для семантизации заданного здесь смысла является лексема с отрицательной приставкой *unwirklich*, концептуальная значимость которой обеспечивается такими повторяющимися во всем текстовом пространстве рассказа единицами, как *scheinen, nichts sehen, zweifeln, sinnlos suchen nach irgend etwas, so ist es nicht gewesen; Amerika existierte nicht, nicht wirklich*.

Кроме того, семантика отрицания может быть выражена также имплицитно в комбинации с компонентами категорий модальности и оценочности, как, например, посредством грамматических форм ирреальности, конструкций избыточной семантики, фразеологизмов. Характерным для данного рассказа является использование форм сослагательного наклонения для оформления косвенной речи героини, с одной стороны, и выражения нереальности и неопределенности описываемого события, с другой.

В заключение можно констатировать, что значительное количество отрицаний и отрицательных конструкций, их контактное скопление и дистантное взаимодействие в сильных позициях текста свидетельствуют об отрицательно-оценочной субъективной реальности героини, о дезоптимизации не только ее общения с близким человеком, но и о дисгармонии с самой собой. Для данного рассказа характерна ретроспективная направленность отрицания, различные текстовые реализации которого обращены к прошлому опыту героини. Выявленная множественность реализации отрицаний, их повторы и парцелляции, в том числе и двойные, градация и интенсификация отрицательного признака посредством их последовательного использования и скопления, полинегативность высказываний можно считать свидетельством высокого коммуникативно-прагматического потенциала и текстообразующей функции категории отрицания в рассматриваемом рассказе Ю. Германн.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальные основы отрицания в языке // Филология и культура: Материалы IV Межд. науч. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 334–338.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
6. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2007. 296 с.
7. Риторика монолога / под ред. А. И. Варшавской. СПб.: Химера трейд, 2002. 340 с.
8. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013 № 1 (34). С. 166–172.
9. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГТУ, 2001. 192 с.
10. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
11. Clark H.H. Semantics and comprehension // Sebeok T. (Ed.). Current trends in linguistics. The Hague: Mouton, 1974. P. 1291–1428.
12. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1988. 340 S.
13. Hermann Judith. Nichts als Gespenster. Erzählungen. 3. Aufl. Frank-furt/M: Fischer, 2004. S. 195–232.

УДК 81-119

Ходус Вячеслав Петрович

ОСМЫСЛЕНИЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВА В МЕТАПОЭТИКЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье представлен анализ метапоэтики А. П. Чехова, выявляются корреляции драмы и пьесы, определяющие ключевые понятия метапоэтического дискурса, рассмотрение которых дает возможность раскрыть интенции автора при построении драматического текста.

Ключевые слова: метапоэтика, метапоэтический дискурс, драма, пьеса, семиотика.

Khodus Viacheslav P.

REFLECTION ON THE DRAMATIC ACT IN METAPOETHICS OF A. P. CHEKHOV

This article gives an analysis of metapoethics of A. P. Chekhov, the correlations of drama and play are revealed and determine the key lexemes of metapoetical discourse, and it gives us an opportunity to disclose the intentions of the author concerning the creation of a dramatic text.

Key words: metapoetics, metapoetical discourse, drama, play, semiotics.

Метапоэтика драматического текста А. П. Чехова – уникальное и значимое явление не только в русском, но и мировом драматургическом и театральном творчестве. Большое внимание писатель уделяет анализу языка произведений. Он не терпит того, чтобы герои говорили театральным, искусственным, иногда «ерническим» языком. При этом речь сценическая и речь в жизни – не одно и то же. Иногда Чехов говорит об индивидуализированности языка, об особенностях языка в некоторые моменты спектакля: «прощение», «обращение денщики», «разговор о питейной торговле и процентах» – все это разные ситуации, разные темы, разные люди, и говорить об этом нужно по-разному, исходя из сценической условности, но поверяя ее соответствием жизни.

Чеховская метаморфоза – плавные переходы значений одно в другое, рождающие тайну, неразгаданные смыслы, то чудесное, что как раз и составляет особенность чеховской драматургии. Основа чеховской метаморфозы – взаимоисключаемость в определениях одного и того же объекта, но она имеет внутренний характер, и нюансировка образов, действий, событий идет на основе фиксации преобразования значений, скольжения от одного к другому, моментов процесса преобразования одного состояния в другое. Сложные скольжения значений, преобразований как раз и составляют суть импрессионистичности его произведений, изображения характеров, состояний.

Метапоэтика драматического текста отражает понимание А. П. Чеховым театра как особого художественного пространства, во многом противопоставленного обыденной действительности. Обыденная действительность может входить в это пространство, но приобретает другие значения, связанные с тем, что воплощается в слове и является уже не областью макро-семиотики «мира природы», а макросемиотики «мира слов», где язык выступает в качестве материала для создания произведения искусства. Этот многотрудный путь и следует проделать интеллигентному читателю, зрителю.

А. П. Чехов в метапоэтике не занимается теоретизированием, у него нет развернутых теоретических работ, трактатов, которые были у многих драматургов и теоретиков. Концепция Чехова деятельностная, тексты пьес – это и есть живой действенный эксперимент чеховской драматургии. Она строится не на основе размывания жанров, это сплав того лучшего, что дает каждый вид драмы, каждая область искусства. Все это позволяет писателю создать особый мир, который является миром Чехова, но, в то же время, он не противоречит такому универсуму, как жизненный мир. Драматический текст двусторонне связан с текстом-жизнью (от жизни к тексту и от текста к жизни), что позволяет не только отображать реальность, но и влиять на нее.

Критическое мышление писателя необычайно тонко, многообразно, изощренно. Здесь он, как врач, ставит диагноз не для того, чтобы установить приговор, а для того, чтобы лечить болезнь, то есть исправлять ошибки. Позитивная критика – особенность метапоэтического дискурса А. П. Чехова.

Обратимся к рассмотрению и осмыслению Чеховым драматического действия, своеобразного перевода с языка автора на язык зрителей.

В метапоэтической области «драма и театр» А. П. Чехов постоянно отмечает и отслеживает успех театров, отдельных артистов, поддерживает все позитивные веяния в театре. В то же время происходит углубление метаморфозы в сфере его драматургии, возникает синкретизм жанров, что вызывает непонимание тех, кто ставит чеховские произведения, в частности, в Московском художественном театре.

Строя свои произведения на сопряжении противоположного, часто смешного и трагического одновременно, уходя в этом сопряжении все более вглубь и вглубь в деталях, сценических образах, автор приходит к метаморфозам в драматургическом роде, жанрах драматургии. Этому как раз и способствует система противоположностей в структуре произведений и метапоэтике Чехова.

Метаморфозы, лежащие в основе родов, жанров, приемов, содержания, возможны на основе контраста, внутреннего противопоставления, антиномичной структуры образов, мнений, которые А. П. Чехов использует не только в творчестве, но и в метапоэтике. Чеховская метаморфоза – плавные переходы значений одно в другое, рождающие тайну, неразгаданные смыслы, то чудесное, что как раз и составляет особенность чеховской драматургии. В собственно мифе фиксируется внимание на противоположных, взаимоисключающих состояниях в процессе метаморфозы, конечных точках. Основа чеховской метаморфозы – также взаимоисключаемость в определениях одного и того же объекта, но она имеет внутренний характер, и нюансировка образов, действий, событий идет на основе фиксации преобразования значений, скольжения от одного к другому, моментов процесса преобразования одного состояния в другое. Сложные скольжения значений, преобразований как раз и составляют суть импрессионистичности его произведений, изображения характеров, состояний. Ведь чайка красива только в полете, на берегу она неуклюжая и не очень красивая птица – вылитая ворона. Образ чайки в движении,

в полете является сутью преобразований, метаморфоз А. П. Чехова: из неприглядного, житейского в прекрасное, праздничное, из прекрасного, праздничного в неприглядное, житейское. Чеховская драма «продемонстрировала последовательно новый тип художественного мышления, отменивший прежние, казавшиеся незыблемыми, ограничения, отменивший их не в частностях, а в целом». Чеховская драматургия стала «тем кладзем, из которого черпали и черпают все новейшие театральные направления □ от символизма до театра абсурда» [13, с. 279].

В пьесе «Чайка» прослеживается «встреча» основных интересов автора: проза, драматургия и театр.

В пьесе он единственный раз использует прием «сцена в сцене», который при анализе часто определяется через понятия внутренняя и внешняя пьеса, что в определенном смысле может быть соотносено с теорией А. А. Потебни о значении слова. В пьесе смысл всего драматического произведения складывается из соотношения внешней «формы» пьесы, в том числе и жанровой, с внутренним значением («сцена на сцене» всегда дана в pendant к внешней пьесе), и «смысл пьесы в целом возникает из со- и/или противопоставления гомо- или гетерожанровых пьес («Гамлет» – внутренняя и внешняя пьесы – трагедии; «Сон в летнюю ночь» – комедия как пародия на трагедию; «Мировая душа» – как «идеальная» схема символистской драмы, помещенной в «новую драму»)» [4, с. 33].

Текст в тексте – драма о Мировой душе Треплева – становится текстом о тексте. А. П. Чехов представляет драматический текст (совокупность текстов письменного и театрального) как режиссер, следуя высказанному ранее метапоэтическому заявлению: автор, а не актер – вот, кто настоящий хозяин пьесы. В этом же текстовом фрагменте А. П. Чехов представляет театральный план идеально мыслимой им самим пьесы, где декорацией является сама природа (впоследствии во всех пьесах, как и в «Чайке», одно из действий происходит обязательно в саду). Творческая рефлексия также касается и языка: слова теряют свою зависимость от действия, которое они должны определить. И эта оторванность приводит к разрыву с «театральной повседневностью», когда слово произносится «здесь и сейчас». У слова появляется перспектива. Слово, десемантизированное в контексте театрального, отрываясь от самого контекста, формирует этот контекст.

Структура текста в тексте позволяет в определенной мере заключить в метапоэтическое пространство такой экстралингвистический факт, как событие. Именно событие содержит потенциал взаимообусловленности семантики метапоэтического дискурса и результата творчества, то есть реализуется в данном дискурсе как детерминированный знак. В тексте «Чайки» А. П. Чехов очерчивает несомненную важность для драматурга такого события, как реакция публики, и четко описывает события премьерного спектакля (непримчивость публикой и уход автора). В то же время метапосылки в мемуарных текстах показывают осознание драматургом неприятия и непонимания еще на уровне театрального текста. В. Н. Ладыженский отмечает, что А. П. Чехову казалось, что постановщики не позаботятся передать настроения его пьесы и что большинство актеров играет по шаблону [5]. Оппозиция двух метапоэтических терминов настроение – шаблон четко определяют мыслительную операцию осознания драматургом перспективного неприятия пьесы, ибо в контексте театрального дискурса анализируемой эпохи в понятие стандарта (шаблона) входили такие понятия эмоциональной характеристики, как комизм и трагизм. Именно то, что премьерный спектакль шел в бенефис комической актрисы формирует неправильную установку восприятия и завершается полным неприятием. Это событие обуславливает появление следующих метапоэтических фактов в эпистолярных текстах: «В театре было тяжелое напряжение»; «Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти». Стоит обратить внимание на то, что первая рефлексия на постановку содержит метапоэтический термин театр, а не пьеса. С одной стороны, «здесь отражается реальное противоречие между двумя видами искусства – драмой как литературой и драмой как явлением сцены. В этом смысле понятна природа авторской неудовлетворенности сценической интерпретацией своих произведений. Ведь, по сути дела, драматургические структуры пересоздаются и опосредуются в системе иной, сценической образности, не столько ретранслируясь, сколько трансформируясь, преобразаясь» [6, с. 123]. С другой стороны, как справедливо отмечал Вс. Мейерхольд, драма, зачастую являясь «предвестием» новых сценических форм, в определенном смысле опережает

или опровергает театральную практику, вступая с ней в острый конфликт» [11, с. 19]. Важным для А.П. Чехова становится текст театральный, в который погружен текст драматургический.

В метапоэтической области «пьеса и ее театральное воплощение» часть общей структуры метапоэтики пьесы в творчестве А.П. Чехова позволяет нам войти в переживание А.П. Чеховым постановок, воплощения его образов на сцене. Обращает внимание та же строгость по отношению к себе и тем, кто участвует в этом процессе, высокая требовательность. Метапоэтический дискурс погружает нас в театральную среду его времени, позволяет увидеть воплощение глазами драматурга – А. П. Чехова, узнать о зрительской реакции, о том, как артисты выражают сложные чеховские образы.

Говоря о пьесе «Иванов», Чехов отмечает, что написать ее было не трудно, а постановка требует «не только траты на извозчиков и времени, но и массы нервной работы» (Н. А. Лейкину, 4 ноября 1887 г.). Вот характеристика театра Корша, которую А.П. Чехов дает в письме Н.А. Лейкину от 4 ноября 1887 года: «Судите сами: 1) в Москве нет ни одного искреннего человека, который умел бы говорить правду; 2) актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадеянны; друг друга терпеть не могут, и какой-нибудь N готов душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль. 3) Корш – купец, и ему нужен не успех артистов и пьесы, а полный сбор. 4) Женщин в его труппе нет, и у меня 2 прекрасные женские роли погибают ни за понюшку табаку. 5) Из мужского персонала только Давыдов и Киселевский будут на своих местах, а остальные выйдут бесцветными...» А.П. Чехов, как всегда, критичен, но его критика, в целом, оставляет надежду, так как художник предъявляет очень высокие требования: искренность, образованность, успех артистов и пьесы, прекрасные женские роли, артисты «на своих местах».

Ключевые слова метапоэтической области «пьеса и ее театральное воплощение»: провалилась, гнусно, глупо, скверно, вяло, изумительно, спрос (большой), переполненный (театр). Сложность сценического воплощения пьес А. П. Чехова отмечается исследователями. Во-первых, особой «наполненностью» обладает почти каждое слово, которое становится носителем и выразителем определенной идеи. Вообще слово в драме может персонифицироваться и воплощаться в лицах и положениях, «оно как бы выходит из себя – в жест, в персонаж, в сюжет. И весь драматический мир здесь вырастает из слова и воспроизводит его структуру <...> это игровое слово». Такое игровое слово по своей сути связано с природой, «и в этих стихийных играх слова с природой и природы со словом, как бы воскрешающих те блаженные времена, когда “сам язык был частью природы”, чудится какое-то откровение глубинной природы драматического слова, исконной его сути» [3, с. 16]. Мир вещей и мир языка – неразрывны. Оба эти мира существуют в процессе постоянной ассоциации-диссоциации. Этот процесс – явлен. Посему – театрален [1, с. 154].

Но при явной театрализации в чеховских пьесах, по утверждению К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, прежде всего потрясает максимальное приближение к «правде жизни», внешняя будничность, принципиальное отсутствие эффектных картин и героев и при этом огромная философская глубина, знаменитое «подводное течение». И в большинстве работ, написанных о традициях А. П. Чехова, акцент делается именно на этом гениальном сочетании внешнего жизненного правдоподобия с поэтической структурой его пьес [7, с. 193].

Выражение «полифонии» смыслов, заложенных в пьесах А. П. Чехова, обнаруживается в тонком, «метапоэтическом театральном прочтении» К. С. Станиславского, который выразил это в своих режиссерских экземплярах. Он отмечал: «Во внешней жизни своих пьес он [А. П. Чехов.– В. Х.], как никто, умеет пользоваться мертвыми картонными бутафорскими вещами, декорациями, световыми эффектами и оживлять их. Он уточнил и углубил наши знания о жизни вещей, звуков, света на сцене, которые в театре, как и в жизни, имеют огромное влияние на человеческую душу. Сумерки, заход солнца, его восход, гроза, дождь, первые звуки утренних птиц, топот лошадей по мосту и стук уезжающего экипажа, бой часов, крик сверчка, набат нужны Чехову не для внешнего сценического эффекта, а для того, чтобы раскрывать нам жизнь человеческого духа. Как отделить нас и все, что в нас творится, от миров света, звука и вещей, среди которых мы живем и от которых так сильно зависит человеческая психология?» [9, с. 276–277].

Формирование ощущения среды, например, в режиссерских экземплярах Станиславского отражено в комментариях о внешнем виде и поведении действующих лиц, в которых детализируются как личные предметы лиц (номинативное нанизывание), так и их действия (глагольное нанизывание):

М.В. Войницкая в пенсне и с лорнетом, любит кутаться, носит с собой много платочков, то наденет на руку, на одно плечо, то держит у головы. Всегда с ней две-три книги и нож для разрезания, в ридикюле карандаш и много лоскутков бумаги [10, с. 9].

Употребление в комментариях лексемы всегда и словоформы в ридикюле представляет еще один из способов формирования среды. Станиславский указывает на то, что скрыто от зрителей и, возможно, раскроется только по ходу действия. Интенциональная посылка данного комментария направлена более в область постижения жизненного пространства персонажа (лексема всегда выражает постоянство, длительность процесса), чем в сферу сценической деятельности.

В тонкой, практически филигранной работе К. С. Станиславского лежит «метапоэтическое» осмысление: познание авторского кода, следование за А. П. Чеховым-драматургом. То, чего сегодня лишены практически все режиссеры. И. Е. Гитович по поводу сценических интерпретаций «Трех сестер», в частности, отмечает: «...Ставя сегодня Чехова, режиссер из многослойного содержания пьесы выбирает все-таки – сознательно или интуитивно – историю про что-то, что оказывается ближе. Но это неизбежно одна [выделено автором. – В.П.] из историй, одна из интерпретаций. Другие же смыслы, заложенные в систему образующих чеховский текст “высказываний”, остаются нераскрытыми, ибо раскрыть систему за те три-четыре часа, что идет спектакль, невозможно» [2, с. 14].

Только режиссеру, глубоко чувствующему чеховский текст, удастся понять значимость всех элементов творческой системы: «Вдумайтесь, – говорит Г. А. Товстоногов, – ведь человека убивает не Соленый: его убивает круговое равнодушие, безмолвное царство молчания. Не физическая смерть ужасна – страшно умирание моральное, духовное» [цит. по: 8].

Как и в художественных произведениях, в метапоэтике А. П. Чехова, все кратко, но очень точно, строго, взвешенно и отображает реальную ситуацию жизни, театральный мир со взлетами и падениями, с успехами и провалами. Так от пьесы к пьесе, от принятия и непринятия зрителями шел художник, совершенствуя свой драматический текст, отраженный в языке драмы.

Литература

1. Беренштейн Е. П. «Деймо» как функциональный элемент футуристической пьесы // Драма и театр: Сборник научных трудов. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 149–154.
2. Гитович И. Е. Пьеса прозаика: феномен текста // Чеховиана: «Три сестры» – 100 лет. М., 2002. С. 6–18.
3. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990.
4. Ищук-Фадеева Н. И. Текст в тексте и жанр в жанре («Пылая певичка» Ионеско) // Драма и театр: Сборник научных трудов. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 28–35.
5. Ладьженский В. Н. В сумерки // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 209–211.
6. Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы: В 2-х т. М., 1968. Т. 1.
7. Скаковская Л. Н. Традиции А. П. Чехова в пьесах М. Ворфоломеева // Драма и театр: Сборник научных трудов. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 193–196.
8. Строева М. Чехов неисчерпаем... // Советская культура. 1965. 18 февраля.
9. Станиславский К. С. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1962. Т. 5.
10. Станиславский К.С. Режиссерские экземпляры: «Дядя Ваня» А.П. Чехова. М. — СПб., 1994.
11. Чепуров А. А. А.П. Чехов и Александринский театр. СПб., 2006.
12. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1983.
13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9: 316.6: 321

Козловская Наталья Владимировна**ИМИДЖ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье представлен обзор исследований по проблеме политического имиджа в отечественной науке, приведены результаты собственных исследований автора, направленные на изучение образов политического лидера и политической партии в обыденном сознании потенциальных и реальных избирателей, выделены способы эффективного позиционирования имиджа политического лидера.

Ключевые слова: политика, образ политического лидера, сознание, семантика, власть, политические партии, избиратели.

Kozlovsky Natalia V.**IMAGE OF CONDUCTING POLITICAL PARTIES
AND POLITICAL LEADERS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS RESEARCHES**

In article the review of researches on a problem of political image in a domestic science is submitted, results of own researches of the author, directed on studying of images of the political leader and political party in ordinary consciousness of potential and real voters are resulted, ways of effective positioning of image of the political leader are allocated.

Key words: politics, an image of the political leader, consciousness, semantics, authority, political parties, voters.

Выход Федерального Закона РФ о политических партиях [1], активизация в настоящее время роли партий как структурных элементов политической системы, повышение уровня политической культуры электората определили основное направление исследований, связанное с изучением специфики восприятия гражданами российских партий и их политических лидеров, а также определения отношения к ним различных слоев населения России. Такой интерес обусловлен также тем, что образ партии и ее лидера является важным регулятором формирования социальных аттитюдов, влияющих на электоральное поведение, поэтому его исследование приобретает сегодня большое значение.

Необходимо отметить, что проблема политического имиджа изучается в нашей стране в основном для политических лидеров (Е. В. Егорова-Гантман, В. Г. Зазыкин, Н. В. Козловская, Г. Г. Почепцов, и др.), несколько меньше – для политических партий (Г. Г. Почепцов, и др.). Анализ имеющейся на сегодня научной литературы по проблеме исследования показал, что наиболее детально изучены психологические технологии формирования эффективного имиджа политика (Е. В. Егорова-Гантман, В. Г. Зазыкин, В. М. Шепель и др.). Кроме того, на сегодняшний день ряд исследований направлен на изучение условий и факторов формирования политических образов в обыденном сознании избирателей, представителей различных слоев населения (Н. В. Козловская, О. В. Митина, В. Ф. Петренко, Е. Б. Шестопал, и др.). С точки зрения философского, политологического и социологического анализа исследованы различные аспекты имиджа политической системы (С. Е. Ананьева, О. А. Малаканова, Н. В. Трошина, и др.). В работах А. В. Юрьева были рассмотрены психологические аспекты содержания понятия «партия» [10]. В. Ф. Петренко и О. В. Митина, используя психосемантический подход, выявили отношение граждан России к известным политическим партиям страны, изучили динамику общественного сознания, их политические позиции [6]. В то же время изучение технологий фор-

мирования имиджа политической партии у населения в ходе предвыборных кампаний проводилось в основном в политологии (З. М. Зотова, А. В. Гармонова, и др.).

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на имеющиеся в России исследования имиджа политиков и партий, на сегодняшний день, в том числе, в рамках психологии остаются вопросы, требующие своего дальнейшего изучения, в частности, вопрос специфики формирования целостного имиджа ведущих российских политических партий и ее лидеров в обыденном сознании избирателей. На это обращает внимание Ю. Левада, который считает, что «в общественном мнении слабо различаются механизмы и функции власти, институты власти, роли и действия конкретных лиц (лидеров), наделенных властью» [4]. Однако исследование политической власти требует, в свою очередь, для получения полноты и точности информации, изучения и образов политических лидеров, которые олицетворяют эту власть, и образов политических партий, представителями которых данные лидеры являются. Е.Б. Шестопал считает, что «без проблемы лидерства и лидеров, стоящих у власти, нельзя понять политику» [9]. При этом необходимо понимать, что помимо реальных лидеров в политической реальности участвуют и их «отражения», то есть те образы, которые есть в обыденном сознании людей. «Учет этих стереотипов необходим при планировании и проведении избирательной кампании, поскольку сложившийся в сознании электората образ обуславливает не только отношение к политику, но и проявление политической активности на выборах» [3]. При этом установки восприятия политического лидера «не только исполняют роль фильтра по отношению к информации о политике, но и в целом задают характер познания субъектов политики массами» [4]. Все это определило цель нашего исследования – выявление особенностей восприятия электоратом ведущих российских политических партий и их лидеров.

Для достижения поставленной цели был использован метод семантического дифференциала (СД). Нами были составлены две анкеты, включающие 50 и 38 шкал. Дескрипторы первой анкеты отражали различные стороны деятельности политических организаций с точки зрения их идеологии: взгляды на экономику, внешнюю и внутреннюю политику, ориентация на определенные ценности, отношение к религии, чьи интересы представляет партия. Шкалы были подобраны таким образом, чтобы с их помощью можно было оценить реальные партии. Часть дескрипторов была заимствована нами из исследований В. Ф. Петренко и О. В. Митиной [6]. Вторая анкета состояла из шкал, представляющих личностные характеристики объектов оценивания, в качестве которых выступали реально действующие политики – представители различных партий России.

Для оценки испытуемым было предложено 5 объектов: 4 реальных партии, которые представлены на российской политической сцене и 1 абстрактный образ – «Партия, которая нужна России сегодня» (в СД, направленном на изучение представлений испытуемых о партиях); и 9 объектов в СД, направленном на исследование особенностей восприятия образов политиков, где 5 образов – реально действующие политические лидеры (Путин, Медведев, Зюганов, Миرونнов, Жириновский) и 4 абстрактных образа – «Идеальный политик», «Политик, который нужен России», «Политик, за которого я бы проголосовал», «Политик, за которого я не стал бы голосовать». Образы предлагалось оценить по шестибальной шкале от 0 до 5, где «0» ставился, если предлагаемая характеристика, по мнению респондентов, не проявляется, а «5» – характеристика выражена в наибольшей степени. Для оценки промежуточной степени выраженности использовались баллы 1, 2, 3, 4.

Исследование проводилось в 2012–2013 гг. Эмпирическую базу исследования составили результаты опросов студенческой молодежи (Северо-Кавказский федеральный университет, в качестве респондентов выступили студенты 2, 4 курсов Института математики и естественных наук, специальности «Прикладная математика и информатика», «Физика», «Математика и компьютерные науки»; Института информационных технологий и телекоммуникаций специальности «Организация и технология защиты информации») и жителей г. Ставрополя, потенциальных и реальных избирателей. Всего в исследовании приняли участие 149 человек.

В связи с целью и задачами исследования вся выборка респондентов была разделена на три группы по возрастному критерию. Первую группу составили студенты, обучающиеся на 2 курсе в СКФУ, в возрасте 17–18 лет (60 человек), не участвовавшие в политических выборах. Вторая группа состояла из студентов 4 курса, возраст 21 год (60 человек), принимавших участие в политических выборах. В третью группу вошли жители г. Ставрополя – представители городского электората, возраст 45–50 лет (29 человек).

Приведем основные результаты, полученные нами после обработки данных СД во всех возрастных выборках.

Прежде всего, необходимо отметить, что все испытуемые считают, что «Единая Россия» является партией, которая «необходима России сегодня». Отличия заключаются, во-первых, в том, что если в выборке 18-летних эта партия противопоставлена по своей политической идеологии партии «Справедливая Россия», то для 50-летних избирателей эти партии ратуют за одни и те же ценности; а в выборке 20-летних «Единой России» противостоит партия КПРФ. Во-вторых, имидж партии «Единая Россия», позволяющий избирателям судить о самой партии, также имеет свои отличительные особенности: для 18-летних – это партия президента, которая ориентируется не только на внутренние ресурсы, но и стремится к сближению с Западом, заботится об укреплении России на международном уровне, ратует за единение, соблюдение прав человека, заботится о молодежи. Для 20-летних – это сильная, проправительственная партия, стремящаяся к развитию сильного государства, обладающего военной мощью, в котором граждане социально защищены, имеющая мощную экономическую базу и финансовую поддержку, выражающая интересы олигархов. Наконец, для 50-летних избирателей – «Единая Россия» отличается от других партий тем, что она отстаивает интересы государства, имеет мощную экономическую базу и финансовую поддержку и не занимается политическим популизмом.

Кроме того, возрастные отличия в восприятии политических партий проявляются и в установлении приоритетных направлений в их деятельности: если для потенциальных избирателей основным критерием успешности деятельности партии является политика по восстановлению целостности страны в экономическом, политическом и духовном аспектах, а для молодых избирателей – лояльность современных партий идеям президента, то люди старшего возраста главное внимание в политической линии партии уделяют вопросу экономической и политической открытости в сочетании с военной мощью и силой страны.

При восприятии политических лидеров избиратели разного возраста обращают внимание на разные качества: для потенциальных избирателей важными характеристиками являются интеллигентность и порядочность, умение рисковать, проявлять самостоятельность и обладать политической хитростью; молодые избиратели, прежде всего, обращают внимание на нравственные черты, проявляющиеся во взаимодействии с окружающими: добросердечный, искренний, прямолинейный/скрытный; а старшее поколение сначала проводит анализ политической позиции лидера и только после этого обращает внимание на личностные качества – интеллигентный, привлекательный, правдивый, прямой.

При этом позитивный имидж политического лидера оказывает существенное влияние на популярность его партии, а значит и на количество голосов избирателей во время выборов, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему повышению рейтинга популярности, а значит, усиливает влияние данной партии на массы. В то же время, как указывает Д.В. Чижов, «имидж партий является своего рода «лакмусовой бумажкой», на которой отражаются конкуренция идей, программ, лидеров, конкретной работы партии с избирателями и в стенах парламента» [цит. по: 2, с. 94]. Наконец, «лидеры партий, как правило, выступают лицом политической партии, особенно в общении с прессой и избирателями, поэтому их имидж во многом будет проецироваться на имидж всей политической партии, а в некоторых случаях и полностью ассоциироваться с ним» [2]. Соответственно, при построении имиджа лидера и имиджа партии необходимо учитывать общественное мнение избирателей. При этом основная задача политического психолога в рамках подготовки и проведения избирательной кампании состоит в том, чтобы определить условия и способы достижения стабильного и устойчивого продвижения кандидата к конечной цели – победе на выборах.

Одним из таких способов, на наш взгляд, является анализ установок, ожиданий, потребностей электората в зависимости от его профессиональной направленности, что стало основной задачей другого нашего исследования. Мы исходили из того, что учет профессиональных особенностей электората позволит выявить и сформулировать политическому психологу наиболее приемлемые стратегии и тактики проведения избирательной кампании, а определение идеального образа кандидата в представлении избирателей – учесть его в ходе создания имиджа политического лидера.

Эмпирической базой исследования стал электорат г. Ставрополя – представители разных профессий: воспитатели Муниципального дошкольного образовательного учреждения детского сада комбинированного вида д/с №39 (15 человек), преподаватели Ставропольского колледжа связи и

МОУ гимназии №3 (20 человек), частные предприниматели (20 человек), экономисты, работающие в Ставропольском колледже связи (19 человек). Всего в исследовании приняли участие 74 человека.

В качестве основного метода исследования был также выбран метод Семантического дифференциала. Нами было отобрано 53 утверждения. Дескрипторы отражали различные стороны, технологии, аспекты проведения избирательной кампании, особенности поведения политических кандидатов в ситуации взаимодействия с избирателями, участия в теледебатах, выступлениях на радио, перед большими аудиториями. Шкалы были подобраны таким образом, чтобы с помощью них можно было оценить основные способы, приемы, которые используют кандидаты во время проведения избирательной кампании.

В результате анализа полученных эмпирических данных были выделены категориальные структуры сознания респондентов, через призму которых происходит восприятие избирательной кампании. На их основе нами были составлены рекомендации для политических психологов, учет которых позволит построить позитивный имидж политика, баллотирующегося на выборах, а также выбрать наиболее эффективные избирательные технологии.

Группа предпринимателей. Работая с избирателями, относящимися к профессиональной группе «предприниматели», кандидат должен учитывать, что в своих политических выступлениях, избирательной программе он должен показать продуманность и обоснованность своих предложений, ясное видение путей выхода из кризиса, проявлять профессионализм и компетентность, деловую хватку, активность, искренний интерес, в своих прогнозах и предложениях опираться на реальность. Проведение рекламной кампании на телевидении должно отличаться продуманностью и конкретностью. Основной формой подачи кандидатом своих политических взглядов, политического видения для данной профессиональной группы должны быть телевизионные дебаты. Для предпринимателей важны личные встречи с кандидатом, на которых политик, соблюдая дистанцию, тем не менее, не должен проявлять отстраненность от аудитории избирателей. При этом кампания должна строиться на использовании «чистых» технологий, проводиться «честно и справедливо».

Группа воспитателей. На встречах с воспитателями кандидат, прежде всего, должен продемонстрировать «личностные» особенности, он должен уметь расположить к себе избирателей, «демонстрируя общие с избирателями проблемы», проявлять ораторские способности, логически мыслить и уметь донести свои мысли до аудитории. В своих выступлениях политик должен делать акцент на проблемах края, города, «пропагандировать перспективы» их развития, призывать к сотрудничеству, а также быть внешне привлекательным человеком и интересной личностью. Кроме того, политик должен четко определять программу своих действий и действий своей команды, проводить политическую рекламу на телевидении и в газетах, принимать активное участие в политических дебатах. При встрече с избирателями данной профессиональной группы кандидат должен отстаивать законность и порядок, стабильность жизни. Реализация его политической программы должна приводить к укреплению страны как «сильной державы».

Группа преподавателей. Такая профессиональная группа электората, как преподаватели, в первую очередь оценивает нравственные качества политического лидера («порядочность – непорядочность поведения во время избирательной кампании»). Поэтому политик на встречах с ними должен продемонстрировать «образец порядочности и работоспособности», проявлять «профессионализм и компетентность», призывать «к сотрудничеству», «выражать интересы интеллигенции», «апеллировать к здравому смыслу». При этом политический лидер должен проявлять «бескомпромиссность», разоблачая своих соперников во время политических акций. Речь кандидата должна быть ясной и понятной, выступление должно вызывать интерес у аудитории. Поэтому политик должен быть хорошим оратором, который «в своих выступлениях апеллирует к авторитетным мнениям», «затрагивает интересы» данной профессиональной группы, «проявляет энтузиазм», «умеет убеждать». Кроме того, в своих выступлениях кандидат должен акцентировать внимание на социальных проблемах страны, города, на проблемах людей данной профессиональной группы, затрагивать вопросы жилищно-коммунального хозяйства, говорить о законности и порядке, стабильности и социальной защищенности, затрагивать вопросы православия и гарантировать достойную жизнь избирателей. Немаловажным фактором, способствующим привлечению данной профессиональной группы в группу сторонников лидера, является внешность политика: должен быть «внешне привлекателен». Политик всем своим видом «должен вызывать доверие и уважение народа». Нако-

нец, еще одним немаловажным условием, при котором члены данной профессиональной группы отдадут свои голоса за кандидата, является наличие «правильно разработанной программы», а также использование самим политиком и его командой в предвыборной борьбе «чистых» технологий: депутат должен доказывать «не словом, а делом», быть «официальным», а не «строить из себя рубаху-парня», «создавать позитивную, созидательную атмосферу вокруг своей избирательной кампании», «не спешить начинать рекламную кампанию, зато потом использовать весь накопленный арсенал». Для данной профессиональной группы наиболее предпочтительной является телевизионная реклама и, в некоторых случаях, можно использовать рекламные щиты и газеты. Однако кандидат должен помнить, что рекламы не должно быть много, так как представители данной профессиональной группы считают, что реклама «не приносит пользу на выборах» (нужно «доказывать не словом, а делом»).

Группа экономистов. Предвыборная кампания кандидата, проводимая с этой профессиональной группой, может оказаться эффективной, если она будет «проводиться планомерно, ровно, в одном темпе в течение всего времени», сам кандидат будет демонстрировать «приоритет общественных интересов над личными», а его программа будет «понятна и опираться на реальность». При этом политический лидер должен «демонстрировать общие с избирателями проблемы», вызывая, тем самым, «доверие и уважение у народа». Кроме того, для экономистов важно, чтобы политик представлял «реальную власть». Действия кандидата должны отличать «продуманность и стабильность», а сам он должен «вселять в людей надежду». Для представителей данной профессиональной группы важно, чтобы в своих выступлениях кандидат освещал «экономические проблемы страны», делал акцент на «возрождении России», защищал ценность создания «крепкой семьи», соблюдение «равенства и справедливости», гарантировал «достойную жизнь» гражданам страны.

Таким образом, технология психологического сопровождения предвыборных кампаний должна строиться с учетом не только особенностей кандидата, баллотирующегося на выборную должность, но и профессиональной специфики электората, и представлять собой систему, позволяющую:

- обеспечить совмещение рекламной кампании избираемого лица и его штаба с реальными потребностями населения;
- повысить самосознание целевых групп электората и воздействовать на них сообразно сегментации рынка избирательных технологий;
- содействовать позитивному исходу выборов для избираемого лица [8].

Наконец, можно утверждать, что попытки реконструкции представления электората об основных составляющих политической системы, в нашем случае, политических лидерах и партиях, дают исследователям информацию, с помощью которой можно проанализировать различные аспекты политического менталитета.

Литература

1. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях», с изменениями на 7 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792270> (Дата обращения 11.02.2014).
2. Гончарова О. А. Взаимодействие политических партий с институтами гражданского общества // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2011. №1. С. 89-97. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politicheskikh-partiy-s-institutami-grazhdanskogo-obschestva>
3. Козловская Н. В. Образ современного политика в представлении студенческой молодежи // Психологические исследования. 2012. № 1(21). С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.02.2014). 0421200116/0004.
4. Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1998, № 5, С. 9-15. [Электронный ресурс]. URL: http://stramichka-istorika.ru/fenomen-vlasti-v-obshhestvennom-mnenii.html?page_id=79&print=pdf
5. Наумов А. Б. Структура установок восприятия и оценки политических лидеров: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль. 2008. 24 с.
6. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. 2-е изд. М., 1997. 214 с.
7. Психология восприятия власти / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. 244 с.

8. Психология политического консультирования: учебное пособие / автор-составитель Н. В. Козловская. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 228 с.
9. Шестопал Е. Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис, 1997. № 6. С. 57–72.
10. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб. 1992.

УДК378.4:796.011.1

**Белова Любовь Владимировна, Белов Александр Константинович,
Простяков Александр Александрович**

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРИНЦИПЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТА ВУЗА

В статье представлены организационно-методические условия и принципы педагогического сопровождения процесса формирования культуры здорового образа жизни студента в образовательном пространстве вуза.

Ключевые слова: культура здорового образа жизни, педагогическое сопровождение, педагогическое проектирование, профессиональная подготовка.

Belova Lyubov V., Belov Aleksandr K., Prostyakov Aleksandr A.

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL CONDITIONS AND PRINCIPLES PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE PROCESS OF FORMATION CULTURE OF HEALTHY LIFESTYLES OF HIGH SCHOOL STUDENT

The article presents the organizational and methodological conditions and principles of pedagogical support the process of building a culture of healthy lifestyles student in the educational space of the university.

Key words: culture of healthy lifestyle, educational support, instructional design, training.

Исследование возникновения термина «сопровождение» с помощью разнообразных словарей и справочников показало, что он рассматривается как «действия (система, процесс, вид деятельности) людей по отношению друг к другу в их социальном окружении, осуществляемые ими во времени, в пространстве (институциональность взаимодействия) и в соответствии с их ролями» [4, 6, 7].

К одному из видов сопровождения относится и педагогическое сопровождение, содержащее черты социального характера, а также имеющее свою особенность, проявляющуюся в первую очередь в организационно-методических условиях ее использования. Цель педагогического сопровождения – развитие личности сопровождаемого человека, осуществляющееся при помощи специальных педагогических систем (образования, просвещения, воспитания, обучения, подготовки) в их институциональном (структурном) оформлении.

Вопросы изучения проблемы педагогического сопровождения личности, и в частности исследование идеи педагогического сопровождения студента в процессе его профессиональной подготовки, поднимались в трудах: Г. А. Волковицкого, А. В. Барабанщикова, Н. Н. Головина, Ю. М. Деяева, М. И. Драгомйрова, А. Г. Караяна, Л. Г. Лаптева, Р. В. Маркитана, А. Е. Саркисяна, П. А. Корчемного, В. Г. Михайловского, Б. М. Теплова, Л. Н. Уварова, В. Г. Уткина, Б. Я. Шведина, Н. Ф. Феденко, В. П. Галицкого и др.

В общем виде педагогическое сопровождение в теории воспитания отражает управляемую сторону этого процесса, его развитие в системе социального и педагогического взаимодействия [4].

В нашем исследовательском ракурсе существует также возможность использовать теоретический и практический опыт, а также полученные результаты изучения понятия педагогического сопровождения в трудах отечественных ученых, по направлениям:

- современные направления развивающего взаимодействия субъектов обучения и воспитания (Е. В. Бондаревская, Л. Н. Бережнова, В. И. Богословский, А. В. Петровский, А. И. Тубельский);
- взгляды сторонников «педагогике сотрудничества» (А. В. Адамский, Ш. А. Амонашвили, И. П. Иванов, Е.И., Казакова, А.П. Тряшцына);
- мысли о необходимости полноценного, продуктивного общения представителей всех возрастных, социальных и профессиональных групп (И. С. Кон, М. Ю. Кондратьев, А. В. Мудрик, Д. И. Фельдштейн и др.);
- о педагогической поддержке (В. П. Бедерханова, О. С. Газман, Н. Б. Крылова, Н. Н. Михайлова, С. Д. Поляков, И. Д. Фрумин, И. С. Якиманская и др.).

Так, по мнению Л. Н. Бережнова и В. И. Богословского, педагогическое сопровождение в вузе представляет собой организованный и контролируемый процесс приобщения субъектов образовательного процесса к взаимным действиям, направленный на решение нестандартных ситуаций, возникающих в образовательном процессе. Процесс сопровождения в вузе представлен ими как многоуровневое взаимодействие субъектов образовательного процесса, где уровнями могут быть: «Ректорат», «Факультет», «Курс», «Студент» [1, 2].

Сопровождение в педагогическом ракурсе Е. И. Казаковой понимается как деятельность, создающая условия для принятия субъектом выбора оптимальных решений в различных жизненных ситуациях. Любая программа сопровождения в педагогике по рассуждениям этих ученых представляет собой технологию разрешения проблем развития [5].

В большинстве своем общность мнений выше представленных ученых в понимании данной категории заключается в специфике профессиональной деятельности педагогов и психологов ориентированной на создание специальных условий (социальных, педагогических, психологических) успешного обучения и развития каждого субъекта образования.

В нашем исследовании мы будем определять педагогическое сопровождение как систему профессиональной деятельности преподавателя, руководства учебного подразделения, вуза и факультета направленное на психолого-педагогическое формирование условий для успешного обучения, воспитания и профессионально-личностного развития студентов в ситуации вузовского взаимодействия в контексте формирования здорового образа жизни.

При построении такой системы нам необходимо учитывать с одной стороны педагогические принципы и закономерности, специфику и особенности образовательного процесса вуза, а с другой – весь опыт практической работы со студентами, наработанные приемы и технологии уже разработанные и используемые в системе вузовского образования.

При выполнении анализа подобных разработок нами были обнаружены существенные различия в действующих программах его реализации и отсутствие единого понимания процесса формирования культуры здорового образа жизни.

В одних программах наблюдается преобладание основ медицинских знаний (Э. Н. Вайнер, 2007), в других рассматриваются проблемы семьи и здорового образа жизни (Л. М. Панкова, 1994), а в третьих (Г. К. Зайцев, В. В. Колбанов, М. Г. Колесникова, 1994) представлен комплекс знаний по педагогическим и психофизиологическим основам здорового образа жизни человека.

Анализируя подходы к проблемам здоровья человека, авторы (Н. М. Амосов, Я. А. Бендет, 1989; Г. Л. Апанасенко, Л. А. Попова, 2000; И. И. Брехман, 1990; Э. Н. Вайнер, 2002; В. И. Дубровский, 2001; Э. М. Казин, Н. Г. Блинова, Н. А. Литвинова, 2000; В. В. Колбанов, 2000; Н. И. Куинджи, 2001; В. В. Марков, 2001; В. И. Петрушин, Н. В. Петрушина, 2002; Б. Н. Чумаков, 2000; и др.) считают, что опубликованные работы и содержащиеся в них рекомендации не способствуют эффективному формированию культуры здоровья и здорового образа жизни у населения нашей страны.

Данное положение связано рядом факторов, с отсутствием единой концепции теории и методологии здоровья и процессом его формирования, развития и сохранения.

Утверждая идею педагогического сопровождения в качестве одного из основных условий обеспечения успешного процесса формирования культуры здорового образа жизни студента в системе вузовского обучения, нам необходимо сделать ряд важных уточнений. Они касаются

определения приоритетной цели, основных задач, ведущих принципов организации, а также основного содержания и технологической основы в практической деятельности и профессиональной позиции педагогов в отношениях с представителями образовательного процесса, а также методов и подходов в оценке эффективности их деятельности.

Таким образом, в нашем понимании ведущая цель в организации педагогического сопровождения в процессе профессионально-личностного развития студента в контексте формирования культуры здорового образа жизни – это многоуровневое и полиморфное взаимодействие, главная функция которого – стимулирование его самореализации в сохранении и развитии профессионального здоровья.

К основным задачам решения выше обозначенной цели процесса формирования культуры здорового образа жизни студента вуза необходимо отнести:

1) формирование мотивационно-ценностного компонента на основе преобразований и ориентации личности на присвоение ценностей здорового образа жизни с учетом требований предстоящей профессиональной деятельности. Причем к критериям решения задачи мы относим совокупность таких показателей, как: оценка целей и задач и понимание формирования данного вида культуры, осознание ценности знаний, умений и навыков, а также удовлетворенность данным процессом в образовательном учреждении;

2) формирование образовательно-когнитивного компонента на основе приобретения специальных знаний и развития интеллектуальных способностей в сфере здорового образа жизни соответствующие критериям, проявляющимся через такие показатели:

- уровень знаний о теоретических основах здорового образа жизни человека;
- уровень интегрированных знаний о биологической природе и морфофункциональных основах его телесности;
- уровень системы знаний о состоянии равновесия между адаптационными возможностями организма к условиям постоянно меняющейся среды, уровне знаний о способах преодоления вредных привычек и технологиях формирования культуры здорового образа жизни;
- уровень знаний о самоконтроле и психической саморегуляции;

3) формирование результативно-деятельностного компонента на основе приобретения практических и методических умений и навыков для личностных преобразований, связанных с процессуальной составляющей овладения знаниями о здоровье человека, технологиями формирования культуры здорового образа жизни, как в учебной, так и в предстоящей профессиональной деятельности. Критериями сформированности данного компонента является совокупность таких показателей, как индивидуальная физическая подготовленность (уровень развития физических качеств), индивидуальное физическое развитие и уровень физической работоспособности; уровень сформированности психофизиологических качеств;

4) формирование эмоционально-волевого компонента предусматривает расширение границ сферы эмоциональных переживаний и овладения способами жизнедеятельности, сохраняющей здоровье, его разрушения за счет проявления волевых усилий.

К основным критериям сформированности данного компонента относятся целевые установки, отношение к деятельности, воля и эмоции;

5) формирование социально-духовного компонента на основе воспитания духовно-нравственной культуры заключающейся в разнообразной и многогранной системе новообразований в сознании индивида, в которой отображаются актуальные потребности, интересы, вкусы, культура поведения, общения, коммуникации и духовные способности. К критериям сформированности данного компонента необходимо отнести уровень нравственности, мировоззренческих взглядов, а также эстетической воспитанности;

6) формирование профессионального компонента на основе формирования активной жизненной позиции в контексте акмеологического развития будущего специалиста, в приобретении практических навыков построения индивидуальных программ рациональной жизнедеятельности, направленной на обеспечение высокого уровня физической и интеллектуальной работоспособности.

В систему организационно-педагогических условий выполнения выше обозначенных задач при реализации педагогического сопровождения студента в контексте формирования культуры здорового образа жизни необходимо включить по нашему мнению, следующие направления методических принципов:

– стратегического пути развития физической культуры личности (В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева, 1995; В. М. Выдрин, Ю. Ф. Курамшин, Ю. М. Николаев, 1996; Л. И. Лубышева, 1996, 1997 и др.);

– дидактических принципов, законов и закономерностей обучения (М. А. Данилов, 1967; М. Н. Скаткин, 1982; Ю. К. Бабанский, 1988; П.И. Пидкасистый., 1998);

– общепедагогических принципов теории и методики физической культуры (С. В. Янанис, 1974; М. М. Боген, 1982; Л. П. Матвеев, 1991; А. А. Нестеров, 1998; В. И. Григорьев, Ю. Ф. Курамшин, 1999 и др.),

– принципов валеологии (И. И. Брехман, 1990; А. А. Дмитриев, П. Ю. Жуковин, 1997).

Анализируя труды вышеперечисленных ученых применительно к нашему направлению исследования, мы принимаем, что принципы в нашем случае представлены в виде рекомендаций, направляющих педагогическую деятельность и учебный процесс в целом, раскрывающих способы достижения поставленной педагогической цели и определяющих в дальнейшем выбор содержания, методов и форм организации учебного процесса.

В данный момент, в связи с изменением идеологической парадигмы и педагогического процесса как единого и целостного, необходимо разработать две группы принципов организации педагогического процесса, обеспечивающих эффективный процесс формирования культуры здорового образа жизни: общеметодические и специально-методические.

Таким образом, принципы, на основе которых предполагается осуществить организацию и построение процесса педагогического сопровождения формирования культуры здорового образа жизни студента вуза, составляют часть методологии и представляют собой базовые теоретические положения, объективно отражают сущность и фундаментальные закономерности воспитания, обучения всесторонне развитой личности, отношения социума к этому процессу, степень взаимодействия педагога на обучающихся. Они служат «путеводной звездой» для практического применения, профессионального проектирования технологий в соответствии с целями исследования.

В настоящее время в системе педагогического сопровождения наряду с традиционными видами деятельности применяется такое комплексное направление, как разработка (проектирование) образовательных программ. Перспективная возможность повысить эффективность педагогического сопровождения, обусловлена различием образовательной и учебной программ. В образовательной программе особое внимание уделяется становлению, развитию и воспитанию личности в гармонии ее когнитивных, эмоциональных, мотивационно-потребностных характеристик. В учебной программе особое внимание уделяется выполнению задач, направленных на овладение студентом знаниями, умениями, навыками.

Сейчас в педагогическом проектировании принято различать несколько этапов, содержание которых заключается в перечне логических мероприятий обеспечивающих эффективность разрабатываемой образовательной программы [3].

Первый этап принято называть мотивационным, основное назначение которого установление эмоционального контакта между субъектами образовательной деятельности, совместный анализ предполагаемых результатов и условий сотрудничества, уточнение профессиональных ожиданий.

Второй этап концептуальный, в содержание которого включается раскрытие смысла и содержания предстоящей деятельности, определение роли, статуса и общей профессиональной позиции субъектов педагогического сопровождения, формирование общей цели, задач, мотивов, смыслов сотрудничества.

Третий этап – разработка проекта образовательной программы на основании ориентировочной диагностики уровня развития.

Четвертый этап – практическая реализация образовательной программы.

Пятый этап – завершение процесса, итоговая диагностика, совместный анализ результатов.

Подводя итоги нашего исследования, констатируем, что ведущим научным ядром результатов деятельности должна выступить образовательная программа, и технология реализации ее программно-методического обеспечения. Образовательная программа должна быть разработана на основе учета выше рассмотренных методических принципов и выполнять обучающую, диагностическую, коррекционную, прогностическую функции, предполагающая изучение стартовых возможностей и динамики развития субъектов в образовательном процессе и, включать в себя построение

специальной системы психолого-педагогического сопровождения студентов в обеспечении формирования культуры здорового образа жизни в образовательном процессе вуза.

Литература

1. Бережнова Л. Н. Предупреждение депривации в образовательном процессе: монография. СПб, 2000.
2. Богословский В. И. Научное сопровождение образовательного процесса. Методологические характеристики: монография. СПб, 2000.
3. Безюлёва Г. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов: монография. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. 320 с.
4. Бондарев В. П. Технология педагогического сопровождения учащихся в образовательном процессе // Интернет-журнал «Эйдос». 2001.
5. Казакова Е. П. Система комплексного сопровождения ребенка: от концепции к практике // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развития ребенка. СПб.: Питер, 1998. С. 4–6.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Ю. Н. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. 917 с.
7. Педагогическая энциклопедия. М: Изд-во: «Советская энциклопедия», 1966. Т. 3. 789 с.

УДК 159.9:33

Лукиянов Алексей Сергеевич

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В работе показано становление содержания понятия экономического сознания, современное понимание сути и обуславливающих экономическое сознание факторов; раскрываются межпоколенные особенности экономического сознания через дифференциацию ценностей, различия в отношении к деньгам и собственности.

Ключевые слова: экономическая психология, экономическое сознание, младшее поколение, старшее поколение, ценности, деньги, собственность.

Lukyanov Alexey S.

INTERGENERATIONAL ASPECTS OF THE ECONOMIC CONSCIOUSNESS: THEORETICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

In the article shows a content genesis of economic consciousness, modern understanding of economic consciousness and its factors; represented intergenerational features of economic consciousness caused by values differentiation, differences in money and property attitudes.

Key words: economic psychology, economic consciousness, younger generation, older generation, values, money, property.

Не вызывает сомнений тот факт, что реформы последних десятилетий в области государственной экономической политики в социальной сфере становятся причиной возрастания индивидуальной ответственности каждого человека за персональное экономическое благополучие. В связи с этим принципиальное значение приобретает развитое экономическое сознание субъекта хозяйственных отношений, являющееся механизмом успешного овладения им навыками экономического поведения.

Формирование экономического сознания неизбежно связано с накоплением знаний и компетенций в области принципиальных экономических категорий, таких как рынок, деньги, предпринимательство, спрос и предложение, доходы и расходы и пр. Первичное представление и отношение к этим феноменам очевидным образом формируется в семье через передачу более опытными людьми менее опытному этому самого представления. Однако индивидуальность воспринимающего субъекта, его личностные характеристики, а также изменяющиеся социально-исторические и социально-экономические условия жизни общества и людей в этом обществе

накладывают отпечаток на характер процесса передачи этого опыта и, соответственно, сформированность экономического сознания у воспринимающего субъекта.

Поскольку этот процесс характерен для любого поколения, постольку межпоколенные особенности экономического сознания со всей своей очевидностью должны существовать. Теоретическому описанию некоторых из этих особенностей посвящена данная работа.

Проблема экономического сознания в феноменологии жизни и деятельности субъекта первое время была предметом изучения философии и социологии. Так, И. М. Осипенко в своей работе [11] отмечает, что ещё С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, В. С. Соловьёв обращали внимание на специфические для традиционного рассмотрения социально-психологические особенности процессов хозяйствования, в том числе, например, вопросы взаимодействия отдельных людей и групп в условиях развития капитализма в России.

В западной науке идея и постановка проблемы экономического сознания родились и рассматривались в работах М. Вебера, В. Зомбарта, Й. Шумпетера и др. [18], а позже в работах М. Вудкока, Дж. Гилбрейта, Д. Фрэнсиса и других – от установочных теоретических размышлений исследователи перешли к операционализации экономического сознания (так, например, исследовались исполнительский, управленческий и предпринимательский его типы [5]).

В нашей стране на рубеже 80–90-х годов XX в. появились исследования И. Г. Акперова, Ж. М. Масликовой, В. А. Семёнова и др., где в рамках проблемного поля экономической психологии исследовались особенности экономического сознания, содержательно отражавшего переходное состояние экономики того периода [2].

В исследованиях В. О. Бернацкого, Г. В. Киселёва, К. П. Стожко и др. (рубеж XX–XXI вв.) экономическое сознание рассматривается как особый тип общественного, массового сознания [16]. В это же время экономическое сознание изучается в социально-психологическом аспекте (А. И. Китов, С. В. Ковалёва и др.). Здесь исследуется субъект экономического сознания и его экономические отношения, функциональная структура экономического сознания и элементы психической реальности субъекта (познавательные процессы, эмоционально-волевые особенности, компоненты мотивационно-потребностной сферы и пр.), преломленные на его участие в хозяйственно-экономической деятельности [9].

Своеобразную рефлексию отечественных исследований в области экономического сознания осуществил В. В. Воронов [4], выделив три этапа в его изучении: этап общих вопросов изучения экономического сознания (конец 60-х – 80-е гг. XX в.); этап, связанный с изучением процессов адаптации и трансформации экономического сознания в условиях формирующегося рынка (первая половина 90-х гг. XX в.); практико-рефлексивный этап (вторая половина 90-х – начало 2000-х гг.), где реализованы попытки объяснения процессов взаимодействия и взаимосвязи экономики и мышления, экономического сознания и экономической практики.

Со своей стороны добавим, что с конца 90-х гг. XX в. и по сегодняшний день лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН исследуются специфические области предметного поля экономического сознания – его динамика у различных социально-демографических и профессиональных групп и особенности экономического самоопределения личности в рыночной экономике [8, 17]. Тем самым вырабатываются теоретико-методологические основания изучения и описания экономического поведения субъекта как активного и рефлексивного участника современного социально-исторического процесса, что позволяет нам озвучить тезис о том, что такого рода исследования выступают опорой и исходной точкой для начала четвёртого этапа в изучении экономического сознания, который можно назвать методологическим или когнитивно-рефлексивным. Действительно, надо согласиться с тем, что в любой области научного знания наработка эмпирического материала должна вести и ведёт к неизбежному его осмыслению, анализу и переработке, ибо без названных когнитивных процессов полученные факты в научном смысле теряют свою актуальность и значимость. Это осмысление в свою очередь очевидным образом за счёт систематизации накопленного знания влечёт за собой формулирование стратегий дальнейших исследований в конкретной области. И в этом смысле когнитивная рефлексия отражает феноменологическую сторону выделенного четвёртого этапа, а методология – онтологическую его сторону.

Рефлексивный анализ сути заглавного для нашего анализа понятия экономического сознания позволяет резюмировать эту суть следующим образом:

под экономическим сознанием в самом общем смысле понимается совокупность феноменов индивидуального или группового (массового, коллективного) сознания, возникающих и ре-

ализующихся в условиях осуществления хозяйственно-экономической деятельности (напр., А. Л. Журавлёв [8]);

к компонентам структуры экономического сознания относятся экономические эмоции и чувства, перцептивная сфера экономического поведения, образно-аффективные компоненты, экономические представления и экономическое мышление, принятие решений и экономические мотивы, экономический интерес и волевые компоненты и пр. (напр., К. П. Стожко [16]);

в содержательном плане экономическое сознание выступает механизмом формирования экономического поведения, когда элементы экономического сознания (чувства, суждения, идеи и пр.) формируют экономическое мышление, в результате чего развивается само экономическое сознание, которое выступает когнитивным условием для возникновения очередного изменённого уровня сформированности экономического мышления и предопределяет мотивацию экономического поведения (О. И. Корокошко [10]).

О. С. Дейнека отмечает, что современный период развития общества, реформы и преобразования в экономической и социальной сферах в среднесрочной по отношению к конкретному индивиду перспективе определяют преобразования в экономическом сознании субъекта. Однако, по О. С. Дейнека, они противоречивы: перманентный рост экономической компетентности часто связан с неадекватными вариантами экономического поведения, которые могут быть иницированы инертностью, доверчивостью, ориентацией на быстрый и не связанный с прикладываемыми усилиями успех, на крайние формы риска (без элементов когнитивной рефлексии), а также со сдвигами в мотивационно-волевом блоке, где активность сочетается с избыточной автономностью от нравственного сознания [6].

В. А. Абрамова, ссылаясь на регулярные панельные исследования, отмечает, что изменения в экономической жизни государства опережают экономическое сознание, которое не успевает за ними перестраиваться. Учёный отмечает, что ярким примером несформированности массового экономического сознания на современном этапе служит неосведомлённость граждан о собственной финансовой политике и глобальных финансовых потоках в целом, сущности, целях и результатах реформ, проводимых властью, принимаемых управленческих решениях в экономической сфере и пр. Это вызывает растерянность в обществе, аморфность, неопределённость и несформированность компонентов экономического сознания у конкретного индивида и у общества в целом (массового экономического сознания), а это в свою очередь обуславливает неэффективность управления этим обществом [1].

В исследовании А. В. Барановой подчёркивается, что часто ведущая роль при изучении особенностей экономического сознания отводится анализу ценностей как фактору, принципиально различающему группы субъектов между собой, в том числе и в первую очередь – по критерию межпоколенности. При этом отмечается, что при смене поколений и становлении рыночных отношений произошло очевидное существенное изменение системы экономических ценностей и установок, когда некоторые из них были вытеснены из сознания людей, другие – замещены иными, а у определённой части людей сложились новые ценности [3].

Изменение системы ценностей для конкретно взятого представителя поколения обуславливает важность анализа ценностного аспекта межпоколенных различий. Для такого анализа используем традиционное рассмотрение двух поколений – старшего и младшего, выбор которых определяется отграничением двух соседствующих по признаку «родитель-ребёнок» поколений при учёте комплексного качественного критерия зрелости, предполагающего сознательность и самостоятельность выбора способов поведения представителем поколения и ответственность за этот выбор (Г. С. Абрамова, 2010). Из эмпирических исследований межпоколенных различий ясно (И. О. Корокошко, 2011), что в качестве выборки определяется чаще всего молодёжь (как репрезентант младшего поколения, условная граница – 16–25 лет) и поколение их родителей (как старшее поколение, условная граница – 37–55 лет).

В самом общем виде сущностными причинами указанных изменений в системе ценностей выступают изменение механизмов «социального наследования» и способов самоутверждения новых поколений. Так, В. В. Енин отмечает, что для молодёжи (младшего поколения) существуют одновременно две тенденции: а) усиление влияния материальных соображений и экономических факторов в детерминации её поведения; б) большая самостоятельность в принятии решений, в том числе – в выборе того, что воспринимать из прошлого. В результате – искажение и даже полностью

исчезновение прежнего преимущественного традиционалистского механизма социального наследования, и эклектичность или несформированность его нового варианта [7].

В работе М. И. Постниковой (2011) показано, что сегодня налицо перекосяк на биполярных осях ценностей в межпоколенных различиях. Так, ценности старшего поколения сгруппированы на одной стороне оси, обозначенной как «самопреодоление (коллективизм)/консерватизм», а ценности младшего поколения – на другой, выступающей как континуум «открытость изменениям/индивидуализм». Показано, что младшее поколение открыто изменениям, мобильно, прагматично, ориентировано в первую очередь на решение личных проблем, а не проблем страны, в то время как представители старшего поколения являются консерваторами, были и остаются коллективистами по духу, их жизненный путь связан с постоянными трудностями и их преодолением [14].

В работе О. Б. Павленко и др. приведён анализ данных изучения отдельных компонентов экономического сознания у представителей разных поколений, который свидетельствует о следующем [12]:

материальное неравенство больше угнетает старшее поколение (по данным исследования, соотношение максимальной и минимальной зарплат в среднем по стране 20 к 1, а в Москве, по некоторым расчётам, 100 к 1), нежели младшее (соотношение максимальной и минимальной зарплат 4 к 1);

через расходы (трату денег) на начальных этапах социализации детьми усваивается традиционная модель поведения класса, представителями которого они выступают, однако принципиальное влияние на понимание собственностью психологии денег оказывает среда – школа, сверстники, учителя; на этапе юности возникает более осознанное (сознательное) отношение к деньгам за счёт поздней экономической социализации; значимую роль здесь играет пол и личностные характеристики – самооценка, социальная смелость, склонность к риску, высокий самоконтроль, тревожность;

у представителей старшего поколения обнаруживается схожее влияние личностных детерминант на поведение в отношении денег, однако здесь более специфичны экономические зависимости, сказываются прежние стереотипы, представлена большая заинтересованность в сохранении достигнутого положения и стремление объединиться в равные по статусу группы.

Межпоколенные различия экономического сознания проявляются также и в отношении к собственности. Так, в работах В. П. Познякова показано, что младшее поколение, прошедшее социализацию во время становления рыночной экономики в нашей стране, более позитивно относится к частной форме собственности, тогда как старшее поколение к ней относится более негативно и предпочитает государственную форму собственности [13].

Эти выводы согласуются с результатами И. С. Горшкова, Т. И. Тихоновой и др. [15] в том, что более позитивное отношение к частной форме собственности демонстрирует младшее поколение, а также более образованные респонденты. Представители старшего поколения в большей степени склонны считать, что большая часть отраслей и предприятий должна находиться в государственной собственности, они в большей степени соглашались с тем, что государство должно заботиться об обеспеченности людей. Младшее поколение предпочитает открытость изменениям, тогда как старшее поколение – сохранение. Частная форма собственности в этом смысле более отвечает потребностям младшего поколения в изменении и самоутверждении, тогда как для представителей старшего поколения государственная форма собственности связана с потребностью в безопасности и стабильности [15].

Таким образом, достаточно очевидно, что экономическое сознание как механизм формирования экономического поведения субъекта предопределяет его мотивацию, а регуляция этого поведения осуществляется на основе принятых в обществе норм, общезначимых целей и ценностей, смыслов экономической жизни и пр. Неизбежные изменения в экономическом сознании субъекта под влиянием этих культурно-исторических и социально-психологических факторов означают очевидные различия в экономическом сознании у представителей разных поколений. Наиболее ярко эти различия проявляются в ценностях младшего и старшего поколений, в отношении их представителей к деньгам и к собственности.

Литература

1. Абрамова В. А. Информационно-коммуникативный фактор формирования экономического сознания: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 175 с.
2. Акперов И. Г., Масликова Ж. М. Психология предпринимательства. М., 1995. 318 с.
3. Баранова А. В. Экономико-психологические детерминанты субъективного качества жизни: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 197 с.

4. Воронов В. В. Трансформация экономического сознания и экономической практики: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. 342 с.
5. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощённый менеджер. М.: Дело, 1991. 243 с.
6. Дейнека О. С. Экономическая психология. СПб, 2000. 160 с.
7. Енин В. В. Влияние психотипологических особенностей личности на восприятие денег // Журнал прикладной психологии. 2006. № 2. С. 62–68.
8. Журавлёв А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М., 2007. 480 с.
9. Китов А. И. Экономическая психология. М., 1987. 303 с.
10. Корокошко И. О. Особенности экономического сознания у лиц с разными жизненными ориентациями: дис. ... канд. психол. наук. Саранск, 2011. 247 с.
11. Осипенко И. М. Динамика экономического сознания студентов в процессе профессионализации: дис. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2005. 284 с.
12. Павленко О. Б. Различия в ценностях и экономических представлениях о форме собственности между двумя поколениями россиян // Психологические исследования. 2008. № 4. С. 50–64.
13. Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психологический журнал. 2000. № 6. С. 38–50.
14. Постникова М. И. Психология отношений между поколениями в современной России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 242 с.
15. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонова, А. Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006. 392 с.
16. Стожко К. П. Экономическое сознание. Екатеринбург, 2002. 232 с.
17. Хащенко В. А. Доход и субъективное экономическое благополучие // Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М: Институт психологии РАН, 2009. С. 384–391.
18. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В. С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.

УДК 159.9.072

Оганян Карина Михайловна

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Исследование направлено на изучение эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов восприятия мигрантов населением в различных регионах России, на выявление объективности представлений о миграционной ситуации в регионе гражданами, и на выяснение того, насколько объективно они отражают реальную ситуацию, при помощи выборочного онлайн-опроса русского коренного населения из четырёх федеральных округов.

Ключевые слова: психологические аспекты восприятия миграционных процессов, он-лайн изучение мнения граждан о мигрантах

Oganyan Karina Mihaylovna

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERCEPTION OF MIGRATION IN RUSSIA

Study aims at exploring the emotional, cognitive and behavioral aspects of perception of migrants people in various regions of Russia, at identifying the objectivity of the migration situation in the region, and to determine the extent to which they reflect objectively the real situation, using a sample online survey of Russian indigenous people from four federal districts.

Key words: psychological aspects of perception of migration processes, on-line survey of the migrant citizens

В российском общественном сознании бытует множество мифов о современной миграции: мигранты отбирают у населения рабочие места, совершают много преступлений, разносят болезни и нестабильность в жизнь общества и т. д. Часто эти мифы реализуются в ксенофобских высказываниях.

ваниях и представлениях о приезжих. Однако по сведениям Федеральной миграционной службы в 2000-х годах мигранты заняли «плохие» рабочие места, малопривлекательные (низкооплачиваемые, с тяжелыми условиями труда) для российского населения [2]. Эту точку зрения разделяет и генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров: «Довольно быстро стало понятно, что иностранцы занимают те рабочие места, на которые коренные жители, как правило, не претендуют» [1].

По мнению О. С. Чудиновских, подходить к решению данной проблемы нужно с другой стороны, и, возможно, дело вовсе не в мигрантах, а в сложившихся в обществе стереотипах в их восприятии как «чужаков», которые виноваты во всех бедах народа. Эти стереотипы сложились на рубеже XX–XXI вв. когда дефицит достоверной государственной статистики создавал благоприятную среду для манипуляций данными [7].

Таким образом, доминирующие сегодня общественные настроения являются серьезным ограничением для миграции, свободного перемещения трудовых ресурсов, этнической конвергенции. Негативное восприятие мигрантов мешает процессу их «укоренения», постоянного или временного, на новом месте [2].

Наше исследование было проведено совместно со студенткой 4 курса специальности «Психология» Е. Акимовой и направлено на изучение эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов восприятия мигрантов населением в различных регионах России, а также на выявление объективности представлений о миграционной ситуации в регионе гражданами, и на выяснение того, насколько объективно они отражают реальную ситуацию.

Нами был проведен выборочный онлайн-опрос русского коренного населения из четырех федеральных округов, в котором приняли участие 261 человек, в возрасте от 19 до 32 лет. Выборка Северо-Западного федерального округа, представленного Ленинградской, Вологодской и Архангельской областями, составила 50 человек от 24 до 32 лет. Дальневосточный федеральный округ представлен Приморским, Хабаровским и Камчатским краями – 60 человек от 22 до 32 лет. Центральный федеральный округ – Московская, Липецкая, Владимирская области – 55 человек от 21 до 30 лет. Северо-Кавказский федеральный округ – Ставропольский край – 96 человек от 19 до 30 лет.

Респондентам было предложено ответить на 10 вопросов анкеты.

На вопрос «Хотите ли Вы в будущем переехать на другое место жительства?» были получены показатели, свидетельствующие, что в трех федеральных округах наблюдается примерно схожая картина желающих и не желающих уехать, и лишь в СКФО желающие переехать составили 75 % опрошенных (рис. 1).

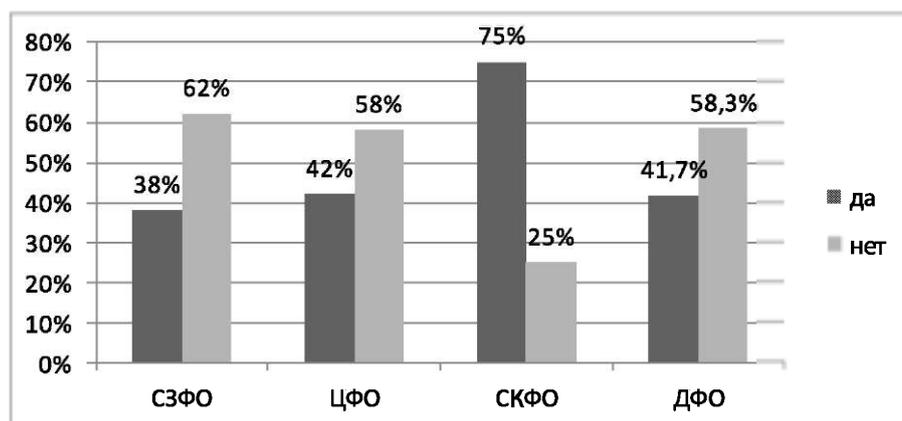

Рис. 1. Процентное соотношение ответов на вопрос «Хотите ли Вы в будущем переехать на другое место жительства?».

На вопрос «Как вы относитесь к идее «Россия для русских?» также наблюдается сходная ситуация в трех федеральных округах, от которых отличаются показатели ЦФО, где резко увеличен процент положительных ответов на данный вопрос (рис. 2).

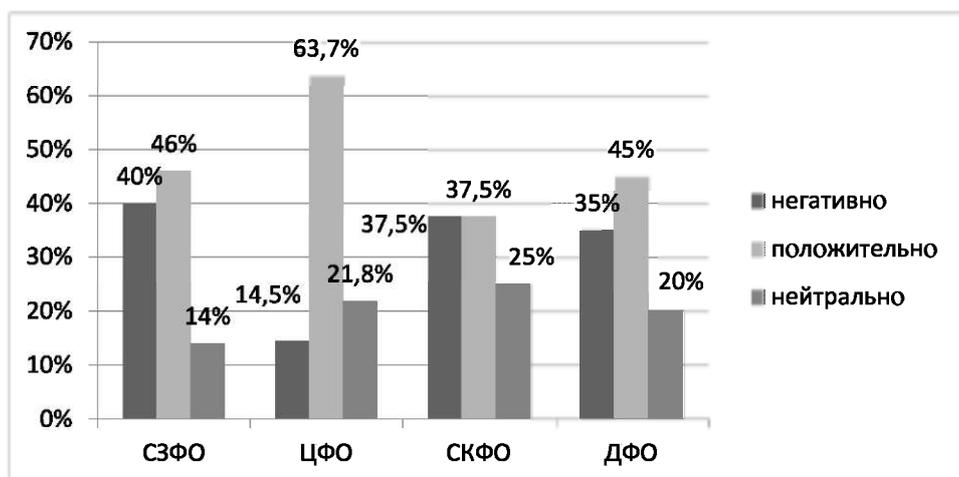

Рис. 2. Процентное соотношение ответов на вопрос «Как вы относитесь к идее «Россия для русских?»»

Ответы на вопрос «Какие чувства Вы лично испытываете к людям, приезжающим в ваш регион?» свидетельствуют о том, что в СЗФО и ЦФО преобладают смешанные чувства к приезжим, а жители СКФО и ДФО испытывают нейтральные чувства к мигрантам (рис. 3).

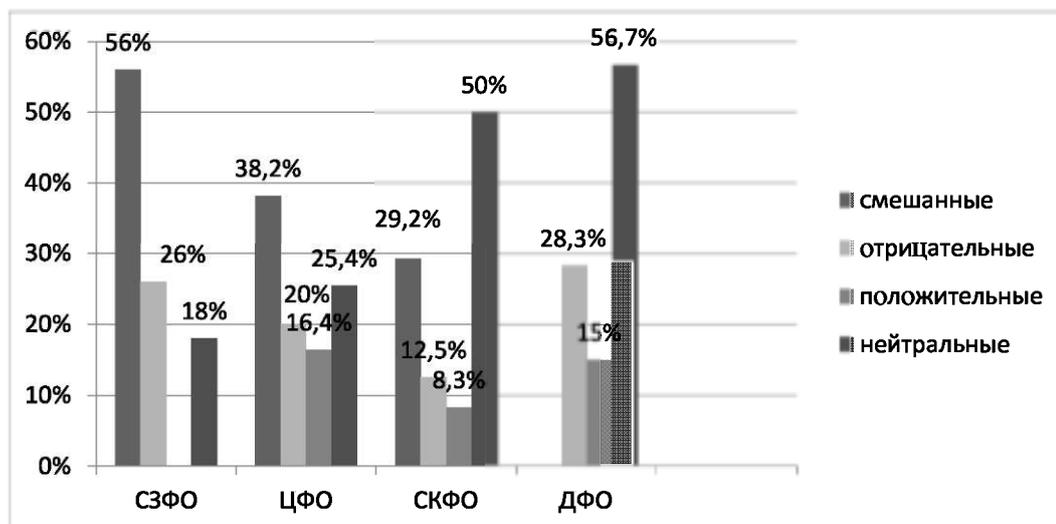

Рис. 3. Процентное соотношение ответов на вопрос «Какие чувства Вы лично испытываете к людям, приезжающим в ваш регион?»

В ответах на вопрос «Как Вам кажется, много или мало в вашем регионе приезжих?» наблюдаются стабильно высокие показатели в оценке численности мигрантов во всех округах (рис. 4).

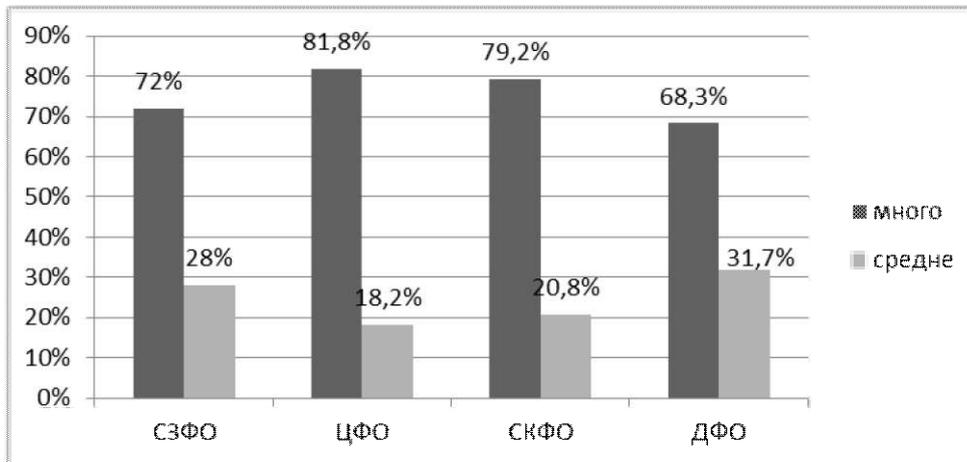

Рис. 4. Процентное соотношение ответов на вопрос «Как Вам кажется, много или мало в вашем регионе приезжих?».

В ответах на вопрос «Как Вы считаете, нужно ли ограничить въезд мигрантов в ваш регион?» наблюдаются также стабильно высокие показатели, отражающие желание населения ограничить въезд мигрантов во всех округах, что коррелирует с данными предыдущего вопроса об оценке их численности. При этом 23,3 % респондентов в ДФО выказали желание привлечь русскоязычное население в округ (рис. 5).

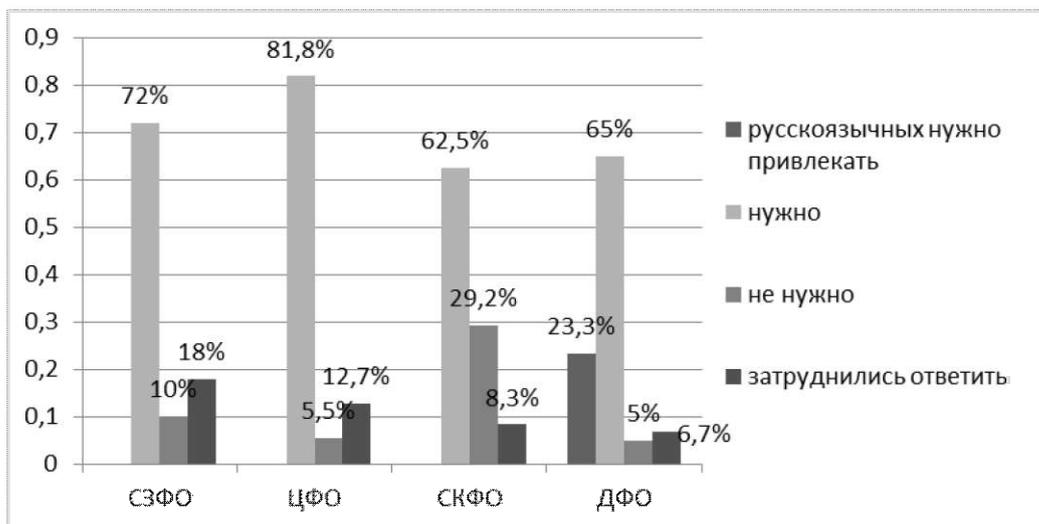

Рис. 5. Процентное соотношение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нужно ли ограничить въезд мигрантов в ваш регион?»

Ответы на вопрос «Оправдан ли поток мигрантов в ваш регион?» свидетельствуют о том, что большинство респондентов независимо от округа считают, что поток мигрантов не оправдан, самые высокие показатели были получены в СЗФО, а низкие в ДФО. Кроме того 21,7 % опрошенных в ДФО высказали мнение, что люди в основном уезжают из округа (рис. 6).

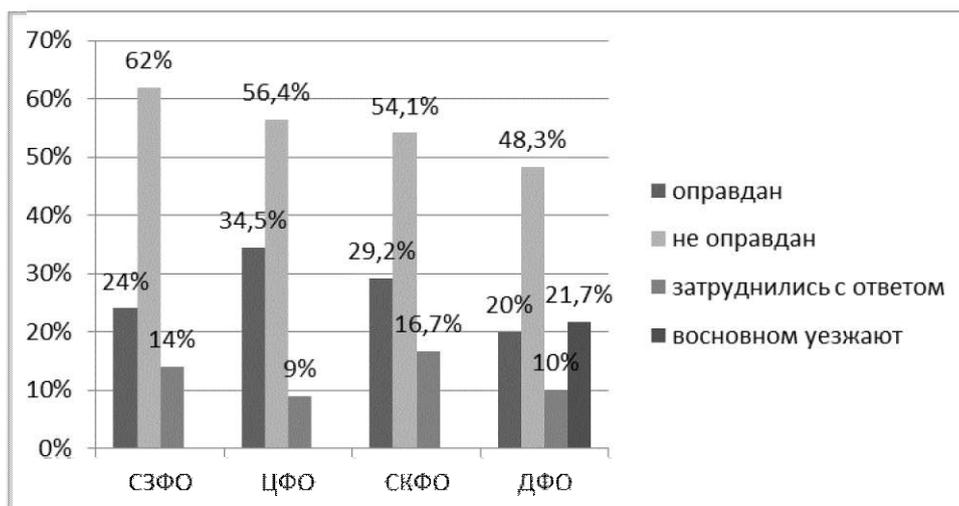

Рис. 6. Процентное соотношение ответов на вопрос «Оправдан ли поток мигрантов в ваш регион?»

В ответах на вопрос «Несмотря на эмоции, как Вы оцениваете полезность мигрантов для общества, от них больше пользы или вреда?» доминирует негативная оценка деятельности мигрантов в округах, больше всего пользы от деятельности мигрантов увидели опрошенные в ДФО – 18,3 % (рис. 7).

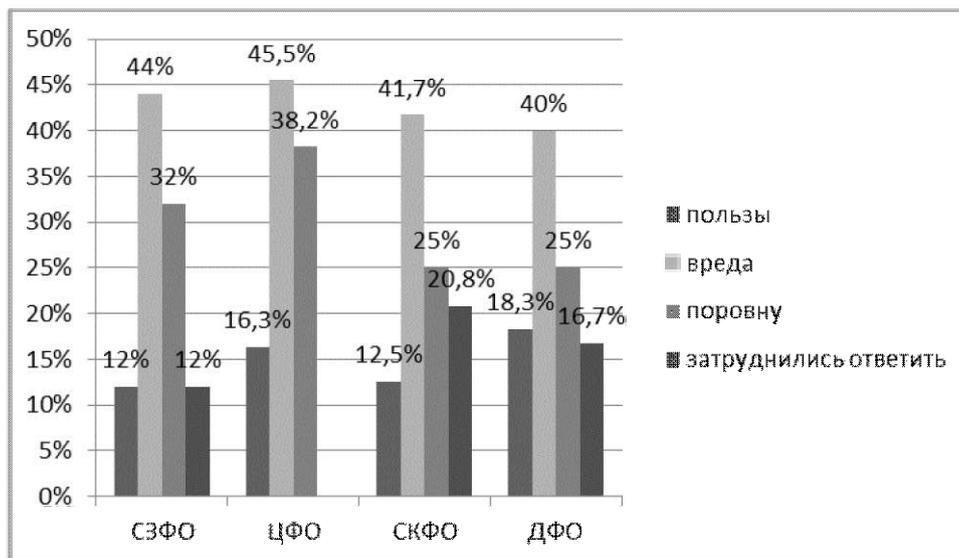

Рис. 7. Процентное соотношение ответов на вопрос «Несмотря на эмоции, как Вы оцениваете полезность мигрантов для общества, от них больше пользы или вреда?»

Отвечая на вопрос «Имеют ли место конфликты между местными жителями и приезжими, и как часто они случаются?» респонденты в СЗФО и ЦФО считают, что подобные конфликты случаются часто, при этом в ЦФО процент таких ответов значительно выше, чем в СЗФО, респонденты в СКФО и ДФО считают, что такие конфликты имеют место быть, и лишь в ДФО 18,3 % опрошенных считают, что такие конфликты случаются редко (рис. 8).

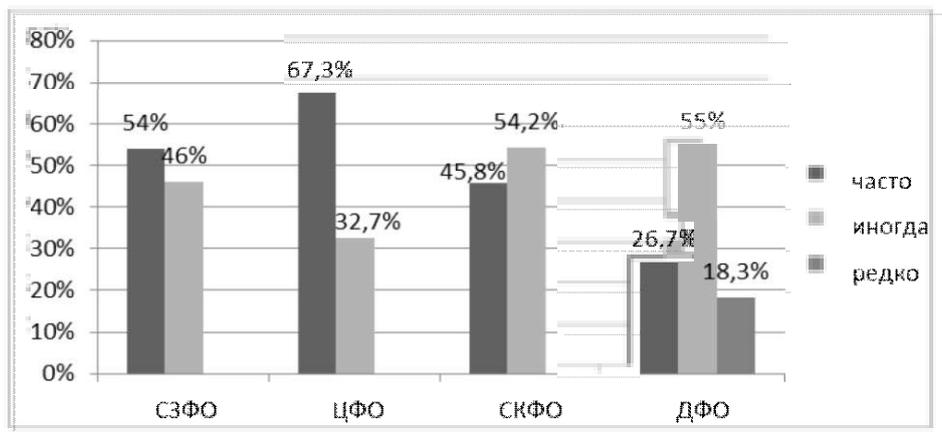

Рис. 8. Процентное соотношение ответов на вопрос «Имеют ли место конфликты между местными жителями и приезжими, и как часто они случаются?»

Ответы на вопрос «Приходилось ли лично Вам в последние год–два вступать в конфликтные отношения с приехавшими в ваш регион» показали, что во всех округах большинство респондентов не участвовали в подобных конфликтах, однако процент участвовавших коррелирует с оценкой частоты таких конфликтов. Больше всего в ЦФО, меньше – в ДФО (рис. 9).

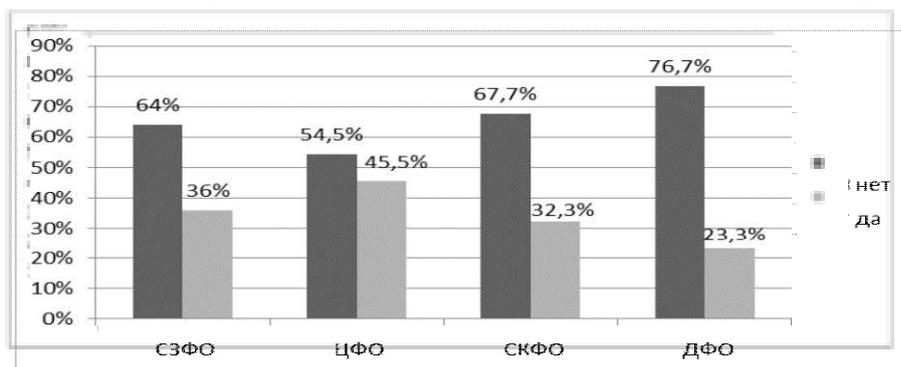

Рис. 9. Процентное соотношение ответов на вопрос «Приходилось ли лично Вам в последние год–два вступать в конфликты с приехавшими в ваш регион?»

Результаты ответов на вопрос «Что Вы готовы сделать, чтобы повлиять на миграцию в вашем регионе в соответствии с вашим желанием?» показали различное процентное соотношение ответов в округах. Так, в СЗФО большинство (38 %) ответили, что готовы всячески содействовать властям; 26 % также проявили свое доверие к ним, ответив «пусть этим занимаются власти»; 22 % респондентов ответили, что ничего не будут делать; 14 % предпочли ответ «не пользоваться услугами мигрантов». То есть, в СЗФО больше всего опрошенных выказали желание всячески помогать местным властям в поиске нелегальных мигрантов.

В ЦФО большая часть респондентов (40 %) ответили, что готовы сделать все, что от них потребуется для изменения миграционной ситуации в округе; 20 % – ничего не будут делать; 16 % готовы всячески содействовать властям; 14,5 % готовы участвовать в социологических опросах; 5,5 % опрошенных жителей ЦФО все устраивает в ситуации с мигрантами; 3,6 % готовы участвовать в разработке проектов по регулированию процессов миграции.

Интересной представляется ситуация в СКФО. Так, на вопрос «Что Вы готовы сделать, чтобы повлиять на миграцию в вашем регионе в соответствии с вашим желанием?», 32,3 % респондентов ответили «пусть этим занимаются власти», а 29,3 % – ответили «ничего» (то есть две трети опрошенных не проявляют особой активности); при этом 12,5 % готовы делать все, что потребуется, 10,4 % готовы участвовать в митингах, демонстрациях, а 8,3 % – улучшать демографическую ситуацию; 7,2 % респондентов все устраивает.

В ДФО на данный вопрос также большинство (38,4 %) опрошенных хотят, чтобы данной проблемой занимались власти, однако 23,3 % готовы делать все, что потребуется; 18,3 % не готовы что-то предпринимать, а 11,7 % готовы улучшать демографическую ситуацию, а 8,3 % готовы участвовать в разработке проектов по регулированию миграционной ситуации.

Таким образом, наибольший процент респондентов в СКФО и ДФО высказали мнение о том, что данной проблемой полностью должны заниматься местные власти.

В целом, анализируя полученные ответы, можно сделать вывод, что эмоциональное отношение населения различных регионов России к мигрантам достаточно напряженное, об этом свидетельствует высокий процент положительной оценки выражения «Россия для русских» и очень низкий процент людей, испытывающих положительные чувства к мигрантам. Хотя в ответах преобладают осторожные высказывания типа «никаких чувств нет» или «смешанные чувства», все же во всех округах процент «отрицательных» чувств выше «положительных».

Анализируя когнитивный аспект восприятия мигрантов респондентами, мы наблюдаем также негативные оценки, что выражается в мнениях о том, что мигрантов очень много, что от них больше вреда и мало пользы, что поток мигрантов не оправдан и необходимо ограничить их въезд в регионы.

О поведенческом аспекте можно сказать то, что, несмотря на довольно высокие проценты в оценках частоты возникновения конфликтов местного населения с мигрантами, лично в подобных конфликтах участвовало в среднем не более 34 % опрошенных. Среди конкретных действий для изменения миграционной ситуации преобладают пассивные ответы типа: «ничего», «пусть этим занимаются власти», «меня все устраивает» – 49 % респондентов, ещё 29 % опрошенных высказали неопределённые решения: «все, что потребуется», «содействовать властям» и лишь 22 % предложили какие-либо конкретные действия или выказали готовность хоть как-то участвовать в решении данного вопроса.

Таким образом, можно согласиться с мнением, что сегодня средний россиянин с недоверием и опаской смотрит на людей, которые приезжают издалека в наши города и села. К такому выводу приходят и эксперты из различных исследовательских групп. Социологи с тревогой отмечают, что в обществе нарастает непонимание и отторжение людей, которые приезжают учиться или работать в Россию (исследования 2002, 2007, 2010 гг., проводимые исследовательской группой ЦИРКОН, ВЦИОМ; исследований Левада-центра 2011 года). Такой рост негативного отношения к мигрантам происходит на фоне практически неизменного официального уровня миграционной статистики в регионах, при этом восприятие мигрантов в контексте противопоставления «свой – чужой» происходит прежде всего по линии этнической самоидентификации, что способствует усилению межнациональных конфликтов и национализму. Кроме этого, не всегда политическая культура коренного населения, и молодежи в частности, способствует быстрой ассимиляции мигрантов на новой территории [3, 4, 5].

В целом, полученные нами данные свидетельствуют о том, что государство должно обращать внимание не только на совершенствование миграционного законодательства, но и на стратегию работы с населением. Множество различных исследований и публикаций лишь констатируют наличие проблемы, не предлагая конкретных путей её решения, а между тем данное исследование показало, что достаточно большой процент населения готов способствовать реальному изменению положения дел, надо лишь помочь ему, направить в верное русло, а где-то и прислушаться к его мнению.

Литература

1. Буз Е. Мифы и статистика миграции в России / Международное информационное агентство «Фергана», 07.11.2011. <http://www.fergananews.com>.
2. Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция // СоцИс, 2010, № 5.
3. Демографический ежегодник России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2010.
4. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик и взаимодействия // СоцИс, 2011 № 12.
5. Итоги и перспективы деятельности ФМС России. <http://www.fms.gov.ru>
6. Оганян К.М. Политическая культура современной молодежи. // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 2. с. 189–196.
7. Чудиновских О. С. Статистика миграции знает не все / «Демоскоп Weekly» № 335–336, июнь 2008 г. <http://www.demoscope.ru/weekly>.

ПРАВО

УДК 316.628:343.222

Берсей Диана Давлетовна, Левитина Инна Анатольевна**РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖЕНЩИН
ЗА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(В ПЕРИОД ДО 1917 г.)**

В статье рассматриваются исторические аспекты уголовной ответственности женщин за насильственные преступления.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, уголовное законодательство, убийство, женская преступность.

Bersey Diana D., Levitina Inna A.**DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR WOMEN
INTRAFAMILY VIOLENT CRIMES (PRIOR TO 1917)**

The article deals with the historical aspects of criminal responsibility of women for violent crimes.

Key words: Criminal liability, criminal law, murder, female criminality.

В различные периоды становления и развития российского уголовного права государство по-разному относилось к вопросам регламентации уголовной ответственности за совершение внутрисемейных насильственных преступлений.

Русская Правда не закрепляла каких-либо специальных оснований ответственности и наказания виновных в насильственных преступлениях в отношении близких родственников. Вместе с тем, в древней Руси, как и в древнем Риме, отцеубийц топили в мешке, в который клали кошку, змею и собаку, как для усиления мучений, так и для того, чтобы показать, что преступник оскорбил всю природу [1, с. 498].

Впервые на законодательном уровне об уголовно наказуемом насилии именно в отношении членов своей семьи упоминается в ст. 32 Церковного Устава князя Ярослава: «Аже сын бьет отца или мать, да казнят его волостельскою казнию» [2, с. 170]. Правда, из текста данной нормы не совсем ясно, применялась она только за избиение или и за убийство тоже.

Псковская судная грамота закрепляла ответственность за убийство отца (ст. 97) [2, с. 340], но судя по санкции (денежный штраф в пользу князя), относила его к простому убийству.

В период действия судебных норм, устанавливающих ответственность за насильственные преступления против близких родственников, в законодательстве не предусматривалось. Более того, в это время широкое распространение в обществе получил написанный приближенным Ивана Грозного дьяком Сильвестром трактат-наставление «Домострой», который рекомендовал родителям в целях лучшего воспитания детей использовать розги и кнут («наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости ...если прутом посечешь его, не умрет»; «но сокруши ему ребра пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой») [3, с. 22]. То есть, можно сделать вывод, что в указанный период применение отцом насилия в отношении своих детей являлось уголовно ненаказуемым.

Соборное Уложение 1649 г. законодательно оформило абсолютную власть родителей над своими детьми: «А будет который сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на мать и им на отца и на мать ни в чем суда не давати, да их же за такое челобитье бити кнутом, и отдать их отцу и матери» (ст. 6 главы XXII) [4, с. 248].

С принятием Соборного Уложения был существенно расширен и перечень преступлений совершаемых в семье. В статье 1 главы XXII предписывалось назначать смертную казнь виновным в убийстве своего отца или матери. То же самое наказание предусматривалось за убийство брата, сестры и за

мужеубийство (ст. 7, 14). Наказание в виде битья кнутом устанавливалось законодателем и за избивание отца или матери, их непочитание, а также за оставление престарелых родителей без заботы и материальной поддержки (ст. 5). Убийство же родителями своих детей признавалось привилегированным составом убийства и влекло наказание в виде тюремного заключения на один год, а после его отбытия – церковное покаяние (ст. 3 Соборного Уложения) [5, с. 248–249].

Анализ приведенных норм показывает, что в Соборном Уложении российский законодатель впервые выделил в отдельную статью убийство женой мужа (ст. 14 Уложения). Как и убийство близких родственников, мужеубийство, рассматривалось в качестве квалифицированного деяния. Как отмечается в литературе, «...жена, убившая мужа, закапывалась живой в землю по плечи. На ночь к ней приставлялась стража для наблюдения, чтобы ее никто не кормил, и чтобы собаки не отъели ей голову, а днем перед ней священник читал молитвы. Смерть наступала обычно на второй, третий день, но были случаи, когда закопанные жили 20 и даже 31 день.» [6, с. 443]. Закапывание в землю как наказание за мужеубийство было заменено Указом от 19 марта 1689 г. отсечением головы [4, с. 15].

Вместе с тем, в случае беременности осужденной, законодателем предусматривалась отсрочка исполнения приговора до момента рождения ребенка (ст. 15 Уложения).

Об убийстве же жены мужем Соборное Уложение не говорит ничего, хотя тогдашняя судебная практика признавала такое убийство гораздо менее тяжким. Исследователями в качестве примера приводится случай, когда в 1674 г. муж убил свою жену за то, что она утаила два аршина сукна, и суд приговорил его только к отсечению левой руки [7, с. 443].

Все это еще раз показывает неодинаковый уголовно-правовой статус мужчины и женщины в средневековом законодательстве и то, что женщина «на социальной лестнице находилась на ступеньку ниже».

Соборное Уложение впервые в российском законодательстве закрепило ответственность женщины за убийство внебрачного ребенка (ст. 26). Причем, на степень ответственности никак не влияло, совершила она его единолично или в соучастии с кем-либо. Данный вид убийства также был отнесен к квалифицированным и наказывался смертной казнью [7, с. 250].

Подобный подход законодателя приводил к правовой коллизии между статьями 3 и 26. Если, как мы уже отмечали, женщина совершала убийство детей, рожденных в браке (ст. 3), то следовало довольно мягкое наказание. Если же женщина вела безнравственное поведение и убивала ребенка, рожденного «в блуде» (ст. 26), то назначалось самое суровое из возможных наказаний.

В период реформ Петра I происходит ужесточение ответственности за убийство родителей и детей. Артикул Воинский 1715 г. в качестве убийства приотягчающих обстоятельствах рассматривал «..убийство отца, матери или ребенка во младенчестве» (Артикул 163) [6, с. 9]. Указанное преступление наказывалось весьма сурово – колесованием. Вместе с тем, если смерть малолетнего ребенка наступала в результате нанесенных родителем побоев или иного наказания, содеянное квалифицировалось как убийство при смягчающих обстоятельствах [8, с. 358].

В петровский период впервые был введен запрет на убийство и утаивание родителями детей с врожденными физическими недостатками (уродов). О них следовало сообщать священнику и передавать их в кунсткамеру [8, с. 358]. На наш взгляд, подобный запрет был введен отнюдь не из-за заботы о человеческой жизни, а из-за желания Петра I по образу европейских государств собрать в своей кунсткамере побольше «дикивинок».

Ко второй половине XIX в. было разработано и принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое стало весьма прогрессивным законодательным актом для своего времени. В нем законодатель с учетом предшествующего опыта предусмотрел целый ряд статей, устанавливающих ответственность за преступления против близких родственников.

Система данных преступления выстраивалась в зависимости от вида и степени родственных отношений. Так, в частности, Уголовное Уложение 1845 г. выделяло: 1) убийство родителей (ст. 1449); 2) убийство прямых и боковых родственников: жены, мужа, детей, деда, бабушки, брата, сестры, внуков, дяди, тетки (ч. 1 ст. 1451); 3) убийство матерью незаконнорожденного ребенка (ч. 2 ст. 1451); 4) убийство матерью ребенка с врожденными физическими недостатками (ст. 1469).

Для женщин, ответственность могла наступить по любой из указанных статей, в то время как мужчина за убийство родственника подлежал наказанию только по ст. 1449 или ч. 1 ст. 1551.

Как и ранее, Уложение 1845 г. рассматривало убийство отца или матери в качестве квалифицированного (ст. 1449) [9, с. 9]. Как писал по этому поводу В. В. Есипов, «...во главе всех видов лишения жизни стоит убийство отца или матери как преступление, свидетельствующее о чрезвычайно развитой порочности...кроме нарушения воли закона, кроме посягательства на священнейшее из всех прав человека, в нем есть нечто ужасающее природу, доказывающее в преступнике отсутствие всякого нравственного чувства» [9, с. 293.]. Разработчики Уголовного Уложения 1845 г. также считали, что убийство родителей является самым тяжким преступлением против личности (недаром статья 1449 открывает гл. 1 Раздела 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» Уложения 1845 г.).

По ч. 1 ст. 1451 Уложения 1845 г. наступала ответственность за убийство других прямых и боковых родственников. Как было отмечено выше, это: 1) муж или жена; 2) сын, дочь, дед, бабушка, внук, внучка; 3) иные родственники по восходящей и нисходящей линии (родные брат, сестра, дядя, тетка). Указанный перечень родственников, подлежащих повышенной уголовно-правовой охране, был исчерпывающим и не подлежал расширительному толкованию. В связи с чем, убийство мачехи, отчима, двоюродных братьев и сестер не могло квалифицироваться по ст. 1451 Уложения 1845 г.

Убийство матерью внебрачного ребенка во время родов (ч. 2 ст. 1451) Уложение 1845 г. отнесло к привилегированным составам преступлений. Это позволило устранить правовую коллизию, имевшую место в период действия Соборного Уложения 1649 г. В данной норме законодатель учитывал в качестве смягчающего вину обстоятельства особое психическое состояние матери во время родов, которая, «...терзаемая страхом, стыдом, угрызениями совести и физическими мучениями, лишается рассудка и решается на убийство ребенка» [9, с. 19–20].

Уложение 1845 г. сохранило введенную Петром I практику запрета убийства детей с врожденными физическими недостатками. В частности, в ст. 1469 Уложения говорилось, что если женщина родившая «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа» вместо того чтобы сообщить об этом соответствующему начальнику вследствие невежества или суеверия лишит его жизни, она приговаривается к ссылке в Сибирь. Представляется, что в отличие от предыдущих эпох, законодатель XIX в. стал осознавать значимость любой человеческой жизни и охранять в равной степени жизнь любого ребенка.

В 1903 г. в России было принято (но в действие вступило только частично) новое Уголовное Уложение, которое стало последним по времени уголовным законом Российской империи. Оно сохранило преемственность в части уголовно-правовой охраны семейных отношений от насильственных посягательств со стороны близких родственников. Согласно п. 1 ст. 455 Уголовного Уложения 1903 г. виновный в убийстве восходящего или нисходящего родственника, мужа или жены, брата или сестры приговаривался к бессрочной каторге или каторге на срок не менее десяти лет. Как и ранее, привилегированным составом преступления считалось убийство матерью во время родов внебрачного ребенка (ст. 461 Уложения) [10, с. 359].

Кроме этого, в Уголовном Уложении 1903 г. предусматривалась взаимная ответственность родителей и детей за нарушение прав, вытекающих из семейных правоотношений.

В соответствии со ст. 419 Уложения, подлежали наказанию в виде ареста дети, которые:

1) не оказывают материальную помощь своим нуждающимся родителям и при условии, что они имеют для этого достаточно средств;

2) упорно не повинуются родительской власти или грубо обращаются с родителями;

3) вступают в брак вопреки воле родителей и при условии, что они не достигли 21 года.

Под упорным неповиновением требованиям родителей в данном случае понималось систематическое ослушание детей воле родителей.

Статья 420 Уложения предусматривала ответственность родителей за следующие действия в отношении детей:

1) жестокое обращение с несовершеннолетним, не причинившее тяжких телесных повреждений;

2) вовлечение несовершеннолетнего в нищенство или иное безнравственное занятие;

3) принуждение несовершеннолетнего к вступлению в брак [11, с. 215, 218].

Под несовершеннолетним в пунктах 1 и 2 данной нормы понималось лицо, не достигшее 17 лет, а в пункте 3 – лицо, не достигшее 21 года.

К родителям ст. 420 Уложения также приравнивала опекунов, попечителей или лиц, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Исходя их буквального понимания этих норм, следует вывод, что ст. 419 Уложения охраняла имущественные права родителей и их право на воспитание детей, а статья 420 – нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних.

Проведенный нами анализ возникновения и эволюции российского законодательства в части уголовной ответственности за насильственные преступления против близких родственников позволяет сделать следующие выводы:

1) российское законодательство в процессе своего развития шло по пути постепенного ужесточения ответственности и наказания за совершение насильственных преступлений в отношении близких родственников;

2) члены семьи вплоть до 1917 г. обладали неодинаковым уголовно-правовым статусом. У восходящих близких родственников (отец, мать, дед, бабушка) он был выше, чем у нисходящих, а у женщины ниже чем у мужчины. Это выразилось в том, что вплоть до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. убийство родителями своих детей наказывалось весьма мягко, а убийство родителей влекло самое суровое из возможных наказаний.

Литература

1. Лохвицкий А. Курс уголовного права. СПб., 1867.
2. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 1. Законодательство древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984.
3. Домострой. М., 2001.
4. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 3. Акты Земских Соборов. М.: Юридическая литература, 1985.
5. Лешков В. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.
6. ПСЗ. Т. III. № 1335.
7. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986.
8. Есипов В. В. Уголовное право. Часть Особенная. Вып. 1. Преступления личные. Варшава, 1895.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1885.
10. Белогриц-Котляревский П. С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903.
11. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. с постатейными выдержками из объяснительной записки и журналов Государственного Совета. СПб., 1904.

УДК 349

Курьсь Наталья Владимировна, Курьсь Владимир Николаевич

КОНЦЕССИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВТО: ДОКТРИНА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В статье исследуется концессионное законодательство современности с позиций доктринальных взглядов, его практического воплощения в виде Федерального закона от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях», а также унификации и гармонизации в связи со вступлением России в ВТО. Определяются основные характеристики Закона, предлагается авторская концепция разграничения категорий соглашения о разделе продукции и концессионного договора (соглашения), а также необходимость детерминировать соглашение о разделе продукции как специфическую форму концессионного договора (соглашения).

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, унификация законодательства, гармонизация законодательства, инвестиционное законодательство, концессия, концессионный договор, соглашение о разделе продукции.

Kuris Natalia V., Kuris Vladimir N.

CONCESSION LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WTO: THE DOCTRINE AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

In the article the concession legislation of the present from positions of scientists, and also its practice in the form of the Federal law from July, 21st, 2005 №115 «About concession agreements» is investigated. The basic characteristics of the Law are defined, and also the author's concept of differentiation between the concession agreement and the Production Sharing Agreement is offered. Also the presented article is devoted to the concession legislation from the standpoint of its unification and harmonization on the basis of recommendation of the World Trade Organization acts.

Key words: The World Trade Organization, unification of legislation, investment legislation, concession, concession agreement, Production Sharing Agreement

Тезис о комплексности инвестиционного законодательства в рамках внутреннего (национального) законодательства сегодня не вызывает сомнения и прочно вошел не только в рамки научного [1], но и учебного обихода [2, с. 31]. Аналогичным образом формулируется и обосновывается подход к концессионному законодательству, как к комплексной отрасли законодательства [3, с. 62–70]. Помимо специальных законодательных актов об инвестировании или концессионировании, данная сфера деятельности регулируется нормами конституционного, административного, налогового, таможенного, гражданского, земельного и др. законодательства. Интеграция в мировое экономическое пространство и, как следствие, вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) породили необходимость кардинального изменения правового регулирования ряда направлений экономического сотрудничества.

О необходимости изменения законодательства в случае присоединения России к ВТО ученые говорили уже давно, т. к. требуется принятие соответствующих актов, закрепляющих положения документов ГАТТ/ВТО относительно инвестиционных режимов, обязательных для членов организации [4, с. 6]. В полной мере это отразится и на концессионном законодательстве, несмотря на то, что и до вступления в ВТО закон «О концессионных соглашениях» претерпевал значительные изменения после ряда редакций. В частности, последние на данный момент, вступают в силу с 01.01.2014 согласно ФЗ от 7 мая 2013 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» за исключением положений, для которых установлен иной срок вступления в силу [5].

В связи с этим еще более актуальным становится вопрос о гармонизации инвестиционно-го, в том числе, концессионного законодательства, ставший дискуссионным в научных кругах [2, 6]. Унификация инвестиционного законодательства, как правило, проводится на региональной основе. Однако в последнее время все большее значение стала приобретать унификация на основе рекомендательных актов международных организаций, а также обязательных для применения норм права, вырабатываемых международными организациями (например, положение ВТО, о том, что стандарты и правила, которые содержатся в международных договорах, должны быть обязательными для применения, и им необходимо придать характер нормы, имеющей свойство принудительного исполнения через арбитраж) [6, с. 102]. Такая новелла, несомненно, повышает роль международных правовых актов в системе регулирования инвестиционных отношений, в том числе, концессионных, с иностранным элементом. Вместе с тем, нельзя упускать из вида, что в сфере концессионирования ключевое значение имеет административно-правовое регулирование, которое напрямую связано с самостоятельным осуществлением государством как сувереном своих властно-распорядительных функций. Данный постулат обусловлен правовой природой концессионных отношений. Нельзя также запретить государству проводить ту или иную инвестиционную, налоговую, таможенную, валютную политику. Однако для того чтобы добиться гармоничного взаимодействия национально-правовых систем, целесообразно координировать действия государств, побуждать их принимать административно-правовые меры определенной направленности. В этом, по мнению Г. А. Пакерман, состоит содержание метода гармонизации права [6, с.103]. В контексте данного исследования, целесообразно воспользоваться методом «вертикальной» унификации права, т.е. исследовании законодательства отдельных стран по определенным вопросам [6, с.103]. Следовательно, нас интересует концессионное законодательство Российской Федерации.

В середине 90-х гг. после принятия Федерального закона РФ №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. и на волне предтечи разработки и принятия рамочного закона о концессионных соглашениях, увеличилось количество научных работ, посвященных проблемам концессионных отношений и законодательства [7, 8, 9, 10, 11]. Изначально интерес к концессионной тематике был связан с принятием Федерального закона РФ №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [12]. Парадокс заключается в том, что закон, регулирующий, по сути, вид концессионного договора, был принят раньше, чем базовый Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Профессор Н. Г. Доронина отмечала, что наш законодатель слишком поверхностно подошел к решению проблемы правовой природы концессионных соглашений [13, с. 51], остановившись надолго на принятии Закона «О соглашениях о разделе продукции». Разработчики этого Закона планировали его включить в качестве самостоятельного раздела в структуру «будущего закона, регулирующего концессионные и иные договорные отношения с иностранными инвесторами» [14, с.182, 15, с. 37–46, 16, с. 148]. Авторы так и не смогли уяснить, в чем принципиальная разница между Законом «О СРП» и концессионным договором, о котором говорит С. А. Сосна в «Комментарии к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции» [12]. В этой работе он указывает на «лишь одно отличие концессии от СРП. В соответствии с концессионным договором инвестору принадлежит право собственности на произведенную им продукцию, что сближает его с арендой...», в то время как «в соответствии с СРП инвестору принадлежит право собственности только на часть произведенной им продукции» [12, с. 30]. СРП и концессию автор называет двумя основными формами недропользования, в форме договора и лицензионного соглашения. Но далее отмечается, что СРП и концессии имеют общие признаки в виде лицензирования недропользовательской деятельности инвестора, носящее регистрирующий характер. Такое положение определяет двойственный характер и СРП, и концессии в сочетании гражданско-правовых и административно-правовых категорий. С. А. Сосна отмечает, что «перечисленные признаки (общие – прим. авт.) придают Соглашению некоторый специфический концессионный колорит» [12, с. 33].

В совместной работе с А. А. Конопляником, М. А. Субботиным указывается, что «О концессионных договорах» – это рамочный закон, в котором определяются права и обязанности инвестора, подписавшего с государством контракт на долгосрочное пользование объектом, находящимся в собственности государства, или занявшимся видом деятельности, составляющим государственную монополию (что можно, чего нельзя), и гарантии государства, в то время как закон «О соглашениях о разделе продукции» — закон с ясной спецификой недропользования, который содержит механизм реализации со-

глашения (получил право на разработку месторождения, нашел минеральное сырье, сразу отчислил государству определенный процент от добычи, возместил из произведенной продукции свои издержки, получил прибыль, разделил ее с государством, заплатил налоги, все детали — в соглашении) [17]. Таким образом, законы соотносятся как «общее» и «частное».

Действительно, в своё время наш законодатель слишком поверхностно подошел к решению проблемы правовой природы концессионных соглашений [13, с. 31], остановившись на принятии ФЗ РФ №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. [12, с. 30] Тем более что разработчики этого Закона изначально планировали его включить всего лишь в качестве самостоятельного раздела в структуру «будущего закона, регулирующего концессионные и иные договорные отношения с иностранными инвесторами» [15, с. 148, 16, с. 37–46]. Предмет регулирования данного Закона достаточно узок – поиск, разведка и добыча полезных ископаемых. Современный Закон «О концессионных соглашениях», в объектах концессионного соглашения не содержит указанной позиции. Но в целом же, концессионные соглашения, наряду с правом эксплуатации различных естественных богатств с компенсационной выгодой для себя, предоставляют концессионерам разработку и развитие каких-либо производств, необходимых государству, осуществления публично-правовой функции государства и т.п. Следовательно, соглашение о разделе продукции является лишь одной из концессионных форм недропользования.

В более поздней работе «Концессионные соглашения: теория и практика» С. А. Сосна называл общие признаки всех трех форм природопользовательских договоров: единый концедент в лице государства; одни и те же концессионные объекты, одинаковый – концессионный – порядок предоставления пользовательских прав, исключительный характер таких прав у СРП и концессии [14].

Таким образом, авторы данной работы принимают точку зрения, согласно которой Соглашение о разделе продукции является лишь одной из концессионных форм недропользования и в дальнейшем изложении опирается на это тезис. Этот факт также указывает, что обеспечение полноценного функционирования иностранного капитала на территории Российской Федерации во всех известных формах приложения было невозможным без базового Закона о концессиях, включая принятие и исполнение всех конкретизирующих его актов.

Для иллюстрации последнего тезиса необходимо отметить, что специалисты еще на начальном этапе действия Закона о концессиях предлагали государству подготовить набор проектов модельных договоров концессии для различных видов экономической деятельности в разных сферах [19, с. 77]. Однако бытует и мнение, что всякое концессионное соглашение представляет собой не типовой договор, а сугубо индивидуальный контракт, соответствующий конкретному проекту. Для проектирования, строительства, управления, эксплуатации существуют различные варианты, касающиеся числа контрактов, характера оплаты, сроков, распределения рисков, инвестиционных обязательств и т. д. [12]. Но на наш взгляд, существовавшая практика типовых договоров НЭП 20-х гг. XX столетия для разных направлений деятельности доказала их целесообразность, поскольку уже тогда условия, встречавшиеся в концессионных договорах, не были исчерпывающими и носили индивидуальный характер, находясь в зависимости от особенностей каждого конкретного случая. Сегодня законодатель перенял эту практику, и типовые концессионные договоры существуют и востребованы. Тем более, что на концессионное сотрудничество возлагаются огромные надежды и в дорожном строительстве, и в промышленном производстве, и в сфере жилищно-коммунальных услуг, а также в ряде других отраслей, причем, не беспочвенно.

Закон о концессиях формулирует ключевые тезисы концессионного соглашения и определяет наиболее общие параметры концессионных отношений. В рамках нормативных положений стороны устанавливают условия договора, учитывая указанные в законе существенные, а также имеют возможность установить иные, не противоречащие законодательству Российской Федерации. При этом они исходят из гражданско-правовых принципов равенства сторон, их ответственности по принятым обязательствам, нерушимости условий договора. Этими же принципами обуславливается порядок разрешения возникающих из договора конфликтов сторон. В законе превалирует частно-правовая модель концессионного договора, что обусловлено современными мировыми тенденциями развития права.

Основные условия Закона включают общепринятые и перечисленные выше положения, свойственные только концессионному соглашению. Во-первых, одной стороной – концедентом в концессионном договоре всегда выступает государство, от имени которого выступает Правительство Российской Федерации или уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти, либо субъект Российской Федерации, от имени которого выступает орган государственной власти субъекта Российской Федерации, либо муниципальное образование, от имени которого выступает орган местного самоуправле-

ния (п.1 ч.1 ст. 5 Закона). Российское государство выступает в концессионных отношениях в двойной роли: в качестве субъекта гражданского права и органа публичной власти. Второй стороной – концессионером является индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо либо действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) два и более указанных юридических лица (п. 2 ч.1 ст. 5 Закона), т. е. российские и иностранные инвесторы. Наряду с тем, что по смыслу Закона предметом договора может быть только деятельность, связанная с использованием объектов государственной собственности, а также сами виды деятельности, являющиеся государственной монополией, к сожалению, искусственно оказались ограничены сферы применения концессионных соглашений – исключены, например, природные ресурсы. «Законодательство получается кучее», – как философски констатировал один из экспертов. В своё время председатель подкомитета Госдумы по лесным ресурсам Владимир Крупчак отмечал, что при несомненных достоинствах закона там ничего не сказано об объектах, связанных, например, с освоением лесных ресурсов [18]. Поэтому внесение в объект концессионных соглашений таких сфер как, например, природные ресурсы представляется целесообразным, тем более что не все многообразие их применения охватываются соглашением о разделе продукции.

Концессионное соглашение предусматривает срочный и возмездный порядок уступки прав со стороны государства. Что касается, в частности, сроков действия договора, то они устанавливаются по соглашению сторон: «Срок действия концессионного соглашения устанавливается концессионным соглашением с учетом срока создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения, объема инвестиций в создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения и срока окупаемости таких инвестиций, других обязательств концессионера по концессионному соглашению» (ст. 6 Закона). Кстати, на стадии проекта Закона, именованного «О концессионных и иных договорах, заключаемых с иностранными инвесторами» определялось, что в любом случае такой срок не может превышать 30 лет и к моменту истечения этого предельного срока по просьбе иностранного инвестора и с согласия государства договор может быть продлен еще на один срок, не превышающий 20 лет. Таким образом, общий максимальный срок действия концессионного договора предполагался 50 лет. Возмездный порядок предоставления концессионных прав обязывает инвестора своевременно и полностью уплачивать государству установленные платежи (концессионную плату) в следующих формах: 1) определенных в твердой сумме платежей, вносимых периодически или единовременно в бюджет соответствующего уровня; 2) установленной доли продукции или доходов, полученных концессионером в результате осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением; 3) передачи концеденту в собственность имущества, находящегося в собственности концессионера (ч. 2 ст. 7 Закона). Стороны концессионного соглашения могут предусматривать в концессионном соглашении сочетание указанных форм концессионной платы. Закон о концессионных соглашениях подтверждает еще одно фундаментальное право частного инвестора, на котором зиждутся концессионные отношения, – право собственности на произведенную им продукцию и доходы, полученные в результате концессионной деятельности, за исключением, разумеется, упомянутых выплат государству (ч. 7 ст.3 Закона).

Вместе с тем в Закон о концессиях изначально была включена существенная оговорка, встречающаяся в концессионных договорах НЭП, в соответствии с которой, в соглашение может быть внесено условие, обязывающее иностранного инвестора реализовать на внутреннем рынке России определенную часть произведенной им продукции на условиях, согласованных в договоре (п. 5 ч. 2 ст. 10 Закона). Но поскольку в настоящее время российское законодательство находится в стадии активного реформирования в связи со вступлением России в ВТО, то данная норма подлежит глубокой переработке. Исходя из смысла Соглашения о торговых аспектах инвестиционных мер (TRIMS) [20, с. 24–68], в число запрещенных мер относительно производственных предприятий с иностранными инвестициями, производящих те или иные потребительские товары входит запрет требования продажи предприятием товаров на экспорт в виде доли от объема местного производства (экспортный потенциал). В число запрещенных мер также входят:

1) требование, чтобы предприятие использовало (в порядке, предписанном законом) в производстве товара определенную долю продуктов национального производства (внутренние количественные ограничения);

2) требование, чтобы использование импортируемых товаров было по количеству или стоимости увязано с закупками местных товаров (требование, связанное с регулированием платежного баланса);

3) ограничение импорта товаров, используемых предприятием в местном производстве, количеством экспортируемых местных товаров (требование равновесия валютных расходов);

4) ограничение импорта путем ограничения доступа предприятия к иностранной валюте (валютные ограничения).

Такое положение идет вразрез со сложившейся отечественной историко-правовой практикой концессионных отношений [1], уступая место международно-правовой конъюнктуре. За всю историю развития концессионных отношений в России приоритетом выступал протекционизм по отношению к отечественным производителям и интересам. Теперь механизм защиты отечественных производителей становится доступен посредством международных норм, в частности, через Соглашение по защитным мерам (Agreement on Safeguards (SG) [20, с. 29–31]. Этот факт повышает значение норм международных договоров в системе правового регулирования иностранного инвестирования, в том числе, в форме концессионирования.

Таким образом, в связи со вступлением России в ВТО, тенденциозно превалирующее значение в концессионном регулировании с участием иностранного элемента приобретают нормы международного права, даже несмотря на их ограничительный характер. Приведение национальных норм в соответствие международным окажет как значительное влияние на правовое регулирование концессионного сотрудничества на основе иностранного инвестирования, так и на весь инвестиционный (концессионный) процесс в РФ.

Литература

1. Курьсь Н. В. Правовое регулирование иностранного предпринимательства и иностранного частного капитала в истории промышленного развития России. М., РИО РТА, 2007.
2. Комаров А. С., Забелова Л. Б. Правовое регулирование отношений по поощрению и взаимной защите капиталовложений: учебное пособие. М.: ВАВТ, 2011.
3. Курьсь Н. В. Россия и ВТО: системный подход к правовому регулированию иностранных инвестиций // Вестник Государственной регистрационной палаты при Минюсте России. № 4, 2013.
4. Ершов Ю. Правовые пределы вмешательства государства в сферу экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература», 13 мая 2013, № 19, ст. 2330.
6. Пакерман Г. А. Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. 2008, № 9. С.95–106
7. Субботин М. А. О проекте закона «О соглашениях о разделе продукции // Экономические и правовые вопросы недропользования в России. Бюллетень. Том III. 1995. № 8
8. Субботин М. А. Вместо налогов – раздел продукции // Российская газета от 11 мая 1995.
9. Субботин М. А. Сторонники и противники PRODUCTION SHARING борются за льготы для иностранцев // Сегодня от 18 июля 1995.
10. Коноплиник А. А. Закон об СПП выгоден все: инвесторам, правительству и регионам – как сырьевым, так и машиностроительным // Финансовые Известия от 20 июля 1995.
11. Коноплиник А. А. Закон «О соглашениях о разделе продукции» поможет ликвидировать инвестиционную пассивность // Финансовые Известия. № 43 от 26 января 1996.
12. Сосна С. А. Комментарий к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции». М.: Юристъ, 1997.
13. Доронина Н. Г. К вопросу о правовой природе концессионных соглашений // Право и экономика. 1997. № 1.
14. Сосна С. А. Концессионное соглашение: теория и практика. М., 2002.
15. Платонова Н. Правовые проблемы осуществления иностранных и отечественных инвестиций в экономику России на основе соглашений о разделе продукции // Хозяйство и право. 1996. № 6.
16. Теплов О. М. Вопросы недропользования при формировании законодательства о концессиях в РФ // Государство и право. 1994. № 11.
17. Коноплиник А. А., Субботин М. А., Сосна С. А. Россия стремится обрести концессионное законодательство // Финансовые Известия. № 44 от 20 декабря 1994.
18. Субботин М. Государство подбивает капитал на концессионные соглашения // Российская газета, 26 июля 2005 г.
19. Коноплиник А. А. Договор концессии: возможное место и роль в инвестиционном законодательстве России // Нефтегаз, Энергетика и Законодательство. Вып. 1. 2001–2002. М., 2002.
20. Скурко Е. В. ВТО: введение в правовую систему / под ред. В. М.Шумилова. М.: Финансы и статистика, 2003.

ЭКОНОМИКА

УДК 005.34.001.5

Бондарь Тамара Геннадьевна

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ, ВИДОВ И УРОВНЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

В статье рассмотрена характеристика организационно-управленческих инноваций, предложена авторская классификация видов и уровней организационно-управленческих инноваций, раскрыта их сущность, специфика, уровни реализации.

Ключевые слова: организационно-управленческие инновации, организационный лаг, маркетинговые нововведения, организационная структура, управленческая иерархия.

Bondar Tamara G.

RESEARCH OF ESSENCE, TYPES AND LEVELS OF REALIZATION OF ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE INNOVATIONS

The article describes the characteristics of the organizational and managerial innovations, the author proposed a classification of type and levels of organizational and managerial innovations, disclosed their nature, specificity, levels of implementation.

Key words: organizational and administrative innovations, organizational lag, marketing innovations, organizational structure, administrative hierarchy.

В современных хозяйственных системах эффект от процессов обновления всё чаще проявляется в стремлении предприятий к объединению усилий и знаний в части производства конечного продукта для ведения эффективной конкурентной борьбы. Основным инструментом для осуществления данной деятельности является внедрение организационно-управленческих инноваций.

Процесс объединения отдельных субъектов рынка сопряжён с определёнными трудностями. Если в части изменения своих производственных и технических характеристик компании могут действовать самостоятельно, то для организации и управления созданным хозяйствующим комплексом необходимо внедрение инновационных механизмов и инструментов, которые позволят создать эффективную структуру взаимодействия между участниками.

На рис. 1 представлены статистические данные, отображающие долю экономических субъектов, которые проводят организационные и управленческие инновации [1].

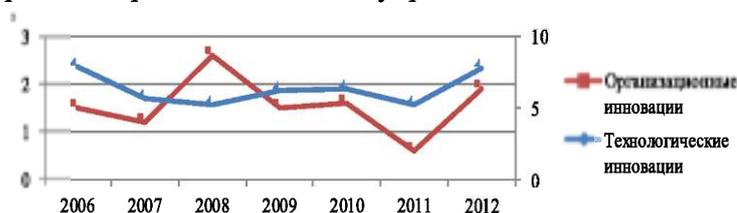

Рис. 1. Динамика удельного веса организаций Ставропольского края, осуществлявших различные виды инновации, в период с 2006 по 2012 гг.

Анализ данных, представленных на рис. 1, позволяет сделать вывод, что в структуре инновационной деятельности хозяйствующих субъектов Ставропольского края преобладает направленность на технологические инновации, которые по частоте внедрения превышают организационные в среднем в 1,5 раза.

Динамика изменения объёмов различных видов инноваций в структуре деятельности хозяйствующих субъектов показывает, что в 2008 году их процент, внедривших технологические инно-

вазии, снизился на 9 %, тогда как применение организационных инноваций возросло практически в 2,5 раза. Причиной возникновения данных изменений является финансовый кризис 2008–2009 гг. Основываясь на представленных данных, можно сделать вывод о том, что непропорциональное изменение количества организаций, внедряющих различные виды инноваций, говорит о желании руководства предприятий высвободить максимальное количество денежных средств при незначительных уменьшениях объемов производства, что свидетельствует о неэффективной структуре управления.

Таким образом, в современных экономических условиях организационно-управленческие инновации, как правило, используются на российских предприятиях при возникновении условий нехватки финансовых средств.

Понятие организационно-управленческих инноваций рассматривается преимущественно только в рамках отдельных предприятий как один из антикризисных инструментов, не требующий большого количества финансовых ресурсов.

Низкий уровень изученности рассматриваемого вида инноваций приводит к дисбалансу общей системы знаний. Как правило, наибольшее внимание уделяется производственным, технологическим инновациям, которые, однако, без правильной организации и управления их внедрением не могут работать максимально эффективно.

Данная ситуация получила название «организационного лага», при котором технологические инновации осуществляются в условиях старых управленческих структур и методов, сложившихся при использовании устаревших производственных технологий. Последствием возникновения организационного лага является отсутствие эффективности внедряемых технологических инноваций и, соответственно, нерационального расходования финансовых и временных ресурсов экономической системы [2].

По нашему мнению, организационно-управленческие инновации являются единым направлением деятельности, в котором организационная часть является обязательным следствием управленческих изменений.

В этом случае, к группе «управленческих» возможно отнести инновации, носящие стратегический характер и регламентирующие структуру объединения: с выделением руководящих органов (структурные), институциональные, правовые.

К организационным инновациям комплекса хозяйствующих субъектов мы относим те, которые, в первую очередь, упорядочивают операционную деятельность: это логистические, маркетинговые, информационные. В большей степени данная группа инноваций относится к разряду тактических.

На рис. 2 представлена авторская классификация видов управленческих инноваций на отраслевом уровне, когда задействованными являются несколько отдельных хозяйствующих систем.

В этом случае внедрение каждой управленческой инновации имеет свою уникальную цель и специфические особенности.

Так, объединяющие управленческие инновации своей целью имеют создание комплекса хозяйствующих субъектов для экономии на масштабе, выпуска более качественной продукции.

Реструктуризирующие инновации изменяют структуру существующих комплексов, как правило, из-за необходимости усиления контроля за отдельными элементами или наиболее эффективного перераспределения ресурсов.

Оптимизирующие управленческие инновации направлены на устранение тех элементов хозяйственной системы, которые замедляют процесс обмена ресурсами, снижают общую эффективность. Виртуальная хозяйственная система (виртуализирующие инновации) характеризуется отсутствием или минимальным количеством классических форм взаимодействия между элементами как внутри системы, так и за её пределами. Основным достоинством подобных виртуальных систем является отсутствие расходов на аренду помещений, адаптивность к различным изменениям во внешней среде.

По масштабу влияния, по нашему мнению, целесообразно выделить *отраслевые, межотраслевые и институционально-межотраслевые* управленческие инновации. В соответствии с названием, управленческие инновации могут затрагивать хозяйственные системы, принадлежащие одной отрасли и разным отраслям.

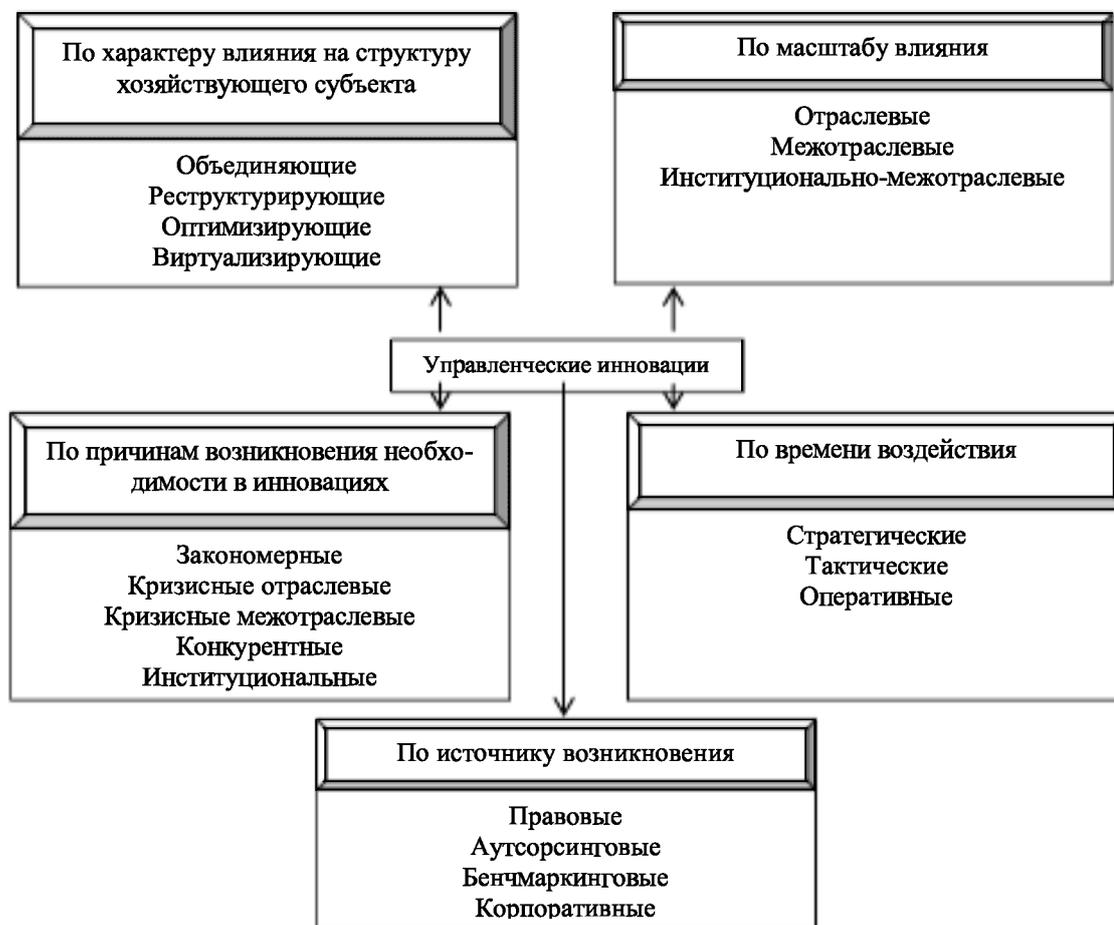

Рис. 2. Авторская классификация управленческих инноваций

Наиболее сложным является третий тип – институционально-межотраслевые управленческие инновации. Специфика данного типа заключается в задействовании не только экономических субъектов, но и органов государственной и муниципальной власти, различных бюджетных организаций (научных, учебных, медицинских). Результатом внедрения рассматриваемого типа инноваций, как правило, является обновление экономического пространства путём создания обособленного хозяйствующего комплекса, кластера, имеющего собственные органы управления, правовые документы, финансовые и учебные институты, список конкретных участников, правила и нормы их взаимодействия.

Причины возникновения необходимости в управленческих инновациях возможно разделить на пять групп. К эволюционному типу относятся группы закономерных и институциональных инноваций.

Более радикальными являются типы управленческих инноваций в зависимости от причины их возникновения: кризисные отраслевые и межотраслевые, а также конкурентные.

Внедрение кризисных управленческих инноваций помогает преодолеть спад в экономике одной или нескольких отраслей. Спад может иметь под собой достаточное количество причин, таких как удорожание сырья, логистические проблемы, нехватка ресурсов.

В конкурентных управленческих инновациях выделяются два типа, по аналогии с кризисными: отраслевые и межотраслевые.

Наиболее простой является первая группа инноваций, которая подразумевает ведение классической конкурентной борьбы с использованием стандартных инструментов маркетинга, принятых в конкретной отрасли.

Вторая группа – межотраслевые конкурентные управленческие инновации – представляет собой эволюционную силу обновления экономического пространства, причинами их внедрения являются:

- быстро изменяющиеся потребительские предпочтения в совокупности с гибкостью спроса по цене на товар (услугу);
- дорогостоящее производство конечного товара;
- эволюционные изменения на рынке смежных отраслей.

Источник возникновения управленческих инноваций представлен четырьмя различными каналами.

Во-первых, это правовой источник, который подразумевает под собой создание конкретных документов, регламентирующих схему управления хозяйственным субъектом, и изданных государственными органами власти.

Во-вторых, источником управленческих инноваций является менеджмент высшего звена хозяйствующего субъекта. Идеи данного вида инновации разрабатываются посредством таких инструментов как форсайт-сессии, мозговые штурмы и кружки качества.

В-третьих, аутсорсинговые управленческие инновации разрабатываются сторонними консультантами, которые по заказу экономического субъекта проводят её аудит с целью выявления «узких» мест, недостатков в структуре менеджмента и предлагают различные варианты решения найденных проблем.

В-четвёртых, бенчмаркинг-управленческие инновации в некоторых случаях являются наиболее быстрым способом определения недостающих или лишних элементов действующей структуры управления. Источником данного вида инноваций является опыт прямых конкурентов хозяйствующего субъекта.

По времени воздействия управленческих инноваций на экономическую систему нами было выделено три вида.

Стратегические управленческие инновации подразумевают смену направления развития хозяйственного субъекта: изменение маркетинговой стратегии, стратегии управления персоналом, общей стратегии развития в проекции на продолжительный временной промежуток.

Тактические управленческие инновации основаны на изменениях в краткосрочной перспективе, к которым относятся управление между ключевыми подразделениями, выход на новый сегмент потребителей, внедрение программы аттестации персонала. Рассмотренные виды управленческих инноваций направлены на взаимодействие с внешней средой.

Управленческие инновации, характеризующиеся как оперативные, являются реакцией на процессы происходящие во внутренней среде хозяйствующего субъекта. Данный вид инноваций направлен на решение вопросов в краткосрочном периоде и носит антикризисный характер.

Как было отмечено ранее, управленческие инновации, являясь первичным этапом внедрения нововведения в экономическую систему, выступают в роли инициатора изменений. В дальнейшем начинается этап организационных преобразований, в ходе которого на сформированную инновационную управленческую структуру накладываются операционные процессы, обеспечивающие естественное функционирование хозяйствующего субъекта.

На рис. 3 представлены виды организационных инноваций, предложенные на основе классификационных признаков: по сфере внедрения, по степени новизны, по уровню иерархии и по функциональной области.

Организационные инновации подразумевают изменение каких-либо устоявшихся процессов между элементами экономической системы. Отсюда следует, что первым классификационным признаком является выделение организационных инноваций по функциональным областям, которые подлежат нововведениям. Исходя из этого, можно выделить следующие виды организационных инноваций: производственные, маркетинговые, финансово-экономические, кадровые.

Деятельность любого элемента современной экономической системы складывается из трёх составляющих процессов: деятельность персонала, документооборот и информационный обмен. Каждый из указанных процессов может стать объектом для внедрения организационных инноваций.

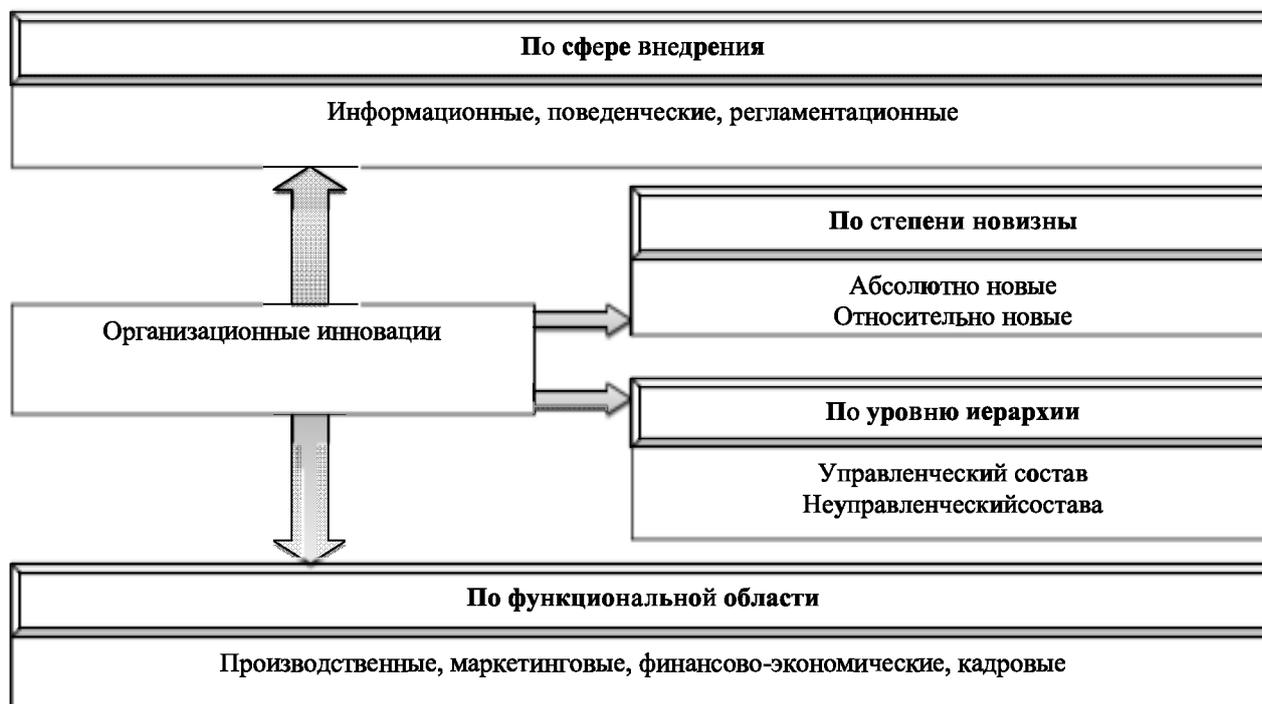

Рис. 3. Предлагаемая классификация организационных инноваций

Информационные организационные инновации характеризуются наличием нововведений, влияющих на процесс получения, обработки и передачи информации. К инновациям данного типа можно отнести внедрение CRM-систем и систем информационной безопасности, нового программного обеспечения, структуризацию информационных потоков.

Вторым типом организационных инноваций по сфере внедрения являются поведенческие инновации, целью которых является изменение и обновление существующих связей в экономической системе между персоналом. Поведенческие инновации выражаются в создании новых правил и кодексов деятельности индивидуумов, группировки их по определённым признакам.

Третьей сферой функционирования экономической системы, в которой возможно внедрение организационных инноваций, является сфера документооборота. В соответствии с этим выделяются регламентирующие инновации, контролирующие процесс создания документов, их внешний вид, перемещение, доступ, обработку и уничтожение. Как правило, регламентирующие организационные инновации проявляются в виде создания определённых правил (регламентов), обязательных к исполнению на всех уровнях экономической системы.

Разработка и внедрение типов организационных инноваций, представленных выше, может быть сопряжена с определёнными трудностями, которые связаны со степенью новизны инновационных разработок для участников экономической системы.

Инновационная деятельность в рамках одного хозяйствующего субъекта, как правило, требует минимальных затрат ресурсов, так как степень новизны для персонала является одинаковой.

В ситуации, когда организационные инновации внедряются в комплекс или систему хозяйствующих субъектов, наиболее вероятно возникновение психологических и мотивационных трудностей среди персонала, которые связаны с различной степенью новизны предлагаемых нововведений для участников системы и требуют большего количества ресурсов для их адаптации.

В данной ситуации по уровню иерархии мы можем выделить инновации, ориентированные на деятельность руководящего состава или на деятельность всего персонала экономической системы.

Сложность адаптации организационных нововведений связана в первую очередь с количеством и качеством персонала, на деятельность которого они направлены. В данном случае необходимо выделить специфическую особенность, присущую именно организационно-

управленческим инновациям: это отсутствие возможности точного измерения степени понимания сотрудниками нововведений, уровня их лояльности к ним и качества исполнения новых форм и методов взаимодействия. Отсюда следует, что при внедрении новшеств в управленческую и организационную сферу хозяйственной системы необходимо выделение ресурсов на обучение сотрудников и контроль их перехода к новому формату деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными инструментами осуществления различных форм обновлений хозяйственных систем в настоящее время является внедрение организационно-управленческих инноваций, представляющих собой новый способ функционирования и управления предпринимательской структурой, ориентированный на повышение эффективности ее деятельности и конкурентоспособности.

Литература

1. Официальный сайт Федерального органа государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
2. Абрамешин А. Е., Аксенов С. Н. Менеджмент инновационной организации: учебное пособие / под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Европейский центр по качеству, 2003.

УДК 330.362 (330.43)

Горидько Нина Павловна, Нижегородцев Роберт Михайлович

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ IS-LM МЕТОДАМИ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: УСЛОВИЯ РЫНОЧНОГО РАВНОВЕСИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

В статье осуществляется построение модели IS-LM для экономики Украины 2000-2008 годов при помощи методов эконометрики. Обсуждаются алгоритмы построения кривых, характеризующих равновесие товарного и денежного рынков, делаются содержательные выводы относительно состояния и динамики макросистемы Украины за рассматриваемый период.

Ключевые слова: модель IS-LM, регрессионный анализ, макроэкономическое неравновесие, экономическая динамика.

Goridko Nina P., Nizhegorodtsev Robert M. CREATING THE IS-LM MODEL BY METHODS OF ECONOMETRIC ANALYSIS: CONDITIONS OF MARKET EQUILIBRIUM FOR ECONOMY OF UKRAINE

The IS-LM model for economy of Ukraine in 2000-2008 has been created in the paper by econometric methods. There were algorithms of creating the curves showing equilibrium of goods and money markets under consideration, some conclusions about the Ukrainian macrosystem's current state and dynamics have been drawn for the considered period.

Key words: the IS-LM model, regression analysis, macroeconomic disequilibrium, economic dynamics.

Одной из наиболее распространенных моделей, описывающих рыночное равновесие, в экономической теории является модель *IS-LM*, разработанная Дж. Хиксом и Э. Хансеном. Наша задача заключается в том, чтобы на примере конкретной макросистемы (а именно – современной экономики Украины) построить эту модель при помощи методов эконометрики.

Для этого нужно построить множество точек, в каждой из которых объемы инвестиций и сбережений совпадают (кривая *IS*), а затем – множество точек, в каждой из которых спрос на денежные активы равен предложению денег (кривая *LM*). Разумеется, в реальных макросистемах спрос и предложение денег никогда не совпадают, так же, как объемы инвестиций и сбережений никогда не равны друг другу [1, 2]. Тем интереснее, построив соответствующую

модель, сделать вывод относительно разрывов, в которых пребывает исследуемая макросистема в соответствующий период ее развития.

Построение кривой IS. Кривая *IS* (*I* – investment, т.е. инвестиции, *S* – savings, т.е. сбережения) моделирует равновесие на товарном рынке, которое определяется соотношением ВВП (*Y*) и процентной ставки (*r*).

Традиционно предполагается, что уровень процентной ставки напрямую влияет именно на объем инвестиций: чем выше процентная ставка (чем дороже кредитные средства), тем меньше желания инвестировать. Если ожидаемая норма прибыли по инвестициям ниже процентной ставки, инвестиционный проект является нерентабельным и его реализация неэффективна. В большинстве учебников подобная зависимость изображается линейной функцией, но, как доказывалось ранее, в том числе и авторами данной статьи, макроэкономические процессы чаще всего нелинейны [3–5], и это подтверждается нанесенными на график (рис. 1) точками, соответствующими эмпирическим данным по экономике Украины за 2001–2012 гг. [6–9]. Впрочем, общая картина действительно соответствует теоретическим представлениям, поскольку при ставке процента более 20 %, что соответствует данным 2001–2002 гг., объем инвестиций был минимален.

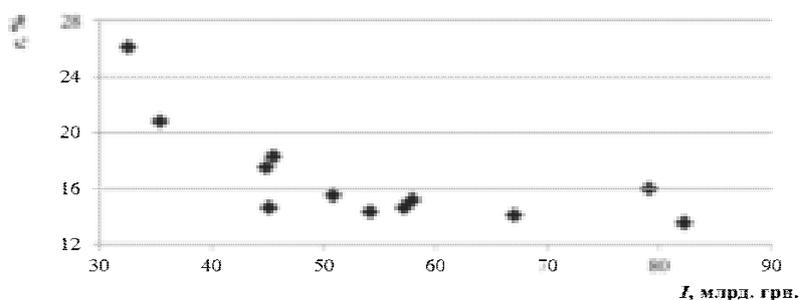

Рис. 1. Соотношение объема инвестиций и ставки процента в экономике Украины, 2001–2012 гг.

Следует отметить, что в качестве ставки процента нами выбрана процентная ставка на межбанковском кредитном рынке; а объем инвестиций, так же, как и другие стоимостные показатели, приведен к уровню цен базового 2001 г. путем дефлирования.

Сбережения – функция от дохода $S(Y)$, притом чем больше совокупный доход макросистемы, тем больше изъятия (сбережения). Но график, изображенный на рис. 2, не подтверждает эту логику, во всяком случае, на нем явно видны «выбросы», соответствующие послекризисному периоду, да и вид графика наводит на мысль о существовании квадратичной зависимости.

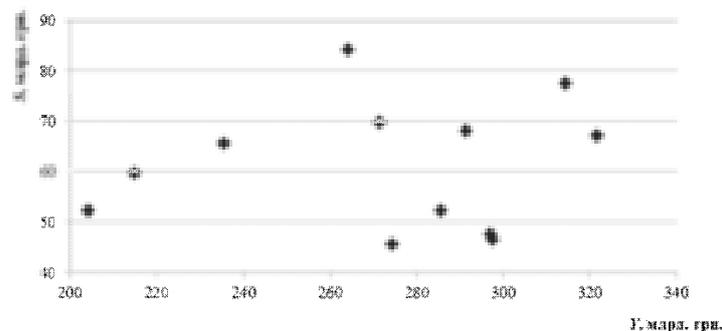

Рис. 2. Соотношение объема ВВП и валовых сбережений в экономике Украины, 2001–2012 гг.

Попытка получить значимую функцию $S(Y)$ за весь анализируемый период не привела к успеху, поэтому мы построили модель, описывающую связь этих показателей за докризисный период 2001–2008 гг.:

$$S = -216,315 + 2,068*Y - 0,004*Y^2. \quad (1)$$

Изменение валового выпуска на 67% объясняет вариацию объема сбережений. Функция значима на уровне значимости 10%, но при этом наблюдается низкий уровень доверия к свободному члену (табл. 1).

Таблица 1

Параметры регрессии для модели (1)

Регрессионная статистика					
Множественный R	0,820429				
R-квадрат	0,673104				
Нормированный R-квадрат	0,542345				
Стандартная ошибка	6,637572				
Наблюдения	8				
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	2	453,5873	226,7936	5,147689204	0,061097642
Остаток	5	220,2868	44,05737		
Итого	7	673,8741			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	
S -пересечение	-216,315	117,9766	-1,83354	0,126191217	
Y	2,067998	0,913055	2,264923	0,072900763	
Y ²	-0,00367	0,001731	-2,11828	0,087696652	

Исключение свободного члена привело к получению уравнения:

$$S = 0,398*Y - 0,0005*Y^2. \quad (2)$$

Естественно, возросли качественные показатели регрессии: $R^2=0,99$, значимость критерия Фишера увеличилась, но стандартная ошибка аппроксимации также возросла (табл. 2).

Таблица 2

Параметры регрессии для модели (2)

Регрессионная статистика					
Множественный R	0,995088				
R-квадрат	0,990199				
Нормированный R-квадрат	0,821899				
Стандартная ошибка	7,835841				
Наблюдения	8				
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	2	37221,19	18610,6	303,1022	6,05E-06
Остаток	6	368,4024	61,4004		
Итого	8	37589,59			

Окончание таблицы 2

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение
<i>S</i> -пересечение				
<i>Y</i>	0,397845	0,074202	5,361656	0,001725
<i>γ</i> ²	-0,00052	0,000265	-1,96037	0,097644

Таким образом, зависимость между сбережениями и уровнем валового дохода в экономике Украины 2001–2008 гг. является квадратичной. Это означает, что при повышении объёма ВВП до определенного уровня сбережения также росли, но с достижением критического значения дальнейшее повышение уровня ВВП сопровождалось сокращением валовых сбережений.

За тот же докризисный период построим функцию $I(r)$, которая, по нашему мнению, наиболее качественно аппроксимируется гиперболической зависимостью (рис. 1):

$$I = 80,381 + \frac{3038,914}{r} \quad (3)$$

Изменение процентной ставки на 71,5% объясняет вариацию объёма инвестиций, модель в целом значима на уровне значимости 1%, но свободный член в данной модели также является незначимым (табл. 3).

Таблица 3

Параметры регрессии для модели (3)

Регрессионная статистика					
Множественный <i>R</i>		0,846067			
<i>R</i> -квадрат		0,715829			
Нормированный <i>R</i> -квадрат		0,668468			
Стандартная ошибка		25,28507			
Наблюдения		8			
Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	9662,957	9662,957	15,11408	0,008098
Остаток	6	3836,007	639,3346		
Итого	7	13498,96			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение	
<i>I</i> -пересечение	80,38107	48,25503	1,665755	0,146814	
$1/r$	3038,914	781,6773	3,887684	0,008098	

Исключив свободный член, мы получили функцию:

$$I = \frac{952,682}{r} \quad (4)$$

Все характеристики модели улучшились: возросли коэффициент детерминации и *F*-критерий, уменьшилась сумма квадратов невязок (табл. 4).

Таблица 4

Параметры регрессии для модели (4)

Регрессионная статистика	
Множественный <i>R</i>	0,985491
<i>R</i> -квадрат	0,971192
Нормированный <i>R</i> -квадрат	0,828335
Стандартная ошибка	10,82834
Наблюдения	8

Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	27670,42	27670,42	235,9892	4,81E-06
Остаток	7	820,7701	117,2529		
Итого	8	28491,19			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение
<i>I</i> -пересечение				
1/ <i>r</i>	952,6815	62,0157	15,36194	1,19E-06

Поскольку равновесие на товарном рынке определяется равенством инвестиций и сбережений, приравняем уравнения (2) и (4):

$$0,398 * Y - 0,0005 * Y^2 = \frac{952,682}{r}$$

$$\text{Отсюда } r = \frac{952,682}{0,398Y - 0,0005Y^2} \quad (5)$$

График функции (5) вместе с фактическими данными изображен на рис. 3, это и есть кривая *IS*.

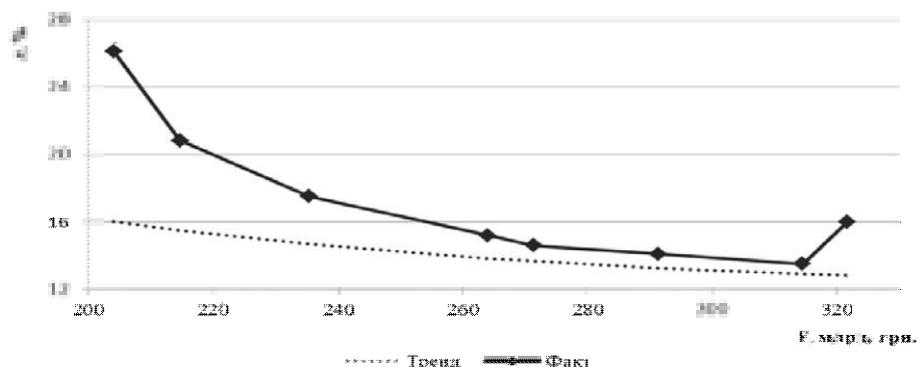

Рис. 3. Кривая *IS* для экономики Украины, 2001–2008 гг.

Построение кривой LM. Кривая LM (*L* – liquidity, т. е. ликвидность; *M* – money, т. е. деньги) моделирует равновесие на денежном рынке, которое определяется соотношением тех же показателей – ВВП и процентной ставки. При этом процентная ставка влияет на предложение денег, т. к. рост ставки процента стимулирует приток денежных ресурсов, а ВВП определяет спрос на деньги, зависящий от объёма благ на рынке.

Опишем сначала связь между показателем дефлированной денежной массы (агрегата *M2*, деленного на дефлятор ВВП – *P*), и процентной ставкой, в докризисный период она выглядела так, как показано на рис. 4.

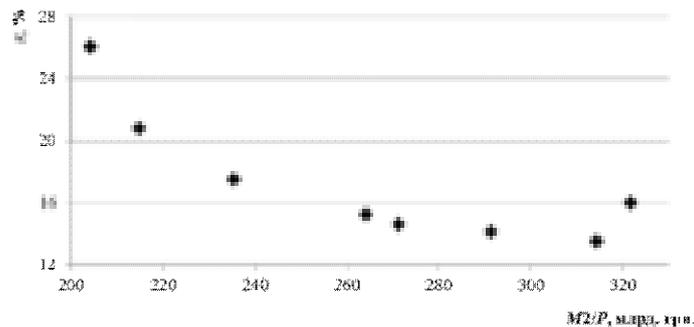

Рис. 4. Соотношение дефлированной денежной массы и ставки процента в экономике Украины, 2001-2008 гг.

Вид функции предполагает наличие степенной зависимости объёма дефлированной денежной массы от ставки процента. При этом параметры регрессии находятся исходя из линеаризованной модели:

$$\ln \frac{M^2}{P} = 10,1 - 1,94 * \ln r \quad (6)$$

Коэффициент детерминации для этого уравнения составил 0,813, сама модель и все её параметры значимы на уровне значимости 1% (см. табл. 5).

Таблица 5

Параметры регрессии для модели (6)					
Регрессионная статистика					
Множественный R	0,901521				
R-квадрат	0,812741				
Нормированный R-квадрат	0,781531				
Стандартная ошибка	0,225935				
Наблюдения	8				
Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	1,329307	1,329307	26,04113943	0,002214752
Остаток	6	0,306279	0,051046		
Итого	7	1,635586			
Таблица параметров регрессии					
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение	
(ln <i>M2/P</i>) -пересечение	10,10158	1,077987	9,370778	8,37987E-05	
ln <i>r</i>	-1,94339	0,380828	-5,10305	0,002214752	

Потенцируя формулу (6), получаем показатель степени для уровня процентной ставки и далее будем его использовать как константу при построении следующей функции:

$$\frac{M^2}{P} = -0,6 + 25068,01 * r^{-1,94} \quad (7)$$

Как следует из характеристик, приведенных в таблице 6, модель значима на уровне значимости 5%, изменение процентной ставки на 67,9 % объясняет вариацию дефлированной денежной массы, но свободный член незначим.

Таблица 6

Параметры регрессии для модели (7)

Регрессионная статистика					
Множественный R		0,823933			
R-квадрат		0,678866			
Нормированный R-квадрат	R-	0,625344			
Стандартная ошибка		29,41208			
Наблюдения		8			
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	10972,37	10972,37	12,68378678	0,01190659
Остаток	6	5190,422	865,0704		
Итого	7	16162,79			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	
M2/P -пересечение	-0,60008	33,02908	-0,01817	0,986093724	
$r^{-1,94}$	25068,01	7038,747	3,56143	0,01190659	

Исключив незначимый свободный член из формулы (7), мы получили функцию:

$$\frac{M^2}{P} = 24946,63 * r^{-1,94} \quad (8)$$

Данная модель имеет более высокие объясняющие характеристики (см. таблицу 7): $R^2=0,955$, вырос критерий Фишера, уменьшилась стандартная ошибка аппроксимации, модель в целом и коэффициент при регрессоре значимы на уровне значимости 1%.

Таблица 7

Параметры регрессии для модели (8)

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,977134
R-квадрат	0,954792
Нормированный R-квадрат	0,811934
Стандартная ошибка	27,23104
Наблюдения	8

Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	109626,6	109626,6	147,8384936	1,88176E-05
Остаток	7	5190,708	741,5297		
Итого	8	114817,3			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение
<i>M2/P</i> -пересечение				
$r^{-1,94}$	24946,63	2051,72	12,15889	5,8208E-06

Поскольку денежная масса в течение года осуществляет несколько оборотов, воспользуемся функцией, обратной формуле Ирвинга Фишера [10, с. 193; 11], и найдем среднюю скорость обращения денег. Для этого построим модель, описывающую связь между рассчитанными из уравнения (8) значениями показателя дефлированной денежной массы и объёмом ВВП:

$$\frac{M^2}{P} = 0,433 * Y. \quad (9)$$

Параметры модели (9) представлены в таблице 8: коэффициент детерминации равен 0,947, критерий Фишера и *t*-статистика указывают на значимость регрессии на уровне значимости 1%.

Таблица 8

Параметры регрессии для модели (9)					
Регрессионная статистика					
Множественный <i>R</i>	0,973019				
<i>R</i> -квадрат	0,946766				
Нормированный <i>R</i> -квадрат	0,803909				
Стандартная ошибка	29,54936				
Наблюдения	8				
Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	108705,2	108705,2	124,4956	3,09E-05
Остаток	7	6112,155	873,1649		
Итого	8	114817,3			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение
<i>M2/P</i> -пересечение				
<i>Y</i>	0,43512	0,038997	11,15776	1,03E-05

Как следует из формулы Ирвинга Фишера, количество оборотов равно единице, делённой на коэффициент регрессии из уравнения (9), т. е.:

$$V = \frac{1}{0,435} = 2,298.$$

Отсюда предложение денег, обозначенное как L^S , описывается с помощью функции:

$$L^S = 2,298 * 24946,63 * r^{-1,94} = 57333,39 * r^{-1,94}. \quad (10)$$

Спрос на деньги (L^D) мы определили путем суммирования значений таких статистических показателей как конечные и промежуточные потребительские расходы, а также чистые сбережения. Поскольку спрос на деньги, как говорилось ранее, есть функция зависимости объема денежной массы от валового выпуска. Исходя из рис. 5, определим тип связи между этими показателями.

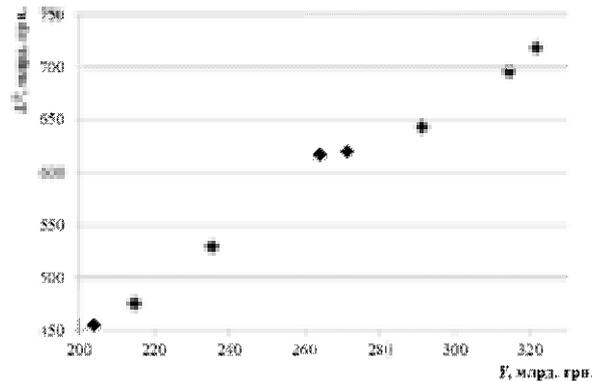

Рис. 5. Соотношение дефлированной денежной массы и ставки процента в экономике Украины, 2001–2008 гг.

Явно прослеживается линейная зависимость, описываемая формулой:

$$L^D = 7,932 + 2,214 * Y. \quad (11)$$

Параметры данной модели приведены в таблице 9 и свидетельствуют об её высокой объясняющей способности, но свободный член оказался незначим.

Таблица 9

Параметры регрессии для модели (11)

Регрессионная статистика					
Множественный R	0,992764				
R-квадрат	0,985581				
Нормированный R-квадрат	0,983178				
Стандартная ошибка	12,70125				
Наблюдения	8				
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	66161,58	66161,58	410,1219261	9,41899E-07
Остаток	6	967,9303	161,3217		
Итого	7	67129,51			
		Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
L^D -пересечение		7,931857	29,28681	0,270834	0,795594911
Y		2,213873	0,109319	20,25147	9,41899E-07

Исключив незначимый свободный член, получим формулу:

$$L^D = 2,243 * Y. \quad (12)$$

Параметры регрессии модели (таблица 10) описывают её как значимую и полностью адекватную исходным данным. К тому же по сравнению с предыдущей моделью уменьшилась стандартная ошибка приближения.

Таблица 10

Параметры регрессии для модели (12)

Регрессионная статистика					
Множественный R		0,99983			
R-квадрат		0,999661			
Нормированный R-квадрат		0,856804			
Стандартная ошибка		11,83073			
Наблюдения		8			
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	2889021	2889021	20640,84709	7,6699E-12
Остаток	7	979,7634	139,9662		
Итого	8	2890001			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
L^D -пересечение				
Y	2,24313	0,015613	143,6692	2,08819E-13

Приравняем предложение денег (10) и спрос на них (12):

$$57333,39 * r^{-1,94} = 2,243 * Y.$$

Следовательно, $r = 185,343 * Y^{-0,515}$. (13)

На рис. 6 показана кривая LM, отражающая равновесие спроса и предложения на денежном рынке согласно формуле (13), а также фактическое соотношение объёма ВВП и процентной ставки в докризисной экономике Украины.

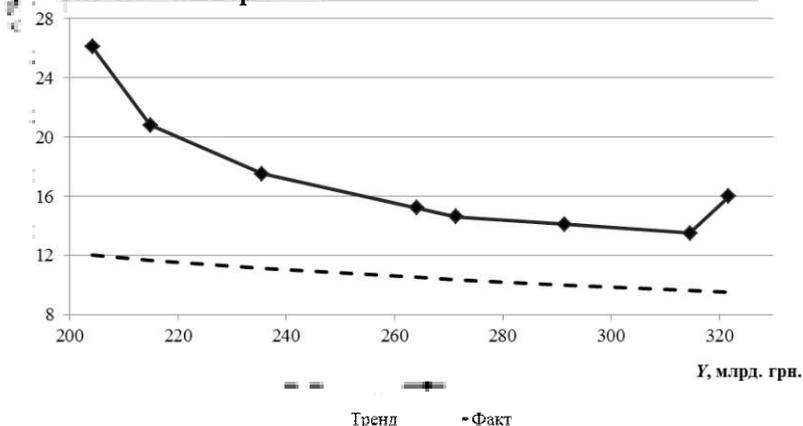

Рис. 6. Кривая LM для экономики Украины, 2001–2008 гг.

Исследование возможности равновесия на товарном и денежном рынках.
На следующем графике (рис. 7) попробуем соединить полученные кривые *IS* (формула (5)) и *LM* (формула (13)) и определить возможную точку равновесия.

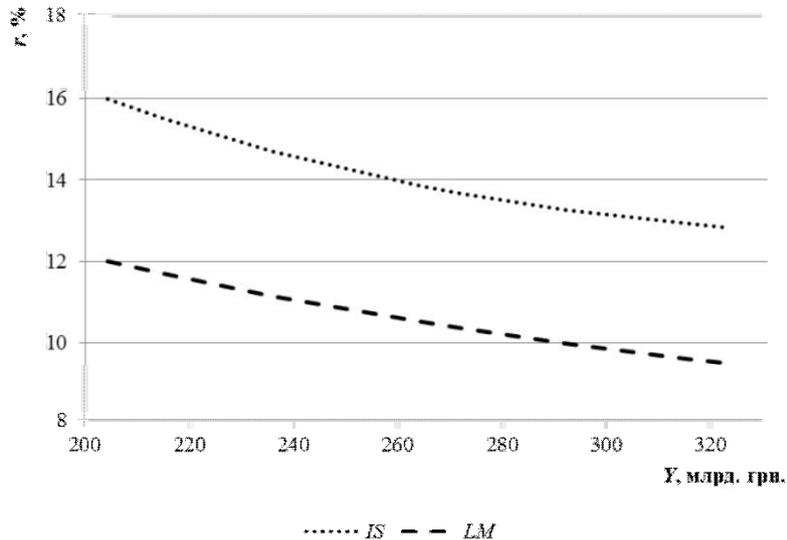

Рис. 7. Кривые *IS* и *LM* для экономики Украины, 2001–2008 гг.:
кривая *LM* лежит ниже кривой *IS*

Как видим, кривые не пересекаются и даже почти параллельны, а это значит, что равновесия на денежном и товарном рынках в исследуемом периоде быть не могло. Более того, реальный сектор (товарный рынок) сам по себе является равновесным при более высоких процентных ставках, нежели финансовый сектор (денежный рынок). Это свидетельствует о том, что равновесие в реальном секторе достижимо только при условии избытка ликвидности.

Впрочем, как следует из рис. 8, на самом деле в Украине 2001–2008 гг. процентные ставки удерживались на таком уровне, который был выше равновесного даже для товарного рынка, не говоря уже о денежном.

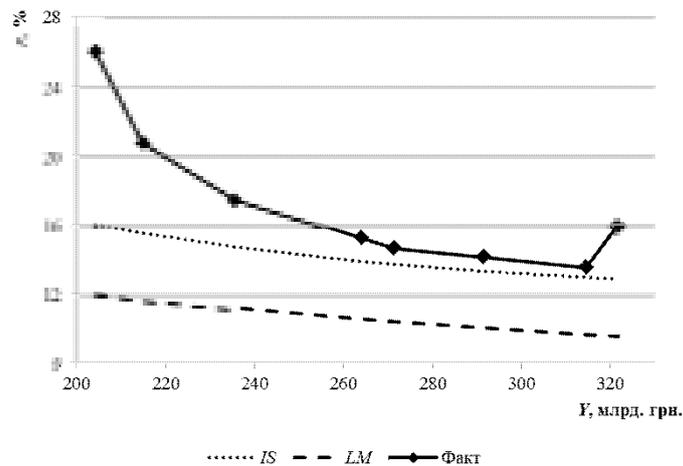

Рис. 8. Кривые *IS* и *LM* и эмпирические данные для экономики Украины, 2001–2008 гг.

Это значит, что в среднем для рассматриваемого периода в экономике Украины объем сбережений превосходил объем инвестиций. В предположении о неизменности уровня цен, стабильности процентной ставки, а также о постоянстве средних склонностей к потреблению

и сбережению в течение рассматриваемого периода (что, разумеется, является очень грубым упрощением реальной ситуации) это означает, что экономика пребывала в целом в состоянии рецессионного разрыва, при котором сложившийся в экономике уровень цен превышает равновесный, а совокупное предложение обгоняет совокупный спрос.

Сделанные в данной статье выводы хорошо согласуются с итогами предшествующего анализа современной экономики Украины [12].

Пользуясь приведенным в статье алгоритмом, можно строить модели *IS-LM* для различных макросистем в разные периоды их развития и получать содержательные выводы относительно экономической динамики соответствующих стран, усредненной по периодам продолжительностью в 7–8 лет.

Необходимое условие успешного применения указанного алгоритма заключается в том, чтобы за исследуемый период кривые *IS* и *LM* не слишком сильно смещались. Если они быстро движутся, то построить единую модель за весь рассматриваемый период не удастся, и приходится сокращать число наблюдений. Именно по этой причине редко удается построить модель *IS-LM* отдельно для кризисных лет. Погодовые данные дают количество наблюдений, недостаточное для проведения достоверных параметрических оценок, а ежемесячные данные (даже по тем странам, где они рассчитываются статистическими службами) содержат серьезные погрешности измерений. По этой причине часто приходится строить отдельные модели для кризисных периодов (там, где это возможно, и с применением немного иных алгоритмов) и для докризисных периодов [10, 12]. Построенная нами в данной статье модель *IS-LM* не является исключением из этого общего правила.

Литература

1. Нижегородцев Р. М. Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса. Новочеркасск: «НОК», 2011. 100 с.
2. Нижегородцев Р. М., Горидько Н. П. Управление монетарной сферой и перспективы экономического роста: уроки кризиса, модели, прогнозы // Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста. Т. 1 / под ред. В. А. Черепнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. С. 831–877.
3. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Модели зависимости темпов инфляции от объемов денежной массы: регрессионный анализ нелинейной динамики // Экономическая наука современной России. М.: ЦЭМИ РАН. 2013. № 1 (60). С. 39–46.
4. Нижегородцев Р. М., Горидько Н. П. Монетизация экономики как фактор роста: модели полиномиальной регрессии // Российская экономическая модель: динамика и контексты: колл. монография / под общ. ред. А. И. Трубилина, В. И. Гайдука. М.: Просвещение-Юг, 2013. С. 103–117.
5. Нижегородцев Р. М. Попытки линеаризации трендов при регрессионной аппроксимации нелинейных связей // Управление инновациями–2013: Материалы международной научно-практической конференции 18–20 ноября 2013 г. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2013. С. 130–132.
6. Бюлетень Національного банку України: Щомісячне аналітично-статистичне видання Національного банку України. К.: НБУ. 2013. № 7 (244). 187 с.
7. Бюлетень Національного банку України: Щомісячне аналітично-статистичне видання Національного банку України. К.: НБУ. 2006. № 11 (164). 183 с.
8. Национальный банк Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bank.gov.ua>.
9. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua>.
10. Горидько Н. П. Регрессионное моделирование инфляционных процессов: монография [авт. предисл., науч. ред. Р. М. Нижегородцев]. М.: РосНОУ, 2012. 248 с.
11. Нижегородцев Р. М., Горидько Н. П. Регрессионное моделирование динамики реальной стоимости финансовых активов (на примере Украины) // Финансовая аналитика: проблемы и решения: Научно-практический и информационно-аналитический сборник. М.: Издательский дом «Финансы и кредит». 2012. № 14. С. 33–40.
12. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Моделирование совокупного спроса по агрегатам и «Кейнсианский крест» для современной экономики Украины // Механізм регулювання економіки: Міжнародний науковий журнал. Суми: ВТД «Університетська книга». 2013. № 1 (59). С. 168–175.

УДК 004.413.4

Калашникова Екатерина Юрьевна

РИСКИ В СИСТЕМЕ ИНВЕСТИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ В НЕДВИЖИМОСТЬ

В статье уделяется внимание анализу и оценке рисков при инвестировании и финансировании в недвижимость, и даются рекомендации по их снижению различными способами, которые инвестор может выбрать без ущерба для себя.

Ключевые слова: риск, инвестиции в недвижимость, инвестиционный доход, объект инвестирования, оценка риска.

Kalashnikova Ekaterina Yu.

RIKES IN THE INVESTMENT AND FINANCING IN REAL ESTATE

In this article the importance given to the analysis and evaluation of the risks of investing in real estate and financing, and provides recommendations to reduce them in various ways that an investor can choose without compromising yourself.

Key words: risk, investments into real estate, the investment income, object of investment, a risk estimation.

В сложившейся экономической ситуации многообразие характеристик недвижимости и особенностей их местоположения в совокупности с отсутствием на местном рынке аналогичной недвижимости заменителя дает возможность отдельным продавцам занять монопольное положение в этой сфере.

В отличие от финансовых инвестиций, недвижимость имеет явно выраженную материальную форму, наиболее высокий уровень защиты от инфляции, возможность многоцелевого использования объектов. К недостаткам можно отнести лишь низкую ликвидность и высокие издержки на создание и обслуживание объектов. В этих условиях важную роль приобретает оценка эффективности финансирования инвестиций в недвижимость. Оценка может отвечать многим целям: определение инвестиционной политики, мониторинг эффективности, финансовые отчеты, выбор места расположения собственности, развитие отношений с новыми инвесторами. В основу проведения оценки должен быть положен анализ приносимых ею доходов. Инвестиционные доходы в данном случае включают две составляющие: текущие доходы (денежный поток от операций с недвижимостью) и изменение стоимости активов (в результате переоценки объектов собственности).

Характерной особенностью оценки эффективности инвестиций в недвижимость является относительно более высокий уровень риска – это опасность возникновения непредвиденных потерь, убытков, недополучения доходов, прибыли по сравнению с планируемым вариантом. Инвестиционный риск, в свою очередь, это вероятность возникновения непредвиденных финансовых потерь (снижение прибыли, дохода и даже потеря капитала инвестора) вследствие наступления неблагоприятных обстоятельств [1].

Как следует из практики исследования проблемы, особенно остро вопрос управления рисками в сфере инвестиций в недвижимость сегодня поднимается при применении к высоко финансово затратным инвестиционным проектам, начиная со стадии их разработки. Причем это является одинаково важным и методологически адекватным как для долгосрочных инвестиционных проектов, так и для средне- и краткосрочных проектов. Во всех перечисленных случаях вопрос связан с информационной неопределенностью, вероятными срывами и критическими отклонениями при исполнении проекта и возможными ущербами, а различия проявляются, главным образом, количественно – в масштабах и сроках этих нежелательных событий и их последствий. При этом в первую очередь нас интересуют риски в контексте оценки эффективности инвестиционного проекта, выполнения и приумножения финансовых и других ресурсных затрат [2]. А именно: риски, связанные с событиями, влияющими на показатели эффективности проекта, такие, как чистый приведенный доход, внутренняя норма рентабельности, точка безубыточности и др.

Следовательно, при работе с инвестиционными проектами под *риском* понимают возможность получить отклонения результатов исполнения проекта в отрицательную сторону по сравнению с некоторой исходной оценкой. Такие отклонения могут возникнуть вследствие отклонения начальных условий или других параметров от нормативных, первоначально запланированных или полученных из статистических расчетов.

Мы подробно рассмотрим риски, прямо связанные с финансированием инвестиций в недвижимость. Риски, связанные со сферой недвижимости, с одной стороны, подчиняются общим закономерностям доктрины рисков, а с другой стороны, имеют свою собственную специфику, отличающую их от рисков, связанных с инвестициями на финансовых рынках. Существует несколько классификаций видов рисков, связанных с инвестициями в недвижимость.

Отобразим наиболее общее деление рисков на бизнес-риски и на финансовые риски. Природа бизнес-рисков связана с потерей инвестором части дохода от активов в связи с изменением рыночной ситуации, на которую влияют такие факторы, как спад производства и безработица, стихийные бедствия, изменения в уровне доходов, изменение предпочтений и вкусов населения и др.

Отсюда следует, что анализ рисков можно подразделить на два взаимно дополняющих друг друга вида: качественный и количественный. Качественный анализ имеет целью определить (идентифицировать) факторы, области и виды рисков. Количественный анализ рисков должен дать возможность численно определить размеры отдельных рисков и риска проекта в целом.

Следует отметить, что качественный анализ инвестиционных рисков предполагает количественный его результат, т. е. процесс проведения качественного анализа проектных рисков должен включать не только описание конкретных видов рисков данного проекта, выявление возможных причин их возникновения, анализа предполагаемых последствий их реализации и предложений по минимизации выявленных рисков, но и стоимостную оценку всех этих минимизирующих риски конкретного проекта мероприятий.

Этот анализ проводится на стадии разработки бизнес-плана, а обязательная комплексная экспертиза инвестиционного проекта позволяет подготовить обширную информацию для анализа его рисков. Первым шагом идентификации рисков является конкретизация классификации рисков применительно к разрабатываемому проекту. Например, рассмотрим два альтернативных инвестиционных проекта № 1 и № 2 со сроком реализации три года. Оба проекта характеризуются одинаковыми размерами инвестиций и «ценой» (стоимостью) капитала, равной 10 % (табл. 1).

Таблица 1

Расчет размаха вариации по двум альтернативным проектам

Наименование показателей	Проект № 1	Проект № 2
Объем инвестиций, млн.руб.	30,0	30,0
Ожидаемое среднегодовое поступление денежных средств для сценариев:		
- пессимистического;	11,0	10,5
- наиболее вероятного;	12,5	15,7
- оптимистического.	14,2	17,4
Прогноз NPV:		
- пессимистического;	-1,4	-2,0
- наиболее вероятного;	2,1	10,2
- оптимистического.	6,7	13,4
Размах вариации	8,1	15,4

Как следует из таблицы, проект № 2 имеет более высокие значения NPV. Однако он является более рискованным, чем проект № 1, так как имеет более высокое значение размаха вариации.

Обоснуем данный вывод с помощью расчета среднего квадратического отклонения для двух проектов. Последовательность действий следующая:

Экспертным путем установим вероятность значений NPV для каждого проекта (табл. 2).

Таблица 2

Значение NPV			
проект №1		проект №2	
NPV	Экспертная оценка вероятности	NPV	Экспертная оценка вероятности
- 1,4	0,2	- 2,0	0,1
2,1	0,5	10,2	0,6
6,7	0,3	13,4	0,3
итого	1,0	-	1,0

1. Вычислим среднее значение \overline{NPV} для каждого проекта:

$$NPV 1 = -1,4 * 0,2 + 2,1 * 0,5 + 6,7 * 0,3 = 2,78 \text{ млн. руб.}$$

$$NPV 2 = -2,0 * 0,1 + 10,2 * 0,6 + 13,4 * 0,3 = 9,94 \text{ млн. руб.}$$

2. Рассчитаем среднее квадратическое (стандартное) отклонение (δ) для каждого проекта:

$$\delta_1 = \sqrt{(-1,4 - 2,78)^2 * 0,2 + (2,1 - 2,78)^2 * 0,5 + (6,7 - 2,78)^2 * 0,3} = \sqrt{6,24} = 2,5$$

$$\delta_2 = \sqrt{(-2,0 - 9,94)^2 * 0,1 + (10,2 - 9,94)^2 * 0,6 + (13,4 - 9,94)^2 * 0,3} = \sqrt{18,26} = 4,27$$

Расчет средних квадратических отклонений показывает, что проект № 2 более рискованный, чем проект № 1.

Статистический метод расчета уровня риска требует наличия большого объема информации, которая не всегда имеется у инвестора (инициатора проекта).

Анализ целесообразности затрат ориентирован на выявление потенциальных зон риска. Перерасход инвестиционных затрат по сравнению с параметрами проекта может быть вызван следующими причинами:

- изменением границ проектирования;
- возникновением дополнительных затрат у подрядчика в ходе строительства объекта;
- различием в эффективности проектов (доходности, окупаемости, безопасности);
- первоначальной недооценкой стоимости проекта и т. д. [3].

Эти ключевые факторы могут быть детализированы с целью определения уровня риска осуществляемых капиталовложений.

Метод экспертных оценок основан на анкетировании специалистов-экспертов.

Полученные статистические результаты обрабатывают в соответствии с поставленной аналитической задачей. Для получения более представительной информации к участию в экспертизе привлекают специалистов, имеющих высокий профессиональный уровень и большой практический опыт работы в области реального инвестирования.

Метод применения аналогов заключается в поиске и использовании сходства, подобия явлений (проектов) и их сопоставлении с другими аналогичными объектами каждого. Для данного метода, как и для метода экспертных оценок, характерен определенный субъективизм, поскольку решающее значение при оценке проектов имеют интуиция, опыт и знания эксперта и аналитика.

В процессе оценки возможных потерь от инвестиционной деятельности используют абсолютные и относительные показатели. Абсолютный объем финансовых потерь, связанных с реальным инвестированием, представляет собой сумму убытка (ущерба), причиненного инвестору в связи с наступлением неблагоприятных событий. Относительный размер финансовых потерь (убытка), связанных с инвестиционным риском, выражают отношением суммы возможного убытка к избранному базовому показателю (к величине ожидаемого дохода от инвестиций или к сумме вложенного капитала в данный проект).

$$K_{ин} = \sum \text{убытка} / И * 100, \quad (1)$$

где $K_{ин}$ – коэффициент инвестиционного риска, %;

$И$ – объем инвестиций (капиталовложений), направляемых в конкретный проект [4].

Подобные финансовые потери можно считать низкими, если их сумма от объема инвестиций по проекту не превышает 5 %; средними, если данный показатель колеблется в пределах свыше 5 и до 10 %; высокими – свыше 10 и до 20 %; очень высокими, если их уровень превышает 20 %.

После этого ожидаемый уровень риска учитывается в ставке дохода на инвестируемый капитал: чем выше уровень ожидаемого риска, тем выше должна быть требуемая ставка дохода на инвестированный капитал. В общем виде ставку доходности на инвестированный капитал можно рассчитать по формуле

$$R_i = R_f + \text{плата за риск.}$$

Данный подход к определению требуемой ставки доходности является общим как для инвестиций в недвижимость, так и для инвестиций в традиционные финансовые активы. Основой расчета платы за риск является определение систематического риска, отражающего неуправляемые риски макроуровня или риски отрасли. После оценки качественным и количественным методами необходимо сравнить уровень риска инвестиций в коммерческую недвижимость и в другие финансовые активы, это определяется особенностями доходной недвижимости [8].

Риск, связанный с инвестициями в недвижимость, – это специфический риск, обусловленный уникальными особенностями недвижимости: низкая ликвидность, большие затраты денег и времени на совершение сделок, необходимость качественного управления. При финансировании инвестиций в недвижимость нужно учитывать возможное снижение доходности инвестиционного проекта относительно проектной, превышение фактических расходов над ранее ожидаемыми, невозможность завершения инвестиционного проекта из-за непредвиденного чрезмерного роста цен на материалы, невозможность продать построенный объект по запланированной ранее высокой цене, подверженность элементов недвижимости риску уничтожения и многое другое [7].

На основе рассмотрения методов анализа и оценки рисков можно сделать *выводы*.

1. На случай наступления неблагоприятных обстоятельств должны быть приняты меры по снижению проектных рисков за счет диверсификации т.е. меры разнообразия в совокупности денежных и материальных ресурсов, производственных мощностей. Наибольший эффект от диверсификации достигается добавлением в инвестиционный портфель активов различных классов, отраслей таким образом, чтобы падение стоимости одного актива компенсировалось ростом другого.

2. Самострахование связано с формированием из чистой прибыли резервных фондов и покрытия за счет них возможных убытков. Самострахование имеет смысл, когда вероятность потерь невелика или когда предприятие располагает большим количеством однотипного оборудования и транспортных средств.

3. Лимитирование концентрации проектных рисков используют по тем их видам, которые выходят за рамки допустимого уровня (по капиталовложениям, осуществляемым в условиях критического и катастрофического риска).

4. Самый верный способ снижения проектных рисков – это обоснованный выбор инвестиционных решений, что находит отражение в технико-экономическом обосновании и бизнес-плане инвестиционного проекта.

Таким образом, необходимо знать многое, когда дело доходит до инвестиций в недвижимость, большая часть этих знаний приходит с опытом. Как правило, люди при финансировании инвестиций в недвижимость допускают ошибки. Непредвиденные риски будут существовать всегда, но зная эти риски, можно настроить себя на успех. Даже не смотря на то, что соотношение между стоимостью квадратного метра и ВВП на душу населения в России все ещё остается одним из самых высоких в мире, инвестиции в недвижимость занимают второе место по вложениям после ценных бумаг. Инвестиции – это ежедневный труд, и относиться к этому нужно серьезно, необходимо быть готовым пробовать и терять. Опыт, приобретенный в этой области деятельности, позволяет резюмировать, что самые эффективные инвестиции – это инвестиции в собственный бизнес и собственных детей.

Литература

1. Акинин П. В., Бут Т. В. Основы системы управления банковскими рисками // Финансы и кредит. №13. М.: Изд-во «Финансы и кредит», 2007 г. С. 33–35.
2. Бард В. С. Инвестиционные проблемы российской экономики: учебно-методическое пособие. М.: Экзамен, 2008.
3. Белых Л. П. Формирование портфеля недвижимости. М.: Финансы и статистика, 2005. 264 с.
4. Бланк И. А. Основы инвестиционного менеджмента. В 2 т. Киев: Эльга-Н: Ника-Центр, 2008. Т. 1. С. 536; Т. 2. С. 512.

5. Вахрин П. И. Инвестиции: учебник для вузов. М.: Изд-во Дашков и К, 2007. 236 с.
6. Зимин А. И. Инвестиции: вопросы и ответы. Учебник. М: ИД «Юриспруденция», 2006, 256 с.
7. Калашникова Е. Ю. Основные принципы оценки стоимости недвижимости для целей инвестирования // Механизмы регулирования социально-экономического развития регионов России. Сборник научных трудов второй всероссийской научно-практической конференции, 24–25 февраля 2012 года, г. Тверь. URL: http://www.konferenc.ru/konferenc04_02_12.html.
8. Калашникова Е. Ю. Оценка рисков при финансировании инвестиций в недвижимость // Экономический анализ: теория и практика. М.: Изд-во «Финансы и кредит», 2011 г. №13 (220), апрель 2011 г.

УДК 338.2

Кривенко Антон Николаевич

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ МАРКЕТИНГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ В УПРАВЛЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ

В статье раскрывается сущность маркетингового потенциала территории в управлении территориальными образованиями; описывается роль маркетингового потенциала территории в создании стратегии управления территориальными образованиями.

Ключевые слова и фразы: маркетинговый потенциал территории, потенциал маркетинга, управление территориями, стратегия, цель, риски, фактор развития.

Krivenko Anton N.

THE ESSENCE (THE NATURE) AND THE ROLE OF AREA MARKETING POTENTIAL IN THE MANAGEMENT OF TERRITORIES

The article reveals the essence of the marketing potential of the territory in the management of territorial formations; describes the role of the marketing potential of the territory in creating a strategy for the management of territorial units.

Key words: area marketing potential, marketing potential, management of territories, strategy, target, risks, development factor.

Современные экономические теории и взгляды на будущее развитие территорий поражают своим разнообразием и логической противоречивостью. Модель глобализации, предполагающая нарастающее потребление? под которым лежит необходимость поиска новых рынков сбыта для транснациональных компаний, медленно, но верно отживает. Такая тенденция становится все более явной в силу причин, широко известных. Процесс этот выражается не только в падении производства и снижении потребления, но и во всё более ожесточенной мировой схватке за иссякаемые природные ресурсы.

В этой связи рассматривать маркетинговый потенциал территории в стандартном понимании, которое включает способность привлечения инвестиций, трудовых ресурсов, развитие рекреационного потенциала, повышение технологичности производств и прочее – значит не учитывать всех обстоятельств современной реальности. В примерами таких факторов могут служить ухудшение глобальной экологической ситуации, отсутствие реальных программ по восстановлению и сбережению природных ресурсов (включая непродуманное землепользование, загрязнение крупнейших рек, вырубку лесов и т. д.), нарастание межнациональных и межрелигиозных конфликтов и другие.

Управление территориями включает в себя не только принятие оперативных решений в текущей деятельности, но в значительной части и предвидение последствий этих решений. В этой связи считаем, что правильным будет рассмотрение маркетингового потенциала территории не только с позиции одномоментного и очевидного удовлетворения нужд и потребностей населения этой территории, но и с позиции гармонизации таких решений по отношению к природе, с точки зрения сохранения экологических балансов в самом широком понимании.

При проведении любой оценки потенциала необходимо учитывать временной фактор и фактор преемственности поколений. Ведь если в перспективе 3–5 лет какая-либо территория станет экономически развитой, но в перспективе 15–20 лет станет непригодной к проживанию, есть ли смысл в реализации такого потенциала и не является ли ошибочным такой подход? Следовательно, оценка маркетингового потенциала территории и принятие управленческих решений должны производиться с учетом всех вышеуказанных факторов.

Следует сказать, что наша страна пока слабо демонстрирует понимание стратегических перспектив и эффективности развития территорий страны в целом, особенно с точки зрения сбалансированных и последовательных подходов. Отсутствие таких четких, взвешенных, и, что важно, поступательных и целенаправленных действий в конечном итоге сделает Россию безнадежно отстающей страной, являющейся местом добычи и вывоза первичного сырья.

Необходим ввод механизмов, основанных на учете и анализе потенциала территорий в самом широком его понимании, на сбалансированности интересов бизнеса с общегосударственной политикой. Всесторонний анализ возможностей, которыми территория обладает, в т. ч. и тех, которыми она может обладать в стратегической перспективе, и должен сформировать основу для ее конкурентоспособности.

При осуществлении любого вида деятельности работа не может быть начата без определения «исходной точки» по принципу «от достигнутого». В этом смысле упор необходимо делать на уже имеющиеся ресурсы и фактически задействованный потенциал. Постановка цели управления (цели функционирования объекта) является отправной точкой для проектирования процесса управления и определяет критерии его функционирования. Применительно к территориальным системам не представляется возможным достигнуть цели в один шаг, а значит невозможно говорить о прогнозе развития территории без определения стратегии, как цепочки последовательных действий, укладываемых в заданную логику.

Термин «территориальные стратегические решения» обозначает решения, суть которых рассчитана на долгосрочную перспективу и имеет кардинальное значение для работы многих организаций на этой территории. Важным здесь также является то, что такие решения имеют долговременные и неотвратимые последствия. При этом сама стратегия территории – это своего рода «каркас», на котором базируются конкретные решения, блоки заданий по отдельным вопросам функционирования территории и находящихся на ней предприятий.

Для осуществления коммуникаций между участниками процесса, корректной ориентации в целевом пространстве и правильной постановки ожиданий необходимо ввести некоторые уровни описания (применительно к конкретной ситуации и территории):

Миссия территории (видение, деловое кредо, «философская позиция») – сумма общих установок и принципов, определяющих их роль и предназначение в общественных отношениях, а также во взаимоотношениях с другими социально-экономическими субъектами;

стратегия – совокупность связанных между собой решений, определяющих главные направления распределения ресурсов всех видов и ставящие за цель достижение миссии;

цели – конечные и промежуточные состояния территории, описанные в рамках заданных критериев, достигаемые в ходе реализации стратегии;

задачи – уточненная формулировка цели территории применительно к этапу и степени ее достижения;

действия – конкретные мероприятия по реализации поставленной задачи.

Потенциал маркетинга играет неопределимую роль в вопросах построения прогнозов, составления планов и способствует принятию эффективных решений, так как по сути является объективной информацией о возможностях и конкурентных преимуществах региона в достижении определенных целей. Он отражает характер социально-экономических отношений территории на современном этапе, оценивает возможности и учитывает риски.

Таким образом, термин маркетинговый потенциал территории (МПТ), можно определить как интегральную оценку возможностей и ограничений территории. Термин «потенциал» имеет латинское происхождение. И. А. Васюков в «Словаре иностранных слов» приводит толкование термина как «мощь, сила». Потенциал в теории стратегического управления понимается как способность к будущим действиям. В контексте темы стратегического развития территории, под потенциалом маркетинга территории следует понимать совокупность ресурсов территории

и ее возможностей, позволяющих сформировать и максимально удовлетворить потребности территории в процессе социально-экономических отношений.

Маркетинговый потенциал крайне важно рассматривать во взаимосвязи отношений возникающих как между отдельными системами, предприятиями, районами, так и между ними, и административно-управленческим аппаратом, отраслями народного хозяйства в целом, по поводу использования их способностей к созданию материальных благ и услуг [1, с. 176].

Таким образом, становится ясно, что максимально задействованный потенциал территории является определяющим фактором развития, стержнем экономического роста в условиях экономического кризиса, способствует поддержанию независимости и безопасности страны. Стратегические решения любого уровня должны проводиться через призму понимания этих процессов отраслевого уровня. Этот же принцип необходимо заложить в основу принятия решений при определении стратегии отдельных фирм и организаций. Утрата способности к развитию такого потенциала сопряжена с непредсказуемыми последствиями для государства. Особую актуальность этот вопрос приобретает в нынешних условиях обособления отраслей экономики и тенденциях разобщения единого экономического пространства, нагнетания вопросов геополитической безопасности и сохранения национального суверенитета.

Литература

1. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2012.

УДК 621.31

Лапшина Елизавета Владимировна

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В статье изучается структура рынка электроэнергии, ее особенности и результаты реформирования отрасли. Анализируется деятельность крупных предприятий электроэнергетической отрасли Краснодарского края. Рассмотрены основные проблемы и перспективы развития рынка электроэнергии, внедрения и развития возобновляемых источников энергии.

Ключевые слова: электроэнергетика, оптовый рынок электроэнергии, генерирующий комплекс, гарантирующий поставщик, возобновляемые источники энергии, энергодефицит, единая энергетическая система, либерализация, конкуренция, монополия, реформирование.

Lapshina Elizaveta Vladimirovna

FEATURES OF ELECTROENERGY MARKET. CONDITION AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT ELECTROENERGY INDUSTRY OF KRASNODAR REGION

The structure of electro energy market, its features and results of the reforming the industry are studied. Actions of large companies of electroenergy industry in Krasnodar region are analyzed. Basic problems and perspectives of electroenergy market's development, of implementation and development of renewable energy sources are examined.

Key words: electroenergy industry, wholesale market of electric power, generating complex, guaranteeing supplier, renewable energy sources, power deficiency, unites energy system, liberalization, competition, monopoly, reforming.

ЕЭС России представляет собой единый комплекс электрических станций и сетей, имеющий общий режим работы и единый центр диспетчерского управления (ДУ). Системообразующие сети данного единого комплекса имеют напряжение от 330 до 1150 квт, и объединяют в параллельную работу 65 региональных энергосистем от западной границы до Байкала.

Основными этапами работы электроэнергетической системы являются генерация, передача электрической энергии и оперативно-диспетчерское управление.

В настоящее время существуют следующие виды генерации:

Тепловая электроэнергетика, теплоэнергостанции (ТЭС);

Ядерная энергетика, атомные электростанции (АЭС);

Гидроэнергетика, гидроэлектростанции (ГЭС);

Альтернативная энергетика: ветроэнергетика (использование кинетической энергии ветра), гелиоэнергетика (получение электрической энергии из энергии солнечных лучей), геотермальная энергетика (использование естественного тепла Земли), водородная энергетика (использование водорода в качестве энергетического топлива).

В связи со спецификой электроэнергии как товара, формирование и функционирование рынка электроэнергии отличается от общепринятых принципов функционирования товарного рынка.

Одной из основных задач реформирования электроэнергетики Российской Федерации (2002–2011) было формирование рыночных отношений в отрасли.

Либерализация рынка электроэнергетики обычно эффективна на тех рынках электроэнергии, на которых развит достаточный уровень конкуренции, обеспеченный взаимодействием множества средних и мелких относительно нагрузки энергосистемы производителей и отсутствием крупных производителей, обладающих рыночной властью. Переход к дерегулированному рынку предусматривает конкуренцию в сферах производства и поставки электроэнергии.

На конкурентном рынке электроэнергии предметом купли-продажи являются: права на передачу электроэнергии по ЛЭП (или маршрутам передачи), подверженным перегрузкам; централизованные услуги Системного оператора всем участникам рынка по балансированию энергосистемы и обеспечению безопасности и надежности ее функционирования (системные услуги); услуги отдельных участников рынка Системному оператору, необходимые ему для выполнения своих функций (вспомогательные услуги); информационные и другие услуги.

Единый рынок электроэнергии разделен на два главных субрынка: оптовый и розничный. Системообразующим, как правило, считается оптовый рынок, т. к. на нем в основном формируется конкурентная цена на электроэнергию. Кроме того, только на нем централизованно осуществляются балансирование энергосистемы, управление перегрузками и оказание системных и вспомогательных услуг.

С точки зрения временной последовательности торговли, оптовый рынок электроэнергии можно разделить на следующие субрынки: форвардный рынок, рынок «за день вперед», рынок «реального времени».

На форвардном рынке электроэнергии заключаются двусторонние контракты на покупку-продажу электроэнергии.

В связи со спецификой электроэнергии как товара наблюдаются следующие особенности процесса покупки-продажи:

- процесс производства, передачи и потребления электроэнергии происходит одновременно, из чего следует, что ее невозможно складировать, как обычный товар;

- отсутствуют товары-заменители и невозможно контролировать и (или) ограничивать фактические объемы потребления каждого отдельно взятого потребителя в соответствии с его контрактными обязательствами;

- в единой энергосистеме недопустимы перегрузки электрических сетей и нарушение устойчивости, в силу чего возникает необходимость предварительного централизованного планирования и координации поставок электроэнергии с учетом допустимой пропускной способности ЛЭП и критериев устойчивости конкретной энергосистемы.

В целях необходимого планирования и координации поставок электроэнергии был создан Системный оператор, который составляет в день, предшествующий операционным суткам, суточный график производства, передачи и потребления электроэнергии на конкретном рынке. В день составления графика возникает рынок «за день вперед».

Фактически суточный график исполняется далеко не всегда, и часто допускаются отклонения от контрактных обязательств, которые иначе называются дисбалансы. При большом увеличении общего дисбаланса энергосистемы возникает недопустимое отклонение частоты переменного тока. Поэтому Системный оператор выявляет данные дисбалансы и перенаправляет их.

В результате в режиме реального времени возникает соответствующий рынок, где при отсутствии предварительных индивидуальных контрактов между покупателями и продавцами электроэнергии на покупку-продажу дисбалансов фактически происходят финансовые сделки.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на конкурентном рынке электроэнергии, кроме долгосрочных и краткосрочных контрактов, формируется еще рынок реального времени.

Таким образом, при переходе от монопольного рынка к дерегулированному, или конкурентному, усложняется структура рынка и отношения между его субъектами. В процессе перехода формируется, вместо единого монопольного рынка, ряд новых рынков, на которых имеет место торговля электроэнергией. При этом необходимы новые подходы к взаиморасчетам, формированию тарифов на передачу, управлению перегрузками и балансированию энергосистемы, и вследствие всего обеспечению качества электроэнергии и надежности всей энергосистемы в целом.

В результате реформирования Российской электроэнергетики вместо ликвидированных АО-энерго было создано 63 распределительных сетевых компаний (РСК), которыми управляют 4 межрегиональные распределительные сетевые компании (МРСК), а также 54 магистральных сетевых компаний (МСК), которыми управляют 7 межрегиональных магистральных сетевых компаний (ММСК). Кроме того, создано 62 новых районных диспетчерских управлений (РДУ) [4].

Несмотря на все вышеуказанные преимущества и особенности дерегулированного, конкурентного рынка, электроэнергетика имеет ряд особенностей, которые нужно учитывать при организации рынка и при возможности сохранить преимущественно государственный тип управления его функционированием и развитием. К ним относятся: особая роль отрасли в комфортном жизнеобеспечении населения; высокая капиталоемкость и необходимость устойчивого развития электроэнергетики; высокий уровень экологической опасности объектов отрасли электроэнергетики для населения и природы; монопольное участие отдельных предприятий на рынке электроэнергии в силу технологических условий; отсутствие необходимых для стабильного и устойчивого развития системы резервов в производственном и транспортном секторах отрасли [6].

Электросетевой комплекс Краснодарского края характеризуется общей протяженностью ВЛ (воздушные линии) – 102, 39 тыс. км, КЛ (кабельные линии) – 5, 78 тыс. км, ПС (35 кВ и выше) – 743 шт., ТП – 28 645 шт.

Передача (транспорт) электрической энергии осуществляется по электрическим сетям ОАО «ФСК ЕЭС» – Единой национальной электрической сети. В составе линий электропередачи напряжением 220-500 кВ общей протяженностью 2,6 тыс. км и суммарной трансформаторной мощностью 7 642 МВА, а также ОАО «Кубаньэнерго» и ОАО «НЭСК-электросети» – распределительной сети в составе линий электропередачи напряжением 110-0,4 кВ., общей протяженностью электрических сетей около 105,8 тыс. км и суммарной трансформаторной мощностью 13 971,97 МВА.

Генерирующий комплекс Краснодарского края представлен следующими компаниями:

1. ООО «ЛУКОЙЛ-Кубаньэнерго», в состав которого входят Краснодарская ТЭЦ – 744 МВт; Белореченская ГЭС – 48МВт; Краснополянская ГЭС – 48МВт; Майкопская ГЭС – 9,4 МВт;
2. ООО «Интер РАО ЕЭС» филиал Сочинской ТЭС (160 МВт);
3. ОАО «Крымская ГТЭЦ» – 18МВт;
4. ОАО «Мобильные ГТЭЦ» – 45 МВт;
5. Блок станции (в том числе сахарных заводов) общей мощностью 303,7 МВт.

Всего установленная мощность объектов генерации – 1 358 МВт.

В настоящее время на территории Краснодарского края вырабатывается до 40 % электрической энергии от потребности края в год [3].

В целях увеличения данного показателя, наиболее крупные компании, а именно ОАО «Кубаньэнерго» и ОАО «НЭСК-электросети» реализуют инвестиционные программы в сфере электроэнергетики. Инвестиционная программа ОАО «НЭСК-электросети» в 2011 г. составила 746 млн руб., 2012 г. – 2 222 млн руб.; ОАО «Кубаньэнерго» в 2011 г. – 2 253 млн руб., в 2012 г. – 7 500 млн руб.

Согласно Энергетической стратегии РФ наиболее перспективными проектами развития генерирующего комплекса являются следующие: строительство Анастасиевкой ТЭС (250 МВт), малых ГЭС общей мощностью 100 МВт, Лабинской ГАЭС (600 МВт), ветропарка «Азов» (250 МВт), ветропарка «Юг» (200 МВт). Суммарная вводимая генерирующая мощность в пери-

од с 2015 – 2025 гг. составит 1 250 МВт. Всего установленная суммарная генерирующая мощность на территории Краснодарского края к 2025 г. составит 4 468 МВт.

На территории Краснодарского края и республики Адыгея действуют два гарантирующих поставщика и шесть независимых энергосбытовых компаний, которые реализуют электроэнергию крупным потребителям. В 2013 г. ОАО «Кубаньэнергосбыт» продолжает занимать лидирующую позицию на рынке электроэнергии в регионе, и его доля рынка составляла 60,26 %. Потребители ОАО «НЭСК» присоединены к городским электрическим сетям. ОАО «Руссэнергосбыт» поставляет электроэнергию в филиал ОАО «РЖД» – Северо-Кавказская железная дорога. ООО «Русэнергоресурс» – в ОАО «Черноморские магистральные нефтепроводы». Конкурентная среда на электроэнергетическом рынке Краснодарского края в сбытовом секторе показана подробнее на рисунке.

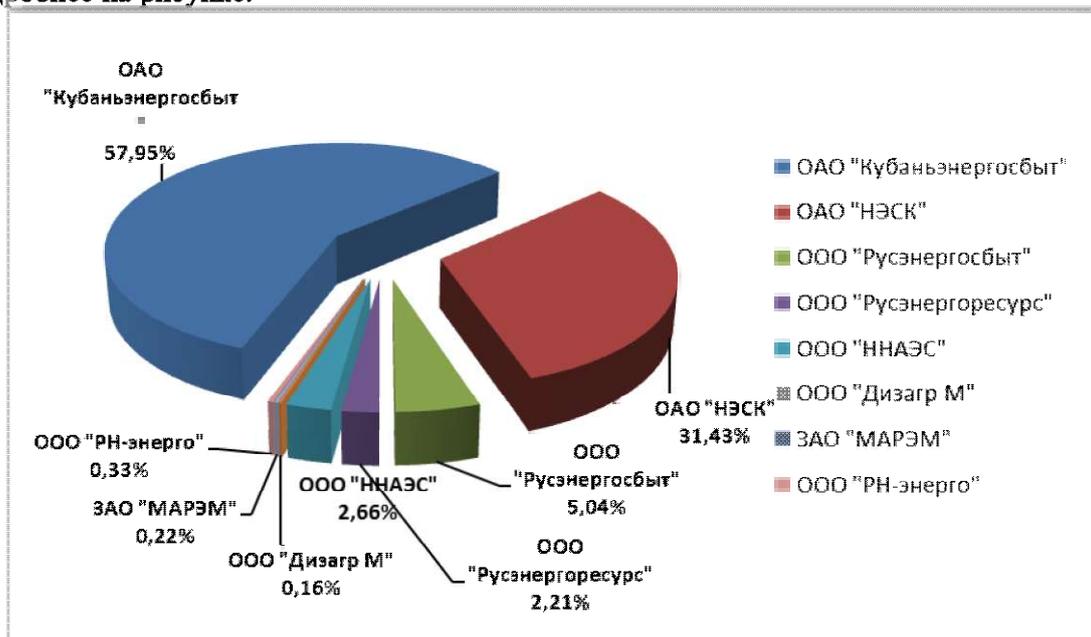

Рисунок. Конкурентная среда на рынке сбыта электроэнергии

За 2012 г. производство электроэнергии в крае составило 7 752,9 млн кВт/ч., или 117,9 % к прошлому году.; в том числе предприятия Краснодарская ТЭЦ – 7 548 млн. кВт/ч (120,1 % к 2011 г.); ГЭС – 204,8 млн. кВт/ч. Увеличение производства электроэнергии в 2012 г. в Краснодарском крае обусловлено вводом во втором квартале в эксплуатацию парогазовой установки ПГУ-410 ООО «ЛУКОЙЛ-Кубаньэнерго» [2].

Дополнительные поставки электрической энергии на Кубани осуществляются с оптового рынка электроэнергии и мощности. За 2012 г. приобретено электрической энергии 13 711,3 млн. кВт/ч, что составляет 103,5 % по сравнению с 2011 г. Полезный отпуск электроэнергии в Краснодарском крае за 2012 г. составил 18 092,6 млн кВт/ч, или 105,2 % к 2011 г.

Изучив и проанализировав потенциал энергосбережения в электроэнергетике Краснодарского края, можно сделать вывод, что наиболее приоритетными направлениями повышения энергоэффективности края являются следующие:

- оснащение предприятий и организаций бюджетной сферы приборами учета и регулирования расхода электроэнергии;
- мероприятия по снижению потерь электроэнергии на предприятиях электрических сетей Краснодарского края;
- замена светильников уличного освещения в городах и районах края на энергосберегающие;
- ознакомление населения и юридических лиц с энергосберегающими мероприятиями и необходимостью внедрения энергосберегающих технологий.

Также одним из перспективных путей повышения энергоэффективности экономики Краснодарского края является использование и максимальное внедрения нетрадиционных возобнов-

ляемых источников энергии. Краснодарский край обладает всеми видами ВИЭ. Имеются разработки и промышленные образцы оборудования всех видов, за исключением ветроустановок мощностью 100 кВт и выше. Суммарный производственно-технологический потенциал Краснодарского края оценивается в терминах производственного потенциала примерно в 5 155,4 т. у. т. в год [1].

Основа развития ВИЭ в Краснодарском крае составляют солнечные, ветровые, геотермальные ресурсы и энергия биомассы (главным образом отходов растениеводства и переработки сельскохозяйственной продукции). В Краснодарском крае функционирует 72 солнечные установки для производства горячей воды и отопления с общей площадью солнечных коллекторов 5 тыс. м. Проектирование и монтаж осуществляет ОАО «Южно-Российская энергетическая компания ЮРЭК».

Производством генераторов для теплоэлектростанций занимаются концерн «Силовые машины», «Элсиб» в г. Новороссийске; фотоэлектрические установки и модули изготавливают предприятия ОАО «Солнечный ветер» и ОАО «Сатурн» в г. Краснодаре. Почти вся продукция указанных предприятий отправляется на экспорт, в связи с крайне ограниченным внутренним спросом и практически неограниченным спросом за рубежом.

Всего на период до 2030 г. на Юге России планируется реализовать целый комплекс работ в области ВИЭ: фотоэлектрические солнечные станции мощностью до 300 МВт в Краснодарском крае, термодинамические солнечные электростанции мощностью до 500 МВт в Южном федеральном округе, комбинированные солнечно – биогазовые и солнечно-ветровые электростанции, мощностью по 50–300 МВт, солнечные станции теплоснабжения в ЮФО общей мощностью 1 000 МВт [5].

Таким образом, Краснодарский край обладает значительными природными возобновляемыми ресурсами, достаточными для одновременного крупномасштабного развития нескольких видов ВИЭ.

Наличие на территории края значительного количества санитарно-курортных и медицинских учреждений с недопустимостью перебоев в энергоснабжении (электроэнергии и горячей воды) требует обеспечения резервирования энергоисточников. Кроме того, летний пик потребления энергоресурсов и воды, обусловленный существенным (в несколько раз) притоком населения в курортной зоне, ставит серьезную задачу наличия пиковых мощностей [7].

Высокая энергозависимость региона от внешних поставок энергоносителей (газа, электроэнергии), отсутствие резервов энергетических мощностей для реализации перспективных программ развития экономики края предопределяют необходимость ширококомасштабных работ по энергосбережению во всех секторах экономики региона с учетом значительных территориальных различий и особенностей муниципальных образований.

Литература

1. Борисова М. Л. Энергосберегающие технологии и перспективы развития // Энергия Юга. 2011. № 3. С. 24–27.
2. Жиликов В. А. Уверенная поступь Топливно-энергетического комплекса Кубани // ТЭК Кубани. 2011. № 3. С. 7–9.
3. Киров А. В. Проблемы электроэнергетического комплекса Кубани // Энергия юга. 2012. №1. С. 20–25.
4. Кистанов В.В. Региональная экономика России / Кистанов В.В., Копылов Н.В. // Северо-Кавказский макрорегион. 2003. 350 с.
5. Николаев Д. А. Потенциал и перспективы развития ВИЭ в Краснодарском крае// Энергия Юга. 2011. № 5. С. 24–26.
6. Туменов А. А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции: Монография. – М.: Энергоатомиздат, 2009.
7. Чистяков В. И. Экономическая география Краснодарского края // Топливно-энергетические ресурсы. 2011. С. 16–18.

УДК 336.662

Финашина Светлана Александровна

ОЦЕНКА УРОВНЯ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье приведены основные положения методики, позволяющей определить степень коммерциализации инновационной компании и ориентированной на применение в субъектах малого бизнеса. Представлены результаты ее апробации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности, коммерциализация инноваций, малое инновационное предприятие, инновационный кластер.

Finashina Svetlana A.

THE EVALUATION OF LEVEL COMMERCIALIZATION OF THE RESULTS OF SCIENCE AND TECHNOLOGY ACTIVITIES

The paper presents the main provisions of methodology to determine the degree of commercialization of an innovative company focused on the application in the subjects of small business. The results of its approbation are presented.

Key words: intellectual property, result of intellectual activity, commercialization of innovation, small innovative enterprise, innovative cluster.

Наукоемкая ориентированность современного производства обусловила активное развитие коммерциализации интеллектуальной собственности как отдельной сферы экономических отношений. Одной из существенных особенностей, влияющих на развитие компаний, занимающихся продажей инновационных товаров и услуг, является монопольное право, обеспечиваемое на основе защиты интеллектуальной собственности, положенной в основу предлагаемых товаров [1]. В то же время наличие объектов интеллектуальной собственности в распоряжении предприятия не означает, что нематериальные активы (НМА) используются рационально: инновационно активные организации нуждаются в анализе НМА, применяемых форм и направлений их трансфера.

В целях решения ряда проблем инновационного процесса, в частности, низкого уровня внедрения созданных объектов интеллектуальной собственности, некоторые эксперты предлагают движение в сторону интеграции его участников. Одним из популярных подходов к подобному объединению является кластерный. Инновационные кластеры уже функционируют в части российских регионов, выступая как свидетельством наличия уже достаточно эффективно налаженной системы трансфера новшеств, так одновременно выступая предпосылкой повышения качества этой системы. В условиях кластера улучшается характер взаимодействий участников процесса создания, внедрения и распространения новшеств, и поскольку «коммерциализация инноваций как технология, по сути, представляет собой связующее звено между создателями инноваций и их потребителями» [2], у малой наукоемкой компании существенно улучшаются возможности для основных форм передачи технологий за счет синергетических эффектов внутрикластерного и межкластерного взаимодействия. В этих условиях отдельным предметом изучения могут стать малые фирмы кластера, совокупность таких компаний, и, в первую очередь, стратегии введения в хозяйственный оборот результатов их интеллектуальной деятельности.

Для анализа нематериальных активов организации, форм и направлений их трансфера нами разработана методика оценки уровня коммерциализации результатов научно-технической деятельности инновационной компании, ориентированная на применение в субъектах малого бизнеса. Данная методика предполагает расчет интегрального показателя степени коммерциализации (C_k), получаемого на основе многокритериальной аддитивной параметрической модели и вербально-числовой шкалы Харрингтона для оценки альтернативных вариантов (инерционного, базового и форсированного):

$$C_k = \sum_{i=1}^{i=n} K_i p_j, \quad (1)$$

где C_K – степень коммерциализации инновационной компании (ИК), в баллах,

K_1-K_{11} – вклады в коммерциализацию i -той ИК:

K_1 – по соглашениям на патенты на изобретение, баллов;

K_2 – по соглашениям на патенты на полезные модели, баллов;

K_3 – по соглашениям на патенты на промышленные образцы, баллов;

K_4 – по соглашениям на свидетельства о регистрации программ для ЭВМ и базы данных, баллов;

K_5 – по соглашениям на ноу-хау, баллов;

K_6 – по соглашениям на товарные знаки, баллов;

K_7 – по соглашениям на селекционные достижения, баллов;

K_8 – по соглашениям на беспатентные изобретения, баллов;

K_9 – по соглашениям на инжиниринговые услуги, баллов;

K_{10} – по соглашениям на научные исследования и разработки и опытно-конструкторские работы, баллов;

K_{11} – по прочим соглашениям на использование объектов интеллектуальной собственности, баллов;

p_j – вес i -того показателя.

В настоящем исследовании под степенью коммерциализации понимается интегральный показатель, учитывающий внедрение интеллектуальной собственности (ИС) посредством лицензионных соглашений на использование нематериальных активов, как исключительного, так и неисключительного права, а также договоров на оказание инжиниринговых услуг и выполнение НИОКР. Предлагаемая методика не учитывает самостоятельной реализации инновации на рынке (за исключением инжиниринга) в силу высокого риска, необходимости значительного количества ресурсов, длительного срока окупаемости, а направлена на учет широты связей с покупателями новых и зрелых технологий в кластере. Методикой не предусмотрена дифференциация весов отдельных показателей вкладов в коммерциализацию, поскольку они не поддаются адекватному сравнению. В таком случае присваивание разных весов, к примеру, по параметру «охраняемая/неохраняемая интеллектуальная собственность» не представляется оправданным, поскольку по итогам ее коммерциализации средства, полученные от внедрения охраняемой ИС, могут быть меньшими, нежели от неохраняемой и т. д. По нашему мнению, в этой ситуации справедливо не использовать субъективных весов, а применять один для всех, равный 1. Таким образом, в случае наличия лицензионных договоров на изобретение, компании присваивается один балл и так далее по каждому вкладу. Максимальное количество баллов ограничено количеством имеющихся у предприятия результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и договоров.

После сбора данных о степени коммерциализации осуществляется процедура оценки полученного уровня. В некоторых случаях возникает необходимость не только в экономической оценке с употреблением стандартных шкал, но и в использовании критериев, результаты по которым могут быть интерпретированы только на основе вербально-числовых шкал. Широко используемой является шкала Е. С. Харрингтона, характеризующая степень выраженности критерияльного свойства и имеющая универсальный характер. В ее состав входит содержательное описание градаций и числовые значения, соответствующие этим градациям, при этом «удобно пользоваться готовыми разработанными таблицами соответствий между отношениями предпочтения в эмпирической и числовой (психологической) системах» [3, с. 36] (табл. 1).

Таблица 1

Шкала желательности Харрингтона

№ п.п.	Содержательное описание градаций	Отметки на шкале
1	Очень высокая	0,80–1,0
2	Высокая	0,63–0,8
3	Средняя	0,37–0,63
4	Низкая	0,2–0,37
5	Очень низкая	0,0–0,2

Указанные особенности шкалы Харрингтона обусловили ее применение в методике. В данном случае она позволяет оценить степень коммерциализации и достижения цели ее максимально возможной степени. Траектория движения показателя к максимально возможному

значению показывает вероятные значения балльной оценки степени по этапам внутри временного диапазона. Если цель по шкале Харрингтона достигнута выше, чем на 80 %, наблюдается очень высокая степень коммерциализации МИП; если в интервале 63–80 % – высокая. Балльная оценка может быть увеличена как за счет превышения количества планируемых МИП, так и за счет расширения спектра используемых инструментов.

Применение разработанной методики оправдано и для совокупности инновационных фирм кластера, соответствующий алгоритм приведен на рис. 1.

Рис. 1. Алгоритм оценки уровня коммерциализации результатов научно-технической деятельности совокупности инновационных предприятий

В соответствии со шкалой Харрингтона в табл. 2 описаны состояния системы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности совокупности малых инновационных компаний кластера. Анализируя на этой основе итоги оценки показателя, следует одновременно делать выводы относительно направлений оптимизации управления интеллектуальной собственностью предприятия.

Разработанная методика апробирована на совокупности МИП с участием ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (СКФУ) на основе реалистичного прогнозного сценария создания инновационных компаний, полученного экспертным путем по результатам социологического исследования автора «Возможности и барьеры коммерциализации инноваций в малых инновационных предприятиях с участием вуза» и фактического количества компаний в 2012–2013 гг. (табл. 3). Комплексная оценка совокупности МИП с участием Ставропольского государственного университета (вошел в СКФУ в 2012 г.) показала, что в 2012 г. степень коммерциализации была равна 8 баллам, что характеризует ее как очень низкую.

Таблица 2

Состояние систем внедрения новшеств совокупности МИП

Интегральная оценка степени коммерциализации совокупности МИП	Отметки на шкале желательности Харрингтона	Характеристика процессов внедрения РИД
Очень высокая	0,80–1,0	Существующие МИП работают в эффективном режиме, наблюдается тесная связь с экономическими агентами региона и страны, растет как число самих РИД, так и разных направлений передачи результатов интеллектуальной деятельности, количество малых инновационных фирм. Нарботанный опыт трансфера разработок транслируется в другие регионы России
Высокая	0,63–0,8	Появляются отдельные МИП, работающие в эффективном режиме, растет число РИД и общий уровень количества используемых способов коммерциализации. Наблюдается связь хорошего качества с крупными и средними предприятиями по вопросам внедрения, отдельные малые инновационные фирмы самостоятельно успешно реализуют свою продукцию/услуги на российском рынке
Средняя	0,37–0,63	Процессы внедрения характеризуются средней интенсивностью, формируется и начинает функционировать система трансфера РИД, увеличивается число способов использования ИС. Растет связанность малых инновационных компаний с реальным сектором экономики, часть МИП самостоятельно успешно реализуют свою продукцию/услуги на региональном рынке
Низкая	0,2–0,37	Работа по передаче технологий ведется, но в ограниченном спектре направлений, у каждого предприятия в среднем по 1 объекту защищенной ИС, в то же время количество компаний растет
Очень низкая	0,0–0,2	Деятельность по внедрению разработок характеризуется слабой интенсивностью, его случаи редки, создаваемые предприятия используют 1-2 способа использования ИС или в наличии МИП, работающие с разными формами трансфера, но их число меньше планового

С учетом итогового прогнозного значения количества МИП с участием СКФУ к концу программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет» на 2012–2021 гг.» (далее – Программа развития) в 24 предприятия, разработано три варианта реализации этого сценария: форсированный, базовый и инерционный, для которых расчет баллов производился с учетом фактического состояния предприятий с участием СКФУ и следующих положений:

инерционный вариант: наличие и внедрение одного РИД каждым предприятием по одному или двум направлениям трансфера;

базовый вариант: несколько направлений коммерческой передачи или наличие двух РИД у фирмы;

форсированный вариант: максимально возможное использование результатов интеллектуальной деятельности или нескольких объектов ИС.

Инерционный вариант развития характеризуется очень низкой степенью коммерциализации совокупности МИП (таблица 3). Создаваемые предприятия внедряют свою интеллектуальную собственность, применяя один-два типа соглашений. В этой ситуации необходима работа, как по расширению использования ИС, так и увеличение числа фирм через улучшение качества взаимодействия с участниками инновационного кластера.

Базовый вариант развития отличается переходом от очень низкой степени коммерциализации совокупности малых инновационных компаний до низкой, а потом и до средней на заключительном этапе реализации Программы развития. Можно положительно оценить поступательный характер наблюдаемой динамики и сам факт роста. Однако базовый вариант развития предполагает наличие нереализованного потенциала и недоиспользование ресурсов, которые возможно и необходимо применить на основе внедрения созданных технологий в кластере.

Таблица 3

Результаты оценки уровня коммерциализации совокупности МИП

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Количество МИП, единиц	4	5	6	7	10	13	16	20	24	
Вариант инерционный										
Степень коммерциализации, баллов	10	12	14	16	22	28	34	42	50	
Характеристика показателя	Очень низкая									
Вариант базовый										
Степень коммерциализации, баллов	24	30	36	42	60	78	96	120	144	
Характеристика показателя	Очень низкая				Низкая			Средняя		
Вариант форсированный										
Степень коммерциализации, баллов	44	55	66	77	110	143	176	220	264	
Характеристика показателя	Очень низкая	Низкая			Средняя		Высокая		Очень высокая	

Форсированный вариант предполагает движение от очень низкой степени коммерциализации совокупности МИП до очень высокой к 2021 г. В этом случае наблюдается интенсивный рост на протяжении реализации Программы развития, характеризующийся увеличением количества предприятий и направлений трансфера разработок. Диффузия инноваций положительно сказывается как на финансово-экономическом состоянии экономических агентов, так и способствует обмену знаниями, формированию особой среды.

Учитывая рассмотрение реалистичного сценария прогноза, предполагающего создание 24 фирм, необходимо признать, что ориентиром следует признать его форсированный вариант, поскольку достижение положения, при котором «инновационное развитие университета должно оказать существенное влияние на социально-экономическую сферу региона по направлениям, определенным в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [4, с. 3], возможно только при максимальной концентрации субъектов исследовательской и внедренческой работы. Такая синхронизация научно-исследовательских, трансфертных, диффузионных

процессов возможна в инновационном кластере. Внутрисистемная концентрация интеллектуального капитала и наличие информации о конкретных нуждах потребителей наукоемких технологий в лице других организаций, особая инновационная среда формируют в кластере комплекс условий для развития его участников, в особенности, субъектов малого предпринимательства.

Предложенная методика оценки уровня коммерциализации результатов научно-технической деятельности инновационной компании, основанная на аддитивной параметрической модели балльной оценки и вербально-числовой шкалы Харрингтона, позволяет проводить анализ нематериальных активов организации, форм и направлений их трансфера. Апробация модели, особенности построения демонстрируют возможность использования для совокупности МИП и анализа динамики каждой инновационной фирмы отдельно. Для качественного применения методики необходимо обеспечить точность данных об имеющейся интеллектуальной собственности и направлениях ее вовлечения в хозяйственный оборот.

Литература

1. Богданов С.В., Черных В.О. Оценка стратегических решений при коммерциализации объектов интеллектуальной собственности на примере производства металлопродукции специального назначения // Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности и повышение капитализации компании: материалы секционного заседания Третьего Всероссийского форума «Интеллектуальная собственность – XXI век» 20–23 апреля 2010 г. / под ред. Е. В. Королевой. М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности (РГИИС), 2010. С. 5–14.
2. Сураг Л. И. Механизм коммерциализации вузовских инноваций в малых инновационных предприятиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2011. 36 с.
3. Адлер Ю. П., Маркова Е. В., Грановский Ю. В. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. Программированное введение в планирование эксперимента. М.: «Наука», 1976. 280 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 28 мая 2012 г. № 854-р «О программе развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет» на 2012–2021 гг.».

УДК 332.12

Чернявская Анна Викторовна, Немцова Елена Сергеевна

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ФАКТОРЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье проанализированы результативность и финансовая устойчивость предприятий, как один из главных элементов региональной экономики. Раскрыты основные аспекты развития предприятия на основании экономических тенденций и цикличности, охарактеризованы основные определяющие приоритеты в развитии промышленного сектора и сферы услуг.

Ключевые слова: рентабельность, убыточность, сельское хозяйство, финансовая устойчивость, кредиторская задолженность, дебиторская задолженность.

Chernyavskaya Anna V., Nemzova Elena S.

REGIONAL AND SECTORAL FACTORS OF FINANCIAL STABILITY OF ORGANIZATIONS OF THE STAVROPOL TERRITORY

The article analyzes the effectiveness and financial stability of the enterprises as one of the main elements of the regional economy. Covers the main aspects of development of the enterprise on the basis of economic trends and cyclical, characterized the main defining priorities in the development of the industrial sector and services sphere.

Key words: profitability, loss ratio, agriculture, financial stability, accounts payable, accounts receivable.

Надежность развития агроэкономических предприятий Ставропольского края в значительной степени зависит от финансового состояния функционирующих на его территории предприятий. Существенные преобразования, которые затронули все сферы экономики страны

и в частности региона, в полном объеме нашли отражение в финансовом развитии хозяйствующих субъектов. Под влиянием ощутимого роста цен и поиска повсеместной выгоды, затронувших практически все сферы, финансовое положение участников финансово-хозяйственной деятельности остается разнообразным, зачастую противоречивым, а производимые реформы дали незначительный толчок для преодоления кризиса и перехода к динамичному развитию. Анализ проведенных исследований свидетельствует, что несмотря на постоянное увеличение в абсолютном выражении суммы прибыли, за исследуемый период произошло фактическое ее снижение с учетом инфляционных процессов в экономике.

Так, число нерентабельных предприятий, не располагающих ресурсами для обеспечения финансовой устойчивости в течение 2004–2013 гг., достаточно высоко. В 2013 г. доля крупных и средних организаций всех отраслей экономики Ставропольского края, у которых сальдированный финансовый результат имел отрицательное значение, превышала 25 % [5]. При этом удельный вес убыточных предприятий по видам экономической деятельности составлял: в жилищно-коммунальном хозяйстве – 49,2 %, в строительной отрасли – 30,6 %, в обрабатывающих производствах – 25,1 %, на транспорте – 46,9 %, сельском хозяйстве – 12,1 %, в связи – 12,5 %, в торговле и общественном питании – 20,4 %, (табл.1).

Таблица 1

**Удельный вес убыточных организаций основных отраслей экономики
Ставропольского края**

Показатель	Год									
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
В % к общему числу учтенных предприятий										
Всего, в том числе	31,2	31,4	27,6	22,3	21,3	25,3	23,8	21,4	19,8	25,0
Обрабатывающие производства	38,6	36,2	34,1	24,1	26,2	27,6	28,8	25,1	23,3	25,1
Сельское хозяйство	26,3	28,2	20,5	12,6	14,8	21,7	13,5	11,3	16,8	12,1
Торговля и общепит	30,3	32,4	27,2	22,7	20,6	25,4	23,5	21,3	18,5	20,4
Транспорт	34,1	34,5	33,0	26,0	24,5	30,8	33,2	25,8	25,1	46,9
Жилищно-коммунальное хозяйство	21,6	20,5	19,1	14,6	15,2	15,0	14,4	13,2	10,9	49,2
Связь	29,2	25,0	40,7	28,6	23,3	28,0	38,5	27,8	21,4	12,5
Строительство	39,1	39,3	31,4	28,7	26,5	31,1	31,1	27,6	21,8	30,6

Сокращение рентабельности различных видов продукции наблюдается по всем основным отраслям экономики края. Данные табл. 2 показывают, что в течение 2004–2013 гг. уровень рентабельности практически не изменялся, при этом наиболее тяжелое финансовое положение сложилось по таким видам экономической деятельности, как транспорт и связь, строительство, обрабатывающие производства, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. Рентабельность продукции по этим видам экономической деятельности не превышала девятнадцати процентов. Что касается сельского хозяйства, то принятые в 2004–2012 гг. меры по поддержке аграрного комплекса края позволили сократить убыточность предприятий сельского хозяйства. В частности были приняты такие меры как: стабилизация финансового состояния, внедрение приоритетного проекта в Ставропольском крае «Развитие АПК», льготные процентные кредитные ставки во многих банках, принятие Федерального закона «О развитии сельского хозяйства», развитие лизинговых операций, осуществление программы социального развития сельских территорий в Российской Федерации и другие. Стал заметным незначительный рост эффективности деятельности

предприятий, резкий спад прибыльности продукции был замедлен, но существенных изменений в критическом состоянии предприятий АПК пока не произошло [2].

Таблица 2

**Рентабельность (убыточность) продукции по отраслям экономики
Ставропольского края (в %)**

Показатель	Год									
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего, в том числе	7,2	7,3	6,7	8,9	7,5	5,8	7,3	6,9	5,9	7,8
Обрабатывающие производства	10,9	17,4	14,0	18,7	20,3	12,6	18,6	18,1	12,5	-0,9
Сельское хозяйство	18,6	11,9	21,4	40,4	23,5	11,0	17,3	21,3	19,8	19,6
Транспорт	5,7	6,2	5,1	5,9	6,3	6,0	8,1	3,4	5,0	18,4
Связь	52,3	62,1	0,3	2,1	1,4	14,4	5,5	12,8	5,3	20,3
Строительство	2,7	4,6	5,4	6,3	4,2	3,8	3,3	1,8	2,6	1,7
Торговля и общепит	2,5	2,7	2,9	2,2	3,6	2,9	3,1	2,7	2,7	2,7
Жилищно- коммунальное хозяйство	-0,5	3,6	7,4	6,3	6,2	2,8	2,3	2,4	4,1	-1,4

Негативное влияние на уровень ликвидности оказывает кризисное состояние значительного количества организаций, что сказывается на экономическом положении региона. Задолженность по кредитам в национальной валюте (руб.) на 1 января 2014 года, составила 180 736,8 млн. руб. Общий объем суммарной кредиторской задолженности увеличился с 32 540,0 млн. руб. в 2000 г. до 215 548,8 млн. руб. в 2013 г. По краю наблюдается превышение кредиторской задолженности над дебиторской на 4 % (табл. 3). Положительно оценивая снижение за рассматриваемый период в общей задолженности просроченной, а именно кредиторской – на 57,5 процентных пункта, а дебиторской – на 44,8 процентных пункта, следует отметить, что для значительной части хозяйствующих субъектов сохраняется риск невыполнения своих обязательств как перед работниками по заработной плате, кредитными организациями, так и перед бюджетами всех уровней.

Таблица 3

**Задолженность организаций отраслей экономики
Ставропольского края (на конец года, млн. руб.)**

Показатель	2000 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам	1917,2	84681,0	91460,1	93223,3	138992,9	149170,3	180736,8
Кредиторская задолженность	32540,0	93257,1	95568,9	114924,0	146544,9	202012,7	215548,8

Окончание таблицы 3

– в том числе, просроченная	19519,0	9259,7	4237,6	3646,7	5162,2	5030,9	5462,9
– % от общей задолженности	60,0	9,9	4,4	3,2	3,5	2,5	2,5
Дебиторская задолженность	22751,0	103903,6	106302,3	114347,3	126600,6	144810,5	173706,2
– в том числе, просроченная	12555,0	7726,8	6714,3	7899,7	7481,9	14485,9	18013,3
– % от общей задолженности	55,2	7,4	6,3	6,9	5,9	10,0	10,4

При этом отметим, что снижение доли кредиторской задолженности за анализируемый период произошло не за счет сокращения суммы долга, а за счет резкого роста заемных средств предприятия в целом. По расчетным данным установлено, что в структуре заемных средств имело место перераспределение источников формирования имущества предприятий к 2014 г. Так, если в 2000–2003 гг. оно осуществлялось в большей степени за счет долгосрочных источников (их доля в структуре заемного капитала составляла от 24 % в 2000 г. до 8 % в 2003г.), то в 2010–2013 гг. за счет краткосрочных кредитов и займов, доля которых в структуре привлеченных средств превысила уровень 15 %. Это обусловлено особенностями экономического развития РФ в целом и указывает на то, что у предприятий Ставропольского края существуют проблемы, связанные с самостоятельным обновлением материально-технической базы, полномасштабным воспроизводством в целом, что увеличивает их финансовый риск, замедляет процесс перехода к устойчивому развитию.

О сложном финансово-экономическом положении предприятий различных отраслей Ставропольского края свидетельствует и сложившаяся динамика производства товаров и услуг, которая в определенной степени носит структурный характер. На нестабильное положение хозяйствующих субъектов значительное влияние оказывает финансовое благосостояние непосредственных потребителей, которое на сегодняшний день обусловлено отсутствием у них денежных ресурсов, что, с одной стороны, вызывает сокращение спроса на готовые изделия, с другой – невозможность увеличения запасов оборотных активов (сырья, тары, материалов, запасных частей, комплектующих изделий), которые необходимы для стабильного производственного цикла. Из данных табл. 4 наглядно видно, что наименьшее влияние рыночная ситуация оказала на топливно-энергетический комплекс края. Это обусловлено их ориентацией на экспорт, а также существенным уровнем энерго- и материалоемкости российской продукции.

В сферах экономики, которые осуществляют выпуск продуктов народного назначения, инвестиционного потребления, производственные планы которых в большей степени формируются исходя из финансовых возможностей потребителей и платежеспособного спроса населения, промышленное производство имеет более выраженную вариацию по годам [3].

Таблица 4

**Динамика показателей отраслей промышленности
Ставропольского края (в процентах к предшествующему году)**

Показатель	Годы							
	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Производство пищевых продуктов	99,5	108,1	100,7	111,8	98,3	114,8	116,6	96,4
Текстильное и швейное производство	140,0	153,5	134,3	90,3	115,8	136,0	101,8	106,3

Показатель	Годы							
	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	95,9	153,6	115,7	79,2	114,7	117,7	112,5	99,7
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	262,3	105,1	76,9	91,9	28,6	108,0	133,2	93,4
Целлюлозно-бумажное производство	118,0	136,1	84,4	58,1	121,5	143,3	116,6	79,7
Производство кокса и нефтепродуктов	99,6	115,1	14,2	в 2,4 раза	106,0	173,6	110,5	102,4
Химическое производство	119,4	104,7	101,6	99,7	110,8	96,0	80,2	132,9
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	123,3	120,2	100,0	80,7	150,7	126,4	98,2	105,8
Металлургическое производство	151,1	116,8	102,5	67,3	63,4	в 2,1 раза	94,3	103,1
Производство машин и оборудования	87,9	96,9	82,6	в 2,6 раза	111,2	108,6	98,8	100,0
Производство электрооборудования	115,8	91,3	87,6	105,6	140,6	114,9	98,7	92,7
Производство транспортных средств и оборудования	в 2,2 раза	114,8	91,2	62,2	78,6	96,0	110,2	82,7

В ходе аграрной реформы произошли качественные изменения в финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных и других товаропроизводителей аграрного комплекса края, что повлекло за собой резкие изменения объемов производства как продукции животноводства, так и растениеводства. За период с 2004 по 2013 гг. наблюдалось увеличение объема производства продукции сельского хозяйства, о чем свидетельствуют данные табл. 5. К числу положительных тенденций помимо сохранившегося в течение исследуемого периода роста производства практически всех видов сельскохозяйственной продукции можно отнести следующие. Во-первых, внедрение наиболее значимого национального проекта «Развитие АПК» и Государственной (федеральной) программы развития сельского хозяйства и регулирования сбыта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за период 2008–2012 годы, которые привели к увеличению объемных и улучшению качественных показателей отрасли.

Таблица 5

**Динамика производства продукции сельского хозяйства
во всех категориях хозяйств Ставропольского края, тыс. тонн**

Показатель	Годы										2013 в % к 2004
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Зерно	6375,7	6872,2	6426,4	7157,2	8608,2	7091,9	7033,0	8369,0	4956,0	7117,9	111,6

Подсолнечник	330,9	246,8	430,4	285,5	410,8	286,2	341,4	447,2	455,2	448,0	135,4
Сахарная свекла	929,1	721,7	1057,2	964,3	1261,4	1149,1	1421,4	1925,7	1919,6	1497,5	161,2
Картофель	373,2	370,4	340,5	290,8	258,8	250,7	286,8	345,9	373,5	408,1	109,4
Овощи	155,5	170,7	169,4	177,1	199,5	211,1	234,8	319,4	409,3	488,7	314,3
Мясо (в убойном весе)	147,9	138,3	153,2	172,1	178,9	190,0	300,0	316,6	336,6	405,6	274,2
Молоко	544,2	557,1	574,4	596,0	611,1	624,0	634,4	666,3	665,6	666,9	122,5
Яйца	706,4	799,1	799,9	830,6	817,0	823,6	887,3	873,0	820,9	865,2	122,5
Шерсть (в физическом весе)	6,0	6,0	6,0	6,1	6,2	6,6	7,2	7,1	6,8	6,9	115,0

Во-вторых, наметившееся увеличение темпов роста финансовых вложений в АПК по отношению к экономике страны в целом. В-третьих, существенное импортозамещение по ряду основных товаров (несмотря на общее увеличение импорта сельскохозяйственной продукции и товаров народного потребления). В-четвертых, по сравнению с показателями экономики страны в целом ускоренные темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве в течение пяти лет. Однако утверждать, что аграрная экономика находится на стадии экономического роста, пока еще рано. На это указывают и продолжающийся отток квалифицированных трудовых ресурсов из отрасли, и спад производственного потенциала, особенно в скотоводстве, и сохраняющаяся низкая финансовая устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей из-за сохраняющейся задолженности, которая по всем видам кредитов и займов более чем в 1,3 раза превышает полученную прибыль. Указанный тезис подтверждается как наличием просроченной кредиторской задолженности у сельскохозяйственных предприятий, так и максимальным удельным весом в структуре заемного капитала кредиторской задолженности – 66 %, несмотря на то, что за исследуемый период величина просроченной задолженности имела тенденцию к снижению.

Нестабильное положение предприятий региона подтверждает и динамика валового регионального продукта (ВРП). Результаты выполненных расчетов свидетельствуют, что в течение исследуемого периода имело место замедление темпов роста основных экономических показателей Ставропольского края.

Одной из главных проблем развития отечественных предприятий, как показали проведенные исследования, является проблема неплатежей за отгруженную продукцию, оказанные услуги и выполненные работы. Показателем неплатежей выступает величина просроченной дебиторской задолженности в ее общем составе.

В Ставропольском крае из просроченной дебиторской задолженности около половины приходится на предприятия по производству и распределению электроэнергии, теплоэнергии, газа и воды, и около одной трети – на трубопроводный транспорт. В составе такой задолженности более 60 % приходится на покупателей предоставленной продукции, работ, услуг, доля невыполнения обязательств по госзаказам и федеральным программам составляет не более 12 %, а по выданным векселям – около 10 %. Сформировавшаяся ситуация приводит не только к отвлечению средств из оборота предприятий, но и зачастую – к росту кредиторской задолженности, что негативно отражается на степени их платежеспособности, создает основу для повышения финансового риска.

Нестабильная рыночная среда, сложившиеся в регионе, внутри которой функционируют предприятия, обуславливает принятие управленческих решений в условиях неопределенности, что порождает возникновение финансовых рисков.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что предпринимательская деятельность организаций Ставропольского края в разрезе видов экономической деятельности развивается в условиях рискованной ситуации, что повышает требования к разработке мер, не допускающих, предотвращающих или уменьшающих ущерб от воздействия до конца не учтенных рисков факторов, непредвиденных обстоятельств. При этом реализация такой системы адаптации деятельности к финансовым рискам должна быть направлена не только на нейтрализацию или компенсацию негативных вероятностных результатов, но и позволять максимально использовать шансы на получение высокого дохода.

Литература

1. Живетин В. Б. Экономические риски и безопасность (анализ, прогнозирование и управление). М.: Мастер Лайн, 2010.
2. Мотченко А. В. Условия формирования финансового риска в Ставропольском крае и его оценка с использованием эффекта финансового рычага // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. Ставрополь, 2009. № 4. С. 191–194.
3. Кулаговская Т. А. Анализ и оценка рисков в процессе управления товарно-материальными запасами // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. Т. 1. № 4. С. 72–76.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 990 с.
5. Ставропольский край в цифрах. Статистический сборник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. Ставрополь: Ставропольстат, 2014. 213 с.

УДК 332.142.2

Шацкая Елена Юрьевна

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СКФО

В статье представлены основные результаты исследования социально-экономического развития СКФО и приоритетные направления развития.

Ключевые слова: инновации, социально-экономическое развитие, особые экономические зоны, стратегия развития, макрорегион.

Shatskaya Elena Y.

PREREQUISITES OF CREATION OF A SPECIAL ECONOMIC ZONE AS FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

The paper presents the main results of the socio-economic development of North Caucasus Federal District and development priorities.

Keywords: innovations, social economic development, special economic zones, development strategy, macroregion.

Перспективы достижения стратегических целей повышения конкурентоспособности национальной экономики, во многом определяются характеристиками развития субъектов РФ. В настоящее время особое значение имеет эффективное развитие хозяйствующих субъектов.

В силу ряда объективных и субъективных причин в современных условиях развитию регионов Северо-Кавказского федерального округа свойственны асимметрия и диспропорция, что вызывает противоречивость межрегиональных экономических отношений, приводит к дезорганизации экономического пространства. Современный период характеризуется преодолением последствий кризисных явлений в социально-экономическом развитии общества, особое значение имеет перевод с инерционного энерго-сырьевого на инновационный путь. Это стало основой Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года [4].

При выборе направлений экономической политики, направленной на стимулирование инновационного развития страны, крайне актуальным является проведение мониторинга социально-экономического развития территорий страны для определения их потенциала в области создания или заимствования новых технологий.

Северо-Кавказский федеральный округ Российской Федерации был образован указом президента России Д. А. Медведева от 19 января 2010 года № 82 и является самым молодым федеральным округом РФ. Основные цели его создания – концентрация усилий на решении специ-

фических проблем социально-экономического развития входящих в его состав регионов, ликвидация отставания входящих в него регионов в социально-экономическом развитии путем обеспечения высоких устойчивых темпов экономического роста, снижения препятствующих развитию рисков, а также повышение качества жизни в регионах.

На начало 2013 года численность населения в СКФО составила 9 540 758 человек, из них экономически активное население – 4 549,1 тыс. чел. и 3 966,7 тыс. чел. заняты в экономике [3]. Анализ данных, характеризующих динамику численности населения Российской Федерации по федеральным округам, позволяет сделать вывод, что центр демографической репродукции всё ошутимее смещается на территорию СКФО. На сегодняшний день СКФО – единственный макрорегион с положительной динамикой естественного прироста населения.

По итогам обследований населения по проблемам занятости уровень безработицы в СКФО, по данным на июнь 2013 г. по-прежнему остается самым высоким в Российской Федерации. Уровень безработицы за год поднялся до 12,7 %. При этом в Ставропольском крае самый низкий уровень безработицы по округу – 5,4 %, как и в среднем по России. Самая высокая безработица как на Северном Кавказе, так и в России зафиксирована в Ингушетии – здесь безработных 44,9 % от общего числа экономически активного населения; далее в округе идут Чечня (27,8 %), Дагестан (11,7 %), КБР (10,8 %), КЧР (9,8 %) и Северная Осетия-Алания (7,3 %) [3].

Вклад регионов Северного Кавказа в общероссийские объемы по основным макроэкономическим показателям является незначительным. Анализируя основные макроэкономические показатели, характеризующие развитие СКФО, можно отметить относительно невысокие объемы валового регионального продукта в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Суммарный объем валового регионального продукта (ВРП), произведенного регионами Северо-Кавказского федерального округа в 2013 году, по оценке Минэкономразвития России, составил 1 064 842,8 млн. рублей, или 2,35 % валового внутреннего продукта Российской Федерации [8].

Высокий, по сравнению с другими регионами Северного Кавказа, уровень развития реального сектора экономики наблюдается в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Наивысшее значение показателя ВРП на душу населения в 2012 г. отмечено в Ставропольском крае – 143,54 тыс. руб., и в Республике Дагестан ВРП на душу населения составил 111,91 тыс. руб., замыкает список Республика Ингушетия – 61,80 тыс. руб. [6].

Анализ динамики валового регионального продукта показывает, что в целом регионам, входящим в состав СКФО, удалось достичь объемов докризисного периода [11].

Важнейшими для регионов Северо-Кавказского федерального округа видами экономической деятельности являются: сельское хозяйство, оптовая и розничная торговля, государственное управление, строительство, производство и распределение электроэнергии, из обрабатывающих производств – пищевая промышленность, производство прочих неметаллических минеральных продуктов, электрооборудования, химическая промышленность [10].

В настоящее время наблюдается интересная динамика структуры ВРП: уменьшению доли АПК при одновременном увеличении роли промышленности и сферы услуг в ВРП регионов СКФО.

Преобладание обрабатывающих производств в структуре отгрузки промышленной продукции характерно для всех регионов округа, за исключением Чеченской Республики и Республики Ингушетия, в которых доля производства и распределения электроэнергии, газа и воды превалирует над остальными.

В настоящее время в силу ряда объективных и субъективных причин в современных условиях развитию региональных комплексов свойственны асимметрия и диспропорция, что вызывает противоречивость межрегиональных экономических отношений, приводит к дезорганизации экономического пространства.

Наиболее развитым промышленным субъектом является Ставропольский край. Следует отметить, что существуют объективные предпосылки для дальнейшего развития промышленности и повышения ее доли в экономике регионов СКФО. Ставропольский край имеет возможность развивать практически все сектора промышленности, наиболее перспективными из которых являются химическая промышленность, машиностроение, производство строительных материалов.

Сохраняющееся отставание регионов СКФО по уровню социально-экономического развития, усугубляется масштабным социальным расслоением и существенными различиями в региональных моделях экономической активности. Сохраняется асимметрия развития регионов. Так, Ставропольский край формирует на своей территории более благоприятную социально-экономическую среду, чем национальные республики.

В целом, экономика Северо-Кавказского федерального округа развивается, промышленность, сельское и курортно-туристическое хозяйство северокавказских регионов демонстрируют некоторый рост, работают тысячи малых и средних компаний в агропромышленном комплексе, торговле, сфере услуг, но тем не менее, округ отстает от других федеральных округов по таким ключевым социально-экономическим показателям, как валовой региональный продукт на душу населения, среднедушевой доход, средняя заработная плата, уровень развития реального сектора экономики, бюджетная обеспеченность и в регионе практически не уменьшается безработица [5].

Для решения обозначенных проблем в СКФО планируется создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа (ОЭЗ ППТ) «Аргун – Черкесск – Ставрополь», которая объединит Ставропольский край, Карачаево-Черкесскую и Чеченскую республики [1].

При этом, следует отметить, что существуют объективные предпосылки для дальнейшего развития промышленности и повышения ее доли в экономике регионов СКФО.

С одной стороны – это имеющиеся преимущества регионов округа, среди которых: удачное географическое расположение по отношению к крупным рынкам, наличие природных ресурсов (нефть, руды, строительное сырье), опыт и традиции промышленного производства в ряде секторов, наличие недозагруженных мощностей.

С другой – растущий спрос на промышленную продукцию, как в регионах РФ, так и близлежащих зарубежных странах.

Регионы, которые войдут в состав ОЭЗ обладают производственным потенциалом. Как уже отмечалось, наиболее развитым промышленным субъектом в СКФО является Ставропольский край, который имеет возможность развивать практически все сектора промышленности, наиболее перспективными из которых являются химическая промышленность, машиностроение, производство строительных материалов. Несколько менее значимый потенциал имеют такие отрасли, как легкая промышленность, топливная промышленность, добыча руд и минералов [6].

Так, Ставрополье представлено такими крупными предприятиями, как ОАО Электротехнический завод «Энергомера», Невиномысская ГРЭС, ОАО «Сигнал» и др. Налоговая доля промышленности в экономике Ставропольского края составляет более 43,0 %. В Чеченской республике на достойном уровне находится машиностроение, приборостроение (Завод «ТРАНСМАШ», «Электропульт-Грозный»), газовая и нефтяная промышленность («Чеченнефтехимпром» ОАО «Грознефтегаз»). Объем производства в 2013 году составил 12 297 000 рублей [3]. Карачаево-Черкесская республика представлена такими предприятиями, как ОАО «Черкесский завод РТИ», ЗАО «Кавказцемент», ОАО «Холодмаш» [4]. Главной специализацией деятельности ОЭЗ станет автомобильная промышленность. В промышленную зону войдут предприятия «Юг Авто» (Грозный), «Дервейс» (Черкесск) и новый завод «Ставрополь-Авто» (Шпаковский район).

Следует отметить, что подобной экономической зоны, объединявшей сразу три региона, в России ранее не создавалось. Целью создания ОЭЗ является развитие добывающих и обрабатывающих отраслей региональной экономики, производство новых видов продукции, развитие транспортной инфраструктуры и повышение конкурентоспособности местных предприятий.

Безусловно, создание ОЭЗ ППТ в СКФО станет отправной точкой развития инновационной инфраструктуры Ставрополья и республик. Как показали проведенные исследования, в технологическом отношении СКФО находится на начальной стадии внедрения прогрессивных способов производства и инноваций [5]. Это объясняется недостатком средств для долгосрочного инвестирования в технологическое развитие бизнеса. Затраты компаний на технологические инновации преимущественно нерегулярны, бессистемны. Значение этих вложений в масштабах региональной экономики по прежнему невелико: даже для лидера – Ставропольского края – менее 1% ВРП [2].

В заключение можно сделать вывод, что создание ОЭЗ ППТ позволит обеспечить привлечение инвестиций и стимулирование развития СКФО, развитие малого предпринимательства путем сотрудничества с крупными организациями и предоставлением льгот, создание большого количества рабочих мест и рост конкурентоспособности местных предприятий.

Литература

1. В СКФО создадут особую экономическую зону // Вестник Кавказа от 07 марта 2014 г // <http://www.vestikavkaza.ru/news/V-SKFO-sozdadut-osobuyu-ekonomicheskuyu-zonu.html>.

2. Жихаревич Б. С., Крыловский А. Б. Регионы Северо-Кавказского федерального округа: сравнительный анализ конкурентоспособности и стратегий развития. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 215. М. : Московский общественный научный фонд, 2010.
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в июне 2013 года // http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/151.htm
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL : <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/>
5. Ларионова Н. А., Шацкая Е. Ю. Асимметрия инновационного развития макрорегиона: основные проблемы и направления решения // Стратегии организаций и территорий: общие тенденции развития и специфика Северо-Кавказского региона : коллективная монография / под ред. В. Н. Парахиной. Ставрополь: СКФУ, 2013.
6. Основные экономические и социальные показатели Северо-Кавказского федерального округа // <http://stavrop.gks.ru/skfo/default.aspx>
7. Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2020 года и на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: stavinvest.ru.
8. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statistic/Collections/doc/1138631758656>
9. Федеральная служба государственной статистики. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>
10. Шацкая Е. Ю. Основные проблемы социально-экономического развития и перспективные направления экономической диверсификации в Северо-Кавказском федеральном округе РФ // Материалы за VII международная научная практическая конференция, «Образование и наука на XXI век-2011». 2011. Том 5. Экономика. София. «Бял ГРАД-БГ» ООД, 104 с.
11. Шацкая Е. Ю. Экономический кризис и его последствия для Республики Беларусь и СКФО РФ // Вестник университета (ГУУ). М: ГУУ, 2012. № 14.

УДК 368.042

Шевченко Алексей Павлович

ПЕРЕХОД СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА СИСТЕМУ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье проанализированы объемы финансирования скорой медицинской помощи, определены основные источники финансирования, подведены первые итоги работы новой системы финансирования, определены перспективы развития.

Ключевые слова: скорая медицинская помощь, бюджетно-сметное финансирование, финансирование в системе обязательного медицинского страхования, переходный период, подушевой норматив финансирования, реестры счетов.

Shevchenko Aleksey P.

TRANSITION OF AMBULANCE SERVICE ON THE SYSTEM FOR FUNDING BY COMPULSORY HEALTH INSURANCE: REALITIES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

In this paper analyzed the levels of funding ambulance, identified the main sources of funding, analyzed the first results of a new funding system identified prospects for development.

Key words: Emergency medical service, financing from the budget, financing for compulsory health insurance, the transitional period, capitation funding, registers accounts.

С середины прошлого столетия скорая медицинская помощь является одним из основных и наиболее значимых видов медицинской помощи населению. Для ее обеспечения активно издавна функционировала хорошо структурированная система, состоящая из службы скорой медицинской помощи, ее станций и подстанций и широкой сети медицинских стационаров.

Очередной значимый период развития скорой медицинской помощи (СМП) связан с принятием Федерального Закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании (ОМС) в Российской Федерации». Он знаменателен передачей полномочий Российской Федерации в сфере ОМС органам государственной власти субъектов Российской Федерации, а также включением скорой медицинской помощи за исключением специализированной санитарно-авиационной в систему ОМС на всей территории Российской Федерации с 1 января 2013 года.

Эта реформа влечет за собой необходимость рассмотрения многих вопросов, связанных как с переходным этапом, так и с периодом становления новых финансовых механизмов, а также с перспективами дальнейшего развития.

В данном исследовании нами представлены: сравнительная характеристика двух систем финансирования СМП, выявлены их преимущества и недостатки, рассмотрена эффективность перехода на новую систему финансирования, а также перспективы развития на примере Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Ставропольского края «Станция скорой медицинской помощи» г. Ставрополя (ГБУЗ СК «ССМП» г. Ставрополя).

Основная проблема переходного этапа в деятельности СМП (с 01 января 2013 года по 31 декабря 2014 года) связана с изменением системы финансирования. До 01 января 2013 года скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь, оказываемая застрахованным лицам медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения, финансировалась за счет бюджетных ассигнований из федерального, краевого и городского бюджетов [1]. Данная система финансирования получила название «сметно-бюджетное финансирование», основным преимуществом которого выступает ежемесячная оплата услуг СМП в виде перечисления фиксированной суммы денежных средств независимо от объемов и количества произведенных вызовов. Однако любое перевыполнение ежемесячного плана по вызовам не приводит к дополнительному финансированию или компенсации произведенных затрат. В итоге нормативная стоимость вызова снижается (табл. 1). Так на 2012 год было запланировано 132 908 вызовов при нормативе затрат 1 094,5 рублей. Фактически за 2012 год выполнено на 12,4 % вызовов больше, а норматив затрат снизился на 11% и составил 973,8 рублей.

Таблица 1

Количество и средняя стоимость вызовов СМП

Показатели	2012		2013		Изменения, %	
	план	факт	план	факт	факт 2012 / план 2012	факт 2013 / план 2013
Количество вызовов, шт.	132 908,0	149 375,0	128 726,0	138 832,0	112,4	107,9
Средняя стоимость вызова, руб.	1 094,5	973,8	1 857,8	1 786,7	89,0	96,2

На 2013 год было запланировано 128 726 вызовов, что на 13,8 % и 3,2 % меньше фактических и плановых показателей в 2012 году соответственно. Это связано с организацией неотложной помощи при поликлиниках и стационарах города. Плановая стоимость вызова на 2013 год составила 1 857,8 руб., что почти в 2 раза больше, чем его фактическая стоимость в 2012 году и на 69,7 % больше, чем плановый норматив 2012 года.

Фактически в 2013 году осуществлено на 10 000 вызовов больше (+7,9 %) от запланированного объема. Фактическая стоимость вызова в 2013 году оказалась на 3,8 % меньше плановой, однако, по сравнению с его фактической стоимостью в 2012 году – выросла на 83,5 %. Это позволило существенно увеличить объемы финансирования СМП.

Финансирование в рамках системы ОМС в ходе переходного этапа основано на двух показателях: подушевом нормативе и оплате медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, на основании представленных реестров счетов в пределах объемов предоставления медицинской помощи.

Подушевыми нормативами финансирования являются показатели, отражающие размер средств на компенсацию затрат по предоставлению медицинской помощи за счет средств ОМС

и бюджетов всех уровней в расчете на одного застрахованного в год. Расчет тарифа на основе подушевого норматива финансирования медицинской организации осуществляется исходя из данных об объеме средств для подушевого финансирования медицинской помощи и численности прикрепленных к медицинской организации застрахованных лиц [2]. Подушевые нормативы финансового обеспечения территориальной программы устанавливаются органом государственной власти субъекта Российской Федерации исходя из предусмотренных нормативов, с учетом соответствующих районных коэффициентов. В городе Ставрополе подушевой норматив финансирования скорой медицинской помощи установлен на уровне 412,93 рублей на 1 застрахованного [3].

С медицинскими организациями, включенными в реестр медицинских организаций, которые участвуют в реализации территориальной программы ОМС и которым установлен объем предоставления медицинской помощи, подлежащий оплате за счет средств ОМС, страховая медицинская организация (СМО) заключает договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС. Содержание такого договора определяется ст. 39 Закона № 326-ФЗ [4]. Кроме того, договор о финансовом обеспечении ОМС заключается между Территориальным фондом обязательного медицинского страхования (ТФОМС) и СМО, включенными в реестр СМО, осуществляющих деятельность в сфере ОМС в субъекте Российской Федерации. ТФОМС принимает на себя обязательства по финансовому обеспечению деятельности СМО в сфере ОМС, а СМО обязуется оплатить медицинскую помощь за счет целевых средств [5].

На практике в 2013 году данная технология осуществляется следующим образом: ГБУЗ СК «ССМП» г. Ставрополя ежемесячно запрашивает у СМО авансирование в размере 55% от общей ежемесячной суммы финансирования по подушевому нормативу. Страховая компания перечисляет данные средства в зависимости от численности застрахованного населения в соответствующей страховой компании. Остаток финансирования производится в конце месяца исходя из планового показателя по вызовам: в случае выполнения или перевыполнения плана производится перечисление оставшейся части денежных средств, в случае невыполнения плана – остаток за фактическое число произведенных вызовов.

Второй вид финансирования в рамках программы ОМС – оплата медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, на основании представленных реестров счетов и счетов в пределах объемов предоставления медицинской помощи.

В соответствии с частью 6 статьи 39 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» оплата медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, осуществляется на основании представленных медицинской организацией реестров счетов на оплату медицинской помощи в пределах объемов предоставления медицинской помощи по тарифам на оплату медицинской помощи и в соответствии с порядком, установленным правилами ОМС [4].

В табл. 2 приведены тарифы вызова СМП на 2013 год в зависимости от вида и специализации медицинской бригады с применением понижающих коэффициентов Ставропольского краевого фонда обязательного медицинского страхования (СКФОМС).

Таблица 2

Тарифы вызова скорой медицинской помощи в зависимости от вида и специализации медицинской бригады

Наименование тарифа	Тариф вызова скорой медицинской помощи, рублей
Вызов фельдшерской бригады скорой медицинской помощи	75,94
Вызов врачебной бригады скорой медицинской помощи	92,46
Вызов врачебной специализированной бригады: бригады анестезиологии и реанимации	101,71

Для составления указанных описанных выше реестров существует единая база застрахованных лиц на всей территории России. Во время каждого вызова медицинская бригада должна записать паспортные данные и данные полиса ОМС (серию и номер). С выходом нового закона об ОМС отсутствует понятия «просроченный полис»; все граждане РФ являются застрахованными. Медицинская помощь оказывается также по полисам старого образца. Если полис поте-

рян, его можно восстановить в страховой компании либо узнать его серию и номер через сайт территориального фонда ОМС или страховую компанию [6].

В случае если пациент окажется «не идентифицированным» вызов будет оплачиваться согласно выставленным реестрам не страховой компанией, а Министерством здравоохранения Ставропольского края из краевого бюджета по тарифу с использованием территориального коэффициента на 2013 года – 1 378,17 рублей [7]. Оказание медицинской помощи гражданам, застрахованным в других регионах России и в других страховых компаниях, будет оплачиваться из средств СКФОМС по тарифам, установленным для страховых компаний (табл. 3). Таким образом, в новой системе финансирования предусмотрен межтерриториальный расчет, то есть, оказав помощь пациенту, который зарегистрирован в другом субъекте РФ, ССМП компенсирует затраты на данный обслуженный вызов. В прежней системе данного условия не было.

Сравнение двух описанных выше систем финансирования с учетом изменения источников представлено в табл. 3.

Таблица 3

Источники и объемы финансирования ГБУЗ СК «ССМП» г. Ставрополя

Источники финансирования	2012 год, тыс. руб.		2013 год, тыс. руб.		2014 год, тыс. руб.	Изменения, %	
	План	Факт	План	Факт	План	факт 2012/ план 2012	факт 2013/ план 2013
Бюджет Ставропольского края	146 294,3	145 467,7	21 080,8	18 331,7	18 769,6	99,4	87,0
Муниципальный бюджет города Ставрополя	26 674,6	22 566,3	26 888,2	26 573,1	-	84,6	98,8
Бюджетные ассигнования федерального бюджета	19 658,4	15 561,0	-	-	-	79,2	-
Средства системы ОМС	-	-	241 008,5	217 121,3	241 644,9	-	90,1
Всего	192 627,3	183 595,0	288 977,5	262 026,1	260 324,5	95,3	90,7

Из данных представленной таблицы мы можем проследить, каким образом произошло перераспределение источников финансирования при переходе из бюджетно-сметной системы в систему ОМС. Основным источником финансирования СМП в 2013 году стали средства системы ОМС, которые компенсировали сокращение финансирования на 87% за счет бюджета Ставропольского края, и отмену бюджетных ассигнований федерального бюджета.

В результате по итогам 2013 года фактические объемы финансирования СМП превысили объемы 2012 года на 42,7%. При этом остаток финансирование СКФОМС за декабрь 2013 года в размере 9 120 тыс. руб. поступит в ГБУЗ СК «ССМП» г. Ставрополя в январе 2014 года и будет учтен в качестве финансирования 2014 года.

Первые итоги перехода к системе финансирования за счет средств ОМС имеют положительную динамику: объемы финансирования существенно возросли, решены основные проблемы по ведению реестров счетов и предоставлении статистической информации, наблюдается рост заработной платы медицинского персонала, улучшение материально-технического снабжения и автопарка СМП.

Достигнута основная задача переходного периода – налаживание взаимодействия между скорой медицинской помощью, медицинской организацией и страховой компанией. Основным

инструментом, компенсирующим финансовые потери при взаимодействии данных субъектов, выступает подушевой норматив. Итогом переходного периода должна стать отмена подушевого финансирования (постепенное снижение его размера в течение двух лет) и увеличение региональных коэффициентов стоимости вызова СМП в зависимости от вида и специализации медицинской бригады.

Перед СМП впереди стоит много задач и целей. Из их числа наиболее важные: достижение норматива времени по доезду СМП до пациента (20 минут) и повышение качества предоставляемых услуг. В системе финансирования за счет средств ОМС заложен, но на практике не реализуется механизм позволяющих увязать заработную плату медицинских работников бригад скорой помощи с увеличенными объемами работ. Сейчас врачи получают фиксированную зарплату, хотя в зимние периоды, когда происходят вспышки заболеваний или в летный сезон отпусков, когда в некоторых регионах происходит большая миграция, нагрузка на СМП существенно увеличивается.

Для решения данной проблемы необходимо помимо усовершенствования положения об оплате труда, организовать на СМП статистический учет, который позволит обрабатывать карты вызова и подразделять их на категории сложности. Данные мероприятия позволят ввести персональную ответственность медицинских бригад за объемы и качество услуг и в то же время повысить их мотивацию и увеличить доход от профессиональной деятельности.

Литература

1. О формировании и экономическом обосновании территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи на 2012 год: Информационное письмо от 22 декабря 2011 г. N 20-2/10/1-8234 Министерства здравоохранения Российской Федерации // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. 2012. 13 марта;
2. Скорая медицинская помощь в системе ОМС: этап становления, перспективы развития: методические рекомендации / ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И. И. Джанелидзе», ГБОУ ВПО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова», ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова» Министерства здравоохранения России – Письмо от 26 сентября 2012 года Министерства здравоохранения Российской Федерации N 14-0/10/2-2564 Федерального фонда обязательного медицинского страхования N 7155/30 // СПб. 2012. 77 с.
3. Подушевые нормативы финансирования скорой медицинской помощи, оказываемой за счет средств обязательного медицинского страхования на территории Ставропольского края, и коэффициенты дифференциации, применяемые к подушевому нормативу финансирования скорой медицинской помощи [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ставропольского краевого фонда обязательного медицинского страхования. URL: [http://www.skfoms.ru/attachments/article/866/Подушевой норматив скорой помощи.doc](http://www.skfoms.ru/attachments/article/866/Подушевой%20норматив%20скорой%20помощи.doc) (дата обращения 21.12.2013г.)
4. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010г. № 326-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 19 ноября 2010 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 24 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. 3 декабря.
5. Об утверждении формы типового договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации N 1030н. 2011. 9 сентября;
6. Стадченко Н. Скорая помощь по-прежнему будет лечить россиян без полиса [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/interview> (дата обращения 17.12.2013г.);
7. Аналитические отчеты [Электронный ресурс]. Официальный сайт для размещения о государственных (муниципальных) учреждениях. URL: <http://www.bus.gov.ru/public/analytics.html> (дата обращения 11.01.2014г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авдеев Евгений Александрович**, студент 6 курса кафедры дизайна, документовед кафедры философии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: evg.avdeev@mail.ru
- Авербух Виктор Михайлович**, доктор технических наук, старший научный сотрудник, начальник отдела экспортного контроля и патентно-лицензионной работы СКФУ.
- Айбазов Рустам Умарович**, соискатель кафедры общественного здоровья и здравоохранения СтГМУ. E-mail: kum672002@mail.ru
- Аликова Светлана Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Гуманитарного института СКФУ. E-mail: koraeva1979@yandex.ru
- Амлаев Карэн Робертович**, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения ИПДО СтГМУ, главный врач МБУЗ «Городской центр медицинской профилактики» города Ставрополя. E-mail: kum672002@mail.ru
- Анфиногенова Оксана Ивановна**, кандидат биологических наук, доцент кафедры медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: okstav@mail.ru
- Белов Александр Константинович**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры Института образования и социальных наук СКФУ.
- Белова Любовь Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Института образования и социальных наук СКФУ.
- Берсей Диана Давлетовна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института СКФУ. E-mail: di.bersej2012@yandex.ru
- Бинатов Юрий Григорьевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента СтГАУ.
- Бондарь Тамара Геннадьевна**, аспирант 3 года обучения Института экономики и управления СКФУ. E-mail: Tamara.bondar@ro.ru
- Бондарь Татьяна Петровна**, доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: tatiana_bond@mail.ru
- Бродникова Марина Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ. E-mail: brodnikova.m@mail.ru
- Бударин Евгений Леонидович**, доцент кафедры дизайна Гуманитарного института СКФУ. E-mail: budarin_@mail.ru
- Василенко Виктория Валерьевна**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой культурологии и искусств Гуманитарного института СКФУ, научный эксперт научного портала Фонда имени Питирима Сорокина социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Васильев Владимир Андреевич**, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: RANGM26@yandex.ru
- Гниятуллина Гашура Гиниятулловна**, аспирант отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра российской Академии наук РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа. E-mail: lukgg@mail.ru
- Гончарова Нина Львовна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института СКФУ. E-mail: goncharova_nl@mail.ru
- Горидько Нина Павловна**, кандидат экономических наук, старший преподаватель Вятского социально-экономического института, г. Киров. E-mail: horidko@mail.ru
- Грязнова Виолетта Михайловна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института СКФУ. E-mail: violetta-sgy@mail.ru
- Гулькина Татьяна Александровна**, старший преподаватель кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: tatiana.stavr@yandex.ru
- Гусева Ирина Николаевна**, соискатель кафедры ботаники, зоологии и общей биологии Института живых систем СКФУ, преподаватель Ставропольского государственного политехнического колледжа. E-mail: irina.guseva12@mail.ru

- Дмитриева Римма Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Гуманитарного института СКФУ. E-mail: rirubin@yandex.ru
- Зафирова Василиса Баисиевна**, кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры организации здравоохранения, экономики и социальной работы СтГМУ. E-mail: kum672002@mail.ru
- Зольникова Юлия Федоровна**, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: zolnst@mail.ru
- Иванов Александр Львович**, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники, зоологии и общей биологии Института живых систем СКФУ. E-mail: ali-ivanov@mail.ru
- Калашикова Екатерина Юрьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Института экономики и управления СКФУ. E-mail: ksm231729@yandex.ru
- Калинченко Светлана Борисовна**, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории СтГАУ. E-mail: Sbkalina7@mail.ru
- Каменский Михаил Васильевич**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института СКФУ. E-mail: stavdev@mail.ru
- Карслиева Валентина Михайловна**, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического анализа Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: Ishchenko_vm@mail.ru
- Касьяненко Людмила Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Гуманитарного института СКФУ. E-mail: kls0908@mail.ru
- Кодониди Иван Панайотович**, доктор фармацевтических наук, доцент, доцент кафедры органической химии Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития, г. Пятигорск. E-mail: maxkodonidi@yahoo.com
- Козловская Наталья Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: natalya-kozlovsk@mail.ru
- Корсунова Ирина Николаевна**, аспирант кафедры русского языка Гуманитарного института СКФУ. E-mail: KlrinKa8@yandex.ru
- Краюшкин Владислав Сергеевич**, кандидат экономических наук, ведущий специалист, Северо-Кавказский Банк ОАО «Сбербанк России».
- Краюшкина Марина Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений института нефти и газа СКФУ.
- Кривенко Антон Николаевич**, аспирант ГАОУ ВПО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», г. Невинномысск.
- Кубанов Сергей Исмаилович**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: sik007@yandex.ru
- Кубанова Альбина Борисовна**, аспирант кафедры патологической анатомии с курсом судебной медицины СтГМУ.
- Курьсь Владимир Николаевич**, доктор биологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики преподавания спортивных дисциплин Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: vladimirkurys@mail.ru
- Курьсь Наталья Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российская таможенная академия, Московская область, Люберцы.
- Лазарян Сергей Степанович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран ПГЛУ, Пятигорск. E-mail: aflost@yandex.ru
- Лапшина Елизавета Владимировна**, аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета, г. Краснодар. E-mail: elizabeth_semenko@rambler.ru
- Левитина Инна Анатольевна**, ассистент кафедры уголовного права и процесса Юридического института СКФУ. E-mail: innaser20@mail.ru
- Лиховид Андрей Александрович**, доктор географических наук, профессор, директор института математики и естественных наук СКФУ.
- Лодыгин Алексей Дмитриевич**, доктор технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института живых систем СКФУ. E-mail: allodygin@yandex.ru
- Лодыгин Дмитрий Николаевич**, кандидат биологических наук, доцент кафедры прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ.

- Лохова Ирина Витальевна**, соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ. E-mail: irchik148@rambler.ru
- Лукьянов Алексей Сергеевич**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: vspikul@yandex.ru
- Майборода Юрий Николаевич**, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры ортопедической стоматологии СтГМУ. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Маловичко Сергей Иванович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского государственного областного гуманитарного института, Московская область, г. Орехово-Зуево. E-mail: sergei.malovichko@gmail.com
- Малофей Олег Павлович**, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры высшей алгебры и геометрии Института математики и естественных наук, СКФУ. E-mail: opmalofey@yandex.ru
- Манвелян Элеонора Аслибековна**, доктор фармацевтических наук, доцент, профессор кафедры медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: manveljan@rambler.ru
- Мирзоян Марине Вагановна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей алгебры и геометрии Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: vaganovna73@mail.ru
- Митрофаненко Людмила Макаровна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков для технических специальностей Гуманитарного института СКФУ.
- Морозова Ирина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Гуманитарного института СКФУ. E-mail: ira_kin@mail.ru
- Наац Виктория Игоревна**, доктор физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой математического анализа Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: VINAac@yandex.ru
- Наац Игорь Эдуардович**, доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-педагогического института СКФУ. E-mail: VINAac@yandex.ru
- Немцова Елена Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и аудит Института экономики и управления СКФУ. E-mail: nazaregor@yandex.ru
- Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук, заведующий лабораторией экономической динамики и управления инновациями, Институт проблем управления Российской академии наук, г. Москва. E-mail: bell44@rambler.ru
- Оганесян Эдуард Тонинович**, доктор фармацевтических наук, профессор, заведующий кафедрой органической химии Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития, г. Пятигорск. E-mail: edwardov@mail.ru
- Оганян Карина Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: ogany-karina@yandex.ru
- Пантюхина Татьяна Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института СКФУ. E-mail: pantyukhina@rambler.ru
- Пархоменко Владимир Валерьевич**, магистр исторических наук, аспирант кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института СКФУ. E-mail: vovag09@mail.ru
- Перепелицына Юлия Ростиславовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи Гуманитарного института СКФУ. E-mail: pur.fil@mail.ru
- Покотилова Татьяна Евгеньевна**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ. E-mail: t.pokotilova@gmail.com
- Поляков Александр Валериевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Армавирского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, директор муниципального бюджетного учреждения, центр спортивной подготовки «Альбатрос», Краснодарский край, г. Армавир. E-mail: Tushl@rambler.ru
- Пошнагиди Фотинии Федоровна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гуманитарного института СКФУ.
- Простяков Александр Андреевич**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры Института образования и социальных наук СКФУ.
- Протасова Наталья Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института СКФУ. E-mail: Natashapro@bk.ru
- Психомахова Аминат Рашидовна**, кандидат исторических наук, преподаватель истории, ГБОУ СПО Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения, г. Москва. E-mail: amina@liant.ru

- Птицын Андрей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института СКФУ. E-mail: ptiandr@rambler.ru
- Пыхтин Юрий Юрьевич**, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры факультетской хирургии с курсом урологии СтГМУ. E-mail: stavendo@mail.ru
- Ракачев Вадим Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар. E-mail: midav.sf@rambler.ru
- Роженко Ольга Дмитриевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей алгебры и геометрии Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: r.o.d@mail.ru
- Романова Нина Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ. E-mail: history_d03@mail.ru
- Рудовский Владислав Сергеевич**, аспирант 3-го года обучения кафедры биогеографии Географического факультета Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. E-mail: ornitovlad@yandex.ru
- Серебрякова Светлана Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Гуманитарного института СКФУ. E-mail: svetla.na@mail.ru
- Степанова Екатерина Викторовна**, соискатель кафедры общественного здоровья и здравоохранения СтГМУ. E-mail: kum672002@mail.ru
- Супрунчук Илья Павлович**, аспирант, ассистент кафедры экономической и социальной географии Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru
- Сыса Валерия Юрьевна**, соискатель кафедры медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: valerija-black@mail.ru
- Тельменко Елена Павловна**, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института СКФУ. E-mail: teilman@mail.ru
- Узденов Ислам Магомедович**, соискатель кафедры общественного здоровья и здравоохранения СтГМУ. E-mail: kum672002@mail.ru
- Урясьева Эльвира Валерьевна**, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры стоматологии общей практики и детской стоматологии СтГМУ. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Финашина Светлана Александровна**, ведущий специалист отдела коммерциализации результатов научно-технической деятельности управления организации научных исследований СКФУ. E-mail: s.finashina@gmail.com
- Харин Константин Викторович**, кандидат географических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой экологии и природопользования Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: k-harin79@mail.ru
- Ходус Вячеслав Петрович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Гуманитарного института СКФУ. E-mail: xodusvp@yandex.ru
- Хорее Олег Юрьевич**, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры ортопедической стоматологии СтГМУ. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Черкашина Елена Сергеевна**, соискатель Института живых систем СКФУ. E-mail: poppyfleur@list.ru
- Чернянская Анна Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической анализ и аудит Института экономики и управления СКФУ. E-mail: annamotchenko@yandex.ru
- Черняков Евгений Вадимович**, аспирант Института строительства, транспорта и машиностроения, СКФУ; член технического комитета ТК184 «Обеспечение промышленной чистоты» Ассоциации инженеров по контролю микрозагрязнений (АСИНКОМ), г. Москва. E-mail: e.cherniakov@gmail.com
- Шаповалов Владимир Александрович**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ.
- Шафранова Ольга Ивановна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ. E-mail: shafranova@yandex.ru
- Шацкая Елена Юрьевна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории менеджмента, государственного и муниципального управления Института экономики и управления СКФУ. E-mail: elena.sh.05@mail.ru
- Шевченко Алексей Павлович**, аспирант Института экономики и управления СКФУ. E-mail: aleshashevchenko@mail.ru
- Ямбулатов Эдуард Исхандарович**, аспирант кафедры инфокоммуникаций Института информационных систем и телекоммуникаций СКФУ. E-mail: kafasoiu@stv.runnet.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

- Avdeev Evgeniy Aleksandrovich**, student of the 6th course of the Department of design, documentologists of the Department of philosophy, Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: evg.avdeev@mail.ru
- Averbukh Viktor Mikhailovich**, doctor of Engineering, senior research associate, head of export control, patent and licensing work department, NCFU.
- Aibazov Rustam Umarovich**, competitor of the Department «Public health and health care» of Stavropol State Medical University. E-mail: kum672002@mail.ru
- Alikova Svetlana Viktorovna**, candidate of philological Sciences, associate Professor of the chair of foreign languages for Humanities and natural Sciences of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: kopaeva1979@yandex.ru
- Amlaev Karen Robertovich**, doctor of medical Sciences, Professor of the Department «Public health and health care» of Stavropol State Medical University, chief doctor of Municipal budgetary health care institution «City center of medical prevention» of the city of Stavropol. E-mail: kum672002@mail.ru
- Anfinogenova Oksana Ivanovna**, candidate of biological sciences, associate professor, of department of medical biochemistry, clinical laboratory diagnostics, pharmacy, Institute of living systems, NCFU. E-mail: okstav@mail.ru
- Belov Alexander Konstantinovich**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of physical culture Institute of education and social Sciences, NCFU.
- Belova Lubov Vladimirovna**, candidate of pedagogical science, associate professor of the Department Theory and Methods of Physical culture of Institute of education and social sciences NCFU.
- Bersey Diana Davletova**, candidate of juridical Sciences, associate Professor of the Department of criminal law and procedure of Juridical Institute, NCFU. E-mail: di.bersey2012@yandex.ru
- Binatov Yury Grigoryevich**, doctor of Economics, professor of chair of management of Stavropol state agrarian University.
- Bondar Tamara Gennadiyevna**, postgraduate student of the 3rd year of study of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: Tamara.bondar@ro.ru
- Bondar Tatiana Petrovna**, doctor of medicine, Professor, head of the Department of medical biochemistry, clinical laboratory diagnostics, pharmacy, Institute of living systems, NCFU. E-mail: tatiana_bond@mail.ru
- Brodnikova Marina Nikolaevna**, candidate of historical Sciences, associate Professor of Russian history, Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: brodnikova.m@mail.ru
- Budarin Evgenii Leonidovich**, Associate Professor of Department of Design, Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: hudarin@mail.ru
- Vasilenko Victoria Valerievna**, doctor of historical Sciences, Professor, head the Department of Culturology and Arts, Humanitarian Institute of NCFU, scientific expert of science society of Pitirim Sorokin sociologic department of MSU of M. Lomonosov.
- Vasiliev Vladimir Andreevich**, candidate of technical sciences, associate professor, head of chair of oil and gas fields development and operation, Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: RANGM26@yandex.ru
- Gnyyatulhna Gashura Gmyyatullova**, post-graduate student of the Department of modern history of Bashkortostan of the Institute of history, language and literature Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences, Republic of Bashkortostan, Ufa. E-mail: lukgg@mail.ru
- Goncharova Nina Lvovna**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of Romance and Germanic Linguistics and Cross-Cultural Communication of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: goncharova_nl@mail.ru
- Goridko Nina Pavlovna**, candidate of economics, the senior lecturer of Vyatka Social and Economic Institute, Kirov. E-mail: horidko@mail.ru
- Gryaznova Violetta Mikhailovna**, doctor of philological Sciences, Professor, Professor of chair of Russian language of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: violetta-sgy@mail.ru
- Gunkina Tatyana Aleksandrovna**, senior lecturer of chair of oil and gas fields development and operation, Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: tatiana.stavr@yandex.ru
- Guseva Irina Nikolaevna**, competitor of the Department of Botany, Zoology and General Biology of the Institute of Living Systems of NCFU, teacher of the Stavropol State Polytechnic College. E-mail: irina.guseva12@mail.ru
- Dmitrieva Rimma Nikolaevna**, candidate of sociology, associate Professor of the Department of foreign languages for the humanities and natural sciences of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: E-mail:rirubin@yandex.ru
- Zafirova Vasilisa Moiseevna**, candidate of medical Sciences, senior lecturer of the Department of health organization, the economy and social work of Stavropol State Medical University. E-mail: kum672002@mail.ru

- Zolnikova Julia Fedorovna**, candidate of geographical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of economic and social geography of the Institute of mathematics and natural Sciences, NCFU. E-mail: zolnst@mail.ru
- Ivanov Alexander Lvovich**, doctor of biological Sciences, Professor, head of the department of Botany, Zoology and General Biology of the Institute of Living Systems, NCFU. E-mail: ali-ivanov@mail.ru
- Kalashnikova Ekaterina Yrievna**, candidate of economic Sciences, associate Professor of Department of Finance of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: ksm231729@yandex.ru
- Kalinchenko Svetlana Borisovna**, doctor of historical Sciences, Professor of the Department of philosophy and the history of the Stavropol state agrarian University. E-mail: Shkalina7@mail.ru
- Kamensky Michael Vasilyevich**, candidate of philological Sciences, associate professor, associate professor of the department of Romance and Germanic linguistics and intercultural communication of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: stavdev@mail.ru
- Karslieva Valentina Mikhailovna**, candidate of physico-mathematical Sciences, associate Professor of mathematical analysis at the Institute of mathematics and natural Sciences, NCFU. E-mail: Ishchenko_vm@mail.ru
- Kasyanenko Ludmila Sergeevna**, candidate of philological Sciences, associate professor of the Department of foreign languages for the technical specialties of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: kls0908@mail.ru
- Kodonidi Ivan Panayotovitch**, Doctor of pharmaceutical sciences, associate professor, associate professor of Department of Organic Chemistry Piatigorsky Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of Volgograd State Medical University Health Ministry. E-mail: maxkodonidi@yahoo.com
- Kozlovskaya Natalia Vladimirovna**, candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the Department of psychology of the Institute of education and social Sciences, NCFU. E-mail: natalya-kozlovsk@mail.ru
- Korsunova Irina Nikolaevna**, postgraduate student of the Department of Russian language of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: KIrinKa8@yandex.ru
- Krayushkin Vladislav Sergeevich**, candidate of Economic Sciences, leading expert, North Caucasian Bank JSC «Sberbank of Russia».
- Krayushkina Marina Viktorovna**, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of development and exploitation of oil and gas fields of the Institute of oil and gas, NCFU.
- Krivenko Anton Nikolaevich**, postgraduate «Nevinnomyssk State Humanitarian Institute», Nevinnomyssk. E-mail: antonnnk@mail.ru
- Kubanov Sergey Ismailovich**, candidate of medical sciences, associate professor of the medical biochemistry, clinical laboratory diagnostic and pharmacy department, Institute of living systems, NCFU. E-mail: sik007@yandex.ru
- Kubanova Albina Borisovna**, graduate student of the pathological anatomy department with course of forensic medicine of Stavropol State Medical University.
- Kuris Vladimir Nikolaevich**, doctor of biological Sciences, candidate of pedagogical Sciences, Professor, Professor of chair of theory and methods of teaching of disciplines of the Institute of education and social Sciences, NCFU. E-mail: vladimirkurys@mail.ru
- Kuris Natalia Vladimirovna**, candidate of juridical Sciences, associate Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law, Russian customs Academy, Moscow region, Lyubertsy.
- Lazaryan Sergey Stepanovich**, candidate of historical science, associate professor of the Chair of the History and the Law of Russia and Foreign Countries of Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk. E-mail: aflost@yandex.ru
- Lapshina Elizaveta Vladimirovna**, graduate student of the pulpit economic, social and political geography of the Kuban State University, Krasnodar. E-mail: elizabeth_semenko@rambler.ru
- Levitina Inna Anatolievna**, assistant of the Department of criminal law and procedure of Juridical Institute, NCFU. E-mail: innaser20@mail.ru
- Likhovid Audrey Aleksandrovich**, doctor of geographical sciences, professor, director of Institute of mathematics and natural sciences of NCFU.
- Lodygin Alexey Dmitrievich**, doctor of technical sciences, associate professor, deputy director for research of the Institute of living systems, NCFU. E-mail: allodygin@yandex.ru
- Lodygin Dmitriy Nikolaevich**, candidate of biological sciences, assistant of the department of «Applied biotechnology», the Institute of living systems, NCFU.
- Lokhova Irina Vitalyevna**, competitor of the Department «History of the Ancient World and Middle Ages», «North Ossetian State University named K.L. Khetagurova», Vladikavkaz. E-mail: irchik148@rambler.ru
- Lukyanov Alexey Sergeevich**, candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of psychology of the Institute of education and social Sciences, NCFU. E-mail: vspikul@yandex.ru

- Mayboroda Yuri Nikolayevich**, candidate of medical sciences, associate professor, assistant professor of the Orthopedic Dentistry Department of Stavropol State Medical University. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Malovichko Sergey Ivanovich**, doctor of historical Sciences, Professor, Professor of chair of history of Moscow state regional University for Humanities, Moscow region, Orekhovo-Zuyevo. E-mail: sergei.malovichko@gmail.com
- Malofej Oleg Pavlovich**, candidate of technical sciences, Professor, Professor of the Department of Advanced Algebra and Geometry, Institute of Mathematics and Natural Sciences, NCFU. E-mail: opmalofey@yandex.ru
- Manveljan Eleonora Aslibekovna**, Doctor of pharmaceutical sciences, associate professor, professor of chair of medical biochemistry, clinical laboratory diagnostics and pharmacy, Institute of living systems, NCFU. E-mail: manveljan@rambler.ru
- Mirzojan Marine Vaganovna**, candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Algebra and Geometry, Institute of Mathematics and Natural Sciences, NCFU. E-mail: vaganovna73@mail.ru
- Mitrofanenko Lyudmila Makarovna**, candidate of philological Sciences, associate Professor, head of the Department of foreign languages for the technical specialties of the Humanitarian Institute of NCFU.
- Morozova Irina Nikolaevna**, candidate of philological Sciences, associate professor of the Department of foreign languages for the technical specialties of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: ira_kin@mail.ru
- Naath Viktoria Igorevna**, doctor of physical-mathematical Sciences, associate Professor, head of mathematical analysis Department of the Institute of mathematics and natural Sciences of NCFU. E-mail: VINaac@yandex.ru
- Naath Igor Eduardovich**, doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, leading research worker of the scientific-pedagogical Institute of NCFU. E-mail: VINaac@yandex.ru
- Nemtsova Elena Sergeevna**, candidate of economic Sciences, associate Professor of the chair of economic analysis and audit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: nazaregor@yandex.ru
- Nizhegorodtsev Robert Mikhailovich**, doctor of economics, the chief of laboratory of economic dynamics and control for innovations in the Institute for Control Studies RAS, Moscow. E-mail: hell44@rambler.ru
- Oganesyan Edward Tonikovich**, doctor of pharmaceutical sciences, professor, head of the Department of Organic Chemistry Piatigorsky Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of Volgograd State Medical University Health Ministry, Piatigorsk. E-mail: edwardov@mail.ru
- Oganyan Karina Mihaylovna**, candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of psychology of the Institute of education and social Sciences, NCFU. E-mail: ogany-karina@yandex.ru
- Pantukhina Tatiana Victorovna**, candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of archaeology and General history Institute of the Humanities, NCFU. E-mail: pantukhina@rambler.ru
- Parkhomenko Vladimir Valeryevich**, master of historical sciences, graduate student of the Department of Culturology and Arts, Institute of the Humanities, NCFU. E-mail: vovar09@mail.ru
- Perepelitsyna Julia Rostislavovna**, candidate of Sciences philology, associate Professor of Department of culture of Russian speech of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: pur.fil@mail.ru
- Pokotilova Tatyana Evgenyevna**, Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the department of History of Russia of Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: t.pokotilova@gmail.com
- Polyakov Alexander Valerievich**, candidate of political Sciences, associate Professor, associate Professor of Civil Law and Procedure Department at Armavir Institute of Social Education, the branch of Russian State Social University, Director of the municipal budget institution, sports training center «Albatros», Krasnodar Region, Armavir. E-mail: Tush1@rambler.ru
- Poshnagidi Fotini Fedorovna**, candidate of philosophical Sciences, associates Professor, associate Professor of the Department of philosophy of Humanitarian Institute, NCFU.
- Prostyakov Alexander Alexandrovich**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of physical culture Institute of education and social Sciences, NCFU.
- Protasova Natalia Vladimirovna**, candidate of philological Sciences, associate Professor of Department of native (Russian) and world literature of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: Natashapro@bk.ru
- Psychomachova Aminat Rashidovna**, candidate of historical Sciences, teacher of history, GBOU SPO Medical College № 4 of Department of health care, Moscow. E-mail: amina@lianet.ru
- Ptiitsyn Andrej Nikolajevich**, candidate of historical sciences, associate professor of a chair of archeology and world history of Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: ptiandr@rambler.ru
- Pykhtin Yury Yuryevich**, candidate of medical sciences, assistant to the faculty surgery department with urology course of Stavropol State Medical University. E-mail: stavendo@mail.ru
- Rakachev Vadim Nikolaevich**, candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of the Kuban state University, Krasnodar. E-mail: midav.sf@rambler.ru
- Rozhenko Olga Dmitrievna**, candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Algebra and Geometry, Institute of Mathematics and Natural Sciences, NCFU. E-mail: r.o.d@mail.ru

- Romanova Nina Vasilievna**, candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of Russian history of Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: history_d03@mail.ru
- Rudovskiy Vladislav Sergeevich**, 3^d year PHD student Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, department of biogeography, Moscow. E-mail: ornitovlad@yandex.ru
- Serebriakova Svetlana Vasilievna**, doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Theory and Practice of Translation of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: svetla.na@mail.ru
- Stepanova Ekaterina Viktorovna**, competitor of the Department «Public health and health care» of Stavropol State Medical University. E-mail: kum672002@mail.ru
- Suprunchuk Ilya Pavlovich**, postgraduate student, assistant department of economic and social geography of the Institute of mathematics and natural Sciences, NCFU. E-mail: ilia_suprunchuk@mail.ru
- Sysa Valeria Yryevna**, applicant of chair of medical biochemistry, clinical laboratory diagnostics and pharmacy, Institute of living systems, NCFU. E-mail: valerija-black@mail.ru
- Telmenko Elena Pavlovna**, candidate of historical Sciences, associate Professor, doctoral candidate of the Department of archaeology and General history of Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: teilman@mail.ru
- Uzdenov Islam Magometovich**, competitor of the Department «Public health and health care» of Stavropol State Medical University. E-mail: kum672002@mail.ru
- Uryasieva Elvira Valerievna**, candidate of medical sciences, associate professor, assistant professor of the Department of General Practice Dentistry and Pediatric Dentistry of Stavropol State Medical University. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Finashina Svetlana Aleksandrovna**, lead specialist of Department of commercialization of results scientific and technological activities of Division of management of scientific researches of NCFU. E-mail: s.finashina@gmail.com
- Kharin Konstantin Viktorovich**, candidate of geographical science, associate Professor, acting head the Department of ecology and nature management, Institute of mathematics and natural Sciences, NCFU. E-mail: k-harin79@mail.ru
- Khodus Viacheslav Petrovich**, doctor of Philology, head of chair of Russian language of the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: xodusvp@yandex.ru
- Khorev Oleg Yurievich**, candidate of medical sciences, associate professor, assistant professor of the Orthopedic Dentistry Department of Stavropol State Medical University. E-mail: ksdstav@rambler.ru
- Cherkashina Elena Sergeevna**, competitor, Institute of living systems, NCFU. E-mail: poppyfleur@list.ru
- Chernyavskaya Anna Viktorovna**, candidate of economic Sciences, associate Professor of the chair of economic analysis and audit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: annamotchenko@yandex.ru
- Cherniakov Evgeny Vadimovich**, post-graduate student of the Institute of construction, transport and machine engineering, NCFU; a full member of the Technical Committee TC 184 «Industrial Cleanliness», Association of Engineers for Microcontamination Control (ASENMCO), Moscow. E-mail: e.cherniakov@gmail.com
- Shapovalov Vladimir Alexandrovich**, doctor of sciences in Sociology, professor, professor of Russian history department of Humanitarian Institute, NCFU.
- Shafranova Olga Ivanovna**, candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of Russian history of Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: shafranova@yandex.ru
- Shatskaya Elena Yurievna**, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of Department of theory of management, state and municipal management of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: elena.sh.05@mail.ru
- Shevchenko Aleksey Pavlovich**, post-graduate student of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: aleshashevchenko@mail.ru
- Yambulov Eduard Iskandarovich**, postgraduate student of Chair Infocommunications, Institute of information systems and telecommunications, NCFU. E-mail: kafasoiu@stv.runnet.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Авторские оригиналы статей принимаются к рассмотрению только при условии соответствия требованиям к оформлению и сдаче рукописей в редакцию журнала «Вестник Северо-Кавказского федерального университета», размещенным на сайте университета в разделе «Научные издания» и в текущих номерах журнала. Авторские статьи, оформленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Статья регистрируется редакцией в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, ФИО автора/авторов, места работы автора/авторов. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Главный редактор (заместитель) определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование. Авторские статьи не по профилю не возвращаются автору, автор уведомляется о несоответствии статьи профилю журнала.

В качестве рецензентов выступают члены редколлегии и внешние рецензенты – ученые и специалисты в данной области (доктора, кандидаты наук). Представленная авторская статья передается на рецензирование членам редколлегии журнала, курирующим соответствующую отрасль науки. При отсутствии члена редколлегии или поступлении статьи от члена редакционной коллегии главный редактор направляет статью для рецензирования внешним рецензентам.

Рецензент должен в течение 30 календарных дней с момента получения рассмотреть и направить в редакцию авторскую статью или мотивированный отказ от рецензирования.

Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей, носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Рецензия с указанием автора рецензии может быть предоставлена по запросу экспертных советов в ВАК Минобрнауки России.

Рецензия должна содержать:

- общий анализ научного уровня, терминологии, структуры рукописи, актуальности темы;
- оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия содержания статьи её названию, требованиям к оформлению;
- анализ научности изложения материала, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики.

Рецензент может рекомендовать статью сразу к опубликованию; после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, то в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Рецензент вправе указать на необходимость внесения дополнений и уточнений в рукопись, которая затем направляется (через редакцию журнала) автору на доработку. В этом случае датой поступления рукописи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Переработанная автором статья направляется на рецензирование повторно.

После поступления рецензии в редакцию на очередном заседании редакционной коллегии рассматривается вопрос о поступивших рецензиях и принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей (оформляется протоколом). На основе принятого решения автору/авторам направляется письмо от имени главного редактора, в котором сообщается о допуске статьи к публикации с указанием сроков публикации. Авторам, которым отказано в публикации рукописей, направляется мотивированный отказ.

В случае несогласия автора с мнением рецензента рукопись по согласованию с редколлегией может быть направлена на повторное (дополнительное) рецензирование.

Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Оригиналы рецензий подлежат хранению в редакции журнала в течение 3 лет.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ И СДАЧЕ РУКОПИСЕЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

Редакция журнала сотрудничает с авторами – преподавателями вузов, научными работниками, аспирантами, докторантами и соискателями ученых степеней. Журнал публикует материалы в разделах:

Физика и математика, Информационные технологии и телекоммуникации, Науки о Земле, Строительство, промышленность, транспорт, Биология, биотехнологии и медицина, Электроэнергетика, электроника, нанотехнологии, История и философия, Социология и политология, Филология, культурология и журналистика, Педагогика и психология, Право, Экономика, Химия и фармация.

Материалы в редакцию журнала принимаются в соответствии с требованиями к оформлению и сдаче рукописей постоянно и публикуются после обязательного внутреннего рецензирования и решения редакционной коллегии в порядке очередности поступления с учётом рубрикации номера.

Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации:

В печатном варианте:

– **Отпечатанный экземпляр рукописи.**

Объем статьи: 6–10 страниц. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ 1, 25 см. Необходимо различать в тексте дефис (-) (например, черно-белый, бизнес-план) и тире (–) (Alt + 0150). Не допускаются ручные переносы и двойные пробелы.

– **Сведения об авторе (на русском и английском языках).**

Сведения должны включать следующую информацию: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место и адрес работы, адрес электронной почты и телефоны для связи.

На электронном носителе в отдельных файлах (CD-DVD диск или флеш-карта):

– **Электронный вариант рукописи создается с расширением *.doc или *.rtf в текстовом редакторе Word программы Microsoft Office 2003 (название файла: «Фамилия_И.О._статья»);**

– **Сведения об авторе (название файла: «ФИО_сведения об авторе»).**

Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей). Подписывается научным руководителем собственноручно.

Рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень. Подпись рецензента должна быть заверена соответствующей кадровой структурой.

Экспертное заключение (для технических наук). Во всех институтах созданы экспортные комиссии, которые подписывают экспертные заключения о возможности опубликования статьи в открытой печати.

Статья должна содержать следующие элементы оформления:

а) индекс УДК;

б) фамилию, имя, отчество автора (авторов) (имя и отчество полностью);

в) название;

г) место работы автора (авторов) (в скобках в именительном падеже);

д) краткую аннотацию содержания статьи (3–4 строчки, не должны повторять название);

е) список ключевых слов или словосочетаний (5–7 слов);

Пункты б), в), г), д), е) **обязательно** должны быть переведены на английский язык.

Оформление рисунков, формул и таблиц:

Рисунки и таблицы вставляются в тексте в нужное место. Ссылки в тексте на таблицы и рисунки обязательны. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

Оформление рисунков (схем, графиков, диаграмм):

а) все надписи на рисунках должны читаться;

б) рисунки должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати (рекомендуется использовать в качестве заливки различные виды штриховки и узоров, в графиках различные виды линий – пунктирные, сплошные и т. д., разное оформление точек, по которым строится график – кружочки, квадраты, ромбы, треугольники); цветные и полутоновые рисунки исключаются;

в) для повышения качества рисунка следует их сохранять отдельным графическим файлом (GIF, JPEG, TIFF) с разрешением не менее 300 dpi. Схемы, рисунки и другие графические элементы,

выполненные с помощью графических возможностей MS Word, должны быть сгруппированы, их ширина не должна превосходить 16 см.

д) **рисунки** нумеруются снизу (Рисунок 1. Название) названия выполняются в графическом редакторе 10 кеглем;

Оформление формул: формулы и математические символы (символы греческого алфавита и др.) выполняются в редакторе формул **MathType** (желательно версии 6 и выше); 12 кегль, выравниваются по правому краю; большие формулы желательно разбивать на отдельные фрагменты, которые по возможности должны быть независимыми.

Оформление таблиц: таблицы должны иметь название. **Таблицы** нумеруются в верхнем правом углу (Таблица 1), на следующей строке по центру выставляется название; выполняются 14 кеглем. Создавать таблицы желательно на странице вертикально, чтобы они не выходили за поля.

Оформление ссылок. Ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием в них номера из списка литературы и номера страницы. Например: [1], [2–4], [5, с. 12–15].

Каждая ссылка должна соответствовать одному источнику литературы, это объясняется требованиями РИНЦ (eLIBRARY).

Не допускается использование ссылок типа (Указ. соч.), (Там же), (Ibid.). Вместо них должны быть указаны конкретные ссылки. Например: [8, с. 10–17].

Библиографический список. Размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008).

Авторское визирование:

а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы;

б) автор на последней странице пишет: «Объем статьи составляет ... (указать количество страниц)», ставит дату и подпись.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно при предъявлении официальной справки.

Научное издание

**ВЕСТНИК
Северо-Кавказского федерального университета**

2014. № 3(42)

Вестник СКФУ: научный журнал / гл. ред. В. Н. Парахина. – 2014. – № 3(42). – 355 с.

Редакторы, технические редакторы Л. Г. Ерицян, Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Формат 60x84 1/8 Бумага офсетная	Подписано к печати 09.06.2014 Усл. п. л. 41,27 Заказ 133	Уч.-изд. л. 38,92 Тираж 1050 экз.
-------------------------------------	--	--------------------------------------

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.